

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОРДЕН
РОССИЙСКИХ
ТАМПЛИЕРОВ

II

Документы 1930—1944 гг.

Публикация, вступительные статьи,
комментарии, указатель

А.Л.НИКИТИНА

Москва
МИНУВШЕЕ
2003

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (Выпуск 1-й)

ББК 86.4
ББК 63.3(2)615-4

М 65
Н 62

Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930–1944 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л.Никитина. М., «Минувшее», 2003 г. — 376 стр. с илл. (Мистические общества и ордена в советской России. Вып. 1-й.)

Второй том 1-го выпуска серии «Мистические общества и ордена в советской России» содержит основные документы истории гибели Ордена российских тамплиеров в 1930–1940 гг. Здесь представлены материалы следствия по делу «Ордена Света» (1930 г.), связанного с ним дела Л.В.Кафка и Э.С.Зеликовича (1931 г.), дела Б.М. и Е.В. Власенко (1934–1935 гг.), послужившего поводом для второго ареста А.В.Уйттенховена (1935 г.), обширный комплекс документов по делу «Всероссийского альянса анархистов» (1936–1938 гг.), за которым последовали аресты в среде востоковедов и геофизиков (Ф.Б.Ростопчин, Ю.К.Шуцкий, А.А.Синягин) (1937–1938 гг.), и подводятся итоги дело Д.С.Недовича (1944–1945 гг.). Публикуются биографические справки о подследственных, их фотографии, сопровождающие материалы и воспоминания участников дела «Ордена Света».

Издание рассчитано на историков, философов, культурологов, религиоведов и всех тех, кто интересуется тайной историей советской России.

ISBN 5-902073-10-3
ISBN 5-902073-11-1

© Публикация, статьи, комментарии, указатель — Никитин А.Л., 2003 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хронологические границы документов, представленных во втором томе материалов истории Ордена тамплиеров в советской России, совпадают с периодом жесточайших репрессий, развязанных коммунистами против всех инакомыслящих в 30-е годы, с разорением российской деревни, уничтожением интеллигенции и крестьянства и перерождением общества в целом, когда инструментом выживания становятся политические доносы на родных, товарищей, соседей, сослуживцев, односельчан и одноклассников. Соответственно, если в предшествующее десятилетие большая часть арестованных рассматривалась следственными органами ОГПУ как «штучный товар», пусть даже представленный группой из нескольких индивидуумов, то теперь любое следствие оказывается только отдельным звеном множества пересекающихся и взаимозавязанных нитей и цепочек, бесконечно длящихся во времени за счет имен ближайшего окружения, адресов и телефонов, изымаемых при обысках записных книжек, частной переписки и пр.

Это время «сексотов» — осведомителей, секретных сотрудников ОГПУ-НКВД, вольных и подневольных оговорщиков своих близких, порою игроков, ставящих свою карьеру и свою благополучие в зависимости от успеха «сотрудничества», которое весьма часто приводило такого сотрудника туда же, куда до этого он отправлял свои жертвы...

Первым и главным в ряду представленных здесь материалов по истории Ордена тамплиеров является дело московского «Ордена Света», по замыслу А.А.Карелина объединявшего людей искусства, а потому практически сразу отошедшего как от анархизма, так и от анархо-мистицизма, сосредоточив все внимание своих членов на вопросах мистического познания мира и человека в решения задач, встающих перед воплотившейся монадой. Именно поэтому следствие по делу «Ордена Света», как мы увидим, вынудило органы ОГПУ представить в лице его участников весь спектр течений, охваченный карелинским Орденом — от безусловных мистиков до политических анархистов-коммунистов, чтобы превратить его в процесс политических организаций. Таким образом, дело «Ордена Света» обозначило рубеж, далее которого коммунистическая диктатура отказывалась входить в рассмотрение сути разногласий с ее политикой, огульно зачисляя всех несогласных в лагерь контрреволюционеров, террористов, активных врагов советского строя, хотя по большей части речь шла только о самовоспитании и самопознании человека.

Перелом в отношениях между властью и, скажем, обычной духовной оппозиционностью русской интеллигенции усугубился, с одной стороны, острейшей необходимостью для власти сократить насколько возможно свободное население страны, переведя многомиллионные массы населения в разряд практически бесплатной и бесправной рабской силы для перестройки экономики, а с другой — вызванной этими же процессами невиданной миграции бесправных и полуправных масс населения, кочующих из края в край, из одного места отбытия наказания в другое безо всякой надежды на работу, жилище, возможность осесть, заняться делом, завести семью и так далее. Эта масса полусвободных, относительно молодых людей, вместе с огромным контингентом ссыльных, заселивших к середине 30-х гг. практически всю Россию и, в особенности, ее Север и Сибирь, самим своим бесправием и бесприютностью была приведена в брожение и требовала от властей если не уничтоже-

ния ее, то концентрации и изоляции. На это и были направлены усилия НКВД-НКГБ после убийства С.М.Кирова и принятия знаменитого указа от 01.12.34 г., позволявшего Военной Коллегии Верховного Суда СССР (позднее – Тройкам) за 12-15 минут «судебного заседания» приговаривать заранее осужденного к высшей мере наказания (ВМН; для оповещения родственников употреблялась формула «10 лет лагерей без права переписки») с немедленным приведением приговора в исполнение после его оглашения.

На эту машину подавления и уничтожения работали не только соответствующие органы НКВД, НКГБ, Прокуратуры и пр. Деятельной и во многом определяющей частью этого чудовищного по своим задачам и масштабам механизма, созданного коммунистическим режимом, стали сами жертвы этой системы, искавшие спасение в сотрудничестве с нею, тем самым способствуя зарождению гигантских, расплывшихся по телу страны раковыми метастазами фантастических дел о мнимых заговорах, «альянсах», подготовке восстаний и так далее.

Если дело «Ордена Света» в известной степени является итогом проделанной за предшествующие годы работы по подавлению анархо-мистицизма и духовного тамплиерства, естественным добавлением к чему служит дело Кафка и Зеликовича 1931 г., то уже следующее за ними дело Б.М. и Е.В.Власенко и порожденное им (повторное) дело А.В.Уйтгенховена становится своего рода прологом к последующим событиям, воплотившимся для тамплиеров и анархо-мистиков в дело «Всероссийского альянса анархистов». Здесь реальные факты оказываются перемешаны с фантазиями как самих анархистов, так и старательно разыгрывающих эти версии провокаторов, которых органы НКГБ извлекают из лагерей, нанимают из числа студентов, привлекают из среды, казалось бы, самой респектабельной московской профессуры с безукоризненным дворянским и научным прошлым...

При этом надо помнить, что публикуемые в этом томе документы по делу «Альянса» являют собой даже не «айсберг», поднимающийся над поверхностью бушующего моря, как может показаться на первый взгляд, а всего только наиболее яркие отблески его бесчисленных граней, которые мне удалось зафиксировать во время своих поисков, чтобы выбрать из них лишь те, с помощью которых будущий исследователь сможет хотя бы в общих чертах оценить его действительный размер и содержание. И сравнивать его вернее не с айсбергом, а с раскаленным идолом Молоха, в чреве которого ежеминутно исчезали все новые и новые жертвы, виновные только в том, что имели неосторожность быть знакомы между собой да изредка при встрече обсуждать вопросы мироздания, пневматологии и гносеологии человека, обладающего, по их мнению, не только телом, но еще и бессмертной душой.

Так, кроме анархистов и анархо-мистиков, в этот мифический «Альянс» оказались вовлечены и просто мистики, вроде ираниста Ф.Б.Ростопчина, метеоролога А.А.Синягина, сиолога Ю.К.Щуцкого, а следом за ними – вереницы других людей, представлявших тогда лучшую, блистательную поросль нашей отечественной науки...

Закончить обзор материалов этого печального периода в истории российского Ордена тамплиеров делом Д.С.Недовича я решил не только потому, что он оказался одним из первых тамплиеров, вступивших в Орден по указанию органов и для предания его в руки органов НКГБ. В его следственном деле, – деле саморазоблачившегося секретного сотрудника, в какой-то мере типичном для того времени, мы попадаем в фантазмагорический мир «сексотов», встречающихся друг с другом, обманывающих друг друга, доносящих друг на друга, клеветующих одинаково на честных людей и друг на друга, и в то же время изредка пытающихся уверить себя и окружающих, что они – «благородные разбойники», работающие для спасения близких, для предупреждения ненужных жертв... Но когда дело доходит до них самих, все это оказывается словами, и шаг за шагом сопоставляя документы, можно читать горестную повесть гибнущих в их сетях людей, в том числе и последних тамплиеров, «рериховцев», и тут же видеть тенета, приготовленные для уже названных жертв, которые сработают даже тогда, когда не будет в живых расставивших их охотников...

Соответственно, в этот зловещий период меняются и методы следствия, и сами следственные материалы, которые по большей части заполняются следователем не в момент допроса, а какое-то время спустя и под тем углом зрения, который ему нужен. Как это известно из сохранившихся жалоб потерпевших, следователь или прямо вписывал то, что он хотел, или на основании ранее сделанных записей составлял некоторую компиляцию, обильно наполняя ее «признаниями» подследственного в его «контрреволюционной деятельности» и участии «в антисоветской, террористической организации». Одним из характерных примеров такой тенденциозной обработки текста может служить «протокол допроса», созданный следователем на основе чистосердечного рассказа Ф.Б.Ростопчина столь виртуозно, что этот «протокол» обеспечил его подследственному на заседании Военной Коллегии ВС СССР уже через 10 минут ВМН, тут же приведенную в исполнение.

Подобное обстоятельство, обесценивающее содержание таких «протоколов допросов» середины 30-х гг., равно как информационная ложь и пустота их многостраничных объемов, заставили в данном случае использовать жесткий принцип отбора публикуемых документов, которые, с одной стороны, содержали бы максимум достоверной информации именно об Ордене тамплиеров и его членах, а с другой — обнаруживали бы связь с другими следственными документами и делами, позволяя сравнивать показания подследственных, в какой-то мере их проверять, а в целом — воссоздавать с наибольшей вероятностью картину происходившего.

Тексты публикуются в соответствии с принципами, изложенными в 1-м томе настоящего издания: сведения формуляра протокола вынесены в биографическую справку; формы старой орфографии, ошибки и описки исправляются без специальных оговорок; в прямых скобках [...] в текст внесены пропущенные или необходимые по смыслу слова и указываются листы и номер архивно-следственного дела.

А.Л.Никитин

ДЕЛО «ОРДЕНА СВЕТА»

После арестов летом 1930 г. сначала в Москве, затем в Нижнем Новгороде, на Северном Кавказе, в Свердловске и в Ростове-на-Дону, ОГПУ провело массовую акцию в Москве, в ходе которой в ночь с 11 на 12 сентября и в последующие дни были проведены аресты по делу «Ордена Света» — одной из филиаций Ордена тамплиеров. Зная содержание показаний арестованных перед этим членов Библиографического кружка Музея П.А.Кропоткина в Москве, А.С.Пастухова, Е.Г.Самарской, О.С.Паховой и Г.А.Любицкого, а равным образом членов «Ордена Духа» в Нижнем Новгороде и фигурантов по «сочинскому делу», представленных в первом томе, можно было предположить, что на этот раз арестами будет охвачена вся руководящая часть Ордена тамплиеров или группа людей, хорошо знакомых друг с другом и тесно связанных по орденской работе. Однако, если обратиться к материалам архивно-следственного «Дела Ордена Света», хранящемся в Центральном архиве ФСБ РФ под номером Р-33312 (прежние — 103514, 499556) в девяти томах, картина окажется более сложной и не всегда понятной. И не только потому, что в глаза бросается неполнота сохранившихся протоколов и документов.

Попробуем в этом разобраться.

В настоящее время документы следствия расположены в следующем порядке: т. 1 — справка по делу; т. 2 — обвинительное заключение и решение; т. 3 — показания Е.Г.Адамовой, А.В.Андреева, Г.И.Аносова, Г.К.Аскарова, Д.А.Бема, Н.К.Богомолова, Е.К.Бренева, Н.В.Бормотова (копия); т. 4 — показания Н.В.Водовозова, Ф.Ф.Гиршфельда, Г.(Ю.)А.Завадского, Г.Д.Ильина, П.А.Корнилова, П.Е.Королькова, Н.М.Лободы (копия); т. 5 — показания Н.А.Ладыженского (копии и подлинники), Н.А.Леонтьевой, К.И.Леонтьева, В.Н.Любимовой, Н.А.Никитиной, В.Р.Никитиной и Л.А.Никитина, а также материалы реабилитационного пересмотра дел двух последних в 1962—1963 гг.; т. 6 — показания А.С.Поля, Е.А.Поль, И.В.Покровской, Н.И.Проферансова; т. 7 — показания И.Е.Рытавцева, Н.Н.Русова, Е.Н.Смирнова, В.И.Сно, А.И.Смоленцевой, А.А.Солоновича, а также материалы, связанные с пересмотром дела последнего, возбужденного в 1974 г. его сыном, С.А.Солоновичем; т. 8 — показания А.В.Уйттенховена, И.Н.Уйттенховен, В.Ф.Шишко и Я.Т.Чаги (копии); т. 9 — свидетельские показания, отчеты исполнителей арестов и обысков, разная служебная переписка.

Непосредственно разработку дела и допросы арестованных вела бригада из трех работников Секретного отдела ОГПУ — помощника начальника 1-го отделения СО ОГПУ Э.Р.Кирре, уполномоченного 1-го отделения В.М.Сазонова и помощника уполномоченного 1-го отделения СО ОГПУ А.Н.Кузнецова. Между ними подследственные были распределены следующим образом: у Кирре — Богомоллов Н.К., Любимов В.Н., Никитина В.Р., Поль А.С., Поль Е.А., Смоленцева А.И., Солонович А.А., Уйттенховен И.Н.; у Сазонова — Адамова Е.Г., Андреев А.В., Аскар Г.К., Бем Д.А., Бренев Е.К., Гиршфельд Ф.Ф., Завадский Ю.А., Корнилов П.А., Корольков П.Е., Леонтьев К.И., Леонтьева Н.А., Никитин Л.А., Рытавцев И.Е., Русов Н.Н., Уйттенховен А.В., Шишко В.Ф.; у Кузнецова — Аносов Г.И., Водовозов Н.В., Ильин Г.Д., Никитина Н.А., Покровская И.В., Смирнов Е.Н. Впрочем, такое разделение было не абсолютным, поскольку Кирре присутствовал на допросах у своих помощников и в ряде случаев сам допрашивал их подследственных. Им же составлено и обвинительное заключение.

В заседании (судебном) Коллегии ОГПУ 13 января 1931 г. участвовали: С.А.Мессинг (председатель), Г.И.Бокий и Кауль (члены Коллегии), Буланов (секретарь) и Р.П.Катанян (прокурор при ОГПУ).

Как следует из имеющейся в деле справки, свой настоящий вид этот комплекс документов получил только в 1936 г., т.е. спустя шесть лет после окончания следствия, когда приводили в порядок архивы бывшего ОГПУ и по старым делам возбуждали новые. При этом какие-то документы могли быть уничтожены, а другие взяты в состав новых комплексов. Последнее обстоятельство позволяет объяснить современную пагинацию листов, не совпадающую с прежней и указывающую на сокращение общего объема фонда, в ряде случаев — на явную фрагментарность материалов, а то и просто на их отсутствие. Так, из дела оказались изъяты (кроме двух, не содержащих сколько-нибудь серьезной информации) протоколы допросов и показания Н.В.Водовозова, содержание которых для следствия, как можно понять из обвинительного заключения, было столь же важно, как и подробные, развернутые показания Ф.Ф.Гиршфельда, А.С.Поля и В.Ф.Шишко; так на полуслове обрывается один из протоколов допроса Г.И.Аносова, причем потеряна, как можно понять, наиболее существенная часть его показаний; и полностью отсутствуют какие-либо свидетельства привлечения к делу Г.Е.Ивакинской¹ и А.Ф.Евстратовой, важность показаний которых специально подчеркнута в ряде пунктов обвинительного заключения по делу «Ордена Света».

Причины подобных утрат, как правило, не составляет загадки для исследователя, если ему известна практика работы ОГПУ, когда, если привлеченный к дознанию человек на первом же допросе выражает готовность к сотрудничеству с органами ОГПУ и дает в этом подписку, тем самым переходя в разряд «сексотов», т.е. секретных сотрудников, все его показания изымаются из следственных материалов и откладываются в его личное дело вместе с поощрениями, характеристиками и т.п. документами. Такое сотрудничество оставалось тайной для самого ближайшего окружения этого человека, который, регулярно поставляя ту или иную необходимую органам информацию о своих знакомых, только в крайнем случае использовался для проведения очной ставки с кем-либо из арестованных. Если же согласие к такому сотрудничеству, причем не сразу, давал человек уже арестованный, он проверялся как откровенностью своих показаний по делу, так и сообщением сведений о настроениях, разговорах и поведении своих сокамерников, что можно заметить по ряду имеющихся в деле показаний. И в таком случае сохранение тайны его нового статуса требовало его содержания под стражей до конца следствия, а порою и прохождения того или иного срока наказания, правда смягченного и отбываемого, как правило, в привилегированных, по сравнению с остальными, условиях.

Поэтому подлинная загадка дела «Ордена Света» заключена в персональном составе арестованных, среди которых (за исключением случайных лиц, задержанных засадами на квартирах, как, например, П.А.Корнилов, Г.К.Аскарлов, А.В.Андреев) оказываются люди не только разных устремлений и политической ориентации, но, что самое интересное, не встречавшие никогда друг друга и не подозревавшие о своей причастности «Ордену Света». Так, можно думать, что до своего ареста непосредственных контактов с «Орденом Света» не имели анархисты А.И.Смоленцева, И.Е.Рытавцев и Г.Д.Ильин, точно так же как в работе его кружков, даже будучи анархо-мистиками, не принимали В.Н.Любимова, Г.И.Аносов, А.В.Уйттенховен и И.Н.Уйттенховен-Иловойская, Н.К.Богомолов, Е.К.Бренев и Д.А.Бем. Что касается пианистки И.В.Покровской, вообще не имевшей никакого отношения ни к анархистам, ни к анархо-мистикам или тамплиерам, то ее арест объясняется исключительно тесными дружескими связями с семьей Никитиных и постоянными, чуть ли не ежедневными посещениями их квартиры на Арбате, где стоял ее рояль.

Не менее любопытно и другое: проследивая хронологию событий, можно видеть, что СО ОГПУ, обладая именами и адресами людей, подлежащими аресту, в то же время не был достаточно информирован о месте их действительного нахождения. Так, для ОГПУ оказалось полной неожиданностью, что Л.А. и В.Р. Никитины

еще в апреле 1930 г., т.е. за полгода до ареста, уехали из Москвы в Ереван, что А.С. и Е.А. Поль жили в это время на даче в Переделкино под Москвой, и т.д.

Таким образом, из арестованных в сентябре 1930 г. собственно рыцарями «Ордена Света» оказываются только Н.В.Водозовов (?), Ф.Ф.Гиршфельд, давно от него отошедший, Ю.А.Завадский, П.Е.Корольков, К.И. и Н.А. Леонтьевы, В.Р., Л.А. и Н.А. Никитины, А.С. и Е.А. Поль, Е.Н.Смирнов и В.Ф.Шишко — люди, действительно хорошо знавшие друг друга, связанные общими интересами и работой в области театрального, изобразительного и музыкального искусства. В то же время (и это следует подчеркнуть), считая себя принадлежащими к Ордену тамплиеров, эти люди по своим взглядам и убеждениям оказываются весьма далеки не только от политики вообще, но и от того анархо-мистицизма, который проводили такие сподвижники А.А.Карелина, как А.А.Солонович, Н.К.Богомолов, по-видимому, Д.А.Бем и др. В этом плане не всегда понятна позиция ОГПУ, ограничившегося привлечением к следствию представителей «низовой организации», в то время как (за исключением Ю.А.Завадского) в стороне остались такие тамплиеры высоких степеней, принимавшие участие в посвящении членов «Ордена Света», как П.А.Аренский и В.С.Смышляев, имена которых постоянно всплывают в показаниях подследственных.

Похоже, именно с этого факта и следует начинать разбираться в загадках, связанных как с самим «Орденом Света», так и с теми людьми, показаниями которых он представлен в следственных материалах.

Изучая показания арестованных, можно заметить, что все они, рассказывая о своем вступлении в орден и принятии посвящения, прямо или косвенно указывают на причастность к этому Л.А.Никитина, тем самым создавая впечатление, что само возникновение «Ордена Света», «Храма Искусств» и «Братства Милосердия» связано именно с его организационной деятельностью, направляемой П.А.Аренским, Ю.А.Завадским, В.А.Завадской и В.С.Смышляевым, входивших в собственно Орден тамплиеров. Правда, при более внимательном чтении непосредственными посвященными оказываются именно эти лица, при которых сам Никитин выступает только одним из рассказчиков легенд.

Действительно, можно заметить, что в перечне тамплиеров высоких степеней, названных М.И.Сизовым² в своих показаниях уполномоченному 3-го отдела ОО ОГПУ Карташеву 23.04.33 г. (А.А.Солонович, Д.А.Бем, Н.К.Богомолов, Н.И.Проферансов, Б.М.Власенко, А.О.Солонович, Ю.А.Завадский, В.М.Комаревский, В.А.Краснокутский, Н.Н.Нотгафт, В.В.Губерт-Поспелова) [ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 66об-67], который 26.04.33 г. был им пополнен именами М.А.Чехова, П.А.Аренского и В.С.Смышляева («7-я или 8-я степень в Ордене»), отсутствует имя Л.А.Никитина. Последнее может означать, что даже если свое тамплиерское посвящение последний получил от самого А.А.Карелина до 1923–1924 гг., когда начиналось формирование рыцарских кружков «Ордена Света», оно произошло значительно позже, чем посвящение перечисленных тамплиеров, поддерживавших его орденские начинания. В целом же, как показывал М.И.Сизов, *«эта группа тамплиеров (Завадский, Чехов, Аренский, Смышляев. — А.Н.), работавшая в театральном мире, должна была влиять на работу в области театрального искусства в смысле проведения мистических элементов учения Ордена на советскую сцену. Это рассматривалось как «работа меча» для этой группы тамплиеров, также как и создание организации анархо-мистиков была «работой меча» для другой группы тамплиеров»* [ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 80].

Выяснив иерархичность степеней посвящения для этой группы (Завадский и Чехов старше Аренского и Смышляева, а те, в свою очередь, старше Никитина), можно попытаться определить существовавшие между ними организационные связи, исходя из того, что Никитина с Аренским и Смышляевым связывали не только рабочие, но и чисто дружеские отношения³, тогда как с М.А.Чеховым и Ю.А.Завадским — отношения давнего знакомства, но не тесной дружбы. Более того, в истории развития отношений между Аренским, Смышляевым и Никитиным есть несколько

малоизвестных страниц, которые, как мне кажется, позволяют прояснить возникающие здесь вопросы.

Как известно, начало дружбы Л.А.Никитина с В.С.Смышляевым и П.А.Аренским, приходящееся на зиму 1917–1918 гг., совпадает по времени не только с образованием творческого концертного коллектива «Сороконожка» и изданием журнала того же названия⁴, но и с уходом к В.С.Смышляеву первой жены П.А.Аренского — О.Ф.Аренской. Пикантность ситуации заключалась в том, что «уход» О.Ф.Аренской означал на самом деле прямо противоположное: вселение В.С.Смышляева в квартиру Аренских, принадлежавшую, к тому же, не самому П.А.Аренскому, а его дяде. Прерванное событиями гражданской войны, знакомство Л.А.Никитина с П.А.Аренским было продолжено летом 1920 г. сначала в Смоленске, а затем в Минске, т.к. оба они работали в Штабе Западного фронта. Именно там в их компании сначала появился молодой С.М.Эйзенштейн, а затем и Б.М.Зубакин, не упустивший случая прочесть Эйзенштейну и Аренскому лекций по тайноведению, а затем и посвятить их в его собственный «орден розенкрейцеров»⁵.

Основываясь на письмах С.М.Эйзенштейна из Минска к его матери, в которых упомянуты как Аренский, так и Никитин (по имени не названный)⁶, долгое время я полагал, что последний тоже принимал участие в занятиях, организованных Зубакиным. Однако более внимательное сличение текстов писем с воспоминаниями Эйзенштейна об этих занятиях и их продолжении в Москве без Зубакина и Никитина, но со В.С.Смышляевым и М.А.Чеховым⁷, равно как и обнаруженная фотография заседания минской ложи во главе с Зубакиным, на которой Никитин также отсутствует⁸, вместе с несомненным указанием на то, что к орденскому движению Никитина привлек именно П.А.Аренский, причем не ранее конца 1923 г., о чем в завуалированной форме пишет в своих воспоминаниях моя мать⁹, позволяет взглянуть на известные факты совершенно иначе. Так получается, что в Минске Никитин не был посвящен в оккультные занятия своих друзей (что подтверждается показаниями самого Б.М.Зубакина на допросах в ОГПУ в январе 1922 г., где имя Никитина отсутствует в подробном списке знакомых «розенкрейцерского епископа»), а по приезде в Москву они продолжают на общей квартире Аренского и Смышляева, где к ним присоединяется и М.А.Чехов.

Наличие в этом кружке Чехова, который, как известно, был одним из первых тамплиеров, успевшим к 1923 г., когда он отошел в сторону Р.Штейнера и антропософии, уже получить от А.А.Карелина 10-ю, высшую степень посвящения, позволяет думать, что именно он мог быть тем человеком, который ввел Аренского и Смышляева к Карелину. С другой стороны стоит вспомнить, что новой женой Аренского не позднее 1922 г. стала В.А.Завадская, которая вместе со своим братом, Ю.А.Завадским, посещала квартиру Карелина, а сам Завадский обладал такой же высокой степенью посвящения, как и Чехов, т.е. был в числе первых тамплиеров, принятых в Орден его основателем. По-видимому, вместе с В.С.Смышляевым в Орден вошла и О.Ф.Смышляева-Аренская, которая входила в «группу Завадского».

Все эти факты в их последовательности и взаимозависимости не вызывают сомнений, однако они не способны ответить на два вопроса: что подвигнуло А.А.Карелина создать «театральную группу» в Ордене, и когда и в связи с чем был привлечен к этой работе Л.А.Никитин?

Частичный ответ на первый из них может быть получен без дополнительных разысканий: он обусловлен началом работы Ю.А.Завадского над созданием собственной театральной Студии, чем можно объяснить его отстраненность от кружков «Ордена Света». Другим, как мне представляется, не менее важным стимулом явился переход осенью 1922 г. Государственной Белорусской драматической студии в Москве, находившейся вначале под патронатом МХАТа, под опеку Первой Студии МХАТа, причем ее художественным руководителем стал В.С.Смышляев. Через него Орден получал для своих экспериментов на театральной сцене замечательный молодой коллектив, готовый с жадностью губки впитывать знания, которые ему несли лучшие московские педагоги, в первую очередь члены Ордена — М.А.Чехов, П.А.Аренский, В.А.Завадская, Ю.А.Завадский и др.

Собственно говоря, факт этот может служить ответом и на второй вопрос, поскольку именно осенью 1923 г. Л.А.Никитин начал свою работу в Белорусской студии — сначала оформив ее первый спектакль («Царь Максимилиан» по А.Ремизову), а затем читая специальные курсы для будущих актеров и режиссеров и оформляя учебные спектакли Студии, которые впоследствии составили первую программу 2-го Белорусского государственного театра в Витебске (БДТ-2)¹⁰. Таким образом, его знакомство с А.А.Карелиным могло произойти уже в 1922 г., а инициативу этого знакомства с достаточным основанием следует связывать с П.А.Аренским и В.С.Смышляевым.

Правда, известные коррективы в эту картину вносят показания П.А.Аренского на допросе 03.06.37 г., позволяющие допустить и другую последовательность событий, поскольку, по словам Аренского, в Орден его самого, Смышляева и В.А.Завадскую ввел в 1923 г. не Карелин, а Солонович, с которым они встретились «на квартире Смышляева» (т.е. на бывшей квартире Аренского на Знаменке), после чего «к нам примкнул Никитин» [ЦА ФСБ РФ, Р-11994 (преж. 260273), л. 224]. Конечно, подобное признание можно расценить и как некий «тактический ход» в поединке со следствием, целью которого было выгородить не столько А.А.Карелина и В.А.Завадскую (к тому времени уже покойных), сколько живого Ю.А.Завадского, поскольку совершенно непонятно, каким образом на квартире у Смышляева оказался А.А.Солонович, не имевший никакого отношения к театру и литературе? И все же первостепенная роль Солоновича в организации «Ордена Света» и «Храма Искусств» подтверждается не только показаниями Аренского в 1937 г., но и Никитина в Саратовской тюрьме летом 1942 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-27830 (преж. 2828) л. 28]. При этом, вопреки путанным показаниям А.С.Поля на допросах, оказывается, что в «Орден Света» самого А.С.Поля, Е.А.Поль, С.Я.Бернер, Н.П.Збруеву, Э.С.Зеликовича и В.Ф.Шишко привлек и посвящал не Л.А.Никитин, как то представляется по делу Ордена, а все тот же Аренский [ЦА ФСБ РФ, Р-11994 (преж. 260273), л. 224], как это, впрочем, можно понять из некоторых показаний подследственных осенью 1930 г.

Мне не известно, существовала ли какая-либо орденская группа внутри Белорусской драматической студии. Скорее всего, Смышляеву и Аренскому пришлось от этой мысли отказаться: слишком разными по своим характерам и уровню культуры были учащиеся, чтобы сколько-нибудь отчетливо воспринять идеи Ордена именно в такой «орденской» оболочке. Воспринимались отдельные идеи, своеобразно преломлялась мистика того или иного театрального действия, но вряд ли больше. Вот почему сам «Орден Света» пополнялся артистами московских театров (А.И.Благоврагов, Л.И.Дейкун, М.Ф.Астангов, И.М.Раппопорт, А.Ф.Евстратова, Г.Е.Ивакинская), певцами и музыкантами (В.И.Садовников, Е.А.Поль, В.Ф.Шишко), выпускниками Института слова (Е.Г.Адамова, А.С.Поль, П.Е.Корольков) и сотрудниками ГАХН (Н.А.Леонтьева), а также отдельными литераторами (С.Бернер, Э.С.Зеликович, Г.П.Шторм), искусствоведами и представителями науки (А.С.Барков¹¹, Е.Н.Смирнов).

Показания этих людей, представленные в материалах дела «Ордена Света», оказываются совершенно идентичны в том, что касается деятельности «рыцарских кружков» и самого Ордена, т.е. вопроса, который более всего интересовал следователей ОГПУ и ответы на который приносили им неизбежное разочарование. Действительно, никакой «работы» Орден не проводил. В кружках читали легенды, циклы лекций по истории философии, истории религий, истории искусства, проводились общеобразовательные экскурсии, изредка — благотворительные концерты и посещения публичных лекций, например, в ГАХНе или в Музее П.А.Кропоткина. Вот и все. Именно этим отсутствием какой-либо общественной активности, деятельности, имеющей определенный результат, обусловлено, как мне кажется, быстрое падение интереса к таким занятиям в первую очередь у актеров, живущих постоянной сменой ролей, тогда как здесь от них требовалось сохранять верность только одной роли, к тому же не совсем понятной по своим требованиям и конечному результату. Этим объясняется и вспышка острого интереса к идеям Ордена в 1923—1925 гг., когда формируется его состав, и столь же резкий спад его деятельности в последую-

шем, когда на смену кружкам приходят вечера по средам и воскресеньям на арбатской квартире Никитиных. Там по-прежнему рассказывают орденские легенды (но уже под видом «восточных сказок»), читают лекции, устраивают музыкальные, поэтические, литературные, фольклорные вечера и т.д.¹², однако уже ни о какой собственно орденской работе нет и речи.

И это понятно. Серьезным ударом по Ордену в целом явилась смерть Карелина, последовавшая 20 марта 1926 г. Основатель Восточного отряда тамплиеров, был болен сахарным диабетом в тяжелой форме, давно уже не мог ходить, однако его авторитет и влияние среди анархистов и представителей других партий был настолько высок, что личные связи Карелина со многими деятелями правящей партии (с тем же А.С.Енукидзе) способствовали смягчению многих проблем, по-видимому, иногда отводя удары ОГПУ от тамплиеров и анархо-мистиков. После его смерти баланс сил в Кропоткинском Комитете и Музее оказался нарушен. А.А.Солонович, претендовавший на роль идейного наследника Карелина, как об этом пишет в своих показаниях и Н.К.Богомолов, не обладал ни объемом знаний, ни дипломатическими талантами покойного, а потому сумел восстановить против себя в этой ситуации довольно много прежних если не единомышленников, то соратников по анарходвижению, в первую очередь А.А.Борового, возглавлявшего в Комитете анархическую секцию. Причиной конфликта, разразившегося с особенной силой в 1928 г., послужила, с одной стороны, попытка Солоновича сделать музей центром пропаганды анархо-мистицизма, а с другой — контрпопытка Борового провести группу политических анархистов в Кропоткинский Комитет для противодействия этим идеям, в результате чего там оказалось бы абсолютное преобладание людей с крайне левыми, революционными взглядами, враждебными не только анархо-мистикам (т.е. тамплиерам), но и вообще интеллигенции. В этом случае судьба Музея Кропоткина была бы предрешена: его анархическая секция и ее собрания могли стать трибуной политического анархистского движения, вызвав на себя огонь репрессий, в результате чего Музей был бы немедленно закрыт.

История конфликтов между анархистами и анархо-мистиками в Музее П.А.Кропоткина довольно подробно рассмотрена мною в ряде публикаций¹³. Здесь же следует сказать только, что этот конфликт, поначалу не выходящий за пределы Музея П.А.Кропоткина, был впоследствии достаточно ловко использован органами ОГПУ против всех его участников, как анархо-мистиков, так и политических анархистов. С помощью каналов своей зарубежной агентуры ОГПУ способствовало появлению «разоблачительных» писем представителей анархической оппозиции на страницах парижского журнала «Дело Труда», издаваемого П.А.Аршиновым, вслед за которыми на протяжении 1928 и 1929 гг. прошла серия публикаций, направленных против анархо-мистиков, Кропоткинского Комитета и Музея, а также против карелинских «Рассвета» и «Пробуждения». Последователи Карелина, возглавляемые А.А.Солоновичем, были объявлены монархистами, фашистами, пособниками белогвардейцев и прислужниками мировой буржуазии, над которыми следовало как можно скорее совершить пролетарский суд¹⁴.

Апофеозом этой травли стала опубликованная в том же журнале полуанонимная статья-памфлет «Трубадур мистического анархизма», направленная против Солоновича (а отчасти и Карелина), в которой раскрывалась их орденская деятельность в России, прослеживались связи Ордена и орденских организаций с масонами Европы и какими-то еще более страшными, правда, так и не названными, силами мировой реакции¹⁵. Сокращенная подпись (Юр. А-т) позволяет думать, что автором памфлета мог быть анархист Юрий Аникст, как и П.Аршинов, к тому времени уже сотрудничавший с органами ОГПУ. Это был ничем не прикрытый политический донос, за которым последовала соответствующая реакция.

Напомню, что первыми были арестованы собственно анархисты, нападавшие на анархо-мистиков и обличавшие Кропоткинский Комитет в предательстве интересов революционных рабочих масс и забвении политической борьбы с коммунистами. Все, кто подписывал письма в «Дело Труда», летом 1929 г. оказались высланы в раз-

личные места и на различные сроки, в том числе и А.А.Боровой. Затем наступило время анархо-мистиков. Сначала, как известно, удар был нанесен по молодежным кружкам (Библиографический кружок при библиотеке-читальне Музея П.А.Кропоткина), затем в течение первой половины и середины 1930 г. прошли аресты среди молодежи в Москве (дело О.С.Пахомовой, Е.Г.Самарской и др.), в Нижнем Новгороде (дело «Ордена Духа»), в Свердловске (Екатеринбург) и на Северном Кавказе, где наряду с мистиками было схвачено много посторонней публики (теософы и антропософы, толстовцы), прямого отношения к тамплиерам не имевшей, однако в целом дававшей основание для окончательной расправы с москвичами.

Заслужили ли они это?

Если вспомнить показания М.И.Сизова, согласно которым «театральная группа» тамплиеров была создана для проведения анархических идей через советский театр, то а priori можно признать утопичность такого замысла, потому что проводником его должна была стать определенная философия, ничего общего не имеющая с театром, как таковым, к тому же безусловно оппозиционная какой-либо партийности. Естественно, в плоскости практической (а тем более политической) из этого ничего не могло произрасти, кроме интереса к самой идее «духовного рыцарства» в условиях диктатуры псевдопролетариата у отдельных личностей и собраний по средам и воскресеньям на арбатской квартире Никитиных. Впрочем, таких квартир по Москве конца 20-х годов было еще немало.

Вряд ли я ошибусь, предположив, что именно эти «сборища», выражаясь языком следователей СО ОГПУ, наполненные «не-советским содержанием», вызвали осеннюю акцию 1930 г. против «Ордена Света», память о котором продолжала жить среди его членов, тем более, что некоторые из них к этому времени оказались под влиянием московских розенкрейцеров¹⁶. Здесь присутствовали все признаки не-советской (т.е. против-советской) формы ОГПУ!) «организации»: орден, братство, рыцарство, степени посвящения, верность евангельскому Христу, как совершенному рыцарю, хотя на самом деле все это было лишь театральными декорациями, предназначенными способствовать более естественному усвоению идей, «вхождению в образ», перевоплощению москвича, ощутившего себя носителем определенной духовной миссии. Вот почему не «ходом умолчания», как можно было предположить сначала, а достаточно искренним признанием оказываются показания Л.А.Никитина от 3 и 23 января 1931 г., дающие представление об Ордене как своего рода игре, рассчитанной на психологию работников искусств, живущих масками-образами для той или иной ситуации или идеи.

«Представление об этом ордене, — писал он, — у некоторых лиц как о возможном явлении могло, быть может, возникнуть в связи со мной, благодаря значительному моему интересу к орденам Средневековья в период 1924-25 года, когда вообще романтические идеалы и представления были мне свойственны. <...> Возникла мысль проделать лабораторно-экспериментальную работу по театральной реализации известных художественных образов, связанных с рыцарством, вплоть до воссоздания внешних форм ритуала посвящения и других торжественных церемоний по историческим материалам, имеющимся в литературе. <...> Другими словами, здесь мне казалось целесообразным применить уже испытанный на театре в системе Станиславского метод лабораторного вживания в художественный образ. <...> Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собою форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусств. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимуму организованности должен был быть для осуществления самой работы. Все те символические обряды и ритуалы, которые здесь имели место, представляли собою условные формы, не опиравшиеся ни на какую обязательную традицию. <...> Таким образом положение дела оставалось от начала до самого конца этого моего увлечения, т.е. примерно до конца 1925 г., после чего, убедившись в неудачности такой попытки вообще, эта идея была мною оставлена как вообще малопродуктивная, малосовременная, а к тому же и чреватая, как я начинал под конец понимать, всякого рода нежелательными последствиями, в смысле возможности, во-

первых, ее неправильного применения, с одной стороны, а с другой – вообще всякого рода криво толков и недолжного понимания как интересовавшей меня здесь задачи, так и взаимоотношений между участвовавшими в реализации этой идеи и тех форм, в которых мне казалось возможным ее реализовать...» [ЦА ФСБ РФ, 33312, л. 356-359].

Правда заключалась и в том, что именно на этом, как видно, строился далеко идущий расчет руководства Ордена тамплиеров, усмотревших в такой игре образами возможность внедрения в искаженное, потерявшее ориентиры сознание послереволюционного россиянина утерянных ими «констант личности», способных создать своего рода иммунитет против тоталитарного оболванивания или, выражаясь современным языком, зомбирования.

В том, что именно так оценивали деятельность тамплиеров и грозящую с их стороны опасность советской идеологии органы ОГПУ, сомнений нет. Вот почему «Орден Света», а точнее – постоянных посетителей квартиры Никитиных необходимо было «вписать» в уже безусловный политический пейзаж, составными частями которого явились анархисты с подпольными политическими кружками среди студенчества (И.Е.Рытавец, А.И.Смоленцева), А.А.Солонович, принявший на себя руководство всеми анархо-мистиками, со своими нелегальными лекциями против марксизма, с обширным трудом о М.Бакуине, наполненным выпадами против советской власти и коммунистов, бывшие секретари ВФА и ВФАК (Н.И.Проферансов и Н.К.Богомолов), курировавшие «нижегородских тамплиеров», северокавказских и екатеринбургских мистиков, снабжая их подпольной литературой, машинистка (В.Н.Любимова), размножавшая работы Солоновича, представители Музея П.А.Кропоткина (Д.А.Бем), работавшие в тесном контакте с только что расстрелянным П.А.Пальчинским. Немалую роль во всем этом сыграла экспансивная И.Н.Уйттенховен-Иловайская с обнаруженными у нее листовками, которые она упорно признавала «своими» и чье содержание (о котором, кстати сказать, в материалах дела ничего не сказано) почему-то ошеломляюще действовало на всех, кому их предъявляли для показания.

Другой, столь же ценной находкой для ОГПУ в этом плане оказался Н.А.Ладыженский, доставленный под конвоем из Новороссийска с копиями своих показаний и анализом материала, который неопровержимо доказывал «камуфлирующее» значение мистических организаций в деле распространения анархических идей среди студенчества и интеллигенции, как то и было задумано некогда А.А.Карелиным. Кроме Ладыженского этой же чести удостоены были и некоторые копии показаний А.В.Бормотова (26.08.30 г.), Н.М.Лободы (26.08.30 г.) и Я.Т.Чаги (10, 11 августа 1930 г. и 20.09.30 г.), вошедшие в состав материалов следственного дела, поскольку они служили к изобличению связей Н.К.Богомолова и Н.И.Проферансова.

К сожалению, мы не знаем (и, вероятно, уже никогда не узнаем), кто еще был привлечен к следствию по делу «Ордена Света», какие аресты, кроме «нижегородского дела» и «сочинского дела» предворяли процесс московских тамплиеров, однако приведенные выше расчеты дают возможность объяснить отсутствие среди арестованных П.А.Аренского, отошедшего от орденской деятельности еще в 1925 г. (возможно, в связи с разрывом между ним и В.А.Завадской и последующей женитьбой на В.Г.Орловой, что совпало с началом его активной литературной деятельности), и В.С.Смышляева, давно и прочно увлеченного преподавательской работой в ГИТИСе и в Украинской драматической студии, которая в его жизни заменила уехавшую из Москвы Белорусскую Студию. Судя по помете красным карандашом на показаниях А.С.Поля о Смышляеве – «Умер» – о нем вспомнили только в 1937 г., когда был арестован и отправлен на Колыму Аренский, а тогда, осенью 1930 г., когда одного за другим хватали его близких друзей по жизни, товарищей по сцене и братьев по рыцарскому Ордену, Смышляеву оставалось в ожидании собственного ареста только вырывать листы из дневника, на которых были компрометирующие его или его друзей записи...¹⁷

С этих позиций «Дело Ордена Света» 1930 г. оказывается рубежом, отсекающим историю Ордена тамплиеров в России от истории отдельных тамплиеров, сохра-

нявших преемственность идей, архивы Ордена, традиции, но не организацию. То же самое можно сказать и обо всех его филиациях, вызванных к жизни гением А.А.Карелина и организаторским энтузиазмом А.А.Солоновича, в том числе и об анархо-мистицизме — странном гибриде политики и мистики, вызывавшего одинаково неприязненное отношение как у одних, так и у других. Одновременно это был и конец анархизма, показавшего свою полную утопичность и нежизненность в условиях развивающегося мира и общества, все равно, с политической или с экономической точки зрения, поскольку проповедуемая им «акратия», т.е. безвластие, на чем так настаивали теоретики анархизма, могла привести только к дестабилизации и разрушению, но никак не к созиданию и объединению человеческих индивидуумов в сколько-нибудь творчески активную и самодостаточную ячейку общества.

«Дело Ордена Света» включает в себе огромный документальный материал, равно интересный для историка общественных движений, политолога, историка России, культуролога, историка театра, наконец, просто психолога. Большое количество имен представителей московской интеллигенции, как выясняется теперь, вовлеченных в эти, одновременно духовные и политические движения 20-х гг., открывают для исследователя неведомые ему пространства общественной жизни, столь непохожие на привычные ранее картины советских исследований того периода. В этом плане особый интерес представляют и те документальные приложения, которыми я решил сопроводить публикацию следственных материалов, начиная от упоминавшейся выше статьи Ю.Аникста «Трубадур мистического анархизма», разоблачающей Солоновича (Приложение 1), заявления Н.И.Проферансова в Коллегию ОГПУ из Ярославского политизолятора (Приложение 2), и кончая воспоминаниями В.Р.Никитиной (Приложение 3) и Е.А.Шиповской (Поль) (Приложение 4) об обстоятельствах ареста и пребывания подследственных в Бутырской тюрьме.

Арест людей, поименованных в документах настоящего дела, как и само расследование безусловно имели последствия, выходящие за пределы узкого круга потерпевших. Так, прямым следствием показаний Ф.Ф.Гиршфельда и А.С.Поля явился арест 17.02.31 г. Э.С.Зеликовича, материалы дела которого публикуются в этом же томе вместе с показаниями арестованных вместе с ним Л.В.Кафка, З.Л.Позиной и З.С.Поповой. Все это позволяет думать, что размах репрессий, связанных с ликвидацией Ордена тамплиеров и анархо-мистицизма, как течения, был гораздо более широк, чем это представляется сейчас по выявленным документам.

***

Документы обоих архивно-следственных дел публикуются по правилам, изложенным в первом томе настоящего издания. Без специальных оговорок исправляются фонетические, механические и смысловые описки, опечатки, искажения имен, удвоения слов и фраз, унифицируется написание имен людей, местностей, организаций, основанием чему служат, с одной стороны, собственноручные показания обвиняемых и заполненные ими «анкеты арестованных», а с другой — справочные, научные и литературные издания того времени. Столь же безоговорочно исправляется явная безграмотность протоколиста, если она затемняет или искажает смысл фразы. Все биографические сведения формулярной части протокола сконцентрированы в биографической справке о подследственном, предшествующей его показаниям; наличие угловых скобок с отточием внутри <...> указывает на пропуск текста, не относящегося непосредственно к данной теме, тогда как квадратные скобки [...] содержат пропущенное по небрежности слово или опущенную фамилию, а также номера листов архивного документа и место его хранения. Отсутствие подобного адреса означает, что публикуемый документ находится в архиве публикатора.

Кроме того, при публикации опущены находящиеся в материалах «Дела Ордена Света» копии показаний А.В.Бормотова, Н.М.Лободы, Я.Т.Чаги и Н.А.Ладыженского, поскольку они представлены в комплексе материалов «Сочинского дела» в 1-м томе настоящего издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ивакинская (настоящая фамилия — Баркова) Гали Евгеньевна, урожд. Кламмер (1897—1960), род. в Санкт-Петербурге, дочь военного врача; окончила 8 классов петербургской гимназии им. М.Н.Стоюниной, два курса юридического факультета Высших женских Бестужевских курсов; в 1921—1923 гг. училась в Государственном Институте Слова (ГИС) и работала в Пролеткульте секретарем тонально-пластической секции (Москва); в 1923—1924 гг. в Высших театральных мастерских при Московском Камерном театре; в 1926—1927 гг. — в Студии-мастерской Ю.А.Завадского; с 1924 по 1930 г. — в Комиссии Живого Слова (ГАХН), секретарь Комиссии; основная работа с 1923 г. — актриса Московского детского театра.

² Сизов Михаил Иванович (1883—1956), биолог, переводчик, антропософ, розенкрейцер, тамплиер; родился в Москве; окончил Петербургский университет (естественное отделение физико-математического факультета); к моменту ареста — преподаватель физики в Станкоинструментальном институте и научный сотрудник Института высшей нервной деятельности; арестован 22.04.33 г. как участник к/р общества «Московский орден розенкрейцеров», в чем Сизов дал полные и подробные показания, тем самым согласившись и далее сотрудничать с органами ОГПУ-НКВД, после чего постановлением ОСО ОГПУ от 21.06.33 г. он был из-под стражи освобожден и более никогда не арестовывался. В 1939 г. М.И.Сизов вместе с новой семьей уехал в Сочи, работал там в институте курортологии до 1952 г., после чего окончательно вернулся в Подмосковье, продолжая работу в системе Академии Наук, скорее всего, как редактор в отраслевом журнале (точных сведений нет).

³ См.: Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996.

⁴ Никитин А.Л. Рядом с Михаилом Чеховым. // Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998, с. 167—170; Никитина В.Р. Дом окнами на закат... с. 48-53.

⁵ Эйзенштейн С.М. Мемуары, т. I. М., 1997, с. 61-63.

⁶ Никитин А. Московский дебют Сергея Эйзенштейна. М., 1996, с. 35-37: письмо от 20.09.20 г.

⁷ Эйзенштейн С.М. Мемуары..., с. 63-64.

⁸ Никитин А. Московский дебют Сергея Эйзенштейна. М., 1996, с. 295.

⁹ Никитина В.Р. Дом окнами на закат..., с. 115.

¹⁰ См.: Нікіцін А. Даніна памяці. // Літаратура і мастацтва, Мінск, 12.09.1986, с.14—15; Нікіцін А. Крок да тэатра будучыні. // Мастацтва Беларусі, Мінск, 1986, № 11, с. 10—14.

¹¹ Барков Александр Сергеевич (1873—1953), род. в с. Покровское Епифанского уезда Тульской губ.; географ, действительный член Академии педагогических наук РСФСР; в 1898 г. окончил Московский университет; преподавал в Александровском женском институте (1899—1901), в 5-й мужской гимназии (1901—1910), в 3-м реальном училище (1910—1911); был директором мужской гимназии им. А.Е.Флеровой (1911—1918), зав. школой 2-й ступени (1918—1926); профессор и руководитель кафедры физической географии Педагогического института им. Ленина (1926—1941) и профессор МГУ (1931—1942), зав. кабинетом методики преподавания географии, геологии и минералогии АПН РСФСР; муж Г.Е.Ивакинской.

¹² Никитина В.Р. Дом окнами на закат..., с. 112—113.

¹³ Никитин А.Л. Заключительный этап анархистской мысли в России. // ВФ, 1991, № 8, с. 89—101; он же. К событиям 20-х гг. вокруг Кропоткинского Музея. // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. М., 1992, с. 82—123; он же. Анархисты и мистики Кропоткинского Музея. // Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998, с. 35-82.

¹⁴ Худoley В. Снимите с них маску! // Дело Труда, Париж, 1928, № 43, с. 17—19.

¹⁵ Юр.А-т. Трубадур мистического анархизма. А.А.Солонович. // Дело Труда, Париж, 1929, № 50-51, с. 15—17; перепечатано: Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры..., с. 245-251; в качестве Приложения к «Делу Ордена Света» перепечатывается в настоящем томе.

¹⁶ См.: Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998.

¹⁷ Смышляев В.С. Печально и нехорошо в нашем театре... Дневник 1927—1931 гг. М., 1996.

АДАМОВА Елена Георгиевна

(1898 – после 1950)

О происхождении своем Елена Георгиевна Адамова сообщала только, что родившись в марте 1898 г. в Москве, стала приемной дочерью вдовы адвоката. Окончив одну из московских гимназий, она училась затем на так называемом Бухаринском рабфаке, после чего поступила в Государственный Институт Слова. Об этом и последующем периоде своей деятельности наиболее подробно она писала 12.04.1926 г. в автобиографии, сохранившейся в ее личном деле в фонде Государственной академии художественных наук:

«<...> По завершении среднего образования попутно с практической библиотечно-клубной работой работала также в области сцены (театроведение) под руководством В.А.Филиппова и других артистов; затем по окончании факультета рассказывания Института Слова была оставлена при Институте в качестве преподавателя художественного рассказывания. Преподавательскую работу в Институте Слова начала в 1922 г., вначале только на факультете рассказывания, а затем и на ораторском, проводя целый ряд курсов и семинариев в период с 1922 по 1925 г. (эмоционально-образная речь, творческое рассказывание, исполнение художественных произведений, композиция рассказа, русская сказка). В 1923–1924 гг. работала ассистентом по курсу Живого Слова на 2-м курсе лингвистического отделения Педагогического факультета МГУ. С 1922 г. веду кружки рассказывания с педагогами, дошкольниками и библиотекарями сперва в Краснопресненском районе, затем в Центральном доме просвещения и в Рогожско-Симоновском районе.

В 1923 г. была одним из членов-учредителей Секции Живого Слова при Институте Слова, и во все время существования этой секции (вплоть до весны 1925 г. – время расформирования Института Слова и создания Комиссии Живого Слова при ГАХН) была деятельным участником в работе секции. Летом и осенью 1925 г. вместе с Ю.М.Соколовым была организатором новых Курсов Живого Слова, открывшихся на месте расформированного Института Живого Слова. В настоящее время состою в должности заведующей отделением рассказывания на Курсах Живого Слова и там же преподавателем (на отделении рассказывания – исполнение художественных произведений и теория рассказывания; на лекторском отделении – эмоционально-образная речь). Написаны и приняты для напечатания, но до сих пор не изданы следующие статьи: 1) «Что такое рассказывание» (для сборника «Слово и Речь»), 2) «Подготовка рассказывания» и т.п.»¹.

Е.Г.Адамова была частым гостем в доме Никитиных на Арбате, в том числе на воскресных собраниях, где читала рассказы, стихи, орденские легенды, произведения народного творчества². Ею был введен в этот дом фольклорист Ю.М. Соколов, ее стараниями организован вечер известной собирательницы северного фольклора О.Э.Озаровской. Свое знакомство с А.С.Подем и Л.А.Никитиным, а также с Г.И.Аносовым и Н.И.Проферансовым, Е.Г.Адамова подтвердила в своих показаниях по делу «Ордена Света», хотя и пыталась, как можно видеть, максимально сузить круг признаваемых знакомств.

Судя по заполненной ею в 1930 г. при аресте анкете, после закрытия ГАХНа Адамова устроилась на работу при клубе «Красный Октябрь» Московско-Белорусской железной дороги заведующей библиотекой и клубным работником по своей специальности. В то время она жила вместе с «дядей» (вероятно, братом приемной матери) Егором Эдуардовичем Бромлей неподалеку от Таганской площади, в Тетеринском переулке, д. 12, кв. 33. Арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъята личная переписка, фотографии, комната опечатана. 29.09.30 г. ей было предъявлено формальное обвинение в причастности к контрреволюционной организации, ведении антисоветской пропаганды, создании нелегальных кружков и руководстве таковыми; содержалась в Бутырской тюрьме. В архивно-следственном деле сохранились только два протокола ее допросов – от 15.09.30 г. и 23.12.30 г. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Е.Г.Адамова была приговорена к трем годам концентрационных лагерей в системе УСЛОН (Беломорканал). В 1931–1932 гг. находилась вместе с В.Р. и Л.А. Никитиными сначала в с. Важи-

ны (р. Свирь), затем в г. Лодейное Поле, работала в театре Свирьстроя (Свирьлаг)³.

После отбытия наказания вернулась в Москву, работала в Мосэстраде. 18.10.50 г. по неизвестной причине Адамова была объявлена в розыск. Умерла в конце 50-х или в начале 60-х гг.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ РГАЛИ, ф. 941, ГАХН, оп. 10, ед. хр. 2. Личное дело Адамовой Е.Г., л. 2-3.

² Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996, с. 113.

³ Там же, с. 175.

ПОКАЗАНИЯ АДАМОВОЙ Е. Г. 15.09.30 г.

В период 1919-21 гг. я была охвачена внутренним пафосом революции и даже советовалась с близкими партийцами о вступлении в партию, но они отсоветовали, указав мне, что я слишком большая индивидуалистка, советовав подождать с этим решением. Поступила в Институт Слова, который кончила в 1924 г., ушла в работу по педагогике и лингвистике и от политики отошла. Сейчас я только занимаюсь библиотечной работой и рассказами, причем сплошь и рядом не хватает время прочесть газеты. Я религиозна, но в церкви бываю очень редко. Из анархистов я знаю АНОСОВА Григория Ивановича, с которым я познакомилась через его бывшую жену Юлию Митрофановну, у которой я бывала. АНОСОВА я встречала редко и даже избегала встреч, потому что у них была очень тяжелая жизнь дома, а будучи в хороших с Юлией Митрофановной отношениях, я предпочитала с ним не встречаться. Разговоров у меня с Григорием Ивановичем об анархизме не было, за исключением одного случая, когда он спросил меня, как я отношусь к анархизму. На что я ответила приблизительно так, что мне на это не хватает времени заниматься такими вопросами.

С ПРОФЕРАНСОВЫМ я познакомилась через Юлию Митрофановну, когда она вышла за него замуж. Была у них несколько раз и последний в начале сентября месяца. Она была очень скучная и сказала мне, что ПРОФЕРАНСОВ арестован в Сочи и она намеревается хлопотать об освобождении. Как арестовали — рассказала: где-то у знакомых, где он жил, а за что арестован — ей, по ее словам, не известно.

Категорически заявляю, что ни с АНОСОВЫМ, ни с ПРОФЕРАНСОВЫМ, помимо встреч домашних, довольно редких, носивших исключительно случайный характер, у меня не было. Был один разговор с АНОСОВЫМ об анархизме, рассказанный выше; а ПРОФЕРАНСОВ однажды рассказал о своем революционном прошлом, относившемся к до 1917 году. КАРЕЛИНА я лично не знала, но слышала о нем от Юлии Митрофановны. О том, что ПРОФЕРАНСОВ анархист, до сего времени не знала.

СОЛОНОВИЧА я не знала, но кажется мне, что 3-4 года тому назад я слышала его доклад в ГАХНе, в Комиссии Живого Слова на тему «Бакунин как оратор». В музее Кропоткина я была один раз, так же как в других музеях г. Москвы.

С моих слов записано правильно.

Е. Адамова

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 5-5об]

ПОКАЗАНИЯ АДАМОВОЙ Е.Г. 23.12.30 г.

С художником НИКИТИНЫМ Леонидом Александровичем познакомилась, если не изменяет память, в ГАХН, в исходе 1926 или начале 1927 г. Я работала тогда активно в Комиссии Живого Слова и бывала на целом ряде других заседаний, он тоже бывал там. Заинтересовалась его взглядом на живопись, узнала, что он пишет, но не выставляет, попала к нему на квартиру. Стала бывать; была несколько резким — до ссор почти — критиком его картин. Он ценил мои отзывы за строгость, приглашал часто посмотреть новую вещь. Во взглядах вообще — на театр, искусство (главные

темы наших разговоров) — мы не сходились. Ценю Леонида Александровича как очень прямолинейного и цельного человека, страстно преданного искусству. Дружескими наши отношения не были никогда. Наоборот, жена его, Вера Робертовна НИКИТИНА, сразу произвела на меня обаятельное впечатление, и в дальнейшем оно подтвердилось. Она человек исключительной доброты, отзывчивости, терпимости, всегда в заботах и хлопотах о ком-то. Но и с ней мы не сходились во взглядах, хотя относились друг к другу очень хорошо. Одним из камней преткновения у нас в области принципиальной было резко отрицательное отношение обоих НИКИТИНЫХ к православию, которого я хотя далеко не ревностно, но придерживаюсь. За последние 1,5 года бывать я у них стала все реже, в последнюю зиму была раза 3-4, на именинах Веры Робертовны. Затем, когда она болела, и весной, когда уезжала в Эривань.

Несколько раз случалось мне у них рассказывать (как, например, в упомянутые именины), главным образом восточные сказки, вообще лирические вещи. Бывали родные Леонида Александровича, бывали и другие лица, но почти никого я не знаю.

Единственное хорошо знакомое мне лицо, которое я встречала у НИКИТИНЫХ, был Александр Сергеевич ПОЛЬ. С ним я познакомилась в начале 20-го года, когда и он, и я были студентами 1-го курса Государственного Института Слова. В 1921-22 г. мы довольно много встречались и говорили с ним по институтским делам, т.к. в это время ГИС снимался с госснабжения и нам (мы были секретарями отделений, я — рассказывания, он — ораторского) приходилось много работать. Он, умный и даровитый человек, в ту пору был, как и я, очень увлечен живым словом. Позднее мы в ГИСе же встречались на почве заседаний, но и только. Несколько ближе я узнала Александра Сергеевича, когда он стал преподавателем на Курсах Живого Слова, где я заведовала отделением рассказывания. С того же времени мы работали совместно в ГАХН, в Комиссии Живого Слова. Здесь мне пришлось узнать и отрицательные стороны его характера — легкомысленное отношение к принятым на себя обязательствам, вечное манкирование занятиями. Обезоруживал он меня кроткостью, с которой сносил мои упреки. Разговоры наши все вертелись в плоскости живого слова и литературы. Дружбы не было, но относились мы друг к другу очень хорошо, хотя он, по-видимому, смотрел на меня, как на педантку и «сильный чулок».

С АНОСОВЫМ Г.И. я познакомилась у жены его, Юлии Митрофановны. Вначале наше с ней знакомство было не более чем деловым и не обещало ничего в дальнейшем. Она кончала курсы кройки и шитья и очень нуждалась в работе; мне нужна была недорогая портниха, и кто-то из знакомых указал мне на нее. Но она сразу привлекла меня и поразила — очень хорошего человека видно сразу, и внутренне культурного, хотя и не получила она особенного образования и страшно забита нуждой и тяжелой жизнью. А совсем покорили меня ее ребята. Я стала бывать, помогала вещами, деньгами, добыванием работы, брала детей на кукольный театр и т.д. Потом стала для них совсем «тетей Лёлей». С Григорием Ивановичем же я встречаться избегала, т.к. он, как сразу стало заметно и подтвердилось потом, был с женой в, мягко выражаясь, трудных отношениях. Он относился ко мне как бы неплохо. Как-то раз заговорил со мной об анархизме. Что он анархист — я знала. Но особенного из этого разговора ничего не вышло, т.к. я откровенно сказала ему, что не интересуюсь анархизмом, как и вообще политикой.

В дальнейшем я предпочитала бывать в квартире АНОСОВЫХ тогда, когда знала, что Юлия Митрофановна одна. Осенью прошлого года она ушла от мужа. Я об этом знала и считала это правильным. Он был в отлучке; она, уходя, оставила ему мой адрес. Я встретила его и все ему рассказала. После этой, крайне тяжелой сцены я его больше не видела, хотя он несколько раз звонил мне по телефону — о жене. С Юлией Митрофановной видаться продолжала и дальше, также и после того, как она вышла замуж за Н.И.ПРОФЕРАНСОВА. Видела ее в последний раз за два дня до моего ареста.

Что касается моих личных взглядов и убеждений, то в отношении политических я человек и внешне и внутренне беспартийный. В эпоху революции и гражданской войны все мои симпатии были на стороне коммунистической партии, позднее я вся как-то ушла в искусство и педагогику. Признаю значительную роль политической неграмотности в отношении текущей политики, т.к. даже газеты читаю мало. Считаю все же необходимым работать по директивам советской власти и работала — и по службе и по общественной линии — вполне честно в этом отношении, как педагог и рассказчик. Я религиозный человек без уклона в мистику — про меня отзывались, что я слишком «толстокожая» для этого. Держусь православия, хотя вряд ли скажу с точностью, в чем разница между живой и старой церковью. В церкви бываю, хотя и не часто; в этом году впервые после многих лет причащалась. Е. Адамова

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 10–116]

АНДРЕЕВ Александр Васильевич
(1884 — после 1935)

Андреев Александр Васильевич родился 22 октября 1884 г. в крестьянской семье в д. Курановке Краснослободского уезда Пензенской губернии. В 1900 г. окончил уездное училище и поступил на частные Счетоводные курсы Езерского в Москве. В начале 1907 г. Андреев был арестован по обвинению в принадлежности к анархистской организации, пробыл два года под следствием и был выслан из Москвы на родину под надзор полиции; оттуда отправлен солдатом в Харбин. После демобилизации до 1914 г. Андреев служил бухгалтером на паровой вальцевой мельнице в с. Каменское-Белинское в Пензенской губернии, затем в 1914 г. работал бухгалтером в Москве на химическом заводе «Эрманс К. и Ко»; в 1915 г. — на паровой мельнице ст. Абдулино Самарской губернии в фирме «Копенко, Ловкий и Шутенский». В 1916–1917 гг. был бухгалтером страхового отделения Московской губернской земской управы, а с Февральской революции до октябрьского переворота — главным бухгалтером Комитета по регулированию массовых перевозок грузов по железной дороге и бухгалтером Соединенного банка в Москве. После октябрьского переворота работал заместителем главного бухгалтера Губпродкома в Пензе и снова в Москве — главным бухгалтером Военного продбюро. В 1919 г. ушел добровольцем в Красную Армию на Западный фронт. Последующее время работал бухгалтером в советских и кооперативных учреждениях; к моменту ареста был бухгалтером Союзстроя ВСНХ.

Впервые Андреев был арестован на своей квартире в 1918 г. как анархист в связи со взрывом Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке 25.09.19 г., через сутки освобожден и вновь арестован засадой на своей же квартире в связи с экспроприацией анархистами «Центротекстиля». В 1919 г. Андреев был арестован засадой на квартире А.А.Карелина, а 07.09.22 г. — по подозрению в связях с анархо-подпольщиками и для объяснений по «Черному Кресту», о чем он показывал 08.09.22 г. следующее:

«Я являюсь членом Секретариата Всероссийской федерации анархистов и анархистов-коммунистов, а также секретарем «Черного Креста», который существует при нашей Федерации. Как Федерация, так и «Черный Крест» существуют вполне легально. На основании последнего постановления ВЦИК о регистрации всех организаций в Наркомат внутренних дел было подано недели полторы тому назад заявление о регистрации обеих этих организаций. У «Черного Креста» и Федерации ведется правильная денежная отчетность, которая может быть в любой момент представлена. «Черный Крест» помогает всем анархистам, как заключенным в тюрьме, так и впадшим в нужду анархистам и их семьям, причем в первую голову оказывается помощь лицам, нам известным.

Я могу определенно сказать, что за мое пребывание секретарем «Черного Креста» никакой помощи бежавшим и проживающим нелегально оказано не было, и думаю, что этого не могло быть и раньше, и вообще к нашей организации никогда за содействием лица, прожива-

ющие нелегально, не обращались, им никакого содействия никогда оказано быть не могло. По сведениям из заграничной прессы видно, что кроме нашего «Черного Креста» существует еще «Черный Крест», но что он собой представляет и кто в него входит, мне совершенно не известно» [ЦА ФСБ РФ, Р-15112 (преж. — 566697), л. 5-5об].

14.09.22 г. Андреев добавлял: «В «Черном Кресте» я работаю вместе с Аполлоном Андреевичем (Карелиным). Деньги и продукты находятся в моем распоряжении, и мною ведется отчетность с указанием личностей, кому выдается то или иное пособие или передачи в тюрьмы. Иногда передачи бывали на группы...» [ЦА ФСБ РФ, Р-15112 (преж. — 566697), л. 12].

09.10.30 г. А.В.Андреев был арестован на квартире А.В.Уйттенховена в Москве. К этому времени, согласно его показаниям в «анкете арестованного», родители А.В.Андреева умерли и близких родственников у него не было. Двоюродные сестры проживали в Пензенской губернии, а местонахождение двоюродных братьев было ему не известно. С фактической женой, Николаевой Марией Гавриловной, брак зарегистрирован не был.

При обыске у Андреева изъяты статьи И.В.Хархардина — «Новый мир», «Традиции под видом новых исканий», «Россия XVIII века», пьесы А.А.Карелина — «Анархисты» и «Маги», статья о Христе на 38 страницах (по-видимому, работа А.А. Солоновича, размноженная на стеклографе); папка с работами А.А.Карелина; 4 «рукописных книги» и «7 папок с разными материалами», а также записные книжки и различная переписка. Допрошен 10 и 24.10.30 г. Содержался в Бутырской тюрьме.

24.10.30 г. Андрееву было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, связях с анархо-подпольем и распространении нелегальной антисоветской литературы. 13.01.31 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по делу «Ордена Света» он был приговорен к трем годам ссылки на Урал, откуда освобожден в октябре 1933 г., получив право свободного проживания по СССР. В Москву вернуться Андрееву, по-видимому, не удалось: он поселился под Москвой на ст. Шаховская Московской Белорусско-Балтийской железной дороги, ул. Советская, д. 39. Здесь он и был в очередной раз арестован 13.01.35 г.

Новый арест Андреева был непосредственно связан с широкой волной репрессий, поднятой после убийства С.М.Кирова. В справке, предлагающей его арест, А.В.Андреев охарактеризован как «активный анархист, имеет широкие связи среди к/р настроенного анархистского элемента и с анархо-ссылкой. Настроен террористически. 05.01.35 г. на квартире анархиста Аскарлова высказывался за применение индивидуального террора к руководству ВКП(б), приветствовал убийство тов. Кирова, расценивая его как положительный факт...» [ЦА ФСБ РФ, Р-36622 (бывш — Н-9737, 796), л. 2]. По новому делу, кроме А.В.Андреева и Г.К.Аскарлова, проходили также Т.В.Чурилин, А.А.Иванов-Ивин¹ и О.Н.Гааке², но из них репрессиям подверглась только последняя. Постановлением ОСО НКВД от 17.03.35 г. «за контрреволюционную агитацию» А.В.Андреев был осужден на три года исправительно-трудовых лагерей.³

Дальнейшая судьба А.В.Андреева неизвестна.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Иванов-Ивин Алексей Алексеевич, род. в 1885 г. в г. Ливны Орловской губ. В 1904 г. окончил реальное училище, уехал в Париж, примкнул к анархистам, учился в Русской школе общественных наук (там же). По возвращении в Россию участвовал в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве, арестован и осужден на восемь месяцев тюремного заключения; в 1909 г. после освобождения эмигрировал во Францию. В 1916 г. окончил Национальную школу восточных языков в Париже. До 1917 г. входил в русскую группу анархистов. В 1919—1926 гг. — профессор Пекинского университета, заведовал русским отделом франкоязычной газеты «Журналь де Пекин». После возвращения в Россию в 1926 г. работал в Комакадемии. К 1935 г. — старший научный сотрудник Института мирового хозяйства и международной политики.

² Гааке Ольга Николаевна, род. в 1907 г. в Москве, дочь акцизного чиновника, племянница анархиста Бармаша В.В., сосланного в Енисейск (сведения на январь 1935 г.). Гражданская

жена Г.К.Аскарова. 23.02.35 г. дело на Гааке О.Н. выделено в особое производство. Умерла в Москве в 1984 г.

³ Там же, л. 44.

ПОКАЗАНИЯ АНДРЕЕВА А. В. 10.10.30 г.

Я являюсь членом Секретариата «Черного Креста помощи заключенным анархистам». Членами его являются: я, Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ, Вера Васильевна ПОСПЕЛОВА. Кроме того, состояла членом секретариата «Черного Креста» Ирина Николаевна ИЛОВАЙСКАЯ (УЙТТЕНХОВЕН), но она уже более года заседаний Секретариата не посещала, хотя оказывала личную помощь деньгами. По принципу прежде все члены Секретариата Федерации были членами Секретариата «Черного Креста». Помню, ХАРХАРДИН между первым и вторым своим арестом подал официальное заявление о выходе из «Черного Креста», также и АНОСОВ; последний заявил об этом словесно. Средства «Черный Крест» имел путем получения от анархистов и их знакомых, путем устройства лотерей, присылки из-за границы, главным образом из Америки (Детройт и Чикаго).

Кроме того, я состою членом Карелинского Комитета вместе с БОГОМОЛОВЫМ, обоими СОЛОНОВИЧАМИ, которые твердо остались в Комитете. Раньше состояли членами Карелинского Комитета все секретари Федерации анархо-коммунистов и анархистов, и его, т.е. Карелина, друзья, в том числе И.Н. ИЛОВАЙСКАЯ, всего человек 30. Книгу СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа» я просматривал два тома, книга ходила по рукам, разрешения цензуры нет. Мне в книге понравилась та часть, которая характеризовала Бакунина по его материалам и материалам СТЕКЛОВА о нем. Что же касается попытки СОЛОНОВИЧА изобразить Бакунина мистиком, я считаю это неправильным и вредным. В отношении нападков на советский строй и приписывания Кронштадтского и тому подобных бунтов к анархистским, я считаю неправильным. Факт существования листовки мне известен не был, но поскольку мне прочитаны отдельные места из листовки, найденной при обыске у гр. УЙТТЕНХОВЕН, считаю такой факт возмутительным. Мне не было известно о карелинском мистицизме. Мне он дал две или три драмы, из которых под заглавием «Анархисты» одна или две с мистическим уклоном, заглавий не помню. Они напечатаны на пишущей машинке, кажется, лично самим КАРЕЛИНЫМ.

К УЙТТЕНХОВЕН я зашел как к бывшему члену Секретариата «Черного Креста» для оказания материальной помощи и узнать точно, где она находится. У УЙТТЕНХОВЕН я бывал четыре-пять раз за все время, она бывала у меня раза два-три, и, кроме того, встречался с ней на заседаниях «Черного Креста» и Карелинского Комитета раз десять.

Протокол мною прочитан и записан правильно с моих слов.

А.Андреев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 17–17об]

ПОКАЗАНИЯ АНДРЕЕВА А.В. 24.10.30 г.

Настоящим заявляю, что ни в каких подпольных анархистских организациях никогда не состоял и что никакой нелегальной литературы не распространял. Прокламацию с призывом к вооруженному восстанию, которую мне показал следователь, т. КИРРЕ, при допросе 10.10 с.г. я увидел в первый раз у него, т. КИРРЕ. Прокламацию я прочитал не всю, а лишь те места, которые были подчеркнуты красным карандашом, т.е. призыв к вооруженному восстанию. Как я заявлял и 10.10 с.г., эту прокламацию считаю возмутительной, вредной для анархистской работы, и с содержанием ее в корне не согласен. Считаю призыв к вооруженному восстанию в данный момент существования советской власти против советской власти контрреволюционным действием, выгодным для буржуазии и реакции, которые при торжестве уничтожили бы в первую голову анархистов. За все время советской власти я искренне и добросовестно работал в государственных учреждениях, а также кооперативных, по

своей специальности в качестве бухгалтера и считаю свою работу частью практической работы по строительству социализма, имеющей целью подойти к безгосударственному социализму, т.е. анархизму.

Как известно, по убеждениям я являюсь анархистом-коммунистом с 1906 г. по настоящее время. С 1925 г. после роспуска Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов в политических организациях не состою. Единственная моя работа, имеющая косвенное отношение к анархизму, — это работа по «Черному Кресту», если вообще можно назвать это работой. Работа «Черного Креста» протекала легально, в частности помощь посылалась через почту, частью выдавалась через родственников заключенных и всем выдачам и поступлениям велись записи и соответствующие отчеты периодически. Поскольку советская власть разрешала деятельность «Красного Креста», то мне казалось, нет оснований не разрешать таковую «Черному Кресту». Таким образом, обвинение меня в антисоветской деятельности в связи с анархо-подпольем и распространении нелегальной литературы считаю просто ошибкой и недоразумением.

Как мне заявлено, прокламация с призывом к вооруженному восстанию найдена при обыске у И.Н. ИЛОВАЙСКОЙ-УЙТТЕНХОВЕН. Я мало сравнительно знаю ИЛОВАЙСКУЮ-УЙТТЕНХОВЕН, но поскольку я ее знаю, мне кажется, что прокламация эта составлена не ею, а кем-либо другим, лицом или лицами, или это просто ребяческая выходка.

В отношении распространения анархической литературы через т. КОРНИЛОВА могу заявить, что один раз, может быть два раза, хотя едва ли, я давал несколько книг из общеизвестной анархической литературы, издания «Голос Труда», возможно, карелинские брошюры, но какие именно это были книги, когда точно были даны — не помню. Давал я для чтения, и передо мной не ставился, насколько мне помнится, вопрос об ее распространении.

Показания написал собственноручно.

Александр Андреев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 18–19об]

АНОСОВ Григорий Иванович (1888 — после 1935)

Аносов Григорий Иванович родился 23 или 24 апреля 1888 г. в крестьянской семье с. Боршево Коротоякского уезда Воронежской губернии. Отец — Иван Иванович Аносов, мать — Анна Ильинична Аносова, братья Александр, Яков, Семен и сестра Клавдия жили в с. Боршево еще в 1930 г.

Аносов учился в Воронежской духовной семинарии и привлекался к следствию в качестве обвиняемого по делу взрыва печи 10.08.1906 г. Согласно его показаниям, анархистом-коммунистом он считал себя с 1905 г. В связи с фактами причастности Аносова к организации «Крестьянское братство партии социалистов-революционеров» в с. Яблочном Коротоякского уезда, где он «обучал ее членов военному строю и фр-жейным приемам», на воронежской квартире Аносова 29.02.1908 г. был произведен обыск, найдено оружие и порох, после чего он был заключен в Коротоякскую тюрьму. 16.07.1909 г. приговором Временного военного суда в г. Воронеже Аносов по этому делу признан невиновным, однако тотчас же был снова взят под стражу и заключен в Воронежскую губернскую тюрьму по тому же обвинению. Ему грозила высылка в Восточную Сибирь сроком на 5 лет, но дело, по-видимому, закрыли, поскольку 04.01.1910 г. Аносов опять был арестован и помещен в Воронежскую губернскую тюрьму за сбор и передачу денежных средств партии с.-р. В 1914 г. Аносов был призван в армию, участвовал в боях, а с 1915 по 1918 г. находился в плену в Германии. После освобождения вернулся в Воронеж, возглавив анархистскую деятельность в городе и губернии; во время гражданской войны находился в плену у Шкуро и был освобожден частями Красной Армии из тюрьмы г. Харькова. С 1918 по 1926 г. Аносов — один из секретарей Всероссийской федерации анархистов-коммунистов.

Осенью 1929 г. от Аносова к Н.И.Проферансову ушла жена, Юлия Митрофановна, урожденная Бутусова, с тремя детьми — Сергеем, 1916 г. рожд., Еленой, 1921 г. рожд., и Юлией, 1922 г. рожд., а сам он переехал в коммунальную квартиру по адресу: Пресненский вал, Расторгуевский переулок, д. 8/10, кв. 2. К этому времени он работал распространителем печати и инструктором по туризму. Наиболее подробно о его жизни в этот период показывали его новые соседи по квартире — М.В.Кустова и ее дочь, К.Ф.Кустова. Так, по словам первой из них, Аносов при переезде отрекомендовался «секретарем Общества туристов», но когда они справились о нем в этом Обществе, то оказалось, что там он «просто проводил электричество, да и то по временной работе». По их словам, «к Аносову часто приходили мужчины и женщины, все интеллигентные, приезжали даже иностранцы». К.Ф.Кустова рассказывала, что у Аносова была большая библиотека, состоявшая из художественной (классика русская и зарубежная), географической литературы и политической, где были книги Бакунина, Кропоткина и Карелина. «Было такое время, что приходила женщина и оставалась без него, тогда наблюдался особый наплыв женщин. Мы проверили, в чем было дело, подослав одну гражданку. Оказалось, что эта женщина занималась гаданием. Иногда приходили женщины прямо к Аносову с этой целью. Когда его не заставляли дома, то спрашивали, какой он из себя гадатель. Аносова мы считали врачом, печатником (по документу), туристом-профессионалом, электромонтером — трудно было определить, кто он такой есть. Нас удивляло, как он мог жить, когда не было средств, т.е. работы. Он открыто заявлял, что он в ней не нуждается, она его не интересуется, и по повесткам не являлся на биржу труда. В конце зимы, кажется, он поступил работать агентом по распространению газеты «Известия»...» [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 9, л. 7 и 9].

Первый раз Г.И.Аносов был арестован 23.04.1925 г. на своей квартире (Тверская, Настасьинский переулок, 5, кв. 2), по подозрению в связях с анархо-подпольем, что он категорически отрицал, заявив: «Во всех отношениях я солидаризируюсь с тем, что исходит лично от Карелина; что касается деятельности остальных членов Секретариата ВФА, то я не несу за них ответственности, ибо в Секретариате уже не состою с конца 1924 г. <...> В Москве существуют анархические группы для изучения теории анархизма, но этих групп я не знаю...» [ЦА ФСБ РФ, Р-15707 (преж. — 575051), л. 5об].

В знак протеста против этого ареста Аносов объявил голодовку, поскольку, по его сообщению, Рутковский и Кирре обещали ему освобождение, однако последнее пришло к нему только на четвертый день — 29.05.25 г. Протест Аносова, по-видимому, был связан с выданной им подпиской о лояльности, которой добивались от него в ОГПУ и которая датирована 08.05.25 г.: «Даю честное слово анархиста, что Советская власть и коммунистическая партия будет видеть в лице меня самого честного друга и товарища, что я доказал и доказываю с первого дня после моего возвращения из германского плена; как на фронте, так и на мирном строительстве работал рука об руку с коммунистической партией. Григорий Аносов» [ЦА ФСБ РФ, Р-15707 (преж. — 575051), л. 20].

При аресте и обыске у Аносова были изъяты, наряду с другими бумагами, сочинения А.А.Карелина в рукописях — «Три ночи», «Страшный звонарь», «Рыцари», «Картинки из жизни Господина Великого Новгорода», — которые жена Аносова, получила из ОГПУ только 12.09.25 г.

Очередной арест Г.И. Аносова произошел в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске у него было изъято: 1) газета «Рассвет» за 1925–1926 гг., 2) папка с разными бумагами и статьями анархистского содержания, 3) папка с машинописными материалами религиозного содержания, 4) регистр с вырезками из газеты «Рассвет» и других, документами анархического «Черного Креста» периода 1921 г., стихотворением С.Есенина «Послание евангелисту Думьяну» и другой литературой, 5) 4 фотографии, различные адреса и царские (бумажные) деньги. Характерно примечание к протоколу обыска, что «оставлено около 5 пудов литературы различных авторов (анархистов) и различные архивные материалы Комитета анархистов (бланки, билеты и др.)». Кроме того, изъята пишущая машинка «Ремингтон» и 4 кредитных билета на сумму 10 долларов США.

Допрошен 14.09.30 г. и 28.12.30 г. В.Саоновым. 25.09.30 г. Г.И.Аносову было предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, соз-

дании подпольных кружков и руководстве таковыми. Содержался он в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ от 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Г.И.Аносов был приговорен к пяти годам заключения и отправлен в Ярославский политизолятор. 04.09.35 г. он был освобожден из тюрьмы и сослан на поселение в Омскую область.

Дальнейшая судьба Г.И.Аносова неизвестна.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ АНОСОВА Г.И. 14.09.30 г.

По убеждениям в настоящее время механически продолжаю оставаться анархистом-коммунистом, но фактически, работая в контакте с товарищами большевиками, начинаю разделять их идеи. В прошлом году, в беседе с т. СЕМЕНОВСКИМ, старым большевиком, работающим в Наркоминделе в дипломатическом корпусе, я поднимал вопрос о возможности вступления в ВКП(б). Он предложил предварительно зарекомендовать себя где-либо на производстве. Я стремился попасть на производство, ставил этот вопрос перед многими своими знакомыми, но пока еще безрезультатно.

Отступление от идей анархизма у меня стало наблюдаться года три тому назад после разочарования в своих друзьях, носителях идеи анархизма. Почему — уточнять этого вопроса не буду, т.к. это тяжелая вещь. И под влиянием фразы Ленина «через социализм мы придем к коммунизму». Окончательно отошедшим от анархизма себя не считаю. Практическую деятельность по анархизму прекратил уже лет пять. Со своей стороны не делаю никаких попыток к встречам с товарищами анархистами, но вообще встречи были. С СОЛОНОВИЧЕМ не встречался с полгода. Елена Георгиевна есть у меня знакомая, фамилии ее не знаю, она учительница детского чтения. Фамилию вспомнил — АДАМОВА. Она как будто тоже считала себя анархисткой. По фамилии АКСЕНОВА Лидия Николаевна есть у меня знакомая. Приходила она к моей жене на Настасьинский переулок, 5, кв. 2. Знаю их семью. По моему, они все были анархистами. Фамилия их КУЛОВЫ. На квартире у меня бывали Надежда, Липа, Лидия и братья. У КУЛОВЫХ на квартире, правда, давно, кажется, бывал, или это я был у АКСЕНОВЫХ. Знаю ЛЕБЕДЕВУ Екатерину и ее сестру, художницу. Был у них в прошлом году и предлагал им работать по туризму, но основная цель интимного порядка (хотел сделать ей предложение, быть может). Они раньше значились анархистками. Помню, в ВФА встретился с ВЛАСЕНКО Борисом и его женой Евгенией у КАРЕЛИНА.

В свое время, будучи членом Секретариата ВФА, организацией кружков заниматься приходилось, вернее, вел пропаганду идей анархизма. При жизни КАРЕЛИНА у него иногда собирались анархисты, он читал собравшимся лекции по анархизму, искусству, философии. Бывали на них: я, СОЛОНОВИЧ, ВЛАСЕНКО, НОТГАФТ, ПРОФЕРАНСОВ, БОГОМОЛОВ, ХАРХАРДИН, ХУДОЛЕЙ. Окультистскими науками я интересовался с духовной семинарии, примерно до 1925 г., но ни в каких организациях подобного рода не состоял. Из окультистов знаком с ТЕГЕРОМ*. Примерно году в 1919—1920 был слушателем Антропософского общества, интересовался также мистикой. Мистиком считал себя СОЛОНОВИЧ, также и я считал себя мистиком. Каким образом попал ко мне устав кружка мистиков — сказать затрудняюсь. ГЕДЕВАНОВА Надя... [В листе обрыв, и продолжения нет. — А.Н.].

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 33-33об]

* Тегер Евгений Карлович, род. в 1890 г. в Москве; участник московского Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.; с 1909 по 1913 г. в ссылке в Якутской области; в 1914—1917 гг. в ссылке в Вятской губ.; в 1917—1922 гг. работал на советской, военной и дипломатической работе; 1922—1927 гг. работник Наркомвнешторга. Окультизмом начал интересоваться

и заниматься с 1913 г., был знаком практически со всеми оккультными кружками и течениями Москвы и Петрограда. Арестован 19.02.28 г. Постановлением Коллегии ОГПУ от 21.08.28 г. за создание нелегальной оккультной организации осужден на 7 лет концлагерей (Соловки); по состоянию здоровья и ходатайства со стороны жены, М.И.Сизовой, 25.07.29 г. отправлен в ссылку в Казахстан (г. Петропавловск), а оттуда решением ОСО ОГПУ от 23.10.30 г. на оставшийся срок — в Ташкент. После освобождения находился на свободе до 02.04.37 г., когда был вновь арестован в г. Кирове (Вятка) и 28.06.37 г. приговорен ОСО НКВД СССР к 5 годам ИТЛ.

ПОКАЗАНИЯ АНОСОВА Г.И. 28.12.30 г.

Я являюсь членом Карелинского и Кропоткинских Комитетов. Одно время состоял в Бакунинском, но механически выбыл. В Карелинский Комитет помимо меня входили оба СОЛОНОВИЧИ, АНДРЕЕВ Александр Васильевич, БОГОМОЛОВ, родственники КАРЕЛИНА, человека три, один брат КАРЕЛИНА, Михаил Андреевич, вероятно, УЙТТЕНХОВЕН Ирина Николаевна и другие. Мужа УЙТТЕНХОВЕН я, возможно, встречал на заседаниях Карелинского Комитета, возможно, Кропоткинском. В задачу Карелинского Комитета входило издание литературных трудов КАРЕЛИНА и организация музея его имени.

После освобождения из тюрьмы в 1925 г. моя деятельность как анархиста выразилась в том, что я принимал участие в заседаниях Кропоткинских Комитета и Карелинского Комитета. Устраивались ли специальные заседания анархической секции — я не помню. Зачитанные мне выдержки из декларации «Цели и задачи анархо-коммунистов» по поводу колхозного строительства я не разделяю. Солоновичского труда «Бакунин и культ Иальдобаофа» я не читал и ничего о нем не слышал и не знаю. В период моей работы инструктором по распространению изданий Комкадемии, Госиздата и других организаций однажды в вагоне я познакомился с молодой женщиной, которой в процессе разговора я указал, что я — анархист, и дал ей свой адрес с предложением, если она будет в Москве, встретиться со мною. Что я ей рассказывал о себе как об анархисте — я не помню. Спустя продолжительное время, как я помню, она приезжала в Москву, останавливалась в гостинице около Кремля, и у меня с ней состоялось две встречи: одна у нее в гостинице, другая у меня на квартире. Цель ее приезда я не знаю, в Москве я ее ни с кем не знакомил, в Кропоткинский музей я ее не водил. Давал ли я ей анархическую литературу — я не помню. Думаю, что ничего ей не давал. Никаких советов по ведению анархической работы я ей не давал.

Лекции по анархизму-мистицизму, перепечатанные на пишущей машинке, у меня имелись. Автором их является СОЛОНОВИЧ. Взял я у него их лично для прочтения, вернее, для ознакомления. Читать их я никому не давал. Кружков я ни анархических, ни мистических не создавал и не руководил таковыми. Кружка, в который входили бы ЛЕБЕДЕВЫ, КУЛОВЫ, ЧЕККИН и другие, я не знаю. Ни в каком ордене я не состою. Мечтал о том, чтобы как-нибудь проникнуть в таковой и узнать те знания, которые они несут. Однажды мне удалось узнать от АНДРЕЕВА, что есть какой-то мистический кружок, куда входил, между прочим, ДЗЕРЖИНСКИЙ. На одно из собраний этого кружка меня приглашал прийти АНДРЕЕВ Андрей, но мне не удалось за недостатком времени. Живя на квартире на Краснопресненском валу, никаким гаданием я не занимался.

Г.Аносов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 38-39]

АСКАРОВ-(ЯКОБСОН) Герман Карлович
(1882 — после 1935)

Аскар-ов-(Якобсон) Герман Карлович, до 1935 г. известный просто как Аскар-ов, родился 24 июня 1882 г. в г. Риге, из мещан. Отец Аскарова был управляющим име-

нием некоего Вошила в Орловской губернии. В 1902 г. Аскарков окончил классическую гимназию в г. Нежине и с того же времени считал себя анархистом-универсалистом. В 1905 г. был арестован по делу анархической группы, находился 8 месяцев в заключении в Щавельской тюрьме в Киеве, откуда бежал, находился на нелегальном положении, был пойман в 1907 г., провел 8 месяцев в Луцкой тюрьме как «нелегал», после чего эмигрировал во Францию. В Россию вернулся в июле 1917 г. и был избран членом Военно-революционного комитета в Петрограде.

В дальнейшем Аскарков является постоянным членом Секретариата анархистов-универсалистов вплоть до его ликвидации в 1922 г.

01.11.21 г. Г.К.Аскарков впервые был арестован МЧК по обвинению в связях с анархо-подпольными группами Льва Черного, укрывательстве анархистов, бежавших из Рязанской тюрьмы, скупке фиктивных документов, связи с махновцами, антисоветской агитации на лекциях и т.п. 21.01.22 г. постановлением ОСО ОГПУ Аскарков приговорен к заключению в Архангельский (в Ново-Двинской крепости?) концлагерь сроком на два года. В результате пересмотра дела, возбужденного по ходатайству Аскаркова, основная часть предъявленных ему обвинений отпала в связи с разбором дел на других лиц, и первоначальный приговор 27.07.22 г. был заменен сначала двухгодичной ссылкой в Вятскую губернию на поселение, затем — в местечко Почеп Гомельской губернии. 05.01.24 г. Комиссией НКВД по административным высылкам Аскарков был досрочно освобожден.

К моменту его ареста 14.09.30 г. засадой на квартире А.А.Солоновича, Г.К.Аскарков был безработным и проживал в Москве по адресу: Новинский бульвар, д. 7-а, кв. 5, с матерью, женой, Александрой Михайловной Кукушкиной, 1903 г. рожд., и племянницами Судиловскими — Ангелиной Михайловной, 1903 г. рожд., аспиранткой 1-го МГУ, и Евгенией Михайловной, 1908 г. рожд., студенткой химфака 2-го МГУ. При обыске на квартире у Аскаркова были изъяты: 1) архив газеты «Анархия», 2) фотокарточка Г.К.Аскарова, 3) 34 фотокарточки похорон П.А.Кропоткина, 4) записные книжки, 5) 3 фотокарточки, и уничтожены 98 рублей царских (бумажных) денег.

16.09.30 г. Аскарков освобожден под подписку о невыезде, а 13.01.31 г. дело в отношении него было прекращено.

Вновь Аскарков (уже как Аскарков-Якобсон) был арестован 13.01.35 г. по обвинению в «*систематической антисоветской агитации и распускании клеветнических слухов о руководстве ВКП(б)*». Квартира Аскаркова указывалась как место «*сборищ*» анархистов и антисоветских элементов, среди которых Аскарков вел к/р пропаганду, расценивая «*совласть, как худшую разновидность фашистской диктатуры и предсказывая скорую гибель советского строя*». [ЦА ФСБ РФ, Р-36622 (преж. Н-9737, 796), л. 1].

Архивно-следственное дело Г.К.Аскарова-Якобсона 1935 г. дает более подробные сведения о его родственных связях. В это время он работал экономистом-финансистом в Центрожилсоюзе (Центральный союз жилищной кооперации), был холост, т.к. его первая жена, Ивонна Мартье, 1900 г. рожд., находилась в Вене с новым мужем, а свою вторую жену, А.М.Кукушкину, он «*потерял из вида с 1925–1926 гг.*» и поддерживал отношения только с семьей своей сестры Судиловской. Последняя жила на иждивении сына, инженера Льва Михайловича Судиловского, 1906 г. рожд., дочери, Ангелины Михайловны Судиловской, старшего научного сотрудника АН СССР, вместе со своей сводной сестрой Марией Карловной Корольковой, 1870 г. рожд., проживавшей там же, на Новинском бульваре, д. 7, кв. 25. Сам Аскарков жил в 3-м Тверском-Ямском переулке, д. 7, кв. 11. По показаниям Л.М.Судиловского, Аскарков «*говорил, что период от революции к бесклассовому обществу осложнен диктатурой и что диктатура пролетариата заключает в себе трудности не привести к бесклассовому обществу, а возможность стабилизации постоянной формы власти с постоянной правящей кастой...*» [ЦА ФСБ РФ, Р-36622, л. 34].

17.03.35 г. Постановлением ОСО НКВД СССР Г.К.Аскарков-Якобсон был приговорен «за контрреволюционную агитацию» к пяти годам заключения в исправительно-трудовые лагеря [ЦА ФСБ РФ, Н-9737 КГБ СССР].

Дальнейшая его судьба неизвестна.

ПОКАЗАНИЯ АСКАРОВА Г.К. 15.09.30 г.

14-го сентября 1930 г. я отправился на квартиру СОЛОНОВИЧА с целью переговорить с ним и его женой об оказании помощи старику, бывшему бакунинцу, МЕДЫНЦЕВУ Константину Николаевичу, который в настоящее время находится в крайне тяжелом состоянии здоровья. Я полагаю, что при переговорах с Обществом политкаторжан его возможно будет поместить в общежитие политкаторжан. Сам я лично не имею знакомых и друзей среди политкаторжан. Думал, что жена СОЛОНОВИЧА, которая в Комитете им. Кропоткина встречается с Верой Николаевной ФИГНЕР и т. САЖИНЫМ, сможет что-нибудь сделать в этом направлении.

Придя на квартиру СОЛОНОВИЧЕЙ, я встретил засаду, оставленную после ареста СОЛОНОВИЧА, и был ею задержан до 2-х часов 15-го сентября и оттуда препровожден в ОГПУ.

Раньше до этого был за все время, т.е. за 13 лет, у СОЛОНОВИЧА два раза, насколько помнится, в связи с историей в музее им. Кропоткина, в которую я сам лично не вмешивался.

За все последние 8 лет я исключительно работал в советских организациях на ответственной работе по экономическим, организационным и культурно-просветительным вопросам. Наряду с этим мною написано две работы – одна напечатана («Культурно-просветительная работа в охоткооперации»), вторая на 10 печатных листов отдана в печать и издается Всерохотсоюзом по плану «Охотничья кооперация».

Ни в какой политической антисоветской деятельности ни прямым, ни косвенным путем я не участвовал, а равно ни в каких политических антисоветских организациях, ни подпольных, ни открытых. [Далее Аскарлов сообщает, что полностью поддерживает Соввласть, индустриализацию, коллективизацию и строительство социализма. — А.Н.] Теории мистического анархизма, выразителем которого является СОЛОНОВИЧ, я не являлся и не являюсь его последователем; его мировоззрение не разделяю и никогда ни в каких мистических организациях (орденах) не состоял и не состою, и никакого содействия этому движению никоим образом никогда не оказывал.

В настоящее время я считаю невозможным ведение анархической работы и создание анархического движения, полагаю, что последнее несовместимо со строительством коммунизма, проводимого партией ВКП(б).

Г. Аскарлов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 46-47]

БЕМ Дмитрий Александрович
(1880–1938)

Бем Дмитрий Александрович родился 15 мая 1880 г. в дер. Листвяны Московской губернии и уезда, в семье потомственного дворянина, надзирателя и репетитора Московской Земледельческой Школы Императорского Общества сельского хозяйства, надворного советника А.П.Бема. Окончил 5-ю мужскую гимназию. С 1899 г. – студент математического факультета Московского университета. В 1914–1915 гг. – учитель математики и физики 6-й московской мужской гимназии; в 1916–1917 гг. – женской гимназии З.Д.Травниковой, Реального училища инженеров Ф.Д.Дмитриева, председатель педагогического совета женской гимназии М.И.Житц. К моменту ареста в 1930 г. мать и отец показаны умершими, сестер и братьев нет. Последнее удостоверение требует проверки, поскольку в архивно-следственном деле Д.С.Недовича упоминается детская поэтесса, работавшая в Детиздате, Ольга Александровна Бем, приходившаяся Д.С.Недовичу троюродной сестрой [ЦА ФСБ РФ, Р-20632 (преж. 7445, 36253-44, 038980), л. 28]. Бем был преподавателем, доцентом теоретической механики Московского Высшего строительного института и других учебных заведений; с 1918 г. преподавал в Высшей военной школе связи, затем в Военно-педагогическом институте, а в 1926 г. – в Военной академии им. Фрунзе. Тогда же, 19.09.26 г. имя Д.А.Бема впервые появлялся в одном из протоколов заседаний Исполнительного

Бюро Музея П.А.Кропоткина [РО ГЛМ, оп. 7, Материалы Кропоткинского музея, дело 11 (1926 г.), л. 15], после чего он вскоре становится членом Комитета по увековечению памяти П.А.Кропоткина и одновременно заместителем заведующего Музеем П.А.Кропоткина в Москве, получив квартиру в помещении музея в Кропоткинском переулке, д. 26-а.

О том, что преподавательская деятельность Д.А.Бема именно в это время распространяется гораздо шире его официального служебного списка, свидетельствует находящаяся в документах проверки дела «Ордена Света» любопытная выписка из оперативных материалов № 1720 на некоего Гусейн-Заде Г.Г., выворенного в 1927 г. за границу за продажу драгоценностей, где сказано, что «к числу его связей относится Страхова Д.Д., приятельница и подруга профессора Дмитрия Александровича Бема, гордо носящего звание «Друга Троцкого» и преподавателя детей Л.Д.Троцкого» [ЦА ФСБ РФ, Р-33312 (преж. 103514, 449556), л. 665-666].

Что касается орденской деятельности Д.А.Бема, то ее начало фиксируется, с одной стороны, показаниями М.И.Сизова 23.04.33 г., согласно которым тот с самого начала (т.е. с 1920 г.) стоял у его руководства вместе с А.А.Карелиным [ЦА ФСБ РФ, Р-35656 (преж. 604434, Н-9215), л. 66об], а с другой – показаниями В.И.Жданова 30.04.42 г., в которых сообщал, что в 1920 г. был привлечен Бемом в один из кружков «Ордена тамплиеров», который собирался на его квартире, где прослушал десять лекций по истории Атлантиды, причем в этой же орденской организации состоял известный оккультист Ф.П.Веревин и священник П.А.Флоренский [ЦА ФСБ РФ, Р-19769 (преж. 4003, 052973), л. 19об – 20об].

12.09.30 г. Бем был арестован засадой на квартире А.А. Солоновича. Допрошен В.Саоновым 15 и 29.09.30 г., 21.11.30 г. и 03.01.31 г. 29.09.30 г. ему было предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании нелегальных кружков, руководстве ими и ведении антисоветской пропаганды, причем под «нелегальными кружками» подразумевалось участие Д.А.Бема в работе одного из библиографических кружков при библиотеке-читальне Музея Кропоткина¹. Во время следствия содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» был осужден на пять лет заключения в Ярославский политизолятор, откуда в том же 1931 г. был выслан в г. Томск ЗСК, а весной 1934 г. переведен в с. Каргасок Нарымского края.

25.01.37 г. Нарымский окружной отдел НКВД произвел ряд арестов ссыльных анархистов, в том числе и Д.А.Бема, которому было предъявлено обвинение в участии в организованных А.А.Солоновичем анархо-мистических кружках, на которых изучалась «анархо-мистическая теория, обсуждались вопросы налаживания связи с заграницей, организация широко разветвленной анархо-мистической организации для борьбы с советской властью». На следствии Бем вместе с привлеченными по этому же делу ссыльными Мокринским и Зильбергом обвинение признал, но на судебном заседании от всех показаний, данных на предварительном следствии, отказался. Тем не менее 04.06.38 г. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР Д.А.Бем был признан виновным по ст.ст. 19, 58/2, 10, 11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания (расстрел). Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Реабилитирован по делу «Ордена Света» определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ См. дело Библиографического кружка в ЦА ФСБ РФ, Н-6126 (преж. 8431, 574747).

Опубликовано в I томе.

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. 15.09.30 г.

Диктатуру пролетариата считаю при данном положении вещей полезной, т.к. она может дать возможность проявиться массовой инициативе и необходима как метод борьбы для окончательного уничтожения буржуазного строя и тенденций. На

анархизм смотрю как на завершение человеческого развития. С моей точки зрения, анархизм должен привести к полному социализму. При настоящем положении вещей об анархизме можно говорить лишь теоретически, указывая на возможность такого строя общества в отдаленном будущем. Для усвоения массами идей анархизма необходим высокий культурный уровень.

Анархо-мистицизм считаю попыткой дать анархизму некоторое философско-идеалистическое толкование. Думаю, что реальной почвы для анархизма и мистики нет, как движения массового; для отдельных индивидуумов такое мировоззрение может быть.

Моя философия состоит в следующем. За жизнь нужно постараться узнать возможно больше; при жизни окружающим людям необходимо принести наибольшую пользу. Лично для себя прямым делом я считаю преподавание. Интересуюсь различными течениями мысли человеческой. Алексея Александровича СОЛОНОВИЧА знаю давно. Познакомился с ним у академика Николая Николаевича ЛУЗИНА. Общность математических интересов нас несколько сблизила. СОЛОНОВИЧ всегда поражал своей начитанностью, оригинальностью мысли и силой фантазии.

Книга СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа» известна мне лишь отрывками, полностью впечатления от книги не имею. То, что прочитано мною, для меня интересно большим количеством цитат из Бакунина. Эту книгу считаю странной попыткой мистифицировать Бакунина.

Дмитрий Александрович Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 54-54об]

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. 29.09.30 г.

Категорически заявляю о том, что ни о каком Ордене не слышал и к таковому отношения не имею. На похоронах КАРЕЛИНА я был, но ни белых роз, ни голубой звезды на могиле его не видел. Разговора также на эту тему нигде не имел и не слышал.

Дмитрий Александрович Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 55]

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. 21.11.30 г.

По своим убеждениям я являюсь анархо-коммунистом, т.к. считаю, как уже было и выше сказано, анархическое общество наиболее совершенным. Анархо-коммунистом я считаю себя с 1914 г.; активной анархической работы не вел, т.к. считаю ее преждевременной. Членом ВФА не состоял. Из анархистов знаю: Алексея Александровича СОЛОНОВИЧА, в засаде у которого и был забран. Встречал в Кропоткинском музее: Ирину Николаевну УЙТГЕНХОВЕН, Алексея Александровича СОЛОНОВИЧА, Алексея Алексеевича БОРОВОГО, с которыми приходилось встречаться на заседаниях Кропоткинского Комитета, членом которого состоял; вместе с тем являюсь заместителем заведующего Музеем. В состав Комитета по увековечению памяти Кропоткина входят следующие лица: Софья Григорьевна КРОПОТКИНА, Вера Николаевна ФИГНЕР, Николай Константинович ЛЕБЕДЕВ, Михаил Петрович ШЕБАЛИН и некоторые родственники Петра Алексеевича КРОПОТКИНА, например Н.А.КРОПОТКИН, Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ. Всего, по-моему, около 15 человек.

Моя работа по музею состоит в замещении М.П. ШЕБАЛИНА в то время, когда он уезжает. В мемориальные дни иногда читал лекции о КРОПОТКИНЕ. Кроме анархической секции при музее существуют секции научная, секция литературная и секция географо-геологическая. Цели и задачи этих секций: литературной – исследования литературных работ П.А.КРОПОТКИНА; географо-геологической – исследования работ П.А.КРОПОТКИНА в области геологии и географии. Научная секция ставит задачей разработку теоретических оснований работ П.А.КРОПОТКИНА; анархическая секция разбирает анархические работы П.А.КРОПОТКИНА, приводит в хронологический порядок и собирает литературу о КРОПОТКИНЕ.

В анархическую секцию вхожу я, СОЛОНОВИЧ, БОРОВОЙ, УЙТТЕНХОВЕН. Н.К.ЛЕБЕДЕВ – геолого-географическая секция. В литературную секцию входит ряд политкаторжан, из них помню ЛЕОНОВИЧА-АНГАРСКОГО.

В научную секцию входили СОЛОНОВИЧ, БОРОВОЙ. В личной своей жизни я провожу анархические идеи следующим образом: стараюсь избегать всякого насилия над людьми, выработал спокойное отношение к различным взглядам людей и считаю, что всякий человек имеет право иметь свои убеждения и должен при этом считаться с тем, чтобы они не приносили вреда окружающему обществу. В настоящее время считаю пропаганду анархических идей преждевременной, т.к., будучи неправильно поняты, они могут нанести вред происходящему строительству. Считал бы возможным нести анархические идеи в большие массы лишь при очень высоком культурном уровне масс. Я считаю, что для этого необходим промежуток интенсивной культурной работы около 40-50 лет.

Из преподавателей-математиков анархистов не знаю, да и не веду с ними анархических разговоров. В прошлом году один раз был у Сергея Романовича ЛЯШУКА. Разговаривали об обыденных преподавательских интересах. При мне было народу немного, человека два-три, кроме семьи и живущих в квартире. При мне были СОЛОНОВИЧИ, муж с женой, и КУДРЯВЦЕВЫ, муж с женой. Больше я у С.Р.ЛЯШУКА не бывал. Разговоров на политические и общественные темы не было.

Мистическое течение, как одно из философских мировоззрений, считаю допустимым. Лично я разговоров на мистические темы избегаю. ТЕГЕРА я знал с 1920 по 1922 г. Считаю его анархистом, интересующимся оккультными вопросами. С ТЕГЕРОМ я познакомился у Аполлона Андреевича КАРЕЛИНА. С 1922 г. я с ним не виделся. НАРБУТ бывал в музее, интересовался Кропоткинским; кроме того, он интересовался историей Египта. Политическая физиономия его мне неизвестна. Насколько мне известно, НАРБУТ был лоялен по отношению к власти, получал пенсию. В мае с.г. получил от него из Соловков письмо, где он пишет, что не унывает, надеется найти работу. Причину высылки он в письме не сообщает, и мне таковая неизвестна. Специальных разговоров по вопросам мероприятий соввласти с ним не имел. По поводу тов. Сталина разговоров с ним не было; также не было разговоров и о терроре.

КАРЕЛИНЫМ с разрешения соответствующих властей было организовано издательство. Для этой цели было куплено около 1,5 пуда шрифта сбитого. Этим шрифтом набирали «Что такое анархия?» А.А. КАРЕЛИНА; разрешение было получено от Главлита, набор производился у АТАБЕКЯНА.

Показания написаны собственноручно.

Дмитрий Александрович Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 58-59]

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. 03.01.31 г.

По вопросу о пребывании П.А.ПАЛЬЧИНСКОГО* в Комитете по увековечению памяти П.А.Кропоткина могу сообщить следующее.

В 1926 г. я переехал в Музей и здесь один раз видел ПАЛЬЧИНСКОГО. По моему мнению, ПАЛЬЧИНСКИЙ не мог быть анархистом. Основанием такого мнения является то обстоятельство, что ПАЛЬЧИНСКИЙ принимал какое-то участие во Временном правительстве. ПАЛЬЧИНСКОГО считают представителем буржуазной революционности. К симбиозу ПАЛЬЧИНСКОГО и анархистов в Кропоткинском Комитете я отношусь как к возможному явлению, т.к. Комитет не является специально анархическим учреждением и собирает лиц, чтущих память Кропоткина. При музее существует читальня, образовавшаяся главным образом из книг, пожертвованных РЯЗАНОВЫМ. Кроме того, при музее устраивались лекции, вход на которые был открыт для всех. На этих лекциях, носивших преимущественно мемориальный характер, давались сообщения о КРОПОТКИНЕ, о Парижской Коммуне, об анархизме, его истории и развитии. Участие в лекциях принимали СОЛОНОВИЧ, я и ЛАНГ. Других лекторов не было. Выступления и прения после лекций не допускались. Попытки к ним немедленно прекращали. О КОЖУХОВЕ и его выступлении

в музее не имею ни малейшего представления. Лекторам было поставлено условие ни в коем случае не говорить о советской власти, что на лекциях было точно соблюдено. Насколько мне известно, при анархической секции музея был образован Библиографический кружок, ставивший целью собирать анархическую литературу. Руководил им ЛАНГ. Я о работах этого кружка ничего не знаю, т.к. не входил в его состав. Других кружков я не знаю. Дмитрий Александрович Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 60]

* Пальчинский Петр Акимович (Иоакимович) (1875–1929), председатель Русского технического общества, выдающийся инженер, товарищ председателя Военно-промышленного комитета (1914–1917), товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, председатель Особого Совещания Временного правительства по обороне, участник революционного движения 1905 г., директор института «Поверхность и недра» и пр. (о нем см.: *Гафаровская И.А. Петр Пальчинский. М., 1996*).

БОГОМОЛОВ Николай Константинович (1887 – после 1930)

Богомоллов Николай Константинович родился 28.07.1887 г. в г. Томске в семье служащего. Окончил реальное училище и четыре курса Московского Коммерческого института. По специальности – бухгалтер, работал в Сибирском торговом банке. Более подробные данные о его службе содержат его показания. К моменту ареста отец умер; мать, Елизавета Ивановна Богомоллова, 1859 г. рожд., жила в Москве на Новой площади, д. 14, вместе с сыном Александром, 1889 г. рожд., врачом Мосздравотдела; второй брат Н.К.Богомоллова, Герман, 1895 г. рожд., сначала фельдшер Мосздрава, затем врач, уехал в Верхний Устюг; сестра Анна Константиновна Любовирская, 1901 г. рожд., работала на киностудии в Москве и жила вместе с матерью и братом. Сам Богомоллов вместе с женой, Евдокией Михайловной Ужви, 1901 г. рожд., и дочерью Татьяной, 1924 г. рожд., жил в Большом Козихинском переулке, д. 4, кв. 9.

Выступая с 1912 г. в качестве анархиста, Н.К.Богомоллов примыкал к наиболее умеренному крылу движения (анархист-коммунист), будучи солидарен с линией А.А.Карелина, и с 1918 г. (с момента образования) состоял в ВФАК, все более эволюционируя в сторону «толстовцев» и анархо-мистиков, о чем свидетельствуют как его собственные показания, так и показания Н.А.Ладыженского, проходившего по «сочинскому делу» 1930 г., которого в 1919 г. Богомоллов познакомил с А.А.Карелиным и А.А.Солоновичем, в 1926 г. дал ему тамплиерское посвящение, а в 1930 г. познакомил с Н.И.Проферансовым. Все это позволяет полагать, что Н.К.Богомоллов с самого начала (т.е. с 1919 г.) был посвящен в орденские планы Карелина и вел двойную работу – по линии легального (полулегального) анархо-коммунистического течения и «Черного Креста», с одной стороны, а с другой – служил связующим звеном между московскими тамплиерами и рядом периферийных анархистских организаций с мистическим уклоном.

На протяжении 20-х гг. Богомоллов был арестован дважды: 19.07.22 г. по подозрению в контрреволюционной деятельности, но вскоре был выпущен, и 03.11.24 г. по подозрению в связях с анархо-подпольем, однако уже 24.11.24 г. дело было прекращено.

В третий раз Богомоллов был арестован в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. на своей квартире. При обыске было изъято: 2 не названных журнала, машинопись «Антитезы», книга «Легенды о Христе» (по-видимому, С.Лагерлёф). 26.09.30 г. Богомоллову было предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании и руководстве нелегальных кружков, распространении нелегальной литературы. В отличие от большинства арестованных, он содержался во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. Несмотря на уличающие его показания Н.А.Ладыженского, постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света»

Н.К. Богомолов был осужден только на три года высылки в Восточную Сибирь. Последнее, возможно, объясняется подписанным им 16.12.30 г. письмом в газету «Правда» с призывом «*всех анархистов к сознательной и активной помощи правительству и партии ВКП(б)*» [1 ЦА ФСБ РФ, Р-33312, л. 91-92], что в то время расценивалось как прямой отказ от анархизма и сотрудничество с компартией и ОГПУ.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Реабилитирован по делу «Ордена Света» определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 14.09.30 г.

Во время Октябрьской революции работал в Минске в Земсоюзе. С занятием города немцами в начале февраля 1918 г. уехал в Москву, где в конце марта 1918 г. поступил в Наркомвнешторг на должность заведующего финансово-счетной частью, а затем консультантом и заведующим кожевенной секцией. Как ведомственный представитель от Наркомвнешторга в 1919 г. был назначен от ВСНХ членом Коллегии главного комитета щетинно-щеточной промышленности, где и оставался до ликвидации, примерно до осени 1920 г., когда перешел в Главный комитет кустарной и мелкой промышленности (Главкустпром) на должность зав. щетинно-щеточной секцией. Ушел оттуда вследствие ликвидации весной 1922 г. после поступления в Наркомздрав в Главное курортное управление бухгалтером-контролером; ушел оттуда вследствие общего сокращения штатов в ноябре 1923 г. В 1924 г. работал в тресте «Льноджут» в качестве бухгалтера и заведующего финансовой частью, а также членом особой ревизионной комиссии треста, коим я был тогда назначен, как мне говорили, по согласованию с экономическим отделом ОГПУ. Ушел из «Льнотреста» также вследствие ликвидации в 1925 г. в «Экспортхлеб», месяца четыре на временной бухгалтерской работе и затем главбухом в стройконторе «Бетонит» Москопрессоюза. В 1926 г. главбухом и замглавбухом Главного управления социального страхования Наркомтруда РСФСР, откуда ушел по собственному желанию и с хорошим отзывом о моей работе. В 1927 г. главбухом хозяйственного отдела Краснопресненского райсовета, откуда ушел по собственному желанию. С 1 марта 1928 г. главбухом государственного паевого товарищества «Починка обуви», куда был назначен правлением «Кожсиндиката» по 5 декабря 1928 г., когда был уволен вследствие слияния предприятий с выдачей полуторамесячного выходного пособия. После этого был некоторое время безработным, а затем с мая 1929 г. имел временную работу по бухгалтерии в «Сельхозимпорте», в «Сельхозсоюзе», в «Хлебодаре» и «Союзмясе». На последнюю службу поступил, примерно, 20 февраля 1930 г. на должность инспектора, а затем главбуха вновь организованного Объединения государственных зрелищных предприятий при Наркомпросе, откуда и был уволен 1 июня с.г. в связи с ликвидацией Объединения с выдачей выходного пособия и с хорошим деловым отзывом о моей работе.

В том же Наркомпросе назначен в апреле 1930 г. членом особой ревизионной комиссии по ревизии финансовых дел Общества драматических писателей. С 27 августа с.г. был назначен на должность экономиста в планово-экономическом отделе Молокоовощтреста, где числюсь и сейчас.

Был ранее арестован весной 1922 г. в бывшей моей квартире, переданной мною моему брату и матери, по Большому Кисельному пер., д. 7 или 8, там ГПУ сделало обыски и засаду во всем доме. Просидел неделю и был выпущен. Вторично был арестован осенью 1923 г. на неделю, причину этого ареста не знаю. Был выпущен без последствий. Был арестован тогда у себя на квартире по распоряжению ГПУ. Квартиру тогда я имел — Сверчков переулоч 8, кв. 5. Допрашивал меня тогда следователь т. БЕЛЫШЕВ. 31 июля 1929 г. в Замоскворецком нарсуде я судился и был признан виновным в неправильном получении денег из страховой кассы за три дня 22 руб., приговорен Нарсудом к двум месяцам принудительных работ. Перед этим в феврале и марте 1929 г. по этому делу народный следователь и тот же Нарсуд не признавали меня

виновным и дело прекращали. Дело было возбуждено против меня по склоке на фабрике «Починка обуви» и уже после моего ухода оттуда. Эта судимость была аннулирована и снята с меня постановлением Президиума ВЦИК от начала ноября 1929 г.

На обращенные ко мне вопросы отвечаю. Взятую у меня при обыске тетрадку, отпечатанную на машинке, автор — Н.Гумилев, «Мик», африканская поэма, Петроград, 1922 г., является перепечаткой с дозволенного к продаже издания. Получена она была мною, если мне не изменяет память, летом сего года от ПРОФЕРАНСОВА Николая Ивановича по моей о том просьбе. Я должен вообще сказать, что являюсь книжным любителем, собираю разные книги и, прежде всего, конечно, редкие книги, поэтому в моей библиотеке имеются разные редкие книги и разных направлений философской и политической мысли. Книжка в красной обложке «Антитезы», 92 страницы, взятая у меня при обыске, была получена (собственно, взята мною по моей инициативе) от ПРОФЕРАНСОВА Н.И. в мае с.г. с целью самому лично прочесть ее. Но вскоре я уехал на дачу и все лето не имел возможности прочесть ее. Собирался это сделать осенью. До сего времени книжки этой прочесть не успел. Но мне известно, что по содержанию своему книжка должна заключать философию религии и критику религии и Библии.

Картинка лубочная, черной печати (не в красках) с заголовком «Тяжко есть иго на сынех Адамлих» была куплена мною несколько лет тому назад на книжном аукционе в Обществе любителей старины (в помещении бывшей гимназии Травниковой в Б[ольшом] Кисловском переулке). Эта картинка была куплена мною как старинная редкая вещь и, конечно, безотносительно к ее содержанию. Нынче летом, когда мне понадобились деньги, я хотел продать несколько книг и эту картинку, но по экспертизе ее в антикварном отделе книжного магазина «Международная книга» на Кузнецком мосту эту картинку признали не ценной и не редкой и у меня не купили. Повторяю, что я собираю редкие книги и издания, поскольку это позволяют мне мои небольшие средства. Я состоял членом Московского общества «Друзей книги» до осени 1929 г.

Мои анархистские взгляды зародились следующим образом. Я происхожу из небогатой семьи, всегда нуждавшейся. Моему отцу приходилось содержать семью в семь-восемь человек. Поступив в 1905 г. в Томский технологический институт, я не мог в нем продолжать учиться, т.к. отец требовал, чтобы я зарабатывал деньги, и определил меня на службу в Сибирский торговый банк на 30 р. в месяц. Я жил и видел перед собой два контраста: дома — нуждаемость, а на службе передо мной проходили богатые люди, клиенты банка. В 1905 г., 17-ти лет, я принимал в Томске участие в студенческих и уличных беспорядках и митингах, но к партии не примыкал ни к какой. Моя активность была тогда по линии профсоюзной работы. С 1906 г. я стал принимать постоянное активное участие в жизни местного Общества торговых служащих (приказчиков), в котором я избирался все время на разные должности: председателем культурно-просветительной комиссии, председателем драматического кружка, членом Правления клуба торговых служащих, представителем от торговых служащих в особую комиссию Томской городской думы о нормальном отдыхе торговых служащих (по закону 09.11.1906 г.).

Так было до 1912 г., когда приехал в Москву и поступил в Московский Коммерческий институт и одновременно тогда же поступил на службу в Москве тоже в Сибирский торговый банк на 25 р. в месяц. Опять социальный контраст встал передо мной. Я видел богатых людей, видел подлинную биржевую игру, и во мне вновь уже более сильно появилось чувство протеста. Я стал читать книги по анархизму, стал вести беседы на эту тему, заводить знакомства, ходить на доклады и самому их делать. Первый мой доклад по анархизму был, мне помнится, в ноябре 1912 г. на большом семинаре Московского Коммерческого института при аудитории человек 500. После этого доклада ко мне обратилась группа студентов для его обсуждения, и через некоторое время мы организовали организацию анархистов Московского Коммерческого института. Вели нелегальную работу в Замоскворецком районе и вели ее часто вместе со студентами-большевиками. Из последних я могу назвать

КОЛОСКОВА Григория Алексеевича, ныне один из ответственных работников Госиздата, ДОБРОХОТОВА Михаила Николаевича, ныне председатель Треста московских гостиниц, и др. Одновременно с 1913 по 1915 г. я состоял председателем Сибирского землячества учащихся всех московских вузов. Это землячество было нелегальным.

Когда я приехал в Москву в начале 1918 г. я встретил здесь своих сотоварищей-анархистов — гг. ХУДОЛЕЯ, ХАРХАРДИНА, ЧЕРТКОВА и др. Мы организовали Лефортовскую организацию анархистов, устроили клуб в Лефортове. В этом клубе я делал несколько докладов. В Лефортовской организации я был выдвинут в члены Лефортовского Совета рабочих депутатов, каким и состоял, кажется, около года. Приходилось мне делать доклады и в других анархических клубах Москвы и в Московском Коммерческом институте. И в дальнейшем мои доклады, чаще всего касались теории анархизма, философского обоснования его, соотношения анархизма и права, в частности государственного права. С весны 1918 г. наша группа познакомилась и примкнула к Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов. Я познакомился с Аполлоном Андреевичем КАРЕЛИНЫМ и сделался одним из его сотрудников. Лично с ним у меня установились самые хорошие отношения.

В моих публичных выступлениях я всегда относился к советской власти не только лояльно, но и положительно. С теоретической стороны (как анархист) я всегда высоко ценил взгляды В.И.Ленина в его книге «Государство и революция», в частности признание Лениным принципиальной ценности анархизма и его взглядов в деле разрушения машины буржуазного государства. В декабре 1918 г. или в январе 1919 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд анархистов-коммунистов. На этом съезде я выступил в защиту тогдашней политики советской власти, указав на ряд положительных достижений большевиков, настаивал на необходимости для анархистов идти в Советы и там работать. Эти мои речи под фамилией «Николин» напечатаны в печатной брошюре отчета об этом съезде. Так определилось мое отношение к советской власти. Часть анархистов, в особенности некоторые из провинции, резко полемизировали со мной. Но все же я тогда прошел в члены Секретариата ВФАК, коим оставался до 1925 г., до ликвидации Секретариата. В состав Всероссийского Секретариата, избранного на вышеуказанном съезде, насколько мне помнится, входили: КАРЕЛИН, БОГОМОЛОВ, В.С. ХУДОЛЕЙ, ДОЛИНИН-ТЕРИАН, ТЮРИН (или ТЮЛИН), уральский рабочий ГОРДЕЕВ, позже расстрелянный на Урале, и, кажется, Маруся НИКИФОРОВА, которая скоро уехала из Москвы куда-то, Александр Васильевич АНДРЕЕВ. Секретариат через некоторое время разделился на две части, а именно гг. ХАРХАРДИН, ХУДОЛЕЙ, АНДРЕЕВ и кто-то еще образовали секретариат Всероссийской Федерации анархистов (без приставки «коммунистов»), но заседания часто бывали и объединенными. Позже вошли в Секретариат ТВЕРЬМОВ Павел (был, кажется, около года), АНОСОВ Григорий Иванович, СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович (был, по моему мнению, около года), СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна (вошла, примерно, с 1923 г. и до конца). Кроме того, еще в том составе был г. АЛМАЗОВ, уехавший из Москвы примерно в 1922 г.

В Кропоткинском музее я принимал участие в анархической секции около полугода, примерно, в 1923 г., когда там были гг. ПАВЛОВ, бывший член Моссовета, САНДОМИРСКИЙ, ХАРХАРДИН, и скоро я ушел оттуда совсем вследствие какого-то очередного конфликта, когда я вообще перестал принимать всякое участие в работе анархической секции музея (с 1923 г.). На протяжении 1918—1925 гг., я помню, было в Секретариате ВФА (коммунистов) такое распределение работы: КАРЕЛИН вел большую личную переписку с провинцией; В.С. ХУДОЛЕЙ — переписку с заграницей (только легальную); И.В.ХАРХАРДИН — внутреннюю переписку, высылку книг в провинцию; Г.И.АНОСОВ вел небольшую техническую работу — исполнительская часть переписки и высылка книг и газет, регистрация членских билетов. На меня, БОГОМОЛОВА, определенной работы никогда возложено не было. Временами я помогал КАРЕЛИНУ в его переписке, в особенности когда он болел; я сам вынужден был отказываться от выполнения или принятия работы, потому что служ-

ба отнимала у меня очень много и сил и времени, что часто вызывало на меня неудовольствие товарищей.

Связь с провинцией Секретариат имел только письменную, путем индивидуальной переписки отдельных членов Секретариата. Изредка приезжали товарищи из провинции, изредка также они присутствовали на заседаниях Секретариата. Никаких агитаторов Секретариат никуда на места не посылал. Дело в том, что КАРЕЛИН и весь Секретариат главную цель свою видели в те моменты в анархической переписке (с провинцией) для поддержания анархической мысли и настроения в отдельных ячейках и также (что признавалось очень важным) распространения анархической литературы в стране. Покойный КАРЕЛИН не раз говорил, что, несмотря на все недостатки и отрицательные стороны советской власти, все же мы, анархисты, не должны идти против нее, ибо это власть революционная и никакая другая не позволила бы нам распространять анархическую литературу и брошюры. После того, когда вследствие недостатка денег прекратилось издание нашего журнала «Вольная Жизнь», примерно в 1923 г., Секретариат издавал изредка информационные письма того же содержания, что и журнал «Вольная Жизнь». Я помню, что эти письма иногда обсуждались в Секретариате, но, вероятно, не все, т.к. Секретариат тогда не собирался месяца по два-три. После смерти КАРЕЛИНА Комиссия по устройству его похорон преобразовалась в Комитет по увековечению памяти КАРЕЛИНА.

Туда входит Агния Онисимовна и Алексей Александрович СОЛОНОВИЧИ, БОГОМОЛОВ, АНДРЕЕВ, четверо родственников Карелина (брат, сестра и племянница с мужем), Ирина Николаевна УЙТТЕНХОВЕН, БРЕНДСТЕД Михаил Михайлович. В секретариате Комитета по увековечению памяти Карелина состоят: Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ, БОГОМОЛОВ, АНДРЕЕВ, УЙТТЕНХОВЕН И.Н. и двое родственников.

По идеологической линии мои взаимоотношения с СОЛОНОВИЧЕМ следующие. Я признаю большие таланты СОЛОНОВИЧА, его эрудицию, философские знания, в частности меня интересуют его взгляды по мистическому анархизму. Я вовсе не считаю себя его соратником и в практической работе я с ним нигде не сталкиваюсь. Не принимаю я никакого участия и в анархической секции Кропоткинского музея, в котором он ведет за последние годы работу. На докладах в секции и на собраниях я никогда не бываю. У СОЛОНОВИЧА года полтора тому назад я брал и читал его книгу «Бакунин и культ Иальдобаофа». Книга мне по содержанию понравилась (я прочел два с половиной тома), хотя не все взгляды автора я разделяю. А спрашиваемые у меня его (СОЛОНОВИЧА) лекции по анархо-мистицизму я не видел и не читал, но слышал о них в разговорах. Также слышал в разговорах о лекциях по критике истории христианства. Н.Богомоллов

О моей анархо-коммунистической работе я уже дал вам отдельные показания. После смерти КАРЕЛИНА в 1926 г. я, конечно, оставался с теми же анархо-коммунистическими убеждениями, хотя и не вел никакой практической работы. Еще раньше я начал интересоваться учением Л.Н.Толстого. Одного анархо-коммунизма мне казалось мало, и мне казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал свое учение с христианством, и мне казалось необходимым изучить эту связь как в рамках учения Толстого, так и вообще безотносительно к учению Толстого. Но последняя задача, как очень широкая и требующая большой эрудиции и времени, была мной отодвинута. Вскоре после смерти КАРЕЛИНА, а возможно, что и при нем, я вошел в число членов-соревнователей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания Общества и много думал о том, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия. Решение этого вопроса я считал для себя важным. На этом пути мне пришлось обратиться даже и к прочтению Евангелия и христианской литературы, вернее сказать, литературы по истории христианства. Отношение к этому вопросу церкви, православной или других церквей, меня тоже интересовало.

Должен оговориться, что я вообще не церковник, никогда не хожу в церковь. К церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка, у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые из источников, я увидел, что поучения церкви в вопросе об оправдании государства и власти, об оправдании насилия, являются нелогичными, двойственными и явно неверными. Размышления над текущей политической деятельностью как в СССР, так и за границей привели меня к мысли, что применение насилия должно становиться все менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не дает тех результатов, которые ожидают от него, оно решительно для всех сторон приносит только неприятные в конечном счете последствия.

Последнее время я ознакомился с учением Ганди, которое стало возбуждать во мне большие симпатии, и я только сожалею о недостаточности литературы, выпущенной о Ганди на русском языке, что не дает мне возможности ближе познакомиться с ним. Весь вопрос должен сводиться к тому, можно ли и как увязать известное нам пока учение Ганди с революционными требованиями масс. Этот вопрос мною до конца еще не продуман. Но все же в применении к нашей политической действительности в СССР для меня вполне ясно, что при внешней блокаде СССР буржуазными государствами в этот переходный период диктатура пролетариата, видимо, является неизбежной и человек чести и революционного долга не может с ней бороться, а должен оказать ей посильную помощь. В чем эта помощь может выражаться? Это решается индивидуально.

Мое личное индивидуальное решение таково: я не считаю для себя возможным вести какую бы то ни было борьбу против советской власти, считаю необходимым помогать ей в деле социалистического строительства. Могу указать также, что, например, в стенной газете Молокоовощтреста была помещена моя статья за подписью «Н.Б-ов» о недочетах с договорами на строительные работы в совхозах. В этой статье я делал призыв к выполнению директив партии и правительства о строительстве в совхозах. Статья может быть истребована от редактора стенной газеты т. ВАСЬКОВА.

Н. Богомолов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 70-81]

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 15.09.30 г.

ЛАДЫЖЕНСКОГО Николая Алексеевича я знаю с 1901 г. С ним вместе я учился в реальном училище в г. Свердловске в одном классе. С ним мы встречались в Томске в 1907–1908 гг. Примерно в 1927 г. я заезжал к нему в Свердловск в гости на два дня. Весной 1930 г. в мае месяце ЛАДЫЖЕНСКИЙ приезжал в Москву с женой проездом на курорт и останавливался у меня на квартире. В начале 1920 г. я был в Свердловске, в служебной командировке от ВСНХ, пробыл там несколько дней в январе и несколько дней в феврале. Тогда я там же встретился с ЛАДЫЖЕНСКИМ. Кроме того, я наезжал к ЛАДЫЖЕНСКОМУ в Свердловск на один день в 1926 г. Приблизительно в 1920 или 1921 г. ЛАДЫЖЕНСКИЙ приезжал в Москву в служебную командировку, был у меня неделю. Я ЛАДЫЖЕНСКОМУ дважды предлагал прочитать анархическую литературу, в том числе КРОПОТКИНА, БАКУНИНА, КАРЕЛИНА. Насколько помню, дал ему работу КАРЕЛИНА «Россия 1930 года». Я познакомил ЛАДЫЖЕНСКОГО с КАРЕЛИНЫМ в 1920 или 1921 г., в Москве. Тогда же ЛАДЫЖЕНСКИЙ познакомился и с СОЛОНОВИЧЕМ. Говорили мы с ЛАДЫЖЕНСКИМ о мистической философии, о толстовцах. Говорили о свободе духа, о масонстве с философско-исторической стороны, причем я заявил, что отношусь отрицательно к французской оккультной литературе, считая ее хламом. Говорили об истории первого христианства, об элементах коммунизма в христианстве.

Хотя я и читал литературу по вопросу Ордена тамплиеров, в разговоре с ЛАДЫЖЕНСКИМ этого ордена не касался. Пропаганды идей Ордена тамплиеров я не вел. Сам я тоже не состою в этом ордене, но принципиально разделяю идеи братства, ра-

венства социального, помощи ближнему. Говорил ли я с отдельными личностями об этих идеях с целью убедить их в правоте этих идей общего порядка? С ЛАДЫЖЕНСКИМ мы говорили об идеях братства, социального равенства и милосердия общеравственного порядка, и он их разделял.

Зачитанное мне из протокола допроса ЛАДЫЖЕНСКОГО от 14.08.30 г. о моем его посвящении в рыцари Ордена тамплиеров я решительно отрицаю, считаю его вымыслом и фантазией ЛАДЫЖЕНСКОГО. Также решительно отрицаю угрозу смерти ЛАДЫЖЕНСКОМУ. Я вместе с ЛАДЫЖЕНСКИМ не читал печатанной на машинке мистической литературы и таковой не оставлял у него. В политическом отношении я считал ЛАДЫЖЕНСКОГО обывателем, о чем я и говорил вам еще до того момента, когда вы зачитали мне вышеуказанную выдержку из показаний ЛАДЫЖЕНСКОГО. В Свердловске я никого не пытался обрабатывать для вовлечения в Орден тамплиеров.

Протокол мною прочитан и записан правильно с моих слов.

Н.Богомолов

[*Рукою Богомолова:*] Добавляю к протоколу допроса от 14.IX. Когда умер Ленин, в советских столичных газетах «Правда», «Известия» наш Секретариат поместил открытое письмо с соболезнованием и скорбью по поводу смерти и признанием его заслуг и с уважением к умершему. Под этим письмом была и моя подпись «Н.Николин».

Н.Богомолов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 82-83]

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 26.09.30 г.

По поводу цитаты-выдержки, прочитанной мне следователем т. КИРРЕ из книги СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа» со с. 362, о том, что будто бы последние всплески революции представляли собой махновское движение и Кронштадтский бунт и что большевики будто бы в 1921 г. вбили клин между пролетариатом и крестьянством, я заявляю, что, когда я читал еще на воле, более года тому назад, этот второй том, цитируемого места я не заметил, потому что я торопился и читал с пропусками, стараясь уловить лишь общий смысл событий, касающихся Бакунина и трактовки их автором. С вышеуказанной трактовкой СОЛОНОВИЧА я решительно не согласен. Я всей своей работой и поведением за 13 лет революции доказал, что я не имел и не могу иметь ничего общего с контрреволюционными мыслями. Такие контрреволюционные мысли я осуждаю и по моей собственной инициативе желаю выступить с публичным осуждением таких мыслей и таковой литературы путем помещения в советской печати соответствующего заявления за моей подписью.

Я вовсе не являлся и не являюсь идеологическим последователем СОЛОНОВИЧА и не имел решительно никакого отношения к его лекциям в Музее Кропоткина, в котором я был последний раз, кажется, лишь в дни похорон КАРЕЛИНА. Вскоре после смерти Карелина у меня произошли с СОЛОНОВИЧЕМ серьезные разногласия по поводу рукописей Карелина, и я помню, что более года совсем уже не виделся с СОЛОНОВИЧЕМ. Ясно, что я не могу принять на себя никакой ответственности за литературные труды СОЛОНОВИЧА.

Означенную работу СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа» считаю легальной работой, во всяком случае, я считал ее таковой до момента ознакомления с предьявленным мне контрреволюционным местом из нее. Основанием к такому моему мнению об этой книге было хотя бы то, что я прочел краткий отзыв об этой книге в журнале «Каторга и ссылка» за 1926 г., номера я не помню, в отделе библиографии, причем статья говорила о хронике новой литературы о Бакунине, появившейся за последние годы за границей. В этой заметке говорилось также и о другой работе СОЛОНОВИЧА, «Три волхва». Но этой последней работы его я не видел и впервые узнал о ней из этой библиографической заметки. Наиболее внимательно я читал первый том работы СОЛОНОВИЧА о Бакунине, причем за недостатком времени читал с пропусками и главное внимание обращал на биографические данные и

цитаты из самого Бакунина. Возможно, что у меня и сложилось мнение о легальности указанной работы поэтому.

Н. Богомолов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 84-85об]

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 14.12.30 г.

I. С гр. ПАЛЬЧИНСКИМ лично знаком не был. При организации Кропоткинского музея я участия не принимал, лишь, кажется, в 1922 г., будучи на обычном ежегодном вечере памяти КРОПОТКИНА, узнал, что там же находится и член Кропоткинского Комитета гр. ПАЛЬЧИНСКИЙ, которого я и увидел. Затем, о том, что гр. ПАЛЬЧИНСКИЙ был ранее министром Временного правительства, мне было известно. На ваш вопрос отвечаю, что последнее, конечно, должно было быть известно и А.А.СОЛОНОВИЧУ. Я считал отрицательным явлением, что в составе Комитета имени Кропоткина находятся такие одиозные люди, как ПАЛЬЧИНСКИЙ, и вообще не анархисты. Но мне говорили, что еще при самой организации и по уставу было решено, что Комитет будет не анархическим (политическим), а общественным, что и постановлено в самом заглавии Комитета. Поэтому, как мне объяснили в Комитете, были учреждены разные секции научного порядка, а анархическая секция вошла лишь одной из секций. В работе анархической секции я принимал небольшое участие, примерно в 1921–1923 гг., когда там были товарищи ПАВЛОВ, бывший член Моссовета, Герман Борисович САНДОМИРСКИЙ и др. Примерно в середине 1923 г. я ушел из секции и в дальнейшем посещал музей лишь один раз в год — в день ежегодных собраний памяти Кропоткина. Причиной моего ухода были: печать политической неясности, лежавшая на Бюро музея, желание стоять дальше от внутрисекционных споров и «недоразумений», а также и то, что после моей женитьбы в 1922 г. я стал более отходить от общественной работы.

II. По поводу зачитанной вами мне выдержки из листовки «Наши цели и методы», призывающей к восстанию, сообщаю, что о такой листовке мне решительно ничего известно не было. В частности, мне решительно ничего не известно о связи этой листовки или авторстве со стороны Ирины Николаевны УЙТТЕНХОВЕН, которая являлась последнее время членом Карелинского Комитета. Если действительно такая листовка была выпущена, я самым резким образом осуждаю эту листовку и считаю, что автор ее не имел права выступать от имени анархистов-коммунистов, организация которых в лице ВФАК в 1918–1925 гг. стояла на строго легальной советской платформе.

Если действительно автором таковой листовки является гр. УЙТТЕНХОВЕН, я думаю, что и она не имела права (морального) так делать, т.к. она была знакома с КАРЕЛИНЫМ, а теперь состояла членом секретариата Карелинского Комитета. Этот Комитет не вел и не брал на себя никаких политических задач, и все члены его должны были стоять на советской платформе. И потому УЙТТЕНХОВЕН должна была бы уйти из Комитета, если ей хотелось вести какую-либо несоветскую политическую работу (нелегального порядка). Я считаю такую листовку контрреволюционной. Повторяю, что мне ничего не было известно, что гр. УЙТТЕНХОВЕН могла бы писать такие листовки. Я считал ее совершенно неактивной и считал ее стоящей совершенно определенно на платформе советской действительности (власти).

III. На ваш вопрос, что бы я сделал в том случае, если бы гр. УЙТТЕНХОВЕН обратилась ранее ко мне с предложением вступить в такую нелегальную анархическую организацию, я отвечаю, что я всеми силами постарался бы отговорить ее от такой нелегальной работы, указав ей при этом на все темные черты старого режима, о которых она по молодости ее не знала. Если бы мои уговоры на нее не подействовали, то передо мной осталась бы дилемма: следует ли донести на нее вам в ГПУ или нет. На ваш вопрос, как я решил бы эту дилемму, думаю, что в конечном счете я, как советски настроенный анархист, решил бы ее в том смысле, чтобы сообщить в ОГПУ.

Н. Богомолов.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 89-90об]

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 23.12.30 г.

I. По поводу пения на гражданской панихиде в дни смерти т[ов]. А.А.КАРЕЛИНА в марте 1926 г. в помещении Кропоткинского музея. Артистов приглашал не я, хотя об их приглашении мне было известно. Программа, что именно артисты будут делать (петь), мне не была известна. Как будто бы пелась артистами ария «Авэ Мария» и траурный марш Шопена выполнялся на рояле. Фамилий исполнителей я не знаю и, кажется, лиц их не видел. Дело в том, что в Комитете по похоронам Карелина на меня были возложены обязанности: переговоры с похоронным бюро, распорядительство во время шествия по улице и на могиле. На каком языке пели артисты и почему не на русском языке, я не знаю. Поскольку помню, тогда же я увидел там и артиста СМЫШЛЯЕВА, с которым, вероятно, тогда и познакомился.

Позже я познакомился с артистом ЗАВАДСКИМ, года через два, т.е., кажется, в 1928 г., в зале Общества политкаторжан, на публичном вечере памяти Карелина, где я был одним из распорядителей. Артист ЗАВАДСКИЙ прочитал в концертном отделении какое-то стихотворение. Помню, что большинство (если не все) артистов выступали бесплатно, тем более что денег у Карелинского Комитета не было. Приглашал артистов не я, а, насколько помню, Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ, которой это было поручено. После указанного вечера я с артистом ЗАВАДСКИМ встречался лишь два раза – весной 1930 г. в Наркомпросе, в Объединении государственных театральных предприятий, где я работал, и встречался в служебной обстановке.

II. Из мистических вопросов мне пришлось говорить с А.А.КАРЕЛИНЫМ года за два до его смерти о личности Христа. По моей инициативе я спросил КАРЕЛИНА, насколько можно считать определившимися моменты коммунизма в учении Христа. Насколько помню, и мой взгляд, и взгляд КАРЕЛИНА сошлись в том, что учение Христа, если взять его лишь как социальное учение, можно рассматривать как особый коммунизм.

III. Насколько помню, из мистических разговоров у меня был разговор с А.А.СОЛОНОВИЧЕМ по поводу учения апостола Павла. СОЛОНОВИЧ крайне отрицательно относился к апостолу Павлу и его учению, которое затем стало как бы идеологией христианства, подменив собой учение Христа. Я склонен был признавать правильность такого взгляда СОЛОНОВИЧА на апостола Павла.

На ваш вопрос отвечаю, что основным принципом моего личного мировоззрения является принцип любви, любви как к ближнему, так и к человеческому обществу (организму) и, наконец, ко всему человечеству. С этой стороны наиболее близким для меня я считаю учение Л.Н.Толстого, а из анархических лозунгов наиболее близким моим убеждениям лозунг: «Моя свобода – в свободе и равенстве других». (Лозунг из Бакунина, этот лозунг в 1920 г. был напечатан на членских билетах нашей Федерации.)

Я – анархист с 1912 г.; мистическими вопросами стал интересоваться как вопросами философского порядка примерно с 1922 г. Мой интерес к мистическим вопросам я не считаю оформившимся в какой-либо философской концепции или в какой-либо организационной форме.

Я знал, что СОЛОНОВИЧ называет себя анархистом-мистиком, но полагал и полагаю, что анархисть-мистики и СОЛОНОВИЧ никакой организации не представляли. Я лично по этой линии ни в какой связи с СОЛОНОВИЧЕМ не нахожусь. Также в течение нескольких лет я знаком и с ПРОФЕРАНСОВЫМ, которого я считаю философски образованным ученым и анархистом, но теоретиком, причем мне не известно, чтобы ПРОФЕРАНСОВ за время после революции участвовал бы в анархических организациях. Разговоры на мистические темы с т. ПРОФЕРАНСОВЫМ у меня могли быть примерно на те же вышеуказанные темы, как и с КАРЕЛИНЫМ, и с СОЛОНОВИЧЕМ. Отношение ПРОФЕРАНСОВА к этим вопросам примерно такое же, как и со стороны КАРЕЛИНА и СОЛОНОВИЧА.

Н.Богомоллов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 93-94об]

ПОКАЗАНИЯ БОГОМОЛОВА Н.К. 25.12.30 г.

I. Моя заинтересованность в мистических вопросах была по линии философской. Я интересовался историей христианства, интересовался также и современными поэтами-лириками, например А.Блок, А.Белый и др. лирики. Думаю, что чтение их стихов в значительной мере натолкнуло меня на размышления мистического характера. С 1926 г. мои мистические настроения стали падать и стали преобладать мысли толстовского характера, к которым я и ранее имел склонность. И еще, например, в первые годы революции, когда я делал публичные собеседования, доклады на темы соотношения государства и анархизма, я главнейшее значение для целей изменения буржуазного порядка на анархо-коммунистический приписывал проникновению в жизнь общества и человека таких идей: любовь, добро, красота, взаимопомощь.

Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию показало мне правильность и с этой стороны основных установок анархизма, как я их понимал, т.е. о принципах любви, красоты, принципах безвластия, принципе добра. Для меня характерными и значительными были такие места в Евангелии, как «цари господствуют над народами, а между вами да не будет так», «первый из вас да будет слугою другим». Известное изречение «воздайте кесарево кесарю» я понимал вовсе не в тенденциозном церковном понимании, как совет Христа отдавать кесарю то, что по существу своему является кесаревым, — деньги, и не нужным для верующего в Христа. Для меня было крайне важно, что у Христа нет ни одного изречения, оправдывающего государственность и насилие. С социальной же стороны это была, как я понимаю, проповедь своеобразного коммунизма, и прежде всего в личной жизни. «Если у тебя две рубашки — отдай одну другому», «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное».

В отношении же вопросов тактического характера ознакомление с мистикой укрепляло во мне те толстовские взгляды, которые были у меня по этому вопросу и ранее. Слова Христа «не убий», «вложи меч свой в ножны», «взявший меч от меча и погибнет» — являлись для меня определяющими мое личное поведение. Вот в этом вышеуказанном понимании во мне уживались анархизм и мистика, но все же у меня были некоторые сомнения и искания, т.к. я осознавал, что идеи мистического и толстовского порядка все дальше уводят меня от социально-революционного элемента в анархизме, каковой элемент ранее, в первые годы революции, для меня превалировал. Из-за этого я и вошел в ВФАК в начале 1918 г.

Я осознавал, что я все далее ухожу от реальной жизни. Вероятно, поэтому с 1926 г. мои мистические построения стали падать, но ориентация в сторону толстовства, как мирного анархизма, оставалась и остается. Отсюда естественно, что элементы анархизма у меня доминировали над элементами мистики. Я никогда не задавался вопросом, следует ли анархизм проводить через мистику или наоборот, возможно, потому, что я примерно с 1922 г. перестал вести какие-либо доклады. С теоретической же стороны думаю, что и анархизм, и мистика могут каждый проводиться самостоятельно, а кто через что и к чему придет — должно решаться чисто субъективно.

Если бы мне лично пришлось ответить на вопрос об очередности такого совмещения, я бы лично ответил, что в основе должен быть положен анархизм, который должен появляться первым и самодовлеющим. Способствует ли анархизм проведению мистики, и наоборот? Думаю, что не способствует, ведь революционный анархизм несовместим с мистикой. Мирный анархизм может иметь некоторые точки соприкосновения, но не более, ибо мистические настроения склонны потребовать (захватить) собой всего человека, тогда для анархизма может не остаться места. Но раз анархизм в мировоззрении является основой, то он должен будет войти в столкновение с мистическими настроениями. Вопрос такого столкновения есть вопрос времени. Думаю, что мистические настроения должны мешать практическому анархизму, т.к. мистические настроения способны неминуемо уводить человека от земных реальных переживаний, от политики и заставляя центр тяжести своих пере-

живаний переносить в анализ личных своих отношений к божественному началу в развитие последних.

II. Примерно в 1919 г. в Москву приезжал Николай Алексеевич ЛАДЫЖЕНСКИЙ, останавливался у меня. Приезжал он по делам своей коммуны по культивированию лекарственных растений. Он просил меня познакомить его с КАРЕЛИНЫМ. Так как ЛАДЫЖЕНСКИЙ сказал, что он интересуется анархизмом, то я не отказался познакомить его с КАРЕЛИНЫМ, и знакомство это состоялось вовсе не на квартире КАРЕЛИНА, а в загородном санатории за Петровским парком, где тогда жил т[ов]. КАРЕЛИН. Кажется, тогда же был у КАРЕЛИНА и СОЛОНОВИЧ. С ними ЛАДЫЖЕНСКИЙ познакомился и пробыл там не долго, думаю, не более получаса. При этом разговоров об учреждении Ордена тамплиеров, как говорит ЛАДЫЖЕНСКИЙ, не велось, да и странно, если бы стали вести, тем более что ЛАДЫЖЕНСКИЙ был человеком, которого КАРЕЛИН и СОЛОНОВИЧ в первый раз видели.

Когда ЛАДЫЖЕНСКИЙ в мае 1930 г. приезжал в Москву, то по его настойчивой просьбе познакомить его с интересными анархистами я познакомил его с ПРОФЕРАНСОВЫМ. Говорили они, кажется, два раза: один раз при мне по философским вопросам и один раз без меня. Познакомить его с другими ЛАДЫЖЕНСКИЙ просил меня, видимо, потому, что он не считал меня достаточно компетентным для ответа на такие, например, вопросы: о смысле бытия, о смысле человеческого существования и прочее. ЛАДЫЖЕНСКИЙ советовал мне идти по пути оккультизма. Я категорически отвергал этот путь. Здесь между нами обнаружилось крупное разногласие. Я говорил ему, что мистически настроенному человеку лучше идти по пути христианского мистицизма, чем по нелепому французскому оккультизму. Н.Богомоллов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 95-98об]

БРЕНЕВ Евгений Константинович
(1883—1938)

Собранные сведения о жизни и деятельности Евгения Константиновича Бренева сейчас не выходят за рамки заполненной им при аресте анкеты, личного дела в архиве МГУ и показаний на допросах. Он родился 08.05.1883 г. в г. Тбилиси (тогда — Тифлис), в семье статского советника Константина Поликарповича Бренева, преподавателя Тифлисской женской вел. княгини Ольги Федоровны гимназии, и Лидии Емельяновны Брневой, окончил в 1901 г. 3-ю тифлисскую мужскую гимназию и тогда же поступил на физико-математический ф-т МГУ по отделению математических наук, которое и закончил в 1907 г. В последующем работал преподавателем математики в различных вузах Москвы, в первую очередь в МВТУ им. Баумана, где у него установились самые широкие и разнообразные связи с преподавательским составом и студенчеством.

Как явствует из его показаний, уже в первой половине 20-х гг. Бренев был знаком с Д.А.Бемом, А.А.Солоновичем, Л.А.Никитиным и другими членами «Ордена Света», бывал на орденских мероприятиях, читал орденские легенды и литературу, однако не был уличен в причастности к какому-либо орденскому кружку. Точно так же, несмотря на его признание об интересе и «сочувствии» анархизму уже «лет двадцать», ни в каких организационных отношениях с анархистскими группировками он, похоже, не состоял.

Кроме преподавательской деятельности, Е.К.Бренев занимался литературной работой, в том числе переводами, вместе со своей женой Марией Викторовной Брневой, урожденной Коваленской (литературное имя — Коваленская), приходившейся двоюродной сестрой поэту и переводчику Сергею Михайловичу Соловьеву, племяннику известного философа В.С.Соловьева. Родственные и дружеские связи Брневых с весьма широким кругом московской научной, литературной и творческой интеллигенции, проступающие в показаниях Е.К.Бренева (В.О.Нилендер, В.С.Смышляев, Е.П.Губерт, И.В.Саблин и пр.), с ГАХН, Музеем П.А.Кропоткина, сту-

денческими анархистскими группами (Маклецов), убеждают, что в духовной и интеллектуальной жизни Москвы 20-х гг. Е.К.Брнев играл значительно большую роль, чем то было выявлено на следствии.

Арестован Брнев 13.09.30 г. в засаде на квартире А.А.Солоновича. К этому времени Брневы жили в Малом Левшинском переулке, д. 3, кв. 18, с двумя сыновьями — Евгением, 1914 г. рожд., Юрием, 1916 г. рожд., и сестрами Е.К.Брнева — Лидией и Елизаветой (1885—1947). При обыске была изъята различная переписка и два тома рукописи А.А.Солоновича «Бакунин и культ Иальдобаофа». 25.09.30 г. Брневу было предъявлено стереотипное обвинение: участие в контрреволюционной организации, руководстве и создании нелегальных кружков и распространении нелегальной литературы. Содержался во время следствия в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Брнев был приговорен к трем годам тюремного заключения в Ярославском политизоляторе. 22.12.32 г. постановлением ОСО ОГПУ он был досрочно освобожден и выслан на 3 года в Среднюю Азию.

По имевшейся в деле справке, основанной на данных архивно-следственного дела № 8304 в архиве КГБ Киргизской ССР (данные на 1974 г.), 25.12.38 г. Тройкой НКВД Киргизской ССР Е.К.Брнев приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Реабилитирован по делу «Ордена Света» определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ БРНЕВА Е.К. 13.09.30 г.

С СОЛОНОВИЧЕМ я знаком с 1921 г., познакомился с ним в МВТУ, где вместе преподавали математику. У него вообще я бываю. Сегодня я зашел к нему переговорить по поводу занятий в Институте им. Лепсе, где я его замещаю ввиду болезни его паратифом. Одно время на квартире с СОЛОНОВИЧЕМ жил Николай Иванович ПРОФЕРАНСОВ, с которым я также встречался у СОЛОНОВИЧА. Вообще иногда мне приходилось встречаться у СОЛОНОВИЧА с анархистами, но ни фамилий, ни имен, ни отчеств я не знаю. С КАРЕЛИНЫМ я был знаком, бывал у него с СОЛОНОВИЧЕМ. Окультистскими науками я интересуюсь уже лет двадцать, но никогда в организациях оккультистов не состоял и знакомств из оккультного мира не имею. Теософией и оккультизмом я интересовался только как теоретическими науками, но никакими сеансами и практическими опытами не занимался. Года два назад СОЛОНОВИЧ давал читать его книги о Бакунине, написанные на пишущей машинке и в удовлетворительном переплете. Прочел несколько таких книг, две или три. Изданы они неофициально. Где эти книги переплетались — мне не известно. На лекциях СОЛОНОВИЧА я бывал в ГАХНе и в Доме политкаторжан.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

Е.Брнев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 103]

ПОКАЗАНИЯ БРНЕВА Е.К. 13.10.30 г.

Из анархистов, кроме СОЛОНОВИЧА, знаю как лицо, сочувствующее теориям анархизма, БЕМА, с которым впервые встретился в Кавалерийской школе на пробном уроке, который вел его ученик по педагогическому военному институту*. Приблизительно это было в 1922 г. Позже встречались с ним в 1929—1930 гг. в МВТУ, т.к. оба мы в это время состояли преподавателями курсов по подготовке в вуз при МВТУ. БЕМ вскоре стал и преподавателем самого МВТУ.

В организациях анархических не состоял. Анархизму сочувствую приблизительно лет двадцать; сочувствие мое в практических действиях не выражалось, за исключением редких разговоров о преимуществах анархического устройства общества. Разговаривал на эту тему со студентом МВТУ МАКЛЕЦОВЫМ, приблизительно в 1923 г., который по какому-то делу зашел один раз, интересовался анархиз-

мом, потом заходил ко мне несколько раз, а потом перестал заходить. Я давно его не встречал.

Встречал у СОЛОНОВИЧА преподавателей МВТУ САХАРОВА Николая Васильевича и ЛЯШУКА Сергея Романовича, как будто сочувствующих анархизму. В 1922 г., приблизительно, встретил у СОЛОНОВИЧА анархиста ПРОФЕРАНСОВА. Был на докладе СОЛОНОВИЧА о Бакунии в ГАХНе и на каком-то докладе по анархизму в Обществе политкаторжан.

Из ГАХНа знаком с НИКИТИНЫМ, с которым меня познакомил СОЛОНОВИЧ, с НЕЙШТАДТОМ, с которым участвовал в 1919 г. в шахматном турнире, ГРОССМАНОМ, как редактором собрания сочинений Фаррера, несколько книг которого перевела моя жена, а первый том — я сам. Слышал в ГАХНе доклад НИКИТИНА о Врубеле, на который мне предложил пойти СОЛОНОВИЧ. Предполагаю, что, поскольку НИКИТИН знаком с СОЛОНОВИЧЕМ, он мог сочувствовать анархизму. На этом же докладе НИКИТИНА СОЛОНОВИЧ меня познакомил с ПОЛЕМ, в 1925 г. вероятно. После встретил как-то ПОЛЯ у СОЛОНОВИЧА.

Ирина Николаевна УЙТТЕНХОВЕН переписывала переводы для моей жены. Рекомендовал мне ее как переписчицу СОЛОНОВИЧ. Отношения с ней были чисто деловые, муж ее исполнял часть переводов для моей жены, отношения были исключительно деловые. На чьей машинке переписывала УЙТТЕНХОВЕН — не знаю.

Был у АНОСОВА по делу один раз к его жене, которая переписывала перевод для моей жены на машинке. Отношения деловые и скоро прекратились, т.к. АНОСОВА была не вполне грамотной переписчицей и плохо разбирала почерк моей жены.

Из упомянутых выше у меня бывали только ЛЯШУК и САХАРОВ и один раз СОЛОНОВИЧ. У ЛЯШУКА и САХАРОВА иногда бывал. БЕМА встретил как-то в этом году у ЛЯШУКА. Присутствовали, кроме меня и БЕМА, несколько преподавателей МВТУ, больше никого. Цель сборища была — празднование именин или дня рождения. О существовании «Черного Креста» мне известно как об организации, помогающей нуждающимся анархистам. О составе его только знаю, что в него входила Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ. Иногда по просьбе СОЛОНОВИЧА вносил туда пожертвования в размере трех или пяти рублей, передавал обычно СОЛОНОВИЧУ на службе, изредка, расписок не получал, подписных листов не видел.

Брал у СОЛОНОВИЧА книгу, его сочинения, названия которой не помню, вроде «Бакунин и Иальдобаоф», три тома. Первые два написаны от руки, третий на пишущей машинке, приблизительно год или два тому назад. Третий том оставался у меня, первый и второй тома долго были у меня. Не помню, возвратил я их или нет. В этом сочинении меня не удовлетворяет то, что Бакунину придан оттенок лица, интересующегося мистикой, чего, мне кажется, нельзя найти в сочинениях Бакунина. Остальная часть сочинения СОЛОНОВИЧА меня удовлетворила, за исключением мест, представляющих выпады против советской власти. Какие именно выпады там были — не помню, т.к. сочинение читал, интересуясь исторической личностью Бакунина, и не обращал внимания на места, характеризующие отношение автора к моментам текущей политики.

Считаю идеальным устройством общества анархическое его построение. Советская власть является прогрессивным фактором, т.к. она всколыхнула народную массу, разрушила устарелый государственный и социальный строй, устарелые суеверия, является этапом на пути создания коммунистического строя общества на анархической основе. Полагаю, что анархистское устройство общества возможно только после всемирной революции, до этого времени нельзя построить коммунизма на анархической основе. Из всех существующих правительств советское правительство является единственным, совершающим революционные преобразования в обществе и тем самым способствующим будущему построению общества на основе коммунистического анархизма. Считаю, что в настоящее время нападения на советскую власть являются несвоевременными, потому что анархическое общество сейчас устроено быть не может, а падение советской власти должно было бы повести к реакции.

Восстание в Кронштадте в 1921 г. считаю не имеющим смысла, т.к. в результате его успеха должно было бы возникнуть реакционное правительство. Следовательно, это восстание было, по существу, контрреволюционным. Махновское движение, как ослабляющее советское правительство, тоже считаю контрреволюционным. Деятельность анархистов в советской действительности оказывается зачастую контрреволюционной по своим результатам, хотя бы они старались своими поступками приблизить идеальный строй.

Зачитанную мне выдержку из декларации анархистов-коммунистов считаю контрреволюционной. Борьбу советской власти с анархистами, издающими подобные декларации, распространяющими таковые и вообще ведущими работу против социалистического строительства, считаю правильной. В Теософском и Антропософском обществах никогда не состоял; также не состоял и ни в каких мистических организациях. Из антропософов или лиц, примыкающих к ним, знаю: Веру Оскаровну СТАНЕВИЧ, Михаила Павловича СТОЛЯРОВА. Они связаны были с моей женой общими переводами, встречами в издательствах, в секции переводчиков. Никаких разговоров на антропософские и мистические и тому подобные темы я не вел. Был как-то на лекции или докладе Андрея БЕЛОГО в дореволюционное время. Разговоры с СОЛОНОВИЧЕМ мистического характера о бесконечности миров вел. Некоторые легенды читал, например, «О сотворении мира», «О копье», «О розовом дьяволе». Получал их от СОЛОНОВИЧА, относится это к периоду 1925-29 гг.

Вместе с СОЛОНОВИЧЕМ бывал у ЛЯШУКА, там же бывал и САХАРОВ. СОЛОНОВИЧ иногда вел у ЛЯШУКА беседы на мистические темы. Возможно, что САХАРОВ и ЛЯШУК интересовались мистикой. У ЛЯШУКА с СОЛОНОВИЧЕМ я встречался, вероятно, в 1925-26 гг. У САХАРОВА были вечеринки с большим числом гостей, главным образом преподавателей технического училища, например АЛФЕРОВ, КУДРЯВЦЕВ, ЛЯШУК, СОЛОНОВИЧ. АЛФЕРОВ Валентин Николаевич**, безусловно, сторонник советской власти, по мировоззрению, вероятно, близок коммунистической партии. КУДРЯВЦЕВ, преподаватель МВТУ, очень робкий человек, занятый только математикой и своей семейной жизнью. ЗЕГЕЖДА Вера, преподавательница немецкого языка МВТУ, мировоззрения ее не знаю, вероятно, вполне предана советской власти.

Характер вечеринок был вроде празднования именин или дня рождения. Бывали они, или по крайней мере я бывал у САХАРОВА, очень редко, раз в год или реже. Разговоры о преимуществе анархизма СОЛОНОВИЧ вел у САХАРОВА и ЛЯШУКА иногда, что имело характер случайного разговора, а не доклада или дискуссии на определенную тему. Если кто-нибудь задавал вопрос, СОЛОНОВИЧ отвечал, но, повторяю, что это не имело характера определенного доклада или собеседования на определенную тему.

Встретил раз у ЛЯШУКА НИКИТИНА и ПОЛЯ, СОЛОНОВИЧА в это время не было. В этот момент у ЛЯШУКА были, помнится, КУДРЯВЦЕВ и САХАРОВ. НИКИТИН говорил, между прочим, о некоторых постановках во 2-м МХАТе, о пьесе «Чудак» и еще каких-то, сейчас не помню. Было это, кажется, в 1929 г. Слышал, не помню где, о существовании «Ордена Света», но точно про него не знаю. Вероятно, слышал в году 1924-25. В «Ордене Света» не состоял, и вступить мне в него никто не предлагал. Слышал, что «Орден Света» существует в Москве, а что он собой представляет, не знаю.

Рекомендованная СОЛОНОВИЧЕМ переписчица ГУБЕРТ Елизавета Петровна одно время тоже переписывала переводы жене на машинке: кажется, у нее была своя машинка. В адресной книжке жены, по-видимому, ее рукой записаны фамилии «СМЫШЛЯЕВ Валентин Сергеевич», «ДИКИЙ Алексей Дементьевич»***. Ни с кем из них не знаком. ДОНДЕ Абрам Моисеевич — преподаватель математики МВТУ****. ЛАВРЕНТЬЕВЫ Михаил Алексеевич и Алексей Лаврентьевич***** — оба преподаватели МВТУ. Один раз зашел ко мне Михаил Алексеевич ЛАВРЕНТЬЕВ по вопросу о временном замещении его часов в МВТУ. Потом я звонил ему несколько раз, желая получить место ассистента, когда он стал профессором.

НИЛЕНДЕР и Сережа. Сергей Михайлович СОЛОВЬЕВ (двоюродный брат жены) часто жил в прежнее время у НИЛЕНДЕРА. НИЛЕНДЕР – филолог, библиотекарь Ленинской библиотеки.

ЛИНЦЕР – переписчица, рекомендована Натальей Оскаровной ПЛИГЕН.

ПЛИГЕН Наталья Оскаровна – переводчица, с которой жена перевела совместно несколько книг с английского.

САБЛИН Игорь Владимирович – знакомый жены, как редактор издательства «Недра», приблизительно с 1925 г.

ЧЕРНОВ Евгений Александрович, знакомый жены, редактор художественного отдела ЗИФ, приблизительно с 1925 г.

Показания записаны собственноручно.

Е.Бренев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 105–110]

* По-видимому, Военно-педагогический институт в Москве.

** В справочнике «Наука и научные работники СССР, ч. 4. Научные работники Москвы. Л., 1930 г.» указан Алферов Валентин Васильевич, род. 01.10.1892 г. в Москве, кандидат математических наук, преподаватель МИИТ и МВТУ (ум. в 1961 г. в Москве), что, скорее всего, указывает на ошибку отчества в показаниях Е.К.Бренева.

*** Правильно – Денисович.

**** Донде Абрам Моисеевич, род. 25.03.1871 г. в г. Великие Луки Псковской губ., инженер-механик, ст. ассистент кафедры высшей математики МВТУ; жил в Москве на ул. Мархлевского 9-а, кв. 5.

***** Лаврентьев Алексей Лаврентьевич, род. в 1876 г. в Париже, геофизик, специалист по теоретической механике, работник теоретического отделения ГНИГИ; жил в Москве в Машковом пер. 1, кв. 40.

ПОКАЗАНИЯ БРЕНЕВА Е.К. 21.11.30 г.

Считаю конечным идеалом построения общественного строя безвластное общество. В данное время считаю советский строй этапом по пути к будущему бесклассовому и безвластному обществу. Попытки взорвать его – вредными, т.к. в данное время и значительный период впереди считаю невозможным устройство общества на основе безвластия. Призывы некоторых анархических организаций к его свержению, поскольку они имеют место, считаю заблуждением, которое может послужить на пользу буржуазии и реакции. Мои взгляды на построение общества являются только теоретическими, практически я не вмешиваюсь в течение общественной жизни.

Изредка я встречался одновременно с СОЛОНОВИЧЕМ и преподавателями математики МВТУ САХАРОВЫМ и ЛЯШУКОМ. Разговоры вертелись главным образом в сфере секции научных работников. ЛЯШУК был несколько лет уполномоченным секции научных работников МВТУ. СОЛОНОВИЧ и САХАРОВ были одними из наиболее деятельных членов секции. Года два я тоже принимал некоторое участие в деятельности секции, т.к. состоял членом делегатского корпуса секции в Училище. В секции было много вопросов, т.к. возникла она в Училище под влиянием группы математиков. Первое время к ней примыкали главным образом младшие преподаватели – профессора Училища ее сторонились. Вообще одно время в Училище чувствовалась некоторая рознь между высшим классом – профессорами, и нижним классом – ассистентами. В зависимости от этого постоянно возникали вопросы: какой тактики держаться на общеучилищных собраниях. Вопросы общественной жизни, независимой от Училища, затрагивались редко и мимоходом. Говорилось, разумеется, там и о постановке учебного дела, об отношении к студенчеству, к профессорам, ассистентами которых мы были.

За то время, когда я состоял преподавателем МВТУ, наибольшая рознь между профессурой и ассистентами относится к 1922–1923 годам. По действующим тогда правилам, насколько я помню, управление всеми училищными делами зависело главным образом от старой профессуры, отчасти от студенчества. Младшие преподаватели

чувствовали, что материальные интересы их, в общем, страдают. Рознь эта не принимала очень явных форм и сгладилась постепенно со времени образования в училище секции научных работников, куда первоначально вошли главным образом ассистенты, и которая постепенно играла все большую роль в Училище в вопросах профессионального характера. Так как большинство членов секции были младшие преподаватели, то их интересы были лучше защищаемы секцией. Одним из главных организаторов секции научных работников был СОЛОНОВИЧ, т.к. считал, что секция даст возможность младшим преподавателям лучше защищать их материальные интересы.

Вопросы, касающиеся тактики в том или ином вопросе, обсуждались главным образом в профессорской МВТУ, не в виде, разумеется, какого-либо собрания, а просто преподаватели спрашивали друг друга, как лучше поступить в том или ином случае. Главным лицом в данном случае был ЛЯШУК, сначала как секретарь бюро секции, а потом его уполномоченный. Иногда говорили ЛЯШУК, СОЛОНОВИЧ, САХАРОВ и я, если мы встречались вдвоем, втроем, вчетвером или еще с каким-нибудь преподавателем. ЛЯШУК был уполномоченным секции, поэтому, если зайти к нему, всегда встречался тот или другой преподаватель, зашедший к нему по личному делу, связанному с профессурой.

Каких-либо собраний, нарочито созданных, на которых бы разбиралась тактика действий, профсоюзных вопросов либо училищной жизни, я не знаю. Встречи наши не были регулярными. Иногда мы встречались вдвоем, иногда – втроем, вчетвером, иногда бывал еще кто-нибудь. Обсуждение по вопросам текущей советской политики бывало очень бегло и случайно. Поэтому я затрудняюсь определить мнение по этим вопросам СОЛОНОВИЧА, ЛЯШУКА и САХАРОВА.

БЕМА я у СОЛОНОВИЧА и САХАРОВА не встречал. Встретил один раз у ЛЯШУКА, кажется, были его именины. БЕМА знаю как лицо, сочувствующее анархизму, около года. Раньше я знал о нем как о преподавателе математики.

Года два назад я зашел к СОЛОНОВИЧУ и застал кроме него еще двух человек. Из них один был приезжий откуда-то. Он заговорил по поводу слухов о каком-то крестьянском восстании, о том, что вряд ли сейчас возможна анархическая революция. Я присоединился к этому мнению. СОЛОНОВИЧ, помнится, возразил на это, что разговор поставлен не в той плоскости. По его мнению, революция не создается усилиями того или другого человека, даже той или другой организации. Революция может быть результатом массового народного движения. Если же революция началась, то анархист не должен думать о том, что удастся или не удастся посредством начавшейся революции достигнуть анархического строя общества, а должен способствовать во время революции распространению анархических взглядов и содействовать той группировке людей, взгляды которых наиболее совпадают со взглядами анархистов.

Говорил это СОЛОНОВИЧ давно, поэтому, возможно, слова его переданы мною не точно. Специально вопроса об отношении к советской власти ни у СОЛОНОВИЧА, ни у ЛЯШУКА при мне не обсуждалось. Вопрос об отсутствии свободы слова при мне СОЛОНОВИЧ, ЛЯШУК и САХАРОВ не поднимали. Я лично держусь того мнения, что должна существовать в известной мере свобода слова, но мнений своих я никогда не распространял.

Несколько лет тому назад я услышал о существовании «Ордена Света», по-видимому, нечто вроде масонской организации. Ничего о нем не знаю и, от кого слышал, за давностью времени не помню. Иногда происходила беседа по вопросам, касающимся мистики у СОЛОНОВИЧА или ЛЯШУКА. Иногда при этом присутствовал САХАРОВ. Никакого определенного порядка не было. Иногда я рассуждал с СОЛОНОВИЧЕМ вдвоем, среди разных повседневных вопросов, иногда присутствовал САХАРОВ и ЛЯШУК. О вопросах мистики речь заходила между прочим среди разговоров о делах секции научных работников и рассуждений по анархизму. Об анархических и мистических кружках где-то слышал, что они существуют, но от кого слышал – вспомнить не могу. Участия в анархических и мистических кружках не принимал.

Е.Бренев

ВОДОВОЗОВ Николай Васильевич
(1902–1977)

Водовозов Николай Васильевич родился в феврале 1902 г. в г. Москве, по происхождению — сын торговца. С 1919 г. работал на Военно-Инженерных курсах в канцелярии постоянным переписчиком. С 1920 г. доброволец в Красной Армии — в Санитарном поезде и Военно-маскировочной школе до 1921 г. После демобилизации в 1923 г. поступил в ГИС, а с 1924 г. начал работать. Окончил Государственный Институт Слова (ГИС) вместе с членами «Ордена Света» П.Е.Корольковым, Е.Н.Смирновым и А.С.Подем и, как можно понять, посещал различные орденские собрания. К моменту ареста работал преподавателем литературы Краснопресненского рабфака; был холост и жил на Арбате, д. 30, кв. 30, с матерью, Лидией Алексеевной Водовозовой, и братом Сергеем, 1898 г. рожд.

Арестован был в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъято: 1) рукопись «Любовь женщины», 2) рукопись «Самоубийца», 3) стихотворение С. Есенина «Послание евангелисту Демьяну», 4) письмо в адрес Шебелевского (запечатанное), 5) книжка стихов, напечатанная на машинке, 6) записная книжка, 7) разных рукописей 5 экземпляров. 18.10.30 г. освобожден под подписку о невыезде; 13.01.31 г. дело в отношении Водовозова было прекращено, подписка аннулирована.

В отношении Водовозова чрезвычайно любопытен тот факт, что в обвинительном заключении по делу «Ордена Света» руководивший следствием помощник начальника I отделения Секретного отдела ОГПУ Э.Р.Кирре, характеризуя Водовозова, подчеркнул его членство в Ордене и то, что он «дал подробные показания о деятельности известных ему членов Ордена, способствуя следствию», хотя за исключением приведенных ниже, никаких сколько-нибудь существенных показаний Водовозова об «Ордене Света» и его членах в сохранившемся деле нет. Остается думать, что все они были своевременно изъяты к концу следствия.

В январе 1953 г. Н.В.Водовозов был профессором в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина, затем в МГПИ им. Ленина. Умер в 1977 г. в Москве.

ПОКАЗАНИЯ ВОДОВОЗОВА Н.В. (без даты)

В других политических партиях или организациях я не состоял, мистикой и оккультными науками не интересовался и, наоборот, стою на платформе материализма. Считаю, что мистицизм является средством для людей, подавленных жизненными неудачами, найти надежду на забвение и на улучшение своей судьбы посредством высшей силы, которая наблюдает за судьбой каждого человека. Исторически мистицизм широко распространялся во время революций и других социальных сдвигов в истории человечества.

Я знал П.Е.КОРОЛЬКОВА по занятиям в Государственном Институте Слова, а по окончании такового мы с ним не встречались, за исключением моих посещений книжного магазина на Тверской, где он работал, с целью произвести покупки книг. Мне казалось, что он идеалистически смотрит на жизнь. Последний раз я был в книжном магазине этим летом, мне сказали, что он больше не работает там, и я не знаю, где он теперь и что делает.

Мистика является идеалистическим течением, вредным для масс, как ослабляющая творческую волю человека. В камере, где я сижу, находится РОНСКИЙ Сергей Михайлович, его я знаю по Институту Слова, он также знает КОРОЛЬКОВА. О его убеждениях я судить затрудняюсь, но склонен думать, что он — материалист. В камере были разговоры о снах, и большинство считало, что сны предвещают будущее. Я опровергал эту теорию. Никого из сидящих со мною в камере я не знаю, за исключением РОНСКОГО.

[Подписи нет. — А.Н.]

ПОКАЗАНИЯ ВОДОВОЗОВА Н.В. 15.10.30 г.

Знал тт. КОРОЛЬКОВА, СМИРНОВА и ПОЛЯ со времени занятий в ГИСе. По окончании этого учебного заведения я почти совершенно потерял с ними связь, встречаясь не более двух раз в год с каждым. Относительно их образа мыслей могу сказать лишь предположительно. КОРОЛЬКОВ мне всегда казался недостаточно практичным человеком, не имеющим твердых взглядов и поддающимся чужим влияниям; ПОЛЬ производил впечатление разносторонне образованного человека, но довольно скрытного и малооткровенного; СМИРНОВА я считал узким дельцом-практиком, постоянно говорившим о своих денежных делах.

Относительно мистицизма я могу твердо заявить, что таковым никогда не интересовался и смотрел на него (как и на всякие другие сектантские учения), как на историческое явление упадочности интеллигенции в критическую эпоху классовой борьбы и революции. Считаю, что мистицизм вреден, когда делается ставка на окончательную победу социализма путем выполнения пятилеток.

В камере со мной сидит т. ГЕНДЛИН, заведующий издательством Рабсоюза, он знал КОРОЛЬКОВА, как своего подчиненного сослуживца, и на мой вопрос относительно характеристики последнего, отвечал, что КОРОЛЬКОВ, по его мнению, малый недалекий, мало образованный и к работе непригодный. Он (ГЕНДЛИН) даже собирался уволить его с занимаемой должности продавца в книжном магазине Раброса № 2.

Н.Водовозов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 132]

ГИРШФЕЛЬД Феликс Федорович

(1904—1938)

Гиршфельд Феликс Федорович родился в июне 1904 г. в Москве в семье коммивояжера Федора Эмильевича Гиршфельда, происходившего из г. Голдинген Курляндской губернии, и Беатрисы Германовны Гиршфельд. Учился в училище при евангелическо-лютеранской церкви св. апп. Петра и Павла в Москве с Н.Р.Лангом. Значительно позднее, в 1929 г., окончил Московский промышленно-экономический институт им. Рыкова.

В своих показаниях осенью 1930 г. по делу «Ордена Света» и в показаниях 1937 г. о своем участии в «правотроцкистской организации» Гиршфельд дает две различные версии своего вступления в Орден. Согласно первой, наиболее правдоподобной и подтверждаемой показаниями В.Р.Никитиной, Ф.Ф.Гиршфельд, будучи гимназическим приятелем ее брата, Н.Р.Ланга, с детства был принят в их доме и потому естественно вошел в дом Никитиных в первой половине 20-х гг., когда он снова встретился с Н.Р.Лангом в Москве. Позднее, в 1937 г., он показывал об этом иначе: *«В начале 1925 г. я был введен молодой актрисой Верой Иоффе в артистическую среду, где художник Никитин, используя мою молодость и малоразвитость, вовлек меня в мистическую секту. Через несколько месяцев, поняв, что я попал в антисоветскую организацию, я отошел от нее и порвал с этими людьми, но я не проявил достаточного мужества, чтобы сообщить об этой антисоветской организации органам НКВД...»* [ЦА ФСБ РФ, Р-9597 (преж. 14397, 961618), л. 16].

На самом деле участие Гиршфельда в собраниях рыцарских групп началось не позднее 1924 г. и продолжалось до 1927—1928 гг. (он сам называет эти даты), и, как показывал А.С.Поль, Гиршфельд на протяжении достаточно долгого времени служил помощником по административно-хозяйственной части у Ю.А.Завадского при строительстве его Студии. Об осведомленности Гиршфельда в делах Ордена свидетельствуют и его показания в процессе следствия.

Впервые Гиршфельд был арестован в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. К этому времени его отец уже давно умер (1916 г.), мать, Б.Г.Гиршфельд, жила вместе со старшим сыном Эмилем Федоровичем, эстрадным артистом-иллюзионистом, выступав-

шим под псевдонимом «Кио»; младший брат, Гарри, работал инженером на заводе. Сам Ф.Ф.Гиршфельд был женат на Антонине Васильевне Плешаковой, имевшей уже дочь Веронику 8 лет, и все они жили в Большом Златоустинском переулке, д. 4/7, кв. 62. Никаких компрометирующих материалов при обыске найдено не было.

Гиршфельд содержался в Бутырской тюрьме сравнительно недолго. Благодаря добровольным и подробным показаниям о лицах, входивших в орденскую организацию, их деятельности и ритуалах посвящения, его освободили 08.10.30 г. под подписку о невыезде, а 13.01.31 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по делу «Ордена Света» дело на Ф.Ф. Гиршфельда было прекращено.

Однако арест и следствие для Гиршфельда не прошли даром. Подобно другому подследственному, Н.Н.Русову, Гиршфельд в том же 1930 г. был *«вычищен из аппарата НКПС»*, где работал в качестве экономиста-статистика. В 1931 г. он поступил на работу в редакцию газеты «Гудок», но в 1933 г. при очередной волне «чисток» ушел оттуда и работал на Сталинской (по-видимому – Киевской) железной дороге в качестве консультанта, продолжая сотрудничать с газетой в качестве постоянного корреспондента. В феврале 1935 г. он вернулся в редакцию газеты на должность заместителя заведующего технико-экономическим отделом, где работал до 31.12.1937 г., когда был арестован уже как *«участник правотроцкистской антисоветской организации, существовавшей в редакции газеты «Гудок», проводя подрывную вредительскую практику на страницах газеты по заданию этой организации»*.

Начав с отрицания своей принадлежности к данной «организации», в которую входили, возглавляя ее, ранее арестованные главный редактор «Гудка» Аркадий Леонидович Спиваковский¹ и его заместитель Дмитрий Васильевич Кузьмич², Гиршфельд вскоре все обвинения признал, подтвердив показания Спиваковского и Кузьмича на допросах и на очной ставке. Он признал себя полностью виновным 28.01.38 г. при ознакомлении с обвинительным заключением и подтвердил это 10.03.38 г. во время закрытого заседания Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговорившего Ф.Ф. Гиршфельда к расстрелу, который и был приведен в исполнение в тот же день [ЦА ФСБ РФ, Р-9597 (преж. 14397, 961618), л. 33 и 35].

18.09.39 г. специальная Комиссия 1-го Спецотдела НКВД СССР постановила уничтожить все документы Ф.Ф. Гиршфельда, изъятые во время ареста.

¹ Спиваковский Аркадий Леонидович (1897–1938), главный редактор газеты «Гудок». Арестован 22.10.37 г. как участник правотроцкистской организации в редакции газеты и агент японской разведки; 07.02.38 г. Тройкой при НКВД СССР осужден к ВМН и тогда же расстрелян.

² Кузьмич Дмитрий Васильевич (1904–1938), зам. ответственного редактора газеты «Гудок»; арестован 07.12.37 г. как участник антисоветской правотроцкистской организации в редакции газеты; 07.02.38 г. приговорен к ВМН и тогда же расстрелян.

ПОКАЗАНИЯ ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф. 15.09.30 г.

С ЛАНГОМ* знаком с детского возраста, вместе занимались спортом. Близко с ним не сходилась, т.к. он был настроен антисемитически. По возвращении в 1921 г. в Москву встретился с ним – он вел тогда чрезвычайно распутный образ жизни: предавался наркотикам, пьянствовал и вел вообще распутный образ жизни. Он часто приглашал меня в свою компанию, но я по природе трезвый человек – не предавался этим искушениям и в эту компанию не вошел. Несколькими лет я с ним не встречался. Должен сказать, что в детстве я чрезвычайно интересовался спортом и был сравнительно неразвитым человеком. В 1923 г. во мне произошел в этом отношении перелом, и я почувствовал большую жажду знания. Желая поступить в вуз, я с увлечением начал заниматься политэкономией и основательно заниматься сперва классиками, а потом Марксом. Стали меня интересовать и вопросы мировоззрения. В это время я опять встретился с ЛАНГОМ, и он пытался использовать мое тогдашнее

настроение, втянув меня в какой-то философский кружок, где под его руководством занимались изучением философских проблем. Проходили «Введение в философию» Челпанова. ЛАНГ определенно гнул в сторону идеализма и занимался усиленной критикой материализма и Маркса. У ЛАНГА было в это время анархо-мистическое мировоззрение. Я вступил в кружок весной 1924 г.

Вначале кружок собирался довольно регулярно — если не ошибаюсь, два раза в месяц. Насколько я помню, кружок собирался раза два-три у Елены САМАРСКОЙ, затем у ВОРЫХАНОВА Сергея. Через несколько месяцев собрания этого кружка стали менее регулярными, и постепенно он распался. В дальнейшем ЛАНГ уехал во Владивосток, окончив Институт востоковедения. Вернулся оттуда в 1927–1928 гг. Состав кружка, насколько я помню: САМАРСКИЕ Елена и Виктория, сестры ХАСКИЕ, брат ЛАНГА — Юрий, некий Борис КРИВЦОВ, раза два был Сергей ВОРЫХАНОВ.

По приезде ЛАНГА в Москву мне казалось, что у него выветрились его анархические убеждения — он стал как будто бы более трезво относиться к жизни. В это время у нас установились с ним более дружеские отношения. Затем, спустя полгода, я почувствовал, что анархический дух стал в нем снова оживать и, пожалуй, еще более усилился, чем раньше. Он стал меня тогда снова энергично обрабатывать и даже пытался втянуть меня в работу в Кропоткинском Комитете. Но у меня уже в то время выработывалось твердое марксистское мировоззрение, и все его аргументы казались мне смешными, и я их легко разбивал. После этого отношения у меня с ним резко испортились. Он называл меня советским приспешником и карьеристом и стал ко мне снова относиться полупрезрительно. После этого наши встречи с ним были только случайными.

В числе знакомых ЛАНГА я помню СОЛОПОВА, который раньше увлекался анархизмом, но потом, по моим впечатлениям, отошел от него. Помню крупный спор между СОЛОПОВЫМ и ЛАНГОМ по приезде последнего из Хабаровска. Во время этого спора СОЛОПОВ заявил, что за это время сильно вырос в политическом отношении — интересуется вопросами партийной жизни, хозяйственного строительства и т.д., и, насколько мне запомнилось, отрицательно отозвался об анархизме.

С полной ответственностью заявляю, что ни в каких организациях или кружках анархического или мистического толка не состою и о таковых мне ничего не известно.

Что же касается моего прошлого знакомства с анархическими кружками, то обязуюсь полностью сообщить все, что мне известно, в следующую беседу. Ф.Гиршфельд

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 140–141]

* Ланг Николай Робертович.

ПОКАЗАНИЯ ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф. 16.09.30 г.

Весной 1925 г. ЛАНГ ввел меня в кружок к СОЛОНОВИЧУ, где я присутствовал шесть-семь раз на лекциях. Кроме этого, тот же ЛАНГ ввел меня в мистический кружок, которым руководил НИКИТИН. Кружок этот собирался два раза у профессора Консерватории Григория Петровича (фамилии не помню) в Афанасьевском переулке. На собраниях присутствовали ЛАНГ, проф. САДОВНИКОВ, Григорий Петрович, сестра НИКИТИНА.

Осенью кружок продолжал собираться у ЛЕОНТЬЕВА. На этих собраниях присутствовали: ЛЕОНТЬЕВ, его жена, УЙТТЕНХОВЕН (художник) — антропософ, небольшого роста, худощавый, какая-то старушка Надежда Николаевна и брат ЛАНГА — Юрий. Кружок собирался семь-восемь раз. На этих собраниях НИКИТИН читал легенды. Затем был доклад художника УЙТТЕНХОВЕНА о теософии и антропософии.

Осенью 1925 г. НИКИТИН как-то пригласил меня к себе и сделал предложение вступить в рыцарский Орден. Через некоторое время мне было предложено

НИКИТИНЫМ явиться к СМИРНОВУ Евгению Николаевичу (Кадашевский переулок), где произошел обряд посвящения в рыцари. На этом собрании присутствовали ПОЛЬ, СМЫШЛЯЕВ, НИКИТИН – как старшие, и ИВАКИНСКАЯ, БЛАГОНРАВОВ, ДЕЙКУН, СМИРНОВ, ШИШКО, КОРОЛЬКОВ, ЛЕОНТЬЕВ. Из них посвящались ИВАКИНСКАЯ, БЛАГОНРАВОВ, ДЕЙКУН и я.

Обряд посвящения заключался в следующем. НИКИТИН прочел легенду о Египте, после этого к каждому из посвящаемых подходили мужчина и женщина с белыми розами и произносили три фразы, примерно такого содержания: будь смел, будь мужественен и храни молчание. Эти слова произносились посвящаемым, после чего НИКИТИН производил удар по плечу каждому из посвящаемых, поздравлял с посвящением и предлагал каждому из вновь посвященных избрать себе имя, начинающееся на букву «И». Собрания происходили по большей части у ИВАКИНСКОЙ, а иногда у ДЕЙКУН.

В одно из последующих собраний были посвящены в рыцари муж ИВАКИНСКОЙ – БАРКОВ Александр Сергеевич, некий Георгий Александрович* из Харькова, производивший на меня впечатление ненормального человека. Собрания проводили следующим образом: при входе в комнату все участники приветствовали друг друга, сложив руки крест-накрест на грудь, после этого все садились в круг и руководитель НИКИТИН читал легенду. По заслушиванию легенды давалось несколько минут на обдумывание, после чего присутствующие обменивались мнениями.

Содержание этих легенд было следующее: Египет, Атлантида и средневековое рыцарство. Смысл этих легенд заключался в том, что Земля находится в плену у темных сил и целью каждого рыцаря является борьба с этим злом. При этом указывалось, что торжество светлого начала над темными силами неосуществимо в пределах человеческой жизни и может разрешиться только в бесконечности. Отвлеченный характер этих легенд объясняется, по моему мнению, предварительной обработкой участвующих и, очевидно, на более высоких степенях беседы носили более конкретный характер. (При посвящении мне было сообщено, что Орден имеет семь степеней.) Я был только на первой степени, которую не закончил и отошел от Ордена.

Пребывание мое в Ордене продолжалось около полугода – с осени 1925 г. до февраля-марта 1926 г. Причиной моего отхода явилось мое органическое отвращение ко всяким ритуалам, которые являлись одним из основных занятий на собраниях. После этого мои встречи с участниками собраний я прекратил и изредка бывал у НИКИТИНЫХ на воскресниках, на которые собиралось от 20 до 40 человек. Воскресники обычно заключались в чтении стихов мистических поэтов, например Гумилева и др. Раз как-то я встретил там АДАМОВУ, которая читала сказки и легенды мистического характера. Основной контингент этих воскресников была молодежь, но большей частью неразвитая и не имеющая политического чутья.

На мой взгляд, на этих воскресниках происходила своего рода массовая обработка этой молодежи. На воскресниках я видел ЛАНГА, его брата и жену, САМАРСКУЮ, ЛЕОНТЬЕВА с женой, АРЕНСКОГО, артистку Художественного театра ОРЛОВУ, сестру НИКИТИНА, КОРОЛЬКОВА, а также ЛЮБИМОВУ. Помимо этого на воскресниках бывало много совершенно неизвестных лиц, главным образом молодежи. При этом, будучи у НИКИТИНЫХ в 1927 г. раза два-три, я каждый раз встречал все новые лица. НИКИТИНЫ меня очень упрашивали эти воскресники чаще посещать, очевидно надеясь вернуть меня в «мистическое лоно». Но для меня эти собрания перестали быть интересными, мне было просто скучно на них.

В это время во мне крепло трезвое материалистическое мировоззрение – марксистское, и у меня появились интересы совершенно другого порядка. Я с жадностью набросился на экономику и очень увлекся своей работой. Помимо этого, меня очень задевало полупрезрительное отношение ко мне НИКИТИНЫХ, в особенности его жены. Они говорили, что я разлагаюсь, что начинаю жиреть, приобретать буржуазные замашки, делать советскую карьеру и т.д. Это меня настолько оскорбило, что я после серьезного разговора с женой НИКИТИНА прекратил у них совершенно бы-

вать. И только весной 1928 г. я встретил случайно на улице ЛАНГА, который затащил меня к НИКИТИНЫМ. Я просидел у них очень недолго — мы почувствовали, что мы совершенно чужие люди и что нам не о чем говорить. После этого я у НИКИТИНЫХ больше не бывал. Ф.Гиршфельд

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 141–143]

* Любичский Георгий Александрович.

ПОКАЗАНИЯ ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф. 21.09.30 г.

I. Организационные формы Ордена. При вступлении в Орден мне было сообщено НИКИТИНЫМ следующее: 1) Орден состоит из семи степеней; 2) во главе Ордена стоит командор; 3) рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их активности, которая заключается в проведении каждым из них какой-либо работы на идеологическом фронте или организации какого-либо кружка; 4) цель Ордена — борьба со злом, которое заключается во всяком проявлении власти и насилия; 5) в Орден не принимаются лица, состоящие в каких-либо политических партиях, а также в коммунистической; 6) принадлежность к анархическим группировкам допускается; 7) средства Ордена образуются путем отчисления (ежемесячно) рыцарями сумм в размере 1 или 1,5 % их заработка.

II. Работа в области искусств. Основными объектами Ордена в области искусства, поскольку мне удалось выяснить по разговорам у НИКИТИНЫХ, были Белорусская студия и 2-й МХАТ. СМЫШЛЯЕВ, насколько я помню, занимал одно время руководящую должность в Белорусской студии и использовал свое положение для привлечения туда НИКИТИНА. Имею основания предполагать, что ими была проведена там довольно основательная мистическая обработка. Результатом ее явились постановки «Царь Максимилиан» и «Апраметная», выдержанные целиком в мистическом духе.

Во 2-м МХАТе проводилась также интенсивная работа: было вовлечено в Орден несколько актеров — БЛАГОНРАВОВ и ДЕЙКУН. Мне известно, что СМЫШЛЯЕВ работал над постановкой «Золотого горшка» Гофмана (в переработке АРЕНСКО-ГО) — пьесы сугубо мистического характера. Однако эта пьеса не была пропущена Главреперткомом. Художником этой постановки был также приглашен НИКИТИН. В таком же духе была поставлена во 2-м МХАТе «Орестея», снятая после нескольких спектаклей.

В Студии Вахтангова работа Ордена не увенчалась успехом. СМЫШЛЯЕВ совместно с НИКИТИНЫМ предложили Студии поставить пьесу «Когда проснется спящий» Уэллса (в переработке АНТОКОЛЬСКОГО). Пьеса эта была снята постановлением Правления Студии после нескольких репетиций ввиду ее явно анархического характера. Орден пытался также втянуть в орбиту своего влияния ГАХН, что не представляло особого труда, т.к. в период с 1925 г. по последнее время Академия художественных наук была убежищем для представителей идеалистических течений самых разнообразных толков. Особенно легко было проводить выступления в Секции Живого Слова, где СМИРНОВ был ответственным секретарем, а ПОЛЬ — одним из членов Совета. Насколько мне помнится, в этой секции было несколько выступлений СОЛОНОВИЧА — одно из них было, если не ошибаюсь, на тему о Бакунине.

Были выступления НИКИТИНА о египетском искусстве и СМЫШЛЯЕВА о творчестве актера. Все эти выступления проходили, конечно, под определенным углом зрения. Нужно сказать, что обстановка на публичных выступлениях в ГАХНе носила весьма специфический характер и зачастую приходилось просто удивляться, что в Советском Союзе могли открыто проводиться ничем не прикрытые антимарксистские и антиматериалистические взгляды. ГАХН до самого последнего времени была оплотом вырождающейся интеллигенции, не сумевшей приложить своих сил в деле социалистического строительства, и только в прошлом году, благода-

ря компании, поднятой «Комсомольской правдой», старый состав ГАХН был раскассирован.

Контингент посещавших ГАХН состоял главным образом из вырождающихся старушек, мистически настроенных девиц и юношей.

III. О работе на периферии. Точных сведений о работе Ордена на периферии у меня не имеется, но судя по разговорам у НИКИТИНЫХ, нужно полагать, что Орден имел какой-то филиал в Ленинграде, основное ядро которого находится в Ленинградском Детском театре. Помню, что НИКИТИН как-то ездил в Ленинград, а в Москву также приезжал какой-то актер из Детского театра. Фотография этого актера как будто бы имеется у НИКИТИНЫХ.

IV. Антропософский кружок во 2-м МХАТе. По разговорам у НИКИТИНЫХ мне известно, что во 2-м МХАТе имеется группа антропософов, во главе которых стоял ЧЕХОВ (ныне находящийся за границей). В эту группировку входят: СУШКЕВИЧ, БИРМАН, БРОМЛЕЙ, ЧЕБАН, ДУРАСОВА. Со стороны Ордена, очевидно, делались попытки вовлечения этой группировки, но, на мой взгляд, безуспешные, насколько я уловил из разговоров, происходивших у НИКИТИНЫХ.

V. Кружок СОЛОНОВИЧА. В кружок СОЛОНОВИЧА я был введен ЛАНГОМ весной 1925 г. В кружке обыкновенно присутствовали ЗЕЛИКОВИЧ, ЛАНГ, какой-то математик, приятель СОЛОНОВИЧА, сестра ЛЕБЕДЕВА, позднее САМАРСКАЯ и ЛЕОНТЬЕВ. На собраниях СОЛОНОВИЧ читал свои лекции, после чего они обсуждались с точки зрения существующего положения вещей. При обсуждении лекций обычно критиковали те или иные мероприятия или акты советской власти.

Примечание: математик, указанный мною, худощавый, невысокого роста, лысый.

По окончании собраний большинство публики быстро расходилось и обычно оставалось несколько человек, с которыми СОЛОНОВИЧ вел беседы об организации кружков и вовлечении новых людей.

VI. «Храм Искусств». Помимо Ордена существовала еще какая-то мистическая организация, руководимая, по моему мнению, Орденom, — так называемый «Храм Искусств». Я считаю, что «Храм Искусств» был рассчитан на вовлечение работников искусства — художников, актеров и т.д. Возможно также, что «Храм Искусств» был предварительной ступенью к Ордену. Структура этой организации мне неизвестна. С этой организацией был хорошо знаком КОРОЛЬКОВ, который, по моему мнению, должен был руководить одним из кружков «Храма Искусств».

Характеристика известных мне лиц

ЗАВАДСКИЙ. Был близким другом СМЫШЛЯЕВА, а также часто общался с НИКИТИНЫМ. Помимо этого, ЗАВАДСКИЙ по натуре романтически и мистически настроенный человек. Поэтому не исключена возможность его принадлежности к мистическим организациям. ЗАВАДСКИЙ также знаком с СОЛОНОВИЧЕМ.

КОРОЛЬКОВ. Идеальный мистик, фанатик, по моему мнению, руководитель кружков. У него сконцентрирована библиотека по вопросам мистического анархизма. Думаю, что продолжает работать (в Ордене).

ИВАКИНСКАЯ — религиозная женщина, недостаточно энергичная и активная.

БЛАГОНРАВОВ и ДЕЙКУН — религиозные люди, активности никакой не проявляли. После первых же собраний начали манкировать, ссылаясь на спектакли. Возможно, отошли от Ордена.

СМИРНОВ — личность бесцветная, находящаяся под идеологическим влиянием ПОЛЯ и поэтому, наверно, работал до последнего времени.

ЛЕОНТЬЕВ — типичный российский интеллигент, любит поговорить. Давно интересуется религиозными и философскими вопросами. Активность проявлял слабую. Думаю, что продолжает посещать собрания.

БАРКОВ — либеральствующий интеллигент, старый педагог. Религиозный человек. От работы всегда увиливал, ссылаясь на службу и командировки. Думаю, что отошел.

ЛЮБИМОВА – фанатичка, идейная анархистка и мистик. Перепечатывала на машинке материалы СОЛОНОВИЧА. Полагаю, что работала до последнего времени и, по-видимому, руководила кружками. Мне известно, что она выступала на открытых собраниях в КУТВ* с анархическими идеями. Первоначально была близка к анархизму.

ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович – познакомился с ним на лекциях у СОЛОНОВИЧА, знаю его мало. Он болтлив – почти не зная меня, сообщил мне, что состоит в какой-то тайной организации (в то время мне об этом ничего не было известно). Производит на меня впечатление не совсем нормального человека. Увлекается мистикой и как-то дал мне мистическую брошюру на немецком языке.

САМАРСКАЯ Елена Григорьевна – познакомился с ней у ЛАНГА. Отношения с ней были у меня неважные. Встречался с ней у СОЛОНОВИЧА и НИКИТИНЫХ. Мне известно, что у нее была машинка и она печатала материалы для СОЛОНОВИЧА. Думаю, что убеждения ее были не совсем твердые. Впоследствии она вышла замуж за какого-то немецкого коммуниста.

ШИШКО Владимир Федорович – по профессии музыкант. Человек очень трусливый. Скоро отошел, но у НИКИТИНЫХ продолжал бывать. Ф.Гиршфельд

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 144–146]

* КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока.

ПОКАЗАНИЯ ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф. 06.10.30 г.

Из разговоров с ПОЛЕМ мне удалось установить следующее: 1) Командором отряда не является СОЛОНОВИЧ, а почти наверное НИКИТИН. Это, однако, не умаляет роль СОЛОНОВИЧА в руководстве Орденом.

2) В Студии Вахтангова имеются также члены Ордена: СИМОНОВ, РАППОПОРТ, ЛЬВОВА.

3) В студии Завадского также проводилась работа Орденом, очевидно, и там имеется ответвление.

Помимо этого, я имею основание предполагать, что в Орден могли быть втянуты артисты ЛОБАНОВ Андрей Михайлович и АСТАНГОВ Михаил Федорович.

Насколько мне удалось вспомнить (со слов ЗЕЛИКОВИЧА), имелась группа, руководимая СМЫШЛЯЕВЫМ, в которую входили ЗЕЛИКОВИЧ, АРЕНСКИЙ, некая Софья Яковлевна (по фамилии, кажется, БЕРНЕР, проживающая в том же доме, что и СМЫШЛЯЕВ), и Ольга Федоровна, бывшая жена СМЫШЛЯЕВА (ныне жена архитектора ЖОЛТОВСКОГО). Ф.Гиршфельд

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 149]

ПОКАЗАНИЯ ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф. (без даты)

Из разговоров с ПОЛЕМ удалось выяснить, что в 1924/25 г. почти весь 2-й МХАТ был охвачен мистическим движением, а в настоящее время почти все отошли. В мистической организации состоял и СТАНИСЛАВСКИЙ, который очень скоро отошел.

ПОЛЬ утверждает, что он с 1927 г. отошел от мистической организации.

Мне известно, что один из бывших сотрудников НКПС (фамилию и имя его не помню, но могу выяснить), проживающий под Москвой, обладает довольно значительной библиотекой по вопросам мистики (по его словам, насколько мне помнится, около 600 томов). Ф.Гиршфельд

Считаю своим долгом сообщить, что вместе со мной в клад[овке] № 17 находится некий КИРЕЕВ – летчик, который ведет контрреволюционные разговоры, читает стихи к[онтр]-р[еволюционного] характера. По его словам, он служил у Деникина.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 151]

ЗАВАДСКИЙ Юрий Александрович
(1894–1977)

После выхода в свет в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Юрия Александровича Завадского — народного артиста СССР, четырежды награжденного орденом В.И.Ленина, лауреата Государственной и Ленинской премий, Героя Социалистического Труда, написанной М.Н.Любомудровым (М., 1988), в краткой биографической справке имеет смысл остановиться только на фактах или совершенно не известных до последнего времени (как участие Завадского в «Ордене Света»), или необходимых для лучшего понимания происходившего.

Юрий (Георгий) Александрович Завадский родился 13 июля 1894 г. в Москве, в семье потомственного дворянина, старшего помощника акцизного надзирателя Александра Францевича Завадского и его жены, Евгении Иосифовны Завадской, православного вероисповедания. В мае 1913 г. он закончил полный восьмилетний курс Московской гимназии им. И. и А. Медведниковых и в том же году поступил на юридический факультет Московского императорского университета. Осенью 1915 г. в доме Завадского произошло его знакомство с Е.Б.Вахтанговым, определившее дальнейший путь будущего актера и режиссера.

Когда и при каких условиях произошло знакомство Завадского с А.А.Карелиным, остается неясным. Скорее всего, это случилось не позднее 1921 г., причем проводником Завадского к Карелину мог оказаться как М.А.Чехов, так и кто-либо другой из представителей театрального мира Москвы. Собственные показания Ю.А.Завадского не оставляют сомнений, что встреча эта произошла достаточно рано, в период формирования Ордена, тем более, что уже в конце 1923 г. в Москве и в Пулково возникают первые кружки, руководимые «рыцарями первого призыва», в том числе и Студия самого Ю.А.Завадского.

К сожалению, сейчас нам ничего не известно о характере орденской работы в Студии, кроме самого факта участия ее артистов в различных благотворительных концертах, организуемых Орденом, и об их последующих связях с ведущими членами Ордена. Гораздо больше из показаний А.С. и Е.А.Полей и В.Ф.Шишко известно об участии в орденской работе самого Ю.А.Завадского, его сестры, В.А.Завадской, ставшей в 1921 или 1922 г. женой П.А.Аренского, и самого П.А.Аренского, жившего с 1922 по 1924 г. в семье Завадских в Мансуровском переулке, д. 3, кв. 1. Именно там, в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. был арестован Ю.А.Завадский, находившийся там со своей матерью и второй женой, Ириной Сергеевной Вульф, причем при обыске была изъята переписка, но обыскивающие оставили *«пять экземпляров старой анархической литературы»*, после чего с Лубянки Завадский был препровожден в Бутырскую тюрьму.

Протоколы допросов от 14, 23, 25 сентября и 1, 5, 6 октября показывают, как Завадский пытался выйти из сложившегося положения, выдвинув впервые версию о «потере памяти», которой он пользовался до конца жизни, уходя от неприятных ему или опасных разговоров и, таким образом, пустив в обращение устойчивую легенду о своем «прогрессирующем склерозе». Последнее не спасло бы его от участи друзей, если бы не активные действия его защитников — в первую очередь К.С.Станиславского, использовавшего, по всей вероятности, влияние Секретаря ЦИК А.С.Енукидзе, с которым Ю.А.Завадский был хорошо знаком; в свою очередь, Енукидзе был дружен с А.А.Карелиным и, по непроверенным данным, вполне посвящен в тайны «Ордена Света».

Ходатайства возымели успех: 08.10.30 г. Завадский был освобожден из Бутырской тюрьмы под подписку о невыезде. Однако на этом дело не закончилось, поскольку 25.10.30 г. ему было вынесено формальное обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании подпольного кружка и руководстве таковым, а 13.01.31 г. в судебном заседании Коллегия ОГПУ постановила: дело Завадского Юрия-Георгия Александровича выделить в отдельное производство, т.е. следствием продолжать. Последнее означало, что свобода молодого режиссера оказывалась

весьма условной и он мог быть снова затребован ОГПУ в любой момент по «незаконченному делу», тем более что на протяжении 30-х гг. именно по связям с тамплиерами одного за другим забирали его друзья: П.А.Аренского, Л.А.Никитина, А.А.Солоновича...

Следственное дело Ю.А.Завадского затребовалось «органами» из архива неоднократно: по неизвестной причине — 03.04.45 г., в связи с каким-то «списком» — 25.09.52 г., и наконец «в связи с допуском Улановой» (т.е., по-видимому, для поездки за границу) — 16.04.56 г. Все эти обстоятельства, как можно думать, определили и последующие, на первый взгляд непонятные «виражи» в жизни и работе Ю.А.Завадского — отъезд с театром из Москвы в Ростов-на-Дону, вступление в коммунистическую партию и т.п. Даже умирая в 1977 г., Завадский помнил о страшных днях осени 1930 г., как помнил и обо всех ушедших раньше него друзьях, уехавших в эмиграцию и погибших, не зная, что уже реабилитирован вместе с ними определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 14.09.30 г.

Никогда ни в каких политических партиях и организациях я не состоял и знакомых из числа таковых не имел и не имею.

О моей внутренней идеологической эволюции я могу сказать: в революцию я вступил идеалистом — сам Вахтангов, учеником которого я был, и ученик Станиславского, включавшие в себя в этот период ряд элементов чистого идеализма с уклоном в мистику, — влияли на меня в этом направлении, таким я и вступил в революцию идеалистом с мистическим уклоном, но очень скоро я почувствовал на моей работе, сращенной своей сущностью с жизнью, необходимость пересмотра своих позиций. Конечно, мой внутренний сдвиг произошел далеко не сразу — очень медленно во мне перерождались мои идеалистические взгляды, заменялись новым, здоровым, материалистическим мировоззрением. Результатом этого перелома является моя деятельность в театре, особенно моя работа последних лет в Театре-студии и в школе. Свой теоретический багаж я сейчас пересматриваю, работаю практически над переводом системы Станиславского на материалистическую основу, а в плане театра — я привлекаю к нему, окружаю его необходимой идеологической средой — привлекаю партийных авторов (КИН, КОЛОСОВ, ВАГРАМОВ, ОГНЕВ и т.д.) — организую общественное внимание вокруг работы театра — всю тематику и оформление этой тематики коренно переключаю на осуществление задач строительства новой жизни.

Мое увлечение идеалистическими и мистическими учениями приводило меня в столкновение с целым рядом лиц, идеалистов и мистиков, но ни в одно из обществ, существующих в Москве, я не вступал. Мое знакомство оставалось чисто поверхностным, я очень быстро отходил от них. Считаю, что на мою работу по созданию театра это не имело никакого влияния — вернее, так: начало моей работы характеризовалось политической неграмотностью — нейтральностью, — и только в этом выразился мой идеализм, который, как я сказал уже, совершенно выветрился в работе последнего времени (по крайней мере двух последних лет).

Больше всего грешил я в этом смысле, работая над постановкой гоголевской «Женитьбы» в Вахтанговском театре, ей приписали явную мистику, хотя честно признаюсь, я хотел в ней только фантастики (но и это, конечно, уже пустой идеализм).

Надо сказать, что в процессе моего внутреннего роста я резко изменил свое отношение к мистике — сейчас я ее резко отрицаю.

Из теософов я был знаком с ГЕРБЕ* и с целым рядом лиц, фамилий которых сейчас не вспомню.

Из антропософов — Андрей БЕЛЫЙ, СИЗОВ Михаил Иванович и др.

Из анархистов-мистиков — КАРЕЛИН, СОЛОНОВИЧ; у КАРЕЛИНА был с сестрой и с ее мужем СМЫШЛЯЕВЫМ**.

У СОЛОНОВИЧА тоже бывал, интересуясь вопросами мистики — вместе с сестрой и СМЫШЛЯЕВЫМ. У СОЛОНОВИЧА я встречал П.А.АРЕНСКОГО***.

Ю. Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 170–170об]

* С.В. Герье.

** Судя по всему, это сознательная подмена: А.А.Карелин умер 20.03.26 г., женой В.С.Смышляева В.А.Завадская стала только в 1928 г., а до 1925 г. ее мужем был П.А.Аренский.

*** В это время П.А.Аренский жил в квартире Завадских в Мансуровском переулке, неподалеку от квартиры Солоновичей.

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 23.09.30 г.

В дополнение и разъяснение некоторых моментов моего прошлого я могу сказать так.

Тов. САЗОНОВ мне задал вопрос о сущности тех мистических учений, которыми я интересовался в период моего знакомства с КАРЕЛИНЫМ и СОЛОНОВИЧЕМ, и о задачах тех «обществ», которые там возникали.

Я уже говорил, что мистическая «значимость» всех этих встреч для меня очень давно потеряла всякую цену, т.е. так называемые «посвящения в рыцарство», о которых упоминал т. САЗОНОВ, мною рассматривались как известная, чисто внешняя «театральная» форма, даже и тогда для меня начавшаяся игрой. Сущность тех же «учений», что ли, о которых идет речь, мною рассматривалась как чисто идеалистическое и отвлеченно «мистическое» содержание, оставлявшее каждому, даже до конца всерьез принявшему эту сущность, возможность и внутреннее право понимать это конкретно и по-своему, и поскольку я об этом знал — не принуждало ни к какому практическому выводу. Говоря о том, что задачей этой «мистики» являлась борьба с материализмом, можно говорить в том смысле, что, конечно, как всякая мистика, и эта мистика была противоположна марксизму в ряде его положений (скажем, в вопросе о существовании духовного и душевного начала в человеке и т.п.).

Что касается обществ, возникавших, по словам т. САЗОНОВА, из «недр этой мистики», и о задачах, стоящих перед ними, я знаю очень мало, т.к. в организации я никакого участия не принимал. Я не отрицаю того, что в период первого моего знакомства с этим кругом идей я в известной мере был заражен ими — начало признания личного достоинства («рыцарство»), признание понятия объективного «добра» и «зла» в человеке и т.д. представлялись мне верными и приложимыми в жизни. Нужно было пройти мне самому известный путь эволюции, чтобы прийти для себя к иным выводам признания «социального добра и зла» и т.д.

Что касается знакомств и встреч с людьми на этой почве мистических вопросов, я могу упомянуть лишь немногих, потому что видел я их мельком, давно ими не интересовался и совершенно порвал с ними всякое знакомство.

С Леонидом Александровичем НИКИТИНЫМ я познакомился давно у СМЫШЛЯЕВА, с которым НИКИТИН работал в театре как художник.

ПОЛЯ и СМЕРНОВА я знаю по Институту Слова, где я занимался. Не помню сейчас точно, но возможно, что я встречал их у СМЫШЛЯЕВА или НИКИТИНА.

Относительно «обществ» знаю только то, что если и создавались какие-либо кружки под тем или иным названием, то я совершенно уверен, что содержанием этих кружков были все же отвлеченные мистические вопросы. Если, как утверждает т. САЗОНОВ, эти кружки выродились (или приводили) к антисоветскому действию, то тут виной лица, а не учения. По крайней мере, я сам, как уже говорил, хотя и считаю заблуждением и ошибкой многие положения этой мистики, категорически утверждаю, что для себя — и тогда, в те годы, я никаких необходимых выводов, требовавших активного антисоветского действия в этой мистике, не видел.

Ю. Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 173–174]

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 25.09.30 г.

Я не помню, при каких условиях я познакомился с КАРЕЛИНЫМ, кто и когда меня к нему привел. Знаю только, что мне он представлялся человеком, принятым Советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов. Далее он сам мне, помню, рассказывал о своих хороших отношениях с Авелем Сафроновичем ЕНУКИДЗЕ, и самому Авелю Сафроновичу я рассказал однажды о своем знакомстве с КАРЕЛИНЫМ. Мое очень кратковременное и поверхностное знакомство с КАРЕЛИНЫМ осталось в моей памяти (теперь, когда мое сознание занято проблемами строительства советской культуры) в весьма туманных, расплывчатых контурах. Я в те времена, воспитанный моим учителем по театру ВАХТАНГОВЫМ в большей мере идеалистически, интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. КАРЕЛИН меня тогда заинтересовал своей философией — я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное содержание его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, не носившими совершенно конкретного характера, касались главным образом проблем подсознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т.д.

Я помню, что и тогда мне его идеология представлялась лишенной какой бы то ни было идеологической окрашенности.

Конечно, во мне в то время происходила работа осознания задач искусственных точек зрения — я исподволь подходил к марксистской идеологии. О каких «орденах» шла у меня речь с КАРЕЛИНЫМ и СОЛОНОВИЧЕМ, я сейчас не помню, потому что это вовсе не составляло какой-то специфической особенности.

Показания продолжаю завтра.

Ю.Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 177–177об]

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 01.10.30 г.

По вопросу об участии моем в «Ордене Света», «Храме Искусств» я могу сказать только, что я не участвовал в этих организациях и ничего не знал об их деятельности. Если они питались такой же идеалистическо-мистической философией, о которой шла речь выше, то вероятные их задачи я представляю как задачи подъема морального значения искусства и художника. Задачи очищения искусства и быта от лжи, эгоизма, лицемерия и т.д. — возможное отвлечение в область душевного и духовного совершенства человека и художника. Вот все, что я могу сказать с достоверностью на основании того, что я знаю. Иных целей и задач их я не представляю.

С кем и когда я разговаривал об «орденах» и в какой обстановке — я не помню. Дело в том, что, как известно, все «мистическое» знание имеет своими источниками всякие «орденские» предания, и, естественно, что вопросы мистики касаются вопросов всевозможных орденов. Ни в какие ордена, подобные перечисленным, я не посвящался.

Относительно того, предлагалось ли мне туда «посвящение» и кем — я ничего не помню, мне вообще представляется, что вся эта «орденская организация» если и существовала, то как нечто, повторяю, совершенно отвлеченное.

О НИКИТИНЕ я могу сказать, что последнее время — года два — я совершенно почти с ним не встречался и не беседовал по вопросам искусства. Раньше он в какой-то мере интересовался вопросами «чистого искусства», но, как мне казалось, при последней встрече и он стал уходить от этого. У него я бывал очень редко и ни на каких «пятничниках» я у него не бывал. Встречал я у него СМЫШЛЯЕВА, кого-то из его знакомых — не помню совсем кого; где встречал ШИШКО — не помню, его знаю очень мало.

НИКИТИН был давно знаком со СМЫШЛЯЕВЫМ на почве их совместной работы в театре.

Ю.Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 181–181об]

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 05.10.30 г.

Прежде всего я должен сказать, что ни в каких организационно-обязательных зависимостях я ни от какой «орденской» организации не состоял. Вопрос моего «посвящения» в мистику, в «орден» для меня сейчас совершенно ушел в прошлое. Я помню только, что я как-то исподволь с КАРЕЛИНЫМ подошел к этому вопросу, очень индивидуально. От него я слушал легенды, толкования их; через него я и был, так сказать, «посвящен», но этот момент прошел для меня незаметно — никакой торжественности или какой-либо особенности этого я не помню; название этого ордена было неопределенно, его сущность не вскрывалась через легенды.

Цель и задачи «Ордена Света» — я повторяю — я понимал так: только объективная передача известных мистических знаний, причем мне было интересно и важно только то, что касалось вопросов творчества, и всего, с этим вопросом связанного, т.е. вопросов этики художника, вопросов подъема душевного и духовной культуры и т.д.

«Борьба со злом» — эта формула мной расшифровывалась как прежде всего борьба, конечно, внутренняя, духовная, человека со своими недолжными качествами — борьба не уничтожением, а созиданием положительных вещей и качеств.

Подробное показание по существу дела я дам в следующий раз, т.к. сейчас чувствую — не буду конкретным, а следующий раз постараюсь припомнить по фактам.

Ю.Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 184]

ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 06.10.30 г.

В дополнение к уже сказанному и в разъяснение могу сообщить: я познакомился с КАРЕЛИНЫМ и заинтересовался им в тот период моей жизни, когда я вообще в поисках верного мировоззрения обращался к мистически-идеалистической философии — в этом смысле меня и заинтересовал КАРЕЛИН. Я знал, что он анархист, но принятый как друг Советского Союза. На мою заинтересованность он ответил мне сообщением некоторых мистически-философских знаний. Я с самого начала ему заявил, что меня интересует сущность его мистических знаний, но я никогда не входил и не войду ни в какую, связанную какими-либо обязательствами организацию. И мы договорились с ним, что он мне не ставит никаких связывающих условий, кроме условия молчания о всем рассказанном (объясненное мистическим значением молчания всякого мистического учения). Таким образом, я был допущен к его мистике, источники которой меня мало интересовали. Беседовал он со мной одним, иногда присутствовал еще кто-либо, например СОЛОНОВИЧ, но я никогда не интересовался организационными моментами, возможными там. По содержанию рассказанного после нескольких бесед я понял, что это мистика «орденская» (потом я догадался и о названии — «Орден Света»), но кто входил в этот орден, я не знал, да и не спрашивал, потому что считал для себя не важным. Что КАРЕЛИН был старшим, исключительно знающим, было ясно, но никаких особых «признаков» этому я не видел. Роль и положение в этом смысле других мне были неизвестны.

У КАРЕЛИНА на этих беседах я встречал СМЫШЛЯЕВА, жену СОЛОНОВИЧА, мою сестру Веру Александровну ЗАВАДСКУЮ, АРЕНСКОГО и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти.

В чем сущность этого «орденского» учения. Прежде всего, об организационном моменте. Я приблизительно, по догадке, скорее (по крайней мере я не помню, чтобы мне об этом говорилось что-либо), считал, что количеством прослушанных легенд определяется и старшинство мистическое (степень). Я понял еще, что от самого рассказывающего — от старшего — зависит и манера вести беседу. КАРЕЛИН вел ее чрезвычайно просто, без каких-либо условий (белая роза — это был вообще его любимый цветок — часто стояла на столе у него).

Беседы проводились в квартире КАРЕЛИНА — вместо КАРЕЛИНА вел беседы с нами СОЛОНОВИЧ, изредка у себя дома и у СМЫШЛЯЕВА.

Легенды КАРЕЛИН рассказывал, и потом слушавшие задавали вопросы и беседовали. Иногда заранее сговаривались с КАРЕЛИНЫМ о дне, когда к нему можно прийти, иной раз я забегал к нему в свободный час, случайно. Какого-либо особого порядка, торжественного, КАРЕЛИН не любил, как вообще не любил никакой особой конспирации.

Содержание легенд мне не по силам передать, оно туманно, путано, сложно. Я и тогда их тотчас забывал, а сейчас совершенно не помню. Общий их смысл был обращен к духовному подъему человека. При мне никогда беседа по поводу рассказанного не переходила на обсуждение политических вопросов сегодняшнего дня и т.д.

В порядке помощи «Черному Кресту», который я считал всегда совершенно легальной организацией, я по просьбе КАРЕЛИНА, СОЛОНОВИЧА участвовал в концертах, сколько раз — не помню, но очень немного, где — я не помню, потому что в тот период времени я участвовал в бесконечном количестве всевозможных благотворительных концертов (в пользу гимназий, обществ, университетов и т.п.) с очень различными участниками, и сейчас у меня решительно спуталось где, кто и когда.

УЙТТЕНХОВЕНА я встречал у СМЫШЛЯЕВА, видел ли я его у КАРЕЛИНА — я не помню.

С НИКИТИНЫМ я познакомился у СМЫШЛЯЕВА и у КАРЕЛИНА, помнится, я его не видел; с ним, как мне помнится, я у КАРЕЛИНА легенд вместе не слушал.

После смерти КАРЕЛИНА я постепенно совсем отошел от мистики. Причиной тому — моя работа в театре, мое столкновение с жизнью и с искусством, понятном социально. Я понял, что никакая «мистика» мне не нужна и что мистика уводит в отвлеченное, замыкает искусство в самоцельное, отрешенное от строительства, а потому часто вредное явление. Вполне естественно, что я все реже и реже встречался с такими людьми, с которыми раньше встречался на почве этих «мистических» интересов. Ведь уже и тогда я, в сущности, переживал эту раздвоенность и неудовлетворенность, я чувствовал, что мистика идет «мимо жизни» — она мне не нужна.

И теперь, когда я три последних года проработал вплотную, рука об руку с советской и рабочей общественностью, я совершенно ушел и от прежних людей, и от прежних интересов.

На похоронах КАРЕЛИНА были белые розы (он, я уже говорил, любил эти цветы); относительно голубой звезды не помню и значения ее не знаю.

Относительно переплетной мастерской я сейчас совершенно ничего не помню — для чего, когда, кто ко мне с этим обращался.

Свои показания по существу вопроса об «Ордене Света» считаю исчерпанными.
Ю.Завадский

С УЙТТЕНХОВЕНОМ я знаком и встречался несколько раз, если не ошибаюсь — у СМЫШЛЯЕВА.

С Ириной УЙТТЕНХОВЕН я знаком очень мало — что она была анархо-мистически настроена, я не знал.
Ю.З[авадский]

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 187–188об]

ИЛЬИН Георгий Дмитриевич
(1905–после 1953)

Ильин Георгий (Юрий) Дмитриевич родился в январе 1905 г. в г. Вологде, в дворянской семье. Во время Февральской революции семья жила под Петроградом на даче Левашовых, у тетки, затем до 1918 г. под Вологодой в своем имении на ст. Щебе-но (?), после чего переехала в Москву на Арбат, 57, кв. 25. Отец, Дмитрий Александрович Ильин, 1872 г. рожд., первоначально работал в Главкустпроме в Леонтьевском переулке, затем инженером Московского водопровода, а к 1930 г. оказался в Нижнем Новгороде, по-видимому, в результате высылки. Мать, Вера Михайловна Ильина, 1874 г. рожд., работала библиотекарем в Московском промышленном инс-

титуте им. Рыкова, сестра Ильина Елена Дмитриевна, 1909 г. рожд., училась в Зоотехническом институте, затем доктор с/х наук; умерла в 1987 г. в Москве.

Семейство Ильиных жило в одной квартире с Никитиными, поскольку Д.А.Ильин, сослуживец В.Р.Никитиной по Главкустпрому, предложил им переехать в 1921 г. в эту квартиру в качестве «самоуплотнения»¹.

Впервые Г.Д.Ильин, тогда ученик последнего класса 11-й объединенной школы 2-й ступени МОНО, был арестован 06.03.1923 г. по подозрению в содействии нелегальной работе партии эсеров и как член бойскаутского кружка, который распался к середине февраля 1923 г. Поскольку связь с эсерами оказалась недоказанной, а скаутский кружок — не существующим, Ильин был освобожден.

В 1923 г. после окончания школы Г.Д.Ильин работал подручным слесаря в артели; в 1924 г. — составлял сметы на производство работ; в 1925 г. — ездил в Сибирь с геологической экспедицией в должности помощника коллектора, продолжив эту работу в Ленинграде в 1925—1926 гг. Весной 1926 г. он вернулся в Москву, а в апреле 1926 г. был вновь арестован ОГПУ по делу все той же скаутской организации и на этот раз приговорен к одному году концлагерей, но срок отбывал в Бутырской тюрьме. После освобождения Ильин уехал в г. Владимир, где поступил на работу в горкомхоз инструктором по инвентаризации муниципального жилого фонда. Осенью 1927 г. был призван в Красную Армию, служил в Нижнем Новгороде в Нижегородской пехотной школе в команде одногодичников, где получил звание командира взвода. В 1928 г. по демобилизации Ильин вернулся в Москву и поступил на работу в Моссанстрой, а осенью 1929 г. перешел на работу в Пароводоканал.

Вернувшись в Москву, Г.Д.Ильин поселился отдельно от родителей на Донской улице, д. 32, кв. 2, однако он регулярно бывал на Арбате, заходя на воскресные вечера у Никитиных, и начиная с 1924 г. состоял в анархической секции Кропоткинско-го Комитета при Музее П.А.Кропоткина, а затем и в Библиографическом кружке при библиотеке-читальне, правда, посещая его не регулярно, что, возможно, спасло его от ареста в ноябре 1929 г. (см. дело Библиографического кружка в I томе настоящего издания).

Г.Д.Ильин был арестован в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъяты: «рукопись философского содержания», 2 блокнота, 5 книг «философского содержания», записная книжка и портфель со служебными документами. Он был обвинен в причастности к контрреволюционной организации, антисоветской пропаганде, работе в нелегальных кружках и помещен в Бутырскую тюрьму. 13.01.31 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по делу «Ордена Света» Ильин приговорен к трем годам ссылки в Восточную Сибирь.

Из сохранившихся запросов УМГБ по Владимирской области выслать для ознакомления архивно-следственные дела на Ильина Г.Д. видно, что в 1950 г. поднимался вопрос о разрешении на выезд за границу (видимо, по работе) его дочери, Нины Георгиевны Ильиной, а в августе 1953 г. решался вопрос об аресте самого Г.Д.Ильина как «неоднократно судимого» (архивно-следственные дела в АУФСБ по г. Москве — 573025, 574398, 594368).

О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996, с. 98.

ПОКАЗАНИЯ ИЛЬИНА Г.Д. (без даты)

В музее я бывал начиная с 1924 г., посещал лекции, состоял в анархической секции при Кропоткинском Комитете с 1925—1926 гг. Работал в музейной библиотеке. При мне там работали ПАХОМОВА, ЛАНГ. В анархистскую секцию входили СОЛОНОВИЧ, муж и жена, ЛАНГ, ПАХОМОВА, Григорий Иванович АНОСОВ (он последнее время не работал), САЖИН. Вообще из анархистов лично я знал только входив-

ших в секцию. При читальне музея был организован кружок по изучению Кропоткина, в него я входил вначале, был на его собраниях с весны, летом же, когда все разъехались и я ушел в отпуск, кружок фактически не работал. В кружок входили ЛАНГ, как руководитель, БАТРАК, дядя Миша*, Яша**, сначала входила и ПАХОМОВА. Кружок собирался в читальне музея. О кружке БЕМА я не знаю. В секцию также входили ГОРИНЕВСКИЕ. Я у них на квартире бывал раза два. Юрием зовут меня все, знающие меня. Из нелегальных материалов я читал хархардинскую статью «Новый мир» и что-то еще. Слышал о книге СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа», но достать ее не мог. Мистикой я не интересовался, но слышал о ней из лекций СОЛОНОВИЧА, кроме того, у меня была тетрадь СОЛОНОВИЧА с выписками по индусской философии. У ПАХОМОВОЙ на квартире я бывал иногда, бывали разговоры по вопросам анархизма. Кроме меня, у ПАХОМОВОЙ бывали ГОРИНЕВСКИЕ, Петр ПИКУНОВ и другие, кого я не знаю. Георгия Александровича ЛЮБИЦКОГО видел в музее и в библиотеке. Недели за две — за три был на квартире у СОЛОНОВИЧА после ареста ПАХОМОВОЙ. У СОЛОНОВИЧА на квартире я встречал и других лиц, но я их не знаю. Фамилию ПАСТУХОВА слышал, но лично его не знал. О САМАРСКОЙ слышал, она приходила в музей с родственницей ЛАНГА, но лично с ней не встречался. В 1925-26 гг. знал, что в музее бывала Варвара Николаевна***.

Отношение к соввласти, как и ко всякой другой, отрицательное, но т.к. заменить ее сейчас нечем, то пусть существует она. Коллективизацию мы считаем фактом положительным, но не так, как она проводилась соввластью, а другим путем, т.е. путем чистого добровольчества без принуждения.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

Г.Ильин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 200-200об]

* Архангельский Михаил Ювенальевич.

** Шрейбер Яков Колманович.

*** Любимова Варвара Николаевна.

ПОКАЗАНИЯ ИЛЬИНА Г.Д. 22.11.30 г.

По окончании школы 2-й ступени для выработки себе политического мировоззрения я начал читать всевозможную литературу по этому вопросу. Между прочим, я прочел книгу Макса Штирнера «Единственный и его достояние», которая произвела на меня довольно сильное впечатление. Благодаря ей я заинтересовался вообще анархизмом, читал Кропоткина, Бакунина и др. Взгляды Кропоткина показались мне наиболее подходящими. Узнав про существование Кропоткинского музея, я пошел туда. Видимо, там я познакомился с ЛЕБЕДЕВЫМ, с его женой, СОЛОНОВИЧЕМ и его женой. Я предложил свои услуги по какой-нибудь работе, хотя бы чисто технической в музее, и мне было поручено составление новой инвентарной описи экспонатов музея. Я начал эту работу, но вскоре бросил, перешел на составление каталога личной библиотеки Кропоткина. Эту работу мне также пришлось бросить, т.к. у меня представилась возможность поехать в Сибирь с геологической экспедицией, для чего в начале 1924 г. я уехал в Ленинград. За время моей работы в музее я познакомился с АНОСОВЫМ, который предложил мне вступить в члены ВФАК. Я согласился и получил от него членскую карточку. По возвращении из Сибири в Ленинград я остался там и работал по геологии с геологом НИКИТИНЫМ Дмитрием Васильевичем над разработкой материалов летней работы, занимаясь в то время геологией дома. В этот период анархизм меня мало интересовал, т.к. я был увлечен геологией, но все же по взглядам я считал себя анархистом-коммунистом.

В конце 1925 г. я вернулся в Москву и узнал, что Федерация была распущена еще в 1924 г. Таким образом, ни в какой работе Федерации мне принять участие не пришлось.

Конец 1925 и начало 1926 г. я продолжал бывать иногда в музее на лекциях, бывших там. В апреле 1926 г. я был арестован и находился в Бутырской тюрьме по ап-

рель 1927 г. по делу скаутов. По освобождении я уехал во Владимир, где работал в горкомхозе до осени. За этот период никакой связи с анархистами у меня не было. Осенью я был призван в РККА и служил до осени 1928 г. Демобилизовавшись, я вернулся в Москву и опять стал бывать в музее, причем взялся работать по приведению библиотеки в порядок и дежурить в читальне, также посещал лекции в музее. На этой почве я ближе познакомился с СОЛОНОВИЧАМИ и бывал у них на квартире по делам библиотеки и читальни. В библиотеке познакомился с ПАХОМОВОЙ, увлекшись ею, стал бывать у ней на дому. В это же время СОЛОНОВИЧ предложил мне вступить в члены анархической секции в Кропоткинском Комитете, на что я согласился и стал бывать на собраниях секции.

Первое время на собраниях, которые были довольно редко, раз в два месяца примерно, бывало довольно много народа. Фамилии бывавших мной названы на предыдущем допросе. В частности, там я познакомился с ГОРИНЕВСКИМИ, которые также стали бывать у ПАХОМОВОЙ. В начале 1929 г. при читальне по инициативе ЛАНГА было решено организовать кружок по составлению библиографии по Кропоткину. В кружок вошло несколько постоянных посетителей читальни, я также вошел в него. Кружок несколько раз собирался в читальне. Весной или в начале лета я уехал из Москвы в отпуск или командировку, в это же время кружок перестал работать ввиду того, что читальня была закрыта и ее помещение использовали под склад архивов Кропоткина. После отъезда моего никакой связи с кружком не имел, т.к. вообще на лето работа в музее замирала. В конце лета я узнал, что ЛАНГ и члены кружка были арестованы и сосланы в политизолятор. Причины их ареста мне не известны до настоящего времени. По слухам, они продолжали собираться где-то на квартире.

В конце 1929 г. я опять стал бывать в музее на лекциях и дежурить в читальне. Собрания секции тогда бывали, но народу собиралось на них мало. Членами секции делались доклады — изложение взглядов Кропоткина на разные вопросы. В начале 1930 или в конце 1929 г. всякие работы в музее прекратились ввиду ремонта и перделки аудитории. В 1930 г., ввиду большой загруженности работой по службе и домашней работы по проектировке, в музее бывал редко, раз или два на лекции после ремонта. В Библиографический кружок при читальне входили: ЛАНГ, я, ПАХОМОВА, БАТРАК, Яша, дядя Миша и еще кто-то, кажется, какой-то учитель*. ПАХОМОВА была на собраниях кружка только раз или два и потом ушла, т.к. ее, по-видимому, не заинтересовало. Кружком было решено составить библиографический справочник по Кропоткину, для чего члены кружка разобрали ряд брошюр и должны были сделать краткий доклад о содержании их и написать аннотацию на них. В частности, я взял брошюру «Анархизм», изложил содержание и написал аннотацию на нее. Кто-то делал еще доклад, но кто именно и о чем, я уже не помню, кажется по аграрному вопросу. Кажется, дядя Миша или БАТРАК. Я был на трех или четырех собраниях кружка, на скольких — точно сказать не могу.

Насколько я помню, на первом и, кажется, на втором долго обсуждались методы работы. Кажется, на следующем собрании был мой доклад, а на четвертом — еще один доклад. Никаких общих разговоров о политике советской власти на собраниях кружка не велось, т.к. цель кружка была совершенно специальная, входить в него могли кто угодно и входили люди совершенно посторонние, пришедшие по объявлению, вывешенному в читальне, и комментировать чисто теоретическую работу музея какими-либо разговорами члены секции считали невозможным.

Собрания анархической секции происходили следующим порядком.

Если было много народу, то выбирался председатель, если мало, то обходились и без такового. Кроме того, выбирался секретарь, который вел протокол собрания в книге протоколов, хранящихся в музее. Затем обсуждались имевшиеся вопросы об организации секций и лекций, о формах работы секции, об изыскании денег для ремонта музея, о выборе дежурных в читальне, о работе в читальне, о работе музея, о дежурствах во время осмотра музея и др. Наконец, некоторыми членами секции делались доклады о постановке вопроса у Кропоткина. В частности, я делал доклад о

«бунтовском» духе у Кропоткина и Бакунина. Помню, был еще доклад о Французской революции по Кропоткину. Кроме того, секция было начала работу по разбору имевшихся в музее материалов по истории анархизма и его роли во время октябрьской и февральской революций. Работы эти не были кончены из-за начавшегося ремонта и отсутствия другого помещения. Из посещавших собрания членов секции знаю: СОЛОНОВИЧА с женой, ЛАНГА, ГОРИНЕВСКОГО, ПАХОМОВУ, АНОСОВА, АКСЕНОВУ Лидию Николаевну, фамилии остальных не знал. Изредка бывал БЕМ. Помню, что бывала какая-то Ирина Николаевна**, фамилии ее не знаю.

Из материалов, печатанных на машинке, читал вещи ХАРХАРДИНА «Новый мир», других материалов не видел. От кого получил «Новый мир» — не помню, читал его, кажется, в читальне.

Показания написаны собственноручно.

Ильин

Тетрадь по анатомии, мне предъявленная, мне не принадлежит. Она может принадлежать КОВАЛЬ-САМБОРСКОЙ, т.к. она училась на курсах по повышению квалификации. Почерка же ее не знаю. Ни ПИКУНОВ у меня, ни я у ПИКУНОВА никогда не бывали. Его московского адреса я не знаю. На даче он жил вместе с ПАХОМОВОЙ и КОВАЛЬ-САМБОРСКОЙ, за которой он ухаживал.

Г.Ильин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 206-207об]

* Салмин Филипп Кириллович.

** Ирина Николаевна Уйттенховен.

КОРНИЛОВ Петр Аркадьевич

(1885 — после 1937)

Корнилов Петр Аркадьевич родился 13.06.1885 г. в г. Москве. Его отец, А.П.Корнилов, имевший до революции в Бердичеве сахарный завод и до 400 десятин земли, в 1921–1922 гг. бежал с семьей за границу. Сам П.А.Корнилов окончил Петербургский лицей и до революции служил земским начальником 1-го участка в г. Богородицке. Более подробные биографические сведения о нем содержатся в его показаниях. По убеждениям анархо-коммунист, он, скорее всего, не имел непосредственного отношения к анархо-мистическому движению и был арестован случайно засадой на квартире А.В.Андреева вечером 11.09.30 г. Поскольку налицо были доказательства связи Корнилова с московскими анархистами, что он и сам не отрицал, 24.09.30 г. ему было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде, связи с анархоподпольем и распространении нелегальной литературы. Во время следствия содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» П.А.Корнилов приговорен к трем годам заключения в Ярославском политизоляторе.

После освобождения (и ссылки?) П.А.Корнилов жил на поселении в г. Оренбурге по ул. им. 8-го марта, д. 57, где осенью 1936 г. был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе ссыльных анархистов, возглавляемой неким Кардао. Обвинения в том, что он «высказывал пораженческие настроения, симпатии фашизму, критиковал стахановское движение и мероприятия партии и правительства по работе среди трудового казачества», Корнилов не признал. Тем не менее Постановлением ОСО при НКВД СССР от 03.03.37 г. Корнилов был приговорен к тюремному заключению сроком на пять лет.¹

Дальнейших сведений о его судьбе не имеется.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Архивное дело № 13865 на Соколова Петра Дмитриевича (цит. по: ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, осмотр арх.след.дел в связи с пересмотром дела А.А.Солоновича).

ПОКАЗАНИЯ КОРНИЛОВА П.А. 12.10.30 г.

Беспартийный, по убеждениям анархо-коммунист; до 1914 г. жил в Богородицком уезде Тульской губ., земский начальник на участке № 1. С 01.07.17 г. был призван на военную службу. Окончил Киевское военное пехотное училище, по окончании училища в чине прапорщика был прикомандирован к запасному пехотному полку в г. Туле. В 1917 г. в Февральскую революцию жил в с. Михайловском Богородицкого уезда. Активного участия ни за, ни против революции не предпринимал. С февраля и позднее — в г. Туле. В январе 1918 г. был демобилизован. С 1918 г. в Богородицке служил в Упредкоме, зав. карточным бюро. После покушения на т. Ленина был арестован в числе заложников буржуазии г. Богородицка. Был освобожден без последствий. Арестовывался и был освобожден за антисоветскую агитацию в г. Перми в 1918 г. в эшелоне красноармейского пехотного полка, куда я вступил добровольно. Был арестован Особым отделом ревтрибунала 3-й Армии Восточного фронта, после допроса был освобожден. После освобождения я служил бухгалтером Богородицкого земского отдела до января 1919 г. Поступил в с/х коммуну «Красная нива» возле ст. Валово, Богородицкого уезда. В мае 1919 г. ушел в Красную Армию добровольцем, служил в управлении снабжения армии в г. Екатеринбург в качестве делопроизводителя. В феврале 1920 г. заболел тифом и вернулся в г. Богородицк, т.к. после тифа была парализована правая рука. Вступил снова в с/х коммуну им. Зиновьева, бывш. «Красная нива», теперь — «Авангард». Был арестован в июле 1920 г. по обвинению в дезертирстве и принадлежности к свердловской анархической группе ЖЕ-БЕЛЕВА. Сидел месяца три, был освобожден. После ареста в г. Туле был болен, лежал в лазарете и уехал в г. Саратов, где так же лежал в лазарете с парализованной рукой до зимы 1921 г. После этого вернулся в г. Богородицк, где работал бухгалтером в ЕКО и УКО ВКП(б). С июня 1921 г. — главным бухгалтером Карасевской-Узловской заготконторы тульского продкомитета Богородицкого уезда до 1923 г. В 1923 г. аттестационной комиссией как бывший земский начальник был снят с работы. После этого был переведен Тульским губпродкомом в Алексинскую заготконтору главным бухгалтером. В 1924 г. работал бухгалтером Овсянского элеватора в г. Плавске до мая месяца. Местной аттестационной комиссией был снят с работы. Уехал в г. Алексин и через анархиста КОЛОВА вступил в организованное им кооперативное товарищество «Новый путь» до октября 1924 г. В 1924 г. работал в г. Туле, в Судаковском сельхозкредитном товариществе бухгалтером, был допрошен РКИ по обвинению в соучастии с группой растратчиков, но в отношении меня дело было прекращено. С февраля 1925 г. работал бухгалтером в лесозаготовительной конторе Тулкооплеспромторга и в мае перешел заместителем главного бухгалтера на химический чугунолитейный плавильный завод. В октябре был переведен на центральный эмалировочный завод того же треста. С декабря работал на Дубненском чугунолитейном плавильном заводе бухгалтером. В апреле 1926 г. поступил в г. Москве в «Металлосиндикат» в правление бухгалтерии (Кузнецкий мост). В октябре в г. Брянске на шиферный завод, бывш. Мальцевские заводы, где работал до 3 января 1930 г. в качестве главного бухгалтера. В январе 1930 г. поступил в Зернотрест и направлен в зерносовхоз им. Блукиса (бывш. Бенардаки) ст[аршим] бухгалтером. В июле месяце после чистки был вычищен по 1-й категории. Я не был уволен сразу и после чистки считался служащим в этом зерносовхозе до 30.09. с[его] г[ода] В начале сентября был вызван к агенту УРО по обвинению в халатном отношении к служебным делам. У меня была взята подписка о невыезде из совхоза. Но после моего заявления о невозможности жить в зерносовхозе подписка о невыезде была заменена подпиской о сообщении дальнейшего места жительства. Я уехал в г. Москву и остановился по ул. Станкевича, д. 20, кв. 24, у своего знакомого по с/х коммуне, ТИМОХИНА Степана Алексеевича, работавшего дворником этого дома. Теперь работает сторожем в Советско-польском торге. 11.10 с.г. вернулся из г. Брянска, куда ездил разыскивать учетно-воинский билет и другие документы. Вещи оставил у ТИМОХИНА, вечером пошли к АНДРЕЕВУ. Заходил к нему в третий раз, т.к. у него был замок. С ним хотел пе-

реговорить о моей работе по делам Зернотреста (статья о счетоводстве в зерносовхозе) и занять денег. АНДРЕЕВА я знаю с 1922 г. как анархиста. Приезжая в Москву, я до последнего времени заходил к нему.

Отец мой Аркадий Петрович во время нахождения в Киеве генерала СКОРОПАДСКОГО бежал за границу со всей семьей, т.е. моей матерью, тремя сестрами и младшим братом. Я в это время был в Богородицке. Зимой 1921-22 г. я получил через бывшего кассира Богородицкого сахарного завода ПЕЧЕНКИНА письмо от родителей из-за границы. Брат мой, Николай Аркадьевич, 1905 г. рождения, видел его в последний раз в 1917 г.

К анархизму я примкнул после Февральской революции, в с. Михайловском, после ознакомления с анархолитературой через одного анархиста, крестьянина в с. Ломовом Богородицкого уезда, фамилии его не помню. Когда поехал в Красную Армию в 1919 г., в Москве заходил к КАРЕЛИНУ, от которого получил литературу по анархизму, но в Федерацию был принят им лично по возвращении из Красной Армии. В Свердловске я состоял в группе ЖЕБЕЛЕВА, но его не видел, т.к. он там не был. Из той группы я по фамилии знал только одного ЕЛЕНСКОГО, остальных только по именам — Абрам, Иван, Марк. П.Корнилов

[ЦА ФСБ, Р-33312, т. 4, л. 215 об — 216об]

ПОКАЗАНИЯ КОРНИЛОВА П.А. 12.10.30 г.

(продолжение)

Во ВФА я состоял до 1922 г., проживая в вышеуказанных местностях, где вел работу по анархизму, выразившуюся в распространении литературы. В работе по анархизму сталкивался с отдельными анархистами, например КОЛОВЫМ Дмитрием Павловичем (Алексинский уезд), АНТОНОВИЧЕМ Василием Митрофановичем (в Туле), ЕРМОЛОВА Василия Ефимовича знал, что он был анархистом. В 1923 г. он вступил в ВКП(б). ДУГИН Федор Амбросиевич. Знал с его слов, что он анархист и был участником экспроприации в г. Ленинграде в Фонарном переулке. Он — эмигрант, в ВКП(б) вступил уже давно.

Из московских анархистов я знаю, кроме АНДРЕЕВА Александра Васильевича, АТАБЕКЯНА, которого два раза встречал у КАРЕЛИНА, ХАРХАРДИНА, когда он служил в Наркомземе, АНОСОВА — в 1926 г. его жена печатала мне на машинке статью по счетоводству. В 1926 г. я от АНДРЕЕВА брал анархическую литературу для себя и других анархистов г. Брянска, которых мог бы встретить.

Будучи по убеждениям анархистом-коммунистом и считая конечный строй анархическим, тем не менее я признаю советскую власть. Всецело признаю современное социалистическое строительство, без которого было бы немислимо сохранить в настоящее время советский строй и построить социализм в ближайшем будущем. Как экономист, после знакомства с анархистами и главным образом благодаря дальнейшему самообразованию и практической школе я не могу проходить мимо развивающейся экономической истории СССР... [Далее текст читается плохо. Смысл его в том, что Корнилов считает бессмысленной какую-либо борьбу против советской власти и он ее поддерживает. — А.Н.]

В один из моих приездов в Москву в 1930 г., в январе или сейчас не помню, т. АНДРЕЕВ говорил, что некоторые анархисты уклоняются в сторону мистицизма, причем, насколько мне память не изменяет, он назвал СОЛОНОВИЧА. С АНДРЕЕВЫМ я был на вечере памяти Карелина в Обществе бывших политкаторжан. От АНДРЕЕВА по моем приезде в Москву я получил совет пойти к СТЕПАНОВУ Сергею Ивановичу на Б[ольшую] Никитскую, 31, в книжную артель «Современник», узнать, может ли он меня устроить в эту артель, как вычищенного по 1-й категории. АНДРЕЕВ сказал, что СТЕПАНОВ анархист и чтобы я сказал ему, что меня знает АНДРЕЕВ и знал Аполлон Андреевич. По приходе к СТЕПАНОВУ я показал ему справку о том, что я вычищен по 1-й категории, и он посоветовал мне зарегистрироваться на Бирже и просить разрешения у их союза о поступлении в артель их союза.

По обвинению меня комиссией по чистке в грубости с рабочими и служащими я считаю, что в вопросе грубости с рабочими я грубости не проявил, со служащими был груб в силу раздражительности. О чистке по 1-й категории я подал заявление в краевую комиссию, дав адрес на ТИМОХИНА Ст[епана] Алекс[еевича].

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

П.Корнилов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 217-218]

КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович

(1897–1937)

Корольков Павел Ефимович родился 08.06.1897 г. в Москве, в семье служащего. Сведений о его родителях не сохранилось, т.к. к моменту ареста отец и мать уже умерли. Из родственников осталось двое братьев – Владимир, 1880 г. рожд., инженер-преподаватель в одном из вузов Москвы, и Александр, 1883 г. рожд., преподаватель математики. С 1917 по 1920 г. П.Е.Корольков находился в Красной Армии, после демобилизации с 1921 г. служил библиотекарем, одновременно поступил в Государственный Институт Слова (ГИС), по окончании которого перешел библиотекарем в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), после чего работал продавцом в книжном магазине.

Из показаний других арестованных можно заключить, что Корольков, не будучи женат, был одним из деятельных членов Ордена и «Братства Милосердия», составил и хранил орденскую библиотеку, одно время специально занимался переплетным делом, чтобы открыть переплетную мастерскую и через нее размножать орденскую литературу.

Арестован 24.09.30 г. на квартире в Потаповском переулке, 8, кв. 7, где жил с братом Александром, который присутствовал при обыске. При обыске изъято: 1) три записные книжки и альбом, 2) различные записи, 3) основания от восковой бумаги, 4) две книги журнала «Золотое руно», 5) шесть номеров журнала «История свободы», 7) книга «300 лет дома Романовых», 8) две книги «Бояре Романовы», 9) журнал «Красный террор», 10) шесть номеров журнала «Спиритуалист».

24.10.30 г. Королькову было предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании нелегальных кружков и руководстве таковыми, в выпуске и распространении антисоветской литературы. Содержался во время следствия в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. приговорен к пяти годам лишения свободы в Ярославском политизоляторе. По справке из дела № 5189 НКГБ Томской области известно, что 22.09.37 г. Тройкой НКВД ЗСК П.Е.Корольков был приговорен к расстрелу (статья не указана), что и было приведено в исполнение 04.10.37 г. Из этого можно заключить, что после отбытия наказания в Ярославле Корольков был выслан в Томскую область, а в 1937 г. был вновь арестован в связи с возобновлявшимися делами на анархо-мистиков (А.А.Солонович, А.О.Солонович, Д.А.Бем и др.)

Реабилитирован по делу «Ордена Света» определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ КОРОЛЬКОВА П.Е. 22.09.30 г.

Познакомился с Алексеем Александровичем СОЛОНОВИЧЕМ в ГАХНе. Он был среди публики. Бывал у него на лекциях-докладах в подвале Кропоткинского музея несколько раз. Лекции носили характер популяризации анархических учений Кропоткина и Бакунина с туманным оттенком мистических учений. Там встречались знакомые – НИКИТИН Леонид Александрович, САМАРСКАЯ. Бывал на вечерах литературных у Л.А. НИКИТИНА, где встречался с его сестрой Ниной Александровной НИКИТИНОЙ, с Еленой Георгиевной АДАМОВОЙ, с Ириной ПОКРОВСКОЙ, Юрием Александровичем ЗАВАДСКИМ. У НИКИТИНЫХ слышал фамилию УЙТТЕНХОВЕН. С Константином Ивановичем ЛЕОНТЬЕВЫМ и Владимиром Фе-

доровичем ШИШКО знаком по ГАХНу. С АДАМОВОЙ познакомился в Институте Слова, также с ИВАКИНСКОЙ – первая была на отделении художественного рассказывания, вторая на декламационном отделении. С Евгением Николаевичем СМИРНОВЫМ и Александром Сергеевичем ПОЛЕМ познакомился там же, они были на ораторском отделении. С Николаем Васильевичем ВОДОВОЗОВЫМ также в Институте Слова на литературном отделении, где был и сам. О ЛАНГЕ слышал, что он делал доклад в Кропоткинском музее, сам я на этом докладе не был. С ЛЮБИЦКИМ встречался в Кропоткинском музее и в ГАХНе. С ЛЮБИМОВОЙ служил в КУТВе четыре с половиной года в библиотеке, сначала в фундаментальной библиотеке, потом в общей. Со СМЫШЛЯЕВЫМ, БЛАГОНРАВОВЫМ и ДЕЙКУН встречался раз или два у НИКИТИНЫХ. Как часто бывали «сборища», это я точно сказать не могу, потому что не знаю, я же бывал в месяц несколько раз, два или три. Происходили они по пятницам и по воскресеньям. Доклады читались по вопросам искусства и литературы, о Врубеле, о Сезанне, о древнем Египте и о зарубежных новых работах по искусству. Рассказывались восточные сказки. При мне делал доклад Л.А. НИКИТИН. Кто рассказывал сказки, имя не припомню. Стихи при мне не читали. Вечера эти имели литературно-искусствоведческо-мистический оттенок. Мировоззрение ряда людей, там бывших, грубо обобщая, можно назвать идеалистическим и туманным мистицизмом. После одной из лекций был у А.А. СОЛОНОВИЧА на дому, беседовал на интересовавшие меня вопросы бакунинских идей.

Дать какие-либо показания об Ордене – отказываюсь, потому что не нахожу нужным отвечать на этот вопрос.

П.Корольков

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 227]

ПОКАЗАНИЯ КОРОЛЬКОВА П.Е. 24.10.30 г.

По убеждениям я являюсь анархистом-мистиком. К советской власти отношусь как к каждой власти, поработавшей человеческую психику, физически же совласть приемлю, как власть, которая в данный момент является единственной для русских.

Свои взгляды широкой терпимости, основанной на глубочайшем уважении к человеческой личности, пытался провести в жизнь – своей собственной жизнью на деле. Чувство взаимопомощи и все вышеупомянутое – старался показать в своей личной жизни.

По поводу журнала, названия сейчас не помню, который изъят у меня при обыске, – говорю: получал я его от лица, которого я не назову, об его организации ничего не знаю.

Автора найденных у меня художественных произведений в форме легенд не знаю, т.к. эти художественные произведения были мне переданы через несколько рук, как образец художественно-литературного творчества.

Орден понимаю как образ символический, существовавший и существующий в веках, и, конечно, о физическом моем знании его не может быть и разговора.

П.Корольков

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 228]

ПОКАЗАНИЯ КОРОЛЬКОВА П.Е. 03.01.31 г.

Показания по поводу моего участия в «Ордене Света». В 1925 г. был посвящен в рыцари. Кем – не помню, кажется, у СМИРНОВА, 1-й степенью мое участие окончилось. Цели, как я слышал, были нравственно-этические (развитие человеческой сущности). В этом же году все распалось. Дальнейшие события личной жизни сумели все изгладить из памяти. Как мне помнится – все распалось из-за яркого несоответствия всего «того» с окружающей действительностью. Больше по этому вопросу прибавить не могу, т.к. не помню.

Написано собственноручно.

П.Корольков

[Другой рукой:] По поводу моего участия в организации орденской библиотеки показания давать отказываюсь; никакой переплетной мастерской я не организовывал и участия в организации таковой не принимал. Правда, разговоры по этому вопросу у меня со знакомыми были и сводились они к тому, что сначала нужно самому научиться переплетному мастерству, что я и пытался сделать. Ходил я несколько раз в неделю к кустарю, фамилии не помню, где-то в одном из переулков на Поварской улице, но вскоре я понял, что дело это не по моим рукам, и я отказался от мысли организации переплетной мастерской. Цель организации переплетной мастерской у меня была, чтобы переплести свои книги и затем заниматься переплетным делом как ремеслом, подняв его на художественную ступень.

По поводу общества «Братство Милосердия» я ничего не знаю. В отношении руководства кружка могу сказать, что в 1925 г. у меня собиралось двое-трое молодых людей (двое мужчин, одна женщина, точно не помню) и беседовали на литературные темы. Больше ни о каких кружках понятия не имею. От подписи показаний отказываюсь.

Дежурный 4-й смены

Осадчий

[Рукою Королькова:] Беру свои слова обратно, потому что хотел кончить показания фразой, которую тов. следователь не написал и особого значения которой я не придаю.

П.Корольков

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 4, л. 232]

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Николай Алексеевич
(1884 — после 1960)

Ладыженский Николай Алексеевич был арестован 08.08.30 г. в Сочи одновременно с Н.И. Проферансовым и первоначально проходил подследственным по «сочинскому делу»¹. Его близкое знакомство с Н.К. Богомолловым, Н.К.Проферансовым, А.А.Карелиным и А.А.Солоновичем, а также подробные показания о том, что ему было известно в отношении Ордена тамплиеров в надежде на обещанное безусловное освобождение, о чем свидетельствует приобщенное к делу его письмо от 15.08.30 г. к брату, стали причиной перевода Ладыженского вместе с Проферансовым в Москву, в распоряжение СО ОГПУ 21.09.30 г. вместе с копиями протоколов предшествующих показаний от 11, 14, 27 августа, включая очную ставку с Н.И.Проферансовым 27.08.30 г., а также от 11.09.30 г. и копию «Нечто к истории Т.» Вместе с ними в Москву были отправлены подлинники показаний Ладыженского 16 и 20 сентября 1930 г., судя по датам, полученные от него еще в Новороссийске, однако отсутствующие в материалах «сочинского дела».

Поскольку подробная биографическая справка о Н.А.Ладыженском вместе в полными текстами его показаний представлена в материалах «Сочинского дела», здесь (за исключением показаний Ладыженского от 16 и 20.09.30 г.) воспроизведены его показания только московского периода следствия.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ АУФСБ РФ по Краснодарскому краю, П-58969 (прежние №№ 4001, 95455), см. том I настоящего издания.

ПОКАЗАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО Н.А. 16.09.30 г.

В дополнение к моим показаниям сообщаю: в день отъезда из Москвы в Сочи Н.К. БОГОМОЛОВ сказал мне: в августе в Москве назначается съезд наших, если хочешь — приезжай. Числа и места он не назвал. Я ответил, что приехать не смогу.

В 1928 или 1929 гг., когда БОРМОТОВ был в Москве на Спартакиаде, он был у БОГОМОЛОВА и тогда там познакомился с Н.И. ПРОФЕРАНСОВЫМ.

Прочитал, записано с моих слов.

Ладыженский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 242]

ПОКАЗАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО Н.А. 20.09.30 г.

По вопросу о моем знакомстве с Николаем Ивановичем ПРОФЕРАНСОВЫМ:

Познакомился я с Н.И. ПРОФЕРАНСОВЫМ в 1930 г. в мае месяце. Н.К. БОГОМОЛОВ на мои вопросы о том, как получить духовные знания в практическом применении к познанию внутреннего человека, сказал: «Я познакомлю тебя с одним из наших, Николаем Ивановичем, он научный большой работник, имеет свои труды по психизму (по духовным вопросам), он даст тебе возможность понять и ответит на те вопросы, которые тебя волнуют». После этого он познакомил меня с Н.И. ПРОФЕРАНСОВЫМ и я с ним имел беседу примерно такого содержания: я спросил, как получить мне знание внутреннего человека и как развить в себе эти способности, т.е. я просил практических указаний развития психических способностей человека. Он ответил: «Таковыми познаниями мы не обладаем, в настоящий момент идет совершенно другое идеологическое течение, с помощью которого мы стараемся перевоспитать человека на принципах первоначального христианства. Ты же просишь чуда, а у нас чудес нет». С этим я ушел от Н.И. ПРОФЕРАНСОВА. На второй день я получил от него письмо к ЧАГА Я.Т.

Ладыженский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 243]

ПОКАЗАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО Н.А. 29.09.30 г.

В 1926 г. с БОГОМОЛОВЫМ я встретился в Москве на его квартире в районе Армянского переуллка, квартиру знал из переписки. В этот же раз я был посвящен БОГОМОЛОВЫМ в рыцари Ордена тамплиеров. В 1919 г. я приезжал по делам службы в Москву, остановился у БОГОМОЛОВА на Б[ольшом] Гнездииковском пер. в доме «Крыша». В один из свободных вечеров БОГОМОЛОВ предложил мне пойти с ним к профессору КАРЕЛИНУ, которого он собирался навестить уже несколько дней ввиду его болезни, при этом сказал: «Тебе стоит познакомиться, т.к. проф. КАРЕЛИН большая величина – анархист». По приходе у КАРЕЛИНА были двое мужчин, один из них СОЛОНОВИЧ, а другого совершенно не знаю. Сперва КАРЕЛИН говорил о каких-то личных делах по изданию произведений или что-то в этом роде, а затем разговор перешел на общую тему, где между прочим проф. КАРЕЛИН говорил о том, что современное положение являлось весьма неясным и выражало собою упадки нравов, аморализм и т.п. и что в это время необходимо как-то следует поднять сознание человека и перестроить свою работу.

В 1930 г. я встретился с СОЛОНОВИЧЕМ на его квартире, Полуэктов переуллок 4, вместе с Н.К.БОГОМОЛОВЫМ, который и устроил мне свидание. Тема разговора была исключительно обращена на то, каким образом возможно получить знания внутреннего человека и какие существуют на этот счет приемы. СОЛОНОВИЧ указал на произведение Штейнера «Путь к посвящению» и др. и больше ничего не мог объяснить.

С ПРОФЕРАНСОВЫМ познакомил меня БОГОМОЛОВ Н.К., который также сказал, что он человек весьма сведущий, может объяснить вопросы, которые меня интересуют. Встретились с ПРОФЕРАНСОВЫМ, куда привел меня БОГОМОЛОВ, на квартире ПРОФЕРАНСОВА в районе Хлебного переуллка. Разговор был тот же самый, что и у СОЛОНОВИЧА, причем ПРОФЕРАНСОВ также стал объяснять пути познания по сочинениям Штейнера и больше объяснить ничего не мог. Все данные мною показания могу подтвердить при очной ставке.

Ладыженский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 247-247об]

ПОКАЗАНИЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО Н.А. 31.01.31 г.

При переводе меня из Кладовки в Пересыльную № 4 я встретился с тов. СОЛОНОВИЧЕМ, ПРОФЕРАНСОВЫМ, БОГОМОЛОВЫМ, БРЕНЕВЫМ, КОРНИЛОВЫМ и АНОСОВЫМ. БРЕНЕВА, КОРНИЛОВА и АНОСОВА я раньше никогда не видел и не был с ними знаком. Относительно моего разговора о дальнейшем разоблачении интересующей меня организации тамплиеров я получил следующие данные:

СОЛОНОВИЧ — так наз[ываемые] оккультные науки не изучал. Об Ордене ничего не сказал. А когда я спросил, существует ли таковой, он сказал: «Существует, может быть, где-нибудь». Я указал, что устав о «кружках» составлен совершенно неграмотно с точки зрения так наз[ываемых] «оккультных наук», на что СОЛОНОВИЧ сказал, что так сделал БОГОМОЛОВ. ПРОФЕРАНСОВ — тоже не изучал оккультные науки, но интересовался первоначальными течениями первых веков в христианстве и на основе этого и мыслит свое внутреннее направление. На вопрос мой, есть ли физическая организация Ордена у нас, он не сказал что-либо определенное, а высказал мысль в том смысле, что люди теперь чувствуют особое настроение и такие мысли как будто носятся в воздухе. БОГОМОЛОВ — мне ничего не сказал, держался все время в стороне, но возмущался, что я следователю сказал о том, что он меня посвящал с «тряпочкой» и обещал мне сделать чистосердечное признание, но так и не сделал.

Из общего разговора с этими лицами я вынес полное убеждение, что вся организация Ордена тамплиеров является делом рук этих лиц и никакого существенного значения не имеет. Организация понадобилась как средство для проповеди анархизма среди масс.

Ладыженский

Относительно т. НИКИТИНА, то последний, сообщая мне в последние дни моего сидения в Кладовке, сказал, что ПРОФЕРАНСОВ получил пять лет лагерей, а относительно других ничего не узнал, и добавил, что дело о нашей организации, по видимому, уже рассмотрено. Когда я спросил, откуда он знает, он мне сказал: «не все ли вам равно», и этим весь разговор и кончился.

Ладыженский

ПРОФЕРАНСОВ также говорил, что я не должен был рассказывать об «этом» обществе, т.к. не подлежало оглашению. Я на это сказал, что со мною поступили обманом, шантажировали, поэтому мне не было смысла что-либо скрывать.

Ладыженский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 248-249]

ЛЕОНТЬЕВ Константин Иванович

(1889 — после 1960)

Леонтьев Константин Иванович родился в мае 1889 г. в г. Владиславе Варшавской губернии. В 1916 г. окончил Петроградский университет, был мобилизован, находился на фронте под Якобштадтом. В феврале-марте по делам службы приехал в Петроград, развозил оружие восставшим, нес караульную службу в Таврическом дворце, распространял листовки Совета рабочих и солдатских депутатов, после чего выехал обратно на фронт. В октябре 1917 г. лежал в лазарете в Петрограде. По излечении был командирован в Москву на Школьно-инструкторские курсы, затем в 1918–1921 гг. учительствовал в г. Бахмуте. Окончательно переехал в Москву в 1921 г. С 1922 по 1929 г. работал в Госбанке, с начала 1930 г. перешел экономистом на работу в Гос. акционерное общество «Трансстрой». К моменту ареста был женат на Надежде Алексеевне Леонтьевой, урожденной Шиманович, и проживал по адресу: Москва, ул. Станкевича, д. 11, кв. 17. Из родственников в 1930 г. был жив отец, Иван Михайлович Леонтьев, 1856 г. рожд., инвалид, и сестры — Екатерина

Ивановна Покровская, 1884 г. рожд., учительница, и Софья Ивановна Драницына, 1885 г. рожд.

Леонтьевы были связаны тесной дружбой с В.О.Нилендером, А.А.Солоновичем, Л.А.Никитиным, В.С.Смышляевым, а через них и с широким кругом московской интеллигенции, собиравшейся на заседаниях ГАХНа, в Кропоткинском музее и других подобных местах.

Арестован К.И.Леонтьев был в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. на своей квартире, когда Н.А.Леонтьева находилась на курорте. При обыске были изъяты тетради с записями, адреса, переписка и две «схемы». 25.09.30 г. Леонтьеву было предъявлено стандартное обвинение: участие в контрреволюционной организации, создание подпольных кружков и руководство таковыми. Содержался во время следствия в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» К.И.Леонтьев был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года.

Как явствует из воспоминаний В.Р.Никитиной, К.И.Леонтьев вместе с женой были направлены сначала на строительство Беломорканала, а вскоре переведены на Свирьстрой, откуда К.И.Леонтьев был освобожден 27.11.33 г.¹

После возвращения в Москву Леонтьевы развелись, по-видимому, сначала *de jure*, чтобы прописаться, а затем и *de facto*: Н.А.Леонтьева вышла замуж за В.О.Нилендера, а К.И.Леонтьев женился на ее сестре, Евгении Алексеевне Шиманович. Последнее, как и дальнейшая судьба Леонтьева, выясняется из «Жалобы Верховному Прокурору СССР» К.И.Леонтьева от 22.06.40 г., подшитой в архивно-следственное дело «Ордена Света». Вот она.

ВЕРХОВНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

приготовленного к этапу и осужденного ОСО
ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича,
находящегося в Бутырской тюрьме

ЖАЛОБА

Пока не поздно, прошу Вашего срочного вмешательства и объективного рассмотрения моего дела, законченного после 2-годичного следствия приговором ОСО НКВД от 03.06.40 г., осуждающим меня к 5 годам заключения в лагерях, так как я совершенно не виновен в предъявленном обвинении. Дело мое за № 6808 с обвинением меня в антисоветских разговорах по ст. 58 п. 10 проходило след. стадии. Первоначальное следствие 1938 г., совершив ряд незаконных действий, принуждая меня при помощи мордобоя и других приемов насилия подписать заранее без моего участия, а не с моих слов составленный в вопросах и ответах протокол допроса от 28.10.38 г., а также под их впечатлением искажающих сущность моих показаний формулировки следователя в других протоколах, было закончено 20.12.38 г. На заседаниях Мосгорсуда от 3 и 11 февраля 1939 г., на которых рассматривалось мое дело, я самым ходом вопросов вынужден был заявить правду об упомянутых обстоятельствах следствия и о признании себя невиновным в предъявленном мне обвинении. Единственные свидетели, предъявленные следствием со стороны обвинения, моя жена и шурин — Евгений и Александр Алексеевич ШИМАНОВИЧИ, заявили об искажении следствием их показаний и установили мою невиновность. Наконец, и 3-й свидетель на суде, гр. ТУПИНГ, один разговор с которым мне инкриминировался, будучи следствием искажен по существу, также вполне реабилитировал меня своими показаниями как на суде, так, очевидно, и письменными, которые предварительным следствием к делу не приложены. Горсуд 20.02.39 г. вынес решение передопросить меня и свидетелей и дело направить в Спецпрокуратуру. 04.04.39 г., не будучи передпрошен, я был извещен Таганской тюрьмой, что дело мое направлено опять в Горсуд. После этого, не дождавшись ни вызова в суд, ни передопроса, я обратился в январе 1940 г. к Верховному прокурору РСФСР за содействием, от которого получил сообщение, что им сделано распоряжение об объективном расследовании моего дела. Только после этого, спустя

почти год после решения суда, 27.01.40 г. я и свидетели были передопрошены в присутствии спецпрокурора ГРИГОРКОВА. Но здесь, как и на суде, моя невиновность была подтверждена вторично. Тем не менее в поисках дополнительных материалов обвинения следствие приобщило к моему делу статьи и показания лиц, привлекавшихся в 1930 г. по делу группы анархистов-мистиков, связанных с Музеем Кропоткина, большинство которых мне неизвестно, равно как и размеры деятельности. Мне инкриминировалось участие в одном кружке этой группы, за что я был осужден Тройкой ОГПУ в лагеря на 3 года, хотя мое участие в этом кружке, изучавшем вопросы этики анархизма, относилось только к 1924-25 гг. (давность 5-6 лет) и объяснялось моим чисто теоретическим интересом к этике в разрезе тех требований, которые предъявляет социалистическая культура к человеку как нравственной личности. Подчеркиваю, что вопросы политики анархизма меня не занимали и разговоры о ней при мне не происходили. Я и тогда считал анархизм как социальное учение совершенно утопичным, ненаучным и бессильным разрешать большие социальные проблемы, как это делает марксизм-ленинизм. Я давно, с 1926 г., порвал всякие связи с анархистами; не являясь таковым по своим убеждениям, я не мог нигде и ни с кем высказывать анархических мыслей — ни на службе, ни в ближайшем окружении, ни с гр. ТУШИНГОМ, при содействии которого я по договоренности занимался в последние месяцы перед арестом переводами с иностранных языков статей для «Бюллетеня» Центрплодоовощ. Следствие инкриминировало мне хранение нескольких книг в моей библиотеке по анархизму, как хранение контр-рев[олюционной] литературы, и составило акт об их сожжении, не позволив в протоколе допроса перечислить их. Это потому, что они имеются до сих пор в продаже и даже в школьных библиотеках. Это след. книги: проф. Корнилова «Молодые годы М.Бакунина», «Сочинения М.Бакунина» и две книги по анархизму — Эльцбахера и Борового. В последней редакции обвинительного заключения, которое было мне зачитано 27.05.40 г., мне был приклеен нелепый ярлык «неразоружившийся анархист», не обоснованный ни одной ссылкой на факты или свидетелей. Хотя в результате 2-годичного пребывания в тюрьме мои силы изрядно истощены, я не теряю все же надежды, что в конце концов правосудие и правда восторжествуют над злой нелепостью, которая, к сожалению, реализовалась в приговоре ОСО от 03.04. с.г. Почему нарушается законный и нормальный путь разрешения моего дела? Если нет в моем деле криминала — а это так, — то освободите меня; если же есть — пусть разрешит вопрос об этом та нормальная инстанция — Горсуд, — куда оно было первоначально направлено.

К. Леонтьев

22.06.40 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 2, л. 43-43об]

Отсюда следует, что в 1938 г. К.И.Леонтьев был снова арестован и приговорен ОСО НКВД 03.04.40 г. к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Этот документ не был передан по назначению, и, как следует из приложенной к делу справки, В.К.Леонтьев был освобожден только 26.06.43 г. из ИТЛ Иркутской области, что примерно определяет дату его ареста — 26.06.38 г.

Судя по сохранившимся в архиве В.О.Нилендера письмам К.И.Леонтьева к Н.А.Леонтьевой-Нилендер [РГБ, Рукописный отдел, ф. 83, ед. хр. 5-8], а также по воспоминаниям дальних родственников Леонтьева, после возвращения из заключения он жил в Москве и умер в середине 60-х гг.

Реабилитирован по делу «Ордена Света» определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996, с. 204 и др.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВА К.И. 14.09.30 г.

Никогда ни в каких анархических организациях не состоял принципиально, т.к. считал и считаю, что всякая организация и политическая партия связывает свобод-

ную совесть человека. К совласти отношусь вполне сочувственно и всемерно поддерживаю ее строительство. Обнаруженные у меня схемы греческого мифа мне не принадлежат, а принесены ко мне моим знакомым, филологом по образованию, НИЛЕНДЕРОМ Владимиром Оттоновичем, служащим в Румянцевской библиотеке. Мне кажется, что схема эта есть попытка связать греческий миф с мифом христианским. Взятые у меня «арканы» написаны рукой моей жены при моем участии. Представляют они из себя выдержки или основные мысли из книг, в которых давались комментарии к картам Таро. Смысл этих карт, выраженный в изображениях, — основные взгляды древнего человека на мир, бытие и вселенную. Изучением этих арканов я занимался вдвоем с женой. Из анархистов я знаю СОЛОНОВИЧА по Музею Кропоткина, слышал фамилии БЕМА и БОГОМОЛОВА. Из Толстовского музея знаю ЧЕРТКОВА, ПОПОВА*. ПОЛЬ Александр Сергеевич — знакомый по ГАХНу. По мировоззрению он социалист, но какого течения — не знаю. У меня на квартире он бывал, я у него — тоже.

Я еще исповедую христианские идеи, заключающиеся в той проповеди любви, которая изложена в Евангелии, но не в церковном толковании, а в моем собственном, именно: Церковь истолковывает учение Христа для поддержки власть имущих, а в моем истолковании учение Христа является попыткой построить на земле братство на основах любви и равенства. Пропагандой учения Христа я не занимаюсь и считаю это бесполезным навязывать каждому. Преобразовывать общество считаю идеальным в виде образования свободных анархических коммун, основанных на началах любви. В записной книжке жены 2-46-33 (телефон) принадлежащий, как значится в книжке, ЗАВАДСКОМУ Юрию Александровичу, помещен там для обращения к нему с просьбой предоставить помещение для устройства утра детской гимнастики. Схема, состоящая из кругов с линиями, принадлежит к тексту записок об «арканах».

Леонтьев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 270-271об]

* По-видимому, речь идет о Павле Сергеевиче Попове, род. 09.08.1892 г. в с. Ивановское Московской губ., историке литературы, действ. члена ГАХН, преподавателе ВГЛК, члене правления Кооперативного товарищества по изучению и распространению творений Л.Н.Толстого; жил в Москве, Плотников пер. 10, кв. 35.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВА К.И. 19.10.30 г.

Октябрьская революция застала меня в Ленинграде, когда был эвакуирован с фронта в лазарет для производства операции. Получив после выхода из лазарета освобождение от военной службы, я отправился в феврале 1918 г. в Москву, где поступил на школьно-инструкторские курсы. Окончив их, в августе того же года я поехал в г. Бахмут, где жил мой престарелый отец. Там я работал в качестве учителя в мужской гимназии, а затем в школах-семилетках. В 1921 г. я переехал в Москву, где жили мои сестры, и работал в качестве преподавателя в школе Городка им. III Интернационала. В 1922 г. я оставил преподавательство ввиду того, что перенесение двух болезней — сыпного и брюшного тифа — отразилось на моей памяти и моих нервах. С октября 1922 г. я служил в Госбанке в должности корреспондента, секретаря, статистика; с августа 1930 г. служил в Трансстрое в должности экономиста. Летом 1930 г. я окончил Высшие экономические курсы ОРУ.

В 1925 г. на почве литературных интересов познакомился, посещая ГАХН, в частности Комиссию Живого Слова, с Евгением Николаевичем СМИРНОВЫМ и Александром Сергеевичем ПОЛЕМ. К этому моменту относятся наши встречи на дому у меня с Е.Н.СМИРНОВЫМ. Предметом наших встреч были вопросы литературного характера, вопросы живого слова, психологии творчества и этики. Эти вопросы освещались в наших беседах с точки зрения идеалистической философии. Вопросы социальные и собственно политические нами затрагивались сравнительно мало. Насколько я помню, эти встречи продолжались до 1927 г.

По своим взглядам я считаю себя анархистом мистического толка, с какой-то точки зрения склонен разрешать вопросы мировоззрения.

С 1927 г. наши встречи почти прекратились и мы встречались изредка друг с другом большей частью в ГАХНе. С 1925 г. я посещал лекции, происходившие в столовой им. Л.Н.Толстого и Музее П.А.Кропоткина. В столовой мне приходилось слушать выступления ЧЕРТКОВА, ПОПОВА, ГУСЕВА и др., в Музее Кропоткина — СОЛОНОВИЧА, БЕМА, БОРОВОГО. О докладах в Музее Кропоткина впервые узнал по объявлениям, вывешиваемым на стенах Толстовской столовой.

Из выступлений, имевших место в Музее Кропоткина, казались оригинальными, смелыми и охватывающими большой круг вопросов выступления СОЛОНОВИЧА, которые в значительной степени соответствовали моим воззрениям.

НИКИТИНА знал по его выступлениям в ГАХНе с лекциями о Врубеле и книге Воррингера о египетской культуре. Бывая у СМИРНОВА, встречал П.Е.КОРОЛЬКОВА и А.С.ПОЛЯ.

Факт существования анархо-мистической организации «Орден Света» не отрицаю. Леонтьев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 275-275об]

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВА К.И. 15.11.30 г.

Кружок мистико-анархического направления, именуемый «Орденом Света», который существовал, как мне помнится, с декабря 1924 по осень 1925 г., ставил своей задачей ознакомление с этикой мистического анархизма. В основе ее лежала христианская этика, очищенная от примесей церковного догматизма. В образе так наз. «рыцаря» мыслился человек самоотверженный, осуществляющий любовь и добро в жизни. Одним из основных положений этой этики было то, что как в жизни личной, так и общественной — в политике, цель не может оправдывать средства. Это значит, что, как бы ни была высока цель, она не может осуществляться нечистыми средствами, как, например, ложь, насилие над совестью, спекуляция на народной темноте и дурных человеческих инстинктах.

Занятия этого кружка и заключались в том, что во время встреч, которые происходили раз или два раза в месяц, разбирались те или иные вопросы этики, возникавшие при чтении или рассказывании легенд и лекций А.А.СОЛОНОВИЧА.

Именованье членов этого кружка «рыцарями» имело чисто символическое значение и связывалось с воспитанием в себе начал христианской этики. Существование степеней объяснялось ростом этического характера. Количество всех степеней мне неизвестно, т.к. за время своего кратковременного пребывания в этом кружке я числился только рыцарем 1-й степени. Так называемой обрядовой стороны здесь не было, по крайней мере мне она почти неизвестна, кроме того, что при слушании чтения садились в круг. Мое посвящение происходило на квартире у Е.Н.СМИРНОВА в декабре 1924 г. На этом собрании присутствовали действительно все те лица, т.е. СМИРНОВ Е.Н., ДЕЙКУН, БЛАГОНРАВОВ, СМЫШЛЯЕВ, КОРОЛЬКОВ, ИВАКИНСКАЯ, ПОЛЬ, НИКИТИН и какой-то по имени Феликс*. Посвящение производили НИКИТИН и СМЫШЛЯЕВ. Заключалось оно в том, что перед посвящением произносились слова, смысла такого: «Вы, такой-то (имярек), посвящаетесь в рыцари «Ордена Света», и рукой его ударяли по плечу.

Собрания этого кружка, за исключением ПОЛЯ и СМЫШЛЯЕВА, происходили в квартире у СМИРНОВА и у ИВАКИНСКОЙ — иногда один раз, иногда два раза в месяц. Легенды в кружках читал НИКИТИН. Моя жена, Надежда Алексеевна ЛЕОНТЬЕВА, в этом кружке не участвовала и о существовании его не знала. В дальнейшем я ей сообщил только то, что я бывал в кружке, изучающем вопросы этики, не называя его мистико-анархическим кружком. Леонтьев

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 274-274 об]

* Гиршфельд Феликс Федорович.

ЛЕОНТЬЕВА Надежда Алексеевна
(1898 – после 1965)

Леонтьева Надежда Алексеевна, урожд. Шиманович, родилась в 1898 г. в г. Курске в семье банковского служащего. До 1914 г. училась в г. Вильно, затем в Москве, где окончила женскую гимназию Е.Н. Дюлу. В 1918–1919 гг. работала разбездным инструктором Пролеткульта на фабрике в Щелкове; в 1919–1920 гг. – преподавателем гимнастики в 20-й опытно-показательной школе в Москве, затем вела частные группы ритмо-пластической гимнастики, в том числе в Белорусской драматической студии в Москве. Специальность – ритмо-пластическая гимнастика.

Из воспоминаний В.Р.Никитиной известно, что Н.А.Леонтьева принимала деятельное участие в подготовке и демонстрации в Хореологической лаборатории ГАХНа в 1926 и 1928 гг. отдельных хореографических моментов древнеегипетского танца, доклад о котором на основании реконструкции делал В.И.Авдиев¹.

К моменту ареста из родственников была жива ее мать, Софья Александровна Шиманович, сестра, Евгения Алексеевна, служащая Госбанка, братья Александр, 1909 г. рожд., Михаил, аккомпаниатор, и Леонид (1895–1957), работавший на заводе «Келер и Ко».

Н.А.Леонтьева была арестована после ее возвращения с курорта Мацеста 06.10.30 г. в Комендатуре ОГПУ по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Содержалась в Бутырской тюрьме, категорически отрицала свое участие в «Ордене Света» и само его существование, несмотря на уличающие показания мужа и других подследственных. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» приговорена к трем годам концентрационных лагерей (Беломорканал). По воспоминаниям В.Р.Никитиной, вместе со своим мужем находилась сначала на Беломорканале, а затем была переведена в Свирьлаг (Свирьстрой), откуда и освобождена в 1933 г.

По возвращении развелась с К.И.Леонтьевым и вышла замуж за В.О.Нилендера, с которым была дружна на протяжении всех предшествующих лет. Неясно, через кого Леонтьева приходилась двоюродной сестрой Сергею Михайловичу Соловьеву, племяннику философа В.С.Соловьева. Умерла в Москве в конце 60-х или в начале 70-х гг.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Никитина В.Р. Дом окнами на закат. М., 1996, с. 116–117. См. также: РГАЛИ, ф. 941, оп. 17, ед. хр. 11, л. 82-86; ед. хр. 15 (сп. 3), л. 141–145.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВОЙ Н.А. 06.10.30 г.

Ни в каких кружках я не принимала никогда никакого участия, ни в каких организациях не принимала никакого участия, в политических партиях и организациях не принимала участия, о знакомых, принимающих участие в политических партиях, ничего не знаю. По возвращении из Мацесты и лечения нашла свою комнату опечатанной, муж арестован. Узнала об аресте Евгения Николаевича СМИРНОВА и КОРОЛЬКОВА Павла Евгеньевича, Ирины ПОКРОВСКОЙ от жены СМИРНОВА Татьяны Дмитриевны. Александр Сергеевич ПОЛЬ и Елена Аполлинариевна известны по ГАХН, где А.С. ПОЛЬ и мой муж состояли в Комиссии Живого Слова. НИКИТИНА Леонида Александровича знаю через мужа, он меня с ним познакомил. Бывала у него с мужем три-четыре года назад всего несколько раз, раза четыре-пять, встречала там его мать*, сестру, Нину Александровну, жену его, Веру Робертовну, иногда А.С.ПОЛЯ с женой, Еленой Аполлинариевной, Ирину ПОКРОВСКУЮ, КОРОЛЬКОВА П.Е., племянницу НИКИТИНА – Марусю**.

У нас бывали наши родственники, братья и сестры; занимался немецким языком с мужем и со мною КОРОЛЬКОВ; в прошлом году раз или два заходил А.С.ПОЛЬ, СМИРНОВЫ, муж и жена.

С НИКИТИНЫМ у меня были беседы на темы об искусстве, т.к. я работала над темой «Танец в историческом разрезе». Мы говорили с ним как с художником о греческом, критском, египетском танце. Он ставил «Орестею» во 2-м МХАТе; он знает греческий костюм, кроме того, он перевел работу Воррингера о египетском искусстве.

Политическая принадлежность указанных лиц мне неизвестна. Разговоры на политические темы не вела, разговоры сосредотачивались на темах искусства, литературы, театра. Ни в какой Орден я никогда никем не посвящалась, о «Храме Искусств» ничего не знаю.

Н.Леонтьева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 260-260об]

* Никитина Мария Васильевна.

** Эйхова Мария Викторовна.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВОЙ Н.А. 28.12.30 г.

Подтверждаю вторично, что никогда ни в каких кружках, ни в мистических, ни в анархических я не состояла, а также не состояла ни в каких организациях, обществах и политических группировках. Утверждения чьи-либо, в том числе и моего мужа, о моей принадлежности к каким-либо кружкам или организациям и обществам не соответствуют действительности.

Ни об «Ордене Света», ни о «Храме Искусств», ни о «Братстве Милосердия» я ничего не знаю и ни с кем никогда о них не говорила.

Года два тому назад я раз или два была на вечерах в гостях у СЕМЕНОВСКИХ в Даниловке. Хозяйку зовут Александра Даниловна, она старая знакомая моего мужа. У них на квартире, кажется, живет только одна ихняя семья: сама хозяйка, сын ее с женой и дочь ее. На пианино играл ее сын и кто-то из пришедших, пели какие-то девицы и, кажется, кто-то читал стихи. Разговоров о политике не было.

Показания мужа об участии моем в кружках не видела.

Н.Леонтьева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 261]

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВОЙ Н.А. 03.01.31 г.

Категорически утверждаю, что никогда, ни в каких кружках я не состояла — ни в мистических, ни в анархических. Об анархизме вообще не имею никакого понятия и не имею ничего общего ни с анархизмом, ни с анархистами. Также никогда ни с кем не имела разговоров ни о каких кружках, в том числе и о кружке этики. О принадлежности к анархическому кружку моего мужа ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича я до сего дня не знала и никогда с ним разговоров о каких-либо кружках не имела. АДАМОВУ я знаю; вернее, я ее видела у НИКИТИНЫХ и в ГАХНе.

Записано с моих слов верно.

Н.Леонтьева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 262]

ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна

(1901 — после 1936)

Любимова Варвара Николаевна родилась 09.02.1901 г. в г. Полоцке Витебской губернии. В 1917 г. окончила гимназию в Москве, затем училась на 1-м библиотечном семинаре; в 1919—1920 гг. работала в библиотеке в г. Муроме. Вернувшись в Москву, работала на 2-м автомобильном заводе на ст. Фили, затем перешла работать библиотекарем в Свердловский университет (в Москве); затем некоторое время служила в Главполитпросвете в качестве разъездного инструктора агитпункта по библиотекам. С августа 1922 г. до января 1930 г. — библиотекарь в Коммунистичес-

ком университете трудящихся Востока, откуда ушла по личному желанию. С марта 1930 г. до 1 июня 1930 г. работала в научной библиотеке Наркомторга, а затем машинисткой в Акционерном обществе «Советская энциклопедия».

Любимова считала себя анархисткой с 1924 г., по убеждениям ей был ближе всего М.А.Бакунин. Возможно, еще в Муроме знакомство с анархистами вывело Любимову на Музей Кропоткина в Москве, где она познакомилась с А.А.Солоновичем, а через него и с другими членами «Ордена Света», хотя не исключено, что связующим звеном оказался П.Е.Корольков, с которым она работала в КУТВе.

К моменту ареста у Любимовой было большое количество близких родственников: отец, Николай Дмитриевич Любимов, 1865 г. рожд., пенсионер, инвалид 2-й категории; мать, Надежда Тимофеевна, 1871 г. рожд., домохозяйка; братья: Иван, 1894 г. рожд., служащий Торгфлота в Архангельске (ум. в 1961 г. в Москве); Алексей, 1898 г. рожд., начальник ремонтных мастерских в Академии воздушного флота; Сергей, 1905 г. рожд., член партии, проживавший в то время во Владивостоке; Валентин, 1908 г. рожд., служивший в Красной Армии; сестры: Мария, 1908 г. рожд., врач в г. Выкса Нижегородской губернии, по мужу Кафтанова; Наталья, 1906 г. рожд., библиотечкарь в библиотеке им. В.О.Ключевского в Москве.

Любимова была арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. на своей квартире – Салтыковский переулок, д. 1, кв. 32. При обыске у нее было изъято: «печатный материал анархического характера, переписка разная, письма, дневник и одна пишущая машинка». 25.09.30 г. ей было предъявлено обвинение «в организации подпольных контрреволюционных кружков и в распространении контрреволюционной литературы». Во время следствия содержалась в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» В.Н.Любимова была приговорена к трем годам заключения в Челябинский политизолятор. 09.07.33 г. Постановлением Коллегии ОГПУ была досрочно освобождена и выслана на Урал сроком на три года; 09.07.36 г. освобождена из ссылки (г. Свердловск) и выбыла на жительство в г. Симферополь.

Дальнейшая судьба не известна.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ ЛЮБИМОВОЙ В.Н. 13.09.30 г.

Впервые я подошла к анархизму в 1916 г., будучи ученицей шестого класса муромской гимназии, состояла в подпольном ученическом кружке. В 1918 г. я бывала на собраниях анархистов г. Мурома, которые мне не понравились по своему содержанию и форме. Под влиянием группы товарищей-большевиков, учащихся, я идеологически сблизилась с ними, но в партию не вступила и активной работы не вела. С 1922 по 1924 г. я работала на практической общественной работе профсоюзной организации КУТВа с марксистской установкой по заданиям бюро ячейки. В анархической организации, как таковой, не состояла и не состою, но занимаюсь изучением всего в этой области. Сначала читала книги Кропоткина, Бакунина, Малатесты и др.; затем получала от СОЛОНОВИЧА его печатанные на машинке лекции и другие печатные материалы, как то: «Бакунин и культ Иальдобаофа» и другие, отобранные у меня при обыске. Я взяла весь этот материал у СОЛОНОВИЧА, чтобы привести все в порядок, ознакомиться и перепечатать то, что находится в истрепанном виде. Эта работа у меня задержалась, потому что я находила, что многие вещи автор должен переработать заново, т.к. они были логически не выдержаны. Более-менее законченным показался труд о Бакунине, который я и начала перепечатывать в трех или четырех экземплярах.

На лекциях СОЛОНОВИЧА в Кропоткинском музее я была раза два-три. Снова пробудила во мне интерес к нереальной жизни Вера Александровна ЗАВАДСКАЯ, по-моему, СМЫШЛЯЕВА.<...>

Протокол прочитала, записано с моих слов правильно.

Любимова

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 286-286об]

ПОКАЗАНИЯ ЛЮБИМОВОЙ В.Н. 14.09.30 г.

Ни в каких организациях (подпольного характера) я не состою. Бывала в музее и знаю, что там имеется ряд группировок и что между ними происходили споры: между партией мистического анархизма с СОЛОНОВИЧЕМ и группой анархиста БОРОВОГО. Из всех течений мне наиболее близок анархизм мистический.

Лекции, взятые у меня, принадлежат СОЛОНОВИЧУ, которые я переписывала, хотя со многими положениями и не согласна, например с нетерпимостью к другим теориям, с неточностью в изложении естественнонаучных теорий об атомах. По этим вопросам и некоторым другим я имела с СОЛОНОВИЧЕМ долгие споры. О каких бы то ни было организациях мистического характера я от СОЛОНОВИЧА ничего не слыхала. Думаю, что объясняется это моей откровенностью, нескрыванием своих убеждений, о чем он мне как-то говорил.

Любимова

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 287]

ПОКАЗАНИЯ ЛЮБИМОВОЙ В.Н. 25.09.30 г.

НИКИТИНА Леонида Александровича я знаю, кажется, познакомилась с ним в ГАХНе. На квартире у него была раза два. Во время одного из моих посещений у НИКИТИНА читал кто-то доклад об этнографии Крыма при туманных картинках, насколько помню, было у него человек пять-шесть. Второй раз тоже что-то похожее на это. Хотя близко не помню, по всей вероятности, в ГАХНе встречала АДАМОВУ. АНОСОВА я видела на вечере памяти Карелина в Обществе политкаторжан, а также в Политехническом музее на вечере памяти Бакунина. ПОЛЯ Александра Сергеевича я знаю, с ним меня познакомил мой сослуживец КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович.

Любимова

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 28]

НИКИТИН Леонид Александрович
(1896—1942)

Никитин Леонид Александрович родился 1(14).05.1896 г. в г. Рязани, в семье городского судьи 1-го участка Александра Петровича Никитина (1864—1915) и Марии Васильевны Никитиной, урожд. Шиловской (1877—1944). В 1915 г. закончил 2-ю Рязанскую мужскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета, переехав в Москву с матерью и сестрой, Ниной Александровной Никитиной (1894—1942), поступившей тогда же на Высшие женские курсы Герье. В августе 1916 г. был мобилизован, прошел подготовительный курс в 4-й Московской школе прапорщиков и в начале января 1917 г. направлен в действующую армию. Летом 1917 г. был контужен и отравлен газами, по излечении возвращен в Москву в Школу краскомаскировки; демобилизован весной 1918 г. В конце 1917 г. восстановился на юридическом факультете Московского университета, но курса так и не окончил, будучи мобилизован в 1918 г. сначала в Наркомвоен Украины, затем в Управление штаба Западного фронта. В сентябре 1920 г. откомандирован в Москву из Минска в распоряжение Академии Генерального штаба (на Восточное отделение академии), откуда в 1921 г. переведен научным сотрудником в Институт живых восточных языков (бывш. Лазаревский), где работал до 1924 г. Одновременно с осени 1920 г. работал художником-оформителем московского театра Пролеткульта («Мексиканец» по Дж. Лондону и др.), занимался во ВХУТЕИНе у А.В. Лентулова, А.А. Осмеркина и др., а впоследствии оформлял спектакли в других московских театрах и студиях (2-й МХТ, Государственная драматическая Белорусская студия в Москве, Театр Санпросвета и пр.) и читал курс истории искусств в различных московских вузах. В 1928—1929 гг. работал научным сотрудником в ГАХНе, был лектором и руководителем занятий на московских высших политико-просветительных курсах. С 1921 г.

жил по адресу: Арбат, д. 57, кв. 25. В апреле 1930 г. вместе с женой, В.Р.Никитиной, по контракту с «Арменкино» уехал в Ереван. Арестован на студии «Арменкино» в Ереване 16.09.30 г., в Москву доставлен этапным порядком через тюрьмы Тбилиси и Ростова-на-Дону.

Во время обыска на московской квартире 14.10.30 г. изъяты: 1) мистические папочки 2 (так! — А.Н.) и изображение щита и меча, 2) крест с распятым Иисусом, 3) два металлических значка дореволюционных, 4) кастет и бумажный цветок — роза, 5) девятнадцать книг по мистике и масонству, 6) 22 рисунка под стеклом, 7) фотокарточки и рукописи, отпечатанные на пишущей машинке [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 322].

11.11.30 г. Никитину предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании нелегальных кружков, руководстве ими, изготовлении и распространении нелегальной литературы. Содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Л.А.Никитин приговорен к пяти годам концентрационных лагерей (Беломорканал). На Беломорканале работал художником в театре УСЛОНа, затем (летом 1931 г.) был вместе с театром переведен сначала в с. Важины на р. Свирь, затем в г. Лодейное Поле (Свирьлаг), откуда был освобожден 16.07.34 г.

По освобождении жил сначала в г. Калинин (Тверь), затем в деревне под г. Каширой до лета 1940 г., а с начала 1941 г. — в г. Загорске (ныне Сергиев Посад), работая в московских театрах, выезжая в Белоруссию и в Донбасс. Последний год работал в Загорске художником в артели «Художественная игрушка». Вторично арестован 24.06.41 г., содержался в Саратовской тюрьме УНКВД № 1, и Постановлением ОСО при НКВД СССР от 27.12.41 г. был приговорен к заключению в исправительно-трудовые лагеря на десять лет. Умер от цинги и пеллагры в лагерном лазарете г. Канска 15.10.42 г.

Реабилитирован по настоящему делу определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 22.06.1963 г.¹

¹ Основная литература о Л.А.Никитине: *Никитин А.Л.* Леонид Александрович Никитин (1896—1942). // Панорама искусств, вып. 12. М., 1989, с. 241-261; *Никитина В.Р.* Дом окнами на закат. Воспоминания. М., 1996. Архивные материалы Л.А.Никитина находятся в РГАЛИ (ф. 3127, а также 941, 1923, 1230, и др.), в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина и др. собраниях.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 30.10.30 г.

Окончив 4-ю школу прапорщиков в Москве, получил назначение во 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион в качестве младшего офицера 1-й батареи и прибыл в действующую армию. Через несколько месяцев после прибытия туда произошла Февральская революция. Вскоре после Февральской революции дивизион был переброшен на Северо-Западный фронт, где вместе с ним я принимал участие в боях на участке Крево-Сморгонь. В результате боев дивизион принужден был сняться с позиций для ремонта орудий и был переброшен в тыл, в г. Смоленск. Вскоре после переброски с фронта я был командирован в г. Москву для прохождения курса в Школе краскомаскировки. Таким образом, корниловские дни я был в Москве. К концу прохождения курса в Школе я заболел воспалением среднего уха и воспалением легких и октябрьский переворот пролежал большой дома. После октябрьского переворота демобилизовался и поступил на службу в Мопленбеж в качестве секретаря отдела политического контроля.

Через несколько месяцев был вызван телеграммой ПОДВОЙСКОГО для работы в Наркомвоене Украины, где получил назначение на должность секретаря Главнаснаба Наркомвоена Украины. По поручению ПОДВОЙСКОГО в качестве секретаря помглавнаснаба ЗАЙЦЕВА производил учет всего военного имущества, оставшегося на Украине от белых. Заболев от переутомления на этой работе, был отправлен лечиться в Крым на два месяца, но ввиду эвакуации Крыма принужден был спеш-

но прервать лечение и выехать сначала в Киев, затем в Москву, где, закончив лечение, был мобилизован и направлен в распоряжение штаба Армии Западного фронта. Там последовательно получал назначения, начиная с должности помощника коменданта Штаба Западного фронта (Штазап) вплоть до начальника хозяйственного отдела Штаба и врид помощника начальника Административного управления Штаба. После годового пребывания в Штазапе был командирован на Восточное отделение Академии Генштаба РККА, где и состоял слушателем два с половиной года, будучи затем откомандирован в распоряжение НКВД и зачислен научным сотрудником по японскому разряду в Институте востоковедения.

Одновременно с этим продолжал заниматься в Московском университете на юридическом факультете и поступил студентом во ВХУТЕМАС/ВХУТЕИИ. По приезде в Москву, одновременно с учебными занятиями, стал работать в качестве художника в театре ЦК и Моспролеткульта, вступив членом в союз Рабис. Увлечение художественной работой постепенно отвлекло меня от всех других моих занятий и вскоре сосредоточило большую часть моей работы в Пролеткульте, где я получил председательствование секцией ИЗО и заведование декоративными и художественными мастерскими. С 1921-22 года я делаюсь театральным художником, осуществляя ряд художественных оформлений в различных московских и провинциальных театрах, сведя постепенно на нет все другие занятия, сосредотачивая свой интерес на практике и теории искусства.

В частности, в Институте востоковедения специализируюсь на дальневосточном искусстве, которому посвящаю статью, напечатанную в № 1 «Восточных сборников» в 1924 г.^{*}, которая явилась результатом работы по подготовке к занятию кафедры по этому предмету. Одновременно с этим начинаю читать курс лекций по истории и теории искусства в Пролеткульте^{**} и в Государственном медико-педагогическом институте, куда меня приглашают в качестве ассистента при кафедре истории искусства и эстетического воспитания. Результатом этих моих работ явилась книга «Эволюция архитектурных стилей», принятая в 1925 г. для печати Госиздатом как опыт построения марксистского анализа в искусствознании, но не была напечатана^{***}, т.к. в это время как раз началась реорганизация Госиздата и произошло значительное сокращение его производственной программы.

Одновременно с приглашением меня в Государственный медико-педагогический институт я начал вести занятия в московском Высшем политико-просветительном институте по курсу АгитИЗО и продолжал их в течение пяти лет начиная с 1923 г. Кроме того, в течение этого периода в продолжение одного года преподавал ИЗО на рабфаке Академии коммунистического воспитания и прекратил там занятия ввиду ликвидации этого курса. В 1927 г. при слиянии Политико-просветительного института с Академией коммунистического воспитания курс АгитИЗО был упразднен и мое преподавание там прекратилось.

Дальнейшая моя работа выражалась главным образом в театральных постановках, которые не прекращались и на протяжении всего предыдущего периода.

В 1929 г. я был приглашен для преподавания в Московскую областную партшколу, где преподавал ИЗО в течение нескольких месяцев до конца учебного года. В 1930 г. в январе, феврале, марте работал в ЦК металлистов в архитектурном бюро по проектированию внутренних и внешних отделок рабочих клубов. В марте 1930 г. через Моспосредрабис получил предложение работать в качестве ответственного художника-конструктора на кинофабрике в «Арменкино» в г. Эривани, куда и выехал 20 апреля 1930 г. Там работал по 16 сентября сего года, когда и был арестован.

С первых же дней Октябрьской революции проявил большое стремление принять участие в коренной перестройке всей социальной действительности, чем и объясняется желание работать в учреждениях, наиболее революционно себя проявлявших, одним из которых был отдел Политконтроля в коллегии Мопленбежа. Не удовлетворяясь пребыванием в тыловом учреждении, стремился ближе к прифронтовой работе, что и осуществилось в поездке на Украину и в общении с работавшими там товарищами.

По возвращении в Москву, при сосредоточении моего интереса на художественной работе, идея революционного пролетарского искусства явилась основной идеей моей деятельности в Пролеткульте. С этого периода начинается более четкое оформление форм, методов и принципов революционного искусства, которое, развиваясь на почве практической и теоретической работы в течение всего последующего периода, оформляется в идеологию производственного искусства в его конструктивистических методах. И здесь начинается сначала намечаться, а потом и принимать конкретные формы тот конфликт с пролеткультовцами-партийцами, который приводит к уходу из Пролеткульта. Конфликт этот становится тем более глубоким, что и в общей политике в отношении революционно-художественной идеологии начинают преобладать тенденции к передвижничеству, вылившиеся в ахровских**** начинаниях, на мой взгляд революционных скорее по лозунгу, чем по существу.

Та мучительная неудовлетворенность, которая на почве всего этого создается, получает, однако, свое разрешение для меня в подъеме волны социалистического строительства последних лет, которое неизбежно вновь выдвигает уже практическую проблему производственного искусства с его конструктивистическим базисом и на деле разрешает этот конфликт в пользу и ранее мною утверждавшихся художественных идеологий. Переход от театральной работы к архитектурной, связанной с новым строительством, в значительной мере является показателем моих устремлений в этом направлении. Однако полного удовлетворения эта работа не смогла мне дать, поскольку архитектура, более чем какое-либо другое искусство, удалена от непосредственности идеологической выразительности. Переход от этой работы к работе в кино, замысленный мною еще в 1929 г. и не осуществленный по техническим причинам (я хотел поступить на ГМК на операторский факультет, но по возрастным и формальным причинам это требовало преодоления больших трудностей, канители и волокиты, а я не имел времени на все это), наконец в 1930 г. развернул передо мною перспективы работы, которая, являясь в искусстве наиболее для нас важным из всех искусств — по Ленину***** , и для меня являла собой возможность просто перешагнуть через конфликтную полосу моих художественно-идеологических исканий и уже бесконфликтно на практике осуществлять те устремления, которые соответствуют моему представлению о революционном искусстве. Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 327-329об]

* *Никитин Л.* Идеографический изобразительный метод в японской живописи. // Восточные сборники, вып. 1. М., 1924, с. 206-223.

** См.: *Никитин Л.* Производственный характер коллективного творчества. 13.12.1921 г. (РГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, ед. хр. 455, переписано рукой В.Р.Никитиной); он же. Конспект курса лекций по истории изобразительных искусств (РГАЛИ, ф. 1230, оп. 2, ед. хр. 1396, л. 7-84).

*** *Никитин Л.А.* Эволюция архитектурных стилей (социологический этюд) (РГАЛИ, ф. 611, оп. 1, ед. хр. 184, л. 1-61: автограф В.Р.Никитиной, машинопись с правкой рукой Л.А.Никитина).

**** АХР — Ассоциации художников Революции.

***** Т.е. кино.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 11.11.30 г.

По существу предъявленного мне обвинения считаю необходимым указать на то, что ни по идеологическим мотивам, ни по моей фактической деятельности, начиная с Октябрьской революции, не представляю себе возможной основательности этого обвинения, т.к. и в настоящее время, и за весь указанный период вся моя деятельность и все мои целеустремления были проникнуты вполне революционным сознанием и желанием сочетать свою работу с основными задачами революционного строительства, несмотря на некоторые частные шероховатости в период 1924—1926 гг. в связи с моей работой в Пролеткульте, на что мною уже указывалось в показаниях следователю.

Что касается моего интереса к общим проблемам анархизма, то таковые я никогда не имел основания считать контрреволюционными, в отношении же политического анархизма никогда не проявлял особого интереса, считая его всегда, как и теперь, утопическим. Поэтому не искал сближения и знакомства с московскими анархистами, довольствуясь знакомством лишь с такими крупными анархистами, как КАРЕЛИН и СОЛОНОВИЧ. С КАРЕЛИНЫМ я познакомился на одной из его публичных лекций, где я подошел после лекции к нему и заговорил с ним, после чего у меня с ним установилось знакомство и я стал бывать у него на квартире в общежитии 1-го Дома Советов. С основными концепциями анархизма я и ознакомился из бесед с ним. У него познакомился с СОЛОНОВИЧЕМ. Оба они лично произвели на меня благоприятное впечатление, что способствовало установлению знакомства с СОЛОНОВИЧЕМ, у которого я тоже стал бывать.

У КАРЕЛИНА же познакомился и с АНОСОВЫМ и ПРОФЕРАНСОВЫМ, которые оба мне не понравились, и с ними знакомство и по сие время осталось совершенно поверхностным, ограничивающимся лишь тем, что при встречах мы узнавали друг друга и раскланивались, не вступая никогда в сколько-нибудь значительные разговоры.

Во время моих посещений СОЛОНОВИЧА иногда встречал у него его товарищей по МВТУ, преподавателей математики, из которых познакомился с ЛЯШУКОМ, САХАРОВЫМ и Евгением Константиновичем*, которые, по моим представлениям, анархистами не были, и общие разговоры при встречах с ними носили чисто бытовой характер. Из этих лиц у КАРЕЛИНА я встречал только ЛЯШУКА, и то не вполне в этом уверен, двух же других там мне встречать не приходилось.

Что касается тех кружков, с которыми я вел хоть сколько-нибудь регулярные занятия, то это были официальные группы в связи с моей преподавательской деятельностью по искусству в различных вузах. Бывали такие случаи, когда вокруг какой-либо из моих лекций по искусству в том или другом музее возникала совершенно случайная группа из совершенно мне неизвестных людей, с которыми я проводил ту или иную работу по музею, чем и кончалась моя встреча с этими лицами.

Никаких контрреволюционных кружков и групп я не организовывал и ни в каких политических организациях и группах не состоял, в том числе и анархических.

Из артистического мира у КАРЕЛИНА иногда встречался с ЗАВАДСКИМ и СМЫШЛЯЕВЫМ, с которыми был довольно близко знаком и до этих встреч. С ними же встречался иногда случайно и у СОЛОНОВИЧА. Со СМЫШЛЯЕВЫМ постоянно встречался по поводу общей с ним работы в театральных постановках и в театре и на дому, причем чаще у него, чем у меня, из-за его большой занятости. С ЗАВАДСКИМ встречался также в связи с профессиональными интересами, но значительно реже, причем на дому всего несколько раз, т.к. он обычно был перегружен работой и его почти невозможно было застать где-либо помимо Студии.

СОЛОНОВИЧ был у меня всего наперечет несколько раз, когда мне удавалось затащить его к себе, чтобы показать свои живописные работы.

С ЛЯШУКОМ несколько ближе познакомился благодаря случайной встрече в Крыму во время летнего отдыха, после чего мы изредка стали бывать друг у друга по поводу каких-либо торжественных семейных событий, вроде именин и т.п. Иногда в эти дни приглашались к ЛЯШУКУ СОЛОНОВИЧ, САХАРОВ и Евгений Константинович.

Несколько раз вместе со мною туда приезжал ПОЛЬ, который был со мною хорошо знаком, с ними же гораздо меньше, чем я. Со мною он познакомился на одной из моих лекций в одном из музеев, потом мы несколько раз встречались в ГАХНе, где я работал в СПИ**, а он — в Комиссии Живого Слова. Более близкое знакомство с ним завязалось после того, как мы вместе проводили наш летний отдых в Нальчике.

Показания написаны собственноручно.

Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 340-341об]

* Бренев Евгений Константинович.

** СПИ — Секция пространственных искусств.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 30.11.30 г.

Как я уже указывал ранее, мое знакомство с Аполлоном Андреевичем КАРЕЛИНЫМ создалось на почве моего интереса к анархическому мировоззрению вообще. Бывая у него и беседуя с ним, я старался уяснить для себя целый ряд принципиальных вопросов, которые интересовали меня в возможности их приложения к моей художественной деятельности, как практической, так и теоретической. В частности, вопрос о свободе художественного творчества интересовал меня в связи с марксистскими концепциями и был разрешен, как мне казалось, не в противоречии с плехановским утверждением, что искусство есть надстройка, наиболее удаленная от базиса. Вот исходя из этого положения мне представлялось возможным, что соглашалось и с мнением КАРЕЛИНА, все относящиеся к свободе творчества проблемы базировать на развитии самой индивидуальности, как таковой. Отсюда ряд бесед с КАРЕЛИНЫМ по вопросам взаимоотношений личности и среды.

Должен отметить, что во всех этих вопросах инициатива всегда принадлежала мне, и КАРЕЛИН, разъясняя и помогая мне разбираться в вопросах, меня интересовавших, никогда не навязывал мне своего мнения и, так сказать, не пропагандировал мне анархизма. Я сам задавал ему вопросы, как то или иное положение может быть разрешаемо с анархистской точки зрения, и уже сам так или иначе применял получаемые решения к своей художественной деятельности и связанным с нею теоретическим воззрениям. Практически все это помогало мне в разрешении вопросов, связанных с пролеткультовским моим конфликтом.

В разговорах с КАРЕЛИНЫМ непосредственно политические темы мною не затрагивались и им также не выдвигались, потому что с самого же начала я ему сказал, что чуждаюсь вопросов, связанных с политической практикой, и не верю в политическую практику анархизма, считая ее в условиях переживаемой нами действительности утопией. И он был от начала и до конца настолько тактичен, что не предложил ни разу мне даже вступить в анархическую федерацию, несмотря на то что я у него же узнал о существовании таковой. Мое отношение ко всякого рода организациям политического характера всегда было отрицательным, т.к. я инстинктивно боялся ограничения свободы своей личности, которое неминуемо последовало бы в результате вступления в ту или иную организацию. По этой же причине для меня определилась и принципиальная невозможность вступления в компартию. По этой же причине я избегал вообще широких знакомств с анархистами, удовлетворяясь преимущественно беседами с самим КАРЕЛИНЫМ.

От общетеоретических бесед с ним мы часто переходили на темы исторического характера, и, поскольку я много занимался в то время историей искусства, для меня многие вопросы получали новое освещение.

Одною из наиболее интересных для меня тем являлась тема о роли личности в истории, и здесь анархическая установка казалась мне наиболее удовлетворительной. Но, тем не менее, не могу сказать, что этим уничтожалась для меня марксистская концепция. Просто здесь вопрос приобретал большую сложность, и в ряде моих работ я делал попытки как анархической, так и марксистской установки. В дальнейшем это привело к выделению в моем художественно-теоретическом мировоззрении социологии искусства из общей его теории. Другим словом, теория искусства здесь становилась не в противоречие, а как бы в дополнение и расширение марксистского базиса.

Отсюда был естественный переход и к определению моего общего мировоззрения, в том числе и политического, так сказать, ибо в собственном смысле этого слова это последнее не занимало у меня первого места.

Это мое общеполитическое мировоззрение определялось принятием всей политической советской практики как единственно возможной в условиях современной действительности. Это, так сказать, «социология искусства», но не удовлетворяющая тем принципиальным общим вопросам, которые ставились с точки зрения окончательных концепций мировоззрения, т.е. «теории искусства». В этом смысле

мне представлялись общие положения анархического мировоззрения несколько не стоящими в противоречии, но как бы завершающими вполне естественно осуществляющееся революционное движение. Идеи безгосударственного устройства общества, идеи безвластия представлялись мне теми конечными идеалами, к которым неизбежно приводит социальная революция. Однако я прекрасно понимал, и в этом отношении не встречалось разногласия с КАРЕЛИНЫМ, что для осуществления этих идей совершенно необходимым является высокий культурный уровень каждого индивидуума и что ранее осуществления этого анархия практически невозможна и может осуществляться лишь в формах беспорядка и дезорганизации.

Таким образом, в этих беседах мы естественно подошли к вопросу о путях и средствах осуществления этого высокого культурного уровня индивидуумов в условиях советской действительности. И здесь для меня совершенно естественно этот вопрос разрешался прежде всего путем творческой деятельности в искусстве, именно том, которое было бы действительно революционным по существу, а не только по лозунгам. В этом и был корень моего пролеткультовского конфликта. С точки зрения КАРЕЛИНА, искусство действительно является одним из могущественнейших факторов культурного развития индивидуальностей и масс. Интересуясь отношением КАРЕЛИНА к вопросам вообще путей развития человеческой культуры, мы иногда вскользь касались вопросов религии и мистики, причем его отношение к церкви было всегда отрицательным. Несмотря на неизменно присущую ему серьезную внимательность к этим вопросам, у меня не сложилось ясного представления о его личном отношении к этому. И я, со своей стороны всегда чуждаясь религиозно-мистических проблем, не задерживался на этих вопросах. Во всяком случае, непосредственной связи проблем анархизма с мистико-религиозными я у КАРЕЛИНА не помню. Что же касается «Ордена Света», мы с КАРЕЛИНЫМ об этом не говорили, хотя в общих беседах касались иногда тем средневекового рыцарства и орденов исторически известных, вообще о культурном влиянии на историческое развитие Европы орденов иоаннитов, тамплиеров, Тевтонского ордена и др.

После знакомства с Алексеем Александровичем СОЛОНОВИЧЕМ у КАРЕЛИНА я иногда заходил к нему и беседовал на анархические темы, иногда более конкретно по вопросам политического анархизма, причем всегда продолжал оставаться на своей прежней скептической точке зрения. В последнее время мои посещения СОЛОНОВИЧА мотивировались в большей степени тем, что был арестован и сослан в политизолятор брат моей жены Николай Робертович ЛАНГ, бывший членом анархической секции Кропоткинского музея и потому связанный по своей анархической работе с СОЛОНОВИЧЕМ. Мои посещения СОЛОНОВИЧА в этих случаях имели свою цель выяснение обстоятельств дела брата моей жены и возможных влияний со стороны секции Музея и «Черного Креста» на ход дела и дальнейшую судьбу Н.Р.ЛАНГА.

Из литературных трудов А.А.СОЛОНОВИЧА я знаком с одним из циклов его лекций, по-видимому, наиболее ранних и элементарных, трактующих проблемы общего мировоззрения, а также с одной из последних работ: «Бакунин и культ Иальдобаофа». Мною прочитаны два тома этой книги. Общее впечатление от нее у меня осталось сумбурное, и вообще я считаю эту работу неудачной, как в литературном отношении, так и в идеологическом, поскольку попытка обосновать анархические проблемы мистическими концепциями не привели ни к какой цельности и вынудили автора к тенденциозной и пристрастной трактовке Бакунина. Таким образом, и в этой работе, и в беседах с СОЛОНОВИЧЕМ мистико-анархические концепции представлялись мне мало убедительными и целесообразными. Обе эти сферы не склеиваются в нечто целостное, и то и другое искусственно притягивается друг к другу.

В Кропоткинском музее я был всего дважды на лекциях — один раз СОЛОНОВИЧА о Парижской Коммуне (меня заинтересовала постановка этой проблемы с анархистской точки зрения) и на выступлении Н.Р.ЛАНГА на какую-то тему о Кропоткине, где мой интерес был главным образом родственной — это было его первое публичное выступление.

Указанный мною в предыдущем показании математик, товарищ СОЛОНОВИЧА по МВТУ Евгений Константинович, является БРЕНЕВЫМ. На одном из упомянутых выступлений в музее мельком встретился с АНОСОВЫМ, не сказав с ним ни одного слова.

С Евгением Николаевичем СМИРНОВЫМ познакомился при обстоятельствах, которых сейчас не помню, но затем встречался с ним в ГАХНе. На квартире мы друг у друга не бывали, за исключением, быть может, какого-нибудь одного или двух раз, когда, и то я этого не помню наверное, я мог захватить к нему за какой-нибудь книгой, так как у него была приличная библиотека. Идеологическая его установка мне совершенно неизвестна и, во всяком случае, не лежит, мне думается, в той плоскости, о которой идет речь в моих показаниях.

Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 345-348]

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 08.12.30 г.

Относительно своего знакомства с Александром Сергеевичем ПОЛЕМ могу показать следующее.

Познакомившись с ним при обстоятельствах, мною уже указанных, я стал с ним встречаться сначала изредка в ГАХНе, в театрах и других общественных местах, а затем знакомство это приняло характер более близкого знакомства семьями. Сначала изредка, затем чаще мы стали бывать друг у друга. В значительной мере этому способствовал интерес ПОЛЯ к моему художественному творчеству, как к театральному, так и в области живописи.

Наряду с этим нас сближал и интерес к теоретическим проблемам искусства, и в этом отношении мне, как теоретика искусства, представлялось интересным в беседах с ПОЛЕМ проверять, в какой мере проблемы изобразительного искусства аналогичны искусству живого слова и возможны ли здесь более широкие обобщения. Однако должен отметить, что, поскольку Александр Сергеевич не являлся теоретиком в области своего искусства в той же мере, в какой я в своей области, это общение не углублялось далее общих установок и постепенно знакомство стало выстраиваться на почве просто личных человеческих симпатий, приобретя после совместного пребывания на летнем отдыхе на Кавказе просто семейный характер, чему способствовали личные качества А.С.ПОЛЯ.

Он оказался хорошим товарищем, привязчивым и отзывчивым, несмотря на некоторые психические странности, которые он всегда обнаруживал и которые определялись склонностью к большим преувеличениям, излишнему фантазированию вплоть до представлений, не соответствующих иногда действительности. Это отчасти может быть объяснено некоторой степенью шизофрении, которая время от времени у Александра Сергеевича обострялась, заставляя его обращаться к врачу и предпринимать курс лечения. Крайняя забывчивость, постоянное перепутывание имен, дат и даже фактов, иногда смешение сновидений с действительностью делали порой общение с ним довольно трудным, но не портили тем не менее наших личных с ним отношений. Однако в известной степени это сыграло свою роль, так как тот круг интересов, который сближал нас вначале, постепенно ступешевался и заменился более или менее обывательским.

Что касается политических воззрений А.С.ПОЛЯ, то в общем они, как мне представляется, были довольно близки к моим, т.е., стоя на общей платформе советской власти, он, как и я, правда в менее углубленной и менее выраженной форме, проявлял интерес и симпатии к анархическим проблемам в их общеполитической концепции. В отношении же политической практики анархизма он, так же как и я, стоял на точке зрения утопичности этой практики, относясь совершенно скептически к возможности каких-либо конкретных анархических проявлений в условиях данного времени.

С Валентином Сергеевичем СМЫШЛЯЕВЫМ познакомился в 1918 г., когда он еще был членом ВКП(б), артистом 1-й студии МХТа и начинающим режиссером в

Пролеткульте, где был председателем Театральной секции. Нас сблизило с ним стремление обоих к исканию новых путей молодого пролетарского искусства. С 1920 г., вернувшись с фронта, я вместе с ним начал работать в Пролеткульте. Как я уже писал, в течение моей пролеткультовской работы возникло постепенное разочарование в осуществляемой там работе. Подобное же разочарование, по-видимому, почувствовал и СМЫШЛЯЕВ. Он ушел из Пролеткульта значительно раньше меня, что совпало с выходом его из партии. Мотивировал он выход тогда, насколько я припоминаю, не идеологическими расхождениями, а невозможностью совместить работу художника с работой члена партии. В дальнейшем эта его точка зрения окрепла в связи с отрицательным его отношением к тенденциозности в искусстве вообще и в искании формы и методов свободного искусства. Вплотную мне никогда не приходилось с ним говорить прямо на тему его ухода из партии, т.к. я считал это его личным делом, во-первых, а во-вторых, непосредственно политические вопросы сами по себе меня не интересовали в исключительной степени.

И кроме того, несмотря на очень тесную сработанность с ним как с режиссером, на протяжении многих лет моего знакомства с ним вплоть до сегодняшнего дня между нами никогда не устанавливались интимные отношения, хотя мы и говорили друг другу «ты». Я думаю, что объясняется это слишком большой противоположностью наших характеров, не позволяющих сблизиться до конца. И более того, даже в нашей совместной художественной работе мы всегда противостояли друг другу, ища не слияния в единстве формы художественного выражения, а по большей части остроты контрастов художественной трактовки, что благодаря долголетнему опыту совместной работы приводит всегда к оригинальности и подчас неожиданности стиля художественной формы. Благодаря так сложившимся взаимоотношениям нашей художественной практики и в области теоретических и идеологических концепций не устанавливалось общности — мы всегда гораздо больше спорили, чем находили общность идей. Думаю, что в известной мере его политическое мировоззрение также не чуждо известным анархическим взглядам, но он и по сей день, по-моему, остался большевиком.

С Юрием Александровичем ЗАВАДСКИМ я знаком значительно меньше, чем со СМЫШЛЯЕВЫМ, совместно с ним мне практически не приходилось работать, мы все проектировали больше эту совместную работу на театре, но так ничего более или менее значительного из этих проектов и не удалось осуществить, т.к. ему все не удавалось в должной мере развернуть работу своей Студии. Встречались мы с ним преимущественно не на квартире, а в помещении Студии или за кулисами театров и в большинстве случаев по художественно-деловым вопросам. С ним, по-видимому, в дальнейшем могли бы у меня создаться более близкие отношения на почве художественно-идеологических установок, в особенности в его переходе к последнему периоду работы его Студии. По причинам краткости встреч мне не удавалось беседовать на политические темы, и о его политическом мировоззрении я могу судить главным образом по общей политической установке в работе его Студии, которая всем доступна, хорошо известна и считается в ряду современных московских театров одной из передовых, практически подошедшей к разрешению проблем советского театра.

Относительно Павла Антоновича АРЕНСКОГО знаю сравнительно очень немного, как о товарище СМЫШЛЯЕВА и ЗАВАДСКОГО, с которыми он был связан родственными связями. Встречался с ним весьма редко, одно время на почве иллюстрирования его литературных произведений и сказок, а также на почве его театральных работ, как автора пьес, оформляемых режиссером СМЫШЛЯЕВЫМ, а декоративно — мною. Относительно его общих идеологических представлений ничего определенного сказать не могу по причине вообще его большой замкнутости и неразговорчивости на эти темы. Что касается его политического мировоззрения, то оно никогда им в моем присутствии не высказывалось, и у меня вообще сложилось такое впечатление, что эти вопросы его интересуют довольно мало.

С Гали Евгеньевной ИВАКИНСКОЙ познакомился при обстоятельствах, которые сейчас выпали у меня из памяти. Знакомы мы были с ней семьями, изредка бы-

вая друг у друга. Являясь увлекающимся и передовым по своим взглядам работником театра, она охотно беседовала со мною по общим вопросам искусства, в частности о своей и моей театральной работе. По всем вероятностям, мое знакомство с нею произошло через А.С.ПОЛЯ, с которым она была знакома ранее знакомства со мною на почве общей работы в Институте Слова. Но утверждать этого я все же не берусь. В области ее идеологических концепций в искусстве она, как бывшая в свое время причастной к работе в Пролеткульте, стояла на общей пролеткультовской платформе, что способствовало нашему сближению. На собственно политические темы разговаривать нам с нею не приходилось, но анархических идей она и ее муж Александр Сергеевич БАРКОВ были, по-моему, вообще чужды, с анархическим мировоззрением не знакомы и они им не интересовались, более или менее определенно базируясь на чисто советской платформе.

С Николаем Михайловичем ТАРАБУКИНЫМ познакомился в Пролеткульте как членом Президиума в секции ИЗО, председателем которого я был в то время, куда он был приглашен Б.АРВАТОВЫМ для чтения студийцам ИЗО курса по истории искусства. К этому времени относится издание ряда его книг в духе утверждения левых художественных принципов.

После моего ухода из Пролеткульта он еще несколько лет продолжал там работать, но мы с ним не встречались. Вновь встретились по работе в ГАХНе. Бывали иногда друг у друга, и знакомство поддерживалось на почве его интереса к моему искусству и моего интереса к его научной работе, которую я считаю заслуживающей большого внимания, как весьма смелой, оригинальной и обещающей в дальнейшем дать значительные результаты.

Являясь типичным ученым, кабинетным работником, Н.М.ТАРАБУКИН чуждался политических проблем, и никакое из политических мировоззрений для него не характерно. Но нужно все-таки отметить, что весьма большое место в его научных трудах занимают проблемы социологии искусства в их марксистском обосновании.

Нина Борисовна КОЧУКОВА является приятельницей моей жены; с нею мы познакомились года три тому назад в Крыму, в Алушке, т.к. жили там на одной даче, и затем она иногда сама бывала у нас.

Дмитрий Саввич НЕДОВИЧ известен мне, главным образом, по ГАХНу, где я с ним познакомился. В дальнейшем мы иногда с ним выступали совместно (докладчик и оппонент или председатель заседания и пр.) в различных комиссиях СПИ ГАХНа. Он является теоретиком искусства в классическом смысле, формалистом и социологом.

Его политическая физиономия мне совершенно неизвестна, т.к. мои отношения с ним носили чисто официальный характер, если не считать обмена ничем не значащими визитами на квартирах.

Эмилия Леонидовна ШИЛОВСКАЯ является моей двоюродной теткой со стороны матери. Она — провинциальная артистка, иногда бывающая в Москве, т.к. обычно работает в провинции. Очень увлекающийся, преданный искусству человек, настроенный в общем революционно, отзывчивый на левые идеи в области искусства, восприимчивый к пролеткультовским установкам, но тем не менее не обладающий твердой политической установкой в смысле той или иной ее оформленности. Политическая физиономия ее тем не менее определенно советская, но, может быть, не всегда до конца продуманная.

Павел Евгеньевич КОРОЛЬКОВ, энтузиаст, влюблен в искусство вообще, и, не являясь сам художником слова, все свои увлечения перенесший на книги и влюбленный в них. С ним познакомился, кажется, на одной из своих лекций в музеях, потом он изредка заходил ко мне. Иногда я обращался к нему за теми или другими книгами, которые он мне доставал. В отношении его художественного мировоззрения характерно для него стремление ко всему возвышенному и прекрасному, но все это как-то всегда получается немного сумбурно, и поэтому никаких четких установок в этих вопросах у него не получалось. То же самое и в отношении его политических убеждений. Но идеи анархизма, во всяком случае, в их анархо-индивидуалистическом преломлении ему, я думаю, были не чужды. Во всяком случае, к каждому вопросу, с которым он

сталкивался, он проявлял неизменный пытливый интерес, но кончалось это все-таки всегда неким сумбуром. Тем не менее и в отношении советских установок он, насколько я себе представляю, проявлял тот же интерес, ту же увлеченность.

С Еленой Аполлинариевной ПОЛЬ познакомился несколько позднее, чем с Александром Сергеевичем, уже когда знакомство с ним приобрело семейный характер. Ее самостоятельная физиономия как в политическом, так и в идеологическом смысле никогда не интересовала, поскольку не казалась мне сколько-нибудь значительной. Поэтому на темы сколько-нибудь серьезные я с нею вообще не пытался говорить, считая это ни к чему не ведущим. Тем не менее в чисто бытовом отношении мы встречались и общались на разные житейские темы. Но близости с нею, даже просто семейной, не установилось, чему виною различность характеров и вообще интересов. Собственно говоря, это знакомство поддерживалось главным образом лишь как с женою своего мужа, с которым, как я уже писал, установились теплые товарищеские отношения. Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 348-352об]

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 03.01.31 г.

По вопросу о так называемом «Ордене Света» сообщаю, что такого ордена я не организовывал и никогда рыцарем этого ордена себя не называл. Однако представление об этом ордене у некоторых лиц как о возможном явлении могло, быть может, возникнуть в связи со мной, благодаря значительному моему интересу к орденам Средневековья в период 1924-25 года, когда вообще романтические идеалы и представления были мне свойственны. Изучение средневекового искусства и литературы, посвященной Средневековью, побуждали меня отнестись с особым интересом к идеям средневекового рыцарства и формам его внешнего проявления. Моя работа в театре способствовала особо моей восприимчивости к внешним проявлениям рыцарства, и мне казалось, что в условиях современной художественной деятельности может явиться плодотворным заимствование стилистических особенностей этого явления, поскольку оно дает четкие, лаконичные и строгие формы для выявления героического пафоса и ряда морально-этических установок, создавая, в противовес обыденно-мещанским идеалам буржуазного искусства формы искусства большого стиля.

Эти характеристики не отождествлялись мною с мистическими определениями рыцарства, и именно в этом их не мистическом, а эстетическом значении они меня и интересовали. Возникла мысль проделать лабораторно-экспериментальную работу по театральной реализации известных художественных образов, связанных с рыцарством, вплоть до воссоздания внешних форм ритуала посвящения и других торжественных церемоний по историческим материалам, имеющимся в литературе. Однако, делаясь своими мыслями на эти темы с рядом лиц, я выяснил большую сложность всего этого, что отчасти определялось необходимостью учета мистической мотивации ряда явлений, связанных с рыцарством. В частности, ритуалы посвящения требовали, по-видимому, некоего мистического смысла и содержания, без чего они не могли быть, так сказать, оправданы психологически. Должна была быть создана атмосфера вчувствования в художественный образ. И вот тогда для достижения этой, совершенно конкретной цели возникла необходимость, с моей точки зрения, известной лабораторной работы над теми или иными материалами и темами, могущими способствовать подобного рода настроенности. Другими словами, здесь мне казалось целесообразным применить уже испытанный на театре в системе Станиславского метод лабораторного вживания в художественный образ. Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 356-356об]

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНА Л.А. 23.01.31 г.

Как я уже писал в предыдущем, в период 1924-25 гг., увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универ-

сальной форме романтической культуры. Те работы над этой проблемой, которые меня интересовали как возможный источник общения с другими людьми, абсолютно не предполагали никаких конкретных целей как в политическом, так и в морально-общественном, а так же и в мистическом смысле. Здесь единственный результат, который интересовал меня, был чисто художественный и эстетический. Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденском смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия также не предполагалось.

Таковым положение дела оставалось от начала до самого конца этого моего увлечения, т.е. примерно до конца 1925 г., после чего, убедившись в неудачности такой попытки вообще, эта идея была мною оставлена как вообще малопродуктивная, малосовременная, а к тому же и чреватая, как я начинал под конец понимать, всякого рода нежелательными последствиями, в смысле возможности, во-первых, ее неправильного применения, с одной стороны, а с другой – вообще всякого рода криво толков и недолжного понимания как интересовавшей меня здесь задачи, так и взаимоотношений между участвовавшими в реализации этой идеи и тех форм, в которых мне казалось возможным ее реализовать. Прежде всего самые лабораторные занятия, требовавшие участия иногда нескольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему, конечно, могло многое способствовать.

Во-первых, наименование этой работы «Орденом Света» легко произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа производилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства как материал для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом, был поставлен вопрос о вообще «светлом» рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода иных каких-либо его определений. Далее, я во всех своих разговорах по этому поводу всегда старался подчеркнуть, что никакими предвзятыми и хоть сколько-нибудь ограничивающими свободное отношение к разрешению этой проблемы традиционными формами и обязательствами не следует, разумеется, себя связывать, в равной мере не следует мыслить в форме той или иной организованности внешней. Единственным организующим началом этой работы должен был являться самый интерес к проблеме, не налагая никаких иных обязательств, вплоть до совершенно свободного оставления этой работы в любой момент.

Тем не менее опять-таки и в этом отношении произошло не совсем так, как этого хотелось и как это должно быть, – отчасти благодаря тому, что были сделаны совершенно произвольные выводы из того, что с самого начала было решено по возможности до поры до времени не слишком широко распространяться в разговорах вокруг этой работы, результат которой было трудно предугадать и которая могла вообще утратить всякий смысл, коль скоро с самого начала стала бы подвергаться криво толкам и пересудам.

Но оказалось, что такая мотивировка не была должным образом воспринята, и потом у некоторых, по-видимому, возникло представление о якобы некоей тайне, которая имеет мистическое обоснование. А раз здесь вообще выступает этот фактор – тайна, то и все остальное, по-видимому, окутано ею и гораздо многозначительнее, чем вообще об этом говорится. И если пока не ставятся никакие конкретные задачи, то это лишь пока, а в дальнейшем они, по-видимому, также определяются. И если пока никаких обязательств и никакой традиционной преемственности с историческим рыцарством нет, то это только пока. Такого рода преломление этих идей побудило меня вообще к концу 1925 г. прекратить делавшиеся попытки. Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом «искусства большого стиля» в духе мистерий с привлечением соответствующей терминологии вроде «храма искусства».

Мистерияльная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собою форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем раз-

вился театр и другие виды искусств. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы. Все те символические обряды и ритуалы, которые здесь имели место, представляли собою условные формы, не опиравшиеся ни на какую обязательную традицию.

Что касается степеней, моего личного участия и участия других в орденской организации, то по товарищески-этическим причинам давать показания я отказываюсь, заявляя, однако, что на протяжении всей моей деятельности вообще никогда и ни при каких обстоятельствах я не руководствовался целями антисоветскими и контрреволюционными, никогда не знал о такого рода целях или настроениях лиц, с которыми был связан в этой работе, и признаю, что те культурно-художественные интересы, которые увлекали меня в период участия в «орденской» работе, в настоящее время мною не руководят, и мой интерес за последнее время был направлен в значительно большей степени к интересам пролетариата и его социалистическому строительству, чем в период моих романтических увлечений 1924-25 гг. Л.Никитин

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 359-361]

НИКИТИНА Вера Робертовна
(1897–1976)

Никитина Вера Робертовна, урожд. Ланг, родилась 09.12.1897 г. в Москве в семье служащего, Роберта Александровича Ланга, брата поэта А.А.Ланга (псевдоним — Миропольский), и Веры Васильевны Ланг, урожд. Быльевой. В 1915 г. окончила частную женскую гимназию О.А.Виноградской и тогда же поступила на филологический факультет Высших женских курсов В.И.Герье, откуда ушла летом 1918 г. в связи с выходом замуж за Л.А.Никитина. С 1918 по 1922 г. с перерывами работала в Наркомторге, в 1922–1924 гг. — в Главкустпроме; в 1924–1927 гг. была слушательницей Института живых восточных языков. В апреле 1930 г. вместе с мужем уехала в Ереван. После ареста мужа вернулась за ним в Москву и, 30.10.30 г. была арестована ОГПУ. Содержалась в Бутырской тюрьме по обвинению в причастности к контрреволюционной организации, создании нелегальных кружков и распространении антисоветской литературы. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» приговорена к трем годам концентрационных лагерей. Работала медсестрой на Беломорканале, затем, вместе с мужем, — в театре Свирьстроя, потом снова медсестрой в лагерной больнице Лодейного Поля. Освобождена из Свирьлага 23.09.33 г., после чего поселилась в г. Калинин (Тверь), ожидая освобождения Л.А.Никитина. После рождения сына в 1935 г. жила с семьей до 1940 г. под Каширой, затем вся семья переехала в Загорск (Сергиев Посад). После вторичного ареста мужа 24.06.41 г. продолжала жить в Загорске до 1971 г., работая сначала в больнице МООСО, лаборантом в Научно-исследовательском институте птицеводства, заведующей библиотекой и преподавателем немецкого языка в Загорском зоотехническом техникуме. На пенсию вышла в 1961 г.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 22.06.1963 г.

Умерла 13.07.1976 г. в Москве, похоронена на Немецком кладбище («Введенские горы»).

Архивные материалы В.Р.Никитиной хранятся в семейном фонде в РГАЛИ (ф. 3127). Воспоминания изданы: *Никитина В.Р.* Дом окнами на закат. М., 1996.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНОЙ В.Р. 30.10.30 г.

После возвращения с фронта я болела, затем служила один год в Кустпроме секретарем какого-то отдела, затем поступила учиться в Институт живых восточных

языков. А начиная с 1922 г. после болезни, продолжавшейся несколько лет, я больше на работу никуда не поступала.

1) С анархизмом познакомилась через брата Николая¹.

2) Знала покойного КАРЕЛИНА и знаю не близко СОЛОНОВИЧА. С КАРЕЛИНЫМ познакомилась через брата и мужа. Была у КАРЕЛИНА с мужем и потом на его похоронах. Слышала от него об анархизме. С СОЛОНОВИЧЕМ виделись изредка. Видела один-два раза на лекции в Музее Кропоткина на докладах брата (темы доклада точно не помню, об анархизме в связи с чем-то). Два раза он заходил к нам. Два раза заходила к нему в связи с арестом брата².

Ни в каких кружках анархистов никогда не состояла.

Мистикой никогда не интересовалась.

В церковь не хожу с тех пор, как стала взрослая. К спиритизму всегда испытывала отвращение.

1) ПОЛЬ и его жена. Знакомы много лет. Жена его пела у нас. Он бывал часто. Были вместе на похоронах Карелина.

2) СМЫШЛЯЕВ связан с мужем по театральной работе. Лично я его почти не знаю.

3) АРЕНСКИЙ у нас бывал не часто, знаю с Западного фронта, заходил к нам слушать музыку.

4) Ирину ПОКРОВСКУЮ знаю очень близко, бывала у нас каждый день. Считала ее за приемную дочь. У нас стоит ее рояль, она приходила заниматься.

5) БАРКОВА почти не знаю.

6) С ИВАКИНСКОЙ вижусь обычно в семейные торжества, в дни рождения ее дочери.

7) КОРОЛЬКОВА знаю мало, виделись редко, последние годы совсем почти не встречались.

8) ШИШКО у нас не бывал.

9) Ф.ГИРШФЕЛЬДА знаю с детства, он учился с братом, бывал у нас. В самые последние годы ГИРШФЕЛЬДА совсем не встречала.

10) Э.ШИЛОВСКАЯ – тетка моего мужа³.

11) ЛЕОНТЬЕВЫХ знаю. Жили вместе на даче, в Москве виделись очень мало.

12) АДАМОВУ знаю как рассказчицу, очень хорошо рассказывает Лескова, слышала ее на выступлениях, рассказывала и у нас.

13) Елена САМАРСКАЯ – сестра жены моего брата Юрия⁴, встречалась с ней, но редко, у родных.

14) ТАРАБУКИНА знаю по Академии художественных наук, заходил к мужу.

15) Тута САВРАНСКАЯ⁵ живет [с нами] в одном доме, знаю с [ее] детства, ходила ко мне иногда.

16) В.ОРЛОВУ⁶ знаю не близко.

17) Диодора Дмитриевича ДЕБОЛЬСКОГО⁷ знаю хорошо, он бывает у нас, бывает у меня его мальчик⁸ и жена⁹.

18) ЛЮБИМОВУ не знаю.

19) УЙТГЕНХОВЕН не знаю.

20) Георгия ИЛЬИНА знаю с тех пор, как живу в кв. 25 дома 57 по Арбату, т.к. жили в одной квартире.

21) О существовании орденов в советской действительности ничего не слышала.

В.Никитина

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 300-300 об]

¹ Ланг Николай Робертович (1900–1962).

² 05 ноября 1929 г.

³ Шиловская Эмилия Леонидовна (1884–1952), драматическая актриса сначала театра Комиссаржевской, затем «Красный Факел» (Новосибирск). Умерла в Ленинграде в Доме ветеранов сцены.

⁴ Ланг Виктория Григорьевна, урожденная Пухович (1906–1979).

⁵ Савранская Татьяна Леонидовна (ум. 01.03.1988), художница.

⁶ Орлова Вера Георгиевна (1894–1977), актриса, жена П.А.Аренского.

⁷ Дебольский Диодор Дмитриевич (1892–1964), экономист, много лет занимался изучением индийской религиозной философии и сравнительным анализом восточной и европейской философских традиций. 26.02.34 г. приговорен Тройкой НКВД пост. 58–10 УК к двум годам концлагерей, освобожден 02.08.35 г. из Башлага; 10.05.49 г. осужден ОСО МГБ СССР по ст. 58–10, ч. 2, и 58–11 УК СССР на десять лет лагерей, освобожден 22.11.55 г. из Дубравлага по Указу Верховного Совета СССР.

⁸ Дебольский Иван Диодорович.

⁹ Шутова Татьяна Алексеевна.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНОЙ В.Р. 12.12.30 г.

Из анархистов знала покойного КАРЕЛИНА и СОЛОНОВИЧА. Познакомилась через брата Николая и через мужа за год до смерти КАРЕЛИНА, м.б., за полтора года. Познакомилась у него на квартире, зашла туда с мужем навестить его, когда он был уже болен. Брат, кажется, знал его раньше, возможно, что за несколько лет до этого. У КАРЕЛИНА была раза два-три. Заходила в гости, он был в это время уже болен, бывала у него с мужем, там познакомилась с СОЛОНОВИЧЕМ. Знала его жену*, она в это время тоже была уже совсем больная. КАРЕЛИН рассказывал иногда об анархизме. Книжки его есть у нас. Иногда у КАРЕЛИНА не встречала никого, иногда видела человека два или три.

На похоронах КАРЕЛИНА была. При выносе тела из квартиры в самой квартире не была, проводила тело по улице до музея, была на гражданской панихиде, потом на следующий день проводила гроб до кладбища и присутствовала при опускании в землю. Гражданская панихида состояла в исполнении похоронного марша на рояле и исполнении вокального произведения артистами. Названия произведения я не могу вспомнить, кажется, оно называлось «концерт», чье произведение — вспомнить не могу. Исполнялось оно, насколько я помню, не на русском языке, возможно, что на латинском или итальянском. Кто принимал участие в концерте, не помню.

Помню, что гроб стоял покрытый черным, без венков и цветов. На фотографии я помню белые подснежники. Но это, очевидно, было в квартире, где была сделана фотография. Почему были белые подснежники, я не знаю, вероятно, это принесли его родные, в музее цветов я не видела.

С СОЛОНОВИЧЕМ познакомилась у КАРЕЛИНА, видела его после на похоронах, раза два слышала его лекции в Кропоткинском музее, одна лекция была о Парижской Коммуне, года три тому назад, тогда же, когда там читал доклады мой брат**. Вторая лекция была, кажется, о Толстом. За время нашего знакомства виделась с ним редко, к нам он заходил за все время раза два или три.

Показания написаны собственноручно.

В.Никитина

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 304]

* Жену А.А.Карелина — Евгению Фортунатовну Карелину, урожденную Веригу. Скончалась 19.09.26 г.

** Ланг Николай Робертович.

НИКИТИНА Нина Александровна (1894–1942)

Никитина Нина Александровна, сестра Л.А.Никитина, родилась в Рязани 28.05.1894 г. В 1912 г. окончила курс женской гимназии В.П.Екимецкой в Рязани, в 1915 г. поступила на Московские Высшие женские курсы. С 1918 по 1920 г. работала делопроизводителем в Наркомвнешторге, с 1920 по 1924 г. — в Наркомпроде в Москве.

С 1924 по 1926 г. с мужем, Николаем Васильевичем Горностаевым, санитарным врачом, и своей матерью, Марией Васильевной Никитиной, жила и работала в Рязани. В 1926 г. разошлась с мужем и вернулась в Москву. С 1926 по 1928 г. работала во 2-м МГУ секретарем финансово-счетного отдела, с 1928 по 1930 г., будучи безработной, закончила Высшие стенографические курсы. Жила в том же доме, что и Л.А. и В.Р. Никитины: Арбат, 57, кв. 12.

Н.А.Никитина была арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъято: 1) адрес Шиловского¹, 2) листок бумаги с адресом Комендатуры ОГПУ, 3) тетрадь (99 листов) с записями религиозного содержания, 4) тетрадь «Эволюционные фазы искусства и проблема духовного возрождения» на 11 листах², 5) «Египет в современной проблеме духовного возрождения» на 15 листах³, 6) «Об антиномиях в искусстве» на 21 листе⁴, 7) то же на 29 листах, 8) разная переписка на 10 листах [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 307].

29.09.30 г. Н.А.Никитиной было предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, организации нелегальных кружков и антисоветской пропаганде. Содержалась во время следствия в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Н.А.Никитина была приговорена к трем годам высылки в Среднюю Азию (Ташкент). Освобождена 19.09.33 г. и до 1937 г. работала стенографисткой в Наркомздраве УзССР в Ташкенте.

В 1937 г. Н.А.Никитина переехала в г. Калинин (Тверь), поступив на работу в туберкулезную больницу для детей, с которыми осталась во время оккупации Калинина немцами, поскольку эвакуация больных не была проведена. Умерла в 1942 г. от истощения и последующего инфаркта (точная дата смерти неизвестна). Разыскивалась органами МГБ СССР на протяжении 1950–1953 гг.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ Шиловский Игнатий Васильевич — дядя Л.А. и Н.А. Никитиных, инженер, работавший в американской золотодобывающей концессии в Семипалатинской области.

² Статья Л.А.Никитина.

³ Статья Л.А.Никитина.

⁴ Статья Л.А.Никитина.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНОЙ Н.А. 16.09.30 г.

Я старалась выяснить себе возможные иные идеологические установки, кроме марксистской, в том числе анархистскую. Но считаю идею анархизма утопией постольку, поскольку я ее поверхностно себе представляю. Одновременно я интересовалась индийскими «йоги». Они были занимательны и оригинальны по своей проповеди — философией. Также интересовалась и христианской философией. Мне известно из гимназического курса, что в средние века существовало рыцарство и ордена, считая, что это похоже на сказку. Я сама не рассказывала и не слышала сказки о рыцарях.

Помню, одно время мы с мамой читали книги йогов и некоторые из них мама переписывала. У брата на квартире бывала редко. Иногда, когда я бывала у брата, туда кто-нибудь приходил. Встречала там: Николая Робертовича ЛАНГА, мать его, Веру Васильевну ЛАНГ, Нину Борисовну КОЧУКОВУ, Ирину ПОКРОВСКУЮ (сейчас вышла замуж, как по мужу — не знаю), Александра Сергеевича ПОЛЯ — эти лица бывали более часто; Диодор Дмитриевич, фамилии не помню*, Эмилия Леонидовна ШИЛОВСКАЯ, двоюродная сестра моей матери. СМЫШЛЯЕВА я знаю как артиста: несколько раз они работали с братом в разных театрах. Слышала, что есть анархист СОЛОНОВИЧ, вероятнее всего, от ЛАНГА.

Протокол прочитан и записан правильно с моих слов.

Н.Никитина

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 310]

* Дебольский Диодор Дмитриевич.

ПОКАЗАНИЯ НИКИТИНОЙ Н.А. 23.12.30 г.

Откуда попала ко мне в комнату тетрадь, найденная при обыске, сказать затрудняюсь, думаю, что она в числе прочего хлама была привезена из Рязани, где мы жили до 1924—1925 гг. приблизительно и откуда в эти годы перебрались на жительство в Москву. В последние годы жизни в Рязани у меня была тяжелая личная драма — я разошлась с мужем. Интересовалась индийской философией; думаю, что это, м.б., были какие-нибудь индийские гимны, переписанные из какой-нибудь книги. Я этой тетради не читала, впервые увидела ее при обыске и догадываюсь о ее содержании по нескольким словам, которые прочла, перелистывая, когда заносили ее в протокол обыска. Был ли ЛАНГ анархистом — не знаю, но знаю, что он получил политизолатор как анархист. СОЛОНОВИЧА у брата я никогда не встречала и его не знаю. КАРЕЛИНА знаю; знаю, что он был анархист. Ни в каком «Ордене Света», «Храме Искусства» и «Братстве Милосердия» я не состояла и об их существовании не знала.

Относительно пятниц у брата могу сказать, что они существовали только с прошлой зимы. Я на них была всего два-три раза. Вообще у брата бывала очень редко, иногда не видела неделями, месяцами. Жена брата часто мне говорила, что у них иногда бывают интересные артисты и исполняются интересные музыкальные, вокальные и другие произведения, читают новых поэтов и проч., жаль, что я не бываю.

Н.Никитина

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 310]

ПОКРОВСКАЯ Ирина Владимировна
(1906—1995)

Покровская Ирина Владимировна (по второму мужу — Гюнтер) родилась 14.01.1906 г. в Москве в семье архитектора Владимира Александровича Покровского и Анны Сергеевны Покровской (10.12.1886 — 10.02.1976). До 1924 г. жила в Харькове, затем в Москве, куда переехала по приглашению пианиста П.Н.Ренчицкого и где в 1929 г. закончила Московский музыкальный техникум. К этому времени в Москву переехали ее мать, поступившая на работу в Колхозцентр, и сестра Елена (13.06.1910 — 1983), учившаяся на 3-м курсе МВТУ им. Баумана.

В Москве И.В.Покровская жила в квартире Ренчицкого по Зубовской ул., д. 5/36, кв. 15, вместе со своим первым мужем, Владимиром Николаевичем Зайцевым, электромонтером. С Никитиными Покровскую познакомил А.С.Поль, приятель ее матери, однако сама она в «Орден Света» не входила и о его существовании не знала.

Арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. у себя на квартире. При обыске изъято: 1) разная переписка, 2) пишущая машинка «Ремингтон» с копировальной бумагой, 3) кожаная шкатулка (не вскрытая за неимением ключа), 4) одиннадцать серебряных рублей царской чеканки и один полтинник. Содержалась в Бутырской тюрьме, но ввиду явной непричастности к Ордену, дачи откровенных показаний и беременности, уже 22.09.30 г. была освобождена под подписку о невыезде. Ее показания о московских и харьковских теософах существенно пополняют показания арестованных по «сочинскому делу». Постановлением Коллегии ОГПУ от 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» дело в отношении И.В.Покровской было прекращено и подписка аннулирована.

В дальнейшем жила в Москве и работала аккомпаниатором и преподавателем музыки. Умерла 19.06.95 г. в Москве.

ПОКАЗАНИЯ ПОКРОВСКОЙ И.В. 13.09.30 г.

Моя мать, проживая в Харькове, состояла в Теософском обществе. Имевшиеся у нее материалы по теософии пропали у меня после ее приезда из Харькова несколь-

ко месяцев тому назад. В данное время моя мать вместе с моей сестрой* проживает в Москве, Орликов пер., д. 2, квартира Васильевых, на 2-м этаже. Отобранные у меня при обыске материалы по теософии принадлежат моей матери, т.к. остались после ее переезда среди других ее вещей, не забранных у меня.

В 1926 г. я жила летом во время отдыха в Крестовниках**, недалеко от Сочи, там я читала две книги по теософии — «У ног учителя», «Идиллия белого лотоса». Там проживали теософы Инна Захаровна***, фамилии не помню, проживает в Харькове, Петр Саулович****, фамилию не знаю.

В Москве я проживала у теософа КИРПИЧНИКОВА Александра Александровича, проживающего в Лосинке, Парковый проезд, д. 7, по профессии инженер, работает в Мосздраве. Он — знакомый моей матери, наверное, также состоял в теософском обществе. Их вся семья теософы, состоящая из сестры Юлии Александровны, 30 лет, по профессии врач, уехала работать в больницу в с. Воскресенское под Н[ижним]-Новгородом. Проживающая у них же тетка говорила о приходящих к КИРПИЧНИКОВЫМ, что это «одна братия теософов».

В Москве знаю своего близкого приятеля НИКИТИНА Леонида Александровича, его жену Веру Робертовну и сестру его Нину Александровну. Помню, что жена его меня спрашивала, как я отношусь к теософии, я ответила — «почитала кое-что, да бросила», она же ответила, что тоже кое-что читала и не заинтересовалась. Произведения художественные НИКИТИНА не отражают настоящей жизни, а представляются в виде каких-то божественных неясных портретов.

Дополнительно сообщаю: знаю проживающих в Харькове следующих членов Теософского общества:

МОЛОКИН Александр Георгиевич, гражданский инженер, проживает на углу Чернышевской ул. и Госпитального пер. в собственном доме. Вера Александровна, его жена, домашняя хозяйка. ПИЛЬСТРЕМ Максимилиан Густавович, музыкант-пианист, проживает в доме МОЛОКИНА.

КУЗЬМЕНКО Людмила Васильевна, пианистка, прож. на ул. Дзержинского, д. 90, кв. 7. СУХОРУЧКИНА Нина Васильевна, служила в Донугле, проживает на Лермонтовской улице. ЛЕССМАН Людвиг Антонович, фотограф, проживал у МОЛОКИНЫХ. ПРЕЙСФРЕНД Александр Владимирович, проживает на Бассейной улице, по профессии инженер. ПАСЬКО Татьяна, проживает на [ул.] Журавленко. ИВАНОВА Аля (как будто жена А.В.ПРЕЙСФРЕНДА).

ПЕРЕТЯТКОВИЧ Богдан Грацианович, инженер. Его жена Анна Ивановна. До прикрытия Общества происходили собрания теософов на квартире моей матери, а главным образом на квартире МОЛОКИНЫХ. В.А.МОЛОКИНА была председателем Харьковского отдела Теософского общества. После закрытия общества происходили регулярные посещения, а собраний на квартире матери, насколько мне известно, не было. Известные мне знаки теософские — белая пятиконечная звезда, буква «Т» со змеей или просто змея.

У НИКИТИНЫХ видела на черной дощечке меч из слоновой кости. Также агатовый крест, черного цвета, маленький. У НИКИТИНА каждую пятницу собирались — я, Нина Борисовна КОЧУКОВА (живет в переулке на Никитской улице, служит, кажется, в Петровском парке). Мать НИКИТИНА, сестра его с мужем живут на Арбате, 57.

Диодор Дмитриевич, ТАРАБУКИН Николай Михайлович (или наоборот), искусствовед, работает в ГАХНе. Брат НИКИТИНОЙ, Николай Робертович ЛАНГ. НЕДОВИЧ, искусствовед из ГАХНа. Эмилия Леонидовна, артистка, живет на Молчановке. Гали Евгеньевна, артистка. На сборищах происходило следующее: чтение стихов, докладов, некоторый обмен мнений, всякие музыкальные выступления, чай. Выступали с докладом ЛАНГ, ТАРАБУКИН, НИКИТИН. Хотя прямо о советской власти никто, кроме ЛАНГА, не высказывался, но из докладов и разговоров можно было уловить несогласие с современностью. В настоящее время НИКИТИН и его жена живут в Эривани, работают в «Арменкино». Найденное у меня и отобранное серебро принадлежит моей матери.

Протокол прочитан и написан правильно с моих слов.

И.Покровская

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 442-443]

* Покровская Елена Владимировна.

** То есть, на быв. даче Крестовникова, где находилась земледельческая коммуна теософов (см. «Сочинское дело» 1930 г.).

*** Ершова Инна Захаровна.

**** Гельфандбейн Петр Саулович.

ПОКАЗАНИЯ ПОКРОВСКОЙ И.В. 20.09.30 г.

Сборища, происходившие у НИКИТИНА, на которых я присутствовала с 1928 г., носили определенно организованный характер. Сборища эти происходили и раньше, но не организовано. Собирались по воскресеньям, а потом и по пятницам в следующем составе: НИКИТИН, его жена, его мать Мария Васильевна, его сестра Нина Александровна, муж сестры (не знаю, как его имя), ПОЛЬ Александр Сергеевич, его жена Елена Аполлиinarieвна, КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович, Эмилия Леонидовна ШИЛОВСКАЯ, ШИШКО Владимир Федорович, ГИРШФЕЛЬД Феликс Федорович, Георгий Александрович (фотограф с Украины)*, ИВАКИНСКАЯ Гали Евгеньевна, ее муж БАРКОВ Александр Сергеевич, ЛЕОНТЬЕВ Константин Иванович, его жена (имя не помню)**, АДАМОВА Елена Георгиевна, САМАРСКАЯ Елена Григорьевна, ЛАНГ Николай Робертович, ТАРАБУКИН Николай Михайлович, НЕДОВИЧ (имя не помню), Тута САВРАНСКАЯ и я. АРЕНСКИЙ Павел Антонович и его жена ОРЛОВА Вера Георгиевна, Диодор Дмитриевич***.

Программа сборищ была следующая: чтение стихов Блока, Бальмонта, Гумилева, чтение докладов на разные художественные мистические темы, как, например, иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. Рассказы легенд и сказок. Музыкальные номера и чай. Выступали с чтением стихов — Эмилия Леонидовна ШИЛОВСКАЯ, Гали Евгеньевна ИВАКИНСКАЯ. С докладами — Л.НИКИТИН: «Врубель и его творчество», «Иероглифы в Египте». Наряду с этим мы с ним бывали в музеях — в Щукинском, Кропоткинском, Морозовском, Музее изящных искусств. ТАРАБУКИН выступал с докладом о портрете и о Врубеле. ЛАНГ Н.Р. читал реферат по поводу прочитанной им книги (название не помню) в анархическом духе. По прочтении докладов бывал обмен мнений, обсуждения на тему прочитанного, выступали: НИКИТИН, ТАРАБУКИН, ЛАНГ, НЕДОВИЧ, Диодор Дмитриевич, АРЕНСКИЙ. Остальные слушали. Сказки и легенды (о короле Артуре), ряд сказок, из них одна шотландская. Пела жена ПОЛЯ, Елена Аполлиinarieвна, следующих композиторов — Глиера, Рахманинова, Чайковского, Римского-Корсакова; Тута САВРАНСКАЯ — приблизительно тех же авторов. Я играла и аккомпанировала. Пение и музыку оставляли на конец вечера.

Окраска вечеров носила характер литературно-художественно-мистический и не соответствовала современности. Программа следующего вечера назначалась либо в конце вечера, либо в течение недели. Брата В.Р.НИКИТИНОЙ — Юрия Робертовича ЛАНГА, режиссера СМЫШЛЯЕВА и режиссера ЗАВАДСКОГО, которого я видела в его студии, будучи там с НИКИТИНЫМ, я видела у НИКИТИНЫХ вне сборищ.

Еще у НИКИТИНЫХ видела Алексея Александровича СОЛОНОВИЧА, которого слышала выступающим в Музее им. Кропоткина. На лекцию в Кропоткинский музей меня пригласил Л.А.НИКИТИН, и вместе с нами была его жена, Вера Робертовна, сестра Нина Александровна, его мать Мария Васильевна, АДАМОВА Елена Георгиевна, ГИРШФЕЛЬД Феликс Федорович, кажется, Александр Сергеевич ПОЛЬ. Я сама была в музее раза два-три вместе с НИКИТИНЫМ. Свое участие в подобной группе лиц с идеологией, чуждой пролетариату и современности, считаю недопустимым и считаю, что необходимо пресекать существование подобных групп. Если мне встретятся подобного рода группы или контрреволюционеры, то

считаю своим долгом в интересах пролетариата принять необходимые меры для ликвидации таковых. И.Покровская

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 447-447об]

* Любичкий Георгий Александрович.

** Леонтьева Надежда Алексеевна.

*** Дебольский Д.Д.

ПОЛЬ Александр Сергеевич
(1897–1965)

Поль Александр Сергеевич родился 13.04.1897 г. в Москве в семье драматических артистов, Сергея Федоровича и Инны Александровны Поль, урожд. Хаминой (1867–1936). В 1915 г. окончил Выборгское восьмиклассное коммерческое училище в Петрограде; в 1916 г. был призван на военную службу, окончил школу прапорщиков Александровского училища в Москве, затем работал на Дону учителем и в Политотделе Реввоенсовета Донской области. В 1920 г. поступил на Отделение внешних сношений факультета общественных наук 1-го МГУ, который закончил в 1923 г. Одновременно учился и окончил Государственный Институт Слова (ораторское отделение). В дальнейшем был преподавателем различных вузов Москвы (ГИСа, Института им. Плеханова, Высших экономических курсов, Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и др.).

К моменту ареста жил вместе с матерью и женой, Еленой Аполлинариевной Поль, урожд. Вишневской, на Каляевской ул., д. 34-а, кв. 9.

Обыск в квартире 11.09.30 г. был произведен в его отсутствие, изъяты книги и переписка. Арест произошел 14.9.30 г. в Комендатуре ОГПУ после возвращения А.С.Поля с дачи. 25.09.30 г. ему предъявлено обвинение в участии и руководстве контрреволюционной организацией, посещении нелегальных контрреволюционных собраний и распространении нелегальной литературы. В процессе следствия дал развернутые, хотя во многом искаженные сведения об Ордене и его членах. Содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» А.С.Поль был приговорен к трем годам концентрационных лагерей (работал экономистом в Управлении Беломорканала на Медвежьей Горе), освобожден досрочно. С 31.06.33 по 07.05.34 г. работал в системе лагерей ОГПУ, сначала в должности начальника КПЧ Балахнинских лагерей, затем в должности экономиста КПО в Прорвлаг (г. Астрахань). В том же 1934 г. А.С.Поль вернулся в Москву со своей второй женой, Татьяной Дмитриевной Смирновой, урожд. Сумароковой (ранее женой Е.Н.Смирнова), и до конца своей жизни работал преподавателем в театральных вузах Москвы (ГИТИС, Театральное училище им. М.С.Щепкина при Малом театре, Театральное училище им. Б.В.Шукина при театре им. Вахтангова и др.), читая лекции по истории искусства и истории западноевропейской литературы.

Умер в ночь с 30 на 31 июля 1965 г. Подробнее о А.С.Поле см.: *Шиповская Е.А.* Исповедь Рыцаря Света. М., 1998. Документы его личного архива хранятся в РГАЛИ (ф. 3127) и в Отделе рукописей Научной библиотеки СТД (в Москве).

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 15.09.30 г.

С 1918 по 1923 г. я окончил 1-й МГУ по отделению внешних сношений, одновременно учился в ГИСе. По окончании университета поступил на службу в Наркомвнешторг в отдел внешней торговой политики, откуда был переведен консультантом ДПУ, где и состоял до февраля 1930 г. Работал по сектору англо-романских стран. Одновременно принимал участие в работах Института экономических исследований

Наркомфина, Всесоюзной западной торговой палаты. Одновременно работал преподавателем Комуниверситета нацменьшинств Запада, Свердловского университета (внештатно), различных курсов и принимал участие в работе ГАХНа.

Считаю, что в настоящее время диктатура пролетариата является единственной возможной формой действительной борьбы против капиталистического мира. В области идеологической идея безвластного общества представляется мне наиболее прекрасной идеей, к которой должно стремиться человечество. Что касается мистического анархизма, то этот термин не несет для меня в себе полной ясности. Идея внутреннего преобразования человека представляется крайне заманчивой, но пути организованного проведения в жизнь этой идеи не являются, по моему мнению, достаточно четкими. В беседе, которую мне пришлось иметь с СОЛОНОВИЧЕМ, он высказывал ту мысль, что общество может быть реорганизовано в результате духовного преобразования масс и соответствующего воспитания человека. Приходилось разговаривать с ЛАНГОМ об анархизме, и его концепция представилась мне похожей в общих чертах на концепцию СОЛОНОВИЧА. С ЛАНГОМ я познакомился у НИКИТИНЫХ. Что касается Леонида Александровича НИКИТИНА, то, насколько мне известно, он не анархист, но интересуется анархистскими взглядами. Я бывал у НИКИТИНЫХ, был также и на так называемых «пятницах». Эти «пятницы» представляли собой свободный день НИКИТИНЫХ (жена НИКИТИНА очень уставала от гостей), открытый для их знакомых. Кажется, в течение некоторого времени на двери их квартиры висела записка о том, что они бывают по пятницам вечером дома. ТАРАБУКИНА я знаю очень мало, встречался в ГАХНе и у НИКИТИНЫХ.

У НИКИТИНЫХ бывали чтения стихов, музыка, иногда чтение Леонидом Александровичем своих произведений. На стене у них висели различные картины, фотографии, в том числе припоминается вещица, представлявшая собою на черном фоне меч или кинжал белого цвета. Мне известно, что у НИКИТИНЫХ раза два пела моя жена, Елена Аполлинариевна, играли разные лица, в том числе Ирина ПОКРОВСКАЯ. А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 369-369об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 19.09.30 г.

НИКИТИНЫ. У НИКИТИНЫХ я бывал в последние годы довольно часто. Познакомился я с НИКИТИНЫМ в Щукинской галерее, во время художественной экскурсии лет шесть тому назад. После этого познакомился также с его женой и стал довольно часто бывать у них, преимущественно в связи с моей дружбой с Верой Робертовной НИКИТИНОЙ (женой Леонида Александровича). В связи с очень слабым здоровьем Веры Робертовны (порок сердца) иногда в течение полугода и больше подряд она оставалась в постели и у них почти никого не бывало, кроме близких людей. Большую часть времени семья НИКИТИНЫХ материально нуждалась в связи с малым заработком Леонида Александровича. В их семье часто бывала сестра Леонида Александровича, Нина Александровна НИКИТИНА, а также их добрая знакомая, Ирина ПОКРОВСКАЯ, рояль которой (кажется) находился у НИКИТИНЫХ, и она приходила туда заниматься. Мировоззрение Л.А.НИКИТИНА было, насколько мне известно, ближе всего к анархическому, но его основные интересы сосредоточивались в области искусства, как теории, так и практики (Леонид Александрович является хорошим художником).

СМИРНОВЫ. Со СМИРНОВЫМ Евгением Николаевичем я познакомился лет десять тому назад в Государственном Институте Слова, где он вместе со мной учился в качестве студента на декламационном отделении. СМИРНОВ работал в Госплане, а в настоящее время состоит местным работником и преподавателем Промакадемии. Позже я сталкивался со СМИРНОВЫМ в ГАХНе и в некоторых высших учебных заведениях, где мы вместе преподавали и работали. Бывал у него довольно редко (раза два-три в год). Насколько мне известно, у Е.Н.СМИРНОВА наибольший ин-

терес сосредоточивается в области статистических наук. По своему происхождению Е.С.СМИРНОВ связан с церковным православным миром.

ИВАКИНСКАЯ Гали Евгеньевна. Познакомился с ней, как и со СМІРНОВЫМ, в ГИСе на декламационном отделении лет десять тому назад. Встречался с ней все время очень мало, только в ГАХНе, где она в настоящее время состоит секретарем Секции Живого Слова. Кроме того, мне известно, что она работает в качестве артистки в Детском театре и выступает в концертах. Не помню, встречался ли я с ИВАКИНСКОЙ у СМІРНОВА, думаю, что это могло иметь место, т.к. у СМІРНОВЫХ часто бывали несколько лет назад вечеринки всех студентов ГИСа и образовавшейся впоследствии из выпускников — Лаборатории и Мастерской Живого Слова. О мировоззрении ИВАКИНСКОЙ ничего сказать не могу, т.к. встречался с ней не близко.

ГИРШФЕЛЬД Феликс, работал в секторе мирового хозяйства Госплана. Не помню, встречался ли я с ним только там или же и у НИКИТИНЫХ также. Знаю его мало. Не помню точно, где с ним познакомился.

СМЫШЛЯЕВ Валентин Сергеевич. Познакомился с ним в связи с работой его (проверочной) в Лаборатории Живого Слова при ГАХНе. Был однажды у него на дому. Знаю про его хорошие отношения с НИКИТИНЫМ. Насколько мне известно, в тех постановках, где СМЫШЛЯЕВ был режиссером, НИКИТИН несколько раз работал в качестве художника. Про мировоззрение СМЫШЛЯЕВА ничего сказать не могу.

КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович. Познакомился с ним лет восемь тому назад в ГИСе, где КОРОЛЬКОВ был на литературном отделении, изредка встречался с ним в связи с книжными вопросами в библиотеке КУТВа. КОРОЛЬКОВ работает по книжному и библиотечному делу. Иногда в течение последних лет заходил в магазин, где он работал, для покупки книг.

ЛЕОНТЬЕВ. Познакомился с ним в ГАХНе, на заседании Комиссии Живого Слова; кажется, встречал его несколько лет назад у НИКИТИНЫХ.

ДЕЙКУН. Слышал о ней как об артистке Художественного театра. Не помню, чтобы встречал ее когда-либо.

БАРКОВ. Насколько мне известно, муж Г.Е.ИВАКИНСКОЙ. Встречал его на вечеринках ГИСа.

ЛЮБИМОВА. Познакомился с ней у КОРОЛЬКОВА в библиотеке КУТВа несколько лет назад. Она, как и КОРОЛЬКОВ, работала по книжному делу. Насколько мне известно, ее мировоззрение анархического порядка. Несколько лет назад ЛЮБИМОВА была у меня, приносила мне некоторые книги востоковедного характера.

АДАМОВА Елена Георгиевна. Познакомился с ней в ГИСе. Там АДАМОВА работала преподавательницей, а затем и деканом отделения рассказывания. Специалистка по дошкольной работе, рассказыванию и научная работница. О мировоззрении ее ничего сказать не могу.

ЗАВАДСКИЙ Юрий Александрович. Познакомился с ним ряд лет тому назад в ГИСе, где ЗАВАДСКИЙ вел кружок на декламационном отделении. Однажды видел его у НИКИТИНЫХ. Последние пять-шесть лет встречаю только в театрах и на улице.

ВОДОВОЗОВ Николай Васильевич. Встречался с ним в ГИСе, где он работал в качестве студента. Известно мне про его литературные работы. Встречался с ним редко. В настоящее время мы с ним вместе работаем в одном из учебных заведений.

А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 372-373]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 21.09.30 г.

Сообщаю, что я состоял в рыцарском «Ордене Света» приблизительно с осени 1924 г. до конца 1927 г., причем я принимал участие в собраниях Ордена, ведя в нем работу. Орден представлял из себя мистическую организацию, ставящую своей задачей сообщением легенд способствовать внутреннему перерождению и духовному подъему рыцарей. Орден представлял самую широкую свободу всем входящим в него членам в смысле их убеждений и жизни (совершенно ее не затрагивая). В него не

было входа лишь членам ВКП(б) и членам белогвардейских организаций, равно как и монархистам (последнее не твердо). О существовании «Храма Искусств» мне было известно, но активной работы я в нем не вел. О структуре, работе, рыцарях, знаках, людях, связанных с Орденом и известных мне, я дать сведений не могу, т.к. мною было дано слово хранить это в тайне. Никаких клятв, тем более связанных с угрозой, я никогда не давал, и это вообще не было в духе Ордена.

НЕДОВИЧ, профессор. Встречал его в ГАХНе и два у НИКИТИНЫХ.

АРЕНСКИЙ, писатель. Познакомился с ним в 1924 г. или 1925 на Кавказском побережье. Иногда встречал у НИКИТИНЫХ.

ТУТА*. Фамилии не помню. Встречал ее у НИКИТИНЫХ. Молоденькая барышня, поэт.

САМАРСКИЕ, Елена и ее сестра. Сестра Елены** замужем за братом Веры Робертовны***. Изредка встречал их у НИКИТИНЫХ лет пять тому назад.

СМИРНОВ Евгений Николаевич. На квартире СМИРНОВА я бывал неоднократно в течение десяти лет нашего знакомства. А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 377]

* Савранская Татьяна Леонидовна.

** Ланг Виктория Григорьевна.

*** Ланг Юрий Робертович.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 25.09.30 г.

Считаю, что рыцарский Орден носил не контрреволюционный характер, являясь мистической организацией, в которой политическая установка как таковая вообще отсутствовала. Наш, и мой в частности, интерес сосредоточивался исключительно на восприятии легенд и их внутренней переработке. Насколько мне известно, руководством организацией в четкой форме вообще отсутствовало и анархическая струя, пробивавшаяся в этой организации, мне кажется, захватывала далеко не всех ее членов. Я со своей стороны считаю попытки какой бы то ни было борьбы с советской властью недопустимыми. Ни одного раза при мне не возникали и не обсуждались при встречах членов Ордена вопросы о том, как надлежит захватывать влияние в тех или других учреждениях и, тем более, срывать их работу.

Целью данной организации является, по моему мнению, внутреннее перевоспитание человека (создание духовно свободного человека). Возникновение этой организации связано, по моим выводам, с возвращением в Россию КАРЕЛИНА, который был (вероятно) много лет назад посвящен за границей в Орден и принес его структуру и легенды в Россию. Легенды эти передаются из уст в уста и представляют собой очень древние, (как нам говорилось) материалы мистического содержания.

Мне известно о существовании «Храма Искусств», имевшего своей целью, насколько я слышал, объединить работников искусства, имеющих мистические настроения, и внутренне воспитывать их в орденском духе. О состоянии моей жены в «Храме Искусств» мне ничего не известно. Об организациях этих я с ней не говорил. Я состоял в 3-й степени «Ордена Света». А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 379]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 29.09.30 г.

В конце 1924 г. или в самом начале 1925 г. я подошел к Ордену и вскоре был посвящен. Перед посвящением мне было сказано, что Орден ставит своей задачей духовное перерождение человека, который должен быть благородным и противиться всякой неправде. Мне было сказано, что я имею полную свободу в любое время отойти от Ордена с единственным условием сохранения всего дела в тайне. При посвящении была рассказана легенда о древнем Египте, и само посвящение сопро-

вождалось обращением посвящающего к посвящаемому с призывом к его гордости и мужеству, причем посвящавший предлагал встать и поздравить нового рыцаря с посвящением. При этом он слегка ударял его по плечу. При моем посвящении были трое, присутствие женщины по нормальному ритуалу (мне говорили) желательно, но не обязательно.

После рассказывания легенды задавались вопросы по существу ее, причем посвящавший давал на эти вопросы ответы. На этом оканчивалось собрание. Следующие собрания или встречи происходили в разные отрезки времени, причем разделялись на собрания мистические и деловые. На первых рассказывались легенды, на вторых, которых было очень мало (по 1 или 2 на степень), шел разговор о самообразовании, расширении кругозора и т.д. Через известный срок (после рассказа установленного количества легенд — трех или четырех) происходил перевод во 2-ю степень, при котором произносилась формула перевода (не помню слов) и снова рассказывалась легенда. На 2-й степени сохранялся тот же порядок прохождения, что и на 1-й (только легенд рассказывалось меньше), после чего происходил перевод в 3-ю степень. Посвящения из 1-й степени во 2-ю или 3-ю отнюдь не давали права ведения своих групп (отрядов). Вскоре после перехода на 3-ю степень я перестал бывать на вечерах.

При посвящении каждому давалась восьмиконечная звезда, что как бы символизировало надзвездный мир восьми измерений.

Была полная разъединенность между группами, и в каждой группе рыцари знали только своих членов, не вступая в общение с другими группами.

Мне приходилось слышать ряд легенд, совершенно не имеющих связи с исторической жизнью и берущих свои темы в области далекой фантазии. Легенды эти очень красивы и литературно построены, но между ними нет никакой связи и зависимости. Говорилось, что они очень древнего происхождения и передаются из уст в уста. Знаком Ордена было приветствие друг друга путем сложения рук на груди в форме креста. Когда входил новый рыцарь в комнату, то другие рыцари складывали руки на груди, приветствуя его. Роза белого цвета, с которой старший рыцарь приходил на собрание, представляла собой символ любви и бесконечности.

До моего посвящения со мной было несколько бесед на тему о духовной жизни, о мистике, о красоте, об искусстве. После этих бесед мне было предложено вступить в рыцарский Орден, который мог дать удовлетворение моим исканиям в указанных областях. Вскоре после этого предложения я и был посвящен. Был также разговор, в котором мне почувствовалась анархическая струя. В то время, однако, у меня не было к ней отрицательного отношения. Мне говорили, что «Орден Света» имеет семь степеней, причем на переход из степени в степень нужно было приблизительно около одного года.

Орден, по моим выводам, делится на группы, в которых имеется от одного до десяти членов.

Книга СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа» ранее мне не была известна. С содержанием прочтенных мне выдержек никак не могу согласиться. Страшно и дико ставить в один ряд Иоанна Грозного, Торквемаду и Ленина или утверждать, что революция кончилась Кронштадтским восстанием, а не углубляется в настоящее время.

А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 379-380]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 01.10.30 г.

Насколько я помню, в легенде об Атлантиде говорилось о прекрасных и мудрых людях, живших неизмеримо давно и установивших в своей жизни начала любви, добра и полного равенства. Они вступали в контакт с остальным населением Земли (также несоизмеримо давно), которое страдало в атмосфере ненависти, злобы и хаоса. Боролись они с этой атмосферой путем внедрения в жизнь возвышенных, философских систем и учений и развитием техники.

Вопросы о власти (насколько мне известно) не подлежали обсуждению на орденских встречах. Установка в этом смысле отсутствовала, хотя общий тон материалов был, пожалуй, проникнут настроениями безвластного общества. При проявлении интереса к принципиальным социально-тактическим вопросам следовал ответ, что на эти вопросы надо искать ответы вне Ордена, в том числе в анархической и другой литературе.

Хаос, разлитый в мире, проникает в отдельных лиц в виде ненависти, злобы и проч. Духовное совершенствование в орденском духе ставило своей задачей борьбу с хаотической неорганизованностью каждого индивидуума. Преодолевая хаос в своей душе, человек становится выше и лучше.

Что касается современных социально-политических моментов, то они никогда не обсуждались в моем присутствии на рыцарских встречах. Говорилось, что при интересе к этим вопросам можно обратиться к соответствующей литературе, в том числе анархической. Говорилось, что анархическую точку зрения можно получить с достаточной полнотой в Музее Кропоткина. Что касается лично меня, то я был в Музее Кропоткина всего раз в жизни. Был я там на похоронах КАРЕЛИНА.

Отвечать на вопрос, присутствовал ли я в качестве старшего рыцаря на квартире СМЕРНОВА вместе со СМЫШЛЯЕВЫМ и НИКИТИНЫМ при посвящении в рыцари ИВАКИНСКОЙ, БЛАГОНРАВОВА и других, я отказываюсь в связи с тем, что не считаю для себя возможным по нравственным соображениям вообще касаться вопроса об именах лиц, которым приписывается участие в Ордене, т.к. мною было дано слово этого не делать даже в случае отхода от орденской организации.

Тайный характер Ордена объясняется мною тем, что разрешение на существование рыцарского Ордена не могло быть дано властями (как я думаю), которые, вероятно, рассматривали бы его как пережиток Средневековья, дикий в современных условиях. Я согласился вступить в Орден в свое время по тем соображениям, что мне было сообщено, что услышать прекрасные и мудрые легенды можно лишь при условии вступления в Орден. У меня был в то время интерес к мистическим вопросам, который соединялся с личным доверием к человеку, предлагавшему мне вступить в Орден. Орден, по моему мнению, не отрицал религиозного начала и чувства в человеке, но относился отрицательно к церкви. Основой Ордена были легенды и ритуал, а установки общие вообще отсутствовали, и рассказывающий легенды обычно указывал при ответах на любые вопросы, что это есть его мнение, а остальные должны думать, как хотят.

На вопрос о том, слушал ли я легенды, рассказываемые НИКИТИНЫМ, я отвечать отказываюсь.

В настоящее время я считаю, что Орден не разрешил поставленных задач духовного перерождения человека, и поэтому я, также и в связи с изменением у меня общих взглядов, считаю его бесполезным и напрасным. В настоящее время мои интересы сосредоточиваются в области реальной жизни и строительства социализма.

А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 380-380об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 09.10.30 г.

Мне известно о существовании библиотеки, составленной из книг общенаучного и беллетристического характера; в числе этих книг, насколько мне известно, имелись книги анархического и мистического характера. Никогда не слышал, чтобы эта библиотека именовалась «орденской» или непосредственно связывалась с «Орденом Света». Не помню, чтобы мне приходилось пользоваться этой библиотекой, которая имела свои каталоги, которые я имел случай просматривать.

О существовании «Черного Креста» как организации помощи заключенным анархистам мне известно. Я не слышал, однако, о связи «Черного Креста» с Орденом и о помощи Ордена «Черному Кресту» денежными средствами. Слышал я о существо-

вании переплетной мастерской у кого-то из знакомых. О связи мастерской с Орденом — не слышал.

Мне была прочтена следователем выдержка из документа одного из рыцарей с призывом к вооруженному восстанию. Никогда об этом документе не слышал и считаю мнение этого рыцаря резко индивидуальным, не имеющим общего с Орденем. Резко восстаю против этого документа. А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 388]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 15.11.30 г.

Осенью 1924 г. я познакомился с Леонидом Александровичем НИКИТИНЫМ и вскоре стал бывать у НИКИТИНЫХ. Мы много беседовали на темы об искусстве и вскоре перешли на темы, имеющие связь с мистикой. После ряда разговоров по этим вопросам, а также по вопросам о связи между искусством и мистикой и мистическим воздействием искусства на человеческую психологию Леонид Александрович рассказал мне о возможности ближе подойти к работе в этой области. Однажды, взяв с меня слово хранить в тайне все им сказанное, Леонид Александрович предложил мне вступить в рыцарский «Орден Света», причем указал на то, что материалы этого Ордена высокой мистической ценности и что они имеют своим источником глубокую древность. При этом он сказал, что ответ я могу дать в следующий раз, если он будет положительным. При новой встрече я согласился вступить в Орден, интересуясь в ту эпоху проблемами мистики. При этом должен сказать, что никогда не был особенно верующим и тем более церковным человеком и что к вопросам религии я относился всегда с большой долей скептицизма. В предложении Леонида Александровича меня заинтересовала главным образом древность мистики, имеющейся в распоряжении Ордена.

В конце 1924 г. я был НИКИТИНЫМ посвящен в рыцари, причем посвящение происходило на его квартире, и при нем принимала участие Вера Александровна ЗАВАДСКАЯ; несколько позже подошла Вера Робертовна НИКИТИНА, присутствовавшая при рассказе первой легенды.

Первую половину 1925 г. я прослушал несколько легенд (кажется, две), причем рассказывал их всегда Леонид Александрович (Вера Робертовна ничего не знает), иногда в присутствии Веры Робертовны. Осенью 1925 г. Леонид Александрович предложил мне перестать быть рыцарем-одиночкой и вступить в созданный им отряд. Посвящение новых рыцарей в этот отряд происходило на квартире СМИРНОВА осенью 1925 г., и я присутствовал при этом посвящении вместе со старшими рыцарями, СМЫШЛЯЕВЫМ и НИКИТИНЫМ, а также вновь посвящаемыми — СМИРНОВЫМ, ШИШКО, ГИРШФЕЛЬДОМ, ИВАКИНСКОЙ, ЛЕОНТЬЕВЫМ, ДЕЙКУН и БЛАГОНРАВОВЫМ. При посвящении (равно как и в случае со мной) посвящающий рыцарь ударял по плечу вновь посвящаемого, сидящего в это время (ранее посвященные стояли), и говорил при этом формулу посвящения, сущность которой сводилась к следующему: будьте смелы, мужественны, здесь веет дух Ордена, проникайтесь его светом, храните его тайну! Тогда вновь посвящаемый вставал и НИКИТИН поздравлял его со вступлением в Орден. После этого рассказывалась первая орденская легенда о древнем Египте.

Остаться во вновь созданном НИКИТИНЫМ отряде мне не удалось, т.к. время собраний этого отряда в значительной части зависело, по словам Леонида Александровича, от занятости в спектаклях ДЕЙКУН, БЛАГОНРАВОВА и ИВАКИНСКОЙ. Между тем мои вечера были в большой степени загружены лекциями и заседаниями, и мне было крайне трудно принаравливаться ко времени их собраний. Поэтому мне пришлось вернуться к положению одиночки. При этом ко мне примкнула Вера Робертовна, и нам обоим, как самостоятельному отряду, Леонид Александрович стал рассказывать легенды. Через некоторое время я вместе с Верой Робертовной был переведен во 2-ю степень.

Нужно при этом заметить, что на каждой нашей орденской встрече с НИКИТИНЫМ рассказывались легенды. Раза два Леонид Александрович говорил со мною на темы о понимании рыцарской мистики, о ее значении в духовном перевоспитании человека и о значении легенд как поднимающих общий тонус человеческой психики. Кроме того, у нас было однажды так называемое ритуальное собрание, на котором кроме легенды были произнесены полагающиеся на этот случай ритуальные слова, содержания которых я не могу припомнить. Затем было нечто вроде ужина и чая (на столе должны были по ритуалу стоять цветы), так называемая «рыцарская трапеза». На ней присутствовала, кроме Леонида Александровича и меня, также Вера Робертовна.

Зимой 1926 г. Леонид Александрович сказал мне, что мною закончена 2-я степень Ордена и что я могу считать себя перешедшим на 3-ю степень. Формального перевода при этом не было. Должен заметить категорически, что перевод из степени в степень не давал (мне, по крайней мере, не известно) никаких прав (разве что право иметь розу, что начиналось со 2-й степени).

Наши встречи на почве рыцарского общения с Леонидом Александровичем стали происходить в 1926 г. все реже и реже, отчасти вследствие сердечной болезни Веры Робертовны, отчасти вследствие моей большой занятости и упадка интереса к рыцарской мистике. В конце 1926 г. я перестал посещать встречи орденского характера и наши отношения отошли от рыцарской почвы. В настоящее время я рассматриваю тот период, когда я состоял в Ордене и интересовался его мистикой, отошедшим в прошлое, далекое ныне для меня.

Считаю, что Орден не оправдал свою задачу духовного перерождения человека и что легенды его, иногда, правда, очень искусно построенные, наносят ущерб здравомыслящему человеку, уводят его в облака, отрывают от действительной здоровой жизни и тем наносят ущерб его общественно полезной работе.

Что касается идеологической деятельности, смежной с орденской и связанной с его идеологией, то я такой деятельности не вел. Мне известна была, однако, организация «Храм Искусств», и я читал некоторые ее материалы, проникнутые орденской мистикой. «Храм Искусств» связывал в своей работе деятелей искусства в различных областях и объединял их мистически. Нужно вообще тут заметить, что, по моим наблюдениям, основная деятельность «Ордена Света» лежала в сфере искусства, что объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что образная форма построения легенд наиболее доступно воспринимается деятелями искусства.

Из кружков, связанных с Орденем, я не вел никогда ни одного. Однако мне пришлось по просьбе Нины Александровны НИКИТИНОЙ или же Николая Робертовича ЛАНГА провести несколько (кажется, три или четыре) лекции на тему истории культуры. Лекции эти я прочел на квартире ЛАНГОВ на Немецкой улице, и на них присутствовало человек шесть-семь молодежи, среди которых припоминаю Лелю САМАРСКУЮ, Володю СНО, Марусю (родственницу НИКИТИНЫХ)*.

По вопросу о рыцарях, участвовавших в концертах, имеющих благотворительное значение и связанных с Орденем, точных данных дать не могу, т.к. вообще каждый из рыцарей знал только тех людей как рыцарей, с которыми он имел общение на собраниях отряда. Было абсолютно невозможно спросить и тем более получить ответ, является ли данное лицо рыцарем или нет (Леонид Александрович был весьма суров в этом вопросе). Однако совокупность обстоятельств заставляла меня думать, что в Орден входят из числа лиц, участвовавших в указанных концертах, следующие граждане: САДОВНИКОВ В.И., МАЛЬШЕВА И.М., ОРОЧКО О.Л., м.б., АЗЕЛЬЧЕВСКИЙ (АЗАНЧЕВСКИЙ — А.Н.). Само собой разумеется, что в этих концертах принимали участие также ИВАКИНСКАЯ, ДЕЙКУН и БЛАГОНРАВОВ.

О СМЫШЛЯЕВЕ могу сказать следующее. Знаком с ним довольно давно и встречал его в ГАХНе, 2-м МХАТе и др. местах. Однако это знакомство было очень поверхностно, и длительных встреч у меня с ним не бывало. Он довольно часто в 1925-26 гг. навещал на короткий срок НИКИТИНЫХ, и у меня создалось впечатление, что он играет в Ордене большую роль, чем Л.А.НИКИТИН. Я не в состоянии ука-

зять, кто является в Ордене первым лицом, СОЛОНОВИЧ или СМЫШЛЯЕВ, т.к. у меня нет твердой уверенности в положении их в Ордене. О большем значении СМЫШЛЯЕВА в Ордене, по сравнению с НИКИТИНЫМ, у меня сложилось впечатление оттого, что Леонид Александрович, не ответив мне сразу на предложенные раз или два вопросы, сказал, что спросит у СМЫШЛЯЕВА.

АРЕНСКИЙ Павел Антонович. Что касается АРЕНСКОГО, то могу сказать о нем как о человеке глубоких мистических настроений. Он одно время часто бывал у НИКИТИНЫХ и охотно беседовал на темы, связанные с мистикой. Указать точно, был ли он рыцарем, я не могу.

ЗАВАДСКИЙ Юрий Александрович. Знаком я с ЗАВАДСКИМ давно, но не особенно близко и, встречая его почти всегда только в общественных местах, об участии ЗАВАДСКОГО в Ордене ничего сказать не могу, т.к. не знаю. Думаю, что он был связан с «Храмом Искусств». В частности, припоминаю, что в ГИСе он как-то обмолвился фразой о той роли, которую должен сыграть в искусстве Союза «Храм Искусств». Более чем возможно, что это выражение ничего общего не имело с организацией «Храма Искусств». Года два тому назад встретил ЗАВАДСКОГО в кино и поговорил с ним. На меня произвело впечатление, что острый его интерес лежит в области советской тематики в театре.

СМИРНОВ Евгений Николаевич. СМИРНОВА знаю лет десять по ГИСу и ГАХНу. Он состоял в Ордене с 1925 г. Мне приходилось говорить с ним о легендах. Он воспринимал их несколько иначе, чем я и, как мне кажется, другие. Это связано было с его православно-церковными настроениями.

АДАМОВА. Рыцарь ли АДАМОВА — я не знаю. Однако ее рассказы (она по специальности рассказчица) и легенды проникнуты довольно глубоко мистическими настроениями с рыцарской символикой.

ПОЛЬ Елена Аполлинариевна бывала вместе со мной в гостях у НИКИТИНЫХ в обстановке, довольно сильно проникнутой мистической средой. Сама она является человеком малоактивным вообще. Бывала она также у АРЕНСКИХ, поддерживая дружеские отношения с Верой Георгиевной ОРЛОВОЙ.

ЛЯШУК Сергей Романович. С ЛЯШУКОМ я познакомился у НИКИТИНЫХ, где он одно время бывал довольно часто. Вместе с НИКИТИНЫМИ я несколько раз бывал у него и у его жены в гостях. У ЛЯШУКОВ мне пришлось видеть также СОЛОНОВИЧА с его женой. Там я видел еще два-три лица, имен которых я не могу сейчас выяснить. БЕМА, КУДРЯВЦЕВА и БРЕНЕВА я не знаю.

Что касается книги об истории русского масонства, подаренной мною НИКИТИНУ, то эта книга была подарена в связи с выраженным им желанием иметь 2-й том этой книги, т.к. он имеет 1-й том. Книга эта была подарена ему в какой-то праздничный день.

А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 390-392]

* Эйхова Мария Викторовна.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 23.11.30 г.

Оглядываясь в настоящее время на свои связи с Орденом, я прихожу к выводам, что анархисты гораздо ближе были связаны с ним, чем я предполагал раньше. Хотя на орденских встречах политические вопросы не затрагивались, однако делались указания, что ответы на социально-политические запросы можно получить в Музее им. Кропоткина и в анархической литературе вообще. Анархическая сущность и взгляды ряда лиц, связанных с Орденом, для меня бесспорны. Мне приходилось, в частности, слышать, что мистика орденских легенд несет в себе безвластие. При разговорах с отдельными анархистами, связанными с Орденом, в частности при редких встречах с СОЛОНОВИЧЕМ, я убеждался в их явно антисоветской психологии. НИКИТИН обычно выражал ту мысль, что необходимо найти способы для внедрения анархических идей в искусство. Сталкиваясь преимущественно с представителями мистическо-

го анархизма, я слышал мысли о необходимости основного воздействия на человеческую психику в смысле ее перерождения. Теперь могу сказать то, чего не видел раньше, т.е. что хотя политические задачи этой организации ни разу не проявились, однако по существу она является антисоветской. СОЛОНОВИЧ, близко стоявший к организации, высказывал антисоветские взгляды, такие же взгляды высказывал и Николай Робертович ЛАНГ, хотя с ним разговоров на политические темы я не вел.

Впрочем, припоминаю один спор на даче в Переделкино, где я оспаривал анархистские установки ЛАНГА, заключавшиеся в необходимости антисоветской деятельности путем развития соответствующих кружков. Примерно в 1926 г. я был на квартире СОЛОНОВИЧА и беседовал с ним на тему мистического анархизма. При этом СОЛОНОВИЧ, развивая взгляды о необходимости перестройки человеческой индивидуальности, указал, что одним из важнейших элементов этой перестройки является момент безвластия. Человеческая психика должна, по его мнению, категорически восставать против власти, как проявления тирании. Помню, что при этом он говорил о важности активности самого человека.

Один раз видел СОЛОНОВИЧА с женой у АРЕНСКИХ в большом обществе. Приходилось мне читать лекции СОЛОНОВИЧА (кажется, в 1925 г.). Это был цикл, посвященный критике философии, довольно туманно изложенный. Он был отпечатан на пишущей машинке. В этом цикле давалась резкая, не вполне добросовестная критика марксизма и, несмотря на философский характер этой работы, в ней проскальзывали явно антисоветские моменты. Слышал я также зимой прошлого года в помещении библиотеки Наркомторга от ЛЮБИМОВОЙ о существовании нового цикла лекций СОЛОНОВИЧА, связанных с индусской философией (кажется).

ЛЮБИМОВУ знал немного, считаю ее ярко выраженной и убежденной анархисткой. Кажется, она была тесно связана с СОЛОНОВИЧЕМ.

Что касается ЛЯШУКА Сергея Романовича, то я считаю его разделяющим анархические взгляды. Эти взгляды мне приходилось от него слышать. В частности, я припоминаю, что ЛЯШУК рассказывал о своей совместной общественной деятельности с СОЛОНОВИЧЕМ в МВТУ, где они оба руководили основной ячейкой секции научных работников и имели, таким образом, возможность направлять деятельность этой секции в анархическом направлении. В камере-кладовке 17 кор[идора? — А.Н.], где я сидел вместе с преподавателем МВТУ по математике СОКОЛОВСКИМ, я слышал от последнего, что он хорошо знает СОЛОНОВИЧА, ЛЯШУКА и их друзей. Он рассказал, что действительно СОЛОНОВИЧ и ЛЯШУК играли большую роль в секции научных работников МВТУ и что за ними иногда шли люди, даже не исповедующие анархических взглядов. СОКОЛОВСКИЙ был арестован по делу (по его словам) Артиллерийского комитета.

Мне известна близкая связь (в 1926 г.) СОЛОНОВИЧА с артистом Вахтанговской студии Рубеном Николаевичем СИМОНОВЫМ, который, как мне кажется, придерживался анархо-мистических взглядов.

Считаю, что рыцарский Орден, его мистика и учение объективно являются антисоветскими и служат проводниками анархических идей. Считаю необходимым бороться с этим явлением, а также со всякого рода мистикой и псевдомистическими установками и организациями. Одновременно заявляю, что готов активно бороться со всякого рода проявлениями контрреволюции. А.Поль

Припоминаю, что намечалась и фактически даже отчасти работала тесно связанная с Орденом организация «Братство Милосердия» («Б.М.»), в которой принимали участие НИКИТИНА, КОРОЛЬКОВ др. А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 399-400]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 30.11.30 г.

КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович. Знаю его приблизительно с 1921 или 1922 г. по Государственному Институту Слова, где КОРОЛЬКОВ был студентом литературного

отделения. Как студент он имел репутацию хорошего, усидчивого работника, не проявляющего, однако, творческого таланта. Мне известно, что по окончании Института он пошел по линии библиотечной и книжной работы и был в течение нескольких лет сотрудником библиотеки КУТВа и, кажется, еще какого-то учреждения, затем работал сотрудником книжного магазина на Тверской. По своим взглядам КОРОЛЬКОВ, по моему мнению, имел склонность всегда к мистике, а по своим политическим убеждениям близок к анархизму. Мне известно о его посещениях Кропоткинского музея, знакомстве его с лекциями СОЛОНОВИЧА и вообще с анархическим движением. Кроме того, припоминаю, что он что-то говорил о своих связях с толстовцами. Само собой разумеется, мне известно о его состоянии в рыцарском Ордене с осени 1925 г. Мне известно, что КОРОЛЬКОВ, будучи по природе довольно активным человеком, имел различные задания, например: 1) был первым из организаторов и активных участников библиотеки, связанной с Орденом, о которой мне приходилось упоминать в своих показаниях; 2) был организатором и работником переплетной мастерской, причем я слышал, что он предполагал, что эта мастерская должна давать средства к жизни; 3) был связан с молодежью и, вероятно, вел группы, хотя подробно об этом не знаю ничего определенного. В отношении к советской власти КОРОЛЬКОВ, по моему мнению, не проявлял активно враждебного отношения, был человеком малоактивным в связи со своими анархистскими взглядами.

«БРАТСТВО МИЛОСЕРДИЯ». В 1925 г. мне стало известно у НИКИТИНЫХ о существовании «Братства Милосердия» («Б.М.»), которое было организовано в связи с орденской работой. Никакого участия в Братстве я не принимал, но слышал о нем несколько раз. Оно имело своей задачей (формулирую по памяти):

1) помогать любым нуждающимся без того, чтобы об этой помощи было известно им;

2) каждый член Братства, узнав о нужде кого-либо, должен был или сам, или через друзей прийти на помощь лично, медицинской помощью или вещами, не сообщив, откуда эта помощь приходит.

Членами Братства могли состоять любые лица, но оказывать помощь по просьбе Братства могли также лица, ничего не знающие о существовании Братства. Наиболее активную роль в Братстве играла Вера Робертовна НИКИТИНА, затем КОРОЛЬКОВ, ИВАКИНСКАЯ, ШИШКО, Диодор Дмитриевич и др., имена которых не помню. Знаю, что медицинскую помощь осуществлял доктор ЛИМЧЕР Леонид Федорович (кажется, врач Кремлевской больницы).

ВЕРА МИХАЙЛОВНА (фамилии не помню)*. Познакомился с нею лет 25 тому назад под Ленинградом на ст. Удельной. Знаю ее очень мало. Встретившись в Москве, возобновили знакомство. Видел, однако, крайне редко. Живет она с сестрой в Замоскворечье (сестра ее — Надежда Михайловна ГРИНЕВИЧ).

СМЫШЛЯЕВ Валентин Сергеевич. С моей точки зрения, его роль в Ордене была весьма значительной, может быть, самая значительная, т.е., возможно, он был самым старшим рыцарем Ордена. Мне никогда не приходилось беседовать с ним на политико-анархические темы, и я не думаю, чтобы он имел активный интерес к политическим вопросам, однако не сомневаюсь, что мистический анархизм его глубоко интересовал и он пытался проводить свои взгляды в этой области в ту отрасль, в которой он был специалистом, т.е. в искусство. Сталкивался с ним в области орденской на посвящении ДЕЙКУН и др. на квартире СМИРНОВА, а также и на квартире НИКИТИНЫХ, где он присутствовал при рассказе мне легенды (рассказывал НИКИТИН). А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 405-405об]

* Разумова Вера Михайловна?

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 03.01.31 г.

Дополнительно о СМЫШЛЯЕВЕ. Человек, по-моему, весьма развитый и многосторонний. Мне известно, что помимо своей режиссерской и актерской работы он

вел, кроме того, большую преподавательскую работу и был автором стихов и некоторых литературных произведений. Об отношении СМЫШЛЯЕВА к политическому анархизму ничего сказать не могу, т.к. не говорил с ним на эту тему, но, по моему убеждению, он является мистическим анархистом, по крайней мере в тот период времени, когда я с ним встречался. Преподавательская работа СМЫШЛЯЕВА, как я слышал, была в Студии Большого театра, в Консерватории, где он руководил режиссерским классом, и в Белорусской студии. Мне приходилось неоднократно бывать на постановках СМЫШЛЯЕВА: во Втором Художественном театре (напр., «Орестея»), в Консерватории (напр., «Каин») и т.д. По характеру СМЫШЛЯЕВ представляется мне очень неровным, довольно мягким и в то же время неврастеничным.

АРЕНСКИЙ Павел Антонович. Встречался с ним не особенно часто, очень небольшое число раз бывал у него. Чаще видел его у НИКИТИНЫХ. Несколько раз мы встречались в Художественном театре, в Консерватории и пр. Кроме того, мне пришлось с ним прожить в территориальной близости около месяца на Кавказском побережье. АРЕНСКИЙ — человек, стоящий, по моим убеждениям, вне политики. Его интересы ограничиваются кругом вопросов искусства, духовной жизни и литературы. Насколько мне известно, АРЕНСКИЙ проявлял большой интерес к мистической литературе и интересовался антропософскими книгами. Обладая значительным литературным дарованием, АРЕНСКИЙ последние годы отдался, насколько мне известно, преимущественно литературной работе. Как человек, он представляется мечтателем, мало подготовившим себя к грубой повседневной работе. В частности, мне известно, что АРЕНСКИЙ ежегодно проводит шесть-семь месяцев где-нибудь в деревне или на морском побережье. В отношении анархизма думаю, что АРЕНСКИЙ одно время теоретически интересовался им, но не нашел в нем для себя пищи (вспоминаю беседу на эту тему). Его личная близость и дружба со СМЫШЛЯЕВЫМ в значительной степени была связана с общими взглядами и интересами в области искусства. Что касается участия АРЕНСКОГО в Ордене, то могу сказать, что он действительно состоял в Ордене в качестве ведущего одного из отрядов. К АРЕНСКОМУ мною была направлена моя жена, которую он, после знакомства с ней, посвятил в рыцари первой степени. Затем, насколько мне известно, она отошла от работы в этой области. Должен сказать, что я сам через некоторое время после своего посвящения в рыцари был введен в тот кружок, которым руководил АРЕНСКИЙ и в котором была моя жена. В то время в этом кружке вспоминаю следующих лиц: ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович (литератор), БЕРНЕР Софья Яковлевна и ее муж БЕРНЕР (переводчик), ЗБРУЕВА Нина Павловна (артистка) и ее муж и гражданка, фамилии которой я не помню (лет 19-20, высокая). В этом кружке я пробыл в течение нескольких месяцев, собирался этот кружок на квартире АРЕНСКИХ, Мансуровский, 3, или на квартире БЕРНЕР, около Знаменки. Было это зимой 1925 г. Посвящены эти лица были АРЕНСКИМ и его женой Верой Александровной ЗАВАДСКОЙ.

ЗАВАДСКИЙ Юрий Александрович. Роль его в Ордене мне неизвестна. Известно лишь о тесном соприкосновении его с Орденом, его мы считали рыцарем и человеком, ведущим руководящую или, во всяком случае, крупную работу в «Храме Искусств». Строительство своего театра-студии он мыслил как храм искусства, это было так вначале. Насколько мне известно, впоследствии, соприкоснувшись с живой работой, ЗАВАДСКИЙ отошел от этой своей задачи. Первое время в строительстве Студии его помощником по административной части был Феликс Федорович ГИРШФЕЛЬД. ЗАВАДСКИЙ является всецело человеком искусства, и, насколько мне известно, интерес его к политическому анархизму вряд ли мог иметь место. В то же время он, безусловно, интересовался анархизмом мистическим.

ЕВСТРАТОВА Александра Федоровна. По моему абсолютному убеждению, она не имеет никакого отношения к Орденом. Знакомство с ЕВСТРАТОВОЙ связано с ГИСом, ГАХНом и Ассоциацией Работников Слова, где я часто видел ее. Кроме того, мне приходилось бывать на ее артистических вечерах и вечеринках. Она бывала у нас в гостях несколько раз. Кроме того, я отвел ее к НИКИТИНУ, где она читала

сказки из Шахерезады («1001 ночь») и разные стихи. Сказки эти она читала в нескольких присестов, в довольно большой аудитории – 10–12 человек.

КРУЖОК. Существовал кружок с моим участием в составе обоих ЛЕОНТЬЕВЫХ, СМИРНОВА, КОРОЛЬКОВА и ЛЮБИМОВОЙ (один раз была ВАСИЛЕНКО). Этот кружок под моим руководством устроил несколько вечеринок, составленных по заранее разработанной программе, в которой преобладали мистические элементы или, вернее, элементы, создающие соответственные настроения и общее повышение духовной деятельности. В программу входили: музыка, пение, декламация, балет, художественная читка. Само собой разумеется, что все номера брались из известной всем литературы (Лесков, Рабиндранат Тагор, Блок, Гумилев и др.) Каждый вечер был обычно посвящен какому-нибудь автору, например был вечер Тагора, была также рождественская вечеринка. Одна из этих вечеринок была на квартире родственников СМIRНОВЫХ (Тверская ул.), один вечер был у Даниловской заставы. Из исполнителей припоминаю: АДАМОВУ, ЕВСТРАТОВУ, ВАСИЛЕНКО, ЛЕГАТ (балет), себя, СТЕПАНЕНКО, ШИШКО и брата ЛЕОНТЬЕВОЙ. Предполагалось пригласить Ирину ПОКРОВСКУЮ, но говорили, что она недостаточно хорошо играет. В кружке, устраивавшем эти вечера, четкого распределения ролей не было. Приблизительно они намечались так: у меня – общее руководство, КОРОЛЬКОВ и ЛЮБИМОВА – организация и приглашение посетителей, СМIRНОВ, ЛЕОНТЬЕВЫ и ЛЮБИМОВА – работа над программой, КОРОЛЬКОВ – приглашение исполнителей. Доступ на вечеринки ограничивался недостатком помещения, в среднем бывало 25 человек. Мною была приглашена жившая в нашей квартире ПОЛИВАНОВА Надежда Дмитриевна (библиотекарь), с ней пришла как-то ее подруга. Из знакомых были: МАРКОВ Николай Васильевич, БЛИНОВ Иван Яковлевич, КОЧУКОВА Нина Борисовна (биолог), ШНЕЙДЕР Анна Владимировна (артистка). Помню, был знакомый ЛЮБИМОВОЙ – РОЗЕНБЕРГ, из КУТВа.*

Вечер студии ЗАВАДСКОГО. В прошлом году в Студии ЗАВАДСКОГО был организован вечер в пользу нуждающихся и недостаточных учеников Студии. Вечер этот был организован ВАСИЛЕНКО, и в нем принимал участие ряд лиц, в числе которых были ЕВСТРАТОВА, моя жена, кажется, сама ВАСИЛЕНКО.

Панихида по КАРЕЛИНУ. Присутствовал вместе или врозь с женой на панихиде по КАРЕЛИНУ в помещении Музея им. Кропоткина. На этой панихиде, равно как, мне известно, и на других аналогичных панихидах по КАРЕЛИНУ в том же помещении, исполнялись различные музыкальные и вокальные номера. Из исполнителей припоминаю: САДОВНИКОВА Виктора Ивановича, ЛЯСС, РУМЯНЦЕВА и АФАНАСЬЕВУ. Помню, что имело место исполнение музыкальных номеров. Совершенно не помню, на каком языке исполнялись музыкальные номера, думаю, что на русском.

Вечер в Доме Союзов. Припоминаю, что в 1925 г. (вероятно) на квартире САДОВНИКОВА состоялось собрание группы артистов, на которое была приглашена представительница концертного бюро Дома Союзов. На этом собрании САДОВНИКОВ вел с ней переговоры об организации ряда концертов из лучших художественных сил Москвы по самой низкой расценке. В результате переговоров затея эта распалась в связи с недоговоренностью сторон относительно программы. Имел место один концерт в Доме Союзов. Задачей этих концертов должно было быть духовное воспитание масс в орденском духе. А.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 406-407об]

* По-видимому, имеется в виду Розенберг Рудольф Карлович, род. 31.12.1886 г. в г. Рига, к этому моменту доцент I МГУ, преподаватель немецкого языка и литературы; жил в Москве на Новинском бульваре 101, кв. 10.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЯ А.С. 31.01.31 г.

В последних разговорах моих с СОЛОНОВИЧЕМ мы беседовали по делу неоднократно. В вопросе о происхождении всего процесса СОЛОНОВИЧ считает ви-

новным в значительной степени группу БОРОВОГО-БАРМАША, с которыми у него принципиальная идеологическая борьба. Он никогда не считал, по его словам, их способными на борьбу такого порядка, который привлек в конце концов внимание ОГПУ к данному делу. Он рассказывал, что в заграничной прессе анархического толка в результате действий этой группы была травля его, СОЛОНОВИЧА, травля, носившая доносительский характер. Кроме того, он указал на поразившее его письмо БОГОМОЛОВА в «Правду» с отречением от анархизма. С этим БОГОМОЛОВЫМ он ехал рядом в «вороне» и тот ему подтвердил свое отречение, причем между ними имел место крупный разговор по этому поводу. СОЛОНОВИЧ чрезвычайно поражен жестоким, по его словам, приговором по нашему делу, т.к. он находит, что организационная деятельность носила весьма незначительный характер.

На допросах у следователя СОЛОНОВИЧ указывает, что сначала он весьма настоятельно отнесся к допросу т. КИРРЕ, т.к. слышал весьма страшные вещи о его методах ведения следствия, но затем убедился, что, несмотря на известную суровость и обрывание КИРРЕ СОЛОНОВИЧА при резкостях последнего, первый вел себя, в общем, корректно и сдержанно. СОЛОНОВИЧ рассказывал, что при допросах основное внимание было сосредоточено на его книге о Бакуanine, по поводу которой он должен был давать свои объяснения. Кроме того, спрашивали по поводу листовки, предьявленной ему и не то написанной, не то правленной Ириной УЙТГЕНХОВЕН, на что он указал, что с этой листовкой он не согласен и что, по-видимому, она преждевременно была введена в анархическую секцию Кропоткинского музея, то же сказал и по поводу ОСТРОВА.

Он мне сказал также, что об именах он отказывался отвечать, за некоторым исключением. В частности, он говорил, что ЛЮБИМОВА переписывала его книгу и лекции, последние в значительном количестве экземпляров.

Он указывал, что следователь неоднократно говорил ему, что с ним работал ряд лиц, приносивших большую пользу его идеям, называл, в частности, СМЫШЛЯЕВА, АРЕНСКОГО, НИКИТИНА, ЗАВАДСКОГО и ПОЛЯ. Кроме того, он указал, что о рыцарских орденах и других организациях анархо-мистического характера разговоров на следствии было не много, т.к. сразу объяснил, что никакого отношения к ним не имеет, что это романтика, не имеющая ничего общего с действительной жизнью. Если же ордена и могли существовать, то в этом нет ничего особенного, т.к. они существовали во все времена и эпохи, в них входили многие революционные деятели, в том числе Бакунин, и даже, по неточным и недостаточно проверенным сведениям, Маркс. Он говорил, что его спрашивали о целом ряде организаций, в том числе «Ордене Духа» и «Ясном Городе», где работали анархо-мистики, и сказал, что как будто несколько групп «Ордена Духа» провалились. Об этих организациях я раньше ничего не слыхивал.

На днях мне стало известно, что СОЛОНОВИЧ получил пять лет политизолятора, от кого-то из сокамерников, ездивших на допрос на Лубянку и видевшихся там с сокамерником СОЛОНОВИЧА в пересыльной тюрьме. А.Поль

В кружке, руководимом АРЕНСКИМ, принимал участие в качестве старшего также профессор Дмитрий Дмитриевич БЛАГОЙ. Припоминаю, что он давал ответы на вопросы по легендам. А.Поль

Припоминаю, что СОЛОНОВИЧ указал на ПАСТУХОВА как на человека, игравшего провокационную роль во всем деле. В частности, он указал, что эту роль, по-видимому, сыграл ПАСТУХОВ в деле нижегородских групп.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 250-252]

ПОЛЬ Елена Аполлинариевна
(1901–1993)

Поль Елена Аполлинариевна, родилась 30.09.1901 г. в Москве, в семье артистов Аполлинария Иосифовича Вишневого (1871–1940) и Елены Ивановны Вишнев-

кой, урожд. Махариной (1872—1957). В 1918 г. окончила гимназию; в начале 1919 г. уехала в г. Острогжск, где служила конторщицей на маслобойном заводе; в июне 1920 г. вернулась в Москву, работала машинисткой в Мосгубсоюзе и тогда же поступила в Государственный Институт Слова. В 1924 г. вышла замуж за А.С.Поля. Была участницей рыцарского кружка, который вели сначала Л.А.Никитин, затем М.В.Дорогова и А.А.Сидоров, читавший членам кружка арканологию.

Арестована при допросе 24.09.30 г. в кабинете Э.Р.Кирре по обвинению в участии в подпольной контрреволюционной организации и посещении нелегальных собраний. Содержалась в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Е.А.Поль приговорена к трем годам высылки в Западную Сибирь (райцентр Рыбино Томской области).

По возвращении из ссылки осенью 1933 г. получила развод от А.С.Поля и смогла остаться в Москве благодаря фиктивному браку, позволившему ей сначала изменить фамилию, а затем вернуться к своей добрачной. В дальнейшем работала педагогом вокала и вышла замуж за виолончелиста Павла Алексеевича Шиповского (ум. 22.07.1960), взяв фамилию мужа, которую уже не меняла. Основная ее работа на протяжении долгих лет была связана с Московским педагогическим училищем № 3, а затем со Школой-студией МХАТ, где она проработала до 1977 г. С начала 40-х гг., Е.А.Шиповская поддерживала тесные дружеские связи с А.С.Подем и М.В.Дорогой, продолжавшей на квартире А.С.Поля занятия с кружком мистиков.

Реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

Е.А.Шиповская (Поль) умерла 03.04.93 г. в Москве и похоронена на Введенском (Немецком) кладбище рядом с родителями. Её личный архив находится в РГАЛИ (ф. 3127); опубликованы её воспоминания: *Шиповская Е.А. Исповедь рыцаря Света*. М., 1998.

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 24.09.30 г.

Мировоззрение мужа — отрицание в основе материи и духа, вера в какую-то первооснову, но он не анархист и не мистик. Мое мировоззрение: отрицаю бога и стала думать как о первооснове материи. Помню, в разговоре с мужем я отстаивала точку зрения материалистов, но он заявил, что это неверно, ибо мертвая материя не может дать жизни, но в то же время он не мог мне привести достаточно убедительных доказательств в подтверждение своих взглядов. Полагаю, что он сам этого не понимает.

Приблизительно года три или три с половиной я по приглашению моего мужа бывала у НИКИТИНЫХ на вечеринках, причем каждый раз я там встречала двух-трех человек, мне не известных. Из посещавших НИКИТИНЫХ знаю АДАМОВУ Елену, ПОКРОВСКУЮ Ирину, КОРОЛЬКОВА Павла, моего мужа, САМАРСКУЮ Елену (Лёку); ЛЕОНТЬЕВА лично знаю, но у НИКИТИНЫХ не видела его. Больше никого из присутствовавших на вечеринках у НИКИТИНЫХ по фамилиям не знаю. На этих вечеринках читали стихи, АДАМОВА рассказывала что-то, докладов никто не делал; знаю, что НИКИТИН собирался делать доклад об Атлантиде, но у себя не делал, делал его в Академии.

Бывали мы с мужем у СМИРНОВА, и они бывали у нас, с ними мы жили в этом году на даче, ст. Переделькино по Брянской ж.д., ШИШКО знаю, видела его в Детском театре; ЗАВАДСКОГО знаю, ибо меня познакомил кто-то в один из вечеров в театре; ВОДОВОЗОВА знаю по Институту Слова, ЛЮБИМОВУ знаю, кажется, видела у НИКИТИНЫХ; ИВАКИНСКУЮ знаю по Институту Слова, БАРКОВ ее муж; ДЕЙКУН я застала у ИВАКИНСКИХ, где она была со своим мужем, БЛАГОНРАВОВЫМ; АРЕНСКОГО знаю, т.к. познакомилась на Кавказе на ст. Лоо. СМИРНОВА я считаю недалеким человеком.

По моему мнению, все названные мною лица по мировоззрению не материалисты, за исключением ВОДОВОЗОВА, который говорит, что все это чепуха — всякие

духи и т.п. На вечеринке у НИКИТИНЫХ АДАМОВА читала что-то о черепахе. Читались стихи Блока, Гумилева и др. Эти вечеринки были очень скучные, т.к. в большинстве приходилось сидеть и ничего не делать. Нахожу, что если и существует организация рыцарей, то люди, названные мною, если и состоят в этой организации, то никоим образом они, по моему мнению, не могут быть против советской власти, а также сама организация не может быть контрреволюционной. СОЛОНОВИЧА я знаю, потому что он как-то случайно читал лекции в Институте Слова.

Протокол мной прочтен и записан правильно с моих слов.

Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 419-419об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 25.09.30 г.

<...> НИКИТИНА Леонида Александровича, ШИШКО Владимира Федоровича, ДЕЙКУН Лидию Ивановну, БЛАГОНПРАВОВА, БАРКОВА, ИВАКИНСКУЮ, ЛЮБИЦКОГО Георгия Александровича, КОРОЛЬКОВА, Феликса Федоровича (как фамилия — не знаю) — этих людей я встретила у НИКИТИНЫХ, но большинство в разное время. Собирались же мы этим десятком главным образом у ИВАКИНСКОЙ, вернее, только у нее на квартире. Во время сборищ почти никогда не бывали в полном составе, т.к. артисты БЛАГОНПРАВОВ и ДЕЙКУН часто отсутствовали. Отсутствовал также часто и ШИШКО. Собрания происходили приблизительно раз в месяц.

На собраниях высказывались почти все, т.к. имелось в виду, что каждый должен себя как-то проявить, сказать что-либо. Говорилось о древнем Египте, рассказывали о своих личных хороших поступках. Так, хорошо помню, что ЛЮБИЦКОМУ и КОРОЛЬКОВУ, не имеющим отношения к искусству непосредственно, предлагалось рассказывать о своих хороших поступках. Такое задание они получили на одной из вечеринок также у ИВАКИНСКОЙ. Говорилось вообще об искусстве в плоскости — как лучше подействовать на людей посредством искусства. Считали, что надо устраивать концерты и каждому на этих концертах проявлять себя, кто как может в качестве исполнителя. Организовался кружок по искусству таким образом: как-то пришла к ИВАКИНСКОЙ и на ее квартире застала несколько человек. Шел разговор об искусстве, и решили создать кружок по искусству. Значительно позже НИКИТИН говорил о «Храме Искусств», упоминал, что в древнем Египте были такие «Храмы Искусств». В этих «храмах искусств» были три степени: первая, самая низшая, когда человек только овладевает каким-либо из видов искусства; вторая и третья — более высокие. Причем говорилось, что задачей каждого является заниматься искусством, если он имеет к нему какое-либо отношение, для того, чтобы через это искусство действовать облагораживающе на людей, тогда он и сам станет лучше. Сроков никаких не намечалось. Не помню, говорила я мужу или нет о существовании указанного мною кружка.

Протокол мною прочтен и записан правильно с моих слов.

Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 422-423]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 29.09.30 г.

Насколько помню, в 1925 г. я была посвящена в рыцари I-й степени «Храма Искусств» НИКИТИНЫМ Л.А. в присутствии почти всех, входивших в наш кружок. Посвящение происходило на квартире ИВАКИНСКОЙ. При посвящении говорили несколько слов, прикасались рукой к плечу и говорили: «Встаньте!» Посвященный должен был дать обещание хранить тайну и быть мужественным и смелым (как рыцарь). На собраниях, когда присутствовал НИКИТИН, имелась белая роза — у него или она лежала на столе. Роза означала символ чистоты. Легенды, рассказываемые НИКИТИНЫМ, по своему содержанию очень непонятные и запутанные, похожи на самую фантастическую сказку. Я полагаю, что НИКИТИН сам это сочиняет. На одном из собраний зашел разговор о том, почему члены кружка должны называться рыцарями; НИКИТИН ответил, что это подразумевает, что «качества, которые име-

ют члены кружка, такие же, как имели средневековые рыцари, с той только разницей, что тогда все происходило на земле физического свойства, а теперь доблести рыцарей должны быть доблестями духовными».

Протокол мною прочтен и верно записан с моих слов.

Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 423-423об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 30.09.30 г.

СМИРНОВА и КОРОЛЬКОВА я знаю по Институту Слова еще с 1920 г., с ними вместе я училась. Тогда же узнала и ИВАКИНСКУЮ, которая тоже училась там. С НИКИТИНЫМ меня познакомил муж, который с ним был знаком раньше. Насколько помню, первый раз к НИКИТИНЫМ я пошла вместе с мужем. По всей вероятности, на вечерах у НИКИТИНЫХ я была раза два и одна, без мужа. У ИВАКИНСКОЙ я часто бывала на вечеринках. Бывала на вечеринках у НИКИТИНЫХ, а также у ИВАКИНСКОЙ. Как-то я встретила у ИВАКИНСКОЙ, НИКИТИНА и еще несколько человек, предполагала, что у нее гости, и осталась. В разговоре затрагивались вопросы искусства и его значения, причем решили встретиться еще раз, назначив день. Мне показалось, что такой разговор шел не впервые, имел место и раньше. После посещения мною нескольких собраний я была посвящена в рыцари Ордена «Храма Искусств». На этих собраниях говорили о работе над собой, воспитании духа, твердой воли и избавлении от имеющихся недостатков (помощь близким), а в области искусства — овладевать отраслью искусства для того, чтобы через нее влиять на людей облагораживающе, т.к. искусство может смягчать дурные инстинкты и пробуждать лучшие чувства.

Собрания кружка бывали двух видов: 1) на которых рассказывались легенды НИКИТИНЫМ и 2) деловые, когда члены Ордена обсуждали виды нашей работы. Собрания чередовались, но не строго. Собрания происходили приблизительно раз в месяц. Кружок просуществовал приблизительно год, после чего распался, т.к. все начали выходить из кружка. Насколько помню, первым из кружка ушел ШИШКО. Мужу о том, что была посвящена в рыцари, я не говорила, т.к. было сказано, что не надо говорить никому, даже самым близким. Говорил ли НИКИТИН ему об этом — я не знаю, но считаю, что нет.

Припоминаю, м.б. с большими неточностями, легенду о рыцаре, нарушившем три раза свой обет. В первый раз он обещал помочь другу, а на пути, встретив женщину, окруженную разбойниками, оказал помощь женщине, но опоздал к другу. Во второй раз из-за женщины он отказался помочь вдове, чем лишил ее возможности выиграть дело в суде об имуществе, которое она потеряла. Когда же он захотел жениться на этой женщине, она обернулась дьяволом. Третий случай не помню, но смысл тот же, что из-за личного интереса кому-то не помог. Идеи, вытекающие из этого: 1) человек абсолютно свободен в выборе, как поступить в том или другом случае, и 2) за несдержанное слово он всегда расплачивается.

Боюсь, что смысл последней фразы мною передан неверно, сейчас совершенно не помню, как еще объяснить эту легенду.

Вторая — о каком-то храме, построенном неизвестно где, вне времени и пространства с целью подействовать на психику существ, находящихся в том месте, обладавших еще звериными инстинктами и не осознавших себя.

Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 427-427об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 14.10.30 г.

Вспоминаю одну из вечеринок, которая называлась «праздником» и происходила 25 декабря. Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. Кроме того, на столе лежало Евангелие, заложенное голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего из присутствовавших о том, есть ли

совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. После руководитель рассказывал какой-то миф, содержания которого совершенно не помню. Праздник закончился чтением хором какого-то стихотворения. Забыла прибавить, что на стене висело изображение рыб, а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к какому-либо действию. Это происходило на квартире ИВАКИНСКОЙ. Присутствовали все члены кружка, т.е. ШИШКО, ЛЮБИЦКИЙ, КОРОЛЬКОВ, ДЕЙКУН и БЛАГОНРАВОВ, ИВАКИНСКАЯ и БАРКОВ, НИКИТИН и я.

Говорилось, что в дальнейшем должны были быть еще праздники, кажется, был еще один, но что именно происходило — совсем не помню, т.к. он был похож на первый.

Вспоминаю, что однажды была на одном из концертов, кем организован — не знаю, в котором принимали участие ДЕЙКУН и БЛАГОНРАВОВ.

У нас была библиотека, причем книги были переписаны и оставались на руках того, кто их имел. Часть книг находилась у КОРОЛЬКОВА.

О переплетном деле я знаю только то, что ВОДОВОЗОВ умел переплетать книги, чему научился в тюрьме. В тюрьму же он попал, кажется, за то, что уехал раньше срока со службы из Средней Азии.

Относительно карточек дело было так: в один прекрасный день муж мне показал пачку открыток, среди которых были фотографии членов царской семьи. Он их нашел среди старых, нам не принадлежащих вещей и хотел сохранить их, т.к. они были хорошо изданы и художественны.

Елена Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 430-430об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 24.10.30 г.

Об Ордене «Храм Искусств» я узнала от мужа, который приблизительно в 1924 г., как я считаю, случайно об этом проговорился. Так как все это мне показалось любопытным, то я спросила, не могу ли я об этом что-нибудь узнать. Оказалось, в то время это было невозможно, а позднее, когда организовался кружок НИКИТИНА, я была принята в него на квартире ИВАКИНСКОЙ, в комнате ее мужа. Прослушав несколько мифов, я была переведена во 2-ю степень. Отличие между степенями заключалось в знаке приветствия (в 1-й руки складывались крестом низко, во 2-й рука клалась на грудь или на талию, одна рука). Затем каждый мог иметь белую розу и присутствовать при посвящении во 2-ю степень. Младший рыцарь не мог знать о том, что делает старший, а старший может. Об этом я слышала от своего мужа. Во 2-ю степень мы перешли в конце зимы; вскоре после этого, прослушав один миф, кружок был распущен на лето. Осенью было несколько собраний, причем многие стали посещать их очень неаккуратно. Прослушан был еще один миф, и затем было решено все прекратить, т.к. не чувствовалось у всех больше к этому интереса. НИКИТИН, находя, что интерес к этому все больше и больше пропадает, предложил наш кружок закрыть.

В кружке были КОРОЛЬКОВ, Феликс Федорович, ИВАКИНСКАЯ с мужем, ДЕЙКУН и БЛАГОНРАВОВ, ШИШКО, ЛЮБИЦКИЙ, временно СМИРНОВ и я. Все были переведены во 2-ю степень НИКИТИНЫМ. Относительно СМИРНОВА не помню. Кружок должен был состоять из 10 человек, но говорилось, что он может быть и в 5 человек, т.к. это удобнее при существующих квартирных условиях.

На празднике, о котором я говорила в прошлый раз, читался хором гимн [архангелу] Михаилу.

К нашему кружку АРЕНСКИЙ не имел никакого отношения. С АРЕНСКИМ я познакомилась на одном из концертов, несколько лет тому назад.

Узнав о существовании Ордена, я из любопытства захотела попасть в него. Те идеи, которые там внушались, казались мне высокими и благородными, поэтому я продолжала там находиться. Идеи эти состояли в служении человечеству путем работы над собой, чтобы через личное усовершенствование улучшать и других, а также в помощи людям.

Находясь в заключении и узнав из показанных мне документов, что Орден имел и другие цели, а именно свержение советской власти, о чем я до последнего момента не имела понятия (иначе ни одной минуты не осталась бы там), я отказываюсь от участия в нем, считая его контрреволюционным, и считаю необходимым борьбу с таковыми, как вообще со всякой контрреволюцией. Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 430об – 431]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 30.10.30 г.

У нас была книга по масонству. Ее подарил мужу, кажется, НИКИТИН. Это большая книга в коричневом переплете, на котором нарисованы две перекрещивающиеся кости. Относительно двух масонских книг, подаренных НИКИТИНУ с надписью моей и мужа, я совсем не помню. Представляю, что могло быть так: мой муж, купив где-то эти книги, предложил мне сделать на них надпись. Возможно, я это и сделала. О КАРЕЛИНЕ я узнала, только когда он умер. На похоронах его я не была.

О масонстве я вообще ничего не знаю и никогда не интересовалась. Елена Поль
[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 431об]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 08.12.30 г.

Относительно АРЕНСКОГО я знаю, что он руководил кружком, в который попал мой муж. Позднее я познакомилась с его женой, Верой Георгиевной ОРЛОВОЙ. Я встретила с ней и подружилась раньше, чем она вышла за АРЕНСКОГО, и бывала у ней. Последние года два я бывала очень редко, т.к. была постоянно занята в техникуме. У моего мужа был кружок, в который входила ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна, ЛЕОНТЬЕВ Константин Иванович и его жена, Надежда Алексеевна, СМИРНОВ Евгений Николаевич и КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович. Иногда кто-нибудь из них заходил к мужу, который просил меня уйти во время разговора. Собраний этого кружка при мне ни разу не было у нас. Я знала, что муж несколько раз ездил на Немецкую улицу, кажется, читать какие-то лекции. Кто там бывал, я не знаю, кажется, там бывала САМАРСКАЯ и еще какие-то барышни.

Когда прекратился кружок НИКИТИНА, то через некоторое время моему мужу был поручен другой, в который из нашего (Никитинского) вошли КОРОЛЬКОВ П.Е. и СМИРНОВ Е.Н., остальные вышеупомянутые в состав нашего кружка не входили. Елена Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 434]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 23.01.31 г.

Несколько лет тому назад была с мужем на гражданской панихиде КАРЕЛИНА в Кропоткинском музее.

Один раз в нашей квартире собрался кружок, руководимый АРЕНСКИМ. В нем участвовала, кроме меня и мужа, Софья Яковлевна БЕРНЕР. С ЕВСТРАТОВОЙ я познакомилась в Институте Слова и несколько раз встречалась с ней на вечерах. Два раза она была у нас. Весной 1930 г. участвовала вместе с ней на вечере в Студии ЗАВАДСКОГО в пользу Студии по приглашению одной из учениц Студии – ВАСИЛЕНКО. Е.Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 437]

ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬ Е.А. 13.02.31 г.

У нас в квартире жила Надежда Дмитриевна ПОЛИВАНОВА. Приблизительно в 1920 г. она приехала из Вятки, чтобы поступить в вуз. Она его окончила, поступила на службу библиотекарем в Наркомзем, где работает и сейчас. Она очень скромная и застенчивая, все еще провинциалка. В прошлом году она вышла замуж и уеха-

ла от нас. Теперь у ней маленький ребенок. В течение всего этого времени она несколько раз приходила к нам, правда, очень редко, главным образом когда слышала музыку и пение. На вечеринке где-то у Даниловской заставы, кажется, она с нами была, но наверное сказать не могу. Этим летом она жила с нами на даче.

На Рождестве (не помню, в каком году) у матери Татьяны Дмитриевны СМИРНОВОЙ в числе приглашенных была Ольга Эрастовна ОЗАРОВСКАЯ, которая теперь живет в Ленинграде. Это старушка, лет 60, бывшая преподавательница в Институте Слова, известная рассказчица русских сказок и былин.

Относительно деятельности Ордена я ничего больше не знаю. Елена Поль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 437-437об]

ПРОФЕРАНСОВ Николай Иванович (1885–1934)

Проферансов Николай Иванович родился 23.10.1885 г. в г. Бобруйске Минской губернии в семье чиновника, имевшего чин титулярного советника. Мать — Мария Георгиевна Проферансова. С 1904 г., будучи учеником 7-го класса тульской гимназии, Проферансов попал под надзор полиции из-за активной пропагандистской деятельности, связанной с Тульским комитетом РСДРП. 23.10.1904 г. он был арестован в г. Варшаве, препровожден в Тулу и заключен в Тульскую губернскую тюрьму, откуда освобожден под залог 05.04.1905 г. Вторично арестован в Москве 20.03.1908 г., когда во время обыска у Проферансова было обнаружено «много брошюр и прокламаций противоправительственного содержания», и приговорен к 10 месяцам тюремного заключения.

В 1912 г. Проферансов был уже женат (жена — Ефросиния Михайловна Проферансова, «синдикалистка по убеждению») и являлся фактическим редактором газеты «Мир». В 1920–1922 гг., согласно собственным показаниям и показаниям Я.Т.Чаги, был лектором Народного университета в г. Пятигорске. Дальнейшие сведения о Н.И.Проферансове содержатся в его показаниях от 15.08.30 г., когда он работал техническим редактором в Большой Советской Энциклопедии и жил в Москве, в Хлебном переулке, д. 9, кв. 12. К этому времени Проферансов разошелся с первой женой, от которой у него был сын Юрий, 1910 г. рожд., студент Горной академии, дочери Ирина, 1906 г. рожд., студентка Ленинградского университета, и Елена, 1907 г. рожд., студентка 1-го МГУ, а сам он был женат вторым браком на Юлии Митрофановне Аносовой, урожденной Бутусовой, бывшей жене Г.И. Аносова.

Сведения о жизни и деятельности Н.И.Проферансова чрезвычайно скудны. Можно полагать, что он познакомился с А.А.Карелиным в 1918–1921 гг., став одним из наиболее активных его сподвижников в распространении орденового движения и литературы. Так, с Проферансовым напрямую связан «Орден Духа», возникший в студенческой среде Нижегородского университета в 1924–1925 гг.; определенные связи у него были с мистиками и богоискателями сочинских кружков, в частности с Я.Т. Чагой, ему принадлежит «Легенда о рыцаре де Лонгле», с большой долей вероятности — часть других орденовых легенд и какие-то сочинения на темы средневекового рыцарства, ходившие в орденовом «самиздате». Кроме того, теперь достоверно известно из письма И.Н.Иловайской (по «делу» — И.Н.Уйттенховен-Иловайская) от февраля 1995 г., что именно Проферансов был руководителем рыцарского кружка, в который она входила после посвящения, полученного от Б.М.Власенко.

Проферансов был арестован 14.08.30 г. в Новой Мацесте (Сочи) на квартире Н.З.Дешевой и Я.Т.Чага; допрашивался в Сочи, затем 21.09.30 г. по требованию ОГПУ был отправлен в Москву вместе с Н.А.Ладыженским, где содержался в Бутырской тюрьме. При обыске 11.09.30 г. на его квартире в Хлебном переулке изъята переписка, рукописи, восемь экземпляров «Бюллетеня памяти Кропоткина», одна книга А. Белого, книга «Жизнь и деяния Бакунина» и четыре фотографии. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Проферансов приго-

ворен к пяти годам тюремного заключения в Челябинском политизоляторе, однако решением ОСО ОГПУ от 09.07.33 г. освобожден досрочно с отбыванием оставшегося срока ссылки в Средней Азии.

Умер 12.03.34 г. Место смерти неизвестно. Основанием для даты смерти Н.И.Проферансова служит следующий документ в материалах дела «Ордена Света»: Постановление (сов. секретно). 09 октября 1938 г., я оперуполномоченный 3 отделения 2 отдела УБ НКВД Лебедев Н.А., рассмотрев дело-формуляр № 9389 на ПРОФЕРАНСОВА Николая Ивановича 1885 г. рождения и найдя, что Проферансов Н.И., осужденный за контр-революционную деятельность как украинский националист (так! — А.Н.), умер 19.03.34 г. (Справка 1-го Спец. Отдела НКВД). Постановил: дело дальнейшей разработкой прекратить и сдать в архив 8-го отдела ГУГБ НКВД.» [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, л. 495].

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 02.09.1975 г.

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 15.08.30 г.

Сообщаю о себе следующие сведения: мне 44 года, сын оружейного мастера Тульского оружейного завода. Высшее образование: университет Шаняевского, историко-философское отделение. В царское время принимал участие в революционном движении. С 1903 г. вел работу в рабочих кружках в г. Туле. В 1904/5 г. привлекался по делу Тульского комитета РСДРП(б). В 1906/7 г. работал в военной организации РСДРП(б), в частности в нелегальной типографии в Москве. В 1909/10 гг. сидел один год в Казанской тюрьме за хранение нелегальной литературы. В 1917 г. был в числе делегатов 1-й запасной артиллерийской бригады, перешедшей на сторону революции. В марте 1917 г. — член Московского Совета солдатских депутатов и редактор газеты «Советы» и «Солдат-гражданин». В Октябрьскую революцию — секретарь районного Совета «Благуша-Лефортово» в Москве, затем член Коллегии школ взрослых Наркомпроса. Позже — помощник ученого руководителя в Институте Маркса — Энгельса, с 1926 г. технический секретарь Большой Советской Энциклопедии. По убеждениям теоретически сочувствую анархическому коммунизму, но ни в каких организациях нелегального порядка при советской власти никогда не участвовал.

Знакомые по Москве: академик В.П.ВОЛГИН, профессор А.А.СОЛОНОВИЧ; знают меня Н.И.МУРАЛОВ, В.Н.ФИГНЕР, С.Г.КРОПОТКИНА, Н.К.ЛЕБЕДЕВ — секретарь Кропоткинского музея, но все эти лица ни в каком организационном отношении со мной не были связаны, и знакомства эти носят личный характер. С Петром Алексеевичем КРОПОТКИНЫМ встречался в 1918 г., когда я был редактором еженедельника «Рабочая жизнь». Был знаком (поверхностно) с А.А.КАРЕЛИНЫМ — был у него несколько раз, последний раз был у него в квартире, кажется, в 1925 году, зимой. Познакомился с ним приблизительно в 1923—1924 гг.

С ЛАДЫЖЕНСКИМ Николаем Алексеевичем я не знаком. БОГОМОЛОВА Николая Константиновича я встретил впервые, по-моему, у КАРЕЛИНА. С Яковом Трофимовичем ЧАГОЙ познакомился в 1920 или 1921 г. в Пятигорске, где я читал лекции в Народном университете, в котором он иногда бывал.

Оккультизмом в узком смысле не интересовался. Теософическая и антропософическая литература мне абсолютно чужда. Существовал у меня интерес к сектантским движениям, как к одному из элементов возможной социалистической работы в деревне — так мне казалось в 1918—1923 гг., но никакой работы с сектантами я не вел. К этому добавляю, что я готов давать показания лично о себе, но мне было бы, как старому революционеру, немисливо давать какие бы то ни было показания, которые могут так или иначе нанести вред и беспокойство людям, с которыми я ничего общего не имею. Я уверен, что у соввласти есть достаточно возможностей устанавливать необходимые ей факты и помимо моих показаний о других людях.

Н.Проферансов

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 24.08.30 г.

В предъявленном мне обвинении в участии в нелегальной политической организации, ставившей своей целью проведение в жизнь анархических идей через различные религиозные и другие объединения, виновным себя не признаю и по существу дела показываю, что после Октябрьской революции ни в каких политических группировках не состоял. По существу заданных мне вопросов показываю:

1) Предъявленный мне устав кружка без определенного заглавия, начинающийся словами «Я емь дверь...» и пр. — я никогда не видел, также не видел ничего подобного. По своему содержанию этот устав имеет тенденции религиозного анархизма.

2) Предъявленную мне рукопись «Рыцари и короли Грааля» я знаю, видел книгу Юли на немецком языке, по-моему, она имеется в Институте Маркса и Энгельса в Москве, когда я там работал с 1923 по конец 1925 г., заведовал кабинетом, где хранилась литература по истории социализма.

3) Предъявленную мне рукопись «Голубой Арл» я не читал и нигде не видел; отпечатанную рукопись, начинающуюся словами «Современное человечество...», также не видел; космогонию манихейцев — не видел, идеал манихейства мне знаком, когда-то о манихействе читал; «Атлантиду» не читал; «Послание немногим» — не читал, это что-то вроде толстовства. «Наяву или во сне», «Два Калиостро», «Он ли это?» — не читал и не видел. «О страданиях» Николаева тоже не читал, это толстовское; «Похождения бесподобного рыцаря Дон Кихота» — также не читал.

4) Относительно современного Ордена тамплиеров мне ничего не известно; мельком я как-то слышал в Кропоткинском Комитете, года три-четыре тому назад, что у арестованных в Москве анархистов спрашивали в ОГПУ об Ордене тамплиеров; кто это мне говорил — не помню. Кто из анархистов тогда был арестован — не помню.

5) С БОГОМОЛОВЫМ Николаем Константиновичем я встречался несколько раз в Кропоткинском музее, на заседаниях комитета. Это было в 1923, 1924, 1925, 1926 годах. После 1926 г. он был у меня дома несколько раз, я у него бывал. Последний раз мы встречались с ним месяца три-четыре тому назад, у меня. Разговоры касались его службы, рыбной ловли, отдыха и вообще носили пустопорожный характер. Также и о делах Кропоткинского музея, где БОГОМОЛОВ был членом Комитета.

6) Таких случаев, когда бы при наших разговорах присутствовал кто-либо другой, — не было. Это объяснялось случайностью. На какие-либо религиозные или мистические темы мы никогда не разговаривали.

7) Таких случаев, когда бы приходил, в частности, молодой человек БОРМОТОВ Александр Васильевич к БОГОМОЛОВУ и там был я, — я не помню. Такого случая не было. ЛАДЫЖЕНСКОГО Николая Алексеевича никогда не знал, у БОГОМОЛОВА или у себя в доме не видел. Предъявленная мне фотография ЛАДЫЖЕНСКОГО мне не знакома.

8) У КАРЕЛИНА я бывал в 1923-25 гг., может быть, в начале 1926. Такие случаи, что я встречался там с БОГОМОЛОВЫМ, — бывали. СОЛОНОВИЧА у КАРЕЛИНА как будто не встречал. БОГОМОЛОВА с СОЛОНОВИЧЕМ, или наоборот, также не встречал. МИРТОВА не знаю, с ним не встречался.

9) О моем политическом мировоззрении. Считаю себя по убеждениям близким к анархическому коммунизму. Являюсь противником иных воздействий на мировоззрение, кроме путем убеждения методом пропаганды анархизма. Считаю возможным работать в учреждениях соввласти.

Протокол мне прочитан, записан с моих слов, правильность подтверждаю.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 455-456]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 25.08.30 г.

Относительно заданных мне вопросов сообщаю:

1) Черновики «Волков. Вятская губерния» с написанными мною на обороте за-

метками о Диккенсе на английском и русском языке взяты мною из черновых материалов, напечатанных в БСЭ.

2) Обрывки с записанными мною на обороте заметками «Цвейг о Диккенсе» взяты мною из черновых материалов БСЭ.

3) Обрывки с написанными на них карандашом моими заметками о Диккенсе из материалов, напечатанных моей женой, — это перевод, сделанный мною, книги Баумена «Новый мир. Проблема политической географии». Машинку я одалживал у Ирины Николаевны УЙТТЕНХОВЕН.

4) С ЧАГОЙ я познакомился в 1921 г. в Пятигорске. Он посещал доклады и лекции, которые читались в Народном университете на исторические и историко-литературные и философские темы. Читал Николай Глебович ВИНОГРАДОВ, академик КИСТЯКОВСКИЙ, читал я, читал МАЛЬШЕВ. Я читал два доклада по философии истории и о Толстом. Основной контингент посещавших лекции были слушатели Народного университета, и посещала всякая желающая публика.

5) Научно-философского кружка при мне не было, и поэтому я, естественно, никогда не был его руководителем.

6) С ЗЕНКОВЫМ Леонидом Евлампиевичем я не знаком. С БАУТИНЫМ Николаем также не знаком. С АЛЕКСЕЕВЫМ, толстовцем, также не знаком.

7) С ЛОБОДОЙ Натальей Митрофановной также не знаком. Видел ее на пароходе, называли там, что это ЛОБОДА, но кто называл — не знаю.

8) Мое отношение к религии. Я не принадлежу ни к какой религиозной школе, секте, церкви, но я не назвал бы себя материалистом. Мне симпатично то, что я представляю себе как первоначальное христианство, и среди русских революционеров, бакунистов, я встречал таких, которые могли сочетать большую революционность с религиозностью, в частности некоторые представители кружка долгушинцев, они мне очень симпатичны. Существующие всякого рода церковные организации я считаю идущими совершенно вразрез с моим мировоззрением.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 468-468об]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 03.09.30 г.

В развитие моих показаний о моем политическом мировоззрении.

Принципиальная установка моя такова, что мне чужда идея какого-либо насильственного переворота. Я думаю, что выход из всех экономических и других затруднений, которые переживает наша страна, может быть найден путем превращения существующих рабочих организаций (профсоюзов) в организации действительного рабочего самоуправления и путем развития колхозов и сельскохозяйственных коммун на началах абсолютной добровольности и хозяйственной целесообразности. Я думаю, что сами правящие сферы под влиянием уроков истории будут сами расширять сферу самостоятельности рабочих организаций и таким образом осуществится рабочее самоуправление. Я считаю, что в современной политике, поскольку преобладает инициатива сверху, создаются условия, чрезвычайно затрудняющие экономическое возрождение страны. Для того чтобы страна возродилась, считаю необходимым абсолютное устранение нажима сверху. Советский строй считаю лучшим из всех возможных до установления анархического общества.

Сам я анархист-коммунист, примыкаю к этому течению приблизительно с 1920 г., до того времени я был анархистом-синдикалистом. В анархических федерациях никогда не состоял, т.к. не встречал такой организации, в которую считал бы возможным для себя вступить. Моя эволюция из синдикалистов в анархисты-коммунисты произошла путем моего собственного анализа окружающей действительности и отчасти под влиянием П.А.КРОПОТКИНА, с которым я встречался в 1918 г. В царское время я вел синдикалистскую нелегальную работу в Москве и одно время издавал рабоче-синдикалистский журнал-еженедельник «Мир» (в Москве). В 1917 г. написал брошюру по синдикализму, до Октябрьской революции вышла она легально,

называлась «Стачка, рабочий союз и синдикализм». При сов-власти в 1918 г. в Москве был редактором ежедневной газеты «Рабочая жизнь». Позже никакой анархической работы не вел.

В Москве из анархистов я более или менее близко знаком с БОГОМОЛОВЫМ Николаем Константиновичем. Он бывший секретарь ВФА. Приблизительно в 1923 г., точно не знаю, познакомился я с ним примерно к этому времени, должно быть, в Кропоткинском Комитете. Знаком также с КРОПОТКИНОЙ (вдовой П.А.КРОПОТКИНА), она также анархистка. Затем с БОРОВЫМ Алексеем Алексеевичем — с ним знаком еще до революции, также анархист. Встречался раньше с анархистом ХАРХАРДИНЫМ, примерно в 1919-20 гг. Знаком с СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем Александровичем. С ним познакомился примерно в Октябрьскую революцию. Затем встречался с ним до 1926 г. После не виделся, просто не приходилось. Главным местом встречи с анархистами был Кропоткинский Комитет. Последние года три там не бывал в силу своей занятости. Других анархистов, более или менее близко знакомых, у меня там не было.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 470-471]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 04.09.30 г.

По существу заданных вопросов показываю:

1) Категорически отрицаю, что я вводил ЧАГУ в какую-либо организацию, в частности в Орден тамплиеров-розенкрейцеров. В 1926 г. в Москве он у меня действительно был, заходил на Хлебный переулок, 9, кв. 12, — но по чисто личным вопросам.

2) Мистической литературы я никогда ему никакой не давал.

3) В Москве живу на Хлебном, 9. Семья живет — Арсеньевский [пер.], 28-273. На Хлебном я живу с 1923 г. сначала потому, что не мог поселиться с семьей, а потом разошелся с ней фактически в 1923-24 гг., а юридически в 1929 г. Теперь я живу один от новой семьи потому, что не успел обменять комнату. Второй раз я женат с декабря 1929 г.

4) Розы и креста у меня нет, крест есть у меня, лежит в столе, у жены висит на стенке, но без розы, никакой розы у меня или у жены нет.

5) В дополнение к моим показаниям о моем мировоззрении. Приблизительно с 1910—12 гг. я перестал быть материалистом и когда стал анархистом, то не считал, что для анархиста обязательно быть материалистом. Я считал и считаю, что в социализме и анархизме сущностью их являются требования, которые общи с требованиями первоначального христианства, именно — общечеловеческая солидарность и любовь к каждому человеку. Первоначальное христианство привлекает меня также тем, что отрицает собственность, государственную власть и стоит за экономическое равенство. В связи с этим я стал думать, что задачей анархистов в условиях советской действительности является пересмотр старого отношения к религиозным проблемам, обоснование синтеза анархического мировоззрения и мировоззрения первоначального христианства и обоснование новой философии анархизма — осуществление в жизни таких учреждений, которые бы вытекали из этого синтеза (анархии и религии).

Мне представляется это возможным в результате длительной работы (в течение десятилетий) над просвещением в этом духе народных масс. Под такими учреждениями я мыслю всякого рода союзы, артели, коммуны, создаваемые на принципах религиозно-философского анархизма. Я не считал невозможной такую работу в современных условиях, считаю, что дальнейшее укрепление советского строя создает условия, еще более благоприятные для такого рода работы. Основываясь примерно на существовании толстовских коммун, я думаю, что в таких коллективах можно вести анархическую работу и духовно-просветительную. Считаю, что в последние годы анархизм переживал в нашей стране некоторый кризис вследствие того, что советс-

кая власть осуществила и осуществляет ряд экономических мероприятий в направлении социализма, отсюда для анархистов вытекала необходимость идти по одному из следующих путей: либо присоединиться к ВКП(б), либо превращаться в обывателя и выходить из общественной жизни, либо пытаться найти новые основы для своего мировоззрения в такой форме, как я излагаю.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 473-474]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 13.09.30 г.

Допрошенный по существу заданных вопросов, показываю:

1. По вопросу о моих взглядах на текущую политику партии и власти в нашей стране:

а) коллективизация. Самый процесс коллективизации вызывает мое сочувствие, поскольку крестьянское население относится к нему сознательно и может осуществлять коллективизацию на началах добровольности. Политика партии, поскольку в ней проявляется тенденция к поддержке главным образом добровольной коллективизации, мне представляется правильной;

б) другие крестьянские кампании (хлебозаготовки, выселение кулачества и пр.). В области хлебозаготовок мне представляется правильным разрешение этого вопроса в усилении нормальных экономических взаимоотношений между городом и деревней. Усиление потока товаров из города в деревню дало бы возможность ослабления политического и административного нажима в области хлебозаготовок. Считаю, что сейчас это возможно. Выселение кулачества вызывает мое отрицательное отношение. Я считаю, что необходимо организовать экономическое положение деревни так, чтобы экономическими методами освободить деревню от кулака. К экономическим мерам я отношу организацию бойкота кулака, усиление с/х кооперации, профессиональную организацию батраков. Таким образом, кулак был бы лишен своей экономической базы, а отсюда и политического влияния. В дальнейшем, если бы кулак идеологически шел навстречу колхозу, он мог быть перечислен в бедняки и принят в колхоз. Если бы шел против них — на него можно было бы воздействовать методами административного порядка;

в) индустриализация. Не будучи экономистом по специальности, я думаю, что в наших условиях индустриализация — великое и необходимое дело. И вместе с тем я считаю, что в стране, в которой огромное население является крестьянским, с моей точки зрения, вся индустриализация должна быть приспособлена к интересам с/х большинства населения, т.е. развитие промышленности, перерабатывающей продукцию с/х, и промышленности, представляющей для с/х товары и машины.

2. По вопросам о положении в нашей стране интеллигенции. Советская власть готовит свою новую интеллигенцию. Отсюда процесс вытеснения старой интеллигенции. Положение этой старой интеллигенции я считаю безнадежным даже в тех случаях, когда эти интеллигенты хотят добросовестно работать с соввластью. Те условия, в которых приходится работать интеллигенции в стране, чрезвычайно тяжелые. В той сфере, в которой я работал, становится работы все меньше, т.к. новое поколение вытесняет старых беспартийных интеллигентов. Призывы к интеллигенции со стороны правительства ничего не дают. Социальные отношения в стране таковы, что старой интеллигенции все равно приходится уходить.

3. По вопросу об отношении соввласти к другим бывшим политическим партиям. Те партии, которые пытаются повернуть назад, к капитализму, не вызывают во мне никакого сочувствия. В отношении анархистов — я сторонник их легализации в нашей стране. Если бы легализовать анархистов, они повели бы работу критики, были бы в оппозиции, дружественной к пролетариату, и вели бы культурно-просветительскую в духе анархизма работу и в городе, и в деревне. Думаю, что это принесло бы пользу советской власти.

4. По вопросу о возможности нелегальной анархической у нас работы и моем отношении к этому. Нелегальную анархическую работу у нас считаю возможной и допустимой, не в духе подготовки свержения советского строя, а в духе культурно-просветительном, т.е. мирную пропаганду анархических идей всякими способами, какие представятся, т.е. словом, письмом и прочее в этом роде. Сейчас можно мыслить эту работу только в виде подготовительного периода для ознакомления общества с нашими анархическими идеями. Считаю также возможным насаждение в нашей действительности коммун и коллективов анархического характера в духе толстовских коммун. В результате длительной работы в этом направлении возможно установление в нашей стране анархического общества. Нелегальная пропаганда этих идей, с моей точки зрения, должна быть в искусстве, музыке, литературе, философии, вообще во всех областях жизни. Если бы была нелегальная анархическая организация с такими идеями, я бы в нее вступил.

5. В дополнение к моей автобиографии. После революции я бывал на Северном Кавказе, в Пятигорске, с 1920 по 1921 г. семья жила в Кисловодске; затем с 1922 г. по 1923 г. жил в Батуми, работал лектором в [неразб.] партшколе, на Коммунистических курсах и в Народном университете. Отдыхал в Кисловодске в 1926, 1927 и 1929 гг. В Хосте — в 1928, в Мацесте — в 1930. В 1925 г. был в Ленинграде, все остальное время жил в Москве.

Знакомых у меня по Кисловодску не было; в Пятигорске были — ВИНОГРАДОВ Николай Глебович, сейчас живет в Ленинграде, заведует театром, профессор ОГИЛЬВИ, живет в Пятигорске, затем ФРОЛОВ, товарищ председателя горного общества, живет в Пятигорске, в Батуми инженер ТАТАРИНОВ Владимир Валерьянович, ХРУЦКИЙ, начальник Особого отдела, где сейчас — не знаю. Других не помню. В Ленинграде, кроме дочери Ирины Николаевны АВРАМЕНКО, никого нет. Бывшая жена, Ефросиния Михайловна ВАСИЛЬЕВА, живет в Москве, работает библиотечаршей чертежей на электростанции. Мою теперешнюю жену зовут Юлия Митрофановна ПРОФЕРАНСОВА. Не работала нигде. Женат с декабря 1929 г.

6. В Москве я работал с 1923 по 1926 г. помощником ученого руководителя и хранителем кабинета Института Маркса-Энгельса. С октября 1926 г. и до ареста — в редакции Большой Советской Энциклопедии техническим редактором. За это время я жил в д. 9 по Хлебному переулку, кв. 9, затем в кв. 12, где сейчас значусь живущим. Семья моя со мной там не жила. В другой квартире не жил.

7. О моих взаимоотношениях с ЧАГОЙ Я.Т. С ЧАГОЙ Яковом Трофимовичем я познакомился в 1921 г. в Пятигорске, в Народном университете. Я им заинтересовался как человеком с большой эрудицией в области сектантских движений, типом интеллигента, живущего в народе. Встречался с ним со времени нашего знакомства тогда, когда бывал на Кавказе в 1926, 1928, 1930 гг. Один раз он был у меня в Москве. Говорили мы обычно о сектантстве, по ряду религиозных вопросов и о его прошлом. Я его неоднократно убеждал писать книгу о его жизни. Он мне иногда писал в ответ на мои письма, когда приходилось ехать на юг. По религиозным и мистическим вопросам он мне никогда не писал, за исключением одного случая, когда он мне написал о группе «свободных пятигорских христиан». В связи с чем это было — сейчас не помню. Очевидно, я его расспрашивал об этом. Какой-либо рукописной литературы я ему не пересылал. Давал только один раз в 1930 г. книжку «Антитезы».

8. По вопросу об Ордене тамплиеров и розенкрейцеров. По вопросу об этом Ордене заявляю, что только один раз, в 1928 г., в Кропоткинском музее слышал о том, что в Москве у арестованных анархистов спрашивали об Ордене тамплиеров. Больше о нем (т.е. Ордене) никогда ничего не слышал. Сам я в нем не состоял, это утверждаю категорически. В какой-либо другой нелегальной организации также не состоял.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов.

Н.Проферансов

Поправка: Слышал об Ордене в 1926 г., а не в 1928.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 479-481]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 18.09.30 г.

В изменение моих показаний сообщаю: весной этого года ко мне домой заходил вместе с БОГОМОЛОВЫМ Николаем Константиновичем ЛАДЫЖЕНСКИЙ Николай Алексеевич побеседовать на оккультные темы. В эту беседу у меня создалось впечатление, что он, т.е. ЛАДЫЖЕНСКИЙ, искал встречи с людьми, которые бы открыли ему возможность получения магического знания. Он говорил, что ищет знаний, которые бы дали ему в руки тайные силы природы. Повторял несколько раз: «Вы сами знаете, чего я ищу». Я ему со своей стороны указывал, что такого знания у меня самого нет и, с моей точки зрения, представляется гораздо более ценной работа над тем, что бы улучшило социальную жизнь человечества. Это и было основное содержание нашего разговора. Отдельных фраз я не помню. Ушел от меня ЛАДЫЖЕНСКИЙ определенно недовольным. По просьбе БОГОМОЛОВА я дал ЛАДЫЖЕНСКОМУ письмо к ЧАГЕ Якову Трофимовичу личного характера о содействии при устройстве ЛАДЫЖЕНСКОГО в Сочи. Письмо я адресовал Я.Т.ЧАГЕ.

ВОПРОС: Почему ЛАДЫЖЕНСКИЙ пришел именно к вам с вопросом о том, как получить высшие и тайные знания?

ОТВЕТ: Я думаю, что это была идея БОГОМОЛОВА, который знает, что я занимаюсь вопросами духовной культуры. В связи с этим он и привел ко мне ЛАДЫЖЕНСКОГО.

ВОПРОС: Было ли в письме к Я.Т.ЧАГЕ указано, что ЛАДЫЖЕНСКИЙ интересуется такими же, как и вы, вопросами?

ОТВЕТ: Нет, не было.

ВОПРОС: Почему письмо было адресовано ДЕШЕВОЙ Н.З.?

ОТВЕТ: Письмо было адресовано Я.Т.ЧАГЕ. Я не хотел говорить об этом раньше, т.к. не хотел лишиться раз компрометировать БОГОМОЛОВА, т.к. я считаю, что когда в поле зрения ОГПУ находятся люди, то всякие связи с ними компрометируют людей, с ними связанных.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов правильно. Н.Проферансов
[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 483-483об]

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. 29.09.30 г.

В Нижнем Новгороде я никого не знаю. Упомянутые фамилии БАШКИРОВА, ВЛАДИМИРОВА и РАЕВСКОГО* — не знаю, не слышал. Ни к какому ордену отношения не имею и в таковом не состоял. БОГОМОЛОВА я знаю, знаком с ним как с анархистом, встречался я с ним в Кропоткинском Комитете, и бывали друг у друга дома. СОЛОНОВИЧА я знаю много лет, около 12 лет, бывал у него на квартире и он у меня. Встречался также в Кропоткинском музее. БЕМА я знаю несколько лет, встречался с ним в Кропоткинском музее, состоит ли он в Ордене — я не знаю. УЙТ-ТЕНХОВЕН И.Н. я знаю, кажется, по работе в Энциклопедии, куда она заглядывала по каким-то делам. Встречался я с ней очень редко, бывал у нее один-два раза. Состоит ли она в Ордене — не знаю. С полной категоричностью заявляю, что ни в каком Ордене не состою и к нему никакого отношения не имею. Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 485]

* По-видимому, Раева С.Н.

ПОКАЗАНИЯ ПРОФЕРАНСОВА Н.И. (без даты)

С Я.Т.ЧАГОЙ я познакомился в 1921 г. в Пятигорске. Я работал в Народном университете, он посещал иногда лекции и доклады там. Так состоялось наше знакомство. В бытность мою в Москве в 1926 г. (?) ЧАГА заходил ко мне раза два. Содержание наших бесед тогда я не помню, вероятно, они касались обычных у меня с Яковом Трофимовичем тем: мировоззрения различных сектантских течений и, м.б., я

говорил с ним по вопросам теории анархизма. Но никаких попыток приобщить ЧАГУ к какому-либо анархическому кружку или группе я не делал, потому что вообще такой работы не вел. Летом 1926 г. я был недели две в Красной Поляне, где видел ЧАГУ. Мы совершали с ним прогулки по горам. В 1928 г. осенью я жил в Хосте, принимал ванны в Мацесте, несколько раз мы виделись с ЧАГОЙ, беседовали. Беседы с ним касались вопросов религиозного характера, сектантства, в частности течения так называемых «добролюбцев». Я его расспрашивал о мировоззрении хлыстов, белоризцев и других сектантских групп. Когда ЧАГА был в Москве, мы с ним вместе пошли на публичное заседание в Вегетарианском обществе, посвященное Л.Н.Толстому. Н.З.ДЕШЕВУЮ я впервые увидел в Красной Поляне в 1926 г. Ни на какие религиозные и политические темы я бесед с ней не вел.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 484]

В КОЛЛЕГИЮ ОГПУ
заключенного в Бутырской тюрьме подследственного
Николая Ивановича ПРОФЕРАНСОВА (кам. 71, кор. 16)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Коллегию ОГПУ при решении вопроса обо мне учесть мою революционную работу при старом режиме. В 1902-04 гг. я вел социал-демократическую пропаганду среди учащихся, ремесленников и рабочих г. Тулы. В октябре 1904 г. я был арестован в Варшаве при попытке провезти за границу письма тульской с.-д. организации. Был привлечен к делу Тульского комитета РСДРП и просидел в тюрьме 6 месяцев. Процесс был ликвидирован революцией 1905 г. В лето 1905 г. был пропагандистом в Димиевском районе Киева, принимал участие в событиях 1905 г. в Москве. В дни декабрьского восстания строил баррикады в районе Владимиро-Долгоруковской улицы. Многократно был под обстрелом, участвовал, в частности, в защите баррикады на углу Садовой и Владимиро-Долгоруковской улиц у аптеки Рубановского. В 1906 г. в моей комнате помещался штаб военной организации РСДРП. В 1907 г. я и жена моя, Ефросинья Михайловна ПРОФЕРАНСОВА, работали в нелегальной типографии военной организации в Балканском переулке возле Сухаревки, печатали газеты «Казарма» и «Солдатская жизнь». В 1908-09 гг. я вел революционную работу в Замоскворецком районе и на Прохоровской мануфактуре, в связи с чем в марте 1909 г. был арестован и предан суду Судебной Палаты. До суда и после него просидел год в Таганке. В 1912 г. издавал в Москве рабочий еженедельник «Мир».

В этот период московским Охранным отделением ко мне был приставлен специальный провокатор Адриан ЗЕМСКОВ. В феврале 1917 г. я был в числе солдат-революционеров 1-й запасной артиллерийской бригады в Москве, заявивших о переходе артиллерии на сторону революции. В июле 1917 г. был редактором газеты «Солдат-гражданин», проводил в редакции большевистскую линию. Ушел из редакции, когда эсеры и меньшевики временно получили в ней перевес. В октябрьские дни был секретарем Благуше-Лефортовского районного Совета и принимал участие в военной работе и всех событиях этого периода. Летом 1918 г. по поручению Совета пробрался через фронт в район, занятый чехословаками возле Чистополя, где были расположены московские детские колонии, с целью передать деньги оторванным от Москвы колонистам. Выполнил поручение и затем вынужден был бежать от словаков за 15 минут до ареста, за которым последовал бы мой расстрел.

В связи с теперешним моим делом я категорически заявляю, что, несмотря на расхождения мои с коммунистами в области мирозозерцания, я по-прежнему стою на платформе международной пролетарской революции. Я категорически заявляю, что за все эти годы не вел никакой устной политической работы, направленной против советской власти, не написал против нее ни одной строчки, не распространял анархической литературы. Симпатии мои к анархизму были платоническими и теоретическими. Следствие не установило и, по существу, не могло установить, чтобы я

получал от каких-либо лиц или коллективов какие-либо политические директивы или давал такие директивы кому бы то ни было.

В русском революционном движении и мне принадлежит некоторая доля усилий и страданий. Полагаю, что эта доля значительно перевешивает факты, которые действительно могут быть вменены мне в вину в настоящем моем деле. Поэтому я прошу Коллегию ОГПУ мое дело прекратить и отпустить меня на свободу.

27 декабря 1930 г.

Н.Проферансов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 487-488]

РУСОВ Николай Николаевич

(1884 — после 1942)

Русов Николай Николаевич родился в 1884 г. в г. Серпухове, в семье бухгалтера. В 1916 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился в Алексеевском военном училище в Москве. 15.08.19 г. добровольно вступил в Красную Армию, в ПУР, и по 1922 г. служил в разных военных частях и политотделах лектором и инструктором. Демобилизовался в 1922 г. С тех пор работал как литератор; в последнее время — сотрудник редакции журнала «Совхоз». К моменту ареста разошелся с первой женой, Софьей Васильевной Никитиной, с которой осталась дочь Татьяна, 1916 г. рожд.; вторая жена — Стрижкова Клавдия Тихоновна; сестры — Анна Николаевна Русова и Ольга Николаевна Разумова.

За время советской власти был арестован дважды. Первый раз — в октябре 1919 г. за участие в Федерации анархистов (считал себя анархистом с 1904 г.); находился в заключении около двух месяцев. Второй раз — 20.06.27 г. На допросе от 27.06.27 г. Н.Н. Русов показывал:

«В 1920 г. состоял в Московском союзе анархистов около года. После этого ни в каких федерациях не состоял. Мои политические убеждения в настоящее время — анархо-индивидуалист. Из анархистов я знаю Борового, Алексея Солоневича. В сборнике, печатавшемся издательством «Голос Труда» в память 50-летия Бакунина, напечатана моя статья о славянстве и анархизме за моей фамилией. Кто принимал участие в сборнике — не знаю. Я дал статью по приглашению Борового, который дал мне тему. Кроме того, мною написана по анархизму книга критики анархизма, «Андрей Белый и социал-демократия» в журнале «Перевал» за 1907 г., № 10; в газете «Анархия» статья «Кропоткин и Штирнер», «Толстой против Толстого», «О Надсоне» и ряд статей по эстетике; «Бакунин как образ» в сборнике о Бакунине и славянофильстве. В 1920 г. в клубе на Тверской, 19, читал лекции по искусству. Ко всякой нелегальной анархической деятельности я отношусь отрицательно, т.к. я против какой-либо деятельности, могущей принести тот или иной ущерб советской власти. В случае нападения на советскую власть со стороны международной буржуазии я, безусловно, буду бороться за советскую власть.

Вообще я никакого отношения к анархическому движению не имею, а лишь интересуюсь анархизмом в его историческом развитии. Репрессии, применяемые соввластью к анархистам, ведущим работы против соввласти, или так или иначе причиняющим соввласти вред, считаю правильными. В 1922–1923 гг. я читал свои повести и лекцию «Борьба иерархов на развалинах Русской церкви» в Свободной трудовой церкви в Юшковом переулке, возглавляемой Соколовым. Показания правильны, мною прочитаны. Н.Н.Русов [ЦА ФСБ РФ, Р-16233, л. 6об — 7]».

Последнее обстоятельство — лекция в Свободной трудовой церкви, — по-видимому, и вызвало арест Русова в 1927 г., поскольку в своем заключении следователь Бельшев подчеркнул, что «материалами дела причастность гр. Русова к церковным организациям не установлена», на основании чего полагал дело прекратить, а Русова освободить.

Третий раз Русов был арестован в ночь с 11 на 12 на своей квартире. При обыске были изъяты рукописи, документы, переписка, а он сам помещен в Бутырскую тюрьму. Но уже 16.09.30 г. после одного допроса Русов был освобожден, дав, как замечено, «письмо в печать о разрыве с анархизмом». Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» дело Н.Н.Русова было прекращено, однако для него и этот кратковременный арест обернулся драмой, поскольку уже в декабре 1930 г. он обратился к уполномоченному 1-го отделения СО ОГПУ В.М.Сазонову с письмом следующего содержания:

Москва 57, 2-й Таракановский, 8

Николай Николаевич Русов

Уважаемый товарищ Сазонов!

1-го декабря сего года Тройка ЦК по чистке Совнархоза при ЦК РККИ СССР под председательством тов. ЖУКА подтвердила решение ЦК РСФСР о снятии меня с работы по 1-й категории. Таким образом, я получаю «волчий паспорт» по обвинениям или вполне необоснованным, или вполне мною разъясненным только за то, очевидно, что я еще в 1917 году издал брошюру в защиту анархизма, от которого давно отказался. Это чудовищно несправедливо в отношении человека, безусловно служившего в Красной Армии и в Сельхозгизе, никогда не мыслившего и не совершившего ничего антисоветского даже в качестве анархиста, уже прошедшего основательную чистку в Союзе писателей и, наконец, полностью выяснившего свои убеждения и свою работу Вам 16.10.30 г. Я решительно морально потрясен таким результатом и не могу поверить, чтобы в Советском Союзе было возможно подобное пренебрежительное отношение к честному советскому писателю и гражданину, который сам отказывается от своих неправильных убеждений и с великой готовностью начал слушать делу социалистического строительства в редакции журнала «Совхоз».

Отменить решение Тройки имеет право нарком или замнаркома РККИ СССР. Я ходатайствую через Вас перед ОГПУ представить настоящие соображения в вышеуказанные инстанции в целях полной отмены постановления Тройки или нового пересмотра моего дела.

Преданный Вам

10.12.30 г.

Н.Н.Русов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 506-506об.]

Дальнейшая судьба Н.Н. Русова неизвестна, кроме того, что он был еще жив в 1942 г. (Сообщение Н.А.Богомолова).

ПОКАЗАНИЯ РУСОВА Н.Н. 15.09.30 г.

В 1919 г. при аресте мне никакого обвинения не предъявлялось, а по моим соображениям, он был связан с взрывом в Леонтьевском переулке. Арестован я был в Свердловске, во время службы в 3-й армии, освобожден по ходатайству Политотдела и после продолжал служить в армии до 1922 г. В 1927 г. был арестован и через две недели освобожден тоже без предъявления обвинения. Сидел полторы недели или неделю без допроса. Допрос касался международного положения об отношении мюем к соввласти в связи с анархизмом. Знаю ли я что-либо о подпольной деятельности и как к ней отношусь? А затем о церковной организации «Свободная трудовая церковь», секретарем которой я был в 1924 г. Организация была разрешена правительством. От анархизма я отошел, и вообще интерес к анархизму у меня пропал в 1924-25 гг. под влиянием изучения марксизма, главным образом сочинения В.И. Ленина «Государство и революция». Сейчас никаких связей, теоретических и практических (организационных), с анархизмом и анархистами не имею. Деятельность анархистов против советской власти, если таковая деятельность существует, безусловно, осуждаю как вредную для социальной революции. Из анархистов я был знаком с БОРОВЫМ, БАРМАШЕМ, РОГДАЕВЫМ, СОЛОНОВИЧЕМ, ГОРДИНЫМ,

АСКАРОВЫМ, МЕДЫНЦЕВЫМ, ХУДОЛЕЕМ, ПАВЛОВЫМ Н.И. (еще его фамилия ПЕТРОВ). Всех их знаю с 1905 г. и по эпоху 1918—19 гг. С тех пор встречался редко и случайно. Мне известно, что БОРОВОЙ, БАРМАШ, РОГДАЕВ высланы. Знаю это от жены РОГДАЕВА, являющейся дальней родственницей моей первой жены. Знаю, что СОЛОНОВИЧ является теософом или антропософом, но конкретных данных о его деятельности не имею. С ним в этом году встречался раза два на улице, но разговоров на анархические темы не вели. Обещался я к нему как-нибудь зайти, но до сих пор не удалось. На квартире у СОЛОНОВИЧА бывал году в 1924—25. Разговор был по вопросу внутренней борьбы между разными анархическими фракциями в Кропоткинском музее, в результате которой победа оказалась на стороне мистиков. Тогда из музея выгнали БОРОВОГО и других, считающих анархизм с мистикой несовместимым. В этом разговоре я являлся только слушателем, но высказал свое мнение, что наследство Кропоткина мистикам ни в коем случае не должно принадлежать, т.к. сам Кропоткин был позитивистом и натуралистом. Моей оценкой СОЛОНОВИЧ остался недоволен.

Мистикой, оккультизмом, теософией, учением йогов я интересовался в 1911-12 г. по литературе, но никогда ни в каких обществах, ни в тайных, ни в явных, не участвовал. В настоящих условиях советской действительности эти учения я считаю идеологически вредными, но думаю, что по своему отвлеченному малодейственному и философски запутанному содержанию таковые серьезного успеха у трезвой трудящейся массы иметь не могут. Борьбу совласти с подпольной пропагандой вышеуказанных течений, а также анархизма, считаю правильной.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Н.Н.Русов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 503-503об]

РЫТАВЦЕВ Илья Евгеньевич
(1901—1974)

Рытавцев Илья Евгеньевич родился в августе 1901 г. в крестьянской семье с. Ново-Никольское Приимковской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. Окончил гимназию (школу 2-й ступени) в г. Сергиев Посад Московской губернии в 1919 г., после чего несколько месяцев служил на военно-инженерном складе. С 1920 по 1922 г. работал по сельскому хозяйству; в 1922—1923 гг. был на разных работах и давал частные уроки; в 1924-25 гг. служил в Красной Армии. После демобилизации около года работал почтальоном в 55-м отделении связи г. Москвы, затем в артели «Бетонит» и давал частные уроки до 1928 г., когда поступил в Московский электротехникум, студентом которого числился на момент ареста.

Эти анкетные сведения во второй своей части могут быть подвергнуты сомнению, поскольку известно, что Рытавцев до электротехникума учился в ряде вузов Москвы, в том числе в МВТУ им. Баумана. Соккрытие этих фактов объясняется его связью с анархистами с 1918—1919 гг., активными выступлениями на митингах в Сергиевом Посаде и последующей анархистской деятельностью среди студенческой молодежи, что вынуждало его менять место учебы и скрываться. К моменту ареста Рытавцева был еще жив его отец, Евгений Логинович Рытавцев, мать, Анна Алексеевна Рытавцева, сестра Евгения, 1910 г. рожд.; братья: Николай, 1897 г. рожд., и Арсений, 1906 г. рожд.; сам он с 1925 г. был женат на художнице Александре Ивановне Смоленцевой, с которой познакомился в середине 20-х гг. и в доме которой в Косом переулке жил.

Арестован Рытавцев 14.09.30 г. в Комендатуре ОГПУ, будучи, по-видимому, вызван для допроса в связи с арестом жены 12.09.30 г. На протоколе допроса помета: «Временно задержан». 25.09.30 г. Рытавцеву предъявлено обвинение в контрреволюционной пропаганде и участии в нелегальных анархистских кружках. Содержался во время следствия в Бутырской тюрьме. Поскольку непосредственные связи Рытавцева с «Орденом Света» и его членами не смогли быть доказаны, Постановлением

Коллегии ОГПУ от 13.01.31 г. он был приговорен только к трем годам ссылки в Северный край (Архангельская область). Однако, по непроверенным данным, Рытавец был связан с анархо-мистиками не только через братьев Пикуновых, о которых он упоминает в своих показаниях, но и через А.В.Уйттенховена, с которым, похоже, поддерживал контакты в последующие годы. Впрочем, знакомство с Уйттенховеном у Рытавцева могло состояться уже во время ссылки обоих в Архангельск, куда они были доставлены одним этапом.

После освобождения жены поселился вместе с ней в Вологде, где работал преподавателем математики в средних школах и ремесленных училищах. Умер в 1974 г. в Вологде.

Реабилитирован Определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г

ПОКАЗАНИЯ РЫТАВЦЕВА И.Е. 12.09.30 г.

В 1923 г. месяца два-три был кандидатом ВЛКСМ в Сергиеве и выбыл по собственному желанию по причине ненормальных отношений между членами ячейки. В политических партиях и политических организациях я ни в каких не состоял, знакомых из каких-либо политических партий и политических организаций у меня нет и не было. В период моего поступления в комсомол у меня появился интерес к политической литературе. Среди прочитанных книг была брошюра Кропоткина «Хлеб и воля» и его же «Великая Французская революция». По Сергиеву я знал ПИКУНОВА Виктора, который высказывался в анархистском духе. С ним вместе учились в одной школе. Прозвище его – «Мефодий». Также знаю КОМИССАРОВЫХ Бориса и Сергея, последнего звали «Пендалем». Знал ПЕРОВА Виктора, знал братьев НЕЙМАН, Наума и Бориса, с которыми жил в одном доме. Слышал, что их арестовали, как анархистов. Со СМОЛЕНЦЕВОЙ познакомился в 1924-25 гг. во время службы в Красной Армии, совершенно самостоятельно. В комсомоле она, полагаю, никогда не состояла. В Музее Кропоткина я никогда не бывал и не знаю, где он находится. Со СМОЛЕНЦЕВОЙ о музее также никогда ничего не говорил.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

Рытавец

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 494]

ПОКАЗАНИЯ РЫТАВЦЕВА И.Е. 05.10.30 г.

В анархических кружках я никогда не участвовал. Из анархистов я знал ПИКУНОВА Виктора по прозвищу «Мефодий», так его звали в школе 2-й ступени, в которой учился и я. Состоял ли он в организации, я не знаю. Разговоры об анархизме, вернее, в разговорах с ребятами он высказывал анархические взгляды, которые выражались, в общем, в критике общественно-политической жизни. Были ли у него сторонники, я не помню. Знаю, что в 1924 г. были арестованы НЕЙМАН Наум, Сергей и Борис КОМИССАРОВЫ, по слухам, как люди, причастные к анархизму. Еще с ними были арестованы Димка МАТВЕЕВ и Михаил АЛЕКСИЕВ. Знаю, что арестованные НЕЙМАН, КОМИССАРОВЫ, Димка и АЛЕКСИЕВ были сосланы. Знал перечисленных ребят до ареста, но разговоров на политические темы с ними не имел. ПЕРОВА Виктора, ТЕЗИКОВА Сергея, БОРИСОВА Сергея (звали его «Варваром»), ЧЕКИНА, СОЛОПОВА, ИВАНОВЫХ Ольгу и Валентину и целый ряд других ребят и девиц знал как товарищей, вернее, как ребят, которые учились в той же школе 2-й ступени, что и я. Девиц знал как вообще знакомых в ту пору. Политической установки перечисленных лиц не знал и не знаю сейчас. СМОЛЕНЦЕВА с перечисленной публикой не знакома. Что СМОЛЕНЦЕВА – анархистка, я не знаю. На политические темы с ней не говорил, за исключением тех случаев, когда она готовилась к зачетам по общественным предметам. Оккультизмом и вопросами мистики не интересовался. С политикой советской власти расхождений никаких не было. Считаю, что

индустриализация, коллективизация с/х — основные, самые верные пути строительства социализма.

Показания, написанные собственноручно, подписываю.

Рытавцев.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 496]

СМИРНОВ Евгений Николаевич

(1891—1937)

Смирнов Евгений Николаевич родился в декабре 1891 г. в Москве в семье священника церкви Воскресения Христова в Кадашах, в которой тот прослужил 25 лет. В 1911 г. окончил духовную семинарию, в 1915 г. — юридический факультет Московского университета. В 1916 г. был призван на военную службу, определен на флот вольноопределяющимся гардемаринном, служил в эскадре особого назначения и участвовал в ее переходе из Владивостока в Мурман. В 1917 г. был откомандирован в Школу гардемариннов в Петроград, участвовал в событиях Февральской революции; в июне 1917 г. был произведен в мичманы и назначен в Севастополь на дредноут «Воля». Затем переведен на миноносец «Ростислав» вахтенным начальником. В Октябрьскую революцию был депутатом от «Ростислава» в Севастопольском Совете в качестве товарища председателя. По оккупации немцами Севастополя в 1918 г. был в плену и только осенью 1919 г. возвратился в Москву, после чего был направлен в Морской штаб в качестве помощника начальника отдела, где работал до июля 1923 г. в должности производителя работ по оперативному управлению флотом.

Впервые Смирнов был арестован 23.07.23 г., через неделю после того, как у него на дому несколько священников во главе с патриархом Тихоном служили литию по его умершему год назад отцу-священнику. По этому поводу Смирнов писал: *«Если мне может быть поставлено в вину, что я в своей квартире допустил служение литии патриархом и духовенством по моему умершему год назад горячо любимому отцу, священнику местной церкви, и устройство чая, то к этому меня обязывал долг сына, уважавшего своего отца, который также честно признавал советскую власть и ни разу не был арестован. Кроме того, я считал это возможным лишь после официального признания патриархом советской власти и после данного ему разрешения заниматься религиозным служением. Вообще, если я и имею какое-либо отношение в течение года по смерти отца к приходской церкви, то лишь по вопросу о поминовении его в дни памяти, установленные церковью, и вообще в вопросах, связанных с его смертью...»* [ЦА ФСБ РФ, Р-25561, л. 18 об].

Поскольку обвинение в связях с церковными кругами за отсутствием самого факта отпало, на квартире Смирнова был произведен еще один обыск, в результате которого был обнаружен портфель с секретными материалами, взятыми для написания порученной ему начальством статьи. Последнее обстоятельство, подтвержденное показаниями соответствующих чинов Морского штаба, позволило обвинить Смирнова только в «халатности», после чего дело было закрыто, но сам он по требованию ОГПУ был изгнан из рядов Красного Флота как «ярый сторонник тихоновщины».

После отставки Смирнов работал секретарем райфинотдела Рогожского райсовета (Москва), а с 1926 г. — статистиком в секторе мирового хозяйства в Госплане. Осенью 1929 г. он был принят в Промакадемию на должность преподавателя статистики, одновременно читал лекции в других вузах Москвы.

В том же 1923 г. Смирнов параллельно с работой поступил в Государственный Институт Слова на декламационное отделение, где учился вместе с Г.Е.Ивакинской (Барковой), В.Д.Лебедевой-Лиорко и ее первым мужем, А.В.Лебедевым. Там же он познакомился с Е.Г.Адамовой, А.С.Подем и другими членами «Ордена Света». В 1924 г. он женился на Татьяне Дмитриевне Сумароковой, причем священник венчал их вместе с другой парой — А.С.Подем и Е.А.Вишневецкой.

Из родных Смирнова ко времени второго ареста живы были его сестры — Лидия Николаевна (1893—1979), бывшая замужем за военным врачом Николаем Сергеевичем Пшеничниковым (ум. в 1955 г.), и Мария Николаевна (1889—1977), замужем за

Василием Дмитриевичем Воскресенским, заведующим писчебумажным отделом одного из московских универмагов.

Арестован Е.Н.Смирнов в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. 29.09.30 г. ему предъявлено обвинение в причастности к контрреволюционной организации, создании нелегальных кружков и в антисоветской пропаганде; содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» Е.Н.Смирнов приговорен к трем годам заключения в концлагерь. Срок отбывал на Медвежьей Горе, работая в Управлении Беломорканалстроя экономистом, освобожден в 1933 г. По возвращении из заключения устроился работать на строительство канала «Москва-Волга» в г. Дмитрове. В 1937 г. был снова арестован и Тройкой при УНКВД по Московской области 07.12.37 г. приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение, по-видимому, в тот же день.¹

Реабилитирован по делу «Ордена Света» Определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.

¹ О Е.Н.Смирнове см.: Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998.

ПОКАЗАНИЯ СМИРНОВА Е.Н. (без даты)

В 1916 г. призван на военную службу. Служил нижним чином в эскадре особого назначения, участвовал в переходе из Владивостока на Мурман. В 1917 г. был в Школе гардемарин в Ленинграде [т.е. в Петрограде. — А.Н.] до лета 1917 г., после чего был отправлен на Черноморский флот, на крейсер «Ростислав» вахтенным начальником. В Октябрьскую революцию был депутатом от «Ростислава» в Севастопольском Совете РК и КД. Работал в качестве товарища председателя. По оккупации немцами был военнопленным и осенью 1919 г. возвратился в Россию, в Москву, где послан в Морской штаб в качестве пом[ощника] нач[альника] отдела до 1924 г. В 1924 г. демобилизовался и был секретарем райфинотдела Рогожского райсовета. С 1926 г. в Госплане статистиком в секторе мирового хозяйства.

В 1924 г. был арестован ОГПУ, просидел полтора месяца и был освобожден. Сидел за предоставление квартиры духовным лицам, приехавшим в рядом расположенную церковь для служения в честь смерти моего отца.

В 1929 г. осенью поступил в Промакадемию в качестве преподавателя статистики, где и работаю по настоящее время.

Мистицизмом я интересуюсь, т.е. болезненно переживаю. В последнее время особенно болезненно изживаю и нахожусь в состоянии выработки своего религиозного мировоззрения, т.к. революция действительно пошатнула очень многие традиционно церковные истины. Знакомых из других политических партий, кроме коммунистической, я не имею и сам никогда в партиях или организациях не состоял. По вопросам моего мистического мировоззрения я говорить отказываюсь.

Записано с моих слов верно.

Е.Смирнов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 513об — 514]

ПОКАЗАНИЯ СМИРНОВА Е.Н. 23.11.30 г.

Цель «Ордена Света» чисто этического порядка: нравственное самосовершенствование личности через восприятие христианских основ и воспитание в себе рыцарских христианских добродетелей.

Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки. Очищение христианских основ от накопившихся столетиями, затушевавших лик Христа-рыцаря догматов, а иногда и обмана церкви — вот устремления участников Ордена.

Легенды возвышают дух и сердце слушателя и нравственно его питают. Как искусствовед, видящий в искусстве также серьезную пищу для человеческого духа, я

высоко ставлю легенды, как моменты высоких образов. Сочетание для меня этического и эстетического момента всегда облагораживало мою душу.

Обрядовая сторона Ордена сопутствовала самосовершенствованию, хотя и имела второстепенное значение. Момент обрядовой стороны «посвящения — как обещания подражать христианским добродетелям» случайно пришлось на то собрание, которое происходило у меня на квартире. Моменту этому я не придавал особого значения, не придаю и сейчас, так как, будучи христианином, я давно уже посвятил себя Христу.

Предположено было собираться по очереди у каждого на квартире раз в месяц. Собирались в разном количестве от восьми до двенадцати человек: СМЫШЛЯЕВ, НИКИТИН, ПОЛЬ, БАРКОВ, ИВАКИНСКАЯ, ШИШКО, ДЕЙКУН, БЛАГОНРАВОВ, КОРОЛЬКОВ, ГИРШФЕЛЬД, ЛЮБИЦКИЙ и я.

Посвящение производили СМЫШЛЯЕВ и НИКИТИН. Насколько я помню, указанные лица, кроме СМЫШЛЯЕВА, НИКИТИНА и ПОЛЯ, посвящались совместно со мной. Легенды читал НИКИТИН.

Собрания происходили главным образом у ИВАКИНСКОЙ. Никаких политических целей «Орден Света» не имел, и о них не было ни единого слова, да и по всем данным иметь не мог, так как легенды никакого отношения ни к настоящему моменту, ни к государственному прошлому отношения не имели.

Евг. Смирнов

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 515-515об]

СМОЛЕНЦЕВА Александра Ивановна
(1905—1988)

Смоленцева Александра Ивановна родилась 20.04.1905 г. в купеческой семье в Москве (в следственном деле показана д. Низовка Городенской волости Тверской губернии и уезда, откуда происходила ее мать). В 1920 г. поступила на испытательно-подготовительное отделение ВХУТЕМАСа, преобразованного затем во ВХУТЕИН, который окончила в 1929 г.; в 1929—1930 гг. обучалась на Высших педагогических курсах при ВХУТЕИНе, специальность — художник-педагог. К моменту ареста — безработная. Жила вместе с матерью, Зинаидой Арсентьевной Смоленцевой, сестрой Ниной и мужем, И.Е.Рытавцевым, по адресу: Москва, Косой переулок, 18, кв. 5.

Арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. 25.09.30 г. Смоленцевой предъявлено обвинение в причастности к подпольной антисоветской организации и в предоставлении своей квартиры для нелегальных собраний. Содержалась в Бутырской тюрьме в камере с Е.Г.Адамовой и Е.А.Поль. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» А.И.Смоленцева приговорена к трем годам концентрационных лагерей. Работала на строительстве Беломорканала медицинской сестрой.

После освобождения поселилась с мужем в Вологде, где прожила оставшуюся жизнь. Вначале работала художником и корректором при типографии «Северный печатник», с 1940 г. — член Вологодского товарищества «Художник», с 1943 г. — член Союза художников СССР. С 1940 г. — участница всех областных художественных выставок и многих персональных выставок. Умерла в 1988 г. в Вологде.

Реабилитирована Определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г

О ней см.: *Никитина В.Р.* Дом окнами на закат. М., 1996, а также вступительные статьи к каталогам выставок и статьи в периодике.

ПОКАЗАНИЯ СМОЛЕНЦЕВОЙ А.И. 16.09.30 г.

У меня есть муж — РЫТАВЦЕВ Илья Евгеньевич, учится в Московском электротехникуме. Его политические взгляды такие же, как у меня. Познакомилась с РЫТАВЦЕВЫМ в 1925 г., весной, около Екатерининской площади. Анархических книжек я

не читала и анархизмом не интересовалась. В Музее Кропоткина я не бывала. Оккультными науками я также не интересовалась, главным образом занята как художница. НИКИТИНЫХ я не знаю и ни разу не была у НИКИТИНЫХ. Анархиста БЕМА я не слышала. С РЫТАВЦЕВЫМ я в Кропоткинском музее не бывала ни разу. С мужем о мистике или оккультных науках вообще ничего не говорила. АНОСОВА я не знаю.

Протокол прочитан и записан правильно с моих слов. А.Смоленцева

Анархизм считаю неправильным, потому что безвластие. И считаю, что через диктатуру пролетариата можно прийти к социализму. Также считаю, что пятилетка поднимет наше хозяйство и ускорит переход к социализму. Коллективизацию считаю необходимой.

А.Смоленцева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 569об]

ПОКАЗАНИЯ СМОЛЕНЦЕВОЙ А.И. 20.09.30 г.

С МАКЛЕЦОВЫМ я познакомилась на собрании в Косом пер., д. 18, кв. 5. Собрание происходило в моей комнате. Собрание было анархистов. Сколько человек было на собрании, не помню. Собрание я сама не организовывала, но присутствовала на нем. Кто организовал это собрание, я не помню. Не помню также, чтобы собрания у меня в комнате происходили бы больше одного раза. Говорилось на собраниях об анархизме.

Протокол мною прочитан, записан правильно с моих слов. А.Смоленцева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 570]

ПОКАЗАНИЯ СМОЛЕНЦЕВОЙ А.И. 25.09.30 г.

Помню, что в начале 1926 г. я познакомилась со студентом какого-то вуза СЕМЕНОВЫМ Николаем Ивановичем на выставке картин французских художников. Сначала мы разговаривали о картинах и натолкнулись на картину Ван Гога, который является индивидуалистом. Поэтому у нас дальше зашел разговор об анархизме. Тут мне СЕМЕНОВ начал рассказывать, что существует какое-то течение анархизма, это меня заинтересовало в известной степени. Потом он мне говорил, что у анархизма имеются три течения и если я хочу, то придут ко мне ребята и будем изучать анархизм. Я дала свое согласие на это. На собрание у меня явился и сам СЕМЕНОВ.

Протокол мною прочитан и записан правильно с моих слов. А.Смоленцева

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 571]

СНО Владимир Иванович

(1901 – после 1936)

Сно Владимир Иванович родился 08.02.1901 г. в Симферополе в семье акцизного чиновника И.Ф.Сно, англичанина по происхождению, замеченного в противоправительственной деятельности. Детские годы провел в г. Седлец в Польше, где поступил в гимназию в 1910 г. Во время первой мировой войны был с семьей эвакуирован в г. Ялту и продолжил занятия в ялтинской гимназии. В 1919 и 1920 гг. был членом правления Союза учащихся г. Ялты; во время немецкой оккупации состоял членом подпольного комсомольского кружка. После провала кружка, возглавляемого Я. Бронштейном, Сно был арестован, находился в заключении, но за отсутствием улик был выпущен и затем привлечен в качестве второстепенного свидетеля, показания которого, как подтвердила проходившая по тому же процессу Н.И.Максимова, никакого значения не имели [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 9, л. 16–17]. Однако сам факт привлечения его в качестве свидетеля оказался для В.И.Сно роковым и в дальнейшем вынудил его уехать из Ялты. О своей жизни в 20-е гг. он достаточно подробно рассказывает в автобиографии.

Решающую роль в его дальнейшей судьбе сыграла дружба в гимназии с Ю.Р.Лангом, младшим братом В.Р.Никитиной, через которого Сно, оказавшись в Москве, вошел сначала в дом Никитиных, а затем в Кропоткинский музей и к анархистам. Более того, на какое-то время он стал гражданским мужем Е.Г.Самарской, сестры жены Ю.Р.Ланга, но последующий разрыв, разочарование в анархо-мистиках и неспособность устроиться в Москве вынудили его вернуться в Ялту, к сестре.

Арест В.И.Сно в Ялте 24.09.30 г. был вызван, с одной стороны, показаниями Г.А.Любицкого и Е.Г.Самарской 26.06.30 г., назвавшей Сно в числе анархистов и сообщившей о его местонахождении в Ялте [ЦА ФСБ РФ, Р-33931, л. 25], а с другой — доносом на Сно некой А.А.Оливницкой, встретившей в июле 1930 г. Сно на улице в Ялте. Характерно, что та же Оливницкая, как следует из примечания Уполномоченного СО ОГПУ, заявляла о «провокаторе Сно» еще в 1921 г., но, по-видимому, никакого продолжения донос не получил. Впрочем, и на этот раз Сно был обвинен не как «провокатор», а как член анархо-мистического кружка [ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 9, л. 14–14об]. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» В.И.Сно приговорен к пяти годам заключения в Челябинском политизоляторе, однако освобожден он был 09.07.33 г. из Челябинского политизолятора с высылкой на оставшийся срок в Казахстан. В г. Петропавловске (Казахстан) он жил еще в марте 1936 г., где подозревался ссыльными в секретном сотрудничестве с НКВД¹.

О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

Реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР 02.09.1975 г.

¹ АУФСБ РФ по Карагандинской обл., 1718 ф-4 (прежние №№ 6352, 243122, 3947), л. 78-78об, показания М.М.Пальмова 15.03.36 г.

ПОДРОБНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ СНО ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА

Родился в 1901 г. 8 февраля в г. Симферополе. Родители мои: И.Ф.Сно служил чиновником гос. акциза, мать — Е.П.Сно. После перевода отца из города Симферополь вся семья переехала в г. Ялту в 1902 г., где и проживали до 1907 г. Отец продолжал служить на той же службе, и в 1907 г. за политическую деятельность был выслан из г. Ялты. В чем заключалась его политическая работа, я хорошо не знаю, но после отъезда из Ялты он в политическом движении не участвовал.

Детские годы провел с семьей в г. Седлеце, той же губернии, в 80 верстах от Варшавы. Отметить чем-либо этот возраст не могу. Учился с десяти лет, с 1910 г. в гимназии, после эвакуации Польши переехал с сестрой и матерью в г. Ялту. Отец остался в Симферополе, т.к. не имел права въезда в г. Ялту. В Ялте я продолжал учиться в гимназии и лечил ногу (туберкулез кости, которым я заболел еще в Польше). В 1916–17 гг. я пролежал в постели весь учебный год и посещать школу начал только с осени 1917 г. В этот период при школе был организован Союз учащихся, в котором я и начал работать.

Первые шаги моей общественной работы были неуверенными, и я до знакомства с Борисом ИВАНОВЫМ, учеником нашей школы, не именовал себя ни социалистом, ни каким бы то ни было. Знакомство с ИВАНОВЫМ Б. побудило меня взяться за чтение социалистической литературы. Основательным толчком в выборе направления явилось выступление т. НЕРАТОВА, анархиста, прибывшего в Ялту. Завязать знакомство мне с ним не удалось, т.к. он с массой учащейся молодежи не имел времени общаться, но основательно ее взбудоражил своими двумя зажигательными речами. После его выступлений почти все наши ребята, интересовавшиеся социологией, стали называть себя анархистами. Я также считал себя анархистом и позже.

В конце 1918 г. на работе в Союзе я познакомился с т. БРОНШТЕЙНОМ. Он был моложе меня, но в революционном смысле был более страстным. Мы продолжали работу в Союзе учащихся, организовав так называемую «группу оппозиции» остальной массе учащихся. Впоследствии эта группа стала именоваться «Коммуной-оппо-

зицией». В 1918 г. после эвакуации белых в г. Ялте при парткоме был организован «Союз коммунистической молодежи». Сначала неуверенно, наши школьные ребята стали посещать его. Вначале он был при парткоме, и это немного отпугивало всех нас. Позже, когда мы привыкли к тому, что там нас не считают за белогвардейцев (я говорю о нашей гимназической форме), мы стали записываться членами СКМ.

В это время мы еще больше сжились с БРОНШТЕЙНОМ, МАКСИМОВОЙ и ДЗЯДУМИНСКИМ, много говорили, просиживали все вечера в здании Союза, но серьезно ничем не занимались. Многим из нас это стало надоедать, и ребята стали манкировать посещением. Так продолжалось до наступления белых, когда советская власть эвакуировалась и из Ялты. Нас, ребят, предупредили, чтобы те, кто хочет эвакуироваться, собрались к 7 часам утра в парткоме, а когда мы туда явились, то нашли только солому на земле. Кто-то из ребят сказал, что нас оставили для организации подполья. Но инструктировать нас было некому, и мы, разойдясь по домам, решили ничего пока не предпринимать.

Встречались изредка все вместе – БРОНШТЕЙН, МАКСИМОВА, ЛАНГ [Юрий Робертович] и я. Мы больше беседовали о текущих событиях. В этом положении застал нас приезд ТРОФИМОВА, который проживал некоторое время в Ялте нелегально, т.к. он в самом начале Октябрьского переворота (он у нас произошел в январе 1918 г.) был в рядах Красной гвардии. Встречи наши с ним происходили почти каждый день. Они заключались в том, что мы спорили и выпивали все вместе. На эти вечера ходили ТРОФИМОВ Владимир, его брат Владислав, ТЕРЕХИН Роман, я и еще кое-кто. Иногда бывал один гитарист, сейчас не помню, как его звали. БРОНШТЕЙН и МАКСИМОВА не ходили, потому что они в это время совсем не пили вина. Бывал ли там ЛАНГ Юрий, я не помню, кажется, нет.

После отъезда ТРОФИМОВА встречи эти и выпивки прекратились. Мы продолжали встречаться только в школе по вечерам, те, кто состоял в «коммуне-оппозиции», хотя нас там осталось очень мало. Через некоторое время родители БРОНШТЕЙНА стали противиться его уходу из дома. В предыдущий приход белых он был арестован и выпущен на поруки. Его брат, военный врач, даже побил его за то, что он ходил на наши собрания. После этого мы решили, вернее, не мы, а сам БРОНШТЕЙН, что ему надо бежать из дома. Все ребята его отговаривали от побега, т.к. его вообще наша школьная масса не любила и могла «засыпать», если он будет жить вне дома. У нас предполагалось организовать подпольную организацию, и ребята советовали БРОНШТЕЙНУ временно оставаться дома, т.к. боялись, что за ним станет следить контрразведка, если он уйдет из дома.

Первое время он, действительно, оставался дома, но позже все-таки сбежал из дома. Я пишу об этом потому, что его побег и послужил нам толчком организовать конспиративную квартиру. Кто ее организовывал – я так и не знаю. Помню, что кто-то, кажется МАКСИМОВА, меня повела и показала ее. Это была квартира, в которой впоследствии и арестовали БРОНШТЕЙНА и МАКСИМОВУ. Как только у нас появилась квартира, мы решили, что подпольная организация начала свое существование. Мы ходили туда, но что нам делать – не знали. Говорили, что мы должны агитировать среди населения, собирать все возможные сведения о белых. Но и то, и другое нам, школьникам, было трудно, и мы не знали, как за это взяться.

Прошло некоторое время, в котором мы пытались собрать ребят два раза. Раз мы все пошли на Дарсан, собралось ребят около 20-30, многих я не знал совсем. Сговориться там ни в чем не удалось. С этого времени у нас появилась вторая конспиративная квартира у т. КИСЕЛЕВА в Коммерческом училище. Я КИСЕЛЕВА очень любил, но встречаться с ним часто не мог. Положение у нас становилось тяжелым, мы все были на виду, и побег уже двух ребят (МАКСИМОВА ушла из дома к БРОНШТЕЙНУ), которых разыскивали родные, сильно нас компрометировал. Мы много спорили на эту тему. Я и ЛАНГ настаивали на том, что осуществлять в таком положении дело нельзя и нужно скрыть все. И БРОНШТЕЙНУ с МАКСИМОВОЙ, кажется, советовали уйти в горы к «зеленым». Он ходил несколько раз, чтобы завязать с

ними связь, но сам в лесу не остался, а в результате привел оттуда еще одного товарища, а потом и другого. Как их звали, я не помню.

Я и ЛАНГ находили, что оставаться дольше на той квартире невозможно, и однажды, поссорившись с БРОНШТЕЙНОМ, решили, что к нему ходить не будем. Мы считали, что белые должны знать, что все мы четверо были при комсомоле, и не оставят нас без слежки. БРОНШТЕЙН говорил, что, если мы перестанем встречаться, этим самым организацию подполья мы сорвем. В это время мы были разбиты на «пятерки». Спор шел главным образом о нашей «пятерке». Когда мы категорически заявили, что нашу «пятерку» надо развести, БРОНШТЕЙН начал возражать и говорить, что мы не имеем этого права «в порядке партийной дисциплины». На вопрос, кто нам, кроме нас самих, может диктовать порядок дисциплины, БРОНШТЕЙН заявил, что «хотя бы он». Это нас возмутило, и по крайней мере я заявил, что я не подчиняюсь, хотя бы мне пришлось уйти из организации, что я и сделал. Сделал потому, что я не мог найти ни КИСЕЛЕВА, ни ТРОФИМОВА, а других ребят я не знал.

Около трех недель я никого не видел, кроме ЛАНГА, который говорил, что с БРОНШТЕЙНОМ он встречается только на улице (они жили оба на Аутской). Через три недели, накануне ареста, арестовали ребят из одной «пятерки», в которой был МАГНУШЕВСКИЙ Леопольд. Через несколько дней арестовали БРОНШТЕЙНА, МАКСИМОВУ и меня. ЛАНГ в это время сидел на гауптвахте. В первый же день ареста в контрразведке я увидел КИСЕЛЕВА, который был тоже арестован одновременно со мной. Я начал соображать, что, очевидно, арестованы все ребята и что нас кто-то выдал. Я решил, что не буду отказываться от своих посещений комсомола, но не буду говорить, что состоял членом, а скажу, что нас, школьников, комсомольцы привлекали на беседы, и только. Также я не нашел возможным отрицать, что там бывали остальные ребята нашей «пятерки». Мы были на виду, и любой из гимназистов, состоящих в роте при контрразведке, мог это подтвердить. Я так и показал на первом допросе.

Через недели две меня вызвали на допрос второй раз и допрашивали главным образом о БРОНШТЕЙНЕ и его жизни на конспиративной квартире. Я отвечал так же, мотивируя тем, что его дома били и он не хотел жить у своей бабушки. Посещения свои и других товарищей я объяснял просто дружбой и материальной помощью БРОНШТЕЙНУ, который, уйдя от родных, остался без хлеба. На вопрос следовательно, откуда БРОНШТЕЙН достал пулеметную ленту (пояс), я ответил, что не знаю, но не стал отказываться от того, что я ее видел, т.к. думал, что она была найдена при обыске. И даже не сказал, что видел, а, кажется, сказал, что слышал, что БРОНШТЕЙН просил достать ему пояс, т.к. его подтяжки порвались. От обвинения БРОНШТЕЙНА, что он был членом Комитета комсомола, я отговорился незнанием, сказал, что я только один раз видел его входящим в комитетскую комнату и что он не мог быть членом Комитета. Вот эти пункты были зафиксированы в протоколе моего допроса относительно т. БРОНШТЕЙНА.

Через два месяца после допроса меня выпустили из Арестного дома и зачислили свидетелем по делу БРОНШТЕЙНА. Во время моего пребывания в Арестном доме на Пушкинской улице туда был переведен БРОНШТЕЙН и помещен в мою камеру. После разговора с ним мы решили, что это было сделано для наблюдения за нами, и условились держаться настороже. Но все же ему удалось мне рассказать, что его систематически избивали юнкера и он хочет отравиться. Когда меня выпустили, БРОНШТЕЙН оставался в том же Арестном доме, но был переведен в отдельную комнату и с трудом сумел передать мне один адрес, по которому я мог бы достать яд, цианистый калий.

Когда я вышел из Арестного дома, несмотря на то что у меня разных поручений было много, мне еще удалось вынести письма тт. РАТОМСКОГО и ХОЛИНА, которые я, уже не помню через кого, отправил. Точно так же я и с просьбой БРОНШТЕЙНА не остался в бездействии. Я пошел по указанному адресу, но проживавшее там лицо было, очевидно, осторожнее нас и выехало тотчас же после нашего ареста. Имя этого товарища не помню. Я пытался найти яд другими путями, но не смог.

Через несколько дней после этого меня вызвали снова в контрразведку и показали там записку, написанную на листе папиросной бумаги рукой БРОНШТЕЙНА, в которой были повторены те же имена и адреса, которые он давал мне еще в Арестном доме, со вторичной просьбой достать яд. На вопрос, что я знаю об этих лицах и яде, я ответил то же, что мне сказал БРОНШТЕЙН, т.е. что его бьют и что он хочет отравиться. При мне же дежурный офицер дал наряд об аресте гарнизонного фельдшера, который должен был передать яд в камеру.

Позже, уже на суде, я узнал, что при аресте этого фельдшера были найдены предметы и литература, хранившиеся на второй конспиративной квартире, где жили этот фельдшер и КИСЕЛЕВ. Относительно этих товарищей я могу сказать, что их выдал нечаянно сам БРОНШТЕЙН благодаря своей неосторожности. Он эту записку написал заранее, как показал сам на суде, и хотел передать мне, т.к. боялся, что я мог забыть адреса и поэтому не передаю яд. Написав ее, он носил ее в кармане, и когда его повели на допрос, то не смог ее уничтожить, а ее у него отобрали, обыскав карманы. Это его собственные были слова. Теперь относительно товарища, кажется, МАКСИМА, о котором говорили, что он выдал ребят, что тоже неверно. Просто ребята сами засыпались, т.к. за нами была слежка, и явная.

У меня в квартире, как выяснилось после суда, жил агент контрразведки, родственник ЧУЙКЕВИЧ, на чьей даче я жил. Это относительно меня, а БРОНШТЕЙНА выявил дворник дома, в котором была его конспиративная квартира. Он в комендатуре белых по подложным документам взял ордер на реквизицию квартиры быв. князя Волконского на Греческой улице и назвался чиновником особых поручений при каком-то губернаторе, забывая, что его хорошо мог знать как школьника тот же дворник, управляющий дачей князя Волконского. Кроме того, БРОНШТЕЙН нелепо поставил вопрос с этой квартирой тем, что имел 14 лет от роду и, учась в 5-м и 6-м классах Коммерческого училища, будучи еще евреем, ему нельзя было именоваться «чиновником особых поручений» в том же городе, где он прожил больше двух лет. Это основное, и я думаю, что в его работе было много подобных ляпсусов, послуживших причиной гибели его и других товарищей.

Тов. КИСЕЛЕВ был арестован в один день со мной и три дня был заключен со мной в городском розыске на Морской улице. Ему удалось мне сказать, что арестован он по подозрению в сношении с «зелеными», других обвинений ему не предъявлено, хотя и спрашивали о ребятах. Он мог легко отговориться незнанием, т.к. действительно очень редко с нами встречался. На Морской улице в городском розыске ему легко можно было бежать, но он на мое предложение отказался, мотивируя тем, что его могут все же не расшифровать и ему незачем напрасно себя компрометировать. После уже того, как у БРОНШТЕЙНА была найдена эта записка, КИСЕЛЕВ был настолько скомпрометирован, что суд присудил его к расстрелу. Это вина неосторожности БРОНШТЕЙНА.

После суда я оставался в Ялте и после эвакуации белых встретился с МАКСИМОВОЙ, которая мне заявила, что если я и не выдал их, то все же держал себя не так, как было нужно. Она поставила мне в вину также то, что я отказался подчиниться БРОНШТЕЙНУ в порядке партийной дисциплины. После этого разговора я решил, что мне невозможно войти вновь в комсомол, т.к. те, кто был близок к МАКСИМОВОЙ, будут меня упрекать, а я не могу ничего сказать, кроме того, что БРОНШТЕЙН был мальчишкой и его смерть этого не извинит. В это время к РЛКСМ стало примазываться столько ребят, что мне еще тяжелее стало быть в их рядах, и я решил уйти. Я был под гнетом внутреннего разлада и хотел покончить с собой. Товарищ МАГНУШЕВСКИЙ первым пришел мне на помощь, и мне это было тем более дорого, что он был одним из сидевших на скамье подсудимых с БРОНШТЕЙНОМ. Он смеялся над тем, как контрразведка пыталась построить обвинение их всех и использовала мои показания. Встреча с МАГНУШЕВСКИМ меня оживила, и я вернулся к сознанию, что я не виноват в том, что показывал, не виноват и потому, что не показал ничего такого, в чем меня обвинила МАКСИМОВА. Вот вкратце все, что я могу сказать об этой части моей жизни.

По рекомендации т. ХОЛИНА и РАТОМСКОГО меня назначили на работу в Курортную комиссию, впоследствии Ялтинскую курортную управу, где я прослужил до лета 1921 г., когда перешел на работу к т. МАГНУШЕВСКОМУ в с/х быв. Стеценко «Кучук-Сюрени». Там я проработал до осени и после его расформирования вернулся в Ялту, где у меня жили мать и сестра. Приехав в Ялту, я пытался зарегистрироваться на бирже труда, но мне заявили, что я должен регистрироваться в г. Севастополе, т.к. совхоз, в котором я работал, находится в Севастопольском районе. Я оставался безработным до весны 1922 г., когда мне удалось поступить в с/х «Дюльбер» счетоводом при управлении подрайона ЮКУ. Дальше я работал счетоводом в санатории «Группа дач» в Мисхорорсе. Уволившись оттуда, я переехал в Ялту, где в это время был МАГНУШЕВСКИЙ и где прожил 2 месяца. Подружившись с ним, я решил с ним вместе ехать в Туркестан, что и сделал.

Работал на Тюя-Муюнском руднике лаборантом-радиологом и оказывал медицинскую помощь рабочим, т.е. выдавал хину и прочее за неимением специалиста-лекгома. Рабочие меня любили за внимательный уход за больными, из-за которых мне часто приходилось ссориться с администрацией рудника. Зимой 1924 г. в ленинский набор в РКП меня выдвинули рабочие рудника и я под влиянием их подал свою анкету. Но тут опять пришли старые сомнения. Я все же решил, что не могу остаться в партии, и, уже получив свою анкету утвержденной облкомпартии, я решил бежать. Уволился с рудника и уехал в Москву, где находился другой мой товарищ, ЛАНГ Юрий. У него на квартире я и остался жить. Так я познакомился с его братом Николаем и заинтересовался работами анархистов. Это вышло следующим образом.

Николай ЛАНГ был очень резкий человек и жил со своим братом Юрием в довольно натянутых отношениях. Меня, как старого товарища и однокашника по ялтинской подпольной организации, он встретил целой серией иронических выпадов. И на мой ответ о моих политических убеждениях (я всегда именовал себя анархистом) он заявил, что я не могу себя так называть, если я не знаком с известными анархическими работниками, да и вообще никогда не был в подобной организации. Под влиянием этого разговора я отправился в Дом анархиста, бывший в то время на Тверской улице. Несколько посещений этого Дома меня не удовлетворили настолько, что я перестал его посещать.

Прошло довольно много времени, я не помню точно дат. Я служил в 1-м МГУ счетоводом и по вечерам часто посещал театры и своих новых знакомых. В этом числе были и НИКИТИНЫ, т.к. НИКИТИН женат на сестре ЛАНГОВ. Они часто устраивали литературные вечера и читки пьес, которые ставились в гос. театрах и художественной обработкой которых он, НИКИТИН, был занят. Мое заявление, что я анархист, и там нашло отклик, и надо мной часто подтрунивали и спорили. В один из таких вечеров меня познакомили с СОЛОНОВИЧЕМ, которого я там в этот день встретил впервые, и сказали, что он имеет какое-то отношение к анархистам, и в частности к Кропоткинскому дому. Я очень обрадовался и пристал к СОЛОНОВИЧУ, чтобы он ввел меня в этот дом, на что он мне ответил, что я могу вообще всегда туда приходить, а об особо интересных каких-либо собраниях он меня постарается известить.

Посещая эти собрания, я узнал, что группировка анархистов имела чисто мистический характер. Там говорилось о дуализме природы, добре и зле и о том, что добро есть первый стимул жизни и добро может победить только в том случае, если оно найдет достаточное своих поборников. Очень сложная философская и мистическая подготовка требуется человеку, чтобы он мог быть его насадителем. Конечная идея социологической эволюции анархизма, по мнению этой группы анархистов, есть в беспредельном царстве добра, в победе над мраком, мудрости над невежеством.

Все эти постулаты базируются на текучести и однородности всех религий и также всех революционных движений. Так, черпая свою символику из египетских и других религиозных и эзотерических преданий древних религий и культов, анархисты-мистики считали, что религия первоначально есть движение революционное, борющееся всегда за одно и то же, за победу света над мраком, засоренное впо-

ледствии, после своей временной победы над человеческой психикой, чисто официальным или, как они говорили, рациональным пониманием. Так и они считали, что всеобщее обнаружение анархизма, т.е. его навязывание, приведет только к такому же искажению самого анархизма. Для этой цели, чтобы оно удержалось в чистоте, его надо дать только подготовленным, т.е. замкнуть в рамки, вроде степеней египетских храмов.

Меня вначале сильно заинтересовал этот подход и форма трактовки анархизма, и я с увлечением стал посещать эти собрания. Мне предложили, если я хочу, ввести в первую степень посвящения жреца «Храма Искусств». Я колебался, мне казалось, что это все же слишком нелепая форма для анархиста, который стремится снять с себя все титулы и отличия. Мое колебание было замечено, и СОЛОНОВИЧ лично спросил меня, чем оно вызвано. На это я ему заметил, что вся эта форма, в которую облачается анархизм, не дает ничего нового в смысле разрешения вопроса социальных противоречий и что если принять их, то мы придем скорее к феодализму, чем к анархизму.

Это его сильно рассмешило, и он советовал бросить думать об этом, а также и посещать этот музей.

На это я ответил, что, быть может, я ошибаюсь, что это мое первое мнение, но что я хочу еще поглубже познакомиться с этой трактовкой анархии. На этом наш разговор кончился, и я его вообще больше не возобновлял. Ходил в музей потому, что меня не гнали, и потому, что это было все же интересно. Я думаю, что я, очевидно, поспел для кое-каких испытаний, потому что на вопрос одного из соседей по лекции, чем я думал бы оправдать свое анархистское понимание и служение, я ответил, что служением искусству. Он очень охотно подхватил мою фразу, и мы с ним беседовали еще долго после того, как ушли оттуда. Мы ходили по московским бульварам и говорили до 2 часов ночи, после чего разошлись. С тех пор меня стали встречать более симпатично и предложили, читывая, что в тот момент я был безработным и занимался рисованием плакатов и прочими случайными работами по графике, написать несколько плакатов-текстов из сочинений Бакунина ко дню его юбилея — его смерти, что ли.

Я очень обрадовался, что смогу подработать, помню, у меня мои сапоги начинали рассыпаться. Но когда я взял эти тексты, меня разочаровал БОРОВОЙ, который мне их вручил, тем, что это работа бесплатная. Мне было неудобно отказать, и я принял за работу.

Я написал свой первый плакат и отнес его в музей. Меня благодарили и просили написать остальные. Я обещал. В то же самое время мои денежные затруднения все увеличивались. Из целого ряда моих знакомых кое-кто мне доставал работу по рисованию, кое-кто приглашал обедать, но больше никто ничего не мог сделать. Моя сослуживица по университету Татьяна Георгиевна ФЕССИНГ больше всех выручила меня в тот момент, достав работу по изготовлению рисунков для клише «Лито». Это была, кажется, кооперативная артель или же что другое, не знаю. Работа была очень тяжелая и срочная, и у меня теперь совершенно не оставалось времени писать плакаты для Кропоткинского музея. И, пообдумав вообще над вопросом об анархистах, я решил, что мне незачем как делать эти плакаты, так и ходить к ним.

Во-первых, я понял, что мне начинают предъявлять требования в каком-то послушничестве, во-вторых, имея в виду все степени посвящения, я мог достаточно себе представить, что меня ждет впереди, тем более что я не встретил со стороны анархистов совершенно ни совета, ни поддержки. У них это не принято, и они ясно дали понять, что обращаться за советами нельзя. Можно говорить только свое мнение и вносить свои предложения.

Вообще, мне надоели подобные блуждания по неизвестным истинам, и я решил отослать плакаты и самих анархистов подальше. Плакат я отнес в музей и написал БОРОВОМУ письмо, в котором заявил, что дошел до очень большой нервозности и должен заниматься лечением своих нервов. У меня в тот момент действительно было желание покончить с собой. С анархистами я разошелся, и с тех пор я не был в

Кропоткинском музее и не хочу о нем вспоминать. Также и тех лиц, которых там видел. Имена же, что я назвал, СОЛОНОВИЧ и БОРОВОЙ, принадлежат старшинам Кропоткинского музея. Я знал еще одну фамилию, одного старичка, который очень внимательно выслушивал все мои словоизлияния, но фамилию его не помню. Лекции, если их можно назвать лекциями, бывали по самым разнообразным предметам и иногда сопровождались чем-то вроде дискуссий. Под впечатлением этих лекций мною написана статья, которую я назвал «Сон Психеи». Мне не удалось прочесть ее в музее, но кое-кому из постоянных его посетителей я прочел. Это было перед предложением плакатов.

Имен других посетителей я не знаю, это было не принято у анархистов. Я знал три имени — СОЛОНОВИЧ, БОРОВОЙ и тот старичок, о котором я говорил. На этом кончаю свою деятельность анархиста. Да, уже в Ялте я получил от тех же анархистов две посылки, это шесть или семь номеров журнала библиографического содержания, и думаю, что от них же «Васильки».

Все это я оставил себе на память о том моменте, когда я был близок к анархистам и к смерти.

Мои остальные знакомства по г. Москве — это прежде всего братья ЛАНГ и их ближайшая родня, НИКИТИНЫ. Затем ФЕСИНГ Т.Г. и ее тетка Е.Ф.ЛИСЕЦКАЯ, моя бывшая жена САМАРСКАЯ Е. — родная сестра жены Ю.ЛАНГ, П.Е.КОРОЛЬКОВ, с которым я познакомился у НИКИТИНЫХ и впоследствии сильно сдружился, а также часто делился своими впечатлениями об анархистах. ЛЮБИМОВЫ, с которыми меня познакомил тот же КОРОЛЬКОВ и которые часто питали меня работой по освещению (я часто работал монтером), ФОМИНА Е., моя сослуживица по университету, и еще ряд знакомых, с которыми я был знаком еще до приезда в Москву.

Незадолго до отъезда из Москвы, который, как я полагал, будет первым и последним, туда приехал МАГНУШЕВСКИЙ, с которым я не виделся с 1924 г. со дня отъезда из Туркестана, с рудника. Делясь своими впечатлениями о Туркестане, он признался, что захватил с собой анаши, но что курить ее не может, и я попросил дать ее мне, т.к. все время не отрываясь проектировал самоубийство. Об этом я ему, конечно, не говорил. Анашу я привез с собой в Ялту, но постепенно отошел от этой мысли. Из всей анаши я часть выкурил еще в Москве и отдал своим знакомым, остальное растерял в Ялте. Приехав в Ялту, я хотел прожить здесь все лето и на этом ограничить свою жизнь. Но за летние месяцы я пришел к заключению, что могу не спешить и сделаю это тогда, когда не найду в себе силы к жизни.

Денежные затруднения моей сестры, у которой я жил, побудили меня искать работу, и в конце лета 1927 г. я после долгих попыток устроился на работу в Цусстрах счетоводом склада в Алушке. Работал там до ликвидации. Сдружился с КОМАРОВЫМ Сергеем и жил с ним вместе. Уехал в Ялту, где оставался долгое время безработным и кормился рисованием. Позже, в 1928 г., попав на работу в Крымживотноводсоюз, взялся за изучение ретуши и стал работать ретушером, что и делаю до настоящего времени. Никакой общественной работы не веду — боюсь, что старые противоречия снова охватят меня. Хочу специализироваться в области фотографии, т.к. она меня не толкнет опять на путь к самоубийству, как это было с рисованием. Из ялтинских знакомств не имел ни одного, которое бы сталкивало меня с нелегальным политическим течением. Заканчиваю.

В.Сно

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 529-552]

СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович

(1887 — 1937)

Солонович Алексей Александрович родился 11.10.1887 г. в местечке Казимерж Люблинской губернии в семье полковника-артиллериста. До 1905 г. обучался в Орловском (Бахтина) кадетском корпусе и бывал в г. Карачеве Орловской губернии,

где, по-видимому, находилось имение его отца, полковника 14-й артиллерийской бригады Александра Николаевича Солоновича (умер до 1907 г.), или матери, Александры Константиновны Солонович. Именно в Карачеве в 1905 г. А.А.Солонович был замечен полицией «в *противоправительственной агитации*». В 1907 г. Солонович поступил на математический факультет Московского университета, откуда в феврале 1911 г. был исключен «за участие в *студенческих беспорядках*» с запрещением проживания в Москве, однако в феврале 1912 г. его жена, Агния Онисимовна Солонович, подала прошение о восстановлении мужа в университете вместе с представлением свидетельства декана физико-математического факультета о его непричастности к «беспорядкам». В 1914 г. Солонович окончил университетский курс, после чего был оставлен при университете на кафедре чистой математики. В том же году он был привлечен к суду за свою книгу «Скитания духа», вышедшую в Москве в издательстве «Сфинкс», но оправдан. С марта 1918 г. Солонович работает заведующим культурно-просветительной работой, а затем и комиссаром просвещения на Виндавской ж.д.; с 1920 г. — преподаватель математики в МВТУ им. Баумана, в I-м МГУ и в других вузах Москвы.

Сразу после Февральской революции А.А.Солонович выступил с рядом теоретических статей по анархизму¹, что, видимо, и послужило причиной его сближения с А.А.Карелиным. Во всяком случае, это должно было произойти не позднее конца 1918 г., когда он вошел в состав Секретариата Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов и анархистов, основанную тогда же Карелиным.

23.04.25 г. А.А.Солонович был впервые арестован по подозрению в анархо-подпольной работе. Причиной репрессий против анархистов в апреле 1925 г., судя по вопросам, задававшимся на следствии, и ответам обвиняемых, стала листовка, подписанная «Рабочие-анархисты», связь которой с Федерацией Солонович категорически отвергал. На допросе 27.04.25 г. Солонович показывал:

«В Секретариате анархо-коммунистов я не состою приблизительно уже около двух лет. Связь же с Секретариатом я все время поддерживаю как через жену, так и лично. Моя личная анархическая деятельность проявляется только в собеседованиях со случайно собирающимися у меня людьми или интересующимися анархизмом, а также когда я бываю у своих знакомых, где поднимается суждение об анархизме. Лично я на таких собеседованиях делаю импровизированные доклады философского и теоретического характера. Кроме того, в случае прихода какого-либо товарища с вопросом и разъяснением мною давались те или иные советы. Я всегда при докладах, беседах и отдельных разговорах предупреждал товарищей и давал им указания, чтобы они ни в коем случае не вели какой-либо антисоветской или нелегальной работы, а вели бы только работу теоретического характера по развитию своих личных познаний и анархического миропонимания. В случае обращения ко мне кого-либо с просьбой о возможности чисто теоретической работы в какой-либо группе или кружке для изучения анархизма я, если имелся в то время действующий кружок, знакомил данного товарища со знакомыми мне товарищами из работающих в группе» [ЦА ФСБ РФ, Н-3278, л. 60б].

Несмотря на уверения Солоновича в своей лояльности, обвинительное заключение 25.05.25 г. указывало на «*причастность гр. Солоновича в создании и руководстве нелегальных анархических кружков среди студенческой молодежи. Среди некоторых нелегальных кружков гр. Солоновичем читались доклады и направлялись отдельные члены анархической Федерации или лица, интересующиеся анархизмом, в функционирующие кружки. Солонович является одним из организаторов небольших нелегальных кружков, куда могли быть вовлечены интересующиеся анархизмом элементы, ставя целью этих кружков первоначальное их ознакомление с анархизмом и дальнейшее привлечение к более активной работе среди масс...*» [ЦА ФСБ РФ, Н-3278, л. 17]. Поэтому ОСО Коллегии ОГПУ решением от 26.06.25 г. приговорило Солоновича к трем годам лишения свободы в Суздальском политизоляторе.

Из Суздаля Солонович был освобожден решением ОСО ОГПУ от 25.09.25 г. в результате обращения ректора МВТУ Н.П.Горбунова к Прокурору ОГПУ Р.П.Катаняну от 05.09.25 г., хотя нельзя исключить здесь и личного обращения А.А.Карелина к А.С.Енукидзе.

На протяжении 20-х гг. А.А.Солонович и его жена, Агния Онисимовна Солонович, входившие в Секретариат ВФАК, в Кропоткинский Комитет, а после смерти А.А.Карелина 20.03.26 г. — в Карелинский Комитет, занимавшие главенствующее положение в «Черном Кресте помощи заключенным и нуждающимся анархистам», стали «ключевыми фигурами» в анархо-мистическом движении, в особенности по вовлечению в различного рода кружки учащейся молодежи. Некоторые из этих кружков занимались на квартире Солоновичей — Остоженка, Полуэктов пер., 3, кв. 4. По этому адресу, кроме Солоновича и его жены, жили их дети: сыновья Сергей, 1907 г. рожд., Алексей, 1918 г. рожд., и дочь Татьяна, 1923 г. рожд., а также сестры А.А.Солоновича: Надежда Александровна, 1892 г. рожд., безработная, и Екатерина Александровна, 1894 г. рожд., врач.

А.А.Солонович был арестован в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. одновременно с сыном Сергеем². При обыске было изъято: 1) 23 письма «Черного Креста», 2) книга протоколов Комитета по увековечению памяти А.А. Карелина, 3) 14 писем, 4) 8 записных книжек, 5) 2 сброшюрованных книги из статей и заметок Солоновича, 6) 1 папка с напечатанными статьями и рукописями Солоновича, 7) одна папка с анархическими книгами и конспектами Солоновича, 8) машинопись «Голубая сказка», 9) плакат к Бакунинскому Комитету, 10) неизвестного предназначения аппарат, 11) пишущая машинка системы «Смит-Премьер» № 30524.

Солонович содержался во Внутренней тюрьме ОГПУ и 26.09.30 г. ему было предъявлено обвинение в организации и руководстве подпольным контрреволюционным кружком и распространении нелегальной литературы. Как можно видеть из протоколов допросов и обвинительного заключения по делу «Ордена Света», основным материалом против Солоновича (и Ордена), наряду с циклами читавшихся им в анархо-кружках лекций, стал его многотомный труд «Бакунин и культ Иальдобаофа», содержавший не только попытку мистического освещения деятельности знаменитого анархиста, но и прямые выпады против коммунистов и советской власти в целом. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. А.А.Солонович был приговорен к пяти годам заключения в Ярославском политизоляторе, однако согласно документам решением КОГПУ от 10.06.33 г. он был досрочно освобожден из Верхне-Уральского политизолятора и выслан на оставшийся срок в с. Каргасок Нарымского округа Западно-Сибирского края.

Как явствует из дела 1937 г. на Бема, Мокринского и других, Солонович, отбывая ссылку в Каргасоке, не прекратил своей активной деятельности и в 1933 г. создал из числа ссыльных анархистов нелегальный кружок — «Рабочая фракция», провел ряд собраний и пр. Судя по ряду сообщений, Солонович действительно вел организационную работу в ссылке, пытался установить связи с Москвой и другими городами, где находились ссыльные анархисты, причем в этом ему способствовали и секретные сотрудники ОГПУ-НКВД. В результате 21.01.37 г. Солонович был арестован в Каргасоке Нарымским окружным отделом НКВД, и 08.02.37 г. ему было предъявлено обвинение по ст. ст. 19, 58/10 и 11 УК РСФСР, по которому он отказался давать объяснения. О том, что происходило дальше, можно догадываться по справке, находящейся в деле, согласно которой уже 23.02.37 г. он поступил в больницу ОМВ УНКВД г. Новосибирска (естественно, причина поступления в больницу не указана), объявил голодовку и скончался в 10 часов 50 минут 04.03.37 г. «при явлениях нарастающей слабости сердечной деятельности», в связи с чем уголовное дело на него было прекращено 05.03.37 г.

По делу «Ордена Света» А.А.Солонович реабилитирован Постановлением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г.; по делу 1936—1937 г. реабилитирован прокуратурой Томской области 01.09.1992 г. на основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г.

¹ Солонович А. Квадрига мировой революции. // Клич, № 1-2. М., 1917; он же. Всероссийская генеральная конференция интеллектуального труда. // Революционное творчество, № 1-2. М., 1918. В последующем много статей печатал в основанной и затем возобновленной

А.А.Карелиным газете «Рассвет»: «Анархическая общественность» (13–18.04.1925 г.), «Волхвы и предтечи» (3-9.07.1926 г.), «Власть и могущество» (17.05.1930 г.), «Безвластническая коммуна» (13.06.1930 г.), «Задача рабочего» (04.08.1930 г.), а также в журнале «Пробуждение»: «Памяти Карелина» (№ 1, 1927 г.), «Философия культуры» (№ 2, 1927 г.), «Личность и общество» (№№ 3 и 4, 1927 г., №№ 5 и 6, 1928 г.), «Философские предпосылки мировоззрения П.А.Кропоткина» (№ 8, 1929 г.).

² С.А.Солонович обвинялся в организации подпольного анархокружка из молодежи. Вся история последующих злоключений С.А.Солоновича, его жены и шурина, В.К.Покровского, фактически ничем не связанных с Орденом или анархо-мистиками, содержится в документах двух архивно-следственных дел ЦА ФСБ РФ: Р-33032 (преж. 103515, 574740, Н-6718) 1930 г. и Р-33031 (преж. 251739, Н-10849) 1936 г., в последнем из которых находятся все прошения С.А.Солоновича о реабилитации, в том числе и письмо к Генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко с описанием обстоятельств его «третьей посадки» в 1949 г.

ПОКАЗАНИЯ СОЛОНОВИЧА А.А. 14.09.30 г.

После Октябрьской революции моя установка по отношению к советской власти была: принципиально не признал советской власти, как и всякой другой, но фактически считал невозможным и нецелесообразным вести против нее борьбу, так как такая борьба могла бы дать только победу буржуазии, ибо такова была общая ситуация, а в частности – положение самого анархического движения. Однако считал возможным и необходимым вести пропаганду анархических идей в легальных формах и лояльных. До организации Кропоткинского музея, т.е. до 1923 г., я входил в Московский Союз анархистов, затем с 1919 г. во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов и анархистов. Состоял членом Секретариата (кто входил в Секретариат кроме меня, я принципиально отказываюсь назвать). Работа Секретариата заключалась в том, что вели обширную переписку с анархистами провинции, издавали журнал «Вольная жизнь» и если рассылали информационные письма (чего я не помню сейчас точно), то они просматривались Секретариатом. Для обмена мнений и информацией приезжали товарищи в Москву из провинции, но в провинцию из центра не ездили, за исключением совершенно случайных личных встреч.

Мое личное отношение к взрыву Московского комитета в Леонтьевском переулке было отрицательное. Отношение к Кронштадтским событиям также отрицательное. Публичное выступление против тех или других анархических проявлений в условиях отсутствия полной свободы слова считаю невозможным в силу ложного положения, в которое оно меня поставило бы как анархиста. «Эксы»* считаю недопустимыми в настоящих условиях, но в буржуазных странах не отрицаю, хотя лично считаю не лучшим способом борьбы. К террору я также отношусь отрицательно.

После смерти КРОПОТКИНА организовался Кропоткинский Комитет, в который я вошел членом, остальных членов Комитета называть отказываюсь принципиально. Моя работа в Комитете заключалась: музейная, архивная, организационная и пропагандистская. Музейная заключалась в музейной стороне дела (экспонатной), собирание средств при помощи подписных листов, пожертвований, выступлений публичных и из-за границы. Архивная: собирание биографических материалов, писание очерков, библиотечная работа и т.д. Организационная: в организации анархической секции Комитета, научной секции, социально-экономической и литературной. Я лично состоял в анархической и научной секциях.

Пропагандистская работа заключалась в статьях и лекциях. Лекции в музее я читал по различным вопросам, связанным с личностью, мировоззрением и отдельными идеями КРОПОТКИНА. При секции существовал кружок библиографически-исторического характера, руководимый членами секции; кроме этого кружка о существовании таковых кружков при секции мне неизвестно. На существование Библиографического кружка была дана санкция секцией. В своих лекциях в Кропоткинском музее я специально советской власти не касался, но касался иногда некоторых современных событий и явлений. Мои лекции, читаемые в музее Кропоткина и ра-

нее читаемые дома или по приглашению на какой-либо квартире, анархическим кружком стенографировались. Это относится приблизительно к 1919-20 гг. Эти же лекции давались мною, а м.б., впоследствии и другими, читать знакомым анархистам и знакомым вообще. Ряд таких стенограмм напечатан за границей.

По поводу содержания моих лекций заявляю: что их задачей было показать, как от любого мировоззрения можно прийти к анархизму. Особое значение имели здесь религиозно-мистические установки, т.к. они свойственны очень многим людям и гораздо целесообразнее не суживать анархизм до одного частного типа мировоззрения, но расширить его, показать его совместимость с любым.

Протокол прочитан и записан с моих слов правильно.

А.Солонович

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 584-584об]

* «Эксы» — экспроприации, т.е. ограбления.

ПОКАЗАНИЯ СОЛОНОВИЧА А.А. 14.09.30 г.

Мною написано сочинение «Бакунин и культ Иальдобаофа», каковое я давал знакомым для прочтения, кроме того, я давал для прочтения знакомым и сборник своих старых напечатанных статей. Я состоял членом Секретариата Карелинского Комитета до 1929 г., хотя членом Комитета остался и до сих пор. Работа заключалась в том, чтобы подобрать рукописи, хлопотать о помещении, подобрать материал биографии и подготовить открытие музея. Работа в Бакунинском Комитете заключалась в том же, хотя была организована выставка в Кропоткинском музее. Была дана небольшая сумма денег на издание сборника памяти Бакунина.

В тех случаях, когда ко мне обращались товарищи, заявляя о своем желании работать, я им указывал на единственно допустимую форму анархической работы — проработку основных классических течений анархизма и построение на базе их целостного анархического мировоззрения, причем я всегда подчеркивал, что, к сожалению, анархисты слишком мало обращали внимания на проработку анархистов-основоположников. Таков был мой совет к лицам, стремящимся к работе как в одиночку, так и группой. С тех пор как до меня дошли слухи о том, что в «Рассвете»^{*} появляются странные статьи, я перестал посылать туда свои статьи; то же самое, я не писал и в «Пробуждение»^{**}.

Протокол прочитан и написан правильно с моих слов.

А.Солонович

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 585]

* Газета «Рассвет» — «орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады» (Чикаго, Детройт) — была основана А.А.Карелиным в 1924 г. и являлась продолжением газеты «Американские известия» (Нью-Йорк), основанной им же. В ней печатались статьи и пьесы А.А.Карелина, А.А.Солоновича, А.С.Пастухова, И.В.Хархардина, В.С.Худолея, А.А.Борового, В.Н.Фигнер и др.

** Журнал «Пробуждение» — «орган свободной мысли; издание русских прогрессивных организаций Соединенных Штатов и Канады, Детройт» — был основан А.А.Карелиным. Первый номер вышел в апреле 1927 г. и до начала 30-х гг. журнал сохранял анархо-мистическое направление, проводимое его издателями: Е.Моравским и Е.Долининым. Печатали статьи А.А.Солоновича, И.В.Хархардина, В.С.Худолея, Л.А.Никитина, А.С.Пастухова, А.А.Карелина и др. анархо-мистиков.

ПОКАЗАНИЯ СОЛОНОВИЧА А.А. 19.11.30 г.

Мое сочинение о Бакунине, перепечатанное на машинке, является черновиком, т.к. я имел и имею обыкновение, раз написав что-либо, читать это своим знакомым, более или менее компетентным по данному вопросу, с тем, чтобы учесть затем их возражения и замечания. Поэтому я давал своим знакомым читать «Бакунина», чтобы потом соответствующим образом переделать указанные места. Многие

из моих знакомых указывали мне, между прочим, на необходимость изменения и уточнения места из 2-го тома, с. 362, по поводу Кронштадта и т.п. Дело в том, что там я считаю Кронштадтское восстание отголоском революции, подавляемой ВКП(б), тогда как на самом деле это было явление крайне сложное, где, наряду с самодетельностью масс, т.е. явлением революционным, выступают и многие моменты контрреволюционного свойства, причем эта контрреволюционность, несомненно, гораздо глубже той, которую я указал у ВКП(б), и совершенно другого характера, а именно собственнического, дооктябрьского, тогда как у ВКП(б) контрреволюционность властничества вообще. Последнее же исторически еще, вероятно, долго не изживется, тогда как «собственничество» партией ВКП(б) во всяком случае преодолевается.

Что касается махновщины как проявления самодетельности массы, пытающейся даже оформиться в примитивном анархическом мировоззрении, это явление, несомненно, революционно. Однако его примитивизм так велик, что даже «набатовцы»* в конце концов не считают возможным связать себя с ним в одно движение. Его идеология была слишком примитивна, а действия слишком часто переходили границы того, что допускает анархизм; поэтому я никогда ни в чем не мог ни фактически, ни идеологически связывать себя с ним, хотя мне и приходилось неоднократно выступать на его защиту (так же, как и с его критикой в других случаях) там, где этого требовала от меня историческая истина, которая в пылу гражданской войны часто была несправедлива к Махно.

В разбираемом здесь мною месте я говорю о коммунистах как о завоевателях в том смысле, что всякая партия приходит к власти как завоевательница. Беря в свои руки государственную власть и не обладая большинством даже среди пролетариата, тем более во всей стране, а в последней всегда есть большой нейтральный слой, не втянутый в непосредственную классовую борьбу, партия, какова бы она ни была, является в роли иностранного завоевателя, пока ей не удастся ассимилировать широкие круги населения или же самой ассимилироваться с ними.

Что касается процитированных мне мест из листовки «Наши цели и наши методы», а именно: «...как ни замалчивались и ни скрывались крестьянские бунты в связи со строительством колхозов, однако они заставили нашего современного диктатора бить отбой на колхозном фронте. Это небольшое облегчение крестьянам не высочайшая милость Сталина, чьи портреты царя-освободителя...» и т.д., наконец, «...мы призываем объединяться всеми путями и всеми способами помимо правительственных агентов и действовать стачками и массовыми восстаниями», — то по поводу всех этих мест могу сказать следующее. Принимая во внимание, что эта листовка, по словам т. Кирре, принадлежала т. И.УЙТТЕНХОВЕН, которая была связана со мной организационно, могу по поводу нее сказать, что в последнее время тов. УЙТТЕНХОВЕН все более и более отходила от работы в организациях, где состояла, и со мной виделась очень редко, мотивируя это тем, что занята службой. Я ее знал всегда как женщину истеричную и неуравновешенную, с крайне впечатлительной психикой. В течение последнего года (приблизительно) она сильно волновалась по поводу того, что «делается в деревне», и данную бумагу могла написать, не отдав себе должного отчета в значении письма тов. СТАЛИНА и соответствующего постановления ЦК ВКП(б). Полагаю, что если бы она продолжала стоять ближе ко мне и более считалась с общими категорическими решениями тех организаций, к которым мы оба принадлежали, появление такой листовки и даже возможность такого настроения у т. УЙТТЕНХОВЕН было бы абсолютно невозможно.

Были случаи, когда ко мне приходили с предложениями и указаниями необходимости организации восстаний или агитации против колхозов и т.п. Во всех этих случаях мое поведение, как анархиста, определялось стремлением разъяснить приходившим нелепость их постановки вопроса, ибо ничего, кроме контрреволюционного вспыскопускательства, от этого выйти не могло. Массы еще слишком мало подготовлены к анархизму, а без этого всякое восстание приведет к краху того, что было приобретено с Октябрьской революцией. При этих разговорах мне приходилось

держаться тактической линии, т.к. иначе я просто рисковал, что от меня бы отвернулись и перестали бы слушать, упрекнув в «большевизме».

Всех, обращавшихся ко мне с подобными предложениями, я прежде всего старался толкнуть на путь теоретической подготовки прежде всего самих себя, т.к. они обычно как раз в анархизме оказывались крайне невежественными, что время борьбы и открытых выступлений за анархизм может прийти только в связи с общим культурным подъемом масс, а последнее требует долгой работы, в течение десятилетий по крайней мере.

Относительно прочитанного мне отрывка из работы А.С.ПАСТУХОВА «О том, как СОЛОНОВИЧ переделывает Кропоткина на реакционный лад», ничего, кроме вздора, я в этой статье не вижу. О КРОПОТКИНЕ я писал неоднократно, и по этому поводу у меня есть статьи в журналах, причем я совсем не считаю, что я его «переделывал», тем более «на реакционный лад».

По поводу вопроса о тайных организациях, масонах и т.п., то этими организациями и связанными с ними я интересовался давно в связи с их историческим и философским значением. Во 2-м томе «Бакунина» я посвятил им ряд страниц, где высказал и мой взгляд на них. Это были часто рассадники идей, а часто и рассадники мракобесия, причем я лично полагаю, что такого рода организации часто играли в истории крупную роль. Однако они по самому существу своему никогда не могли быть организациями массовыми, играя роль объединения интеллигенции. К подобного рода организациям в свое время принадлежали Маркс, Энгельс, Бакунин и очень многие деятели Великой Революции. К сожалению, я имею мало сведений о положении в этом отношении дела в настоящее время. С КАРЕЛИНЫМ и со многими друзьями я говорил об этих вопросах, но совершенно ничего не знаю о его попытке, по словам ПАСТУХОВА, организовать что-то подобное таким орденам здесь, в СССР.

Относительно упоминания мною имени Ленина на стр. 22, я вовсе не настаиваю на том, что именно его следовало там приводить, т.к. ясно, что никакой связи с другими там стоящими именами он не имеет, кроме указанной в тексте. Мое отношение к Ленину я высказывал печатно и потому полагаю, что оно ясно из сказанного. В данном же месте я привел его просто, как имя человека, в нашу эпоху борющегося за власть, и притом человека большого и всем известного. А.Солонович

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 585об – 588]

* Набатовцы (по названию журнала «Набат») – одна из максималистских группировок анархистов.

ПОКАЗАНИЯ СОЛОНОВИЧА А.А. 25.12.30 г.

К вопросу о взаимоотношении между мистикой и анархизмом мною достаточно писалось в различных печатных статьях. Анализируя еще раз мою точку зрения, могу сказать, что вопрос о мистике и об анархизме – это два совершенно различных вопроса. Можно быть анархистом и в то же время мистиком, и можно не быть анархистом и в то же время мистиком или не мистиком. Как анархист я – анархо-коммунист. Как мистик я понимаю непосредственное учение как интуицию религиозности, то, что школа Брентано в психологии называет экзистенциальностью суждений.

Считаю, что есть два типа людей – религиозные и нерелигиозные. Первые всегда и неизбежно будут иметь религию (богов, чертей, людей, законов, науки и т.д.). Вторые никогда ее не признают. Для анархиста важно, чтобы для того и для другого типа людей стала ясна правда анархистского учения. Поэтому достигнуть того, чтобы анархическое учение охватило религиозный тип людей, можно только путем освобождения самой религии. Нужно, чтобы религия стала учительницей и проповедницей подлинного и ясного анархо-коммунизма.

На второй вопрос следователя – об орденах, могу сказать, что о реальном их существовании в наше время я не знаю. Возможно, что кто-то, кому, очевидно, это бы-

ло для чего-то нужно, распускал про меня совершенно нелепые слухи о моих необыкновенных оккультных способностях, о моей принадлежности ко всевозможным фантастическим орденам и организациям — особенно, как мне говорили, к «сатанинским», причем передавали даже так, что в Москве-де, мол, существуют две масонских сатанинских ложи — в Кремле и в Кропоткинском музее. Продумывая теперь — откуда и как могли возникнуть такие слухи, думаю, что они черпались из кругов различных оккультистов гешефтмахерского и т.п. типов, т.к. я, интересуясь всем, интересовался и этими областями, но нашел там такую массу шарлатанов и глупости, что достаточно порвал с этой публикой. Отсюда, из этих кругов, могли пойти первоначальные толки, которыми впоследствии кто-то воспользовался для ему одному ведомых целей.

Что касается третьего вопроса — о ПАЛЬЧИНСКОМ, то об его участии в делах Кропоткинского Комитета знаю только, что он был одно время товарищем председателя, но в конце 1925 или в начале 1926 г. вместо него был избран на этот пост БОРОВОЙ. Кто его приглашал в Комитет, я не знаю. Я слышал, что он был близок к П.А.КРОПОТКИНУ, и, т.к. Кропоткинский Комитет — общественный, а не анархический (анархическая там только одна из четырех секций), я просто ничего одиозного в присутствии ПАЛЬЧИНСКОГО не видел, тем более этим и ограничивались сведения о нем. Позднее мне пришлось раз говорить с ним по поводу лекции, которую он намеревался прочитать в музее. Я спросил его — анархист ли он? Он отвечал уклончиво, но сказал, что считает себя безусловно кропоткинцем; что это означало в общем — я не вполне понял, но, по совести говоря, и не особенно тогда старался понять, не интересуясь ПАЛЬЧИНСКИМ как таковым. Вот и все, что я могу сообщить по поводу него.

По поводу четвертого вопроса гр. КИРРЕ — о гражданской панихиде у гроба КАРЕЛИНА в музее, то могу сообщить, что ее музыкально-вокальная программа была впоследствии повторена дважды на концертах в пользу Карелинского Комитета — в зале Общества политкаторжан и, кажется, в зале Академии художественных наук.

По вопросу (пятому) о моральной ответственности за листовку: раз УЙТГЕНХОВЕН признала, что она является автором, — она этим самым сделала невозможным свое дальнейшее пребывание в Карелинском Комитете и в анархистской секции Кропоткинского Комитета, ибо нарушила самые основные принципы этих организаций.

Что касается т. ОСТРОВА, то по выяснении его поведения считаю прием его в анархическую секцию преждевременным и признаю свою ошибку, когда вводил его.

А.Солонович

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 598-599]

ПОКАЗАНИЯ СОЛОНОВИЧА А.А. 14.01.31 г.

Вообще о книге «Бакунин и культ Иальдобаофа» я должен сказать следующее. То, что найдено в лице нескольких экземпляров этого сочинения, является черновиком, который подлежал дальнейшей переработке. В черновике же многие места писались под влиянием тех или других настроений, стоявших в связи с событиями данного времени и под впечатлениями от них. Должен оговориться, что моя манера писать крупные вещи состоит в том, что я первоначальный текст стараюсь дать прочесть как можно большому числу лиц, чтобы затем выслушать их мнение и критику и, таким образом, споря с ними, еще несколько раз обдумать и обсудить вопрос, а затем дать ему окончательную обработку и формулировку. В работе о Бакунине, которая рассчитана, по крайней мере, на шесть томов, я предполагал в последнем томе изложить и критику точки зрения Бакунина; в первых же пяти томах я предполагал изложить принципы учения Бакунина, а не свои. При этом т.к. у Бакунина было целостное и большое мировоззрение, то я неоднократно делал экскурсы в область того, как выглядело бы многое в современности с точки зрения Бакунина. После этих общих разъяснений по поводу отдельных мест могу сказать следующее:

стр. 343, т. 3. Это место навеяно настроениями, связанными с затянувшимся нэпом, которому, казалось, не будет конца и из которого не видно было выхода.

стр. 538. То же самое. Что касается «немецко-еврейского», то это определение Бакунина, который так называет весь марксизм. Но нужно заметить, что в устах Бакунина подобное выражение не имеет ничего общего с тем, что в наше время называют антисемитизмом, т.к. в то время еще более резко выражался сам Маркс. Но это было выявление не антисемитизма, а отношение к специфическому духу гетто, незадолго до того вышедшему из городской черты «гетто», но еще не изжитому в психологии того времени.

стр. 10, т. 3. Здесь я снова делаю экскурсы в новое время — «как сказал бы Бакунин по этому поводу...». Дело в том, что в эпоху работы Бакунина, Маркса, Бланка и целого ряда деятелей той эпохи — вплоть до Мадзини — у всех у них была такая точка зрения и все они принадлежали к различным тайным формам. Так, Бакунин был масоном, Маркс принадлежал к тайному обществу коммунистов, и, кроме того, он вместе с Энгельсом, по моим данным, принадлежал, по крайней мере, к одному тайному обществу, о чем до сих пор почти ничего не опубликовано, но я думаю, это должно быть известно, напр., т. РЯЗАНОВУ. Совершенно таким же образом существовали тогда «Молодая Италия», «Молодая Германия» и т.д.

Ко всему сказанному добавлю, что в течение Средних веков можно найти идею анархизма в целом ряде орденов. Об этом я писал, например, в статье «Волхвы и предтечи», которую хотел издать здесь, в СССР, брошюрой, но после запрещения цензурой напечатал ее в «Рассвете». На нее же были ссылки затем в библиографическом отделе «Каторга и ссылка».

История анархизма столкнула меня с историей орденов, и я знаком с орденами, но чисто литературно, а т.к. литература эта по существу дела касается только бывшего, а не настоящего, то о настоящем положении дела с ними я ничего не знал; однако полагаю, что если бы даже где-то возникли анархические ордена, то в них было бы не больше контрреволюции, чем в тех, к которым принадлежали Маркс и Энгельс. Могу только добавить, что если бы я сам пытался организовывать таковые, то уже наверное я не писал бы о них ничего (но думаю, что для нашего времени для общественной борьбы — они устарели и не годятся).

А.Солонович

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 601-601об]

УЙТТЕНХОВЕН Александр Владимирович (1897 — 1966)

Уйттенховен Александр Владимирович родился 04.12.1897 г. в Москве и, поскольку являлся внебрачным ребенком, был «усыновлен» своей матерью, «домашней учительницей, девицей Антониной Карловной Уйттенховен» в 1905 г., получив ее фамилию. О его отце практически ничего не известно, кроме того, что он, по словам самого А.В.Уйттенховена, был бельгийцем и состоял на русской службе. После окончания Московского 1-го реального училища в 1915 г. Уйттенховен поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, откуда уже следующим летом 1916 г. был призван в армию и направлен в подготовительный учебный батальон в Нижний Новгород, а затем, после окончания школы, в запасной полк в Москву. После Февральской революции был направлен на Юго-Западный фронт, откуда вернулся в конце октября 1917 г. В феврале 1918 г. пошел добровольцем в Красную Армию и работал помощником начальника разведывательного отделения Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики (в г. Серпухове). Вернулся к занятиям в МГУ в январе 1919 г., где находился вплоть до октября 1920; с октября 1920 по июнь 1921 г. работал секретарем военного атташе в г. Риге, где женился на Ирине Николаевне Иловойской. После возвращения в Москву возобновил занятия на литературно-художественном отделении МГУ, и к 1924 г. сдал все экзамены по факультету общественных наук. Одновременно работал в Оперативном управ-

лении Штаба РККА на должности помощника начальника 2-го отделения Оперативного отдела. После демобилизации (в конце 1922 г.?) поступил во ВХУТЕМАС, работал художником-портретистом и интервьюером в театральных журналах Москвы, что дало Уйттенховену широкий и интересный круг знакомств с актерами и режиссерами (М.А. Чехов, В.С. Смышляев, Ю.А. Завадский, А.Д. Дикий, даже П.А. Флоренский и др.). Одновременно с 1924 по 1927 г. служил в Главном таможенном управлении.

Со школьных лет Уйттенховен интересовался широким спектром философских вопросов — от анархизма, ницшеанства и толстовства до восточных учений, теософии и антропософии. Этот интерес привел его в Московское антропософское общество, где произошло его знакомство с А.Белым (Б.Н. Бугаевым), и в дальнейшем определил дружеские связи до конца жизни с М.Н. Жемчужниковой, А.Ф. Павловым, Б.М. Власенко и другими оставшимися в живых антропософами, хотя от Р.Штейнера он начал отходить уже в начале 20-х гг., весьма критически восприняв социальные доктрины последнего. Одновременно, т.е. в начале 20-х гг., произошло его знакомство с А.А. Карелиным, а затем и вступление в Орден. Об этом сообщает в своем февральском (предсмертном) письме 1995 г. его первая жена, И.Н. Иловайская (проходящая по «делу» как Уйттенховен-Иловайская), которая затем, по рекомендации А.В. Уйттенховена, получила рыцарское посвящение от Б.М. Власенко. Все это подтверждают и сохранившиеся литературные произведения А.В. Уйттенховена, в которых он предстает именно рыцарем-тамплиером, чтящим культ св. архангела Михаила.

Осенью 1927 г. Уйттенховен снова возвратился в военное ведомство и до осени 1930 г. работал заместителем главного редактора военного журнала при Главном артиллерийском управлении РККА. 11.09.30 г. была арестована его жена, И.Н. Уйттенховен-Иловайская, а 04.10.30 г. Уйттенховен был вызван для дачи показаний на Лубянку и после допроса арестован. Вот как он описывает в заявлении 04.11.56 г. с просьбой о реабилитации то, что произошло с ним на Лубянке, обращаясь к прокурору Московской области:

«В сентябре 1930 г. была арестована жена моя Ирина Николаевна Уйттенховен, проживавшая тогда совместно со мной по ул. Садовая-Кудринская д. 23 кв. 18. Через месяц, 8 октября 1930 г., я был вызван на Лубянку к следователю ВЧК тов. Сазонову «для дачи показаний по делу гр. Уйттенховен». После недолгого разговора следователь сказал: «Вот Вы видите, как нехорошо — Вы работаете в Красной Армии, а жена у Вас придерживается неправильных взглядов. Придется Вам, видимо, с армией проститься». И мне, действительно, пришлось «проститься», потому что домой он меня уже не отпустил, а в начале января 1931 г. вручил Постановление Особого Совецания о высылке меня на 3 года в Архангельск по ст. УК 58 п. 10, куда я и был доставлен в самом конце января того же года...»

При обыске на квартире А.В. Уйттенховена, кроме четырех револьверов, из которых один был именной, были изъяты: 1) одна печать с царской короной, 2) пьеса «Наяву и во сне», 3) различные рисунки мистического содержания и 4) рукописи. 14.10.30 г. ему было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционной организации и ведении антисоветской пропаганды. Во время следствия содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» А.В. Уйттенховен был приговорен к трем годам ссылки в Северный край (Архангельск), однако фактически содержался в концлагере (Ново-Двинская крепость).

Невозможность вернуться в Москву вынудила Уйттенховена остаться в Архангельске, где он работал техническим редактором Севкрайиздательства. Однако после того, как 23.01.35 г. на допросе Е.В. Власенко показала, что приезжавший из Архангельска в Москву Уйттенховен в ноябре 1934 г. читал ей «отдельные места из своей рукописи «Похождения одного бельгийца в стране лесов и снега» [ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 66об]. 14.02.35 г. на его квартире был произведен обыск, изъяты все рукописи, в том числе и названная, а сам Уйттенховен арестован. Дальнейшая его история отчасти отражена в материалах следственного дела П-5282 (преж. 260, 223237) 1935 г., хранящегося в Архиве УФСБ РФ Архангельской области (см. ниже).

По делу «Ордена Света» А.В.Уйттенховен был реабилитирован определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 02.09.1975 г. Немногие сохранившиеся стихи и документальная проза А.В.Уйттенховена опубликованы в книге: *Никитин А. Rosa mystica. Поэзия и проза российских тамплиеров*. М., «Аграф», 2002, с. 235-311.

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 04.10.30 г.

В политических партиях и организациях ни в каких никогда я не состоял, и знакомых из таковых у меня нет и никогда не было. Жена моя, Ирина Николаевна, девичья ее фамилия ИЛОВАЙСКАЯ, именуется себя анархисткой лет пять-шесть (женой моей она является с марта 1921 г.), практическая ее работа как анархистки мне неизвестна, по-моему, таковая заключается в изучении Кропоткина. Сам я анархизмом интересовался году в 1913–1914-м, в период моего пребывания в реальном училище; с 1918 г., с момента вступления в Красную Армию, к анархизму я стал относиться резко отрицательно, потому что считаю анархизм в стране Советов вредным течением и мешающим строительству социализма. Из анархистов я знаю в лицо СОЛОНОВИЧА, которого видел в Музее Кропоткина, когда он года три-четыре назад читал там лекции, что-то по философии, кажется о Гегеле. На лекции этой я был вместе с женой, она, видимо, и принесла мне билет на нее. У нас на квартире при мне из анархистов никто не бывал.

Отобранный у нас рисунок с изображением в центре рукояти меча символически изображает человеческую жизнь. Сделан таковой мною в подарок жене в 1923-24 гг., в бытность мою во ВХУТЕМАСе.

Оккультизмом, теософией, антропософией и вопросами мистики интересовался с 1913 по 1919 г. приблизительно, потом все это заглохло, потому что служба в Красной Армии не оставляла места для посторонних интересов, а потом все эти течения перестали казаться стоящими внимания, потому что они индивидуалистичны и их цели ничтожны по сравнению с настоящей работой по построению социализма.

Записано с моих слов верно, прочитал

Уйттенховен

В дополнение к вышенаписанному излагаю следующее: проблемами теософии, оккультизма и т.п. начал интересоваться в весьма раннем возрасте (лет 14–15), и эти увлечения быстро сменялись друг другом, шли примерно в такой последовательности: анархизм (1912), толстовство (1913–14), теософия (1914–17? 18?), антропософия (1917–1919). Изучение первых двух, т.е. анархизма и толстовства, ограничилось книгами. С теософами познакомился лично, кажется, в начале 1917 г. и бывал (брал книги) в их библиотеке (Сивцев Вражек, д. 20). Знаком с быв. председателем московского кружка теософов ГЕРЬЕ, библиотекарем ЗЕЛЕНИНОЙ, СМИРНОВОЙ Н.А., БАТЮШКОВЫМ П.Н. Из теософской литературы мне больше всего нравились книги Штейнера, но тогда же я узнал, что Штейнер не теософ, а антропософ. С антропософами познакомился на лекциях писателя Андрея БЕЛОГО весной 1917 г., неоднократно посещал его лекции и брал книги из библиотеки Антропософского общества.

Служба вне Москвы (в г. Серпухове) прервала на время это увлечение; вернувшись в Москву летом (осенью?) 1919 г., я почти не возобновил этой деятельности. Последний период «интересования» вопросами антропософии отношу к 1920-21 гг., а именно к полугодию, проведенному мною за границей (в г. Риге, в полпредстве был секретарем военного атташе), когда я узнал, что Штейнер увлекается вопросами социального порядка и создал теорию «трехчленного строительства социального организма». Ознакомившись с относящимися к этим вопросам книгами Штейнера, я по возвращении в Москву (вероятно, осенью 1921 г.) прочитал в Антропософском обществе доклад «Очередная утопия», в котором резко критиковал идеи Штейнера, на чем мое сочувствие антропософии и знакомство с антропософами и закон-

чилось. Из антропософов знал лично: Андрея БЕЛОГО, А.С.ПЕТРОВСКОГО, ГРИГОРЬЕВА, ВАСИЛЬЕВУ, СТОЛЯРОВА Михаила Павловича, остальных не помню. С ПЕТРОВСКИМ сохранил хорошие отношения до сих пор на почве обоюдной любви к старым гравюрам. С другими видами родственных течений, например, так наз[ываемым] французским оккультизмом, знаком только по книгам, никогда ему не симпатизировал.

Повторяю, что все эти системы, основанные на личном «совершенствовании», считаю совершенно бесполезными, а их попытки разрешения социального вопроса — детскими и наивными. Что касается так наз[ываемой] «мистики», то к ней чувствую искреннюю неприязнь (и раньше всегда враждебно относился к религии) и вот уже несколько лет состою активным членом Союза воинствующих безбожников. Членом никакого «оккультного», теософского и тому подобного общества не состоял и не состою.

Объяснение к рисунку, висевшему у нас в комнате над письменным столом. Рисунок создавался мной сперва по частям, когда я учился во ВХУТЕМАСе по классу гравюры и готовил макет книги — перевод «Сказания о Парсифале». Полукруглые части должны были быть украшениями перед каждой из четырех частей, а рука с мечом (посередине) готовилась на обложку. Эти рисунки я потом объединил в одну целую композицию, изображающую, как я уже говорил, символически человеческую жизнь таким образом: первый полукруг, налево вверх, — люди рождаются, т.е. являются, собираются для совместной работы; второй полукруг, направо вверх, — человек едет на битву; третий полукруг, внизу направо, — человек претерпевает некоторое страдание; четвертый полукруг, налево вниз — человек после битвы снова возвратился домой и т.д. и т.д. Фигура в центре изображает поднятую рукоятку меча, знак, что смысл человеческой жизни в непрерывной работе. Все детали, т.е. знамена с различными символами на них, взяты мною из указанного романа («Парсифаль»). Рисунков в таком духе исполнено много в бытность мою во ВХУТЕМАСе штук четыре-пять, но все они значительно проще, находятся у меня в папке с прочими работами учебного и платного характера. Во время учения я зарабатывал тем, что рисовал обложки (в Крестьянском отделе ГИЗа) и зарисовывал актеров для театральных журналов. Таких зарисовок мною за два года (1922-24) сделано очень много. Помещались они в журналах «Театральная Москва», «Эрмитаж», «Зрелища» и др. Главным образом работал в театре Корша и в кабаре «Нерыдай». Вообще же делал такие работы, должно быть, во всех театрах Москвы. Зарабатывал, кроме того, переводами (с немецкого языка) для Государственного издательства.

Дополнение: жену свою с КАРЕЛИНЫМ познакомил я лично, желая показать ей «настоящего анархиста».

Переходя к вопросу о знакомстве моем с анархистами, должен сказать, что единственно действительно знакомым считал КАРЕЛИНА Аполлона Андреевича, с которым был знаком в течение года перед его смертью (следовательно, 1925 или 1926 г.). Знакомство мое сводилось к тому, что я получал для него т[ак] наз[ываемый] «кремлевский паек». Лично он мне был очень симпатичен, но я никогда не скрывал, что несколько не разделяю его анархических убеждений, так что он называл меня «внутренний враг» и т.п.

Этим объясняется, что, хотя я и встречал там иногда разных посетителей (впрочем, редко, т.к. здоровье его было очень плохо), меня никогда с ними не знакомили и имен их я не знаю. К сожалению, вспомнить, каким именно образом я познакомился с ним, никак не могу. Кажется, мне дали его адрес в книжном магазине, где я купил его брошюру «Россия в 1930 г.». Кроме него, видел на лекции СОЛОНОВИЧА, случайно познакомился с АНОСОВЫМ (я зашел к нему дать окантовать какую-то картину). Это знакомство (не столько с ним, сколько с его женой и главным образом с детьми) продолжалось до последнего времени, когда по просьбе сторон мне пришлось принять участие в крупном их семейном разладе, закончившемся разводом и выходом его жены замуж за ПРОФЕРАНСОВА, которого я и раньше встречал иног-

да у них на квартире. Знакомство с АНОСОВЫМ носило чисто семейный характер, основанный главным образом на любви моей к детям. АНОСОВ сам у нас не бывал никогда, жена его с детьми иногда заходила. Фамилия НОТГАФТ мне знакома, встречал я ее, помнится, на лекциях Антропософского общества, но помню плохо, в лицо, м.б., не узнал бы.

Изъятый чертеж черной и красной тушью изображает схему к какой-то лекции Андрея БЕЛОГО (сделан в 1918–19 гг.) и представляет собой антропософское изображение роста человеческого существа. Подробного пояснения дать не могу, т.к. давно эти вещи забыл.

Кроме того, мне же принадлежит толстая клеенчатая тетрадь, которую я вел в течение многих лет (с 1913 г.), записывая туда прочтенные книги и разные свои мысли (род дневника). В конце этой тетради шифром (сквозь приложенную сетку) переписывал вещи, которые мне не хотелось уничтожать, уезжая на фронт в 1916 г. (эти вещи антивоенные, правда, в толстовском духе, и по тем временам это было небезопасно). Записанное этим шифром переписано как следует в самой тетради, там, где листы загнуты. То же самое относится к отдельному листу, рукописному «Мритью-Гита». Наконец, отдельный маленький лист в четвертушку со стихотворением — это попытка восстановить по памяти песенку Агнивцева «Ахмет и ишак». Этими вещами, т.е. 1) толстой клеенчатой тетрадью, 2) «Мритью-Гита», 3) чертежом и 4) четвертушкой и исчерпываются мои вещи. Все остальное принадлежит моей жене.

В гор. Ташкенте имею одну знакомую — Евгению Владимировну ВЛАСЕНКО, познакомился с нею лет шесть назад, кажется, в какой-то очереди, потом немного ухаживал за ней, потом она уехала на несколько лет (как оказалось, ее мужа выслали и она уезжала с ним вместе). В настоящее время живет в Ташкенте, обычно каждое лето приезжает в Москву к родителям. Фамилию художника НИКИТИНА слышал раньше, вероятно, в связи с какой-нибудь театральной постановкой. Фамилий ЛЕОНТЬЕВА и ЛАНГ не слышал. Гражданин БЕМ заказывал мне обложку к издававшемуся им сборнику физико-математических наук.

В артистическом мире знаю очень много актеров художественных театров — Первого, Второго и Третьего, как то: СТАНИЦЫНА Виктора Яковлевича, ДИКОГО Алексея Денисовича, БРОМЛЕЙ Надежду Николаевну, СМЫШЛЯЕВА Валентина Сергеевича, СУШКЕВИЧА Бориса Михайловича, ЗАВАДСКОГО Юрия Александровича, ОРИМО А.Л., НАЛЬ. Из них теософскими вопросами интересовался один ЗАВАДСКИЙ (по слухам — я с ним об этом не разговаривал). С ЧЕХОВЫМ был знаком до его отъезда в Германию. Знаю, что он был антропософом. С НИЛЕНДЕРОМ познакомился в Ленинской библиотеке, знаю, что он не антропософ. Об «Ордене Света» не знаю ничего. Об «Ордене тамплиеров» знаю только то, что известно из книг. У НИЛЕНДЕРА прекрасная библиотека латинских и греческих авторов-классиков. У СМЫШЛЯЕВА бывал на квартире в период, когда он ставил «Гамлета», постановку считаю попыткой ЧЕХОВА протащить на сцену антропософию. Эта же попытка повторена им еще неудачнее в постановке «Петербурга». На квартире у СМЫШЛЯЕВА бывал тогда, т.к. думал, что могу быть художником этого спектакля (т.е. «Гамлета»), и приносил СМЫШЛЯЕВУ свои эскизы, но из этого ничего не вышло, т.к. у ЧЕХОВА были совсем другие замыслы, которые он впоследствии поручил художнику ЛИБАКОВУ.

У артиста ЗАВАДСКОГО на квартире не бывал, помогал ставить у него в студии пьесу «Любовью не шутят». С января 1926 г. (поссорившись на почве этой работы) не видел ни разу. В Чернышевском переулке бывал в период с середины 1921 по 1922 г., почти ежедневно на квартире, где жила моя теща (столовался), с того же времени не бывал там ни разу и знакомых там не имею. Артистов БИРМАН, ДУРАСОВУ и ЧЕБАНА знаю только по сцене, лично с ними не знаком. Тоже не знаю ЗЕЛИКОВИЧ, САМАРСКУЮ, ГИРШФЕЛЬДА, ШИШКО, КОРОЛЬКОВА, ЛЕОНТЬЕВА и на квартире у последнего, помню, никогда не бывал.

Показания написаны мною собственноручно.

Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 6–11об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 14.10.30 г.

1) Письмо, написанное красными чернилами, представляет собой отзыв о моей повести (антирелигиозного содержания) «Рыцари против бога», полученный мною после возвращения указанной повести из редколлегии издательства «ЗИФ», куда я представил данную повесть для напечатания (через секретаря правления Иг[оря] Ал[ександровича] САЦА). Кем написано — не знаю.

2) Кроме покойного Аполлона Александровича КАРЕЛИНА я из анархистов знал (не как анархиста, а как окантовщика картин и фотографий) Григория Ивановича АНОСОВА. Об АНДРЕЕВЕ слышал, что такой анархист живет рядом с комнатой АНОСОВА (в Настасьинском переулке), с БРЕНЕВЫМ (если это муж переводчицы КОВАЛЕНСКОЙ) почти не знаком: приходил к ним раза три получать деньги за перевод романа «Мистер Гилдхулл». Ни на какие темы, кроме денежных, не разговаривал.

3) Рисунок черным по белому (крест и роза с подписью «Рыцари») был, кажется, приготовлен мной (в 1922-23 гг.) в качестве обложки для моей повести «Рыцари против бога» (впрочем, за давностью времени за точность этого пункта не ручаюсь).

4) Стихотворение «Великодушные рыцари Света» мне знакомо не было. Не вижу, чтобы оно обязательно относилось к настоящему времени и содержало призыв к борьбе с соввластью, т.к. с таким же успехом его можно приурочить к любому строю и других стран. В применении к совстрою оно контрреволюционно и может считаться безусловно вредным.

5) Прочитанная мне выдержка из статьи И. «Голос анархиста-коммуниста» показывает, что эта статья полна нелепых и безосновательных нападок на соввласть и ее политику и должна расцениваться как произведение определенно контрреволюционного характера.

6) На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее: интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне было тогда лет четырнадцать), и первым таким интересом был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга «Анархизм», где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Толстого Льва и к увлечению его «Евангелием», так что в течение нескольких лет (до 1915–16 г.) я считал себя толстовцем. От этого периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мясо я не ем до сих пор, рыбу — изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я занялся изучением санскрита, прерванным призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с Юго-Западного фронта) прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновил, т.к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться.

В это время я нашел (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества и некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами (имена их см. в первом показании). Книги Штейнера привели меня в свою очередь к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу, в качестве секретаря военного атташе), я стал знакомиться с последними работами Штейнера в области социального учения. Эти работы показались мне настолько наивными по сравнению с подлинным социальным строительством РСФСР, что и к прочим учениям антропософии я стал относиться гораздо более критически. Процесс постепенного расхождения с антропософией продолжался до 1922 г. и закончился прочтением доклада «Очередная утопия», после которого всякие связи с антропософией были прерваны, хотя личное знакомство с некоторыми антропософами и сохранилось.

Следует добавить, что весьма напряженная работа в Штабе РККА оставляла весьма мало времени для всяких посторонних интересов. В 1922 г. я демобилизовался, поступил во ВХУТЕМАС и очень много работал по различным театральным журналам в качестве интервьюера и зарисовщика и попытался выступить также в качестве театрального художника. К этому времени относятся мои знакомства с актерским миром Москвы, которые дальше зарисовок и попыток предложить свои услуги в качестве художника никогда не заходили. Еще раз повторяю, что на так называемые «мистические» или социальные темы я с актерами не разговаривал. Антропософия была последним моим увлечением такого порядка.

Повторяю, что «окультизмом» (французским или йогой) я не интересовался никогда, а к «мистике» всегда испытывал искреннее отвращение. Ни в каких оккультных обществах, союзах или орденах я не состоял и не состою. Постепенно простое несогласие с этими формами дуалистических учений перешло в сознание их враждебности существующему строю, чем объясняется моя работа в Союзе воинствующих безбожников в последнее время (примерно в течение двух с половиной лет). Эта работа нашла свое отражение в уже упоминавшейся мною повести «Рыцари против бога». Форма рыцарских повестей, в которую облечены мысли этой повести (это, собственно, единственное крупное мое произведение в 5 печатных листов, писавшееся урывками в течение нескольких лет), так же как и форма большинства моих рисунков, объясняется всегдашней любовью к средневековью и к средневековым чертежам.

7) По существу предъявленного мне обвинения считаю нужным сказать, что считаю его результатом несчастного (для меня) стечения обстоятельств: никогда ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял, бывшие у меня знакомства с анархистами были чисто личными и никакой связи с ними как с членами определенной организации, или через них с самой этой организацией, я не имел и не имею. Никогда, нигде, никакой противосоветской агитации не вел, всегда сочувствуя политике партии. Наконец, всегда искренне старался всеми силами принять участие в работе социалистического строительства, это доказывается отчасти моим двукратным добровольным вступлением в ряды Красной Армии в моменты, когда международное положение СССР было далеко не блестящим, т.е. в мае 1918 г. и октябре-ноябре 1927 г. Позволю себе добавить, что все здесь изложенное наверно не откажется подтвердить (по крайней мере, в общих чертах) старый большевик Сергей Николаевич ПЕТРОВ, знающий меня с детского возраста настолько, что он считал меня вполне достойным вступить в ряды партии.

Впрочем, считаю, что нахождение у меня на квартире анархических материалов, вроде предъявленных мне (см. выше), заслуживает соответствующего воздаяния, и арест свой с имеющими быть последствиями считаю справедливым.

Показания написаны собственноручно.

Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 12–15]

УЙТТЕНХОВЕН Ирина Николаевна
(1904 – 1995)

Уйттенховен Ирина Николаевна, урожд. Иловайская, родилась 03.04.1904 г. в г. Новогрудок Минской губернии. Окончила среднюю школу, в 1919 г. служила в Наркомфине кассиршей на книжном складе, потом в библиотеке ВЦИКа в Кремле; в 1920 г. работала машинисткой-переводчицей в Полномочном представительстве РСФСР в Латвии (г. Рига), где вышла замуж за А.В.Уйттенховена, помощника военного атташе. По возвращении в Москву училась в театральной студии и работала машинисткой на дому. В 1923 г. поступила переводчицей на Международные Ленинские курсы. К моменту ареста была безработной и жила вместе с матерью, Анной Ивановной Иловайской, работавшей стенографисткой в РКИ, приемным братом, Александром Ивановичем Иловайским, и мужем, А.В.Уйттенховеном, по адресу: Садово-Кудринская, 25, кв. 18.

И.Н.Иловайская считала себя анархисткой-коммунисткой с 14-летнего возраста, т.е. с 1918 г., однако, по ее словам, с А.А.Карелиным она познакомилась только в 1924–1925 гг. в санатории на Воробьевых горах. Судя по всему, это знакомство произошло раньше последней даты, поскольку познакомил их, действительно, ее муж, А.В.Уйттенховен, к тому времени уже принятый Карелиным в Орден тамплиеров и занимавшийся в Карелинском кружке, после чего спустя какое-то время произошло и ее собственное посвящение, выполненное Б.М.Власенко (т.е. происходившее до его ареста 03.04.25 г.). В последующем, Иловайская занималась в рыцарском кружке, который вел Н.И.Проферансов, а затем, после знакомства с А.А. и А.О. Солоновичами и после смерти А.А.Карелина 20.03.26 г., была введена в члены Комитета по увековечению памяти А.А.Карелина и в состав Анархистской секции Кропоткинского Комитета (16.01.28 г.).

Арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъято: 1) схема, напечатанная на машинке, 2) рукопись «Что такое анархисты-коммунисты», 3) историко-критический очерк социально-экономических основ государства и общества, 4) «Формы анархического общества» по книге П.А.Кропоткина «Современная наука и анархизм», 5) два листа машинописи, начинающиеся словами «Очевидно, сущность действ...» и заканчивающиеся «...нашего царства тьмы», 6) машинопись «Наше отношение к коммунистам», 7) подписной лист № 3 на памятник А.А.Карелину, 8) две пачки напечатанных на машинке стихов и записок, 9) 6 пачек записок, написанных от руки, 10) 2 блокнота, 11) 2 записные книжки, 12) 4 общие тетради с записями, 13) книга А.С. Шмакова «Международное тайное правительство».

25.09.30 г. И.Н.Уйттенховен было предъявлено обвинение в участии в подпольной антисоветской организации, организации подпольных кружков и распространении нелегальной литературы. Основным пунктом обвинения была рукопись «Что такое анархисты-коммунисты», признанная следствием «прокламацией, призывающей к восстанию», авторство которой И.Н.Уйттенховен упорно приписывала себе. Содержалась в Бутырской тюрьме. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» И.Н.Уйттенховен была приговорена к трем годам заключения в Челябинском политизоляторе, а после окончания срока постановлением ОСО ОГПУ от 10.06.33 г. была выслана на три года в Среднюю Азию, в г. Ташкент.

10.08.37 г. И.Н.Иловайская-Чумак¹, была арестована с группой ссыльных анархистов по обвинению в нелегальной контрреволюционной деятельности. Постановлением ОСО НКВД СССР от 27.03.38 г. все члены указанной группы, в том числе И.Н.Иловайская, были приговорены к восьми годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 66, ч. 1, и ст. 67 УК. Время ее освобождения неизвестно, однако можно думать, что по отбытии срока она вернулась в Ташкент, потому что по представлению МГБ Узбекской ССР 13.02.50 г. Постановлением ОСО при МГБ СССР И.Н.Иловайская в этот раз была направлена уже на бессрочное поселение в Карагандинскую область, откуда освободилась только 10.09.54 г. Приговоры от 27.03.38 г. и 13.02.50 г. в отношении ее отменены постановлением Верховного суда Узбекской ССР 05.08.57 г. Но по делу «Ордена Света» она была реабилитирована определением судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР только 02.09.1975 г.

Все последующие годы И.Н.Иловайская жила в Ташкенте, работая переводчицей и библиотекарем в одной из научных библиотек города. Умерла она 6 мая 1995 г. в Ташкенте, успев написать обширные воспоминания (полностью не изданы) и оставив прекрасные стихи, частично опубликованные в книге: *Никитин А. Rosa mystica. Поэзия и проза российских тамплиеров*. М., «Аграф», 2002, с. 211-234.

¹ Как объяснила И.Н.Иловайская в одном из писем незадолго до смерти, развод с А.В.Уйттенховеном она оформила уже в изоляторе, не подозревая, что тот арестован и осужден, и полагая, что тем самым спасет своего мужа от ареста. Вторым ее браком, оставшимся на бумаге, был брак с освобожденным из заключения К.К.Батраком, проходившим по делу Библиографического кружка (1929 г.), поскольку из-за запущенного туберкулеза необходимо было добиться его перевода на поселение на юг. Это было сделано, но Батрак скончался почти сразу

же по приезде в Ташкентской больнице. Таким образом, этот трагический по своим последствиям брак с Чумаком оказывается третьим по счету.

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕН (ИЛОВАЙСКОЙ) И.Н. 13.09.30 г.

Анархо-коммунистка с 14-летнего возраста. Советскую власть не признаю, как и всякую другую. До 1921 г. училась. Сначала служила в Наркомфине на книжном складе кассиршей. В 1919 и 1920 гг. служила в Кремле в библиотеке ВЦИКа сперва техничкой, потом делопроизводителем, а затем библиотекарем; с Кремля я, получив командировку, выехала в Ригу в полномочное представительство РСФСР машинисткой-переводчицей. Там вышла замуж за секретаря нашего военного атташе и вернулась в Москву в 1921 г., где поступила в театральную студию. Закончив студию, я решила, что у меня к театру нет призвания, и стала заниматься дома самообразованием, брала работу на дом по переписке на машинке и переводу. В конце 1923 г. поступила переводчицей на Международные Ленинские курсы. В 1924–1925 гг. я проживала на Воробьевых горах на даче и там познакомилась с КАРЕЛИНЫМ. Я пожелала ближе познакомиться с анархическим движением, но он сказал, что «успеете еще посидеть, еще вам рано». С анархизмом не связана, знала кое-кого по Карелинскому Комитету, который теперь уже давно не собирается. Ни одной фамилии называть не буду, т.к. иначе это было бы не этично, что совершенно ясно.

Мистические стихи писала по личному настроению, т.к. люди любят читать некоторых мистических поэтов, например Бодлера. Книга большая Шмакова принадлежит не мне, я ее не читала, знаю, что антисемитизм, в чем меня никто никогда не мог обвинить. От кого получила — не скажу, т.к. не собираюсь никого топить.

Считаю, что мистический анархизм — вещь путаная, поэтому против него. Но каждый человек должен иметь любое мирозерцание. Я лично склонна к мистицизму, однако к «Ордену Света» не имею никакого отношения. Рисунок, который вы называете эмблемой, я таковой определенно не считаю, т.к. он является мистической фантазией, нарисованной для меня лично в подарок, обозначающий поиски Грааля, духовный путь человеческий с неба через страдания на Землю и обратно в небо. Рукопись «Что такое анархисты-коммунисты» я не распространяла, т.к. никого не хотела подвести, написала ее в нескольких экземплярах и сожгла, оставив у себя один для дальнейшей переработки.

Был у меня альбом печатный, старинный, который потом куда-то затерялся, с него было снято несколько рисунков, именно змея и солнце, кажется (змея, по-моему, в древности означала мудрость).

Протокол прочитан, записан правильно с моих слов.

И. Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 35об – 36об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕН (ИЛОВАЙСКОЙ) И.Н. 14.09.30 г.

Считаю необходимым бороться со всякой властью, каким бы она именем себя ни называла. Борьба, которая велась мною с совластью, была незначительна в силу слабых технических (средств) и выражалась в спорах и в выявлении моего анархического лица в отдельных случаях.

Формой борьбы с советской властью считаю ведение широкой пропаганды. Взятая у меня листовка была мною составлена и перепечатана в четырех экземплярах, из которых я три сожгла, боясь подвести кого-либо. Один экземпляр оставила у себя для переработки. Составлялась она мною по выпискам из Кропоткина, которые я переработала, приурочив к настоящему моменту, добавив кое-что от себя.

Первоначально я намеревалась эти 4 экз. раздать с тем, чтобы получившие товарищи соответственно со своей возможностью размножили ее. Но подумав о могущих быть последствиях, я решила их никому не давать.

Написано соответственно с моих слов.

И. Уйттенховен

Ни в каком Ордене я не состояла и не состою, по этому вопросу давать объяснения не хочу.

Лекции о мистическом анархизме, напечатанные на машинке, видела и просматривала. Однако считала их путанными и непонятными и читать не стала. Я считаю, что анархизм и мистицизм — вещи совершенно разные, анархизм дает каждому человеку право иметь свои философские убеждения и свои вкусы, но анархо-мистицизм есть неправильное мистическое мировоззрение.

Была ли я на лекциях в музее — говорить отказываюсь. Карелинский Комитет очень давно не собирался, были ли частные собрания на квартирах — я не знаю.

Написано с моих слов правильно.

И. Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 37-37об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕН (ИЛОВАЙСКОЙ) И.Н. (без даты)

На похоронах КАРЕЛИНА я была, никаких белых роз не приносила, а также и звезды. Такого случая, чтобы я возмущалась фактом появления белых роз и звезды, не помню. Правда, был такой случай, что на похороны пришел священник служить панихиду по приглашению родственников, и мы, анархисты, возмущенные, ушли.

Платформу «Что такое анархисты-коммунисты» писала я одна. Карелинский Комитет ни при чем.

ВОПРОС: Вы член Карелинского Комитета и когда писали эту платформу, призывающую к вооруженному восстанию, представляли ли себе, что этим подводите Комитет Карелина?

ОТВЕТ: Ввиду того, что Карелинский Комитет распался больше года тому назад или, во всяком случае, я больше года его не посещала, я считаю себя с ним совершенно не связанной и за свои действия отвечаю лично.

Об орденах могу сказать следующее: я слышала от обывателей о том, что существуют всяческие мистические течения, что выкрадывают девиц на улице, где они хоронят кого-то живого, потом моют пол и что нити по этим мистическим организациям идут из ОГПУ. Считаю, что все это глупые сплетни, и мне было очень неприятно это говорить, но своими постоянными намеками на мистические ордена вы меня вынудили сказать раз навсегда все, что я по поводу мистических организаций знаю. Прочла

И. Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 38]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕН (ИЛОВАЙСКОЙ) И.Н. 23.12.30 г.

Писать листовку я закончила перед самым арестом. Может быть, тогда я говорила кому-нибудь о том, что пишу листовку, но кому — не помню. Излагала в листовке мысль о методах анархической борьбы путем революционным, т.е. путем стачек и восстаний, а не путем эволюционным и не путем одиночных террористических актов. Желая поставить перед молодостью ясно вопрос об отношении анархистов к государству и к власти, напечатала всего 4-5 экземпляров с намерением их показать разным людям с целью агитации, но в последний момент решила, что сейчас давать кому-нибудь такую листовку значило бы подвести людей без всякой особой пользы, вследствие чего я сожгла накануне или за два дня до ареста остальные экземпляры, оставив у себя один для дальнейшей обработки.

В Музее Кропоткина пели гражданскую панихиду КАРЕЛИНУ на латинском языке четверо приглашенных артистов, которых я лично не знаю. Пели они «Реквием» Моцарта. Помню, что анархисты возмущались приглашением родными священника для панихиды. Обсуждали потом о памятнике КАРЕЛИНУ, желали для установки сделать сбор средств. Возмущались поставленным крестом.

Ни в каких мистических организациях и орденах не состояла, хотя мистикой интересовалась и продолжаю ей интересоваться. Я член Карелинского Комитета и, кажется, была членом Кропоткинского или Бакунинского комитетов. Я слышала от

кого-то, что ПАЛЬЧИНСКИЙ очень интересный и образованный человек, но я лично его не знала. Я считаю, что во всякую партию может проникнуть чуждый ей элемент и за это она не может быть ответственной, примером может служить АЗЕФ.

Анархизм с мистикой я не связываю. В листовке выражены ясно мои взгляды, которые я придерживаюсь до сих пор.

Протокол записан правильно с моих слов.

И. Уйттенховен

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 39-39об]

ШИШКО Владимир Федорович
(1886–1940)

Шишко Владимир Федорович родился в январе 1886 г. в с. Перово Московской губернии и уезда. До 1919 г. жил в Харькове, где окончил гимназию и получил музыкальное образование, после чего там же преподавал в городских школах пение. В 1919–1920 гг. был преподавателем консерватории в Екатеринодаре; в 1920 г. вступил в Красную Армию и работал в политотделе 22-й дивизии; в 1921 г. откомандирован по болезни в Кубано-Черноморский пролеткульт, а оттуда в Харьков, где преподавал музыку (фортепьяно) на Высших командных курсах до 1924 г., после чего переехал в Москву, где работал по специальности в клубах.

В круги московской интеллигенции и непосредственно в «Орден Света» Шишко вошел благодаря своим харьковским ученицам — В.А.Завадской, и О.Ф.Пушечниковой (к тому времени, жене В.С.Смышляева).

К моменту ареста В.Ф.Шишко жил в Малом Козихинском переулке, д. 10, кв. 8, с матерью, Александрой Федоровной Шишко, 1853 г. рожд., сестрой Натальей Федоровной, 1897 г. рожд., женой Валентиной Павловной Шишко, 1901 г. рожд., работавшей машинисткой-стенографисткой, и дочерью Марией, 1922 г. рожд. Братья — Сергей Федорович Шишко, врач, жил в Петрограде, а Алексей Федорович Шишко, электротехник, — в Константинополе, куда поехал с Белой армией.

Арестован Шишко в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г., содержался в Бутырской тюрьме, но уже 10.10.30 г. был освобожден под подписку о невыезде. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.01.31 г. по делу «Ордена Света» дело в отношении В.Ф.Шишко было прекращено.

Умер в 1940 г. в Москве.

ПОКАЗАНИЯ ШИШКО В.Ф. 16.09.30 г.

До Февральской революции жил в Харькове, учился, затем преподавал в городских школах пение, участия в революции не принимал. В Октябрьскую — там же, активного участия не принимал. До 1919 г. в Харькове, затем был преподавателем консерватории в Екатеринодаре; во время высадки десанта Врангеля в Крыму в 1920 г. добровольно вступил в Красную Армию, работал в Подиве-22; в 1921 г. был откомандирован по болезни в Кубано-Черноморский пролеткульт; через несколько месяцев был откомандирован в Харьков, служил на Высших командных курсах преподавателем фортепьяно; с 1924 г. работал в Москве в клубах. Под судом и следствием не состоял.

В Москве нахожусь с 1924 г. Получил работу в клубе РЛКСМ на МББ ж.д. в качестве руководителя кружка.

С артистическим миром возникли знакомства через Веру Александровну ЗАВАДСКУЮ, мою бывшую ученицу по фортепьяно. Знаком был с ее мужем Павлом Антоновичем АРЕНСКИМ, а также с артистами 2-го Художественного театра (через харьковскую знакомую, Ольгу Федоровну ПУШЕЧНИКОВУ*) — с Валентином Сергеевичем СМЫШЛЯЕВЫМ, БЛАГОНРАВОВЫМ и др.

В 1925 г. работал в Студии Юрия Александровича ЗАВАДСКОГО как пианист до 1928 г. (приблизительно). Артистическая вечеринка, на которой я у него присут-

ствовал, была приблизительно в 1926-27 гг. Присутствовали там лица, принимавшие участие в работе его Студии, в том числе ПЯТНИЦКИЙ.

У В.С.СМЫШЛЯЕВА я бывал в период 1929-30 гг. на литературно-музыкальных вечеринках в количестве 8–10 раз. Собиралось человек десять-двенадцать. Бывало это периодически. Извещалось мне по телефону. В Музее им. Кропоткина был раза два на лекциях памяти Толстого в 1927-28 гг. Читал лекцию ПОСАДОВ** (кажется) и другой раз СОЛОНОВИЧ, который однажды выразился чрезвычайно смело в отношении марксизма, как его научный противник. На лекциях его бывали ЛЮБИЦКИЙ Георгий Александрович, какая-то Елена Георгиевна*** и ЗАВАДСКАЯ В.А.

Знаком с инженером КОЗЬМИНЫМ Петром Алексеевичем давно, с 1905-06 г. По фамилии ЛАНГ Николай Робертович у меня знакомых нет, а есть Вера Робертовна НИКИТИНА, жена художника НИКИТИНА Леонида Александровича. Работал он в Белорусской студии и во 2-м МХАТе. На квартире у него бывал.

Этот круг знакомых артистов, за исключением инженера КОЗЬМИНА, по моему мнению, чувствует себя в некотором отношении как бы в недостаточной мере оцененным советской властью.

Этот круг артистов 2-го МХАТа, возлавлывшийся тогда артистом ЧЕХОВЫМ Михаилом, представляет собой по мировоззрению людей, склонных к мистическому взгляду на искусство вообще, заключавшемуся, по моему мнению, в том, что искусство является непосредственным выражением внутренней сущности какого-либо художественного образа.

Записано собственноручно.

В.Шишко

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 47об – 49]

* Ольга Федоровна Смышляева-Аренская.

** Иван Иванович Горбунов-Посадов.

*** Елена Георгиевна Адамова.

ПОКАЗАНИЯ ШИШКО В.Ф. 19.09.30 г.

У СМЫШЛЯЕВА на квартире я бывал с 1924 до 1929 г. Сравнительно часто бывал зимой 1928/29 г., когда он женился на сестре ЗАВАДСКОГО, на музыкальных вечерах. На этих вечерах бывали пианист ШУССЕР Александр Г., его жена – Алина Генриховна, девичья фамилия СЛАВИНСКАЯ, аккомпаниаторша, певица САДОВНИКОВА-МАЛЫШЕВА, АРЕНСКИЙ П.А.; как будто, композитор 2-го МХАТа РАХМАНОВ. На вечерах присутствовало человек до 10-12. Вспомнил, еще бывали доктор ЛИМЧЕР Леонид Федорович с женой Ксенией Федоровной, девичья фамилия ПУШЕЧНИКОВА: она сестра бывшей жены СМЫШЛЯЕВА – Ольги Федоровны.

На этих вечерах было чтение художественной литературы, главным образом стихов, пение, музыка. Читал сам СМЫШЛЯЕВ отрывки из Пушкина, Баратынского, Хлебникова и др. Занимались обсуждением новых постановок в театрах, как, например, «Три толстяка», «Митькино царство» и др. Постановку «Гамлет» делали, кажется, два режиссера – СМЫШЛЯЕВ и еще кто-то, фамилию не вспомню. Эту постановку также обсуждали, но только это давно. Никаких заключений о постановках не выносилось.

С художником НИКИТИНЫМ Леонидом Александровичем познакомился на репетиции в Белорусской студии году в 1925-26. Бывал у него на квартире по поводу работы в Студии и уроков по музыке несколько раз. Встречался у НИКИТИНА с доктором ЛИМЧЕРОМ, его женой, Еленой Георгиевной АДАМОВОЙ, матерью НИКИТИНА – Марией Васильевной, сестрой его Ниной и многими его родственниками.

Однажды был на докладе НИКИТИНА об Атлантиде. В этот раз было у него человек до двадцати, не меньше.

С НИКИТИНЫМ еще встречался у СМЫШЛЯЕВА. Года четыре-пять назад НИКИТИН предлагал мне написать музыку к постановке в Белорусской студии, но из-за незнакомства с оркестром и малым опытом в композиции я отказался и предло-

жил использовать в этом деле композитора МЕТНЕРА Александра Карловича. Последний, пришедши со мной на репетицию, в присутствии СМЫШЛЯЕВА начал было писать музыку, но затем тоже отказался. В конце концов эту музыку написал композитор АЛЕКСАНДРОВ Анатолий.

По фамилии СМИРНОВ у меня есть знакомый — муж певшей у меня в хоровом кружке МОЗО Ольги Николаевны СМИРНОВОЙ. Они проживают на Каляевской улице.

СМИРНОВА, проживающего за Москвой-рекой в Кадашевском переулке, я не знаю, со СМЫШЛЯЕВЫМ и НИКИТИНЫМ у него не бывал никогда. О посвящениях в рыцари мне ничего не известно.

БЛАГОНРАВОВ Аркадий и его жена ДЕЙКУН мне знакомы. Познакомился в общезитии актеров 2-го МХАТа (на Советской площади), куда я ходил на репетицию ученической работы студии ЗАВАДСКОГО.

ЗАВАДСКИЙ — мистик. Это мое предположение основывается на моих наблюдениях относительно преобладающего направления вообще в постановках 2-го МХАТа и Студии Вахтангова. Например, в «Гамлете» игра ЧЕХОВА, «Синяя птица» — постановка 1-го МХАТа, «Женитьба» — в Студии Вахтангова.

ПОЛЬ есть у меня знакомый. Он преподаватель ораторского искусства.

ЛЕОНТЬЕВА, возможно, встречал на спектакле ЗАВАДСКОГО, но плохо его помню.

Записано с моих слов правильно и прочтено.

В.Шишко

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 49об — 50]

ПОКАЗАНИЯ ШИШКО В.Ф. 01.10.30 г.

Поселившись с 1924 г. в Москве, я бывал у В.А. АРЕНСКОЙ, которая предложила мне вступить, зная, что я близок к искусству, в орден «Храм Искусств». Это было приблизительно в 1924-25 гг. Задачи Ордена — служение с помощью искусства всем людям, нуждающимся, отягощенным жизнью и заботами. Впервые присутствовал при посвящении П.А.АРЕНСКИЙ, В.А.АРЕНСКАЯ, О.Ф.ПУШЕЧНИКОВА и кто-то еще (не помню по имени).

Была рассказана легенда о происхождении мира. Самый ритуал посвящения состоял в следующем: тот, кто посвящал, имел в руках белую розу и говорил, чтобы вновь вступивший был мужествен, так как путь его имеет много препятствий и что он труден. Главная же задача — в помощи близким, в совершении добра. Тот, кого посвящали, должен был ответить, если он соглашался со всем тем, что слышал, «от мрака — к свету».

Содержание легенд, следующих за первой, приблизительно напоминает рассказы из библейской истории, причем они могли быть понимаемы не только в каком-либо определенном смысле (т.е. индивидуально). Вступающий должен был сохранять в тайне свое посвящение. Нарушивший слово, данное при посвящении, подвергался как бы мистическому отлучению, заключающему в самом себе наказание. Посвящение меня производили АРЕНСКИЙ, имевший в руке белую розу, в присутствии О.Ф.ПУШЕЧНИКОВОЙ и В.А.АРЕНСКОЙ у них на квартире.

Собрания (Ордена «Храм Искусств») происходили на квартире АРЕНСКОГО два раза в месяц, а также на квартире артистки Детского театра ИВАКИНСКОЙ. На квартире ИВАКИНСКОЙ состоялось посвящение ее мужа БАРКОВА.

На собраниях рыцарей на квартире АРЕНСКОГО присутствовали: АРЕНСКИЙ, его жена, ПУШЕЧНИКОВА, я и ЛЕОНТЬЕВ. Легенды рассказывал АРЕНСКИЙ — о происхождении мира и о древнем Египте. После рассказа задавались вопросы. Во время собрания у АРЕНСКОГО находилась такая роза, как символ Ордена. При входе посвященных знаком приветствия служило складывание известным образом рук (накрест).

На квартире ИВАКИНСКОЙ бывали собрания рыцарей: ИВАКИНСКАЯ, ее муж БАРКОВ, ГИРШФЕЛЬД, Елена Аполлинариевна ПОЛЬ, ЛЮБИЦКИЙ, КО-

РОЛЬКОВ Павел, НИКИТИН Л.А., БЛАГОНРАВОВ и ДЕЙКУН. Собрания происходили приблизительно два раза в месяц. Рассказывал легенды НИКИТИН в количестве приблизительно восьми, из которых хорошо помню об Атлантиде (в легенде этой рассказывались события, происходившие очень давно на материке, поглощенном океаном при космической катастрофе; о той высокой культуре, которая была тогда, причем в этом предании рассказывалось то, что наука сейчас доказывает).

Та же тема об Атлантиде была им рассказана дома, в виде доклада. Присутствовало человек 15-20. Родственники его – мать, сестра Нина, Е.Г.АДАМОВА, доктор ЛИМЧЕР, его жена Ксения Федоровна, ЛЮБИЦКИЙ Г.А., КОРОЛЬКОВ П.Е., ПОЛЬ А.С. и Е.А., БАРКОВ и жена его ИВАКИНСКАЯ, ПОКРОВСКАЯ Ирина и ее мать, НЕДОВИЧ, жена ЛЮБИЦКОГО Фаня, СОЛОНОВИЧ и др. Во время рассказывания легенд НИКИТИН имел белую розу.

Собрания были двоякого рода: 1) собрания, на которых рассказывались легенды, и 2) деловые.

Деловые собрания касались вопросов устройства литературно-музыкальных вечеров за небольшую входную плату, сбор с которых поступал в пользу наиболее нуждающихся, даже не принадлежащих к рыцарям «Храма Искусств» (сбор с одного такого вечера был отдан нуждающейся в лечении в Крыму от туберкулеза Любимовой). Непосредственно принимали участие: певец САДОВНИКОВ, пианистка МАЛЫШЕВА, певица ЛЯСС, артист КАЧАЛОВ, ЗАВАДСКИЙ и др. Концерт состоялся в Студии ЗАВАДСКОГО (насколько мне помнится). Другой концерт происходил в помещении ГАХНа, в котором выступали САДОВНИКОВ, ЛЯСС (аккомпанировал я), пианист ШУССЕР и др.

Выступления артистов были, как я уверен, бесплатные. Каждый из рыцарей должен был принимать какое-либо участие в устройстве этих концертов. Как помнится, принимал участие артист БЛАГОНРАВОВ и ДЕЙКУН. На деловых собраниях также возникали вопросы, связанные с поведением рыцарей в их частной жизни и отношениях их к окружающим.

Однажды возник вопрос о количестве степеней в Ордене, и, мне кажется, ответил НИКИТИН или АРЕНСКИЙ, что степеней существует девять. На основании цикла легенд (в количестве, кажется, восьми-десяти) можно было быть посвященным в следующую, вторую степень. Самое посвящение носило несколько отличный от первого характер, как в отношении произносимых при этом слов, так и в отношении жеста при приветствии, а именно – руки складывались накрест и посвященный имел право иметь розу и мог присутствовать при посвящении других. Происходило мое посвящение во вторую степень Ордена на квартире СМИРНОВА. Присутствовали: НИКИТИН, СМИРНОВ, жена его, КОРОЛЬКОВ, ЛЮБИЦКИЙ и я. Как помнится, посвящение производил НИКИТИН. В.Шишко

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 60-62об]

ПОКАЗАНИЯ ШИШКО В.Ф. 05.10.30 г.

Об артисте 1-го МХАТа ЗАВАДСКОМ Юрии Александровиче мне известно, что он состоял в Ордене «Храм Искусств», т.к. однажды на его квартире происходило собрание рыцарей (приблизительно в 1926 г.). Предполагали, что он состоял рыцарем старшей группы.

В.С.СМЫШЛЯЕВ, артист 2-го МХАТа, состоял также в Ордене и также принадлежал, очевидно, к старшей группе рыцарей. Его обе жены (О.Ф.ПУШЕЧНИКОВА и В.А.ЗАВАДСКАЯ) были также в Ордене.

По некоторым данным, я думаю, что артист ЧЕХОВ состоял в Ордене (во время конфликта во 2-м МХАТе в газете промелькнуло сообщение об его антропософском мировоззрении), кроме того, исполнение им роли Гамлета наводило на эту мысль. Так же предполагаю и об артисте ЖИЛИНСКОМ (МХАТ 2-й), бывшем преподавателе (некоторое время) в Студии Ю.А.ЗАВАДСКОГО. Один кружок рыцарей не должен был знать, кто входит в другие такие же кружки.

Я лично находился в Ордене с 1925 по 1927-28 гг., когда заявил НИКИТИНУ Л.А. о своем уходе. Ввиду ухода своего я должен был, по словам НИКИТИНА, исполнить долг молчания. Организаторов, а также и целей устраиваемых концертов в Студии ЗАВАДСКОГО рыцари младших степеней почти не знали, т.к. отчета для всеобщего сведения не производилось.

Приблизительно в 1925-26 гг. было сообщено о прекращении деятельности Ордена на неопределенное время и по неизвестным причинам; приблизительно через шесть-восемь месяцев вся деятельность была возобновлена.

Учитывая направление Ордена (как тайной организации) и, главным образом, мистико-анархическую его окраску, я должен признать, что по существу своему он является пережитком давно прошедших времен; как мистицизм, так и анархизм, конечно, ни в какой мере не могут быть приемлемы для пролетариата в условиях Советского Союза, а потому являются контрреволюционными, играющими на руку буржуазии. В.Шишко

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 63-64]

ПОКАЗАНИЯ ШИШКО В.Ф. 09.10.30 г.

Орден, в котором я состоял, имел название «Орден Света», что же касается названия «Храм Искусств», то это была ассоциация, в которой члены Ордена могли приложить свои знания и работать по отделу искусства.

Рассказывались: «Легенда о бедной вдове и рыцаре». Содержание состоит в том, что вдова должна была выиграть дело в суде и тем обеспечить себя и своих детей материально в том случае, если бы ее знакомый рыцарь смог прибыть в день суда и дать показания в ее пользу. Но рыцарь, увлекшись одной женщиной, которая его очаровала, опоздал прибыть ко дню суда, и вдова проиграла свое дело.

Как помнится, первой легендой второй степени была легенда о «Ничто». Приблизительное содержание ее следующее: человек, перед которым нет цели жизни, постепенно приближается к пассивному состоянию, и перед ним встает «Ничто», которое постепенно надвигается на него. Но рыцарь должен в этом случае стоять твердо на своих позициях и не смущаться движения «Ничто»... Несмотря на желание противостоять движению «ничто», оно все двигалось и до тех пор, пока рыцарю не было оказано помощи. Тогда «ничто» остановилось и это противостояние «ничто» и рыцаря продолжалось настолько долго, что они подумали, что так будет всегда. Но через очень продолжительное время наконец были замечены в окружающей мгле огни, которые явились сигналом победы над «ничто».

Количество легенд (приблизительно десять) рассчитано было на рассказывание в течение прохождения двух первых степеней.

История Ордена рассказывается на более высоких степенях. Возникновение Ордена относится к древним временам, как это я слышал от одного из членов Ордена (АРЕНСКОГО), и потому не является созданием настоящей, переживаемой эпохи. В.Шишко

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 67-68]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 103514 на гр. гр. АДАМОВУ Елену Георгиевну, АНОСОВА Григория Ивановича, БОГОМОЛОВА Николая Константиновича, ИЛЬИНА Георгия Дмитриевича, СМОЛЕНЦЕВУ Александру Ивановну, СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича, УЙТТЕНХОВЕН Ирину Николаевну, ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича, ЛЮБИМОВУ Варвару Николаевну, НИКИТИНУ Нину Александровну, СМИРНОВА Евгения Николаевича, КОРОЛЬКОВА Павла Ефимовича, ПОЛЬ Елену Аполлониариевну, УЙТТЕНХОВЕНА Александра Владимировича, ЛЕОНТЬЕВУ Надежду Алексеевну, АНДРЕЕВА Александра Васильевича, КОРНИЛОВА Петра Аркадьевича,

ча, НИКИТИНА Леонида Александровича, НИКИТИНУ Веру Робертовну, БЕМА Дмитрия Александровича, БРЕНЕВА Евгения Константиновича, РЫТАВЦЕВА Илью Евгеньевича, ПРОФЕРАНСОВА Николая Ивановича, ЛАДЫЖЕНСКОГО Николая Алексеевича, СНО Владимира Ивановича, ПОЛЯ Александра Сергеевича, АСКАРОВА Германа Карловича, ГИРШФЕЛЬДА Феликса Федоровича, ПОКРОВСКУЮ Ирину Владимировну, РУСОВА Николаевича, ВОДОВОЗОВА Николая Васильевича, ЗАВАДСКОГО Юрия (Георгия) Александровича и ШИШКО Владимира Федоровича.

9-го января 1931 года. Я, помощник начальника 1-го отд. СО ОГПУ КИРРЕ, рассмотрев дело за № 103514 по обвинению гр. гр. АДАМОВОЙ Е.Г., АНОСОВА Г.И., БЕМА Д.А., БОГОМОЛОВА Н.К., БРЕНЕВА Е.К., ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф., ИЛЬИНА Г.Д., ПОЛЯ А.С., РЫТАВЦЕВА И.Е., СОЛОНОВИЧА А.А., УЙТТЕНХОВЕН И.Н., ВОДОВОЗОВА Н.В., ЗАВАДСКОГО Ю.-Г.А., ЛЕОНТЬЕВА К.И., ЛЮБИМОВОЙ В.Н., НИКИТИНОЙ Н.А., СМИРНОВА Е.Н., ШИШКО В.Ф., КОРОЛЬКОВА П.Е., УЙТТЕНХОВЕНА А.В., НИКИТИНОЙ В.Р., НИКИТИНА Л.А., ПРОФЕРАНСОВА Н.И., ЛАДЫЖЕНСКОГО Н.А., СНО В.И. по 58/10 и 58/11 ст. ст. УК, СМОЛЕНЦЕВОЙ А.И., ПОЛЬ Е.А., ЛЕОНТЬЕВОЙ Н.А. по 58/10 ст. УК; АСКАРОВА Г.К., ПОКРОВСКОЙ И.В. и РУСОВА Н.Н., коим обвинение не предъявлено, арестованных: АДАМОВА Е.Г., АНОСОВ Г.И., БОГОМОЛОВ Н.К., ГИРШФЕЛЬД Ф.Ф., ИЛЬИН Г.Д., ПОКРОВСКАЯ И.В., РУСОВ Н.Н., СМОЛЕНЦЕВА А.И., СОЛОНОВИЧ А.А., УЙТТЕНХОВЕН И.Н., ВОДОВОЗОВ Н.В., ЗАВАДСКИЙ Ю.-Г.А., ЛЕОНТЬЕВ К.И., ЛЮБИМОВА В.Н., СМИРНОВ Е.Н., НИКИТИНА Н.А., ШИШКО В.Ф. 11 сентября 1930 года, БЕМ Д.А., БРЕНЕВ Е.К., РЫТАВЦЕВ И.Е. 14 сентября 1930 года, АСКАРОВ Г.К., ПОЛЬ А.С. 15 сентября 1930 года, НИКИТИН Л.А. 16 сентября 1930 года, СНО В.И. 24 сентября 1930 года, КОРОЛЬКОВ П.Е. 25 сентября 1930 года, ПОЛЬ Е.А. 26 сентября 1930 года, УЙТТЕНХОВЕН А.В., ЛЕОНТЬЕВА Н.А. 7 октября 1930 года, АНДРЕЕВ А.В. 11 октября 1930 года, КОРНИЛОВ П.А. 13 октября 1930 года, НИКИТИНА В.Р. 1 ноября 1930 года, ЛАДЫЖЕНСКИЙ Н.А. 7 августа 1930 года, ПРОФЕРАНСОВ Н.И. 14 августа 1930 года, из коих содержатся под стражей: СОЛОНОВИЧ А.А., БОГОМОЛОВ Н.К. во Внутренней тюрьме при ОГПУ, БЕМ Д.А., АНОСОВ Г.И., БРЕНЕВ Е.К., НИКИТИНА Н.А., АДАМОВА Е.Г., ЛЕОНТЬЕВ К.И., СМИРНОВ Е.Н., ЛЮБИМОВА В.Н., ИЛЬИН Г.Д., УЙТТЕНХОВЕН И.Н., ПОЛЬ А.С., КОРОЛЬКОВ П.Е., ЛЕОНТЬЕВА Н.А., ПОЛЬ Е.А., ПРОФЕРАНСОВ Н.И., ЛАДЫЖЕНСКИЙ Н.А., УЙТТЕНХОВЕН А.В., АНДРЕЕВ А.В., КОРНИЛОВ П.А., СМОЛЕНЦЕВА А.И., РЫТАВЦЕВ И.Е., НИКИТИН Л.А., НИКИТИНА В.Р., СНО В.И. в Бутырской тюрьме, ВОДОВОЗОВ Н.В., РУСОВ Н.Н., ЗАВАДСКИЙ Ю.-Г.А., ГИРШФЕЛЬД Ф.Ф., ШИШКО В.Ф., ПОКРОВСКАЯ И.В. и АСКАРОВ Г.К. освобождены под подписку о невыезде из Москвы и явке по первому требованию —

НАШЕЛ:

что во главе анархо-мистической организации «Орден Света» стоял старый анархист, бывший член Секретариата ВФА — СОЛОНОВИЧ, называемый командором. Члены «Ордена Света» назывались рыцарями. Организация строилась сверху донизу по принципу десятков, и перевод из низовых кружков в вышестоящие производился через «рыцарское посвящение».

«Знаки ордена» — голубая семиконечная¹ звезда и белая роза.

В момент собраний на младших степенях роза лежит на столе, а старших — каждый рыцарь держит ее в руке.

Организация ставила своей целью борьбу с соввластью как властью «Иальдобаофа» (одним из воплощений сатаны) и установление анархического строя. Ставились задачи противодействия и вредительства совласти на колхозном фронте, среди учреждений и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались массовые руководители, главным образом из среды интеллигенции. В кружках пропаганда велась в виде легенд, рассказываемых

только устно посвященным рыцарям. Запись легенд категорически запрещалась под страхом не только исключения из «Ордена», но вплоть до физического воздействия. Рыцарям внушалось, что для защиты идей и интересов «Ордена» — они не должны пренебрегать средствами борьбы вплоть до убийства². В последнее время делались попытки перекинуть свою деятельность в крестьянские массы под видом евангельской пропаганды; с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии, в противовес линии марксизма, проводимой компартией в искусстве, велась специальная проработка вопросов искусства в кружках, при этом имелись письменные материалы, называемые «мифами», в которых проповедовался и противопоставлялся марксизму идеалистический взгляд на искусство с вклиниванием мистических идей. Работа эта велась группой, называемой «Храм искусства», в задачу коей входила разработка практических методов, а «Орден Света» являлся идеологическим руководителем. Члены «Храма искусств» назывались «жрецами».

Материалами дела и следствием установлено: что идея тайных мистических орденов в Россию перенесена анархистом КАРЕЛИНЫМ из-за границы, каковой являлся командором так называемого ордена. В дальнейшем им эта идея применялась для распространения и прикрытия анархо-подпольной деятельности под видом якобы «аполитичной» мистики. Способствовал вовлечению в анархо-подпольные организации лиц с религиозным и мистическим мировоззрением. Как при жизни КАРЕЛИНА, так и после его смерти активным последователем и проводником этих идей являлся СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, БОГОМОЛОВ Николай Константинович, ПРОФЕРАНСОВ Николай Иванович, БЕМ Дмитрий Александрович, АНОСОВ Григорий Иванович, НИКИТИН Леонид Александрович, ПОЛЬ Александр Сергеевич, ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна, УЙТТЕНХОВЕН Ирина Николаевна, КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович и другие.

Материалами дела и результатом следствия по делу анархо-мистической организации «Орден Духа», ликвидированной в июне 1930 г. в Н[ижнем]-Новгороде, установлено, что она являлась филиалом и получала идеологическое руководство от анархо-мистического центра, находящегося в Москве, через видного ее члена анархо-мистика ПРОФЕРАНСОВА, непосредственно связанного и руководившего этой анархо-мистической группой. Группа получала руководящие указания и анархо-мистическую литературу из Москвы. Ставила основной своей целью свержение советской власти путем широкой агитации и пропаганды анархо-мистических идей, призывая к активной борьбе с соввластью, как и со всякой другой.

Материалом дела и следствием по делу анархо-мистической организации «Орден тамплиеров и розенкрейцеров», ликвидированной в Сочинском районе СКК в августе 1930 г., установлено, что сочинская группа анархо-мистиков также тесно связана с анархо-мистическим центром в Москве, как и нижегородская. В руководстве этой группы анархо-мистиков принимали участие, помимо ПРОФЕРАНСОВА, и другие видные анархо-мистики — СОЛОНОВИЧ, БОГОМОЛОВ и др.

Сочинская группа анархо-мистиков также ставила своей целью свержение советской власти путем активной борьбы с ней.

Материалами, обнаруженными во время ликвидации анархо-мистического центра в Москве, установлено следующее: в найденной листовке у активного члена анархо-мистической организации УЙТТЕНХОВЕН критикуется колхозная политика советской власти и коммунистической партии и призывается к массовым стачкам и массовым восстаниям. В обнаруженных отпечатанных на пишущей машинке книге «Бакунин и культ Иальдобаофа» в 3-х томах автора А.А. СОЛОНОВИЧА, нелегально распространявшихся среди членов Ордена и знакомых лиц, высказываются следующие мысли:

«Принцип власти привит человечеству, как болезнь, подобная сифлису. От властолюбия надо лечиться, а с его безумством беспощадно бороться, ибо по следам Иальдобаофа ползут ярвы и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни... Среди наиболее мощных фанатиков власти, для которых цель оправдывает средства, мы найдем Ивана IV, Филиппа II,

Лойолу, Торквемаду, Ленина, Маркса и др. Все они были под непосредственным руководством ангелов Иальдобаофа в той или другой форме или степени» (т. II, с. 22).

«Благодаря союзу рабочих и крестьян с интеллигенцией русская революция победила в Октябре. А затем большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разделили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма и затем в 20-21 гг. подавили революцию, шедшую глубже... Последние всплески революции раскатились громами Кронштадтского восстания, махновщины, крестьянских восстаний и так называемых голодных бунтов. То, что Носке проделал в 1918 г. в Германии³, большевики проделали в еще большем масштабе в России. Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, они тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятиях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самостоятельности, они отрезали себя от пролетариата как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, неслыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей» (т. II, с. 362).

«Империализм же московских большевиков пока, т.е. в 1927 г., занят внутренней войной и безнадежным старанием покорить страну. Однако занятость внутренняя может искать себе сил и во внешних завоеваниях. Но не нужно забывать немецко-еврейского происхождения большевизма, остающегося и обреченного всегда оставаться чуждым совокупности народов СССР» (т. 3, с. 358).

«Человек есть «гроб Господень» – его надо освободить новыми крестовыми походами, и должно для этого возникнуть новое рыцарство, новые рыцарские ордена – новая интеллигенция, если хотите, которая положит в основу свою непререкаемую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве» (т. 3, с. 10).

Характерна оценка, даваемая анархо-мистикам в изданной за границей брошюре анархиста С.ВОЛОДЬКИНА:

«Сообщение наших московских товарищей о том, что группа реакционных мистиков во главе с А.Солоновичем путем «борьбы из-за угла и прямой провокации» вынудила анархистов уйти из Музея им. П.А.Кропоткина. Под видом борьбы за анархическую свободу личности, за «общечеловеческую любовь» выросла и воцарилась в Музее им. Кропоткина реакционная партия мистиков-иезуитов во главе с Солоновичем».

В подпольном анархо-мистическом журнале, обнаруженном в нескольких экземплярах у анархо-мистика КОРОЛЬКОВА, разбираются преимущественно произведения Блока. В № 7 на стр. 6-8 имеется следующее:

«Самое страшное в мире – это мистика. Ибо ужасен путь мистического постижения мира. Нет одиночества большего, чем одиночество провидца, не переходящего в действие. Третий, напряженный от полноты предгрозовой миг поры великого решения, когда будет избран мир или меч – смерть покорная или подвиг воинствующей жизни».

В распространявшихся среди членов анархо-мистических кружков рукописях мистического содержания между прочим пишется:

«Современное российское правительство выбросило лозунг: «Религия – опиум для народа». В противовес ему можно выбрать другой лозунг: «Государство – опиум для народа». С понятием «государства» какого бы то ни было неразрывно связано понятие «насилие» – насилия над обществом, над личностью, над индивидуальностью и т.д.».

Руководящее ядро «Ордена Света» одновременно с вышеуказанным вело свою работу в Музее им. Кропоткина, состоя членами Кропоткинского, Бакунинского и

Карелинского комитетов и членами анархистской секции музея. Ведя в последнем анархическую работу, устраивало вечера, лекции и собеседования, широко привлекаемая в основном интеллигентскую молодежь.

При непосредственном участии СОЛОНОВИЧА, БОГОМОЛОВА, БЕМА, АНОСОВА, ПРОФЕРАНСОВА, УЙТТЕНХОВЕН и др. и благосклонном содействии КРОПОТКИНОЙ С.Г. музей постепенно превратился в центр подпольной деятельности различного рода контрреволюционеров. Наиболее ярким примером чему служит участие расстрелянного ПАЛЬЧИНСКОГО в деятельности музея.

ПАЛЬЧИНСКИЙ являлся заместителем председателя Комитета по увековечению памяти Кропоткина, руководил научной секцией музея, председательствовал на заседаниях Комитета, на которых присутствовал СОЛОНОВИЧ и другие анархисты. Никаких мер со стороны анархо-мистиков по удалению из Кропоткинского музея ПАЛЬЧИНСКОГО принято не было, хотя отдельными анархистами – САНДОМИРСКИМ, АТАБЕКЯНОМ и др. – поднимался вопрос о его удалении как бывшего министра при Временном правительстве, жестоко расправлявшегося в июльские дни с революционными рабочими.

ПАЛЬЧИНСКИЙ, конечно, меньше всего руководствовался увековечением памяти Кропоткина, пользуясь музеем как гостиницей. Принимая посетителей, совещаясь с ними, приезжал из Ленинграда. После расстрела вредителей, в том числе и ПАЛЬЧИНСКОГО, в издающейся в САСШ анархической газете, в которой сотрудничали и московские анархисты, как то СОЛОНОВИЧ, ХУДОЛЕЙ, ХАРХАРДИН и др., «Рассвет», была напечатана статья об этом, в которой сообщалось:

«Пальчинский, Фон Мекк и Величко были расстреляны без суда по распоряжению ЧЕКА. Приказ о расстреле был подписан известным чекистом Ягодой. Один из расстрелянных, проф. Пальчинский, был одним из организаторов Кропоткинского музея» (газета «Рассвет», США).

В отобранной у НИКИТИНОЙ Нины рукописной тетради записаны различные мистические методы посвящения в рыцари Ордена, различные церемонии мистических орденских праздников и различные орденские мистические явления.

Показаниями обвиняемых ПОКРОВСКОЙ Ирины Владимировны, ПОЛЬ Елены Аполлинарьевны, ПОЛЯ Александра Сергеевича, ШИШКО Владимира Федоровича, ГИРШФЕЛЬДА Феликса Федоровича, ЗАВАДСКОГО Юрия-Георгия Александровича, ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича, БРЕНЕВА Евгения Константиновича и других существование анархо-мистической организации, возглавляемой СОЛОНОВИЧЕМ, НИКИТИНЫМ, СМЫШЛЯЕВЫМ, АРЕНСКИМ, БЕМОМ, БОГОМОЛОВЫМ, ПРОФЕРАНСОВЫМ, ЗАВАДСКИМ, АНОСОВЫМ, ПОЛЕМ и другими, под названием «Орден Света» и «Храм искусств», а также существование общества «Братство Милосердия», руководимого НИКИТИНОЙ Верой Робертовной, достаточно подтверждено.

Установлено, что на квартире НИКИТИНА Л.А. часто проходили под видом семейных вечеринок собрания рыцарей Ордена, на которых происходила (путем чтения мистических произведений, рассказывания сказок, чтения докладов, пения и музыки) обработка в анархо-мистическом духе намеченных для вербовки в орденские кружки лиц. На таких вечеринках у НИКИТИНА выступали: СОЛОНОВИЧ, ЛАНГ, ТАРАБУКИН, АДАМОВА, НИКИТИН, ЕВСТРАТОВА, ПОЛЬ и другие.

Собрания под видом семейных вечеринок происходили также у родных СМИРНОВА на Тверской и у знакомых ЛЕОНТЬЕВА, на которых вся программа вечера заранее была намечена орденским кружком, руководимым ПОЛЕМ А.С. при непосредственном участии КОРОЛЬКОВА, ЛЮБИМОВОЙ, ЛЕОНТЬЕВА и ЛЕОНТЬЕВОЙ, АДАМОВОЙ и других.

«Орденом Света» устраивались также публичные платные вечера с целью пополнения средств, каковые шли в большинстве на оказание помощи заключенным и ссыльным анархистам через «Черный Крест». Эти вечера обслуживались главным

образом бесплатными силами знакомых артистов, а также выступлениями артистов, состоящих членами «Ордена Света» или «Храма искусств». Программы таких вечеров в большинстве случаев носили мистический уклон.

Посвящение в рыцари Ордена производилось после прослушания посвященным несколькими предварительных орденских легенд. Посвящение производили СОЛОНОВИЧ, СМЫШЛЯЕВ, АРЕНСКИЙ, ПОЛЬ, НИКИТИН, БОГОМОЛОВ, ПРОФЕРАНСОВ и другие в присутствии рыцарей младших степеней.

Перевод из одной в другую степень производился лишь после прослушания соответствующего количества легенд от 8 до 10. Легенды рассказывались исключительно рыцарями высших степеней; рыцари младших степеней легенд не рассказывали.

Все обвиняемые частично сознались в своем участии в анархо-мистической организации, в посвящении их в «рыцари» первой и второй степени, а некоторые и в высших степеней и в участии на нелегальных орденских собраниях, вечеринках и другого вида сборищах «рыцарей» ордена. Часть обвиняемых дала подробные показания о деятельности тех кружков, в которых они состояли, а также дали подробные показания о других обвиняемых, участвовавших вместе с ними в орденских кружках.

СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, 1887 г. рождения, сын дворянина — полковника, уроженец местечка Казимерж Люблинской губернии, преподаватель математики и механики, анархо-коммунист с 1907 г., судился в 1914 г., но приговорен ни к чему не был. Соввластью в 1925 г. арестован и осужден постановлением Особого Сопсовещания при Коллегии ОГПУ к заключению в политизоляторе сроком на три года за подпольную анархическую деятельность. Досрочно от наказания освобожден. После смерти Карелина возглавлял анархо-мистические организации, организовал и руководил рядом анархо-мистических кружков. Распространял анархо-мистические лекции и книгу «Бакунин и культ Иальдобаофа». Обсуждал вопросы восстаний против соввласти. (Сознался)⁴.

БОГОМОЛОВ-НИКУЛИН Николай Константинович, 1887 г. рождения, мещанин г. Томска, сын служащего, бухгалтер-экономист, образование незаконченное высшее, анархист-коммунист с 1912 г., арестовывался органами ВЧК/ОГПУ в 1922 и 1923 гг. в связи с подпольной анархической деятельностью, в 1929 г. в июле м-це Нарсудом Замоскворецкого района приговорен к принудительным работам на два месяца за незаконное получение денег из страхкассы. Активно участвовал в работе анархо-мистических организаций. Производил посвящение в «рыцари» ордена «Тамплиеров и Розенкрейцеров». Непосредственно руководил сочинской группой ордена через Ладыженского и Чагу. Сознался частично.

АНОСОВ Григорий Иванович, 1888 года рождения, уроженец Воронежской губернии и уезда, с. Боршево, безработный, образование среднее, анархист с 1905 г., сидел до революции за аграрные беспорядки и взрыв в духовной семинарии в Воронежской губ., в 1917 г. был в германском плену. В 1925 г. сидел за анархо-подпольную деятельность, освобожден ввиду дачи подписки о согласии сотрудничать с ОГПУ. После освобождения снова занялся активной подпольной деятельностью, двурушник. Активно участвовал в анархо-мистической деятельности по созданию подпольных кружков. На квартире у него происходили собрания молодежи. Занимался гадаанием в карты и в руке, что подтверждается показаниями гр. Кустовой, проживающей в той же квартире. (Частично сознался.)

БЕМ Дмитрий Александрович, 1880 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-педагога, преподаватель теоретической механики, образование высшее, по убеждениям анархист, в 1926 г. осужден условно по 195 ст. УК. Принимал активное участие на «рыцарских» собраниях, руководил кружками. Прикрывался Музеем Кропоткина как легальной ширмой. Изобличен показаниями обвиняемых Гиришфельда, Любичского и др. (Сознался частично.)

ПРОФЕРАНСОВ Николай Иванович, 1885 г. рождения, уроженец г. Бобруйска Минской губернии, сын оружейного мастера, литератор — научный работник, образование высшее, по убеждениям анархист, бывший член РСДРП, в 1904-05 гг. привлекался по делу Тульского комитета РСДРП, в 1909-10 гг. — за хранение нелегальной

литературы. Принимал активное участие в организации в Нижнем Новгороде группы анархо-мистиков «Орден Духа», проводил посвящение в «рыцари» и снабжал литературой. Участвовал в руководстве сочинской группы ордена «Тамплиеров и Розенкрейцеров». Являлся одним из наиболее компетентных лиц в орденских вопросах. Изобличен показаниями Ладыженского, Владимировова, Дрейман, Постниковой и других. (Сознался частично.)

СНО Владимир Иванович, 1901 г. рождения, уроженец г. Симферополя, ретушер, образование ниже среднего, сын акцизного чиновника, анархист, быв. член ЛКСМ. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Солоновичем. В Крыму при белых выступал в качестве свидетеля по делу подпольной группы большевиков, в результате его показаний 6 человек по процессу было расстреляно, а остальные получили от 5 лет до бессрочной каторги. (Сознался.)

УЙТГЕНХОВЕН Ирина Николаевна, 1904 г. рождения, уроженка г. Новогрудок Минской губернии, дочь подъясаула-дворянина, переводчица, образование среднее, анархо-коммунистка, под судом и следствием не была. Активно участвовала в работе анархо-мистических кружков и написала листовку с призывом к массовым стачкам и восстанию. (Созналась.)

НИКИТИН Леонид Александрович, 1896 г. рождения, сын домовладельца — судебного чиновника, уроженец г. Рязани, театральный художник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. Активно стремился проводить линию анархо-мистицизма по линии искусства. Руководил несколькими анархо-мистическими кружками «Ордена Света» и «Храма Искусств». Рассказывал легенды, производил посвящения, устраивал вечеринки и т.д. «Рыцарь» старших степеней. Изобличен показаниями Гиршфельда, Шишко, Поля, Евстратовой и других. (Сознался частично.)

ПОЛЬ Александр Сергеевич, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын драматических артистов, экономист, преподаватель разных вузов, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. «Рыцарь» старших степеней «Ордена Света», принимал участие в посвящении ряда «рыцарей» младших степеней, руководил орденскими кружками, один из видных орденских деятелей. (Сознался.)

КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын служащего, продавец, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик. Активный руководитель подпольных орденских кружков, создал орденскую библиотеку. Присутствовал на всех собраниях Ордена. Принимал деятельное участие в организации вечеров и т.д., изобличен показаниями Шишко, Поля, Гиршфельда, Покровской, Леонтьева и другими. (Сознался частично.)

ЛЕОНТЬЕВ Константин Иванович, 1889 г. рождения, уроженец г. Владислава Варшавской губернии, экономист, образование высшее, беспартийный, по убеждениям социалист-анархист, индивидуалист с 1907 г., судился за студенческие беспорядки в Петрограде в 1910 г., приговорен к высылке на 3 года, но ввиду хлопот через 1,5 года вернулся в Петроград. «Рыцарь» второй степени «Храма Искусств». Участвовал на подпольных собраниях «рыцарей», присутствовал при посвящении, принимал активное участие в устройстве вечеринок и рыцарских праздников. (Сознался.)

СМИРНОВ Евгений Николаевич, 1890 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын священника, научный работник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям мистик, морской офицер. В 1924 г. был арестован и сидел 1,5 месяца за предоставление своей квартиры духовным для служения в честь его отца. «Рыцарь» второй степени ордена «Храм Искусств», предоставлял свою квартиру для собраний «рыцарей», на его квартире происходили посвящения в «рыцари» Дейкун, Благодрава, Ивакинской, Баркова и других. (Сознался.)

НИКИТИНА Вера Робертовна, 1897 г. рождения, уроженка г. Москвы, домохозяйка, образование незаконченное высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических орденов, старший «рыцарь», возглавляла общество «Братство Милосердия», устраивала орденские собрания. Изоб-

личена показаниями Поля, Покровской, Любимовой, Адамовой, Ивакинской и других. (Созналась частично.)

БРЕНЕВ Евгений Константинович, 1883 г. рождения, уроженец г. Тифлиса, преподаватель математики, образование высшее, беспартийный, сочувствующий анархо-мистику. Ближайший помощник Солоновича по проведению анархо-мистических идей в МВТУ. Член подпольного кружка, руководимого Солоновичем. Участвовал на нелегальных собраниях. (Сознался.)

ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Полоцка Витебской губернии, дочь государственного чиновника, машинистка, образование среднее, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических кружков, состояла членом общества «Братство Милосердия», перепечатывала подпольные анархо-мистические материалы. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Любичко, Гиршфельда. (Созналась частично.)

АДАМОВА Елена Георгиевна, 1897 г. рождения, уроженка г. Москвы, приемная дочь адвоката, библиотечарша, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. «Рыцарь» Ордена, рассказчик орденских легенд, мифов и сказок. Принимала активное участие на всех орденских собраниях и вечеринках. Изобличена показаниями Леонтьева, Смирнова, Поля, Покровской, Никитина, Ивакинской и др. (Созналась частично.)

КОРНИЛОВ Петр Аркадьевич, 1885 г. рождения, уроженец г. Москвы, из дворян, бухгалтер, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-коммунист, бывший офицер, в 1918 г. арестовывался за антисоветскую агитацию в г. Перми Особым отделом Ревтрибунала 3-й армии Восточного фронта, после допроса был освобожден. В 1920 г. был арестован по обвинению в дезертирстве и принадлежности к Екатерининской группе анархистов, после сидки – ТРИ месяца – был освобожден. В 1924 г. в г. Туле по обвинению в участии в группе растратчиков, после допроса был освобожден. Со службы вычищен по 1-й категории. Распространял анархическую литературу и занимался агитацией и пропагандой анархических и мистических идей среди рабочих и крестьян Брянского и Бежецкого районов. (Сознался.)

СМОЛЕНЦЕВА Александра Ивановна, 1905 г. рождения, уроженка Тверской губернии и уезда, Городенской волости, д. Низовка, из крестьян, безработная, художница, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Принимала активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка, занимавшегося на ее квартире. Назвать всех участников кружка отказалась.

ЛЕОНТЬЕВА Надежда Алексеевна, 1898 г. рождения, уроженка г. Курска, дочь госбанковского чиновника, домохозяйка, образование среднее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Являлась членом подпольного анархо-мистического кружка, руководимого Подем, на собраниях кружка принимала активное участие, особенно по организации под видом семейных вечеров празднеств «рыцарей». Постепенно обрабатывала своих учениц по пластике. Свое участие в Ордене отрицает, несмотря на показания мужа и других обвиняемых.

УЙТТЕНХОВЕН Александр Владимирович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын городской учительницы, помощник редактора научно-технического комитета РККА, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал участие в анархо-мистических кружках, руководимых Солоновичем и Никитиным, в которых читал доклады по теософии и антропософии. Рисовал мистические орденские знаки и эмблемы. (Сознался частично.)

ПОЛЬ Елена Аполлинариевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь артистов Вишневиных, певица, образование среднее, беспартийная, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиным, «рыцарь» второй степени, на вечеринках выступала с пением. (Созналась.)

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, сын дворянина, сосланного в Сибирь по Нечаевскому процессу, инструктор по сбору лекарственно-технического сырья, образование неоконченное высшее, анархо-мистик. Активный

член анархо-мистического кружка, руководимого Богомоловым, коим и был посвящен в «рыцари» Ордена, член сочинской группы анархо-мистиков. Дал подробные показания, способствовавшие следствию.

НИКИТИНА Нина Александровна, 1894 г. рождения, дочь домовладельца — судебного чиновника в г. Рязани, стенографистка, образование неоконченное высшее, по убеждениям анархо-мистичка, в 1921 г. была арестована ГПУ. Член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиной В.Р., принимала активное участие на собраниях, происходивших на квартире ее брата. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Адамовой и другими. (Созналась частично.)

РЫТАВЦЕВ Илья Евгеньевич, 1901 г. рождения, уроженец Ярославской губернии Ростовского уезда Приимковской волости, с. Ново-Никольское, из крестьян, студент 3-го курса Московского электротехникума, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Участвовал в подпольных кружках, руководимых анархистом Пикуновым, и был связан с анархо-подпольной группой г. Сергиева. (Созналась частично.)

ИЛЬИН Георгий Дмитриевич, 1905 г. рождения, из дворян г. Вологды, техник-производитель, образование среднее, беспартийный, анархо-коммунист, в 1926 г. в апреле арестовывался ОГПУ по делу скаутской организации и был приговорен к 1 году концентрационных лагерей, срок отбыл в Бутырской тюрьме. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Лангом, выпустившем в 1929 г. листовку к Октябрьским торжествам. (Сознался.)

АНДРЕЕВ Александр Васильевич, 1884 г. рождения, из крестьян д. Кураповки Краснослободского уезда и волости Пензенской губернии, бухгалтер, образование неоконченное высшее, анархо-коммунист с 1906 г., в 1907 г. арестован по обвинению в принадлежности к анархистам и выслан на родину, оттуда отправлен в Харбин в солдаты. В 1918 г. был арестован в Москве, но скоро освобожден; в 1919 г. арестовывался в связи с экспроприацией Центротекстиля, в 1922 г. арестован в связи с деятельностью «Черного Креста». Активно участвовал в работе «Черного Креста», распространял подписные листы для сбора средств в пользу ссыльных и заключенных анархистов. Распространял анархическую литературу, через Корнилова направлял таковую в Брянский и Бежецкий районы. Тесно связан с Солоновичем и Уйттенховен. (Сознался.)

РУСОВ Николай Николаевич, 1884 г. рождения, уроженец г. Серпухова, сын бухгалтера, литератор, образование высшее, с 1918-19 г. был членом клуба Московского Союза Анархистов, по убеждениям анархо-индивидуалист. В 1919 г. арестован и просидел два месяца в тюрьме, а в 1927 г. снова был арестован и просидел две недели. К орденской деятельности близкого отношения не имел, хотя мистикой интересовался. Дал письмо в печать о своем разрыве с анархизмом.

ГИРШФЕЛЬД Феликс Федорович, 1904 г. рождения, уроженец Курской губернии, экономист-статистик, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь», способствовал раскрытию деятельности и установок «Ордена Света», дав откровенные показания.

ПОКРОВСКАЯ Ирина Владимировна, 1906 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь инженера, пианистка, безработная, образование среднее и специальное музыкальное, беспартийная, проявляющая интерес к теософии. «Рыцарем» не являлась, но намечалась к вербовке в Орден, присутствовала на вечеринках как пианистка. Дала откровенные показания.

ШИШКО Владимир Федорович, 1886 г. рождения, уроженец Московской губернии, с. Перово, сын служащего — инженера, педагог музыки, образование незаконченное высшее, беспартийный, мистик. Принимал активное участие в деятельности анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь». Дал подробные показания, изобличающие ряд участников, способствовал раскрытию деятельности анархо-мистиков.

АСКАРОВ Герман Карлович, 1882 г. рождения, из мещан г. Риги, безработный, образование незаконченное высшее, анархист с 1904 г. До революции был пригово-

рен к смертной казни за покушение к террору, в 1921-22 гг. арестовывался ОГПУ и был приговорен к ссылке на 3 года. Был задержан в засаде (на квартире Солоновича), хотя и знаком с Солоновичем, но к орденской деятельности отношения не имел.

ВОДОВОЗОВ Николай Васильевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын торговца, преподаватель, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, в 1923 г. за самовольную отлучку был приговорен 2-м Стрелковым Трибуналом к 1 году лишения свободы. «Рыцарь» Ордена, принимал участие на орденских собраниях и вечеринках, выдающейся роли в организации не играл. Дал подробные показания о деятельности известных ему членов Ордена, способствуя следствию.

ЗАВАДСКИЙ Юрий-Георгий Александрович, 1894 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-дворянина, артист-режиссер 1-го МХАТа, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Рыцарь высших степеней, состоял в руководящей группе, достаточно изобличен показаниями Поля, Шишко, Гиршфельда, Водовозова, Любичского и других. Следствие не закончено.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаю обвинение по 58/10 и 58/11 ст. ст. УК доказанным и ПОЛАГАЛ БЫ: дело на гр. гр. СОЛОНОВИЧА А.А., БОГОМОЛОВА-НИКОЛИНА Н.К., АНОСОВА Г.И., БЕМА Д.А., ПРОФЕРАНСОВА Н.И., СНО В.И., УЙТТЕНХОВЕН И.Н., АНДРЕЕВА А.В., НИКИТИНА Л.А., ПОЛЯ А.С., ЛЮБИМОВУ В.Н., КОРОЛЬКОВА П.Е., НИКИТИНУ В.Р., БРЕНЕВА Е.К., ЛЕОНТЬЕВА К.И., СМИРНОВА Е.Н., НИКИТИНУ Н.А., АДАМОВУ Е.Г., УЙТТЕНХОВЕНА А.В., ЛЕОНТЬЕВУ Н.А., ПОЛЬ Е.А., СМОЛЕНЦЕВУ А.И., РЫТАВЦЕВА И.Е., ЗАДЫЖЕНСКОГО Н.А., ИЛЬИНА Г.Д., КОРНИЛОВА П.А., ВОДОВОЗОВА Н.В., ЗАВАДСКОГО Ю.Г.А., ГИРШФЕЛЬДА Ф.Ф., ПОКРОВСКУЮ И.В., РУСОВА Н.Н., ШИШКО В.Ф., АСКАРОВА Г.К. — передать на рассмотрение Особого Сопределения при Коллегии ОГПУ.

Помощник Начальника 1-го отделения СО ОГПУ

Кирре

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 2, л. 1-17]

¹ Ошибка: восьмиконечная.

² «Никаких клятв, тем более связанных с угрозой, я никогда не давал, и это вообще не было в духе Ордена» (из показаний А.С.Поля 21.09.30 г.). «Вступающий должен был сохранять в тайне свое посвящение. Нарушивший слово подвергался мистическому отлучению, заключаемому в самом себе наказание» (из показаний В.Ф.Шишко 01.10.30 г.).

³ Носке Густав (1868—1946), став членом правительства в декабре 1918 г., в январе 1919 г. жестокими репрессиями подавил революционное движение в Германии.

⁴ Примечание «сознался», как правило, означает, что арестованный признал ряд своих действий, не имеющих противозаконного содержания, тогда как помета «сознался частично» означает, что подследственный категорически отверг все обвинения, признав только факт знакомства с тем или иным человеком. Следует отметить также, что далеко не все ссылки на показания подследственных соответствуют действительности.

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 3
ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ ОГПУ(судебного)
от 13.01.1931 г.**

Слушали: Дело № 103514 по обвинению гр.гр. СОЛОНОВИЧ Алексея Александровича и 27-ми человек по 58/10 и 58/11 ст.ст. УК.

ПОЛЬ Елены Аполлинариевны и СМОЛЕНЦЕВОЙ Александры Ивановны по 58/11 ст. УК.

КОРНИЛОВА Петра Аркадьевича, ПОКРОВСКОЙ Ирины Владимировны, РУ-

СОВА Николая Николаевича и АСКАРОВА Германа Карловича по 58/10 ст. УК.

Всего по делу проходит 33 чел[овека].

(Дело рассмотрено в порядке Постановления Президиума ЦИК СССР от 9/VI-1927 г.)

Постановили: 1) СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича, 2) АНОСОВА Григория Ивановича, 3) БЕМ Дмитрия Александровича, 4) ПРОФЕРАНСОВА Николая Ивановича, 5) СНО Владимира Ивановича, 6) КОРОЛЬКОВА Павла Ефимовича — заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на ПЯТЬ лет, считая срок: СОЛОНОВИЧУ, АНОСОВУ, БЕМ с 11/IX-30 г., СНО с 24/IX-30 г., КОРОЛЬКОВУ с 25/IX-30 г., ПРОФЕРАНСОВУ с 11/IX-30 г.

7) НИКИТИНА Леонида Александровича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 16/IX-30 г.

8) БОГОМОЛОВА-НИКОЛИНА Николая Константиновича выслать через ПП ОГПУ в Западную Сибирь сроком на ТРИ года, считая срок с 11/IX-30 г.

9) УЙТТЕНХОВЕН Ирину Николаевну, 10) ЛЮБИМОВУ Варвару Николаевну, 11) БРЕНЕВА Евгения Константиновича — заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на ТРИ года, считая срок УЙТТЕНХОВЕН с 11/IX-30 г., ЛЮБИМОВОЙ с 11/IX-30 г. и БРЕНЕВУ с 14/IX-30 г.

12) АНДРЕЕВА Александра Васильевича выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на ТРИ года, считая срок с 11/IX-30 г.

13) ПОЛЬ Александра Сергеевича, 14) НИКИТИНУ Веру Робертовну, 15) ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича, 16) СМИРНОВА Евгения Николаевича, 17) АДАМОВУ Елену Георгиевну, 18) ЛЕОНТЬЕВУ Надежду Алексеевну, 19) СМОЛЕНЦЕВУ Александру Ивановну — заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, считая срок: ПОЛЬ с 15/IX-30 г., НИКИТИНОЙ с 1/XI-30 г., ЛЕОНТЬЕВУ, СМИРНОВУ с 11/IX-30 г., АДАМОВОЙ, ЛЕОНТЬЕВОЙ с 7/X-30 г., СМОЛЕНЦЕВОЙ с 11/X-30 г.

20) НИКИТИНУ Нину Александровну — выслать через ПП ОГПУ в Среднюю Азию сроком на ТРИ года. Считая срок с 11/IX-30 г.

21) УЙТТЕНХОВЕН Александра Владимировича, 22) РЫТАВЦЕВА Илью Евгеньевича — выслать через ПП ОГПУ в Северный Край сроком на ТРИ года, считая срок УЙТТЕНХОВЕНУ с 7/X-30 г., РЫТАВЦЕВУ с 14/IX-30 г.

23) ПОЛЬ Елену Аполлинариевну, 24) ЛАДЫЖЕНСКОГО Николая Алексеевича — выслать через ПП ОГПУ в Западную Сибирь сроком на ТРИ года, считая срок: ПОЛЬ с 26/IX-30 г., ЛАДЫЖЕНСКОМУ с 7/VIII-30 г.

25) ИЛЬИНА Георгия Дмитриевича выслать через ПП ОГПУ в Восточную Сибирь сроком на ТРИ года, считая срок с 11/IX-30 г.

26) КОРНИЛОВА Петра Аркадьевича заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на ТРИ года, считая срок с 13/X-30 г.

В отношении гр.

27) ЗАВАДСКОГО Юрия-Георгия Александровича — дело ВЫДЕЛИТЬ.

В отношении гр.гр.

28) ВОДОВОЗОВА Николая Васильевича, 29) ГИРШФЕЛЬДА Феликса Федоровича, 30) ПОКРОВСКОЙ Ирины Владимировны, 31) РУСОВА Николая Николаевича, 32) ШИШКО Владимира Федоровича, 33) АСКАРОВА Германа Карловича — дело прекратить, подписки о невыезде аннулировать.

Пишущие машинки у гр.гр. СОЛОНОВИЧ А.А., АНОСОВА Г.И., ЛЮБИМОВОЙ В.Н. — КОНФИСКОВАТЬ.

Председатель

Члены

Секретарь

Прокурор при ОГПУ

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 2, л. 33]

Мессинг

Бокий, Кауль

Буланов

Катанян

ТРУБАДУР МИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА
(А.А. Солонович)

Преподаватель Московского Высшего Технического Училища по курсу математических упражнений; наследник покойного А.А.Карелина по «анархическим» и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович, несомненно, талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженные натуры и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т.п., целая иерархия оккультных, политических, «культурных» организаций, посвященных Иалдабаофу и его alter ego — Архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на темных и извилистых тропинках его жизни.

Официальной маской этой тайной деятельности Карелина и Солоновича была, как известно, Всероссийская Федерация Анархистов-Коммунистов, которую они возглавляли и которая, по существу своему, ни к чему их не обязывала, но давала им ослепительный ореол крайних революционеров. Все вышеназванные ордена, братства, а также разные «крестьянские» (в которых не было крестьян) и «рабочие» (в которых все же была как будто пара настоящих рабочих) союзы и т.п. были для них тоже лишь вспомогательной иерархией организаций: каждая из этих организаций не подзревала даже о существовании другой — «высшей», которой она подчинена. А вся эта иерархия подчинена верховной международной организации, ни имени которой, ни содержания я пока не назову. Могу сказать лишь одно: Карелин вывез ее в Россию из Парижа, а в Париже, по-видимому, имел рекомендацию от русских масонов. Должен, однако, предупредить, что в хронике этой верховной организации упоминается, что масонство тоже было маской для этой организации, и, следовательно, она с масонством не тождественна.

Личный состав этой верховной организации, конечно, не анархический. Ее задача — гегемония избранных. Презрение, с которым они говорят в своих избранных кругах о претензиях рабочих на культуру и политику, достаточно говорит о том, что им не все равно, какая гегемония. Острый антисемитизм это подчеркивает.

Россию и частично русскую эмиграцию унаследовал от Карелина по линии анархической маски Солонович. Но, если Карелин умел держать анархическое реноме, у Солоновича, как человека более бестактного, его оккультное существо бьет наружу. Экономический, политический и культурный революционный анархизм ему скучен. Люб ему только блеск оккультных аналогий, правда, улавливаемых им лишь со стороны их блестящей пестрой поверхности, блеск эффектных организационных церемоний (ритуалов), в которых он поистине «священнодействует», кипение организационных феерий и, главное, самочувствие «папы», спасителя, полубога, ибо он не считает себя человеком, а архангелом, даже выше архангела, и это говорится им совершенно серьезно. Большая часть людей, как он сам говорит, — лярвы, дьяволята, которыми командует Сатана. Солонович возмутился, когда один из его близких заметил ему лишь: «В нас тоже есть лярвы». «Нет, — сказал Солонович, — мы по меньшей мере ангелы».

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных «новых» (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения

узнать от его слушателей, о чем же говорил в лекции Солонович, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить, — так, по существу, они всегда бессодержательны и бессистемны. Они бьют на болезни воображения.

Он написал «труды»: «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Бакунин — Иалдабаоф» и т.п. — бесконечный ряд трудов, кроме оккультных Голубых сказок, пьес (подражания Карелину), медитаций и т.п. О «Бакунине — Иалдабаофе» он ухитрился в два года написать шесть громадных томов, имея до 1925 г. равнодушно-отрицательное отношение к Бакунину, натолкнутый в 1925 г. на пригодные для него моменты у Бакунина одним анархистом и начавший собирать материалы и писать эту «работу» самое раннее во второй половине 1926 года, т.е. материалы он собирал в процессе писания. Я спрашивал читавших об их впечатлении от этой работы. Серьезные интеллекты, привыкшие к ответственности за свои мысли и утверждения, говорили в одно слово: сумбур. Остальные восхищались, как он возвеличил Бакунина, как разругал Маркса. И все?.. Все: больше никто ничего серьезного мне не мог поведать.

Я сам читал его стихи, названные труды, пьесы и т.д., слушал его лекции, доклады, но ничего обо всем этом говорить не буду: не стоит.

Физиономия его, как я уже упоминал, безобразна. Еще безобразнее его внутреннее существо. Анархиста В. Михайлова он грозил отдать под суд за то, что тот отложил печатание его статьи перед более существенным и неотложным. И при всем том Солонович осмелился потребовать с анархического издания самый живодерский гонорар.

Самая наглая беззастенчивость его обнаруживается в его борьбе с теми, которые ему покажутся опасными конкурентами.

О Р[огдае]ве, Пастухове и некоторых других анархистах Солонович и его жена распустили слух, что те служили или служат агентами-провокаторами.

О современном Международном Товариществе Рабочих и о ряде других анархических организаций Солоновичи уверяли, что это «одна жидовская лавочка».

Характерно для физиономии Солоновича, что, будучи отъявленным антисемитом, он втягивает и евреев в побочные вспомогательные организации. В основные организации допускаются только крещеные.

Но самое характерное для Солоновичей — это то, что, обвиняя вас за глаза в провокации, в безнравственности, в моральной нечистоплотности, они тем не менее в глаза будут по-прежнему жать вам руки, приглашать к себе, пытаться увлечь вас своими фантазиями и вовлечь вас в свои затеи и организации. Если они искалечат вам жизнь своими сплетнями и клеветами, отпугнут от вас всех друзей — что ж, тем лучше: вы будете или морально раздавлены, как это случилось с Пастуховым и Профрансовым, или будете их верными клеветами, как это вышло с Бемом и С...

Откуда же такая «душевная красота»? С точки зрения проповеди самого Солоновича, он состоит из духа, души и тела. Красота его тела нам известна, душу его еще при старом режиме судили за порнографию. Но, в отличие от презренных масс, он имеет еще и дух. Люди — или физики, любящие тельце, или психики — мыслители, организаторы и т.п. Он же — пневматик, а потому — «мистик», прозревает глубины всех семи и двенадцати небес и сверх них. Кем был и будет в воплощениях его дух, я его не спрашивал. Но его жена хвасталась, что в прошлом воплощении она была мужчиной и в следующем тоже будет мужчиной, нынешнее же, женское, ниспослано ей в качестве испытания.

Что же представляет из себя дух Солоновича? В революцию 1905-07 гг. он напечатал какую-то брошюру об анархизме. В реакцию 1912 года он уже издает свои «Скитания духа». Там он пишет:

«Это была маленькая полутемная комната, почти совершенно пустая, если не считать мраморной статуи распятого Христа у одной из стен. Слепя и путаясь от лихорадочно-стремительной поспешности, она разделась и подошла к статуе (стр. 148).

...вот ее голова поднялась до уровня, где узкая повязка покрывала верхнюю часть ног и низ живота статуи. Тогда ее руки сразу сжались, голова выпрямилась, а губы впились в то место,

где повязка немного выдавалась... Все тело прижалось одним сокращением к мрамору, а ноги обвились вокруг ног изваяния (стр. 149-150).

Голова Христа нагнулась к ней, и острый поцелуй, горячий, как огонь, обжег ее с ног до головы. Он как будто влил расплавленный металл и заклокотал в ней... Он и она были одно...» (стр. 150).

Словом — оккультно-порнографическая поэма в прозе. Наступает война 1914-17 гг. Солонович печатает ура-патриотические стихи, призывает в них бить немцев как исконных врагов славянства, воспекает «триединое царство» Россию, сербского короля и т.п.

1917 год. Революция. Солоновича его приятель тащит на революционную улицу, а Солонович... читает Масперо и отмахивается: «до Р.Х. были революции и после этой будут, а что в них толку». Но неугомонный приятель не отстает, вытаскивает Солоновича на улицу, и, конечно, Солонович превращается в левейшего революционного деятеля. Печатает «Квадригу мировой революции» (первое свое анархо-мистическое исповедание).

Побеждают большевики. Карелин — член ВЦИК, проповедует официально мирное завоевание большинства в Советах. А тайно — создает оккультные организации совокупно с Солоновичем. Объявляется священная война материалистическим движениям. Кропоткина и Бакунина Солонович третирует как недалеких «психиков». Кропоткинский музей бойкотируется истинными последователями Карелина, за исключением разве немногих старших, что объясняется «тактикой».

С 1924 г. Карелин, Солонович и К^о через Эрманда, специально по просьбе рабочих организаций Америки (доверившихся ореолу Карелина) посланного для этой цели, руководят известной газетой «Рассвет». И «Рассвет» постепенно превращается в оккультно-анархо-белогвардейскую газету.

В этой газете, в созданном ею журнале «Пробуждение» и как будто с ее помощью и отдельными изданиями они под разными псевдонимами печатают свои руководящие внешне оккультные откровения. К сожалению, не имея под руками номеров газеты и журнала, я не могу сказать, были ли напечатаны там такие оккультные произведения самого Карелина, как «Маги», «Два Калиостро», «Свет нездешний» и т.п., или другие, но что названные и другие, неназванные были посланы в Америку Эрманду и то многое, что среди русских последователей считается эзотерической тайной, а в Америке было опубликовано, это мне известно из уст самих московских заправил.

С 1925 г. эта компания в поисках трибуны устраивается в Музее Кропоткина, выдворив оттуда разными «красивыми» и некрасивыми способами почти всех анархистов. Но ведь неприлично же быть во главе ансекции Кропоткинского комитета таким явным врагом Бакунинско-Кропоткинского материалистического анархизма. И вот Бакунин, Кропоткин и Толстой объявляются пневматиками. Солонович заявляет, что они во главе угла его мирозозерцания, начинает их изучать и фальсифицировать.

Все ж еще в 1926 г., по Солоновичу, Бакунин, Кропоткин и Толстой — только языческие волхвы с востока, явившиеся, чтобы быть преклоненными и возвестить славу какого-то еще только рожденного оккультного мессии. См. его статью «Волхвы и их предтечи».

Позднее Бакунин из волхвов превращается Солоновичем уже в бога седьмого неба — Иалдабаофа, враждующего с богом земли и евреев — Иеговой-Марксом (ср. статьи Булгакова и Бердяева за границей).

Знаменательное повышение по службе. Таковы зафиксированные самим Солоновичем на страницах печатания его «Скитания Духа». Для чего же все это? Чего и какими методами хочет достичь Солонович? Со слов жены Солоновича — оккультным они занимались еще до революции 1905 года. Как видно из «Скитаний Духа», они находились под влиянием оккультизма западного посвящения, преимущественно каббалистического. «Скитания Духа» близки по форме и содержанию писаниям Сент-Ив д'Альвейдера.

Карелин ввел их в одну из форм строгого посвящения, привезенную им из Парижа. Многие данные говорят, однако, за то, что это — фальшивая форма строгого пос-

вящения. Так, например, многие идеи и методы абсолютно противоречат документам хотя бы известного Братства Философов Древней Системы.

Кто же они, эта Карелино-Солоновичская компания, эта Солоновщина?

Если вы, по их мнению, неспособны проникнуться их затеями, они используют вас в периферических организациях и выдают себя за самого ярого правоведа вашего вероисповедания, если только вы попали к лицам, которым, в силу разделения труда, поручены соответствующие категории вероисповеданий.

Если им кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы, йогов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпентера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индуистскую, персидскую и т.п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется подходящее. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения евангелия, изучения философии и т.п. Затем начинают незаметно прививать свой псевдопневматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магизму и т.д. Приучают лгать так, чтобы чувствовать себя говорящими как бы правду, но фактически — обмануть, пользуясь софистическими оборотами, двусмысленностями и неточностью языка, пустить в массу вымысел, чтобы получить нужный эффект (магия слова). Это они называют — быть в лабиринте Миноса.

Их задача, как я уж сказал, — гегемония избранных, пневматиков, как они о себе отзываются. Их средства — все, какие будут найдены удобными: обман, клевета и т.п. Их метод — мимикрия. По поводу смерти Ленина они печатают сочувствие ВКП партии и восхваляют Ленина за то, что он «дал землю крестьянам». В Кропоткинском музее они самые «неподдельные кропоткинцы». В «Рассвете» они восхваляют Николая Николаевича Романова, человека, неизвестного в России, и т.п. В их руководящей организации представлен спектр партии религиозных организаций, на всякий случай, по-видимому. Кто же они на самом деле? Авгурь. Их вера — бессердечный словесный фокус на службе самозваного мессианизма.

Куда политически тянет эта компания? Из сказанного ясно, что даже не к буржуазно-демократической контрреволюции: маска анархизма, идея гегемонии лучших, ненависть к индустриальной культуре, черносотенная форма мистики — все это говорит, что здесь мы, по-видимому, имеем дело с деформацией дворянско-мистической контрреволюции в условиях современности.

Один из карелино-солоновичцев, член анархической секции и Кропоткинского Комитета, так буквально и пишет: «Россия ждет своего нового патриарха Гермогена, своих новых воителей Александра Невского и Дмитрия Донского. Все они могут вновь родиться скорее всего в лоне внутренней мистической церкви...»

Чего же ждать от этих новоявленных мессий? Только самых мрачных дней средневековья, когда судьбу мира решал сонм «мошенников священных», по выражению апологета церкви — Владимира Соловьева.

Нет им места среди честных революционеров и изыскателей истины.

[«Дело Труда», Париж, 1929, № 50-51, с. 15-17.]

Приложение 2

В Коллегию ОГПУ, Москва

Заключенного в Ярославском политизоляторе
Николая Ивановича ПРОФЕРАНСОВА, камера 47

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошло уже свыше 14 месяцев, как я нахожусь под стражей (арестован 14 августа 1930 г., 13 января текущего года приговорен к 5 годам заключения). Между тем:

1) Следствие по моему делу не установило ни одного реального факта, когда бы я вел какую-либо агитацию или пропаганду политического характера, или давал бы кому бы то ни было, или получал от кого-либо политические директивы и указания, что является совершенно естественным, т.к. я за все последние годы стоял совершенно в стороне от политической жизни, отдавая свои силы научной и литературной работе (Институт Маркса-Энгельса, Советская энциклопедия).

2) Если бы следствие велось в сколько-нибудь нормальных условиях, оно не могло бы не признать абсолютного отсутствия с моей стороны какой бы то ни было агрессивности по отношению к существующему строю.

3) В течение двух имевших в Москве место допросах (по 15-20 минут каждый) мне было разъяснено, что самое суровое наказание ожидает меня за то, что я не оказываю следствию содействия; первый из допрашивавших меня следователей так и заявил, что меня «закатают» на том основании, что я не даю нужных следственной власти показаний. В то же самое время на мои требования предъявить мне те конкретные случаи, которые свидетельствовали бы о моей политической работе против существующего строя, я получал смехотворные ответы вроде того, что «я сам знаю» и тому подобное, чем несомненно подтверждается факт отсутствия какого бы то ни было обвинительного материала против меня, кроме разве досужих размышлений перепуганных обывателей.

4) Следует также принять во внимание, что примененная ко мне мера репрессии, не стоящая ни в каком отношении с реальными фактами, превосходящая по своей суровости те кары, которым подвергал меня за действительную работу против власти царский режим и не обоснованные политически, поражает участника революционного и рабочего движения с 1901-02 года, бывшего члена нелегальной РСДРП(б), подвергавшегося неоднократным преследованиям со стороны царского правительства и в течение десятилетий борovéhoся рука об руку с большевиками.

5) Принимая в соображение все изложенное, нет никаких оснований думать, что мое пребывание в Ярославском изоляторе спасет Советскую страну от тех потрясений, которые угрожали бы ей, если бы я вместо Ярославля сидел в Институте Маркса и Энгельса и Коммунистической Академии и занимался бы своей научной специальностью – историей социализма и социальных движений, а также редакторской работой.

Поэтому я прошу Коллегию ОГПУ приговор в отношении меня пересмотреть и отпустить меня на свободу.

Н.Проферансов

27 сентября 1931 г. Ярославль

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 492-493об]

Приложение 3

В.Р. Никитина

ДОРОГА НА БЕЛОМОРКАНАЛ*

...В тот сентябрьский день (16.9.1930 г. – А.Н.), уходя на работу в «Арменкино», Леонид Александрович как-то особенно простился со мною, как если бы мы расставались надолго, может быть, навсегда. И я, провожая его к двери, обняла и поцеловала его. Он был в белой тенниске – жара стояла сильная. Потом я пошла на рынок. А когда вернулась, увидела возле наших ворот двух молодых людей в форме ОГПУ,

*Рассказ В.Р.Никитиной об обстоятельствах ареста Л.А.Никитина, а затем и ее самой, взят из «Воспоминаний о Л.А.Никитине», хранящихся в РГАЛИ (ф. 3127) и частично опубликованных (см.: *Никитина В.Р.* Дом окнами на закат. М., 1996). 20.04.1930 г. Никитины уехали из Москвы в Армению по контракту, заключенному с «Арменкино», и жили в г. Ереване, на ул. Рубени д. 55 до 16.10.30 г., когда произошел арест Л.А.Никитина по ордеру ОГПУ, полученному из Москвы. С этого момента и начинается рассказ В.Р.Никитиной.

причем явно взволнованных. Как выяснилось позже, Л.А. был арестован на работе, они пришли с обыском и, не застав меня, решили, что я «скрылась»... Ну, обыскивать на нашей временной квартире было нечего. Надо отдать им справедливость — вели они себя сверхкорректно, объяснили, что ничего не знают, только выполняют приказ Москвы.

За несколько дней до этого, в воскресенье, собираясь на виноградник, мы получили телеграмму от Марии Васильевны¹: «Лёля выздоровела, заболела моя Нина». На языке того времени это означало, что арестованную ранее нашу свойственницу² выпустили, а сестру Л.А., Нину³, которая жила в одном с нами доме, арестовали. Удивительно, что маленький сын нашей хозяйки, присутствовавший при чтении телеграммы, спросил: «А дядя Лёня?» Да, конечно, мы должны были этого ожидать, и все-таки на что-то надеялись...

Позже я узнала, что гэпэушники не знали, где мы. Мария Васильевна сама дала им наш адрес, решив, что его «бессмысленно скрывать — все равно узнают». Так это все тогда и шло, по цепочке: люди называли своих знакомых, выдавали адреса, сваливали друг на друга несуществующую вину — и все это от перепуга, панического страха перед «органами». На нашей московской квартире был грандиозный обыск. Искали оружие, и где? — в гипсовых копиях египетских скульптур Музея изящных искусств, оставшихся от Лопухиных⁴.

При обыске пропало много вещей, дорогих и красивых: прекрасное издание «Фауста» с гравюрами Дорэ, в котором лежали цветные японские гравюры, чудесное распятие из слоновой кости XV века, деревянная иконка Богородицы, очень тонко вырезанная на кипарисовой дощечке, копии эпохи Возрождения, фотографии, многие живописные работы Л.А., его любимая английская трубка и большая палитра. Только потом, вернувшись с Севера, собирая по друзьям разбросанные вещи и не обнаружив палитры, я поняла, что это о ней так настойчиво допрашивал меня следователь: «А что это за рыба висела у вас на стене?» Я никак не могла понять, о чем он говорит, потому что даже если и была «рыба», то почему бы ей не висеть?

Но до встречи со следователем мне суждено было еще многое пережить. Вечером того же дня в Ереване ко мне пришел солдат из ГПУ за вещами для Л.А.: «Давай штаны и пиджак твоему!» На следующее утро мне было разрешено принести ему первую передачу — так начались мои хождения по мукам. Я была совершенно растеряна и не знала, что мне делать в чужом городе, где я была совершенно беспомощна и одинока. Хорошо еще, что в ГПУ со мной были предупредительны и любезны, принимали для Л.А. все, что я приносила, даже книги, сообщили, когда его будут отправлять по этапу в Тбилиси, и даже дали возможность с ним проститься. Он выехал из ворот ГПУ на извозчике с двумя провожатыми, а я стояла на улице с мокрым от слез лицом и с виноградом, завязанным в платок. Пролетка остановилась, нам позволили обняться, и Л.А. уехал. Теперь в Ереване мне оставалось только получить деньги в «Арменкино». Давать их мне не хотели, пришлось добиваться. Помню, когда я стояла у кассы, ко мне подошел старый армянин, рабочий киностудии, работавший с Л.А., и очень сердечно со мной говорил, так что я даже расплакалась: «За что человека взяли? Хороший был человек...» Он плохо говорил по-русски, но предложил мне помочь перевезти вещи на вокзал: «Одна ты, кто тебе поможет здесь еще?» Но я поблагодарила и отказалась. Мне помогала одна русская знакомая и наша хозяйка — ее муж был дашнаковцем и уже отбывал где-то срок.

В Тбилиси я остановилась у своего брата Юрия⁵, который к тому времени успел закончить МВТУ им. Баумана и, будучи инженером связи, жил здесь с женой и маленькой дочкой. Потолкавшись в тбилисском ГПУ, я узнала, что Л.А. находится в пересыльной тюрьме в Ортачалах. Тбилисское ГПУ тех лет являло собой кошмар, который мы узнали только в конце 30-х годов. Людей расстреливали семьями, без всякого суда, оставшиеся ничего не могли узнать о своих арестованных близких, дети — о родителях. При мне пришли двое детей с передачей для родителей, но ее не приняли, потому что тех уже не было в живых... Находясь в ГПУ, до Ортачал, Л.А. пришлось спать под нарами, и там ему сломали ребро.

В Ортачалах все было просто, по-семейному, передачи принимали хоть по два раза в день, на каждую свою записку я сразу получала ответ. Всем этим заведовал симпатичный солдат, который передал мне от Л.А. его обручальное кольцо. И оттуда же Л.А. посылал мне по почте большие подробные письма. Ездил я к нему каждый день. В первый раз с женою брата, Викой⁶, мы заехали сначала на сенной рынок, набили тюремном матраснике и передали ему. Другой раз, следуя указанию Л.А., я обошла тюрьму и смогла увидеть его в окне. Также он сообщил мне о дне отправки. В Ортачалах ему жилось сносно, хотя он и сидел с уголовниками, которые в первый же вечер, когда они шли по лестнице смотреть кино, вытащили у него кошелек с деньгами. Л.А. сказал об этом старосте, кошелек с его содержимым был тотчас же возвращен, и больше ничего подобного не повторялось. Симпатии уголовников Л.А. завоевал тем, что по вечерам рассказывал им сказки и небылицы, а главное — рисовал их портреты.

Почти тотчас же в Тбилиси меня разыскал наш московский друг Д.Д. Дебольский. Он приехал в Ереван в день моего отъезда, собираясь провести с нами отпуск, но меня уже не застал. Можно представить, как он был потрясен известием об аресте Л.А.! Он переночевал в нашей комнате и сейчас же уехал за мной в Тбилиси, а потом, не дожидаясь отправки Л.А., — в Москву.

В день отправки я узнала, что следующим этапным пунктом будет Ростов-на-Дону. Там жила вторая сестра Вики, а в Новочеркасске — наш друг, музыкант-педагог Екатерина Георгиевна Круссер, которая должна была меня встретить. С ней мы ездили в Новочеркасск, потому что в Ростове мне сказали, что Л.А. отправлен туда в тюрьму, а не найдя его там — снова вернулись в Ростов. У сестры Вики мне было уютно, но все же это была «крыша над головою», откуда я могла ходить и узнавать, пока не обнаружила, что Л.А. все же в Ростове. Наконец-то я смогла послать ему передачу, в которой он так нуждался. Она была на редкость хорошей: знаменитый ростовский копченый рыбец, чистое белье и много всего другого, что я с таким трудом собрала. Я бесконечно долго ждала положенной расписки в получении передачи адресатом, наконец всунулась в ворота и потребовала того солдата, который ее отнес. И что же? Оказывается, он ничего не проверил и отдал передачу кому-то, кто первый ему назвался! Больше того, этот человек имел наглость заявить, что и расписку давно отправил... Тут я не выдержала и сказала, что сейчас же иду к начальнику. Солдат перепугался, умолял не поднимать шума, вызвал — против всех правил! — Л.А. во двор, чтобы я могла поговорить с ним в щелку ворот, и обещал принимать от меня передачи, сколько я захочу. Такой дорогой ценой я купила право по три раза в день приносить Л.А. все необходимое. Хуже всего, что белье Л.А. оказалось покрыто вшами. А ведь я жила в чужом доме, кипятить белье мне было не в чем, от стирки вши не умирали, и я снова и снова проглаживала швы горячим утюгом. Наконец солдат этот сказал мне, когда будут отправлять Л.А.

В назначенное время, ночью, я была перед воротами тюрьмы. То, что я увидела до выхода этапа, до сих пор стоит перед моими глазами. Подали открытую легковую машину. Из ворот вышел белый, как бумага, одутловатый человек среднего роста, едва тащивший свой багаж. Я стояла на скамейке, рядом со мной кто-то сказал: «Бедняга, надрывается, тащит, а ничего ему уже не нужно. Ведь на расстрел едет! А человек все еще надеется...» Его посадили в машину, сели люди в форме и уехали.

Потом вышел этап. Л.А. сразу нашел меня глазами в толпе и улыбнулся своей прекрасной, светлой и доброй улыбкой. Я смотрела, смотрела на него... а слезы так и лились из глаз. Потом всем им велели встать на одно колено, пересчитали, подняли — повели. Шли они по улице, вдоль бульвара. Я пошла проводить до вокзала, старалась идти сбоку, чтобы Л.А. меня видел. Вот он, мой старый сон! Только здесь все было проще, а во сне — страшнее: вдоль этого самого бульвара их везли на телегах с зажженными свечами, как стрельцов... И тот же звук, который я слышала во сне. Потом мне сказали, что это был гудок табачной фабрики.

Мы успели еще раз проститься перед тем, как их погрузили в вагон. Я позвала конвойного и попросила передать Л.А. папиросы, мой последний привет. Вспоминать все это теперь, 11 апреля 1976 года, по прошествии 46 лет, — нет сил...

Ночью я уехала из Ростова. Меня провожала сестра Вики, кажется, ее звали Тamarой⁷, она очень сердечно отнеслась ко мне. При мне к ним приехал муж третьей сестры, Лёли Самарской, о которой писала в телеграмме Мария Васильевна. Он был немец, коммунист⁸, бежал из Германии в Советский Союз, но когда началась наша дружба с Германией в 1939 году, по просьбе Гитлера (или собственному почину?) Сталин посадил всех немецких коммунистов, и он погиб где-то в сибирских лагерях. Понятно, что и тогда он не мог компрометировать себя знакомством со мной, от меня все шарахались как от прокаженной, едва узнавали об аресте моего мужа, и все же он сделал все, что мог, — дал мне денег.

Как я доехала до Москвы — не помню. Легла на верхнюю полку и не вставала — очевидно, был жар и сама я бредила. Соседи приносили мне чай. На вокзале меня встретила мама⁹ и увезла к себе. Она жила в том же доме, что и мы с Л.А., — Арбат, 57, только мы в квартире 25, а она в квартире 27, этажом выше. После ареста брата Николая¹⁰ я устроила ей этот обмен, чтобы она была возле меня. А теперь я сама становилась бездомной: комната наша была опечатана и на неё претендовали наши соседи, жившие в нашей прежней, маленькой.

На следующий же день я пошла искать Л.А. Некоторый опыт у меня уже был в связи с арестом брата Николая. Я знала: самое главное — найти человека. И единственное, чем можно помочь, — это передачи, которые поддерживают здоровье и поддерживают дух. Не помню, успела ли я организовать в Москве передачу Л.А. Я писала какие-то заявления, прошения, хлопотала, чтобы распечатали комнату, искала себе работу... А потом пришел вечером человек в форме и принес мне повестку, в которой предписывалось явиться на следующий день для дачи показаний на ул. Дзержинского, дом 2¹¹. Возможно, мою судьбу решило то обстоятельство, что я оказалась не только женой Л.А., но и сестрой анархиста Николая Ланга, уже заключенного в Верхнеуральский политизолятор.

Помню, как я расписывалась в получении повестки на кухне маминой квартиры, как напутствовал и прощался со мной на следующее утро Д.Д.Дебольский, как я ехала в трамвае на Лубянскую площадь. К маленькому чемоданчику у меня было привязано одеяло. Чемоданчик у меня отобрали в комендатуре и еще «удивились»: зачем с вещами, если меня вызывают как свидетеля? Но я знала, что не вернусь, даже не надеживалась маму. Посидела перед кабинетом, пока меня вызвали. Следователь был тот же, что у брата и у Л.А., — забыла я его нерусскую фамилию, но пользовался он недоброй славой¹². И все же, как тогда все было гуманно по сравнению с последующими годами!

В основном допрос шел о моем присутствии на похоронах Карелина: почему я там была, почему работала в Музее Кропоткина, почему на похоронах играли не «наш гимн», а похоронный марш Шопена... А затем, знаю ли я таких-то — по списку, лежавшему в ящике письменного стола следователя. Когда он повысил голос, я сказала: «Не кричите на меня. Я и так ничего не понимаю, в чем вы меня обвиняете, а от вашего крика и вообще ничего понимать не буду и не стану отвечать». И он больше не повышал на меня голос. Вероятно, он потом позвонил. Явился солдат, и следователь только сказал: «Уведите». Оставалось зайти в комендатуру за моим чемоданчиком.

Вели меня куда-то вниз по старинным чугунным лестницам. И я вспомнила рассказ, что вот так ведут кого-то, потом он ощущает жар, площадка поворачивается и он падает в печь крематория. Можно ли сказать, что я не боялась? Думаю, что не бояться было нельзя. Но я держалась. Потом меня заперли в подобии ванной комнаты: топчан, параша, лампочка сверху. Очень жарко и душно. Помню, я подумала: что ж, надо обжиться и здесь... Потом пришла женщина, заставила раздеться, обыск был поверхностный, без унижительных подробностей. Она отобрала все шпильки, завязки и ушла. К вечеру меня выпустили в общий зал, куда выходили все эти «собачники», как их называли, и где уже сидело несколько женщин.

Ночью нас вывели во двор, посадили в легковую машину и очень быстро привезли во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке, занимавшую чей-то красивый, крашен-

ный в зеленое с белым особняк, выходящий двумя своими крыльями к воротам. Меня и еще одну девушку поместили в камеру, где окно было под потолком и выходило в уровень с землей. Пробыла я там недели две, не меньше, но никого не помню, кроме еще одной молодой женщины, жены инженера, которая сидела «за мужа» и все плакала. Однажды ночью молодой солдат, который нас караулил, не смог выдержать ее слез, открыл форточку в двери и стал утешать: «Ну не плачь, не плачь, может, все обойдется; ну, возьми папироску, выкури...» Совсем молодые были эти конвоиры, жалели нас.

Меня выводили только два раза: расписаться, что мне предъявлено обвинение по статье 58, пп. 10 и 11, сфотографировать и снять отпечатки пальцев. Каждый день в камеру заходил врач.

Поучительна оказалась судьба девушки, помещенной со мной в камеру. Тогда все тюрьмы были забиты «серебренниками» — людьми, от которых требовали выдачи серебра, золота и прочих драгоценностей, которые у них могли быть. С ее родителей тоже требовали, они говорили, что у них ничего нет, а что было — все сдали. Их арестовали, но они стояли на своем. Тогда арестовали обоих их молоденьких дочерей, совсем девочек, и развели по разным камерам. Ту, что была со мной, сначала поддержали на тюремном пайке, а потом стали вызывать на допросы. Возвращаясь, она мне все подробно рассказывала, и хотя я пыталась ее образумить, ничего не помогло. Следователь был не только умен, но молод и интересен. Он повел дело так, что эта дурочка решила, будто он в нее влюбился, — не допросы, а одно удовольствие, множество комплиментов, чай с лимоном, бутербродами, пирожными, шоколадом... Наконец, он предложил покататься по Москве. Взяли и ее сестру, заехали в ресторан, потом к ним домой, вошли в квартиру — и девочки показали все тайники.

Накануне октябрьских праздников, когда внутреннюю тюрьму «разгружали», нас с ней перевезли в Бутырскую тюрьму, но развели по разным камерам. Что было потом с ней и ее близкими, я не знаю. Вероятно, как и нас, отправили на Беломорканал, дорога отсюда была одна...

В Бутырской тюрьме я попала в камеру, где находилась и сестра Л.А., Нина. Как все камеры наших тюрем того времени, она была переполнена до отказа. Койки были опущены, и поверх них простыми досками были настелены вдоль стен нары. Первую ночь я проспала на столе, затем мне выделили место на ширину двух ладоней рядом с Ниной. Спали мы «сеledками», чтобы не дышать в лицо друг другу. На допросы меня не вызывали, передач не передавали, пока я не написала заявление, что, раз меня лишили продуктовых передач, пусть пропустят передачу с бельем. После этого меня вызвали, объяснили, что «родные не приносят мне передач, которых меня никто не лишал», и на следующий день я получила первую передачу. Потом выяснилось, что и мне носили каждый день, но принимали только для Нины и Л.А. — я же «не значилась в списках»: вероятно, меня просто «потеряли», такое случалось часто из-за множества людей.

О том, что Л.А. тоже находится в Бутырской тюрьме, мы с Ниной узнали по бидону, в котором нам однажды передали молоко. На его ручке почерком Л.А. было написано: «Никитин Леонид Александрович». Тюремщики не заметили надпись, передавая бидон с бирочкой на мое имя.

Перевод в Бутырскую тюрьму полагали уже счастьем, брезжила надежда, что останешься в живых. Я пробыла там три месяца, с ноября по январь, но они показались мне за три года. И это было очень «легкое» время, недаром Ягоду обвиняли потом, что из тюрем и лагерей он устроил «дома отдыха» для заключенных. Каждый день нас выводили гулять на маленький дворик около женского корпуса, где было три камеры. Очень важен был момент выхода: нас проводили под окнами соседней женской камеры, и мы и они старались рассмотреть друг друга. Так я узнала, что там находится жена А.С.Поля, Е.А.Вишневецкая, а она показала меня Сашеньке Смоленцевой, с которой мы потом встретились при переводе в пересылку, откуда началась наша дружба на всю дальнейшую жизнь.

Сколько нам полагалось на прогулку, сейчас уже не помню, вероятно, полчаса. Выходили мы со своими одеялами. За сколько-то минут до окончания прогулки наш страж вопиял (иначе назвать не могу): «Начинайте вытряхать!» И мы по двое трясли наши одеяла и платки, в чем не было особой нужды, трясли упорно, не спеша, чтобы протянуть наше пребывание на свежем воздухе. Этот крик — «На-чи-най-те-вы-тря-хать!» — я и сейчас слышу, когда вижу, как вытряхивают одеяла...

Мы могли брать книги из тюремной библиотеки, иногда сходить в ларек и что-то купить... Но главным удовольствием и развлечением была баня. Идти было далеко, проходили мужскими коридорами, была надежда, что услышишь что-либо о ком-то из своих или дашь весть о себе. Устраивали так: я уходила вперед, а кто-то в самом конце нашей колонны кричал изо всех сил: «Никитина, Верочка, Вера Робертовна — подожди меня!..» Один раз приоткрылась дверь мужской камеры и кто-то — я так и не узнала, кто это был, — крикнул: «Вера Робертовна, привет!»

Солдат в баню не входил, мы были предоставлены себе и жадно читали на стенах оставленные надписи, которые еще не успели смыть. Один раз я нашла запись, сделанную Юрой Ильиным, сыном инженера Ильина из нашей квартиры, в которой он сообщал, куда едет. Потом он встретился на своих путях с братом Николаем, на Урале, где тот отбывал ссылку после изолятора. На банных стенах обменялась записками со своим мужем одна из моих сокамерниц. Он был донским казаком, писал роман и нянчил ребенка, а она зарабатывала на жизнь. Их обоих взяли. Дочку они звали Агусинька. Он и на стене написал это имя, как обращение, в надежде, что же-на заметит. Так и случилось. Не помню, какова была ее дальнейшая судьба, но знаю, что его расстреляли...

Довольно долго я была старостой камеры, и с этим связано много комических эпизодов в постоянной войне со старшим надзирателем, которого мы звали Воробьем, хотя он был громадного роста и я смотрела на него снизу вверх. Так, для того чтобы иметь возможность вымыть голову и постирать между банными, я унесла из мочной шайку, и, как ни обыскивали нашу камеру, найти ее не удалось: я положила в нее подушку, прикрыла одеялом и сидела на ней. Затем мне пришлось объяснить Воробью, что для 30-40 женщин одной параша мало. А когда он торжественно принес нам высоченную мужскую парашу, пришлось под общий хохот камеры втолковывать ему, что эта слишком высока для женщин маленького роста и что нам надо две, но — женские.

И вот наступил день, когда в пересылку, «на этап», взяли Нину. Через несколько дней вызвали меня. Из трех камер уходили двое — я и Саша Смоленцева. Тут же в «умывалке» нам прочитали приговор: по три года исправительно-трудовых лагерей. Когда я собирала свои вещи, все уже понимали, что иду я не на свободу — были всякие нюансы вызова, которые мы уже знали. Артистка Орлова¹³ решительно и громко сказала: «Ну, если в лагерь идет такая женщина, как Вера Робертовна, то и я тоже готова идти!..» А ведь когда ее втокнули в камеру, можно сказать, прямо со сцены, она кричала, плакала, возмущалась — за что? Мы старались ее успокоить, говорили ей что-то, но в ответ она кричала: «Но ведь вы-то все знаете, за что сидите, а я не знаю, я ничего не сделала!..»

В пересылку была превращена бывшая церковь Бутырской тюрьмы: сделали второй этаж и всюду, вверху и внизу, вагонной системы нары. Первую, кого я там увидела, была Нина, сказавшая радостно: «А я тебе припасла местечко, чтобы не лезть на второй этаж!» Нина получила «всего» три года вольной высылки в Среднюю Азию, но я уехала раньше ее. Рядом с нами — вот удивительная встреча! — оказалась жена Лазмиера, главначснаба Украины, с которой мы жили в Киеве в 1919 г. Ее взяли как эвангелистку, но она почему-то была уверена, что скоро выйдет на свободу¹⁴.

Вместе с нами, этапными, и с монашками, которые занимали почти целиком второй этаж, жили воровки и проститутки, отбывавшие свой срок здесь же, на тюремной фабрике. Они пользовались относительной свободой как «социально близкие» правящей партии, и удивлялись, за что же высылают нас, интеллигенток и монашек, если мы не воровки и не занимаемся проституцией?

И был один вечер, запомнившийся мне: на втором этаже выстроились полукругом монахини в своих черных одеяниях, с зажженными свечами в руках и поют ве-черню...

Пробегая через центральный зал в туалет и умывальню, я опрашивала всех подметальщиков о Л.А., но никто его здесь, в пересыльной, не видел. Однажды в момент моего прохода открылась дверь в мужскую камеру: там оказались наши друзья анархисты, уже получившие свои сроки и тоже готовившиеся к отъезду. Мы подбежали к двери, успели пожать им руки, пожелать счастливого пути, но о Л.А. они тоже ничего не знали. Уже потом он рассказывал, что из него сделали чуть ли не главу заговора, люди хотели выгородить себя, и его дольше всех держали в Бутырской тюрьме, пока по все той же злосчастной 58-й, пп. 10 и 11, дали 5 лет лагерей.

¹ Никитина М.В., оставшаяся в Москве.

² Самарская Е.Г., сестра жены Ю.Р. Ланга. Была арестована 22.6.30 г. в Москве. Постановлением Коллегии ОГПУ от 24.8.30 г. была освобождена.

³ Никитина Н.А. Из этого следует, что телеграмма была послана 12 или 13 сентября.

⁴ До 1917 г. владельцами квартиры на Арбате, 57, в которой жили Никитины, были братья Лопухины, эмигрировавшие за границу: Борис Александрович Лопухин, присяжный поверенный, и Юрий Александрович Лопухин, товарищ прокурора Московского окружного суда.

⁵ Ланг Юрий Робертович.

⁶ Ланг Виктория Григорьевна.

⁷ Ошибка памяти: Берта.

⁸ Тимм Б.В., муж Е.Г.Самарской.

⁹ Ланг Вера Васильевна.

¹⁰ Ланг Николай Робертович.

¹¹ Повестка обязывала явиться 29.10.30 г., когда В.Р.Никитина и была арестована. Ордер же на арест был выписан только 01.11.30 г.

¹² Помощник начальника I Отделения СО ОГПУ Э.Р.Кирре.

¹³ Непонятно, о какой актрисе Орловой идет речь – м.б., о Любови Петровне Орловой (1902–1975), потому что Вера Георгиевна Орлова, жена П.А.Аренского, вроде бы арестам не подвергалась.

¹⁴ Шефер Мария Георгиевна (1896–1954), жена Лазимира Павла Евгеньевича (1891–1920), активного участника октябрьского переворота, члена Реввоенсовета Южного фронта, под чьим командованием в 1919 г. на Украине служил Л.А. Никитин. (О Лазимире см.: *Корсунский М.* Три встречи. Таллин, 1980, с. 86-166.) М.Г.Шефер действительно вскоре освободили по ходатайству Е.П.Пешковой, к которой обратилась дочь Шефер.

Приложение 4

Е.А.Шиповская

ИСПЫТАНИЕ*

После революции 1917 г. в Москву из Парижа приехал посланник Ордена тамплиеров – рыцарь Сантей (А.А.Карелин). Насколько я знаю, он был анархистом, в 1905 г. подвергался преследованиям полиции, бежал во Францию, там был посвящен в рыцари Ордена и, когда свершилась революция в России, был послан для организации отрядов тамплиеров.

Руководителем одного из таких отрядов был Павел Антонович Аренский, с которым в 1924 г. познакомился мой муж, Александр Сергеевич Польш. Спустя некоторое время Аренский рассказал моему мужу об Ордене, посвятил его и включил в один из кружков (отрядов), которым сам руководил. Мой муж не мог скрыть от меня такое необычайное событие, хотя и не имел права этого делать. Когда он мне рассказал, я растерялась: а как же я? Ведь мы должны быть вместе всегда! И стала просить устро-

ить и мое посвящение. Мой муж согласился, что мы должны идти одним путем, и обещал поговорить об этом с Аренским. Тот пригласил меня для предварительной беседы, рассказал вкратце об Ордене, его целях, задачах, ответственности принимающих рыцарский обет, но сказал, что я молода, еще неопытна, не знаю жизни, поэтому мне надо подождать и проверить себя. Конечно, он был прав.

И все же наконец настал знаменательный день моего посвящения. Я была как в тумане от волнения. Присутствовали трое рыцарей — Вера Александровна Завадская, которая тогда была женой П.А.Аренского, Юрий Александрович Завадский, ее брат, и Ксения Федоровна Лимчер, сестра жены Валентина Сергеевича Смышляева. Тогда я не запомнила — от волнения — ни обстановки, ни краткой формулы посвящения. Помню только, что после этого я смогла посещать собрания в отряде, которым руководил П.А.Аренский и где находился и мой муж, А.С.Поль. Нас было десять человек, но кроме мужа я никого не знала. Собрания происходили два раза в месяц, в разных местах. Необходимые знания об Ордене и обязанностях членов мы получали из легенд, которые рассказывал П.А.Аренский. Потом мы задавали вопросы и получали на них ответы. Никаких указаний или заданий для самостоятельной работы нам не давалось. Каждый сам, на основе воспринятого, должен был найти способ, как ему поступать в жизни, имея в виду общую цель — борьбу со злом во всех его проявлениях. По окончании занятий все мы быстро, по одному, расходились и никаких общих разговоров не было.

Все это меня смущало и не могло удовлетворить. Размышляя над легендами, я искала ответы на встающие вопросы и не могла их найти. Вероятно, я была слишком неопытна и не готова для этой работы.

Однажды Аренский сказал, что мы должны познакомиться с учением о космическом строительстве и посвящении, изложенным в Каббале в 22 «арканах», зашифрованных в символах. Это было поручено рыцарю другого отряда, А.А.Сидорову, человеку очень талантливого, ученому, поэту и художнику, профессору какого-то института. Он занимался с нами у себя дома и однажды поручил мне напечатать с изготовленных им самим деревянных клише карты «арканов», каждый из которых, как известно, выражает определенное философское понятие. Я приходила к Сидорову в его отсутствие и успешно выполняла эту работу. Забегая вперед, скажу, что когда по возвращении из ссылки я встретилась с Сидоровым на улице лицом к лицу, он отвернулся и сделал вид, что меня не узнал. Мне это было очень обидно, потому что общение с ним было для меня очень интересно.

Время шло. Постепенно собрания становились менее регулярными, менялся их состав, менялись руководители. Одно время наш отряд вела Мария Вадимовна Дорогова, с которой я встретилась потом много лет спустя. Легенды меня по-прежнему не удовлетворяли, тем более, что о них никто не мог мне ничего сказать, кроме того, что их привез из Парижа Карелин. Последним руководителем в моем отряде был Леонид Александрович Никитин. Наконец ГПУ напало на наш след и начались аресты. Это была осень 1930 г.

В то лето мы жили на даче в Переделкине с Евгением Николаевичем и Татьяной Дмитриевной Смирновыми, нашими друзьями по Государственному Институту Слова и партнерами по венчанию — нас венчали одновременно, причем Александр Сергеевич оказался стоящим между мною и Татьяной Дмитриевной. Смирновы уехали раньше нас, и вдруг в сентябре приехала Таня и сообщила, что Евгений Николаевич арестован. Это было похоже на удар грома — никто из нас не готовился к этому, хотя Смирновы были тоже из Ордена, но в другом отряде. Мы с мужем не знали, что предпринять. Очень вероятно было, что нас уже ждут или вот-вот приедут сюда. Мы колебались, но решили ехать, поскольку ожидают всегда мучительно, а чему быть, того не миновать. С волнением поднимались мы по лестнице на свой второй этаж, не зная, что нас ожидает. Оказалось, что у нас был обыск, комната опечатана, а моего мужа ждал ордер на арест. Мы поняли, что настал час испытаний, надо быть твердыми и мужественными, чтобы оправдать доверие наших учителей.

А.С. позвонил на Лубянку и спросил, как он должен поступить: ждать, когда за ним придут, или идти самому? Ему ответили — приходите и захватите с собой вещи. Помню, было решено не оставаться в квартире, а провести ночь у Тани, чтобы в спокойной обстановке последний раз побыть вместе и проститься. Так и сделали, а на другой день зашли домой за необходимыми вещами и после тяжелого прощания с матерью А.С. пошли на Лубянку. Был чудесный солнечный день после дождей, мы его не замечали, а все медленней шли, держась за руки, как дети. Около двери комендатуры А.С. немного помедлил, я в последний раз поцеловала его, он открыл дверь, перешагнув порог.. и дверь захлопнулась за ним с тяжелым стуком. Я перешла на другую сторону переулочка, села на какой-то подоконник и стала ждать — не вернется ли? У меня все еще была надежда, что его допросят и отпустят, поэтому решила сидеть здесь до вечера. Но вскоре ко мне подошел некто в штатском и со словами «гражданка, здесь сидеть нельзя» велел мне уйти. Я встала и, передвигая ноги, как автомат, пошла домой...

Надежды больше не было. Надо было действовать, срочно устраиваться на работу, поддерживать свекровь, совсем больную от горя. О пении нечего было и думать, следовало искать место машинистки¹, что мне и удалось сделать. Но я еще не успела оформиться и только один раз снесла передачу А.С., как поздно вечером мне принесли повестку, чтобы на другой день к десяти часам утра я была на Лубянке у следователя Кирре. Сердце у меня так и упало, но я еще не думала, что меня тоже арестуют. В тот день я условилась со своей мамой, что в четыре часа дня мы с ней встретимся на вокзале и она поможет мне перевезти оставшиеся на даче мелкие вещи. Я рассчитала, что до этого времени успею освободиться, а потому и не предупредила, что меня вызывают, да и не хотела понапрасну волновать ее.

Ровно в 10 часов утра² я была на месте, не взяв с собой ничего, кроме книги, о чем потом горько жалела. Кирре заставил меня ждать шесть часов в коридоре, и когда я совсем устала и измучилась, меня вызвали к следователю. Когда я его увидела, мне сразу стало страшно. Это был пожилой человек с жестоким, неподвижным, словно каменным, лицом и стальными, не знающими пощады глазами. После предварительных вопросов он предложил мне назвать всех известных мне членов нашей группы (отряда), а также других, кого я знаю. Я назвала тех, кто был уже арестован. Он настаивал, чтобы я назвала и других, причем сказал: «Если Вы это сделаете, сейчас же пойдете домой, в противном случае Вас ждет тюрьма и следствие». Когда я сказала, что больше никого не знаю, он позвонил, пришел дежурный солдат и увел меня вниз, в какой-то кабинет.

Там у меня отобрали сумочку, часы, крест и обручальное кольцо, женщина обыскала меня, заставив снять всю одежду. Мне было все уже безразлично, хотелось только одного — чтобы оставили меня в покое. Когда процедуры были закончены, меня заперли в другой комнате с решетками на окнах, стекла которых были замазаны мелом. Я постелила на пол свое легкое пальто и легла, так как едва держалась на ногах.

На другой день Кирре вызвал меня снова, спросил, не одумалась ли я, уговаривал, кричал, грозил, а когда у меня не выдержали нервы и я расплакалась — отправил обратно. Потом меня сфотографировали, а ночью на «черном вороне» отвезли в Бутырскую тюрьму на долгое сидение, которое продолжалось полгода.

В нашей довольно большой камере находилось около тридцати женщин. Три четверти всего помещения занимали сплошные нары — как бы второй пол, по которому мы ходили, на котором сидели, лежали, ели и занимались своими делами. В остальной части камеры стоял большой стол, а слева от входа — параша. В камере соблюдался порядок и чистота, за которыми следили дежурные. Большинство заключенных составляли интеллигентные женщины, атмосфера была доброжелательная, делились передачами и помогали друг другу. Тюремный режим не был строгим, и мы могли пользоваться книгами из тюремной библиотеки, а кроме передач была еще маленькая лавочка, в которой можно было покупать белый хлеб и разные мелочи. Перед обедом ежедневно водили на прогулку, а раз в неделю — в баню, по дороге в которую мы таскали из мешков с обрезками тканей (в Бутырской тюрьме помеща-

лась трикотажная фабрика, на которой работали заключенные-проститутки) лоскутки, которые распускали на нитки или что-нибудь из них шили. Я, например, сшила из таких лоскутков себе тапочки, так как по нарам мы ходили в одних чулках и у меня мерзли ноги. Лучшим же развлечением были занятия самодеятельностью: читали стихи, рассказы, хором пели. Меня заставляли петь знакомые песни, романсы и арии. Так продолжалось до тех пор, пока не раздавался стук надзирательницы в дверь тяжелым ключом.

Свое заключение я переносила легко. Этому способствовали и благоприятная обстановка, и сознание, что я разделяю судьбу мужа и наших товарищей, что само по себе вызывало большой душевный подъем. Я чувствовала, что, оставшись на свободе, мне было бы гораздо тяжелее от мысли, что не допущена к испытаниям, через которые должна пройти вместе со всеми.

Самым тяжелым было постоянное ожидание вызова на допросы. Они происходили по ночам, когда все уже ложились спать. В первое время меня вызывали часто, потом все реже. Я очень боялась Кирре, но теперь он держал себя корректно, голоса не повышал, и я успокоилась. По моей просьбе он даже разрешил мне самой вести протокол, и я иногда могла что-то пропускать или изменять в своих показаниях. Следствие затягивалось, вместо трех положенных месяцев прошло полгода, когда мне объявили, что оно закончено и я приговорена к трем годам ссылки в отдаленный район Западной Сибири. Теперь Кирре был настолько любезен, что дал нам с А.С. свидание в своем кабинете, конечно, в своем присутствии³. Я просила Кирре отправить нас вместе, но он ответил, что это невозможно, поскольку А.С. осужден на три года концлагерей на Севере.

В тот же день мне дали свидание с моей мамой и сестрой⁴, а к ночи отправили в пересыльную, где я пробыла сутки в обществе проституток, воровок, монахинь и нас, интеллигенток. Как тогда водилось, глухой ночью меня отвезли на вокзал и задворками провели к вагону поезда, отправлявшегося в Новосибирск. Вдали стояла кучка провожающих, каким-то образом узнавших об отправке и хотевших хоть издали еще раз увидеть близких. Меня поместили в пустой вагон с решетками на окнах вместе с какой-то женщиной, моей спутницей до Новосибирска. Никакого продовольствия нам не полагалось, все должно было быть свое, только утром и вечером нам давали кипяток.

Путешествие длилось двенадцать суток, поскольку в основном вагон наш стоял где-то в стороне от станций, пока его не подцепляли к очередному поезду. Тюрьма в Новосибирске была небольшим деревянным строением за высоким дощатым забором. Меня привели в маленькую камеру, в которой на нарах, под нарами и на полу вповалку лежали женщины. Теснота была такой, что поместиться можно было только на табуретке, стоявшей у двери. Так я провела ночь. А утром выяснилось, что в камере есть тифозные больные, и всех немедленно отправили в баню, где продержали несколько часов, пока дезинфицировали наши вещи, причем многие из них были безнадежно испорчены. После этого я попала в Омск, где узнала, что мне назначен отдаленный район за 400 километров от областного центра, куда я пойду этапом вместе с уголовниками. Отправка была на следующий день, а пока, за неимением места, мне предстояло переночевать в камере с мужчинами. Кроме меня, там была еще одна проститутка. Нар не было, все ложились прямо на полу, мне было страшно, и я не знала, что мне делать. Но в этот момент ко мне подошел внушительного вида татарин и сказал: «Не бойся! Сядь рядом со мной, и никто не посмеет тебя тронуть». Как-то сразу я прониклась к нему доверием, села, и он поделился со мной своим хлебом.

Ночь прошла благополучно. Утром нас вывели во двор; вышел начальник тюрьмы и сообщил, что теперь все мы — свободные граждане, а милиция нас будет сопровождать только для охраны и указания пути. Затем нас построили в колонну, и наша партия двинулась в далекий путь. Был солнечный мартовский день, мороз, и я могла только радоваться своему затянувшемуся следствию, иначе пришлось бы идти в самую стужу, в январе или феврале. И все-таки я не знаю, как бы я смогла дойти до

места, если бы начальник конвоя не обратил внимания на мои тонкие фетровые ботинки. Он посадил меня в свои сани (конвой ехал на санях с нашими вещами), закутал овчинным тулупом и всю дорогу обо мне заботился. Это был молодой парень с приятным открытым лицом и добрыми глазами, и я вспоминаю о нем с большой благодарностью.

Когда мы проходили через деревни, крестьяне встречали нас хлебом, пирогами, ватрушками, а когда мы еще останавливались на ночлег — ставили тотчас же самовары и угощали всем, что только у них было.

Наконец мы добрались до районного центра, села Рыбино. И мне опять посчастливилось: начальник местного ГПУ направил меня работать в райисполком машинисткой.

Три года ссылки прошли для меня без особых трудностей. Этому способствовала благожелательная обстановка со стороны властей, отсутствие надзора, сухой, умеренный, очень здоровый климат... Два раза ко мне приезжали родители, преодолевая на лошадях нелегкий путь в 200 километров от ближайшей станции железной дороги. Незадолго до моего освобождения ко мне приехал А.С., освободившийся по каким-то причинам еще раньше меня, — приехал и уехал снова в Москву, чтобы наладить нашу будущую жизнь где-то в Центральной России, потому что в Москву въезд нам был воспрещен. Но когда из ссылки вернулась в Москву я, оказалось, что меня ждет неожиданный удар: А.С. ушел от меня к Т.Д.Смирновой, муж которой находился еще в заключении.

Вероятно, это был самый трудный период моей жизни во всех отношениях. Мне надо было скрываться, чтобы не попасть снова в ссылку, выхлопывать себе паспорт и так далее, причем без всяких перспектив на будущее. Друзья посоветовали мне поехать в Калинин (Тверь) к Вере Робертовне Никитиной, которая освободилась из концлагеря и поселилась в Твери, ожидая освобождения Леонида Александровича, своего мужа, который был одно время руководителем нашего рыцарского отряда (кружка). Там, в Калининне, мне удалось получить временный паспорт, а Вера Робертовна каким-то образом уговорила хозяина дома, где она снимала квартиру, прописать меня. С этой пропиской и паспортом я уже могла вернуться в Москву, прописаться у родителей под своей девичьей фамилией и начать новые хлопоты, в результате которых я получила московский трехгодичный паспорт.

Старые дружеские связи распались. Оставшиеся боялись встречаться со мной, и даже Л.А. Никитин согласился на встречу не у себя дома, под Москвой, где они с В.Р. жили в деревне, а где-то на промежуточной станции: все мы боялись навлечь друг на друга несчастья, опасаясь слежки и доносов. Единственно, с кем я изредка виделась, были Аренские — Павел Антонович и его жена, Вера Георгиевна Орлова. Но Аренский был вскоре арестован, сослан в какой-то отдаленный лагерь на Севере, с суровым климатом и жестокими морозами, и умер там от флегмоны...⁵

---

* Печатается по одному из машинописных вариантов воспоминаний Е.А.Шиповской (Поль), отличающемуся от опубликованного (*Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря Света*. М., 1998) большим количеством сведений об Ордене (РГАЛИ, ф. 3127).

¹ Будучи певицей, Е.А. Поль имела и большой опыт работы секретарем-машинисткой.

² Повестка указывала явиться в 9.30 утра 24.09.30 г. по адресу — ул. Дзержинского, 2, ОГПУ, 4-й этаж, ком. 144, к следователю Э.Р. Кирре.

³ Столь исключительный случай свидания объясняется «откровенными показаниями» А.С. Поля на следствии и его согласием сотрудничать с ОГПУ.

⁴ Сестра — Лидия Аполлинариевна Вишневская, по первому мужу — Минервина; впоследствии вернула девичью фамилию. Вторым браком за Александром Марковичем Брагинским, режиссером.

⁵ П.А.Аренский умер в декабре 1941 г. на Колыме (почтовый адрес — бухта Ногаево). В свидетельстве о смерти, выданном 01.09.47 г. В.Г.Орловой, указана дата смерти — 25.12.41 г., которая представляется весьма вероятной при сопоставлении с датами сохранившихся писем Аренского из заключения (РГАЛИ, ф. 2952, оп. 1, ед. хр. 140).

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛЯ А.С. 06.12.62 г.

ВОПРОС: Знаете ли Вы НИКИТИНА Леонида Александровича и НИКИТИНУ Веру Робертовну? Если знаете, то в каких взаимоотношениях находитесь с ними?

ОТВЕТ: НИКИТИНА Л.А. я знал хорошо и находился с ним в хороших, дружеских отношениях. Знаком я был с НИКИТИНЫМ примерно с 1924-25 гг. и поддерживал с ним дружеские отношения до 1930 г. Позже я узнал из рассказа НИКИТИНОЙ В.Р., с которой поддерживал дружеские отношения до 1947 или 1948 г., что НИКИТИН в 1941 или 1942 г. был вторично арестован и после ареста умер где-то в местах заключения. НИКИТИНУ В.Р. я также знаю хорошо. Она являлась женой НИКИТИНА Л.А. Взаимоотношения у меня с НИКИТИНОЙ В.Р. были очень хорошие. Я в то время симпатизировал ей. Знаком я с ней также примерно с 1924 или 1925 г. Последние годы я с НИКИТИНОЙ не встречаюсь и не знаю, где она сейчас живет, жива ли она. Последний раз я виделся с НИКИТИНОЙ лет 14-15 тому назад в 1947 или 1948 году. За все время моего знакомства с НИКИТИНЫМИ у нас были только хорошие дружеские отношения. Мы никогда не имели и не имеем никаких личных счетов друг к другу.

ВОПРОС: Охарактеризуйте НИКИТИНА Л.А. и НИКИТИНУ В.Р. с деловой и политической сторон.

ОТВЕТ: НИКИТИН Л.А. по профессии был художник. Работал он по заказам московских театров и по заказам театров других городов. Постоянного места работы он не имел. По характеру НИКИТИН Л.А. был человеком волевым, твердым, энергичным и добрым. НИКИТИНА В.Р. в то время не работала. По характеру она была мягкой, доброй и пассивной. Примерно с 1924 г. и по 1928 или 1929 г. НИКИТИН Л.А. и НИКИТИНА В.Р. состояли членами несоветской мистической организации рыцарского «Ордена Света», которая хотя и нарушала законы советской власти, но она не была в то же время антисоветской и тем более контрреволюционной, т.к. в организации рыцарский «Орден Света» не проповедовалась борьба с советским строем и не проповедовалась борьба против советской власти. Известно мне это потому, что я тоже был членом этой организации.

ВОПРОС: Расскажите подробно, что Вам известно об антисоветской деятельности НИКИТИНА Л.А. и НИКИТИНОЙ В.Р.

ОТВЕТ: Как я уже показал, НИКИТИН и НИКИТИНА были членами рыцарской организации «Орден Света». Организация была тайной. Главными ее организаторами и руководителями были СОЛОНОВИЧ А.А. и КАРЕЛИН А.А. Членами организации рыцарский «Орден Света» были преимущественно работники искусства, но также входили лица из числа других профессий. НИКИТИН был руководителем группы организации. О деятельности НИКИТИНА как руководителя одной из групп рыцарского «Ордена Света» я показать не могу, т.к. входил в другую группу, которой руководил Павел Антонович АРЕНСКИЙ. Я слышал от знакомых, от кого — сейчас не помню, что АРЕНСКИЙ умер в г. Магадане. Деятельностью организации рыцарский «Орден Света» являлось чтение на встречах членов группы легенд, в которых рассказывались подвиги духов, строение и устройство миров духов. На встречах этих говорилось, что легенды эти посланы духами потусторонних миров. Никаких призывов в рассказываемых легендах не было. Хотя нам говорилось, что эти легенды были посланы духами, но у меня лично было впечатление, что они исходили от КАРЕЛИНА. Позже я узнал, что они были напечатаны и находились во время следствия в распоряжении следственных органов. КАРЕЛИН был анархо-коммунист и проповедовал анархическую линию. Его взгляды поддерживал СОЛОНОВИЧ и еще ряд знакомых, фамилии которых сейчас не помню. НИКИТИН проявлял колебания в поддержке взглядов КАРЕЛИНА. Насколько мне было известно, НИКИТИН был энергичным руководителем группы рыцарский «Орден Света». Насколько мне было известно, орден не имел стабильных, четко разработанных организационных форм, своего устава и программы. При приеме в члены одной из

групп ордена от вступающих не бралось никаких ни письменных, ни устных клятв и подписок, но все же всем вступающим было ясно, что об участии в ордене, о его существовании никто не должен знать, даже близкие родственники. Встречи происходили конспиративно на квартирах членов групп. Кроме встреч, еще проводились ритуальные собрания, которые проводились за обеденным столом с распитием алкогольных напитков, и ведущий такое собрание провозглашал мистические формулы с поднятием тоста, например «Выше сердца!», «Вперед к Духу» и другие. Встречи и ритуальные собрания проводились и на квартире у НИКИТИНЫХ, а так как он являлся руководителем группы, то, несомненно, руководил ими.

НИКИТИНА В.Р. являлась рядовым членом рыцарского «Ордена Света» и, насколько мне известно, была пассивной в деятельности организации. Присутствовала на встречах и участвовала в ритуальных собраниях, на которых рассказывались легенды о духах, провозглашались мистические формулы с поднятием тоста в знак благодарных чувств. О какой-либо другой деятельности мне ничего не известно как НИКИТИНА, так и НИКИТИНОЙ. Организация рыцарский «Орден Света» была вскрыта органами ОГПУ в 1930 г., и все ее участники были арестованы, а в последующем осуждены каждый на разные сроки заключения. Я был осужден по ст. 58 п. 10 и 11 на 3 года, но пробыл в заключении менее 2 лет и был освобожден досрочно. Как я уже показал, организация рыцарский «Орден Света» не была организацией антисоветской, а являлась организацией мистической, несоветской, имеющей анархистский уклон, который исходил от КАРЕЛИНА. Но анархический уклон большинство членов организации, я в частности, не поддерживали. И какой-либо антисоветской деятельностью не занимались. Об этом я правдиво показывал на следствии в 1930 г. Хотя я состоял членом этой организации, никакой антисоветской деятельностью не занимался, но, учитывая тот факт, что я был членом этой несоветской мистической организации в тяжелые годы становления советской власти и строительства социализма, считаю, что осужден был справедливо, т.к. это не было фальсификацией или оговором в отношении меня, да и других членов, и во время следствия не применялось никакого надо мной насилия.

ВОПРОС: Допрашивались ли Вы на следствии в 1930 г. в отношении НИКИТИНА и НИКИТИНОЙ и если допрашивались, то какие дали показания?

ОТВЕТ: На следствии в 1930 г., которое велось продолжительное время, я допрашивался много раз и в отношении многих лиц. Но в связи с тем, что прошло сейчас уже более тридцати лет, затрудняюсь сказать, допрашивался ли я в отношении НИКИТИНА. Я склонен думать, что в отношении НИКИТИНА я был допрошен, и если так, то я дал аналогичные показания в отношении их, что и на сегодняшнем допросе. После освобождения из заключения я с НИКИТИНЫМИ встречался очень редко, и при этом наши встречи носили чисто случайный характер. За что был вторично арестован НИКИТИН в 1941 или 1942 г., — я не знаю. В эти годы о НИКИТИНЕ не допрашивался.

ВОПРОС: Кого из хороших знакомых Никитиных Вы знаете, которые были бы членами рыцарского «Ордена Света» и в настоящее время проживают в г. Москве?

ОТВЕТ: Я уже показал, что организация рыцарский «Орден Света» была тайной и поэтому все члены друг друга не знали. Знали друг друга только члены группы, поэтому я могу назвать хороших знакомых НИКИТИНЫХ по тому периоду, которые в настоящее время живут в Москве, а именно: ЗАВАДСКИЙ Ю.А., руководитель театра Моссовета, ДЕБОЛЬСКИЙ Д.Д., пенсионер, САВРАНСКАЯ Татьяна Леонидовна, СИМОНОВ Рубен Николаевич, народный артист СССР, руководитель театра им. Е.Вахтангова.

ВОПРОС: Чем Вы еще можете дополнить свои показания по существу заданных вопросов?

ОТВЕТ: Дополнений не имею.

Протокол был мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. А. Польша
Допрос начат в 10 ч. 30 мин. Допрос окончен в 14 ч. 20 мин.

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 369-377]

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ЗАВАДСКОГО Ю.А. 26.04.63 г.

Я, Юрий Александрович ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР, профессор и член партии с 1944 г., настоящим подтверждаю, что я знал Леонида Александровича НИКИТИНА и его жену Веру Робертовну НИКИТИНУ примерно с 1925 по 1930 г. как честных советских людей. Леонид НИКИТИН был талантливый театральный художник и осуществил несколько спектаклей с режиссером В.С. СМЫШЛЯЕВЫМ.

Никаких проявлений антисоветского характера за НИКИТИНЫМИ я не замечал.

Поэтому я считаю, что предъявленные им в 30-е годы обвинения являются, на мой взгляд, ошибочными.

Все, что я слышал и знаю о деятельности так называемого «Ордена Света», настолько далеко от какой бы то ни было политики, что обвинения в этой связи мне представляются абсолютно необоснованными — так как антисоветской направленности этот так наз. «Орден Света» не имел, — его деятельность была связана с изучением восточных учений о духовных силах (творческих) человека и использовании их в искусстве.

Никакой серьезной организационной структуры все это не имело.

Мои личные взаимоотношения с НИКИТИНЫМИ были нормальными, конфликтов между нами не возникало.

Статьи 181 и 182 УПК мне известны.
26.04.63 г.

Ю. Завадский

[ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 380-380об; автограф]

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ Л.В.КАФКА, Э.С.ЗЕЛИКОВИЧА И ДР.

Дело по обвинению Э.С.Зеликовича, Л.В.Кафка, З.Л.Позиной и З.С.Поповой, возникшее 16.02.1931 г. в связи с арестом последних и хранящееся в ЦА ФСБ РФ в Москве под № Р-31404 (прежние №№ 107353, 575319), явилось естественным продолжением следственных действий в отношении членов «Ордена Света», отмеченных в показаниях Ф.Ф.Гиршфельда и, по всей видимости, А.С.Поля. Отложившиеся в нем протоколы допросов и собственноручные показания обвиняемых практически не дают ничего нового по сравнению с тем, что содержится в архивно-следственном деле «Ордена Света», исключая разве некоторые уточнения и расширяя наши сведения о членах Ордена, в том числе об А.С.Поле и времени его вступления в Орден. Не менее интересны и показания Л.В.Кафки, безусловно принадлежащей антропософии, а не анархо-мистицизму, тем более, что они освещают то время, когда она еще была женой М.И.Сизова, все более отходившего от антропософии к оккультизму под влиянием сначала В.А.Шмакова, а затем В.В.Белюстина и М.В.Дороговой. Для исследователя, изучающего формирование мистических течений в 20-е годы XX века, последнее обстоятельство может послужить еще одним подтверждением невозможности провести какое-либо размежевание между последователями того или иного направления духовных исканий того времени, в полном смысле этого слова «учившихся друг у друга».

С другой стороны, показания З.С.Поповой, печатавшей одиозное сочинение А.А.Солоновича о М.А.Бакунине, чьими услугами пользовался одновременно и Ю.Н.Верховский, как то следует из находящегося в деле его заявления с просьбой о выдаче арестованной во время обыска рукописи книги о бароне Дельвиге [л. 37], открывает неизвестные ранее каналы связи распространения мистической литературы и общения между ее московскими читателями.

ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович (1896 – после марта 1965)

Зеликович Эммануил Семенович – преподаватель Института иностранных языков, писатель-романист, анархо-мистик, член «Ордена Света»; род. 26.07.1896 г. из мещан г. Вильно, еврей; отец – Семен Маркович Зеликович, 1868 г. рожд., зубной врач, живет вместе с ним; мать умерла, братьев нет; сестра – Ирина Семеновна Зеликович (1900–1981), библиотекарь, безработная, живет с ним; жена – Лидия Львовна Зеликович, урожд. Аронова, 1900 г. рожд., делопроизводитель на Курсах переквалификации. В 1914 г. Зеликович окончил реальное училище в Москве, после чего 09.07.14 г. уехал в Германию, где в течении 3 месяцев был в тюрьме как гражданско-пленный; затем жил в Берлине до февраля 1917 г., когда бежал в Голландию, где пробыл до конца 1919 г., после чего уехал на несколько недель в Бельгию и снова вернулся в Германию (г. Ноэс на Рейне), где пробыл до ноября 1922 г., после чего вернулся в Москву. В 1923–1925 гг. работал в Коммунистическом Университете трудящихся Востока (КУТВ); в 1925–1928 гг. – в Коммунистическом университете трудящихся Китая; в 1928–1929 гг. – в институте «Каган Шапшал». В 1929 г. закончил краткосрочные курсы переподготовки при ВОКСе; к моменту ареста – преподава-

тель немецкого языка в Институте иностранных языков и в школах Москвы. Проживал по адресу: Москва, Верхняя Радищевская ул. 4, кв. 8.

В 1924 г. посвящен в рыцари «Ордена Света», занимался в кружках А.А. Солоновича и А.С. Поля.

Арестован 17.02.31 г., допрашивался Э.Р.Кирре. Постановлением ОСО ОГПУ от 25.04.31 г. приговорен к 3 годам ИТЛ. Судя по документам, первоначально его предполагалось направить в Вишерлаг (Соликамск), но 08.05.31 г. вместе с З.С.Поповой его направляют в Кемь (Соловецкий концлагерь). Согласно заключению СПО ОГПУ от 26.07.33 г. после отбытия наказания Зеликович освобожден «без ограничений», что сделало возможным его возвращение в Москву. Реабилитирован постановлением Президиума Мосгорсуда 25.03.65 г. одновременно с остальными по заявлению Л.В.Кафка в Прокуратуру г. Москвы. В это время он еще жил по старому адресу и лично получил справку о реабилитации [л. 120].

ПОКАЗАНИЯ ЗЕЛИКОВИЧА Э.С. 20.02.31 г.

Вернулся из-за границы в Россию в 1922 г., потому что находясь в Голландии я наслушался всевозможных ужасов о большевиках. Вся заграничная пресса писала, что в России едят живых людей, что большевики — это какая-то банда и т.д. Связь с Россией и родителями была порвана. Когда же наладилась эта связь и родные писали и приглашали меня вернуться в СССР, то я в конце концов переменял свой взгляд и решил вернуться в СССР.

В КУТВе я проработал до 1925 г. и в этом же году поступил в Коммунистический университет трудящихся Китая заведующим канцелярией, где прослужил до декабря 1928 г., а с декабря 1928 г. до 1 апреля работал в институте «Каган Шапшаль» секретарем Правления. В 1929 г. с 1 апреля по октябрь был безработным. С октября 1929 г. я преподаю в разных школах немецкий язык. Написал роман о коммунистическом строе «Следующий мир» в журнале «Молодая гвардия» (борьба миров).

Приблизительно в 1923 или 1924 г. на Пасхе я познакомился с КРЕТИЩЕНКО Сергеем Александровичем, у них на квартире через его жену. Стал я у них бывать очень часто (он находится на военной службе, преподает военные предметы). Через некоторое время он меня познакомил с ПОЛЕМ Александром Сергеевичем во время прихода последнего к КРЕТИЩЕНКО. ПОЛЬ и КРЕТИЩЕНКО — школьные товарищи. Через некоторое время ПОЛЬ меня познакомил с СОЛОНОВИЧЕМ по своей инициативе. Мы с ПОЛЕМ зашли к СОЛОНОВИЧУ на квартиру. В разговоре с СОЛОНОВИЧЕМ последний мне разъяснил вопрос, что такое анархизм, и это мне понравилось. Я начал интересоваться этим. Бывал у СОЛОНОВИЧА несколько раз. Там встречал и других, также интересующихся вопросами анархизма, как и я. Происходили беседы на эту тему, присутствовало человек от 7 до 10. Припоминаю одного ЛАНГА, с которым познакомился у СОЛОНОВИЧА. От СОЛОНОВИЧА я также узнал о мистике; это он говорил во время тех же бесед. О мистике я говорил также им с ПОЛЕМ. Говорил о мистике с женой КРЕТИЩЕНКО, но с ним самим об этом разговоров не было. Я разговаривал как с СОЛОНОВИЧЕМ, так и с ПОЛЕМ о рыцарстве, и что таковое существует, я знаю. Это рыцарство организовано в ордена. В этих же беседах я слышал об орденах «Храм Искусств», слышал какое-то выражение о «свете», как светлое начало и темное начало.

Я состою рыцарем «Ордена Света» первой степени, был посвящен — приблизительно — в 1923—1924 году. Я был посвящен СОЛОНОВИЧЕМ на его квартире в присутствии ПОЛЯ и еще нескольких человек. Знаю ЛЮБИМОВУ, с которой вместе служил в КУТВе, разговаривал с ней о мистике и уверен, что она является рыцарем.

Протокол мне прочитан и правильно записан с моих слов.

Зеликович

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 18-18об]

ПОКАЗАНИЯ ЗЕЛИКОВИЧА Э.С. 24.02.31 г.

Чем связан анархизм с мистикой — я до сих пор не имею ясного представления, т.к. в мистическом учении существует иерархия высших ступеней во главе с Богом и борьба низших миров за овладение высшими, что никак не соответствует анархическому учению.

КОРОЛЬКОВА я знаю по службе в Ком[мунистическом] Университете труд[ящихся] Востока. Он был библиотекарем и мне приходилось иметь с ним разговоры общего характера, но я предполагаю, что он имеет отношение к мистике.

Кружком, в котором я состоял, руководил А.А.СОЛОНОВИЧ. Собрания происходили нерегулярно. На квартире у ПОЛЯ я бывал. Один раз на его квартире происходило собрание кружка. Интересуясь мистикой и анархизмом с теоретической стороны, я совершенно не знал о контрреволюционной деятельности «Ордена Света», в котором состоял до тех пор, пока находил это интересным и неизвестным для себя.

Из своего ознакомления с мистикой и анархизмом я вынес определенное мнение, что все это — идеалистика, что анархизм является учением вредным и опасным и невозможным к осуществлению. Что же касается мистики, то она оказалась пустой болтовней и потеряла для меня всякий интерес. С тех пор я встал на точку зрения марксизма (диалектического материализма), который усвоил и целиком принял это мировоззрение как единственно правильное. На основе этого мировоззрения, в частности в разрезе классово-борьбы, мною написан научно-фантастический политический роман «Следующий мир», рисующий идеальный коммунистический строй, основу которого заложил СССР.

Зеликович

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 19-19об]

ПОКАЗАНИЯ ЗЕЛИКОВИЧА Э.С. 19.04.31 г.

Я признаю, что состоял в контрреволюционной организации под названием «Орден Света», руководимой СОЛОНОВИЧЕМ. Попал в эту организацию через своего знакомого ПОЛЯ Александра Сергеевича, каковой также состоял членом этой организации. С ПОЛЕМ меня познакомил наш общий знакомый КРЕТИЩЕНКО. Разговаривал с КРЕТИЩЕНКО о самых обыкновенных бытовых вопросах. Об отрицательном отношении к мистике КРЕТИЩЕНКО я знаю из общих разговоров с ним на различные темы. С ПОЛЕМ же я имел специальные разговоры о мистике. В «Орден Света» я вступил одновременно с ПОЛЕМ. Посвящение наше было произведено одновременно СОЛОНОВИЧЕМ или АРЕНСКИМ, точно не помню, на квартире СОЛОНОВИЧА или на квартире ПОЛЯ. Я был переведен с первой степени во вторую, а также и ПОЛЬ. Знаю наверное, что ЛЮБИМОВА состояла членом Ордена первой степени, а позднейших степеней я ее не знаю. Тоже самое и о КОРОЛЬКОВЕ.

Со мной в одной группе Ордена состояла ПОЛЬ Елена Аполлинариевна. Кроме СОЛОНОВИЧА, нашей группе (около 10 человек) читал легенды АРЕНСКИЙ. Нашей группой руководил и читал легенды первое время АРЕНСКИЙ, а затем его заменил СОЛОНОВИЧ. В группу не входила жена СМЫШЛЯЕВА*, но являлась членом Ордена. СМЫШЛЯЕВ также является членом Ордена, кажется, что он иногда читал легенды. В нашей группе состояла также жена АРЕНСКОГО, Вера Александровна**, умершая от туберкулеза.

Я припоминаю случай, когда я после смерти Ленина обратился к руководителю группы с вопросом, как мы должны отнестись к этому, и получил ответ: «Никак», т.е. это не имеет к нам никакого отношения. Что касается орденской идеологии, то она враждебна к идеологии марксизма. Возможно, что СМЫШЛЯЕВ проводил эту идеологию на сцене.

Внутреннее содержание Ордена: учение о множестве миров, причем каждый следующий выше предыдущего; борьба темного и светлого начала, т.е. борьба против всякой власти, в том числе и советской, а к светлому началу относилось безвластие.

В данное время я крайне отрицательно отношусь к этому, как это подробно изложено в моем первом и во втором протоколе.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов.

Зеликович

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 20-20 об]

* Смышляева-Аренская О.Ф.

** Завадская В.А., жена В.С.Смышляева.

ПОКАЗАНИЯ ЗЕЛИКОВИЧА Э.С. 22.04.31 г.

ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна состоит рыцарем «Ордена Света». ПОПОВА Зинаида Семеновна служила у меня в КУТВе, была он у меня раз или два, но я у нее бывал иногда. ПОЗИНУ Зинаиду Лазаревну знаю так же, как и ПОПОВУ. СОЛОПОВА Михаила я не знаю и мне такая фамилия совершенно не известна. На квартире СОЛОНОВИЧА я встречал некую ЛЬВОВУ, имени и отчества не помню, по профессии артистка театра Вахтангова, на анархических беседах. Там же я встречал Нину Эрнестовну ЯВЕЙН — высокая блондинка, небольшой нос, круглое лицо; был у нее раза два дома — ул. Володарского, дом быв. Ярошенко. (Ольга, кажется, жена СМЫШЛЯЕВА.) Самого СМЫШЛЯЕВА знал как человека, имеющего отношение к Ордену. ПОЗИНОЙ и ПОПОВОЙ политубуждений не знаю, САМАРСКОЙ не знаю.

Зеликович

ПОПОВА, по моему мнению, склонна к мистицизму, о связи же ее с Орденом мне ничего не известно.

Зеликович

В дальнейшем, как и за последние годы, я никакого отношения к антисоветским организациям иметь не буду. О всех антисоветских проявлениях буду сообщать соввласти в лице ОГПУ.

Зеликович

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 81]

КАФКА Людмила Вячеславовна (1885—1966)

Кафка Людмила Вячеславовна, анархо-мистик, член «Ордена Света»; род. 17.08.1885 г. в г. Москве, дочь художника, мастера завода Четверикова; к моменту ареста отец и мать умерли. Из родственников в живых были: брат Борис, 1884 г. рожд., инженер, заместитель директора фабрики «Красный Октябрь»; сестры: Екатерина Антоновна Орлова, 1896 г. рожд., домохозяйка — Зубовский проезд, д. 2, кв. 7; Мария Антоновна Винокурова, 1902 г. рожд., домохозяйка, — Зубовский проезд, д. 2, кв. 18; брат Александр Антонович Викторов убит в Германской войне; Юрий Антонович Викторов живет в г. Богородске. С мужем, Михаилом Ивановичем Сизовым, преподавателем физики и естественных наук, разведена. Окончила историко-филологический факультет Московских Высших женских курсов; с 1912 г. преподавала сначала в еврейской гимназии Шнеерсона, затем в гимназии Львовых. В 1918 г. поступила научным сотрудником в Государственный Исторический музей, где и работала на момент ареста, проживая по адресу: Москва, Покровка, Потаповский пер. 6, кв. 5.

Арестована 16.02.31 г., приговорена 25.04.31 г. ОСО ОГПУ к ссылке на 3 года в Западную Сибирь (с. Колпашево, затем г. Томск); по отбытии ссылки жила и работала с 1934 по 1935 г. в г. Архангельске, затем с 1935 г. в г. Калуге, где умерла 19.06.66 или 19.06.67 г.; реабилитирована 25.03.65 г. Президиумом Мосгорсуда по ее заявлению. [О ней см.: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917-23 гг.). // Минувшее, исторический альманах, вып. 6. М., 1992, с. 32-34.]

ПОКАЗАНИЯ КАФКА Л.В. 21.02.31 г.

Мне известен А.А.КАРЕЛИН с 1921 г., познакомилась с ним на лекции по еврейскому вопросу. С тех пор бывала у него довольно часто. Мне известно, что он работал по вопросам русского сектанства, главным образом по ереси жидовствующих в древнем Новгороде. Работа его носила научный характер и мне приходилось не раз доставлять ему книги по истории русского сектанства. Из тех, кто у него бывал, мне известны СОЛОНОВИЧ, АНОСОВ, БОГОМОЛОВ, АНДРЕЕВ, БЕМ, ЭРМАНД. Других, приходивших к нему, не помню. Войдя после смерти А.А.КАРЕЛИНА в Комитет по увековечению памяти Аполлона Андреевича и устроив его вдове в «Дом Ильича», а сестре его — персональную пенсию, я оставила работу в Комитете и с тех пор не встречалась с лицами, входившими в состав Комитета. Идеи анархизма, которые проповедовал А.А.КАРЕЛИН, некоторым образом увлекали меня и интересовали, поскольку это было связано с его личностью. В разговоре же с другими лицами, например, с СОЛОНОВИЧЕМ, те же самые идеи теряли для меня свой интерес. В настоящее время я считаю, что анархизм, как таковой, не осуществим и не имеет под собой почвы.

Я лично, стоя на платформе советской власти, разделяя многие пункты ее программы и работая в направлении марксистской науки и диалектического метода, не во всем согласна с ее политикой и установкой в области материализма, так как признаю духовное начало и стою на точке зрения дуалистического мировоззрения. Считаю, что мое уклонение от прямой линии материализма, является особенностью моего воззрения, которое не может подчиниться желательной для советской власти форме; но я позволяю себе иметь свободное и индивидуальное направление, т.к. считаю, что невозможно создать у всех людей одно мировоззрение, т.к. человеческая личность индивидуальна в самой своей сущности. Но позволяя себе иметь свой собственный строй мысли, я никогда не занималась и не буду заниматься пропагандой моих идей и иметь какой бы то ни было попытки пойти против советской власти. Л.Кафка

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 21-22об]

ПОЗИНА Зинаида Лазаревна
(1896 — после 1936)

Позина Зинаида Лазаревна родилась 19.01.1896 г. в г. Могилеве, еврейка; отец, Лазарь Маркович Позин, 1866 г. рожд., служил в Землеустроительной комиссии, к моменту ареста дочери работал инспектором коммунального хозяйства в г. Минске; мать Александра Соломоновна Позина, 1866 г. рожд., домашняя хозяйка; братьев нет; сестры: Софья, 1892 г. рожд., служит в Москве фармацевтом в аптеке № 35; Фаня, 1893 г. рожд., служит в Сахаросоюзе техноруком счетного отдела; Евгения, 1902 г. рожд., по мужу Новикова, домохозяйка, муж инженер. Закончила гимназию в г. Могилеве; в 1915 г. уехала в Ростов-на-Дону, где жила, училась и служила в разных аптеках (4,5 года при аптеке амбулатории больничной кассы «Надежда») до 1920 г.; лаборант сектора общественных наук при Московском институте инженеров транспорта. Домашний адрес: Москва, ул. Тверская 44, кв. 34.

Арестована 16.02.31 г., допрошена Э.Р.Кирре. Постановлением ОСО ОГПУ от 25.04.31 г. приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан, где находилась еще в феврале 1936 г. (г. Петропавловск). [АУФСБ РФ по Карагандинской обл., 1718 ф-4 (прежние №№ 6352, 243122, 3947), л. 44-45]. Дальнейших сведений о ее судьбе нет. Реабилитирована постановлением Президиумом Мосгорсуда от 25.03.65 г. в связи с заявлением Л.В.Кафка.

ПОКАЗАНИЯ ПОЗИНОЙ З.Л. 20.02.31 г.

Я сначала познакомилась с ЛЮБИМОВОЙ Варварой во время нашей совместной службы в Университете трудящихся Востока. В разговорах с ней мне понравились некоторые ее установки.

Впоследствии я убедилась, что ее взгляды близки к анархическим. Нас, однако, разделяло то, что она очень активна, в то время как я более пассивна. Через ЛЮБИМОВУ я познакомилась с СОЛОНОВИЧЕМ и стала бывать в Кропоткинском музее на его лекциях. Многие из его лекций мне тогда нравились, многого я не понимала и с многим я была не согласна. На темы этих лекций я иногда в беседах с ЛЮБИМОВОЙ задавала ей некоторые вопросы. На этих лекциях присутствовало человек 20-25, а иногда и меньше. В Музее Кропоткина я познакомилась с НИКИТИНЫМ, его женой Верой Робертовной, сестрой НИКИТИНА – Ниной Александровной, с ПАХОМОВОЙ Ольгой Степановной, САМАРСКОЙ. Была на вечере памяти КАРЕЛИНА в Доме политкаторжан. Заходила я больше всего к САМАРСКОЙ и ЛЮБИМОВОЙ. Что касается мистики, то о ней я знаю из лекций СОЛОНОВИЧА. Когда заходил разговор с ЛЮБИМОВОЙ о мистике, то он всегда кончался тем, что она меня называла «дурой», заявляя, что я ничего не понимаю.

Я имела несколько экземпляров печатанных на пишущей машинке лекций СОЛОНОВИЧА. Лекции мне давала ЛЮБИМОВА. ЛЮБИМОВА мне говорила, что печатает какие-то сочинения о Бакуanine, но читать таковых я не читала. С ПОЛЕМ я познакомилась на каком-то вечере, где – не помню.

В данное время у меня полное отсутствие всяких политических убеждений.

После взятия Ростова Красной армией, я поступила в Главный хирургический госпиталь Первой конной армии в качестве фармацевта. В начале 1921 г. я приехала в Могилев к своим родителям, где служила в Упрсанарм 16, а через месяцев шесть уехала в Ленинград. Т.к. в Ленинграде устроиться не могла, приехала в Москву в конце 1921 г. В Москве поступила в Политуправление Московского военного округа информатором-статистиком, через месяцев 7-8 перешла на работу в Коммунистический университет трудящихся Востока, где работала в качестве информатор-статистика, а с ноября 1926 г. была безработной около 7 месяцев. Потом поступила на работу ст. Люблино в приемный покой в качестве фармацевта. С февраля 1929 г. все время болела и лишь месяца три как работаю на вышеупомянутой службе.

Протокол мною прочитан и записан с моих слов.

З.Позина

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 23-24об]

ПОПОВА Зинаида Семеновна

(1898 – после 1931)

Попова Зинаида Семеновна, машинистка, анархо-мистик, член «Ордена Света»; родилась 22.10.1898 г. в ст. Кагальницкой, Новочеркасского уезда, Донской области; отец – Семен Иванович Попов, 1864 г. рожд., священник в г. Новочеркасске; мать – Марианна Васильевна Попова, 1868 г. рожд., дочь священника, домохозяйка; братья – Николай Семенович (1893–1983), врач, работает в Институте мозга, член ВКП(б); Борис Семенович, 1899 г. рожд., бывший белый партизан, жил в г. Брно (Чехословакия), последние полтора года известий о нем не было; Владимир умер в 1921 г., Леонид – в 1914 г.; Виктор, 1903 г. рожд., горный инженер, работает в Донбассе; сестер нет. Попова закончила гимназию в Новочеркасске, училась в разных вузах; к моменту ареста работала машинисткой в Институте нервно-гуморальной физиологии; домашний адрес – адрес: Москва, Большой Власьевский пер. 7, кв. 2.

Арестована 16.02.31 г., допрошена Э.Р.Кирре. Постановлением ОСО ОГПУ от 25.04.31 г. приговорена к 3 годам ИТЛ, которые отбывала в Соловецких лагерях; по освобождению выслана на 3 года в Архангельск. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирована постановлением Президиума Мосгорсуда от 25.03.65 г.

ПОКАЗАНИЯ ПОПОВОЙ З.С. 21.02.31 г.

Закончила гимназию, училась в разных вузах по году-два, но ни одного не кончила ввиду трудного материального положения. В то время, когда брат был белым пар-

тизаном, мои настроения были на стороне белых против красных; в данное время сильно симпатизирую анархистам и сильно уклоняюсь к мистическим воззрениям.

Я познакомилась с СОЛОНОВИЧЕМ на его квартире. Туда я пришла по указанию кого-то, что у СОЛОНОВИЧА можно получить ответы на интересующие [меня] вопросы. Затем я еще была у него раза три, а также он бывал у меня раза три. Один раз была на лекции СОЛОНОВИЧА в Музее Кропоткина. Когда я бывала у СОЛОНОВИЧА, я печатала на его машинке книгу его «Бакунин и культ Иальдобаофа». Знаю, что было четыре тома, но когда он бывал у меня, он рассказывал об анархизме и о мистике.

Знакомы мы с ЛЮБИМОВОЙ Варварой Николаевной по КУТВу, где работали вместе; наши политические взгляды совпали. Наряду со всеми остальными разговорами говорили и об анархизме и мистике. С ПОЗИНОЙ Зинаидой Лазаревной также знакома, говорили и с ней об анархизме и мистике. Кажется, она была у СОЛОНОВИЧА.

С ЗЕЛИКОВИЧЕМ Эммануилом Семеновичем познакомилась в КУТВе и в разговорах вскользь касалась вопросов мистики. ПОЛЯ знаю и друг друга поняли. Помню, КОРОЛЬКОВА я встретила в КУТВе. НИКИТИНА Леонида Александровича знаю по имени. Я против тюрем, против власти, против смертной казни, но могу лично убить. Очень люблю револьвер. Имел место разговор с СОЛОНОВИЧЕМ о необходимости вооруженного восстания при смене правления вообще.

Протокол мною прочитан и записан правильно по моим словам. Попова З.С.
[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 25-26об]

ПОКАЗАНИЯ ПОПОВОЙ З.С. 22.04.31 г.

С Варварой Николаевной ЛЮБИМОВОЙ я знакома давно. С Еленой САМАРСКОЙ (жена ТИММА) знакома с 1923 г., познакомилась в КУТВе. Там же, в КУТВе, я познакомилась с ЗЕЛИКОВИЧЕМ Эммануилом Семеновичем; ПОЗИНУ Зинаиду Лазаревну знаю. СОЛОПОВА Михаила знаю, приблизительно, с 1926 года: служащий, с лета прошлого года безработный, не работает ввиду болезни. Он бывал у меня. Нину Эрнестовну ЯВЕЙН (крупная женщина, тип немецкий, красивая) видела где-то. Знакома с Ольгой ПАХОМОВОЙ по КУТВу. НОВИКОВА Василия Мироновича я знаю еще давно и его жену Александру.

[*Рукой Поповой*]: НОВИКОВЫ никакого отношения ни к анархизму, ни к мистике не имеют. ПАХОМОВА уехала в ссылку. Нина Эрнестована, по-моему, человек, не имеющий отношения. Михаил СОЛОПОВ не имеет никакого отношения к рыцарству — этак, верст на тысячу. Думаю также далек и от всего остального, потому что он марксист. ПОЗИНА у вас в изоляторе. ЗЕЛИКОВИЧ был Урда в КУТВе и очень глубокий и впечатлительный человек. САМАРСКАЯ — жена коммуниста. Варвара Николаевна — замечательный человек и сидит у вас в политизоляторе. Попова

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 80]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 107353 на гр.гр. ЗЕЛИКОВИЧА Э.С., ПОПОВУ З.С.,
ПОЗИНУ З.Л. и КАФКУ Л.В.

1931 года, апреля 20 дня. Я, Уполном[оченный] 1 отд. СПО ОГПУ — КУЗНЕЦОВ, рассмотрел дело за № 107353 по обвинению гр.гр. ЗЕЛИКОВИЧА Эммануила Семеновича, ПОПОВОЙ Зинаиды Семеновны, ПОЗИНОЙ Зинаиды Лазаревны и КАФКИ Людмилы Вячеславовны по 58/11 ст. УК, арестованных 16.2.31 г. и содержащихся в Бутырском Изоляторе ОГПУ,

НАШЕЛ:

Что все обвиняемые являются членами ликвидированной ОГПУ к-р анархо-мистической организации под названием «Орден Света», возглавлявшейся видными

анархистами-мистиками СОЛОНОВИЧЕМ, ПРОФЕРАНСОВЫМ и др. (ныне заключенными в п/изоляторы и к/лагеря).

Организация «Орден Света», активными участниками которой были обвиняемые, в течение ряда лет проводила интенсивную нелегальную деятельность по вербовке и воспитанию кадров для борьбы с Соввластью и марксистском материалистическим учением путем пропаганды идеалистических идей анархо-мистицизма, поставив конечной целью деятельности свержение путем вооруженного восстания Соввласти и установления безвластного общества. Основной контингент данной организации состоит из бывших дворян, детей служителей культа и интеллигенции.

В результате своей деятельности (сильно законспирированной), организация имела большую сеть подчиненных центру ячеек не только по Москве, но и в других городах, как то: в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Сочи, Харькове, Свердловске и т.д.

Материалами дела и показаниями обвиняемых установлено, что:

ЗЕЛИКОВИЧ Эммануил Семенович, 1896 г. рождения, ур[оженец] г. Вильно, из интеллигентной семьи, служивший преподавателем немецкого языка в Институте иностранных языков и занимавшийся литературным трудом, с 1923–1924 гг., познакомившись с видным членом анархо-мистической организации ПОЛЕМ А.С., был им завербован в организацию и стал принимать активное участие в ее работе. Влившись в нелегальный кружок, руководимый сначала СОЛОНОВИЧЕМ, а потом АРЕНСКИМ, посещал нелегальные собрания и был по обрядным ритуалам организации посвящен сначала в рыцари первой степени, а в дальнейшем во вторую, более высшую степень. Из знакомых ЗЕЛИКОВИЧУ членов данной организации назвал только тех, о ком его спрашивали при следствии, а именно: СОЛОНОВИЧА, ПОЛЬ А.С., ПОЛЬ Е.А., АРЕНСКОГО, его жену Веру Александровну, СМЫШЛЯЕВА, ЛЮБИМОВУ, КРЕТИЩЕНКО, отказавшись назвать других по своей инициативе.

ПОПОВА Зинаида Семеновна, 1898 г. рождения, ур[оженка] станицы Кагальницкой Донской области, дочь служителя культа, машинистка Института нервно-гуморальной физиологии, по убеждению анархо-мистик. При допросах держала себя вызывающе, показав, что в период, когда ее брат был белым партизаном, она разделяла идеологию «белых против красных», но со временем изменила взгляды на анархические с уклоном в мистику.

Познакомившись с СОЛОНОВИЧЕМ, стала посещать его беседы по анархо-мистицизму. Печатала нелегальную а/с книгу по анархо-мистицизму СОЛОНОВИЧА «Бакунин и культ Иальдобаофа», принимала участие в издании а/с нелегального журнала «Отзывы и заметки», для чего использовала служебный стеклограф. Состояла в одном из нелегальных кружков и была посвящена в рыцари «Ордена Света». Из членов данной организации знакома с ЛЮБИМОВОЙ, ПОЗИНОЙ, КОРОЛЬКОВЫМ, ЗЕЛИКОВИЧЕМ, НИКИТИНЫМ. Имела разговор с СОЛОНОВИЧЕМ о необходимости вооруженного восстания.

Настроена террористически, о чем откровенно показала при следствии, что хотя она и против смертной казни, тюрьм и власти, но может лично убить кого нужно. От дальнейших показаний отказалась.

ПОЗИНА Зинаида Лазаревна, 1896 г. рождения, урож[енка] г. Могилева, из интеллигентной семьи, служившая лаборантом МИИТа, по убеждениям анархо-мистик. В контрреволюционную организацию была завербована ЛЮБИМОВОЙ, которая была введена в нелегальный кружок, руководимый СОЛОНОВИЧЕМ. ПОЗИНА стенографировала все беседы и лекции СОЛОНОВИЧА на нелегальных кружках, после чего их перепечатывала. Из членов данной организации знакома с СОЛОНОВИЧЕМ, ЛЮБИМОВОЙ, САМАРСКОЙ, ПАХОМОВОЙ, НИКИТИНЫМИ. При обыске отобраны а/с анархо-мистические материалы, отпечатанные на пишущей машинке, рукописи и литература вышеуказанного содержания. Последнее время от активной работы отошла ввиду болезни.

КАФКА Людмила Вячеславовна, 1885 г. рождения, урож[енка] г. Москвы, из интеллигентной семьи, служившая научным работником Гос[ударственного] Исторического музея, по убеждениям анархо-мистичка.

С 1921 г., будучи знакома с идеологом ныне ликвидированной организации анархо-мистиков — КАРЕЛИНЫМ А.А., принимала активное участие в его работе по созданию учения и привлечению последователей. После смерти КАРЕЛИНА вошла в Комитет по увековечению его памяти, состоявшего из СОЛОНОВИЧА, АНОСОВА, БОГОМОЛОВА, АНДРЕЕВА, БЕМА (ныне заключены в политизоляторы) и совместно с этим руководящим кадром организации «Ордена Света» повела активную работу. На ее квартире происходили нелегальные собрания руководящего состава организации, а также проводились занятия кружка, руководимого СОЛОНОВИЧЕМ. От показаний по существу деятельности в «Ордене Света» уклонилась.

Принимая во внимание вышеизложенное и что материалами дела и показаниями привлеченных по делу № 107353 гр.гр. ЗЕЛИКОВИЧА, ПОПОВОЙ, ПОЗИНОЙ и КАФКИ виновность по 58/11 ст. УК доказана,

ПОЛАГАЛ БЫ:

дело в отношении их передать на рассмотрение Особого Сопределения при Коллегии ОГПУ.

Уполномоч[енный] 1-го отд. СПО ОГПУ

А.Кузнецов

«СОГЛАСНЫ»

Рутковский

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 89-91]

Приложение

В ПРОКУРАТУРУ г. МОСКВЫ

Учительницы-пенсионерки КАФКА Людмилы Вячеславовны,
год рожд[ения] 1885, место рожд[ения] — Москва,
прож.: г. Калуга, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 16 кв. 18

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаюсь с просьбой о реабилитации.

Я не обращалась к вам до сих пор, так как мне два раза было сказано, что я не нуждаюсь в реабилитации; сказано опытными юристами, работниками КГБ, а в первый раз — НКВД. Хочу знать — так ли это.

16 февраля 1931 г. я была арестована и выслана на три года в Западную Сибирь, в Колпашево, а через полтора года меня перевели в Томск, где я работала учительницей в банковско-экономическом техникуме.

Поводом к моей высылке из Москвы, где я родилась, жила и работала, послужило мое знакомство с анархистом-коммунистом Аполлоном Андреевичем КАРЕЛИНЫМ, другом П.А.Кропоткина. КАРЕЛИН умер в 1924 г.* и после его смерти его друзья организовали так называемый Карелинский Комитет для приведения в порядок рукописей покойного. Меня, как близкого друга его жены и самого КАРЕЛИНА пригласили в этот Комитет, в который я вошла, чтобы устроить жену КАРЕЛИНА в инвалидный дом Ильича, а сестре его выхлопотать персональную пенсию. Когда я это осуществила, то вышла из Комитета, послав письменное заявление, и с тех пор ни с кем из анархистов связи не поддерживала. Они меня совершенно не интересовали. Лично я к анархизму, как к политическому движению, не имела и не имею ни какого отношения.

В 1934 г. я получила право возвратиться в Москву и жить в Москве, но квартира была уже занята. Я поехала к своим друзьям в Архангельск, работала там год, но климат был мне вреден и я переехала в 1935 г. в Калугу, где и живу до сих пор. До 1949 г. работала здесь учительницей в школе и в техникуме путей сообщения. С 1948 г. я пенсионерка, мне уже скоро 80 лет. Очень прошу не задерживать мне ответ.

12 декабря 1964 г.

Л.Кафка

[ЦА ФСБ РФ, Р-31404, л. 106]

* А.А.Карелин умер 20.03.1926 г.

ДЕЛО Б.М. и Е.В.ВЛАСЕНКО

С точки зрения истории общественных и духовных движений в России первую половину 1930-х гг. с полным правом можно окрестить «эпохой возврата»: из ссылки, тюрем и лагерей возвращались люди, которым предстояло отыскать свое место и образ существования в новой, отнюдь не желавшей принимать их жизни, тогда как сотрудники органов ГУТБ (быв. ОГПУ) возвращались к следственным документам прошлых лет, извлекая их из архивов, чтобы снова пустить в дело.

Как заметил тогда кто-то из писателей, «вся Россия стала на колеса». Из конца в конец огромной страны двигались массы людей, поднятые с мест, сорванные со своих вековых корней коллективизацией, административной высылкой, ехавшие в поисках работы, убежища от гонений, в надежде скрыться от «недреманного ока» ОГПУ или найти себе место для краткой передышки, поскольку мало кто из них уже верил в возможность нормальной жизни.

Познакомившиеся в лагерях, в тюрьмах, на пересылках, а еще чаще — на поселениях, получив долгожданную свободу они начинали колесить из конца в конец по России, ища пристанища и останавливаясь на день-два или только на ночевку по адресам далеких или близких родных своих знакомых. Одним из таких главнейших перевалочных пунктов оказывалась Москва и находящиеся по неусыпным наблюдением органов ОГПУ-НКВД квартиры родственников репрессированных или лиц, по какой-либо причине сумевших вернуться из ссылки в столицу.

Разница между недавним прошлым и наступившим настоящим была огромной, поскольку гигантская, всеохватывающая надзирающая, провоцирующая и карающая система не только своими метастазами поразила буквально каждую клеточку общественной жизни, подчинив своему контролю всю без исключения территорию «Союза советских социалистических лагерей», как назвал СССР один из действующих лиц этой трагедии, но и превратила пытками, угрозами, шантажом и насилием миллионы людей, еще вчера полагавших себя свободными и морально не запятанными, в своих рабов, доносчиков, клятвопреступников и тайных осведомителей.

Обращаясь к следственным документам того периода, об этом последнем факторе нельзя забывать ни на минуту, точно так же, как нельзя забывать и о совершенно новом подходе к оформлению следственных материалов, когда протоколы допросов не записывались, а фактически сочинялись следователем, не всегда даже заботившимся о том, будут ли они подписаны подследственным, хотя на первых порах такие приличия по возможности соблюдались. Впрочем, даже объективность записи ответов арестованного не избавляла его от совершенно превратного истолкования этих ответов в обвинительном заключении. Последнее достаточно отчетливо представлено в деле Б.М. и Е.В. Власенко 1934 г., хранящемся в ЦА ФСБ РФ, Р-35983 (преж. 545, 215238, Н-9596). Оно знакомит нас как с состоянием общества этого времени, с судьбами многих людей, имена которых уже встречались в следственных документах предшествующего периода, так и с выработкой органами политического надзора всеокрушающего принципа бессрочности «первой вины», следуя которому десятки миллионов безвинных людей снова и снова возвращались в чекистскую мясорубку в 30-х, 40-х и в 50-х годах, к сожалению, все еще *нашего* столетия.

Вместе с тем, они позволяют уточнить или по-новому осветить ситуации прошлых лет, поскольку естественный или насильственный уход из жизни многих людей, о которых заходила речь, делал такие признания бесполезными для следствия, но для исследователя сохранял в ряде случаев совершенно драгоценные уточнения. Так, например, только из показаний Б.М.Власенко 15.01.35 г. мы узнаем, что в начале 20-х гг. он руководил одним из тамплиерских кружков, куда входили, с одной стороны, М.Н.Жемчужникова¹, дружба с которой сохранилась у него до конца жизни, а с другой — анархисты Виктор Пикунов, М.Солопов, Борисов и Чекин, собиравшиеся для занятий у него на квартире в Кривоколенном переулке, тогда как сам он входил в кружок А.А.Карелина, объединявший Г.И.Аносова, А.А. и А.О. Солоновичей, М.И.Сизова, Н.К.Богомолова и Н.И.Проферансова [ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 38], что подтверждает известное показание М.И.Сизова от 23.04.33 г. о том, что Б.М.Власенко стоял у руководства Ордена тамплиеров, обладая высшей для них, 10-й степенью посвящения [ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 66об]. В свою очередь, как мне представляется, такая близость Б.М.Власенко к Ордену и самому Карелину может объясняться исключительно личной дружбой Власенко с Е.Т.Беклешовой, начавшейся еще в его студенческие годы в Варшавском университете.

По ряду признаков, Б.М. и Е.В. Власенко действительно играли важную роль в Ордене, даже находясь за пределами Москвы, связывая между собою как высланных тамплиеров, так и анархо-мистиков и просто знакомых анархистов. Достаточно сказать, что после известного поворота внутренней политики СССР в 1956 г. именно Б.М.Власенко вместе с Г.В.Гориневским предпринял попытку собрать всех оставшихся в живых членов Ордена, собрать сохранившийся корпус орденских легенд и т.д. Более того, как теперь выясняется из его переписки с М.Н.Жемчужниковой и А.В.Уйттенхофеном, именно Б.М.Власенко принадлежит попытка систематизировать факты, содержащиеся в легендах, дав таким образом своего рода «Введение в познание»².

Внешняя сторона жизни Б.М.Власенко наиболее подробно отражена в его автобиографии, сохранившейся среди изъятых у него и Е.В.Власенко писем, не вошедших собственно в материалы дела. Судя по всему, она относится к осени 1933 г. и написана в связи с переходом автора на работу из Мособлдортранса на Автомеханический ремонтный завод. Текст дополнен примечаниями, заимствованными из анкет арестованного и формуляров протоколов допросов.

Автобиография ВЛАСЕНКО Б.М.

1) Родился 16 июня 1896 г. в г. Керчи. Отец по сословию был дворянин, по служебному положению — учитель.³

С 1897 г. по 1904 — жил в Оренбурге, а с 1904 по 1914 г. — в Варшаве, куда перевели отца по службе. В 1913 г. окончил Варшавскую 3-ю гимназию и поступил в Варшавский же Университет на Юридический факультет.

2) В 1914 г. вследствие наступления немцев на Варшаву семья наша бежала в Москву, где я продолжил образование в Московском университете на том же факультете. С конца 1915 года по 1917 г. служил одновременно в Юридическом отделе Москвотопа в должности делопроизводителя. В 1917 г. осенью окончил Университет и сдал государственные экзамены.

3) Осенью же 1917 года был призван на военную службу и направлен в Петроград в Константиновское Артиллерийское Училище, которое не окончил по причине Октябрьской революции.

Участия в последней не принимал, оставаясь нейтральным вместе со всем Училищем. В ноябре 1917 г. Училище было расформировано и я, получив документы на звание мл. унтер-офицера, вернулся к родным.

4) По приезде в Москву поступил на работу в Народный Комиссариат Путей Сообщения (при наркоме т. Невском) в Юридический отдел. Проработав несколько месяцев был призван на военную службу в Московский пехотный полк, вновь формируемый на подавление Ярославского восстания.

Полк вернулся с пути, т.к. восстание было вскоре подавлено, а затем он был частично слит с другими военными частями, частично расформирован. Лицам украинского происхождения, мне в их числе, были даны документы на выезд в Украину.

5) По приезде осенью 1918 г. в Киев я принял участие в восстании против Скоропадского, а после его свержения направился в Галицию, где принял участие в борьбе галицийских украинцев против поляков.

В Галицийской армии я был в должности командира батареи остаток 1918 г. и 1919 г. Осенью 1919 г. эта армия была вытеснена легионами ген[ерала] Галлера на левобережную Украину, где ей пришлось вступить в борьбу с войсками ген[ерала] Деникина. Против польских и деникинских войск я участвовал в 44 сражениях. После того, как Деникин был отброшен от Орла, Галицийская армия соединилась в конце 1919 г. с Красной Армией, и я был направлен в Москву в распоряжение ГУВУЗ«а. Из последнего был командирован во 2-ю Московскую Запасную Артиллерийскую бригаду, а по расформировании ее в 1-ю Зап[асную] Арт[иллерийскую] Бригаду, где и пробыл до демобилизации в 1922 г. в должности Начальника Связи 3 Артил[ерийского] дивизиона.

6) По демобилизации работал в Нар. Комиссариате Земледелия РСФСР в должности Секретаря Научно-Технич[еского] Совета, а затем до 1925 г. в Украинском Представительстве при Правительстве СССР в должности Секретаря Представительства НКЗема УССР.

Одновременно читал лекции в течение 4-х лет в Московском Землеустроительном Институте по истории русской литературы.

7) В апреле 1925 г. я был арестован ОГПУ по ст. 60 Уголов[ного] Кодекса⁴ и выслан на 3 года на Урал. Там работал сперва в г. Ирбите в должности юрисконсульта Лесного Треста (8 месяцев), а затем в Коми-Пермяцком Округе в должности Секретаря Окрплана, потом Консультанта по эконом. вопросам при Президиуме Окрисполкома (2 года).

8) После окончания ссылки в 1928 г. я получил «минус шесть» и отправился в г. Ташкент, где работал в Окружной Плановой Комиссии в качестве сперва экономиста, затем зав[едующего] Пром[ышленной] Секцией.

Комиссией по чистке аппарата был выдвинут на должность Ученого Секретаря Окрплана с сохранением прежней. При расформировании округов в 1930 году получил денежную награду в размере месячного оклада и был переведен на работу в Госплан УзССР в качестве ответственного исполнителя по труду. При чистке аппарата Госплана, как бывший дворянин, служивший ранее в Галицийских войсках, не имевший в то время избирательных прав и допустивший ошибки при составлении пятилетки по кадрам, был снят в апреле 1931 года по 1 категории. Обжаловал это решение в НК РКИ УзССР, который сменил 1-ю категорию на 2-ю.

9) После этого поступил на службу в Уз[бекский] ВСНХ в Энергоцентр в качестве экономиста, где проработал до июня 1932 г.

В 1931 г. я был восстановлен решением коллегии ОГПУ в правах.

Зимой 1931 г.-32 г. был командирован Уз[бекским] Совпрофом и ВСНХ в Самарканд для проведения на предприятиях Самарканда (электростанция, типография и ремонтный завод) в жизнь 6 условий т. Сталина.

По возвращении в Ташкент был направлен ВСНХ на работу в Сред[не-]Аз[иатский] Госплан для составления 2-й пятилетки по электрификации, за какую работу получил премию в размере 850 руб.

10) В июне 1932 г. вследствие непригодности климата для здоровья жены оставил Ср[еднюю] Азию и переехал в Москву, где поступил на работу в Мособлдортранс с 15/VIII-32 г.

Б.Власенко

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, приложение]

Последующий арест, на этот раз обоих супругов, произошел 14.12.34 г. был инициирован соответствующей «справкой», открывающей новое следственное дело

Р-35983 (преж. 545, 215238, Н-9596) на ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича и ВЛАСЕНКО Евгению Владимировну, хранящееся в ЦА ФСБ РФ. Все делопроизводство и допросы вел Уполномоченный 1-го Отделения Секретно-политического отдела ГУГБ А.Кузнецов. Согласно принятым в издании правилам, из протоколов допросов публикуются только показания арестованных; все биографические сведения концентрируются в предшествующей им биографической справке; опускаются все документы следственного делопроизводства, кроме тех, что дополняют и проясняют тему (в данном случае — рапорт по ордеру № 953 от 14.12.34 г. на обыск и арест супругов Власенко, где отмечено, что в сумочке задержанной обнаружен машинописный текст одной из тамплиерских легенд, приобщенный к делу).

¹ Жемчужникова Мария Николаевна (1899—1987), г. Жиздра Калужской губ. Окончила в 1922 г. ф-т общественных наук 1-го МГУ; с 1917 по 1923 г. член Московского Антропософского общества. На момент ареста — пом. зав. отделом передвижного Музея Революции. Арестована 27.04.33 г. по обвинению в участии в антисоветской анархо-мистической организации; освобождена решением ОСО ОГПУ 21.06.33 г. Вторично арестована по тому же обвинению 02.11.35 г. Постановлением ОСО НКВД от 15.01.36 г. сослана в Марийскую область на 3 года. В 1937 г. арестована в ссылке и направлена в Каргопольлаг со сроком 10 лет ИТЛ, позднее срок сокращен до 5 лет. В 1943 г. после освобождения поселяется сначала в Марийской области, затем в Брянской. В 1952 г. снова подвергается аресту и отправлена в бессрочную ссылку в Новосибирскую область. В 1956 г. вместе с реабилитацией добивается возвращения в Москву. Работала экономистом, занималась переводами антропософской литературы (о ней см.: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском Антропософском обществе. // *Минувшее* (исторический альманах), вып. 6. М., 1992, с. 7-53).

² Введение в познание. // *Дельфис*, 1996, №1, с. 43-49; № 2, с. 68-72; № 3, с. 51-55; 1997, № 1, с. 43-47; № 2, с. 51-54.

³ Семейное положение Б.М.Власенко наиболее полно раскрыто в «анкете арестованного», заполненной им в связи с первым арестом 03.04.25 г.: Отец — Власенко Михаил Иванович, 1861 г. рожд., работает в домоуправлении; мать — Власенко Анастасия Ивановна, 1875 г. рожд., домохозяйка; жена — Власенко Евгения Владимировна, 1901 г. рожд., служащая; сестра — Власенко Евгения Михайловна, 1902 г. рожд., служащая; брат — Власенко Всеволод Михайлович, 1904 г. рожд., студент МВТУ [ЦА ФСБ РФ, Н-3203 (преж. 30968, 595019) т. 3, л. 108].

⁴ Арест Власенко 03.04.25 г. на его квартире в Москве (Кривоколенный пер. д. 8, кв. 10) произошел в связи с печально известным делом «Центра», от начала и до конца бывшего крупномасштабной провокацией ОГПУ. Согласно показаниям одного из организаторов, преподавателя того же Московского землеустроительного техникума П.М.Данилина, где работал и Власенко, он предложил ему «вступить в организацию». Что она собой представляла — понять из его показаний нельзя, но Власенко утверждал, что речь шла «об объединении беспартийной интеллигенции» (ЦА ФСБ РФ, Н-3203, т. 3, л. 132 об-133), причем оба были согласны, что Власенко отклонил это предложение. Примечательно, что уже на третий день А.В.Луначарский через Менжинского пытается освободить Власенко (там же, л. 125), однако безуспешно, м.б., еще и потому, что в своих показаниях Власенко подчеркивает свою тесную связь с А.А.Карелиным и приверженность к убеждениям анархо-коммунизма (там же, л. 132-133). Постановлением Коллегии ОГПУ от 23.06.25 г. Б.М.Власенко был выслан через ПП ОГПУ на Урал сроком на три года, а по отбытии срока решением все той же КОГПУ от 13.04.28 г. он был лишен права проживания («минус 6») еще на три года (там же, т. 1, л. 368).

СПРАВКА (по делу ВЛАСЕНКО)

1. ВЛАСЕНКО Борис Михайлович, 1896 г. рождения, урож. г. Керчи, из дворян, экономист Авторемонтного завода, с 1918 по 1920 г. служил в Галицийской армии командиром батареи, с 1920 по 1921 г. в Красной Армии командиром связи 3-го легко-го артдивизиона.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 23.6.25 г. за руководство к.-р. нелегальными анархическими кружками был сослан на Урал на 3 года.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 13.4.28 г. по отбытии срока запрещено проживание в 6 пунктах на 3 года.

Комиссией по чистке аппарата Госплана УзбССР в 1931 г. был вычищен по 1-й категории, по убеждениям анархист.

2. ВЛАСЕНКО Евгения Владимировна, 1900 г. рождения, урож. г. Двинска, бывш. Витебской губ., из дворян, жена ВЛАСЕНКО Б.М. Разделяя мировоззрение мужа и пользуясь свободой передвижения, неоднократно выполняла задания анархистов ссылки по связи с идеологом анархо-мистицизма А.А.Карелиным и взаимной информацией по организационным вопросам. Активно участвовала в работе московского «Черного Креста по оказанию помощи ссыльным анархистам».

В августе 1934 г. ВЛАСЕНКО Евгения Владимировна выехала из Москвы в Симферополь к своей родственнице анархистке-террористке АКСЕНОВОЙ Л.Н. (ныне арестована), где в беседе с ней и активным анархистом ГЕРАСИМЧУКОМ (арестован) сообщила следующее:

«При московском Институте по изучению труда работает подпольная организация по разложению рядов компартии путем создания оппозиции при самом ЦК... Руководит организацией директор Института, коммунист, работавший ранее в Ташкенте. Директор Института хорошо знает Бориса (ВЛАСЕНКО), знает его убеждения и, несмотря на это, вызвал его к себе, уже будучи в Москве, и предложил хорошую службу при институте, обещал при этом квартиру, указывая на выгодность работы с политической точки зрения, а именно – на осуществлении интересов всех подпольных организаций, идущих по пути развала компартии».

На вопрос, почему директор Института, занимающийся такой рискованной работой, так свободно говорил с Борисом, ответ был таков:

«Да потому, что Боря анархист, следовательно, не выдаст, так как тоже является врагом той же компартии. Весь свой состав директор Института, как он сам говорил Боре, подобран из людей надежных... От работы в Институте Борис отказался, т.к. цели подпольной организации идут вразрез с движением анархистов».

Принятыми нами мерами к выявлению директора Института, работавшего в Ташкенте, положительных результатов не добыто.

На основании изложенного считаю необходимым ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича и ВЛАСЕНКО Евгению Владимировну – арестовать.

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 1 ОТД. СПО ГУГБ

Горносталев
зам. – В.Ильин

Арест прокурором санкционирован 13.12.34 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 1-2]

Нач[альнику] СПО ГУГБ

Рапорт по ордеру № 935

Арестован ВЛАСЕНКО Б.М. у себя на квартире по адресу, указанному в ордере.

ВЛАСЕНКО Евгения Владимировны дома не оказалось. По словам ее мужа ВЛАСЕНКО Б.М., она уехала к своей матери на 1-й Басманный переулок 6 кв. 4. По этому адресу ВЛАСЕНКО Е.В. была обнаружена и арестована. При обыске в ее сумочке обнаружена и взята страница, отпечатанная на машинке религиозного мистического содержания, которая при н/рапорте прилагается.

Проводивший операцию Уполномоченный СПО
15.12.34 г.

Ф.Шулешов

P.S. Приложение смотри в пакете с вещественными доказательствами.

Уп[олномоченный] 1-го Отд. СПО ГУГБ

А.Кузнецов

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 5]

ВЛАСЕНКО Борис Михайлович

(1896 – после 1967)

Власенко Борис Михайлович родился 16.06.1896 г. в г. Керчь, Крым; из дворян; к моменту ареста проживал по адресу: Раменское Казанской ж.д., пос. Красный Октябрь, жилой дом механического з-да № 5; экономист-плановик, Раменский механический завод № 5, обслуживание механическими деталями хлопчато-бумажной промышленности, зав. планово-производственным отделом завода. Отец служащий, учитель средних учебных заведений, зав. хозяйства Сиротского института, умер в 1929 г.; мать – Анастасия Ивановна Власенко, 64-65 л., домохозяйка; Кривоколенный пер. 8, кв. 10; брат Всеволод 28-29 л., трест «Оргкож», групповой инженер, живет с матерью; сестра Евгения, 30 л., бухгалтер треста зеленого строительства, живет с матерью. До революции обучался в университете: юридический ф-т Московского университета окончил в 1917 г. по экономическим дисциплинам. Б/п, украинец. Служба в красных частях: с конца 1919 по 1922 г. Московская артбригада, начальник связи 3-го Артдивизиона; был в Галицийской армии с конца 1918 по конец 1919 г. до соединения с Красной Армией в качестве командира батареи. В 1925 г. решением Коллегии ОГПУ сослан на Урал на 3 года; жена – Евгения Владимировна Власенко, прож. г. Раменское. Арестован 14.12.34 г. При обыске изъято: 1) 7 папок рукописей, 2) 12 записных книжек с разными записями, 3) альбом с разными фотоснимками и фотокарточками, 4) письма и разная переписка, 5) печатные брошюры – Карелина (2), Маккаи «Анархисты», Волошин, 6) негативы – 7 портретов (черные).

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Б.М. 17.12.34 г.

ВОПРОС: Ваши политические убеждения и отношение к существующему строю.

ОТВЕТ: С 1924 г. анархо-коммунист Кропоткинского направления. Считаю, что политика ВКП(б) в основном направленная на развитие производительных сил страны и тем самым на улучшение положения рабочего класса приближает наступление мировой революции. Считаю, что рано или поздно, последняя неизбежна, что в данных условиях жизненно необходимо для дела победы коммунизма еще большее развитие производительных сил. А поэтому для себя я считал самым подходящим работу непосредственно на производстве. На основе этих взглядов я строю свои отношения к существующему строю.

ВОПРОС: Как Вы смотрите на нелегальную работу анархистов в СССР против существующего строя?

ОТВЕТ: Считаю ее ничем не оправданной, бесцельной и вредной, потому что она задерживает развитие производительных сил, являющихся базой для осуществления идеалов анархического коммунизма.

ВОПРОС: Назовите Ваших знакомых по Ташкенту.

ОТВЕТ: Из круга ссыльных анархистов в гор. Ташкенте я поддерживал знакомство с ВЕГЕР, ВАСИЛЬЕВЫМ, ПАВЛОВЫМ, ВОВКОМ, ОЛОНЕЦКИМ, БРОМБЕРГОМ и БАРОНОМ. Из членов ВКП(б) с ТОЛПЫГОЙ Б.В., тогда работавшем предокрплана, ныне зампред СНК Туркменской ССР, с УСТИНОВЫМ П.А., в 1932 г. перед моим выездом в Москву перешел с работы директора завода им. Ильича на работу зампред УзбВСНХ, с САИДХОДЖАЕВЫМ, кандидат ВКП(б) в то время, нач[альником] Узбэнергоцентра, с ШУРР, работавшем председателем Узбгосплана, потом переехал в Москву на работу в Комитет Стандартизации при СТО. В конце 1932 г. я по приезде в Москву разыскал его адрес, пошел просить предоставить мне работу, но он не мог мне предоставить комнату и мы не сошлись. С ПОРОШИНЫМ, (имя, кажется, Сергей Николаевич), работал в Узбгосплане. Из беспартийных с ПОРОШИНЫМ Виктором Арсеньевичем, работавшем в Ташкентском Окрплане предсельхозсекцией. Он недавно приехал из Баку и работает здесь в Гидрометеорологическом Упр[авлении] при Наркомземе СССР. Жену его Ольгу Алексеевну я также знаю, она сейчас нигде не работает.

ВОПРОС: По приезду в Москву при чьей помощи Вы получили первую работу?

ОТВЕТ: Через БАГИРОВА Ефрема Джановича, б/п. Познакомился с ним в Ташкенте по работе. Здесь он работал замначоблдортранса и рекомендовал меня на работу в качестве консультанта при Упрмособлдортрансе, где я работал до 1933 г. С осени 1933 г. при содействии ЦИВЦИВАДЗЕ И.В. начоблдортранса, который рекомендовал директору Автомеханического ремонтного завода тов. КИРПИЧНИКОВУ, перешел на этот завод, где работал старшим экономистом до осени 1934 г. Ко мне приехал сослуживец ДУБОВ Александр Епифанович и предложил перейти для работы на завод № 5 в Раменское, где я работаю по день ареста.

ВОПРОС: Какие причины послужили тому, что Вы отказались от предложенной Вам работы ШУРРОМ?

ОТВЕТ: Условия работы, предложенные мне т[ов]. ШУРР в Комитете по стандартизации, были слишком льготными, на мой взгляд, чтобы я мог их отнести к своему значению как специалиста, тем более, что эта область работы была для меня совершенно незнакома. Мне была предложена должность зав планового отдела Комитета с окладом в 400 рублей плюс 50 рублей квартирных, и было сказано, что я такую же примерно сумму смогу заработать на командировках и работой журнально-издательского характера. Эти условия и радушный прием меня со стороны т[ов]. ШУРРА заставили отнестись к его предложению несколько настороженно, т.е. нет ли за его предложением какой-то другой подкладки.

Для меня стало неясным, нужен ли я для него более как специалист, или он имеет на меня другие виды. Тем более, что в Ташкенте о т[ов]. ШУРР ходили определенные слухи о том, что он из Москвы на работу в Ташкент был направлен как оппозиционер. Тов. ШУРР знал, что я был в ссылке, и что по убеждению являюсь анархистом. Своими опасениями о возможной двусмысленности предложения т[ов]. ШУРРА с политической стороны я поделился со своей женой, Евгенией Владимировной, тем более, что перед этим от целого ряда организаций и предприятий в Москве, где я не скрывал, что я бывший ссыльный, независимо от их нужды в моей специальности, я получал отказы. Жена согласилась со мной, предложив быть осторожным. В результате, я к т[ов]. ШУРРУ больше не ходил и не звонил его работнику, с которым он поручил мне договориться о найме. Это было в 1932 г. в июле, августе или сентябре. Больше я с ШУРРОМ не встречался. Добавляю, что т[ов]. ШУРР в 1930-31 гг. был предузбогсплана и в результате чистки был снят с работы и переведен в Москву.

ВОПРОС: Передавая Ваши впечатления о предложении т[ов]. ШУРРА Вашей жене, говорили ли Вы более определенно о том, что Вы не исключаете того, что ШУРР ведет оппозиционную работу и свое предложение устройства Вас к себе увязывает с привлечением к этой работе в определенной области как бывшего ссыльного анархиста?

ОТВЕТ: Точно в каких выражениях я это сообщал своей жене, сейчас я не помню, но возможно, что такое впечатление она могла вынести, возможно, и нет, т.к. разговоров на эту тему у нас больше не было.

ВОПРОС: С кем из анархистов Вы встречались по приезду в Москву?

ОТВЕТ: Встречался с СОЛОНОВИЧ Агнией Онисимовной, БРОМБЕРГОМ И.Л., ПРОФЕРАНСОВОЙ Юлией Михайловной, АКСЕНОВОЙ Лидией Николаевной, РИМСКИМ-КОРСАКОВЫМ Игорем*.

ВОПРОС: Кого Вы видели из бывших членов мистических кружков?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ А.О., СИЗОВА, ЖЕМЧУЖНИКОВУ, видел у СОЛОНОВИЧ один раз СМЫШЛЯЕВА, о котором знал, что он так же интересуется мистикой. Раньше, не будучи с ним знаком, встретил его на улице. Жена мне указав на него объяснила, что он интересовался мистикой. Б.Власенко

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л.17-19]

* Римский-Корсаков Игорь Владимирович, род. в 1900 г. в Киеве. В 1917 г. окончил среднее реальное училище, а 8-й класс гимназии в 1921 г. в Гудаутах. С 1917 по 1925 г. жил и работал на Черноморском побережье Кавказа живописцем, маляром, чернорабочим, земледель-

цем; с 1925 по май 1929 г. отбывал ссылку в Красноярске; с 1929 г. до 28.06.30 г. работал в Нижнем Новгороде геодезическим рабочим; Постановлением ОСО ОГПУ от 23.10.30 г. выслан в Казахстан на 3 года (г. Петропавловск). После освобождения посетил Москву, Пермь и в июле 1934 г. вернулся в Петропавловск, где был арестован 15.02.36 г. и сослан на 3 года в г. Тара Омской области. Последний раз арестован 09.08.37 г. и расстрелян 07.09.37 г. по приговору Тройки НКВД по Омской обл. (подробнее о нем см. в деле нижегородских мистиков в т. I настоящего издания).

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Б.М. 15.01.35 г.

ВОПРОС: Подтверждаете ли Вы Ваши первые показания о том, что Вам неизвестно о какой-либо оппозиционной деятельности ШУРРА и что Вы это высказали своей жене только на основе предположений?

ОТВЕТ: Полностью подтверждаю.

ВОПРОС: Чем объясните Вы, что ВЛАСЕНКО Евгения Владимировна, говоря о том, что Вы делали предположения об оппозиционной работе и на основе их воздержались от устройства на работу, связывает этот случай с директором Института по изучению труда, а не с ШУРРОМ?

ОТВЕТ: Полагаю, что она спутала Комитет по стандартизации с Институтом труда, тем более, что к Институту труда никакого отношения я не имел и директора ЦИТ ГАСТЕВА я не знал.

ВОПРОС: Кто приезжал к Вам из Крыма и характер Ваших бесед с приезжавшим?

ОТВЕТ: Во второй половине 1934 г. из г. Бахчисарая приезжала в Москву хозяйка комнаты, которую снимала моя жена, по имени Зина. Она привезла для меня абрикосы и другие фрукты от жены. С ней я встречался один-два раза и имел беседу (один час — два часа) о том, как живут в Крыму моя жена, ее мать и АКСЕНОВА Лидия Николаевна. В разговоре со мной Зина (фамилии не помню) спросила о моих политических убеждениях. Я сказал, что я анархист, придерживаюсь учения Кропоткина. На ее вопрос, не устарели ли произведения Кропоткина, я ответил, что некоторые действительно устарели, а некоторые, как «Современная наука и анархия» и «Этика», до сего времени не потеряли своего значения.

ВОПРОС: Спрашивала ли Зина и говорили ли Вы ей об условиях, методах и направлениях работы анархистов в настоящее время?

ОТВЕТ: Об этом я с ней разговора не имел, т.к. видел ее первый раз и об этом вопрос не поднимался.

ВОПРОС: Сообщила ли Вам Зина о настроениях и намерениях в смысле дальнейшей анархической деятельности АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКА?

ОТВЕТ: Такого разговора не было. ГЕРАСИМЧУКА я не знаю, но фамилию я услышал впервые от жены после возвращения ее из Крыма.

ВОПРОС: Сообщала ли Вам Ваша жена о беседах с АКСЕНОВОЙ, ГЕРАСИМЧУКОМ и другими по вопросам анархической работы и ее перспективах?

ОТВЕТ: Евгения Владимировна передавала мне о своих беседах на эту тему главным образом с АКСЕНОВОЙ, в отношении же ГЕРАСИМЧУКА и других, то беседы эти особо не выделялись, и у меня создалось такое впечатление, что специальных разговоров на эту тему с другими у ней не было. А сущность этих бесед сводится к следующему: на данном этапе, цель, которую преследует Советское правительство в части развития производительных сил страны, совпадает с теми задачами, которые стоят перед анархо-коммунистическим течением анархизма, поэтому всякое противодействие в данном направлении со стороны анархистов было бы крупной тактической ошибкой. Правильность этого положения должны подтвердить результаты ближайших пятилетий, когда станет уже фактическим вопросом дня создание бесклассового общества и переход к коммунизму.

До этого момента почти с неизбежностью можно предсказать, что будет столкновение с капиталистическим миром и в этой решающей схватке анархисты не должны быть по ту сторону. Отношение к оппозиции определяется следующим: что

анархисты ничего общего ни тактически, ни идеологически с ней не имеют. О совместной работе с ними, безусловно, не может быть и речи. К этим выводам я пришел в результате бесед с АКСЕНОВОЙ Евгении Владимировны ВЛАСЕНКО, особенно в период пребывания АКСЕНОВОЙ Л.Н. в Москве после ссылки в 1933 г. По этим же вопросам обменивались и с другими анархистами, как с Агнией Онисимовичей СОЛОНОВИЧ и РИМСКИМ-КОРСАКОВЫМ. Жена по приезду из Крыма сообщила, что в результате ее бесед с АКСЕНОВОЙ, она пришла к убеждению, что взгляды ее по данным вопросам остались такими же, как указано выше.

ВОПРОС: Подтверждаете ли Вы показания Вашей жены, Евгении Владимировны ВЛАСЕНКО о том, что «сейчас в СССР анархистам работать нельзя в силу того, что созданные существующим строем условия не благоприятствуют для работы. Массы заняты вопросами улучшения своего материального благосостояния и вопросами анархизма не интересуются, а отсюда задача — по мере сил и возможности работать для улучшения благосостояния масс, принимая участие в строительстве. Невозможно начать работу в Москве с тем, чтобы не провалиться и не попасть в ссылку.»

ОТВЕТ: С показаниями Евгении Владимировны согласен и их подтверждаю. Основным препятствием к анархической работе считаю идеологический отход масс, который я наблюдал в направлениях или полной аполитичности, или в сторону коммунистической партии. Это то, что я хотел добавить к сказанному Евгенией Владимировной.

ВОПРОС: Не говорила ли Вам Евгения Владимировна о том, что Л.Н.АКСЕНОВА в связи с выводом о невозможности развернуть анархическую работу в существующих условиях в СССР — высказала намерение уехать для работы за границу?

ОТВЕТ: Об этом Евгения Владимировна мне не говорила.

ВОПРОС: Имели ли Вы с кем-либо разговор об отношении анархистов к индивидуальному политическому террору?

ОТВЕТ: Нет, не имел. И этого рода вопросы не поднимались потому, что с анархической точки зрения отношения к этого рода методам борьбы определенно отрицательные. В числе известных мне анархистов сторонников террора я не встречал.

ВОПРОС: Знаете ли Вы УЙТТЕНХОВЕНА А.В. и что Вам известно о его политических взглядах?

ОТВЕТ: УЙТТЕНХОВЕНА А.В. я знаю примерно с 1923 г., познакомился я с ним у А.А.КАРЕЛИНА. Первое время он к анархистам относился как-то настороженно, его я знал тогда как антропософа. Последнее время, после ссылки его в Архангельск, я заметил у него сочувствие анархистам, особенно в отношении природы понятия «власти». Интересуется вопросами антропософии, мистики, и вообще вопросами подсознательного до последнего времени.

ВОПРОС: Знакомил ли Вас УЙТТЕНХОВЕН со своей рукописью о «Похождениях одного заключенного в стране советских социалистических лагерей»?

ОТВЕТ: Нет, не знакомил, но говорил, что он записывал свои впечатления и переживания во время ссылки. В последний раз он мне оставил рукопись о «Харуты-Маруты». Его рукопись «Жанна» имеется у Евгении Владимировны. Обе эти рукописи мной были приняты как литературные опыты: «Жанна» в части символической литературы, «Харуты-Маруты» в виде декамероновских походов. Рукописи, описывающей похождения одного заключенного в лагерях, от УЙТТЕНХОВЕНА я не слышал и с ее содержанием не знаком.

ВОПРОС: Кто является автором рукописей: «Общественный идеал анархизма», «Анархизм и современность» и «Анархизм и право», отобранных у Вас при обыске?

ОТВЕТ: Автором рукописи являюсь я.

ВОПРОС: С какой целью они написаны?

ОТВЕТ: Эта рукопись является конспективным изложением книги анархиста БОРОВОГО и составлена мной в целях изучения примерно в 1924 году.

ВОПРОС: Соответствуют ли положения, изложенные в рукописях, Вашим взглядам в настоящее время?

ОТВЕТ: Не вполне. В той части, где проявляется уклон в индивидуализм и где проскальзывает в известной степени «пафос разрушения», взгляды считаю устаревшими, тем более, что и сам БОРОВОЙ, как я слышал, впоследствии от них отказался. В отношении же раздела (л. 38) «Анархизм и современность» и, в частности, в отношении к большевизму, считаю слишком концептивно изложенными и не отражающими точно настоящие мои мировоззрения.

ВОПРОС: Встречались ли Вы по приезде из Ташкента в Москву с бывшими членами анархо-мистических кружков, которыми Вы руководили до ссылки?

ОТВЕТ: Встречался с ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ М.Н. Других, как то ПИКУНОВА Виктора, СОЛОПОВА М., БОРИСОВА, ЧЕКИНА — не встречал.

ВОПРОС: Где, на чьих квартирах происходили собрания кружка?

ОТВЕТ: В основном, у меня, в Кривоколенном переулке.

ВОПРОС: Кто входил в кружок, в котором занимались Вы сами?

ОТВЕТ: АНОСОВ Г.И., СОЛОНОВИЧИ оба, СИЗОВ, ПРОФЕРАНСОВ, я, БОГОМОЛОВ. Все мы были непосредственно связаны с КАРЕЛИНЫМ, у которого и происходили собрания.

ВОПРОС: Как Вы знаете профессора КРАСНОКУТСКОГО В.А.?

ОТВЕТ: Его я знал по университету со времени студенчества, он преподавал гражданское право. Встречал его у КАРЕЛИНА. Принадлежал ли он к какому мистическому кругу, я не знаю. Встретился и познакомился с ним более близко в г. Ташкенте; по приезде в Москву бывал у него раза два.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан.

Власенко

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 35-38об]

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Б.М. 23.01.35 г.

ВОПРОС: Знаете ли Вы анархиста ТАРАТУТУ Александра Григорьевича и не слышали ли о нем от Вашей жены по возвращении ее из Крыма?

ОТВЕТ: Нет, не знаю и от жены о нем ничего не слышал.

ВОПРОС: Знаете ли Вы анархистку ПОЗИНУ З.Л., знакомую Вашей жены по Петропавловску, а также ее сестру НОВИКОВУ Е.Л.?

ОТВЕТ: Нет, не знаю.

ВОПРОС: Говорила ли Вам жена о том, что она в 1933 году в приезд УЙТЕНХОВЕНА А. была у него на квартире, где он читал ей свою рукопись под названием «Похождения одного бельгийца в стране лесов и снега»?

ОТВЕТ: О факте посещения УЙТЕНХОВЕНА она мне говорила. Говорила также о том, что УЙТЕНХОВЕН передавал ей свои воспоминания. Конкретного содержания этих воспоминаний она мне не передавала, тем более, что при личных встречах с УЙТЕНХОВЕНОМ он избегал говорить о своих переживаниях за время ссылки.

ВОПРОС: О том, что эта рукопись носила определенно антисоветский характер, говорила ли Вам Евгения Владимировна?

ОТВЕТ: Нет, не говорила.

ВОПРОС: Имеете ли Вы что-либо добавить по существу дела?

ОТВЕТ: В дополнение к прежним протоколам хочу добавить уточнение, что собрания группы лиц по вопросам мистического характера, указанных в протоколе допроса от 15.1.35 г., происходили до конца 1924 г.

ВОПРОС: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по 58/10,11 статьям УК?

ВОПРОС: Виновным себя не признаю.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан.

Б.Власенко

Об окончании следствия по моему делу мне объявлено.

Б.Власенко

23.01.35 г.

Объявил: Уп[олномоченный] 1 отд[еления] СПО ГУГБ

Кузнецов

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 41-41об]

СЛЕДОВАТЕЛЮ НКВД т. КУЗНЕЦОВУ

В добавление к ранее данным мною показаниям, считаю необходимым добавить: 1) ни в каких анархических кружках, тем более подпольного характера, ни я, ни моя жена, не состояли и не состоим; 2) убеждения мои, как анархиста-коммуниста Кропоткинских направлений, сложились к 1923 году; 3) кружки мистического характера, о которых шла речь, никаких контрреволюционных целей не преследовали, ставя своей целью изучение разного рода учений в этом направлении. С 1924-25 г. участие мое в них прекратилось и в настоящее время их не существует. Б.Власенко
23.01.35 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 68]

ВЛАСЕНКО Евгения Владимировна
(1900 – 1960)

Власенко Евгения Владимировна, урожд. Берегова, род. 15.06.1900 г. в г. Двинск (ныне Литва); химик; в настоящее время б/р; с 1931 г. нахожусь на иждивении мужа; проживаю – ст. Раменское Казанской ж.д. Отец был подполковником, работавшим заведующим обмундированием Псковского кадетского корпуса, из дворян, умер в 1909 г.; мать – Эмилия Карловна Берегова, 64 года, из семьи машиниста; после революции служила в учреждениях; прож.: 1-й Басманный пер. д. 6, кв. 4; образование – незаконченное высшее: кончила гимназию в г. Пскове в 1918 г. и 3 курса 1-го МГУ по химическому отделению в 1919 г. Муж – Б.М.Власенко; сестра по матери – Лидия Николаевна Аксенова, в г. Симферополе. Относительно участия в гражданской войне показала, что: «с начала сентября по 15 декабря 1919 г. в г. Киеве на моей квартире была явка коммунистической партии «боротьбистов», связь поддерживалась ЛЮБЧЕНКО Пас Петровичем, ныне Пред[седатель] СНК УССР, БЛАКИТНЫМ, ПОЛОЗ».

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Е.В. 15.12.34 г.

ВОПРОС: Ваши политические убеждения?

ОТВЕТ: Анархистка-коммунистка с 1921 года.

ВОПРОС: Когда Вы приехали в Москву и в каких городах жили после первого приезда?

ОТВЕТ: В 1921 году я приехала в Москву из Ленинграда, переведясь из 1-го Политехнического института в 1-й МГУ. В 1925 г. выехала за мужем в ссылку, сначала в Ирбит, потом в г. Кудымкор, и в 1928 г. в г. Ташкент, где прожили до 1932 г. и вернулись в г. Москву.

ВОПРОС: Назовите Ваших знакомых, с которыми Вы поддерживали связь во время пребывания в г. Ташкенте.

ОТВЕТ: Знакомыми по г. Ташкенту мне были: ссыльные анархисты: ОЛОНЕЦКИЙ, ВЕГЕР, ВАСИЛЬЕВ, ТАРАСЮК, ЛУКЪЯНЧИКОВ А. и встречалась у ВЕГЕР с БАРОНОМ. Кроме того, были знакомые мужа по службе: ЛЕВКИЕВСКИЙ Евгений Петрович, беспартийный, работал в окрплане, ЗАГОРСКИЙ (?) Константин Константинович, беспартийный, работал в Энергоцентре, УСТИНОВ, член ВКП(б), работал директором завода Ильича, ТОЛПЫГА, был предокрплана, член ВКП(б), сейчас зампред Совнаркома ТуркмССР, МОЗНАЙМ Любовь Моисеевна, член ВКП(б), профуполномоченная в Бюро ВЦСПС, сейчас она в г. Горьком, ее муж ЗАРИН П.И., член ВКП(б).

ВОПРОС: Кто из Ваших знакомых по Ташкенту проживает в Москве и с кем Вы из их встречаетесь?

ОТВЕТ: В Москве живет знакомый по Ташкенту, бывший ссыльный анархист БРОМБЕРГ Иосиф Лазаревич. Уехал он в г. Москву раньше нас, с ним знакомство поддерживаем. Больше никого знакомых по Ташкенту в городе Москве я не знаю.

ВОПРОС: Кого из анархистов Вы знаете по Москве, Кудымкору и Ирбиту?

ОТВЕТ: Поддерживаю переписку с отбывающим ссылку в г. Алма-Ата КОСОВЫМ Василием Филипповичем. Встречала в ссылке ГОЛУБКОВА Федоса, АНДИНА С.И., где они сейчас находятся не знаю, ГЕРАСИМОВА, ЧЕКМАСОВУ Е. и других. Кроме КОСОВА я сейчас ни с кем из анархистов переписки не веду. По Москве знала А.А.КАРЕЛИНА, СОЛОНОВИЧА А.А. и его жену, Агнию Онисимовну, АНОСОВА ГИ., АНДРЕЕВА А.В., ПРОФЕРАНСОВА. Встречалась с ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ Марией Николаевной, которую последовательницей А.А.КАРЕЛИНА не считаю, а знаю ее как антропософку, и если она вращалась среди последователей КАРЕЛИНА, то просто из любопытства.

ВОПРОС: Кого Вы встречали у ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ?

ОТВЕТ: У ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ встречала НОТГАФТ Надежду Николаевну.

ВОПРОС: С кем Вы встречались и кого знаете из последователей А.А.КАРЕЛИНА?

ОТВЕТ: Встречалась с Агнией Онисимовной СОЛОНОВИЧ до ее выезда в ссылку к мужу. После приезда ее сюда я у ней не была. Знаю НИКИТИНА Леонида Александровича, познакомилась с ним у А.А.СОЛОНОВИЧА, знаю его жену, Веру Робертовну. С сестрой, НИКИТИНОЙ Ниной Александровной, познакомилась в г. Ташкенте. УЙТТЕНХОВЕН Ирину Николаевну, с ней познакомилась, кажется, у КАРЕЛИНА; знаю ее бывшего мужа, УЙТТЕНХОВЕНА Александра, его я анархистом не считала, с ним я переписывалась до последнего времени. Сейчас он живет в г. Архангельске. К октябрьским торжествам он приезжал в Москву и был один раз у нас.

ВОПРОС: Что представляет напечатанный на машинке мистического содержания документ, обнаруженный у Вас в ручной сумке, от кого он получен?

ОТВЕТ: Это — легенда, фантастический рассказ мистического направления. Его я нашла среди своих старых бумаг. Взяла этот рассказ как будто для того, чтобы прогнать его матери.

ВОПРОС: Кого Вы знаете из интересующихся мистикой и с кем встречались до последнего времени?

ОТВЕТ: Знаю и встречалась с СИЗОВЫМ Михаилом Ивановичем. Последний раз видела его года два назад. Несмотря на то, что я расхожусь во взглядах с А.А. и А.О. СОЛОНОВИЧ, так как являюсь анархо-коммунисткой, я встречалась с Агнией Онисимовной и интересовалась Алексеем Александровичем, как он живет, и так далее. Мистикой я интересовалась в период выработки своего мировоззрения. Из известных мне лиц, интересовавшихся мистикой, теперь в Москве никого не осталось, и ни с кем, кроме указанных, я не встречалась.

ВОПРОС: Кто из анархистов проездом через Москву бывал у Вас?

ОТВЕТ: Была моя сестра АКСЕНОВА в 1933 г., УЙТТЕНХОВЕН А. в 1933 г. и осенью 1934 г.; РИМСКИЙ-КОРСАКОВ зимой 1934 г., уехал в г. Пермь на какое-то строительство; ЛАНШИНА Татьяна* осенью 1934 г. была у моей матери и оставила адрес, чтобы взять у нее привезенный из Петропавловска матрац сестры, что я и сделала. О ней я знала только по рассказам сестры.

ВОПРОС: С кем Вы встречались в Крыму из знакомых Вашей сестры?

ОТВЕТ: Встречалась с анархистом ГЕРАСИМЧУКОМ Павлом Петровичем в г. Симферополе и один раз в Бахчисарае. Жила я у знакомой сестры ИГНАТЬЕВОЙ Зинаиды Григорьевны. Она не анархистка, а знакома сестре как-то по службе.

ВОПРОС: Какие разговоры Вы имели с АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКОМ в области оценки современного состояния анархизма, условий для работы и т.д.?

ОТВЕТ: Разговор был о том, что сейчас в СССР анархистам работать нельзя в силу того, что созданные существующим строем условия не благоприятствуют для работы. Массы заняты вопросами улучшения своего материального благосостояния и вопросами анархизма не интересуются. Отсюда задача работать по мере сил и возможностей для улучшения благосостояния масс, принимая участие в строительстве. Невозможно начать работу в Москве с тем, чтобы не провалиться и не попасть в ссылку. Этого мнения держится мой муж, АКСЕНОВА и ГЕРАСИМЧУК.

ВОПРОС: Не высказывали ли АКСЕНОВА или ГЕРАСИМЧУК мысли о том, что в связи с такими условиями для анархической работы в СССР — надо уехать для работы за кордоном?

ОТВЕТ: Об этом я не слышала ни от того, ни от другого.

ВОПРОС: Назовите знакомых Вашего мужа и общих по Москве не из анархического круга.

ОТВЕТ: Знакомая по Варшаве моего мужа ЖОХОВА Анна Георгиевна и ее муж военный. У них мы как-то раз были на его именинах. Мой знакомый по институту в Ленинграде — ГОРДИН Александр Моисеевич (это ничего общего не имеющий с анархистами братьями ГОРДИНЫМИ), с ним изредка встречалась. Знакомый по службе мужа в г. Ташкенте, технорук авторемонтного завода РУТКОВСКИЙ Дмитрий Константинович, жили мы рядом с ним в Серебряном Бору.

ВОПРОС: Он рекомендовал Вашего мужа на завод?

ОТВЕТ: Нет, на завод мужа рекомендовал КИРПИЧНИКОВ Иван Андреевич, который был директором авторемонтного завода, входящего в систему Мособлдортранса, где работал мой муж. В 1933 г. КИРПИЧНИКОВА при чистке партии сняли с работы за нераспорядительность. Его перевели на какой-то другой завод, где он работает замдиректора. Между прочим, в г. Раменском, на механическом заводе № 5, по словам мужа, директор завода ПОЧАНДО, из бывших военнопленных австрийцев, работал когда-то в Ташкенте, но там мы знакомы не были, но он знал тех, с кем работал муж в Ташкенте. Кто рекомендовал мужа на работу в механический завод № 5 я не знаю, т.к. в это время была в Крыму. В Ташкенте за год до нашего выезда в Москву мужу предлагали работу в Узбпредставительстве в Москве с обеспечением квартиры, но при условии, что он даст подписку об отказе от анархических выждений. От этого муж отказался.

ВОПРОС: Кто предлагал эти условия?

ОТВЕТ: Я не знаю.

Записано с моих слов верно, мной прочитано.

Е.Власенко

15.12.34 г. 1 час 35 мин.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 55-57об]

* Ланшина Татьяна Николаевна, род. в 1899 г. в г. Лодзь (Польша), дочь товарища прокурора; в 1925 г. окончила естественное отделение физико-математического ф-та Симферопольского университета; до лета 1928 г. работала хранителем музея на биостанции АН СССР в Севастополе; с 1928 г. в Москве, безработная; член Библиографического кружка при Музее П.А.Кропоткина. Арестована 05.11.29 г. Постановлением ОСО ОГПУ от 23.12.29 г. приговорена к заключению на 3 года в Верхнеуральский политизолятор; постановлением ОСО ОГПУ от 18.08.31 г. досрочно освобождена и отправлена на 3 года в ссылку в Казахстан. Осенью 1934 г. по дороге к родителям в Крым была в Москве у Е.В.Власенко, после чего была вновь арестована. В начале 1936 г. Ланшина считалась женой анархиста С.С.Тужилкина, жившего в г. Петропавловске (Казахстан), и находилась в лагере НКВД на острове Второва (г. Гурьев) [АУФСБ РФ по Карагандинской обл., 1718 ф-4, л. 17]. Сведений о дальнейшей судьбе нет.

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Е.В. 03.01.35 г.

ВОПРОС: Что Вам говорил Борис Михайлович ВЛАСЕНКО о предложенной ему работе в Институте по изучению труда с условием его участия в контрреволюционной оппозиционной деятельности?

ОТВЕТ: Он говорил, что ему не понравилась там атмосфера и показалось, что работу ему в Институте по изучению труда предлагали с целью использования по линии политической в неизвестном ему направлении. Это послужило причиной для отказа от работы.

ВОПРОС: Говорил ли Ваш муж более определенно, что ему было сделано прямое предложение принять участие в оппозиционной работе против ЦК ВКП(б) и что предлагавший это коммунист, директор Института, сообщил Б.М.ВЛАСЕНКО о

том, что такая работа им ведется и что все сотрудники Института принимают в этом участие?

ОТВЕТ: Прямого предложения он не получал, а высказал свои подозрения мне на основе своих впечатлений от разговоров при устройстве на работу.

ВОПРОС: С кем Вы говорили об изложенном выше факте, в какой форме и в связи?

ОТВЕТ: Говорила ли я об этом с АКСЕНОВОЙ Л.Н. я не помню, но помню, что об этом я говорила с ИГНАТЬЕВОЙ Зинаидой Григорьевной. Разговор начался в связи с ее вопросами ко мне о том, почему анархисты не дают подписок об отречении от политических убеждений, чтобы использовать это для легализации и продолжения нелегальной анархической работы, на что я ответила, что этим усиленно занимаются оппозиционеры, а я считаю эту тактику неправильной, глубоко развращающей тех, кто прибегает к ней. На ее вопрос, почему анархисты не объединяются в своей работе с оппозиционерами, я ответила, что у нас и цели и пути с ними разные. При этом я сказала, что муж отказался поступить на работу в Институт по изучению труда, даже подозревая только, что там что-то неладно. Об этом я говорила ИГНАТЬЕВОЙ, по-моему, когда мы были вдвоем в Бахчисарае, в июне или августе 1934 г., когда я была у ней.

По вопросу об отношении анархистов к оппозиционерам, я говорила также с Л.Н.АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКОМ, которые, также как и я, считают, что никакая работа совместно с ними невозможна и нежелательна.

ВОПРОС: О ком Вам сообщает анархист КОСОВ В. в письме от 25.10.33 г., отобранном у Вас при обыске?

ОТВЕТ: В письме КОСОВ сообщает о Шуре, анархисте ЛУКЪЯНЧИКОВЕ, который после ссылки много спустя из Саратова приехал в командировку в Москву, хотел видеть нас, но не знал адреса и у нас не был. Далее КОСОВ просил меня сходить в «Красный Крест» к Е.П.ПЕШКОВОЙ с целью выяснения вопроса об окончании им срока высылки. У ПЕШКОВОЙ я была, но там мне сказали, что могут справиться только родственники и поэтому ответа не дали. Он пишет, что «Федос», анархист ГОЛУБКОВ, также ждет разрешения вопроса об окончании срока высылки.

Сообщает, что он получил письмо от Сени Ф., который после трехмесячного скрывания убежал из фашистской Германии во Францию. Кто этот «Сеня Ф.» я не знаю, но думаю, что это анархист.

ВОПРОС: Кому принадлежит адрес: «Запсибкрай, г. Мариинск, Сиблаг, 3-е Орлово-Розовское отделение», сообщенный Вам анархистом КОСОВЫМ в письме от 17.08.34 г. из г. Алма-Аты?

ОТВЕТ: Адрес принадлежит анархисту ЛУКЪЯНЧИКОВУ Александру.

ВОПРОС: О каком «Яне», проживающем в Париже, сообщает Вам КОСОВ в открытке от 30.09.33 г.?

ОТВЕТ: Яня, проживающего в Париже, я не знаю, но думаю, что он также анархист.

ВОПРОС: Кому принадлежит письмо за подписью «С.» от 30.08.33 г., каким путем оно получено?

ОТВЕТ: Письмо принадлежит Александру Владимировичу УЙТТЕНХОВЕНУ, отбывающему ссылку за г. Архангельском в Ново-Двинской крепости, где работал на заводе «Конвеер». Письмо привезено и передано мне его матерью.

ВОПРОС: Чей адрес и с какой целью УЙТТЕНХОВЕН просил Вас сообщить ему в этом письме?

ОТВЕТ: Просил адрес Василия Александровича КРАСНОКУТСКОГО с тем, чтобы просить его помочь устроиться в г. Ташкенте бывшей жене УЙТТЕНХОВЕНА И.Н.ИЛОВАЙСКОЙ, прибывшей туда после изолятора в ссылку.

ВОПРОС: Скажите, как Вам известен КРАСНОКУТСКИЙ и его политические взгляды?

ОТВЕТ: Познакомилась я с ним в Москве через мужа, который знал его еще со времени учебы в университете, т.е. приблизительно с 1916–1917 г. О его политических взглядах я не знаю.

ВОПРОС: Принадлежал ли КРАСНОКУТСКИЙ к числу последователей А.А.КАРЕЛИНА?

ОТВЕТ: Принадлежал ли он к числу последователей КАРЕЛИНА, я не знаю; не знаю также, интересовался ли он мистикой. Мне известно о его большом интересе к египтологии, ассириологии и тому подобному. В Ташкенте я слушала его лекции о шумерийской культуре и об Интернационале в древности. Слышала, что он читал лекцию об Атлантиде, но я при этом не была.

ВОПРОС: О ком и о чем идет речь в письме УЙТГЕНХОВЕНА, где он пишет: «Я порядком побеспокоился, узнав о болезни Маруси. С удовольствием узнал, что все кончилось сравнительно благополучно.»

ОТВЕТ: Речь идет о Марии Николаевне ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ, которая была арестована и сидела два месяца. Об этом ему, очевидно, сообщила мать его, которая ездила к нему.

ВОПРОС: Кому принадлежит письмо от 13.08.33 г., подписанное СОРОКИНЫМ, отобранное у Вас при обыске?

ОТВЕТ: Письмо адресованное Лидии Николаевне АКСЕНОВОЙ, принадлежит СОРОКИНУ Федору Даниловичу, отбывавшему вместе с ней ссылку в г. Петропавловске. По убеждениям СОРОКИН Ф.Д. – эсер. С ним я познакомилась через АКСЕНОВУ. Проездом он был у моей матери Э.К.БЕРЕГОВОЙ.

ВОПРОС: Кто такие ПОРОШИНЫ, письма которых обнаружены у Вас при обыске?

ОТВЕТ: ПОРОШИНЫ знакомы мне и моему мужу по Ташкенту. ПОРОШИН Виктор Арсеньевич – профессор геофизики, его жена, Ольга Алексеевна – экономист. Оба они беспартийные. О том, что мой муж отбывал ссылку, и что оба мы по убеждениям анархисты, они знали. По вопросам анархизма и мистики я разговоров с ними не вела. Они вполне советские, лояльно настроенные люди. Они недавно переехали на жительство из г. Баку в Москву, живут в Салтыковке. В.А.ПОРОШИН работает в Наркомземе.

ВОПРОС: Уезжая из Симферополя, имели ли Вы поручения от АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКА к московским анархистам?

ОТВЕТ: От АКСЕНОВОЙ Л.Н. я имела поручение выяснить, где находится анархистка, отбывавшая ссылку в г. Петропавловске, ПОЗИНА Зинаида Лазаревна, и как ее здоровье, т.к. она была сильно больна. АКСЕНОВА предложила разыскать ее адрес по телефонной книжке. По приезде в Москву я, найдя телефон, позвонила и из разговора с ее матерью выяснила, что ПОЗИНА З.Л. уехала обратно в г. Петропавловск. Других поручений от АКСЕНОВОЙ я не имела. От ГЕРАСИМЧУКА поручений не имела вообще.

ВОПРОС: Не имели ли Вы поручений разыскать в Москве анархиста Франческо ГЕЦЦИ?

ОТВЕТ: Нет, не имела. И вообще Франческо ГЕЦЦИ в разговорах с АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКОМ не упоминался. О нем я слышала от анархиста РОГДАЕВА в Ташкенте, о том, что он вместе с ним отбывал политизолятор.

ВОПРОС: Знали ли Вы ПОЗИНУ З.Л.?

ОТВЕТ: Ее я видела, когда ездила в г. Петропавловск (в 1931 г.) к АКСЕНОВОЙ Л.Н.

Записано с моих слов верно, мной прочитано.

Е.Власенко

03.01.35 г.

[ЦА ФСБ РФ, р-35983, л. 58-61]

ПОКАЗАНИЯ ВЛАСЕНКО Е.В. 23.01.35 г.

ВОПРОС: Скажите, откуда Вы ездили в Петропавловск к Л.Н.АКСЕНОВОЙ и в каком месяце были там?

ОТВЕТ: В Петропавловск я ездила из г. Ташкента в июне 1931 г. Там у Л.Н.АКСЕНОВОЙ была моя мать, приехавшая немного раньше меня из г. Москвы. Из г. Пет-

ропавловска, пробыв там около двух месяцев, я вместе с матерью выехала в г. Москву. В конце сентября из Ташкента на время отпуска в Москву приехал мой муж Борис Михайлович уже после освобождения после ограничений. В конце октября я с мужем вернулась в г. Ташкент.

ВОПРОС: Будучи в г. Петропавловске, с кем Вы познакомились из ссыльных анархистов и других?

ОТВЕТ: Познакомилась с ПОЗИНОЙ З.Л., ПАЛЬМОВЫМ Павлом Павловичем*, СОЛОНОВИЧЕМ Сергеем Алексеевичем и его женой Ниной, с эсером СОРОКИНЫМ Ф.Д., с меньшевичкой АРКАВИНОЙ Верой Яковлевной и ее мужем, ЛЕВИНЫМ А. и БЕЛЕНЬКИМ Захаром Давыдовичем.

ВОПРОС: Знаете ли Вы сестру З.Л.ПОЗИНОЙ, и не была ли она у них в Петропавловске в период Вашего пребывания там или в Москве?

ОТВЕТ: Сестру и вообще кого-либо из родственников ПОЗИНОЙ З.Л. я не знаю ни по Москве, ни по Петропавловску. При выезде из г. Петропавловска ПОЗИНА передала мне и мой матери письмо к ее матери, но нас на ж.д. обыскали, это письмо прочли и возвратили. Моя мать в присутствии обыскивавшего агента ГПУ это письмо разорвала.

ВОПРОС: С какими рукописями знакомил Вас УЙТТЕНХОВЕН в один из его приездов в Москву из Архангельска?

ОТВЕТ: В свой приезд из Архангельска в Москву в 1933 г. УЙТТЕНХОВЕН А. читал мне у себя на квартире отдельные места из своей рукописи под названием «Похождения одного бельгийца в стране лесов и снега». Рукопись излагала, главным образом, его собственные переживания. Там он затрагивает о быте ссыльных, с которыми познакомилась, пишет о какой-то группе украинских националистов или же вообще украинских ссыльных, точно сейчас не помню, описывает свою работу на заводе «Конвеер».

ВОПРОС: Говорил ли Вам УЙТТЕНХОВЕН, что он предполагал сделать с этой рукописью и в каких целях ее написал?

ОТВЕТ: Он говорил мне, что он будет держать ее у себя в портфеле как написанную только для себя и что увезет ее обратно с собой.

ВОПРОС: Отношение УЙТТЕНХОВЕНА к рукописи говорит за то, что он боялся оставить ее где-либо. Скажите, не носила ли она определенно антисоветского характера?

ОТВЕТ: В той части рукописи, с которой он меня ознакомил, я не нашла ничего антисоветского, а если бы это было так, то я не считаю, что рукопись была бы вредна Советской власти, т.к. он носил ее в портфеле и написал ее только для себя.

ВОПРОС: Говорили ли Вы о рукописи и ее содержании Вашему мужу?

ОТВЕТ: Нет, не говорила. Говорила ли кому-либо еще — не помню.

ВОПРОС: Кому принадлежит предъявленная Вам рукопись под названием «Общественный идеал анархизма», «Анархизм и современность» и «Анархизм и право», и разделяете ли Вы взгляды, изложенные в ней?

ОТВЕТ: Рукопись написана моим мужем, Борисом Михайловичем. Взгляды, изложенные в ней, я разделяю.

ВОПРОС: Знаете ли Вы анархиста ТАРАТУТУ Александра Григорьевича?

ОТВЕТ: ТАРАТУТУ Александра Григорьевича я не знаю, слышала от ИГНАТЬЕВОЙ о том, что она его знает. В какой связи она мне сообщила об этом, я не помню. В 1929 или 1930 г. я при выезде из Ташкента в Москву имела от ссыльного анархиста БАРОНА поручение зайти к Ольге ТАРАТУТЕ и выяснить ее отношение к вопросу о «переходничестве» (переходном периоде от революции к анархизму). В этом вопросе БАРОН был, кажется, сторонником необходимости переходного периода. К ТАРАТУТЕ я ходила, но она оказалась в отъезде. Передать поручение БАРОНА и получить ответ О.ТАРАТУТЫ я не смогла и ее лично до сих пор не знаю.

ВОПРОС: Кто такой и как Вы его знаете ВАГАНОВ, снятый на фотографии, предъявленной Вам?

ОТВЕТ: ВАГАНОВА Юрия Сергеевича я знаю с 1921—1922 гг. Он был арестован в засаде на нашей квартире в 1925 г. и отбывал три года «минус 6 пунктов». Бывал ли

он у КАРЕЛИНА и СОЛОНОВИЧА, я не знаю, т.к. с ним там не встречалась. К анархистам он определенно не имел никакого отношения. В кружке мистиков он не состоял. По приезду в Москву виделась с ВАГАНОВЫМ один раз осенью 1932 г.**

ВОПРОС: Скажите, слышали ли Вы за последнее время от кого-либо из анархистов суждения по вопросу их отношения к террору как к методу политической борьбы в условиях существующего строя?

ОТВЕТ: Нет, не слышала. Больше добавить к моим показаниям ничего не имею. В предъявленном мне обвинении виновной себя не считаю.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

Е.Власенко

Об окончании следствия мне объявлено.

Е.Власенко

23.01.35 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 66-67об]

* Пальмова звали Михаилом Михайловичем.

** Согласно анкете арестованного и формуляру протокола допроса 07.04.25 г. Ваганов Юрий Сергеевич — преподаватель машиностроительного черчения и курса организации зав. по металлу в Сельмаштехникуме, инженер-механик. Родился 01.10.1894 г. в г. Екатеринодаре (умер в 1959 г. в Москве); отец — Ваганов Сергей Васильевич (1852—1932), из крестьян Харьковской губ., магистр ветеринарной академии, специалист по коневодству МОЗО, окончил Харьковский ветеринарный ин-т; мать — Анна Сергеевна Ваганова, урожд. Игнатъева (1858—1939). В 1913 г. окончил московскую гимназию им. И. и А. Медведниковых и тогда же поступил сначала на физико-математический ф-т МГУ, а затем перешел в МВТУ; в 1916—1917 гг. работал техником в Киевском областном военно-промышленном комитете; в 1918 г. приехал в Москву и с осени поступил в Центравтосекцию; в 1920 г. вернулся в МВТУ, закончил в 1922 г.; с 1923 — инженер технического бюро на заводе «Икар»; 1924—1925 — инженер Технического бюро на заводе «АМО» им. Ферреро. Арестован 04.04.25 г. засадой на квартире Власенко. По его словам, познакомился с Власенко случайно в Третьяковской галерее в 1921 или 1922 г., затем знакомство стало близким, заходил не чаще раза в месяц. Однако наибольший интерес в этой ситуации вызывает занесенная в протокол и ничем более не объясненная фраза «фамилию Марии Вадимовны я назвать отказываюсь, т.к. считаю неудобным — это моя знакомая», поскольку речь идет о М.В.Дороговой — члене Ордена тамплиеров и Ордена московских розенкрейцеров высоких степеней посвящения, с которой не могли не быть знакомы супруги Власенко [ЦА ФСБ РФ, Н-3203, т. 3, л.136, 139 и 140]. Действительно, из показаний 29.03.28 г. некоего Г.А.Панафидина, привлеченного по делу розенкрейцерского ордена «Эмеш редививус», выясняется, что Ю.С.Ваганов в 1922—1925 гг. был руководителем одного из кружков «Ордена Духа», который возглавлял сам А.А.Карелин, и в этот же кружок входил экономист С.И.Степанов [ЦА ФСБ РФ, Н-5003 (преж. 55879, 513509), л. 447-448], тесно связанный с М.В.Дороговой уже по «Ордену московских розенкрейцеров», во главе которого стоял В.В.Белюстин [ЦА ФСБ РФ, Р-35656 (преж. 604434, Н-9215), л. 58об, 75 и др.].

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 545 на гр.гр.
ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича и
ВЛАСЕНКО Евгению Владимировну

1935 года, января 31 дня. Я, Уполномоченный 1-го отделения СПО ГУТБ НКВД — КУЗНЕЦОВ, рассмотрел следственное дело № 545 по обвинению ВЛАСЕНКО Б.М. и ВЛАСЕНКО Е.В. по ст.ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР, арестованных 14.12.34 г. и содержащихся в Бутырском Изоляторе

НАШЕЛ:

ВЛАСЕНКО Борис Михайлович, 1896 г. рождения, уроженец г.Керчи, из дворян; в 1918 г. добровольно перешел на территорию гетмана Скоропадского и по 1920 г. служил в Галицийской армии командиром батареи; с 1920 по 1921 г. служил в Крас-

ной Армии; по делу к.-р. террористической организации постановлением Коллегии ОГПУ от 23.6.25 г. был сослан на Урал на 3 года; по отбытии срока пост. Коллегии ОГПУ от 13.04.28 г. отбыл 3 года ограничений в правах жительства в 6 пунктах; в 1931 г. Центркомиссией по чистке госаппарата УзССР был вычищен по 2-й категории с запрещением в течение 5 лет работать в планирующих органах; независимо от этого до ареста работал зав. планово-производственного отдела на механическом заводе № 5 в Раменском; по убеждениям анархо-коммунист с 1924 г.

ВЛАСЕНКО Евгения Владимировна, 1900 г. рождения, урож. г. Двинска, из дворян, дочь б. подполковника кадетского корпуса с незаконченным высшим образованием по проф. химик, до 1931 г. служила, с 1931 г. на иждивении мужа, со слов — не судилась, по убеждениям анархо-коммунистка с 1921 г.

Материалами дела и показаниями обвиняемых в процессе следствия установлено, что ВЛАСЕНКО Б.М. в 1925 г. арестовывался по делу к.-р. террористической организации максималистов «Центр», готовившей убийство т.т. Дзержинского и Калинина. Будучи связан с руководителем этой организации ДАНИЛИНЫМ, он знал от него о целях и задачах организации, располагавшей кадрами свыше 100 человек и складом боевого оружия.

К этому времени ВЛАСЕНКО Б.М. и ВЛАСЕНКО Е.В. состояли членами анархистической организации «Орден Духа», возглавлявшейся секретарем анархо-коммунистической Федерации А.А.КАРЕЛИНЫМ, причем ВЛАСЕНКО Б.М. входил в руководящее ядро организации и являлся руководителем нелегального кружка (организация в целях конспирации строилась по принципу отдельных замкнутых групп), собиравшегося у него на квартире (см. показ. ВЛАСЕНКО Б.М., л.д. 24). Об этом при следствии в 1925 г. ВЛАСЕНКО скрыл.

Отбывая ссылку на Урале и в Средней Азии, ВЛАСЕНКО поддерживал широкие организационные связи с ссыльными анархистами и оставшимися невскрытыми б[ывшим] ОГПУ до 1931 г. членами анархистической организации в Москве (в частности, с КАРЕЛИНЫМ, ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ, СОЛОНОВИЧ, ПРОФЕРАНСОВОЙ и др.). В этих целях использовалась свобода передвижения проживавшей вместе с ним ВЛАСЕНКО Е.В., периодически приезжавшей для взаимной информации к КАРЕЛИНУ и др. (показания ВЛАСЕНКО Е.В., л.д. 62) и —

«В 1929 г. или 1930 г. я при выезде из Ташкента имела от ссыльного анархиста БАРОНА поручение зайти к Ольге ТАРАТУТЕ и выяснить ее отношение к вопросу о «переходничестве» (переходном периоде от революции к анархизму). В этом вопросе БАРОН был, кажется, сторонником необходимости переходного периода» (л.д. 64).

В 1932 г. по окончании срока ограничений ВЛАСЕНКО Б.М. и Е.В. возвратились в Москву. Их квартира стала служить целям взаимной информации для анархистов, кончавших сроки ссылки и проездом останавливавшихся у ВЛАСЕНКО (как то РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, АКСЕНОВА, ЛАНШИНА, УЙТТЕНХОВЕН и др.) (л.д. 15, 22, 25).

В конце 1933 г. СПО ГУГБ стало известно, что прибывшая из ссылки в г. Симферополь анархистка АКСЕНОВА Л.Н. по заранее принятому решению Петропавловской колонии ссыльных анархистов, намерена развернуть к.-р. подпольную работу в Крыму. По явке из ссылки она связалась с анархисткой ИГНАТЬЕВОЙ Зинаидой. Позднее туда же прибыли из ссылки анархисты ГЕРАСИМЧУК и ЛАНШИНА (ныне арестованы). Обсуждая вопрос о развитии нелегальной работы, АКСЕНОВА объявила себя сторонницей террора, высказав при этом желание убить товарища Сталина. В целях установления связи и выяснения позиции московских анархистов по вопросам тактики и методов анархической работы в современных условиях, ГЕРАСИМЧУК и АКСЕНОВА направили в Москву анархистку ИГНАТЬЕВУ с явками к анархистам: ТАРАТУТЕ, ОБОРИНУ и ВЛАСЕНКО. При этом высказали свое мнение, что ввиду репрессий и других условий, не способствующих развитию анархической деятельности в СССР, они намерены бежать за границу, где сконцентрировав отборные силы анархистов, начать работы по возрождению движения. Эти установки ТАРАТУТА (ныне арестован) — одобрил, указав, что одним из методов ра-

боты московские анархисты признают «частичное» применение террора к «отдельным большим людям».

ВЛАСЕНКО Б.М., не отрицая встречи с ИГНАТЬЕВОЙ, на вопрос о том, говорил ли он с ИГНАТЬЕВОЙ об условиях, методах и направлении работы анархистов, ответил, что об этом он с ИГНАТЬЕВОЙ разговора не имел, «так как видел ее первый раз» (л.д. 20, 21, 22).

В июле 1934 г. ВЛАСЕНКО Е.В. выезжала в Крым, где встречалась с АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКОМ. На вопрос, имела ли она с ними беседы об оценке современного состояния анархизма, условиях для работы и т.д. — ВЛАСЕНКО ответила:

«Разговор был о том, что сейчас в СССР анархистам работать нельзя в силу того, что созданные существующим строем условия не благоприятствуют для работы...»

«Невозможно начать работу в Москве с тем, чтобы не провалиться и не попасть в ссылку, этого мнения держатся: мой муж, АКСЕНОВА и ГЕРАСИМЧУК». (л.д. 45, 26 и показание ВЛАСЕНКО Б.М., л.д. 23).

О том, что им известны намерения АКСЕНОВОЙ и ГЕРАСИМЧУКА в связи с их вышеприведенным мнением об условиях работы в СССР — бежать за границу, ВЛАСЕНКО отрицает, между тем как АКСЕНОВА, допрошенная по этому же вопросу, показала:

«Работу анархистов в СССР я считаю невозможной потому, что нашу базу отбили у нас большевики, создав базу для контрреволюции» и «единственным исходом из этого считаю работу за кордоном» (л.д. 69).

СПО ГУГБ стало известно, что бывший ссыльный анархо-мистик УЙТТЕНХОВЕН А.В. осенью 1933 г., приехав из Архангельска в Москву, встречался с ВЛАСЕНКО.

В одну из встреч ознакомил ВЛАСЕНКО Е.В. со своим произведением под названием «Похождения одного бельгийца в стране советских социалистических лагерей», описывающем в антисоветском духе жизнь заключенных, строящих гигантские каналы и сплавливающих лес. УЙТТЕНХОВЕН сообщил ВЛАСЕНКО Е.В., что это произведение написано УЙТТЕНХОВЕНОМ с целью отправки и напечатания за границей, что он носит его все время с собой, так как не может найти места, у кого можно было бы его оставить.

Допрошенная по существу этого вопроса ВЛАСЕНКО Е.В. показала, что УЙТТЕНХОВЕН действительно читал ей свою рукопись, описывающую его переживания, быт ссыльных и так далее, что рукопись называется «Похождения одного бельгийца в стране лесов и снега». На вопрос, в каких целях написана рукопись и носила ли она антисоветский характер, ВЛАСЕНКО ответила:

«Он говорил мне, что он будет держать ее у себя в портфеле как написанную только для себя и что увезет ее обратно с собой» (л.д. 63).

И далее:

«В той части рукописи, с которой он меня знакомил, я не нашла ничего антисоветского, а если бы это и было так, то я не считаю, что рукопись была бы вредна Советской власти, так как он носил ее в портфеле и написал ее только для себя» (л.д. 64).

Обыском у ВЛАСЕНКО обнаружена его рукопись с подразделами «Общественный идеал анархизма», «Анархизм и современность» и «Анархизм и право». В рукописи подраздела «Анархизм и современность» ВЛАСЕНКО пишет:

«Социализм, являющийся в сущности решением хозяйственной проблемы, требует для своего осуществления достаточной технической и экономической подготовки и политической зрелости масс. А ведь социализм, вопреки его заявлениям, оставляет человека, как такового, в покое: его интересует лишь планомерная организация производства и распределение продуктов в целях достижения социального равенства.

Анархизм же не может быть сведен к хозяйственному благополучию людей, и поскольку указанные выше цели социализма не могут быть достигнуты одним приказом, властным принуждением (пример не за горами), поскольку, значит, личность рано или поздно запротестует против навязанных ей задач — преследовать развитие производительных сил и только — постольку анархизм требует для своего осуществления свободного человека, самостоятельности, воспитания, культуры» (л.д. 30).

И далее:

«Отрицательные стороны большевизма: а) опыт социализации сверху (насильственно), б) усиление власти государства и подавление прав личности, в) другими словами, неправильный путь к правильной цели (бесклассовому и безвластному обществу), пользование средствами, уничтожающими возможность достигнуть цели, отодвигающими ее. Отношение анархизма к большевизму: а) слова Герцена «я вижу на твоём челе нечто такое, что меня заставляет называть тебя рабом», б) брать сегодня для того, чтобы отдать завтра из-за неумелости и бессилия, значит надолго погубить самую идею в глазах дерзнувших» (л.д. 31).

На вопрос ВЛАСЕНКО Б.М., соответствуют ли положения, изложенные им в рукописи его взглядам в настоящее время, показал:

«Не вполне. В той части, где проявляется уклон в индивидуализм и где проскальзывает в известной степени «нафос разрушения», взгляды считаю устаревшими»; «в отношении же раздела «Анархизма и современности», в частности, отношения к большевизму, считаю слишком конспективно изложенными и не отражающими точно мировоззрения». (л.д. 24).

На вопрос к ВЛАСЕНКО Е.В., разделяет ли она взгляды, изложенные в рукописи, показала:

«Рукопись написана моим мужем, Борисом Михайловичем, взгляды, изложенные в ней, я разделяю» (л.д. 64).

Личным обыском у ВЛАСЕНКО Е.В. в ручной сумке обнаружена рукопись мистического содержания, отпечатанная на пишущей машинке (см. рапорт, л.д. 5 и вещдоказательства при деле). От прямого ответа на вопрос, что представляет указанный документ и от кого получен, ВЛАСЕНКО уклонилась, показав, что «взяла этот рассказ как будто для того, чтобы прочесть его матери» (л.д. 44). В то же время оба ВЛАСЕНКО не отрицают того, что по возвращении из ссылки в Москву вплоть до ареста они встречались с лицами, примыкающими к мистическому течению в анархизме, как то А.О.СОЛОНОВИЧ, ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ, НОТГАФТ, СИЗОВЫМ и другими.

Обыском у ВЛАСЕНКО обнаружен ряд писем от ссыльных анархистов организационно-информационного характера, подтверждающие их нелегальную анархическую деятельность (л.д. 49, 50, 51, 52 и 53).

В предъявленном обвинении по ст.ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР ВЛАСЕНКО Б.М. и ВЛАСЕНКО Е.В. виновными себя не признали.

На основании изложенного считаю, что материалами дела, а также показаниями самих обвиняемых — виновность ВЛАСЕНКО Б.М. и ВЛАСЕНКО Е.В. по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР вполне доказана, а потому

ПОЛАГАЛ БЫ:

дело № 545 в отношении ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича и ВЛАСЕНКО Евгении Владимировны передать на рассмотрение Особого Совещания при Наркоме Внутренних Дел СССР.

Уполномоченный 1 Отд[еления] СПО ГУТБ

А.Кузнецов

«Согласны». Пом[ощник] Нач[альника] 1 Отд[еления] СПО ГУТБ

В.Григорьев

10.02.35 г.

«С обвинительным заключением и приведенными оценками согласна»

Андреева

10.02.35 г.

«Утверждаю». Нач[альник] Секр[етно]-полит[ического] Отдела ГУТБ

Г.Молчанов

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 70-77]

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ОСО 27.02.35 г.:

ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича за к.-р. деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 14.12.34 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 79]

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ОСО 27.02.35 г.

ВЛАСЕНКО Евгению Владимировну за к.-р. деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 14.12.34 г.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 80]

07.03.35 г. НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ УХТПЕЧЛАГ НКВД, г. Чибью

Направляются выписки из протокола Ос[обого] Сов[ещания] при НКВД 27.02.35 г. по делу № 545 ВЛАСЕНКО Бориса Михайловича и ВЛАСЕНКО Евгении Владимировны вместе с личностями осужденных, следуемых спецконвоем в Ваше распоряжение для заключения в лагерь.

Осужденных надлежит содержать на особом учете в порядке приказа № 257/с-33 г.

Прибытие подтвердите.

Приложение: 2 выписки и копия обв[инительного] заключ[ения].

Пом[ощник] Нач[альника] УСО ГУГБ НКВД

Зубкин

Пом[ощник] Нач[альника] 2 Отд[еления]

Мишустин

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 81]

Нар[одный] Комисс[ариат] Внутр[енних] Дел

В учетный стол

Управление ВОРКУТПЕЧЛАГА

1 Спецотдел НКВД СССР

31 июля 1939 г.

г. Москва

№ 632583

ИЗВЕЩЕНИЕ

ВЛАСЕНКО Борис Михайлович, 1896, осужден ОСО при НКВД СССР, 27.02.35 г. за к/р деятельность на ПЯТЬ лет. Прибыл 11.06.38 г. из Ухтижемлага НКВД; убыл в г. Самарканд Узб.ССР. Освобожден 08.04.39 г. по окончании срока с учетом зачетов рабдней.

[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 92]

С момента освобождения жизнь Б.М. и Е.В. Власенко была связана с Самаркандом. Насколько мне известно, несмотря на две судимости, Б.М.Власенко участвовал в войне, дошел до Германии и вернулся в Самарканд. Был ли он в третий раз репрессирован в начале 50-х гг., как «повторник» (что можно понять из его сохранившейся в архиве М.Н.Жемчужниковой повести), остается неясным, как неясна судьба всего его архива, литературного (сохранились рассказы и стихи) и орденского. После смерти Е.В.Власенко в 1960 г. он переехал было в Подмоскovie, где прожил несколько лет, однако так и не смог найти себе места в новой жизни и вернулся в Самарканд (по версии В.М.Филоматовой – в Ашхабад), где и умер в конце 60-х или в начале 70-х гг. Реабилитирован вместе с женой по делу 1934 г 30.05.89 г. на основании ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 16.01.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий...»; по делу «Центра» вместе со всеми участниками – Прокуратурой РФ 27.04.95 г.

Часть сохранившихся стихов Б.М.Власенко опубликованы в книге: *Никитин А.* Поэзия и проза российских тамплиеров. М., «Аграф», 2002, с. 191-210.

Приложения

1. Письмо Л.Н.АКСЕНОВОЙ к Е.В. и Б.М. ВЛАСЕНКО

18.09.[33?]

Дорогие Женя и Боря!

Постараюсь описать Вам людское окружение, которое затронула только мимо-

ходом в письме маме. Первое, что меня поразило, это приветливость симферопольских учреждений: если и отказ получаешь, то так мило, что как будто тебе оклад 400 р. предложили. Служащие несравненно культурнее петропавловских, пожалуй, даже и московских. Много видно бывших людей, на улицах слышен французский говор, все они, правда, в возрасте близком к крематорию, но в виде разнообразия занятно их поглядывать. В семье моих хозяев (мать 62 года, дочь 33 года) царит культуртрегерская атмосфера 60-х годов. Именно культуртрегерская, а не какая-либо другая. Добродетельно очень, но, но... скучно, грешным делом. Маму esprit mal tourne нельзя и носу высунуть: от французского ребуса не только твоего, Боря, но и Игорева не покажешь. Люди они, безусловно, хорошие, добрые, отзывчивые, но в 60-е годы мне как-то трудно перелезть.

Зиму я, по всей вероятности, проживу вместе, если, конечно, получу постоянный паспорт и окончательно оснуюсь тут. У них никто не бывает, они тоже нигде. Дочери, конечно, скучно, спутника жизни найти ей трудно не из-за ее наружности — у нее очень приятное хорошее лицо, но она много культурнее сверстников-мужчин. Запросы к браку у нее не современные, без большого количества черемухи ей не обойтись, а кто ее сейчас разводиться умеет?

Таниных родных почти не вижу: мать и сестра работают с 4 часов дня до 11-12 ночи. Впечатление произвели хорошее, но Танина сестра мне далека, как, впрочем, и большинство людей, с которыми приходится встречаться. Вывод из этого: очень большое одиночество, не то, что в Петропавловске, а посему при моей тяге к людям компенсацией должны служить письма — намотайте себе если не на усы, которых у вас нет, то на что-либо другое. В свободное время буду читать и читать. Прочла Вересаева о Пушкине, В.Фигнер о шлиссельбуржцах, возьмусь за Диккенса, а там и за что-либо серьезное. Нет, ваша жизнь лучше моей, мне скучно. Целую

Лидуся

2. Письмо В.КОСОВА к Е.В.ВЛАСЕНКО

25.10.33 г. г. Саратов

Милая Женечка!

Получил твою открытку. Очень рад, что все кончилось, как в хороших английских романах: героини поняли друг друга и — помирились. Если и впредь будет перерыв в переписке, знай, не я тому виною, и на объективные условия сваливаю все неполадки вовсе не из-за желания следовать моде.

Шура очень жалел, что не смог увидеть вас — такой удобный случай не скоро теперь представится.

Что касается меня, не знаю, когда смогу покинуть пределы Саратова и проездом заглянуть к вам, т.к. несмотря на весьма значительный срок окончания всяких ссылок и минусов (15 марта с.г.), ни ответа, ни привета.

Женечка, если тебя не затруднит, сходи к Е.П.ПЕШКОВОЙ и узнай, в чем дело, почему я до сих пор не получил уведомления об окончании «минусов» и дальнейшем назначении.

В таком же положении находится и Федос.

Я за последнее время начал поддаваться общему настроению, т.е. начали преобладать минорные нотки. Сначала я склонен был объяснять этот факт чисто субъективными моментами, но потом убедился, что дело тут не в личном, а в чем-то другом, т.к. точно такими же настроениями охвачены и другие, мне подобные. Чего-то нам всем не хватает. Но чего? То ли это кружение идеалов, ибо с каждым годом действительность уходит все дальше от того, к чему мы стремимся, то ли это рост фашистских настроений на Западе, принимающий характер эпидемии и какого-то странного возврата к средневековью.

Недавно получили письмо от Сени Ф. После трехмесячного скрывания ему наконец удалось убежать из фашистской Германии во Францию. Он кратко, но под живым впечатлением пережитых ужасов описывает современный режим Германии.

Как-то не верится, что такие факты имеют место в XX веке в сердце культурной Европы — Берлине. В чем дело? Откуда такие атактистические устремления? Куда идет культурный мир? Надолго ли это? А пока — гнусно и мерзко.

А все-таки я не потерял еще веру в человека, в лучшее будущее его и надеюсь, что не скоро еще потеряю. Ведь мы воспитались на оптимистической философии лучших представителей человечества, которые видели и худшие времена и все-таки шли бодро к намеченной цели и другим указывали путь в страну обетованную... Думаю, что и нам удастся пережить эпоху помрачения, ну, а если не удастся — придут на смену другие, более сильные и смелые и будут продолжать поддерживать прометеев огонь.

О личной жизни писать нечего, ибо она почти отсутствует; кручусь как белка в колесе, не знаю, куда и время уходит: не успеваешь оглянуться — глядь, и день прошел. Не успеваю ничего сделать, едва-едва просматриваю газеты. А хотелось бы серьезно позаняться; в частности историей, социологией, философией, хочется хоть немножко разобраться в происходящих событиях. О науках естественно-математических пока и не мечтаю. Хотя и интересно следить за последними достижениями в области изучения материи, но ей-ей нет времени. Словом, как всегда полон всяких планов и желаний, а осуществить, реализовать ничего не успеваю, чем и оправдываю характеристику, данную, не помню кем-то русскому интеллигенту: «они за все берутся и ни черта не успевают».

С нетерпением жду, когда окончится сумбурное настроение и обрету себя, а пока в ожидании нахожусь в состоянии прострации. Федос живет, как будто, более организованно, во всяком случае, не потерял способности увлекаться и мечтать о прелестях семейной жизни. Шура все еще живет в совхозе и, как Гамлет, мучается проклятым вопросом: ехать или не ехать? И несмотря на мои настойчивые предложения немедленно ликвидировать все и перебираться зимовать сюда к нам, до сих пор не едет.

Ну, пока! Горячий привет Борису от меня и иже со мною.

Пиши, буду очень рад. Крепко жму руку. Твой Вася

3. Письмо А.В.УЙТТЕНХОВЕНА к Е.В. и Б.М. ВЛАСЕНКО

30.08.33 г.

Милые Женя и Борис!

Вы — увьи! — так и не ответили на мое письмо, уж не помню точно от какого числа и какого месяца. На то самое, в котором я просил сообщить мне адрес Вас[илия] Алексеевича, а от себя (т.е. от вас) запросить его, не нужен ли в Ташкенте человек с моими талантами (список талантов был приложен). Увы! А теперь этот адрес мне весьма и весьма пригодился, так как б. супруга моя осела (временно? постоянно?) в Ташкенте. Так что... Ну, да ладно. Может быть вы теперь сможете это сделать? Или, м.б., вы вообще потеряли его из виду? И он совсем не в Ташкенте? Тогда извиняюсь...

Очень бы хотелось получить от вас письмо.

Я порядком побеспокоился, узнав о болезни Маруси. С удовольствием узнал, что все кончилось сравнительно благополучно.

Сравнительно в скором времени, ну, в декабре, например, я собираюсь приехать на отпуск в Москву, и тогда, если вы ничего не имеете против, нанесу вам визит, или даже несколько визитов. Но только, пожалуйста, напишите мне ваше мнение по этому вопросу.

Ну, вот и все. До свидания.

С[аша].

P.S. Для Жени.

Женя, милая! Мне доставило бы большое удовольствие, если ты оставишь себе «на память», как говорится, прилагаемую карточку, изображающую меня в почти профиль. Очень смешная карточка. Глаза на ней не такие бессмысленные, как обыкновенно.

Всего хорошего.

С[аша].

4. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 10083 от 13.11.34 г.
Уполн. СПО УГБ НКВД СССР по Крыму – ЭЛЕНБАУМА,
допросившего в качестве обвиняемой АКСЕНОВУ Лидию Николаевну.

ВОПРОС: Чем была вызвана Ваша, ЛАНШИНОЙ и ГЕРАСИМЧУКА поездка в Бахчисарай?

ОТВЕТ: В связи с приездом ЛАНШИНОЙ нам необходимо было поговорить по душам. Отсутствием в Симферополе квартиры, где можно было бы поговорить без посторонних лиц, была вызвана наша поездка в Бахчисарай.

ВОПРОС: Какие разговоры были между Вами, ГЕРАСИМЧУКОМ и ЛАНШИНОЙ на квартире у ИГНАТЬЕВОЙ?

ОТВЕТ: Я рассказывала ЛАНШИНОЙ больше все о себе, говорила ей о том, что жизнь для меня становится тяжела, потому что я одинока, тяга к анархистской работе у меня огромная и в то же время я не вижу никаких перспектив для работы. Принимать участие в общественной работе по советской работе я не могу, т.к. советская общественная работа по существу не существует, а подменяется принудительным изучением докладов вождей партии. Я спрашивала у ЛАНШИНОЙ о жизни анархистской ссылки, какие существуют новые течения и установки в работе.

ВОПРОС: Что ЛАНШИНА говорила о работе анархистов, и в частности, по существу Ваших вопросов?

ОТВЕТ: ЛАНШИНА говорила о том, что многие хорошие анархисты примыкают к теории Петра АРШИНОВА о создании анархистской партии с твердой программой. Я являюсь противницей данного течения и высказала сожаление по поводу того, что анархисты соглашаются с данной теорией.

ВОПРОС: Вы говорили о бесперспективности Вашей анархистской работы. Когда у Вас возникла мысль о бесперспективности и чем она вызвана?

ОТВЕТ: Мысль о бесперспективности возникла у меня примерно с 1930 г., вернее, тогда у меня было сомнение в возможности работы анархистской в СССР, что укрепилось у меня за последний год. Работу анархистов в СССР я считаю невозможной потому, что нашу базу отбили у нас большевики, создав базу для контрреволюции.

ВОПРОС: Что Вы предпринимаете для создания себе базы для развертывания анархистской работы?

ОТВЕТ: Я уже показала о том, что анархистскую работу в СССР я нахожу невозможной и единственным исходом из этого считаю работу за кордоном.

Записано с моих слов правильно и мне прочитано.

Аксенова

Допросил Уп[олномоченный] СПО

Эленбаум

Присутствовал Нач[альник] 1 Отд[еления] СПО

Тавровский

Копия верна: Уполном[оченный] 1 Отд[еления] СПО ГУГБ НКВД А.Кузнецов
[ЦА ФСБ РФ, Р-35983, л. 69]

ДЕЛО А.В.УЙТТЕНХОВЕНА (1935 г.)

Вторичный арест А.В.Уйттенховена, зафиксированный материалами следственного дела П-5282 (преж. 260, 223237), начатого 15.02.1935 г. по ст. 58/10 УК РСФСР и хранящегося ныне в Архиве УФСБ РФ Архангельской области, по сути своей является прямым следствием и продолжением дела Власенко 1934 г., что подтверждается как его содержанием, так и Постановлением от 02.04.35 г. «о приобщении к делу Уйттенховена А.В. выписок из протоколов допросов обвиняемых Власенко Евгении Владимировны от 15.12.34 г., 03.01.35 г. и 23.01.35 г. и Власенко Бориса Михайловича от 15.01.35 г. и 23.01.35 г., привлеченных СПО ГУГБ НКВД СССР» [П-5282, л. 15].

Будучи направлен по делу «Ордена Света» на три года в ссылку в Архангельск, А.В.Уйттенховен в действительности оказался на положении заключенного ИТЛ, о чем он с горечью писал как в своих заявлениях о пересмотре дела, методично отклоняемых Прокуратурой, так и в своем полу-автобиографическом, полу-фантастическом повествовании «Волшебный роман или описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей», из-за которого он получил не только второй, гораздо более жестокий лагерный срок, но и в последующем неизменные отказы в реабилитации. Познакомившись с содержанием рукописи, удивляться такому обороту дела не приходится: в отличие от десятков и сотен тысяч остальных репрессированных, у которых или изначально отсутствовали какие-либо «вещественные доказательства» их вины, или таковые по завершении делопроизводства заботливо уничтожались вместе с письмами, документами, фотографиями, записными книжками, стихами и прозой самими репрессирующими органами, превратив тем самым индивидуальность в статистическую единицу «з/к», в данном случае при архивно-следственном деле хранилась рукопись на 285 страницах. Написанная рукой самого А.В.Уйттенховена, она повествовала не просто о его жизни, но о тех адских условиях, в которых протекала жизнь тысяч ссыльных в центре Северного Края, каким являлся Архангельск.

Голод, холод, бесправие, несвобода, отсутствие работы, возможности найти хоть какой-то кров и еду, беспечность существования, издевательства чекистов, расстрелы, — все это было описано без страсти и озлобления, холодным глазом очевидца, а потому производило особенно потрясающее впечатление, требующее немедленно пресечь если не жизнь, то свободную деятельность автора рукописи. Сделать это было несложно, поскольку у него была «судимость», он был практически бесправен. Не случайно, отбыв назначенный срок и убедившись, что в Москву ему уже не вернуться (приговор к трехлетней ссылке подразумевал последующее же трехлетнее «прикрепление к месту жительства» с перечислением от шести до двенадцати центров, краев и областей, куда въезд оставался на все это время запрещен), Уйттенховен смирился со своей участью и с местом технического редактора в краевом издательстве, что было по тем временам безусловной удачей.

Теперь всему этому пришел конец, и винить ему можно было только собственную неосторожность и доверие к друзьям. Следствие было кратким, поскольку первый же обыск подтвердил наличие компрометирующей рукописи, а позиция, занятая во время следствия Уйттенховеном, достаточно точно отраженная в протоколах

допросов, исключала необходимость какого-либо дополнительного расследования. Несколько допросов домовладелицы, соседа, сотрудников по работе, никто из которых не смог сообщить ничего порочащего об Уйттенховене или осветить практически отсутствующий у него круг знакомств, позволили завершить все делопроизводство за два месяца, к 15.04.35 г. Еще через месяц с небольшим в деле незадачливого антропософа и анархо-мистика была поставлена последняя точка: Постановлением ОСО НКВД СССР от 26.05.35 г. А.В. Уйттенховен был приговорен за контрреволюционную деятельность к заключению на три года в исправительно-трудовой лагерь, после чего 29.05.35 г. направлен в г. Мариинск в распоряжение начальника Управления Сиблага НКВД.

Дальнейший путь А.В. Уйттенховена по лагерям не совсем ясен. По воспоминаниям Г.В. Гориневского, остающимися еще не опубликованными, он встретил Уйттенховена летом 1936 г. в одном из лагерей в Горной Шории (Кемеровская обл.), куда ездил, чтобы повидаться со своим старым знакомым, анархистом С.В. Тезиковым из группы В.С. Пикунова, и через него познакомился с Уйттенховеном. Как выяснилось, Тезиков, работая расконвоированным геологом, т.е. пользуясь достаточной свободой и, главное, определенными ресурсами, буквально спас погибающего от болезней и истощения Уйттенховена, а затем добился его перевода в свою партию. В 40-х гг. и позднее Уйттенховен работал в Верхне-Волжском речном бассейне конструктором-чертежником. Начиная с середины 50-х гг. он со своей новой семьей жил в той самой Новодвинской крепости, где отбывал когда-то свой первый срок, работая мастером-воспитателем в колонии для малолетних преступников и навещая изредка своих немногих друзей в Москве.

Умер он 18 марта 1966 г. в Заостровском доме инвалидов под Архангельском. По делу 1935 г. он был реабилитирован Прокурором Архангельской области только 19.09.1989 г. Отдельные его стихи и копия рукописи крамольного романа, сохранившиеся в последнем архивно-следственном деле, находятся в РГАЛИ (ф. 3127) и частично опубликованы: «Волшебный роман или описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России (ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей)». // Источник. Документы русской истории. 2001, № 4 (52), с. 52-65; *Никитин А.* Поэзия и проза российских тамплиеров. М., «Аграф», 2002, с. 235-311. Из публикаций А.В. Уйттенховена за время его жизни в Архангельске удалось найти только одну статью в журнале «Полиграфическое производство», где фамилия автора напечатана с искажением: *Уйттенховен А.В.* К вопросу о создании нового шрифта. // Полиграфическое производство, 1934, № 6.

УЙТТЕНХОВЕН Александр Владимирович

Вот, что сообщал о себе 15.02.35 г. Уйттенховен Александр Владимирович, 1897 г. рожд., прож. г. Архангельск, Поморская 80, кв. 1, технический редактор Северного Краевого издательства, на первом допросе 15.02.35 г.: мать — Антонина Карловна Уйттенховен, прож. Москва, Садово-Кудринская 23, кв. 16; бабушка — Уйттенховен, прож. в Бельгии, где — не знаю. В 1922 г. окончил историко-филологический факультет МГУ и два курса ВХУТЕМАСа. Считаю себя анархистом с 1915 г. и по настоящее время, но в анархистских организациях официально не состоял. В 1920 г. получил именные золотые часы от ВЦИКа за службу в Красной Армии. С мая 1918 по октябрь 1930 г. в РККА: с 1918 по 1925 г. в штабе Реввоенсовета Республики и штабе РККА — помощник начальника разведывательного отдела и оперативного. В это же время, 1920—1921 гг. состоял секретарем военного атташе в Латвии. С 1925 по 1927 г. учился во ВХУТЕМАСе и служил в Главном Таможенном Управлении; с 1928 по 1930 г. — в 36-м артскладе Артуправления РККА, сотрудником для поручений, а затем редактором Научно-Технического Комитета Артиллерийского Управления.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 8]

СПРАВКА

(на арест анархиста УЙТТЕНХОВЕН А.В.)

Произведенным 14 февраля 1935 г. обыском у бывшего адм[инистративно]-ссылного анархиста УЙТТЕНХОВЕН Александра Владимировича, проживающего по ул. Поморская, д. № 80, кв. 1, была обнаружена принадлежащая ему контрреволюционная рукопись под названием «Волшебный роман или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей» на 285 страницах, а также и другие к[онтр]революционные документы.

На основании вышеизложенного считаю необходимым бывшего адм[инистративно]-ссылного анархиста УЙТТЕНХОВЕН А.В. — 1887 года рождения, уроженца гор. Москвы, работавшего техническим редактором Севкрайиздательства, подвергнуть аресту и привлечь к уголовной ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР.

Уполномоченный СПО УГБ

Мардаровский

«СОГЛАСЕН» Нач[альник] СПО УГБ

Саенко

«АРЕСТ САНКЦИОНИрую»: прокурор по спецделам [подпись неразборчива]

«УТВЕРЖДАЮ». Зам[еститель] Нач[альника] УНКВД по СК

Шийрон

15 февраля 1935 г.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 1]

ОПИСЬ ВЕЩЕЙ. ЦЕННОСТЕЙ И ДОКУМЕНТОВ,
изъятых у гр. А.В.УЙТТЕНХОВЕНА 15.02.35 г.

1) Повесть «Черная роза» и друг[ие] в 6 гл. — Братья де ля Тур, на 129 печ[атных] листах [речь идет о машинописных страницах. — А.Н.]; 2) Пролог — Рыцари против Бога — на 3-х печ. листах; 3) Летопись жизни и творчества с 1880 по 1933 г. (Андрея Белого); 4) Рукопись УЙТТЕНХОВЕНА под названием «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России (ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей)» в 14 главах на 285 страницах; 5) Статья УЙТТЕНХОВЕНА «Начала композиции» с выписками и примечаниями к ней, в 9 главах; 6) Блокнот с записями на 10 листах — 1; 7) Блокноты с записями — 8; 8) 2 письма от БАРАНОВСКОГО — на 12 листах; 9) Общие письма — на 13 листах; 10) Общие портреты и фотографии — 8 шт.; 11) Открытки — 4 шт.; 12) Перевод — рукопись с немецкой книги «У врат теософии» — 1 общ[ая] тетрадь; 13) Общая тетрадь со стихами — 1; 14) Общая тетрадь УЙТТЕНХОВЕНА с рукописными сказками — 1; 15) Перепечатанные копии сказок, записанных в общую тетрадь, — на 11 л.; 16) Конспект лекций д-ра Штейнера (рукопись, с немецкого) — 1 общая тетрадь; 17) Тетрадь черновиков различных стихов, оригинальных и переводных, — 1; 18) Тетради с черновыми записями — 3 шт.; 19) «Волшебный роман...», глава вставная под названием «Яков» — 32 стр.; 20) Рукописное произведение УЙТТЕНХОВЕНА «Анджело — тиран Подлянский» — 8 листов; 21) Драматическое произведение в 4-х главах Эд. Ван-Ромлинг. Перевод с фр. языка УЙТТЕНХОВЕН А. — на 62 листах; 22) Стихи УЙТТЕНХОВЕНА под названием «МП» — на 8 печ. листах; 23) Рукопись УЙТТЕНХОВЕНА под назв. «Снежная весна» — на 15 печ. листах; 24) Разные наброски и черновики — на 11 листах; 25) Выписки для статьи о древнерусской живописи — 1 экз.; 26) Выписки из католического и православного богослужения — на 16 л.; 27) Папка с разными рисунками — 1 шт.; 28) Немецкая книга д-ра Штейнера — 1 шт.; 29) Замечания к книге д-ра Штейнера — на 13 печ. стр.; 30) Паспорт УЙТТЕНХОВЕНА № 203429 СА — 1 шт.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 3-4об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 17.02.35 г.

ВОПРОС: Скажите, когда Вы написали Вашу рукопись, обнаруженную при обыске у Вас под названием «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтерес-

ной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей», и для каких целей?

ОТВЕТ: Обнаруженная у меня во время обыска рукопись принадлежит мне, написана мною в течение 1931 и частично в 1932 году во время моего нахождения в ссылке на заводе «Конвейер» близ гор. Архангельска. Назвал я написанную мною рукопись «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей», так как она состоит из двух частей. Первая часть состоит из ряда фантастических рассказов, написанных в форме средневековых легенд, во второй части я описал жизнь в ссылке и в концлагере на основании моих собственных наблюдений в течение 1932 г. под влиянием резко изменившихся с моей стороны отношений к Советской власти и некоторым ее мероприятиям, в частности, к так называемой ликвидации кулачества как класса и применению принудительного труда. Исходя из моих политических взглядов, я и решил зафиксировать в художественной форме мои впечатления за время моего пребывания в ссылке и концлагере.

ВОПРОС: Скажите, кого Вы знакомили с содержанием Вашей рукописи?

ОТВЕТ: С содержанием указанной рукописи в части описания северной ссылки и лагеря я никого и никогда не знакомил, потому что я прекрасно понимал, что это произведение является антисоветским и ознакомить с ним кого-нибудь означало бы, что лицо, ознакомившееся с ним, становится моим соучастником. Первая же часть, т.е. вышеупомянутые средневековые легенды, была в свое время, примерно в начале 1930 г., передана мной для издания в издательстве «ЗиФ», но напечатана не была.

Записано с моих слов верно, и мною прочитано, в чем и расписуюсь.

А. Уйттенховен

[АУФСБ АО, П-5282, л. 9-9об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 20.02.35 г.

ВОПРОС: Скажите, кому Вы направляли через Вашу мать письма из Архангельска и о чем Вы в этих письмах писали?

ОТВЕТ: С моей матерью я ни в один из ее отъездов из гор. Архангельска никому письма не направлял.

ВОПРОС: Скажите, о чем Вы просили ВЛАСЕНКО Евгению Владимировну в письме, посланном Вами на ее имя через Вашу мать?

ОТВЕТ: Поскольку в этом вопросе дело идет не только обо мне лично, но и затрагивает третье лицо, я отвечать на этот вопрос отказываюсь.

ВОПРОС: Скажите, чей адрес Вы запрашивали в Вашем письме к ВЛАСЕНКО Е.В. и кто такая «Маруся», которая упоминалась в этом письме?

ОТВЕТ: Никаких показаний, касающихся третьих лиц, я давать не буду.

ВОПРОС: Скажите, при вашем отъезде из Архангельска в Москву, взяли ли Вы с собой рукопись, обнаруженную у Вас при обыске?

ОТВЕТ: В свой первый отъезд из Архангельска в Москву, т.е. в декабре 1933 г., я мою рукопись под названием «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей» взял с собой, а во вторую поездку, т.е. в ноябре 1934 г., я эту рукопись оставил у себя на квартире в гор. Архангельске.

ВОПРОС: Скажите, знакомили ли Вы с содержанием рукописи ВЛАСЕНКО Е.В. в бытность Вашу в Москве?

ОТВЕТ: На этот вопрос показания дать отказываюсь.

ВОПРОС: Скажите, не делали ли Вы попытки издать обнаруженную у Вас при обыске рукопись и как Вы намеревались это осуществить?

ОТВЕТ: Сознывая, что моя рукопись по содержанию является антисоветской, я, естественно, не предполагал издать ее каким бы то ни было образом легально в

СССР, а для издания ее за пределами СССР я не имел никакой возможности.

Записано с моих слов верно, и мною прочитано, в чем и расписуюсь.

А. Уйттенховен

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 10-10об]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 19.03.35 г.

ВОПРОС: Вами написано произведение «Жанна»?

ОТВЕТ: Да, оно является одной из глав повести «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей». Эта глава в отпечатанном на машинке виде была передана одной моей знакомой гражданке, фамилию которой называть отказываюсь. Произведение «Жанна» было посвящено этой гражданке.

ВОПРОС: Скажите, кому Вы давали читать свое произведение «Харуты-маруты?»

ОТВЕТ: Произведение «Харуты-маруты» я давал читать многим моим знакомым, фамилии которых говорить не буду. Следы этой повести потеряны в 1930 г.

ВОПРОС: Кто такой КРАСНОКУТСКИЙ и давно ли с Вами знаком?

ОТВЕТ: На этот вопрос, как на вопрос, заключающий фамилию третьего лица, отвечать отказываюсь. Заявляю, что никаких показаний о третьих лицах (или называть фамилии) не буду и отказываюсь.

Написанное мне прочитано, изложено с моих слов правильно, в чем и подписуюсь.

А. Уйттенховен

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 11]

ПОКАЗАНИЯ УЙТТЕНХОВЕНА А.В. 21.03.35 г.

ВОПРОС: Ваши политические убеждения?

ОТВЕТ: Я анархист-мистик.

ВОПРОС: Ваше отношение к Советской власти?

ОТВЕТ: Мое отношение к Советской власти резко отрицательное. До 1930 г. я, как анархист, считал, что Советская власть является злом, но наиболее допустимым из всех форм политической власти. С 1930 г. во время ссылки я убедился, что Советская власть — одна из худших форм политической власти, быть может, несколько лучше незамаскированного фашизма типа германского.

ВОПРОС: Вы являлись убежденным врагом Советской власти, работали в СевКрайГИЗе и выпускали литературу. Скажите, какими путями Вы протаскивали враждебную идеологию в практической работе?

ОТВЕТ: Я работал техническим редактором СевГИЗа и в качестве такового не мог оказывать никакого влияния на содержание оформляемой мной продукции.

ВОПРОС: Скажите, кто Вам помогал в собирании антисоветских контрреволюционных материалов о жизни в Северном крае, изложенных в повести «Описание неинтересной жизни одного бельгийца в России»?

ОТВЕТ: До приступа составления повести и главы «Красный снег», в которой описаны лагерь и ссылка, я предварительно собирал сведения, расспрашивал у своих сослуживцев и соратников на заводе «Конвеер» в 1931 г., среди которых было много отбывших или отбывавших заключение в лагерях. Фамилии лиц, которые мне давали сведения, я называть отказываюсь.

ВОПРОС: Вы принимали какие-либо шаги по напечатанию Вашей повести?

ОТВЕТ: Зная цензурные условия в СССР, никаких шагов к печатанию своей повести я не предпринимал, никому в издательствах печатать эту повесть я не предлагал.

ВОПРОС: Скажите, какие Вы принимали меры к печатанию Вашей повести за границей?

ОТВЕТ: Никаких мер в смысле печатания своей повести за границей я не предпринимал.

Написанное выше мне прочитано, изложено с моих слов правильно, в чем и подписуюсь.

А.Уйттенховен

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 12-12об]

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 260 по обвинению УЙТТЕНХОВЕНА А.В. по ст. 58-10 УК

В Секрполитотдел Управления НКВД по СевКраю поступили данные, что б[ывший]/адм[министративно]-ссылный анархист УЙТТЕНХОВЕН А.В. у себя на квартире – Поморская ул., д. № 8 (так! – А.Н.), хранит контрреволюционную литературу. На основании этих данных у УЙТТЕНХОВЕН 15 февраля с.г. произведен обыск, при котором обнаружена и изъята рукопись УЙТТЕНХОВЕН контрреволюционного содержания под заглавием «Волшебный роман, или Описание совершенно неинтересной жизни одного бельгийца в России, ныне называемой Союзом Советских Социалистических лагерей».

В этом романе УЙТТЕНХОВЕН описывает жизнь заключенных в трудовых лагерях и административно-высылных. УЙТТЕНХОВЕН пишет, что весь Север заселен живыми призраками, двумя миллионами людей, выполняющих обязанности лошади, что весь лесной экспорт производится руками государственных рабов – заключенных в концентрационных лагерях, спецпереселенцев и административно-высылных. В романе УЙТТЕНХОВЕН распространяет контрреволюционную клевету об органах ОГПУ, о существующих якобы расстрелах, о торговле людьми, о существовании принудительного труда и т.д. (глава 8-я).

На основании вышеизложенного УЙТТЕНХОВЕН А.В. был арестован и привлечен по ст. 58-10 УК.

На допросе обвин[яемый] УЙТТЕНХОВЕН показал, что он, как анархист, под влиянием своих резко враждебных взглядов к Сов. власти и к ее мероприятиям решил зафиксировать в художественной форме свои впечатления за время пребывания в ссылке и в лагерях.

Допрошенная по делу ВЛАСЕНКО Е.В., привлеченная к ответственности СПО ГУТБ НКВД по другому делу, сказала, что обвиняемый УЙТТЕНХОВЕН, будучи в Москве в 1933 г., читал ей рукопись под названием «Похождения одного бельгийца», в которой описывался быт ссылных. Обвиняемый УЙТТЕНХОВЕН показал, что рукопись в 1933 г. в Москву он действительно возил с собой, но отрицает знакомство кого-либо с содержанием этой рукописи.

На основании вышеизложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

УЙТТЕНХОВЕН Александр Владимирович, 1897 года рождения, уроженец Москвы, служащий, беспартийный, признает себя анархистом с 1915 года, судим в 1931 г., решением Особого Совещания быв. ОГПУ за активную к.-р. деятельность по ст. 58-11 УК выслан в СевКрай сроком на три года, до ареста проживал – г. Архангельск, Поморская ул., д. № 8,

В ТОМ, ЧТО,

являясь враждебно настроенным к Сов. власти и партии, написал к.-р. произведение – «Приключение бельгийца в так называемом Союзе Советских Социалистических лагерей» и читал его среди своих знакомых, – т.е. в преступлении, предусмотр[енном] ст. 58-10 УК.

Руководствуясь ст. 208 УПК и инструкцией НКЮ/ОГПУ от 1.XI.1922 г., следственное дело по обвинению УЙТТЕНХОВЕНА А.В. направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

Нач[альник] 1-го Отд[еления] СПО УГБ
«СОГЛАСЕН» Начальник СПО УГБ
13 апреля 1935 года

Проскураков
Саенко

СПРАВКА: 1) УЙТТЕНХОВЕН А.В. арестован 15.02.1935 г. и находится в заключении в след. изоляторе при ГУГБ НКВД по СК.

2) Вещественное доказательство – произведение «Волшебный роман» контрреволюционного содержания находится при деле в особом конверте.

Начальник 1-го Отд[еления] СПО УГБ

Проскуряков

«УТВЕРЖДАЮ». Зам[еститель] Нач[альника] Упр[авления] НКВД по СК

Шийрон

16 апреля 1935 г.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 23-25]

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ОСО НКВД СССР от 26.5.1935 г.:

УЙТТЕНХОВЕНА А.В. за к.-р. деятельность заключить в Исправтрудлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 15.2.35 г.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 28]

ГУГБ Учетно-статистический отдел

29.05.35 г.

Нач[альнику] УСО УГБ УНКВД СевКрая – гор. Архангельск

УЙТТЕНХОВЕНА А.В. <...> отправить с первым отходящим этапом в гор. Мариинск в распоряжение Нач. Упр. Сиблаг НКВД и взять на особый учет, согласно приказа № 257/с – 33 г.

[АУФСБ РФ АО, П-5282, л. 29]

ДЕЛО «ВСЕРОССИЙСКОГО АЛЬЯНСА»

(1936—1937 г.)

Историку, изучающему архивы российского политического сыска этого периода 30-х годов, напрасно искать архивно-следственное дело с таким названием. Более того, мне до сих пор неясно, действительно ли идея «всероссийского альянса анархистов», т.е. объединения не только анархистов разных группировок и течений, но и представителей всех оппозиционных соввласти партий и движений, принадлежит А.А.Солоновичу, или она в провокационных целях была разработана в недрах Секретного Отдела ОГПУ-НКВД, а потом только подсказана неутомимому проповеднику анархо-мистицизма, чтобы раз и навсегда покончить с анархистами. Сейчас, когда еще только-только начинается выборочное изучение и публикация архивных материалов, трудно представить фактический размах последствий этой грандиозной политической провокации, которая должна была разом охватить не только все районы ссылки, места поселений уже освобожденных анархистов, но и всех их единомышленников в центрах.

Это была именно политическая акция, в которой все вовлеченные в нее лица представляли не какую-либо отвлеченную «духовную оппозицию» советской власти, а организацию, наподобие известного «Центра», родившегося в кабинетах той же Лубянки, задачей которой должна была стать подготовка терактов против правительства и вооруженного восстания против коммунистов. Естественно, что с этих позиций — а именно под таким углом зрения рассматривались и истолковывались все, даже самые безобидные поступки людей, охваченных последующими репрессиями, — дело «Альянса» не должно было представлять интерес для исследователя мистических обществ и орденов в России, однако ряд обстоятельств заставляют взглянуть на события иначе.

Во-первых, сам анархо-мистицизм в России изначально был связан с «Орденом тамплиеров» настолько тесно, что ни один из его последователей не смог бы провести четкую границу между духовными исканиями и политическими требованиями, выросшими из анархо-христианских взглядов на власть и свободу личности, поскольку отрицание анархистами и тамплиерами власти и государства логически приводило к отрицанию и советской власти, как насилия над людьми, чего они, к слову сказать, и не скрывали перед следователями ОГПУ. И здесь практически не требовалось усилий, чтобы не-советские взгляды подследственного, т.е. противосоветские, но пассивные, умозрительные, представить как анти-советские, т.е. проявляющиеся в активно направленной противоправительственной деятельности, поскольку, как мы увидим ниже, эти факты приводят сами арестованные: чтение и распространение нелегальной литературы, пусть даже только мировоззренческого содержания, установление организационных связей для помощи ссыльным и заключенным анархистам, организованные сборы средств для такой помощи и получение денег из-за рубежа на эти же цели, установление связей между ссылками, организация нелегальных кружков орденского (т.е. конспиративного) типа для изучения не-советской литературы, поскольку все это направлено на ослабление или противодействие органам власти.

Сказанное поясняет, почему в глазах органов ОГПУ-НКВД любой тамплиер, принявший посвящение в рыцари, т.е. вошедший в тайный кружок или общество, автоматически представлял анархистом, противником советского тоталитарно-реп-

рессивного строя. А поскольку во главе «Альянса» оказывались ведущие анархисты, анархо-мистики и «тамплиеры», то собственно тамплиеры попадали сюда «по определению».

Во-вторых, и это тоже знаменательно, дело «Альянса» впервые показывает на широком материале отработанный до мелочей и введенный в практику массовых репрессий принцип наказания за поступки, совершенные в прошлом, за которые человек уже был некогда репрессирован и затем восстановлен в правах. С этих пор такой принцип «повторности» в советской юриспруденции будет применяться вплоть до первой половины 50-х гг., отражая в материалах каждого последующего дела арестованного факты его жизни далеких лет, что делает эти материалы особо ценными для исследователя духовных движений.

В-третьих, и это, может быть, самое главное, следует сказать, что многие показания арестованных по делу «Альянса» явились источником новых ветвей репрессий против тамплиеров, на этот раз в научных кругах. В первую очередь, это касается показаний Г.В.Гориневского¹, использованных для возбуждения дел против ленинградской группы тамплиеров (А.А.Синягина, Ю.К.Щуцкого, Ф.Б.Ростопчина и др.), а также М.А.Назарова и Д.С.Недовича, чьи показания легли в основу разработки дел московских мистиков (А.Н.Ершова, Л.А.Никитина, Б.А.Смирнова²), без которых последующие аресты и процессы были бы малопонятны.

Что же касается историка общественной жизни России тех лет, то его не может не заинтересовать в деле «Альянса» достаточно четко отраженный в процессе пересмотра дел факт широкого использования органами ОГПУ-НКВД повсеместно разветвленной и взаимно пересекающейся сети «секретных сотрудников», выступающих одновременно осведомителями и провокаторами, т.е. принимающими участие в тех самых действиях, в которых затем они по команде органов ОГПУ-НКВД обличают соучастников. Среди них студенты (И.И.Иоффе), преподаватели, сломленные следствием (А.С.Поль) или согласившиеся на сотрудничество в обмен на Орден даже принимающие орденское посвящение (Д.С.Недович), анархисты, освобождаемые для провокаций из ссылки или из лагерей (Г.Г.Волков) и т.д.

Другими словами, материалы дела «Альянса» оказываются во всех отношениях важнейшим источником для истории российского общества этого периода, если только сумеет их прочесть «в контексте эпохи». Последняя оговорка весьма существенна.

Дело в том, что примерно с этого момента или несколько раньше коренным образом меняется ведение следствия и оформление следственных материалов. Если в предшествующее время следователь, можно сказать, впервые знакомился с арестованным и был заинтересован в получении возможно более широкого круга сведений о нем самом, его биографии, его деятельности, мыслях и даже семейном окружении, то теперь, в связи с разработкой «повторников», открытию следствия и аресту подследственного предшествует составляемая на него справка, содержащая его краткие биографические данные, почерпнутые из предшествующих дел, и факты, требующие его ареста и предопределяющие заранее его судьбу. Самым ярким примером подготовки дела «Альянс» может служить зафиксированный делопроизводителем факт извлечения в 1936 г. из архива ОГПУ для реформирования и изучения дела «Орден Света» 1930 г., откуда и были почерпнуты основные компрометирующие факты на П.А.Аренского, С.Р.Ляшука, А.А.Солоновича, а в последующие волны репрессий — использование уже протоколов допросов подследственных «Альянс» в составе следственных дел 1948–1951 гг. в качестве основного материала обвинения (следственные дела Г.В.Гориневского, С.Р.Ляшука, В.В.Губерт-Поспеловой и др.)

Соответственно, у следователя коренным образом изменилось и отношение к подследственному. Теперь его задача не получение информации на допросе, а только ее освещение. Если и прежде далеко не все протоколы допросов попадали в следственное дело, причем часто они писались самим подследственным как ответы на поставленные перед ним вопросы или некое «исповедание», то теперь протокол пишет только следователь, а во многих случаях оформляет его заранее на основании

ранее данных показаний, взятых им за основу, но интерпретированных исключительно так, как нужно «следствию». О том, как это происходило, в своем обращении к Генеральному Прокурору СССР Р.А.Руденко писал С.А.Солонович, сын А.О.Солонович и А.А.Солоновича, повторно арестованный осенью того же 1936 г.:

«Первый же допрос, učinенный мне следователем в 1936 году, окончился тем, что мне пришлось отказаться подписывать составленный им протокол, ибо в нем он записывал не мои ответы на его вопросы, а – вероятно – то, что ему хотелось бы услышать от меня. Например (точно вспомнить сейчас не могу, но по смыслу это было так), следователь ставил вопрос: «Бывали ли Вы в 1935-36 годах у Басовой?» Я отвечал: «Кажется, в апреле 1936 года я один раз был у Басовой». Следователь мой ответ записывал в таком виде: «Да, я бывал на контрреволюционных собраниях у Басовой...» [ЦА ФСБ РФ, Р-330031 (преж 251739, Н-10849), л. 62-63].

То же самое мы находим в материалах следственных дел «Альянса». На первый взгляд, такое положение, когда сами подследственные определяют свои действия «антисоветскими», а организации «контрреволюционными», способно полностью дезавуировать их показания, предположив, что и все остальное также придумано следователем. Между тем, такой максимализм здесь неуместен. Чтобы извлечь заключенную в допросах позитивную информацию, исследователь должен уметь а priori очистить текст от каких-либо «оценочных» определений, для того, чтобы в последующем оперировать исключительно фактами, выделяя из них реальные (встреча, разговор, знакомство, поездка, письмо и т.д.) и навязанные, т.е. такие же, но имеющие целью соединить то, что не было соединено, или представить какой-либо факт (напр., передачу А.А.Солоновичем книги Кропоткина ссыльному анархисту С.М.Зильбергу³ для прочтения) в превратном толковании (для подготовки организации).

Наметив таким образом место и значение материалов следственных дел «Альянса» в истории Ордена тамплиеров, следует остановиться еще на одной немаловажной особенности, отразившейся в настоящей публикации.

Как я уже говорил, ни следственного дела, ни сколько-нибудь определенного комплекса с таким названием в архивах нет. Однако существуют архивно-следственные дела, объединяемые повторением одних и тех же имен и наличием одних и тех же протоколов допросов, представленных иногда не только машинописными, но и стеклографированными копиями показаний ссыльных Д.А.Бема, М.С.Мокринского⁴ и С.М.Зильберга, арестованных в Каргасоке Томской области в связи с арестом там же А.А.Солоновича, а равным образом и московских подследственных в иных комбинациях⁵. Собрать и изучить их все, похоже, оказалось не под силу даже следственным бригадам, составлявшим обзорные справки на предмет реабилитации оставшихся в живых или их родственников, тем более, что некоторые из этих дел в настоящее время находятся не в месте производства, а в совершенно неожиданных местах хранения. Так, например, в определенной степени «ключевое» дело 1937 г. № 956279/особ. на Солоновича А.А., Бема Д.А., Мокринского М.С. и других, составленное в Томске, 18.08.56 г. было почему-то направлено для хранения из Военной Коллегии Верховного Суда СССР за № 44-08329-56/021549 в учетно-архивный Отдел УКГБ Ставропольского края [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 214]. Другими словами, единственно возможный путь исследователя истории Ордена тамплиеров состоит в извлечении из всего обширного и тенденциозного производства по делу «Альянса» документов, способных пролить свет как на фактическую сторону происшедшего (люди, их поступки, последовательность событий), так и на судьбу орденского движения в целом.

Следует признать, что в полной мере выполнить эту задачу мне не удалось. За пределами настоящей публикации осталось несколько безусловно важных для истории Ордена документов, как, например, заявление Б.В.Коростелева⁶ в НКВД СССР от 14 мая 1937 г., в котором он подробно рассказывает о том, как он попал в Орден и какая с ним проводилась работа⁷, автобиография Г.В.Гориневского [ЦА ФСБ РФ, Р-11994, т. 1, л. 474-475] и ряд других материалов, однако потери здесь относительные.

Гораздо существеннее отметить, что некоторые документы я вынужден воспроизвести в редакции В.В.Налимова как они опубликованы в его «Канатоходце» без указаний на листы подлинного дела, не имея возможности (за исключением небольших фрагментов) проверить их идентичность оригиналам. Причина заключается в том, что в период моего знакомства с В.В.Налимовым и работы над материалами о московских тамплиерах в ЦА ФСБ РФ сам он ознакомился с материалами «Альянса», по делу которого был репрессирован в 1937 г., рассчитывая их все опубликовать. Естественно, дублировать эту работу не имело смысла. Поэтому, учитывая взаимную заинтересованность в полноте публикаций, мы тогда договаривались, что копирование документов «Альянса» берет на себя Ж.А.Дрогалина, тогда как я ограничиваюсь их общим просмотром и самыми необходимыми выписками, рассчитывая в будущем пользоваться уже их исчерпывающей публикацией для ссылок.

К сожалению, в дальнейшем планы В.В.Налимова, как видно, изменились, и в его автобиографическое повествование из дела «Альянса» оказались включены только те документы, которые были непосредственно связаны с его личной судьбой и судьбой А.О.Солонович, причем, как я уже заметил, не только без указания на номера и листы архивно-следственных дел, но в ряде случаев и с опущенными датами их составления⁸. По счастью, знакомясь с документами «Альянса», я все же скопировал наиболее важные из них, а из ряда других сделал фрагментарные выписки, что позволило проверить часть опубликованных Налимовым текстов, но не всегда помогало восстановить источник или дату документа. Пишу это для того, чтобы объяснить как вынужденные републикации, так и отсутствие при них необходимых исходных данных, в этом случае восполняемых только ссылками на страницы книги Налимова.

Так что же собой представляло дело «Альянса» с точки зрения фактов и задействованных в этом трагическом фарсе лиц?

Одной из центральных фигур дела «Альянса», вокруг которой строилось все дело, безусловно следует считать А.А.Солоновича. Приговоренный по делу «Ордена Света» к 5 годам заключения в Ярославском политизоляторе, в июне 1933 г. Солонович был досрочно выслан в Каргасок — районный центр Томской области, один из центров ссылки анархистов, с которыми он успел кардинально испортить отношения еще на воле. Ссылка Солоновича «не приняла», о чем единодушно свидетельствуют показания Бема, Мокринского и Ляшука, сославшегося на мнение освобожденного в 1936 г. его прежнего соратника по Музею Кропоткина, Н.Р.Ланга, который, по словам С.Р.Ляшука, *«теперь очень скверно относится к Солоновичу, считая его основным виновником целого ряда арестов»* [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 125]. Ссылка отвергла претензии Солоновича стать лидером анархистского движения, отвергла его попытки объединить ссыльных в кружки для дальнейшей анархистской работы, расценивая такие попытки как провокацию, и не приняла его как человека, отказавшегося от службы и, по их мнению, устроившего свою жизнь на средства «Черного Креста помощи заключенным и нуждающимся анархистам», которыми распоряжалась его жена, А.О.Солонович, посылая ему или привозя лично деньги каждый год из Москвы. В результате, всю свою накопившуюся энергию Солонович мог расходовать только на случайных знакомых из числа уже заканчивавших ссылку, каковых, по свидетельству Бема и Мокринского, вместе с ними за три с лишним года пребывания Солоновича в Каргасоке можно насчитать не более полутора десятков человек [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, протокол допроса Бем Д.А. от 5-7.03. 37 г., л. 6-7 (79-80)]. Из них Солонович создавал излюбленные им кружки, в которых читал свои сочинения, разбирал вопросы анархистского мировоззрения и анархо-мистицизма, пытаясь из ссыльных создать «всесоюзный альянс анархистов», лидером которого полагал самого себя.

Однако на кого в действительно мог опираться Солонович и на чью поддержку рассчитывать?

Естественным его союзником и сподвижником мог считаться Д.А.Бем, вместе с Солоновичем проходивший по делу «Ордена Света», как и он приговоренный в 5 годам Ярославского изолятора. Однако уже в том же 1931 г. тюремное заключение бы-

ло заменено Бему ссылкой в Нарым, причем еще в январе-феврале 1934 г. Бем жил отнюдь не в Каргасоке, а в Новосибирске, и был направлен в Каргасок только в августе 1934 г., т.е. год спустя после появления там Солоновича, когда приступил к работе плановиком в каргаскомском райисполкоме. Причиной, по которой Бем получил столь резкое облегчение приговора, могло быть только его согласие на сотрудничество с органами ОГПУ-НКВД. Последнее в полной мере подтверждается показаниями Бема в марте 1937 г., выступившего в качестве свидетеля обвинения против А.А. и А.О. Солоновичей (насколько они были важны, показывает тот факт, что эти протоколы размножены и включены во все следственные дела по фигурантам «Альянса»), и его собственным признанием в сотрудничестве, следы которого обнаружены Налимовым «в Протоколе выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, приговорившей Бема к расстрелу [04.06.38 г. – А.Н.]», где отмечено, что «о контр-революционной деятельности Солоновича в порядке личной инициативы [он] сообщал начальнику Райотделения, уточняя, что он, как секретный сотрудник, не сообщил о террористических высказываниях Солоновича» (л.д. 278)⁹.

Эти данные вместе с показаниями Д.А.Бема от 5-7.03.37 г. объясняют перемещение последнего из Новосибирска в Каргасок ввиду необходимости постоянного освещения деятельности и замыслов А.А.Солоновича органам ОГПУ-НКВД со стороны наиболее доверенного Солоновичу лица, каким и являлся Д.А.Бем. Похоже, что таким же секретным агентом ОГПУ-НКВД был и М.С.Мокринский, который, как следует из составленной на него справки, был арестован 21.07.33 г. Красноярским отделом ГПУ по обвинению в организации крестьянского повстанческого движения, 27.11.33 г. приговорен к ВМН, однако приговор этот сначала был заменен на 10 лет ИТЛ, а 03.03.34 г. Мокринский был освобожден из лагеря и сослан в Западную Сибирь (Каргасок) сроком всего на три года (арх.-след. дело № 599027) [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 212]. Учтивая тогдашние «нравы» ОГПУ, иными мотивами объяснить столь гуманные перемены в судьбе безусловного «смертника» я не могу.

Примечательно, что указанным перемещением сначала Мокринского (специалиста по вооруженному восстанию и партизанской борьбе), а затем и Бема, как человека, пользовавшегося полной доверенностью Солоновича, предшествовало в январе 1934 г. письмо Солоновича Бему из Каргасока с просьбой принять освобожденного из ссылки анархиста Г.Г.Волкова, а затем и появление самого Волкова, сообщившего о создании Солоновичем в ссылке нелегального кружка и о его пропагандистской там работе, после чего Волков уехал в Москву, где у него было задание встретиться, во-первых, с А.О.Солонович, и, во-вторых, с И.И.Иоффе, двоюродным братом И.Шаревского¹⁰ с просьбой сообщить тому о времени прибытия Шаревского из ссылки.

Так в деле появляются три новых лица – никому ранее не известный Г.Г.Волков¹¹, анархист из Ярославля, И.И.Иоффе и его двоюродный брат И.И.Шаревский, собственно и определившие «узел связи» Каргасока (А.А.Солоновича) с Москвой (А.О.Солонович). Но для того, чтобы понять причины появления этих фигур, следует вернуться к событиям второй половины 20-х гг., связанным с Музеем П.А.Кропоткина.

После скандалов конца 1927 – начала 1928 гг., вызванных борьбой группировок в Музее Кропоткина (точнее – в Комитете по увековечению памяти П.А.Кропоткина), когда часть анархистов во главе с А.А.Боровым покинула стены Музея¹², произошло значительное обновление личного состава секций Комитета. Сохранившиеся в Рукописном отделе Гос. литературного музея протоколы заседаний [ГЛМ, Рукописный отдел, оп. 7. Музей Кропоткина] отмечают впервые среди присутствующих 09.11.27 г. имена И.Н.Иловайской (Уйттенховен) и О.С.Пахомовой (жившей в одной квартире с С.Р.Ляшуком, как видно, рекомендовавшим ее Солоновичу), которые 16.01.28 г. фигурируют уже в числе новых членов анархосекции наряду с именами Ф.Б.Ростопчина, Г.Д.Ильина и Е.В.Власенко. Но Ростопчин вскоре сменил Москву на Ленинград, остальные оказались в ссылке или в тюрьме, так что единственными идейными наследниками А.А.Солоновича (т.е. принятыми им самим в анархосек-

цию Комитета) оказываются молодые архитекторы Г.В.Гориневский и Е.В.Гориневская-Черкаева, отмеченные впервые протоколом от 02.05.30 г. и не порывавшие с Музеем до ареста Г.В.Гориневского 19.03.37 г.

Однако, кроме официальных членов Комитета, существовал еще и так называемый «актив» Музея, состоявший из людей самого разного возраста, приходивших на организуемые Музеем лекции и вечера, помогавших по мере сил оформлять выставки, распространять билеты, благодаря чему они могли более широко, нежели обычные посетители, пользоваться книгами из музейной библиотеки. В их числе были И.И.Шаревский и его соклассник В.В.Налимов, появившиеся в Музее в конце 1926 г. На протяжении последующих четырех лет, по словам Налимова, они были приняты не только в Музей, где с ними занималась сначала О.С.Пахомова, давая читать «самиздат», в том числе работы А.А.Солоновича, но и в доме Солоновичей¹³. Так постепенно к 1930 г. сложилась группа друзей-единомышленников, состоящая из студенческой молодежи – И.И.Шаревского, В.В.Налимова, Ю.Н.Проферансова (сына Н.И.Проферансова от первой жены), И.А.Тарле (племянника известного историка), в собраниях которой иногда принимал участие двоюродный брат Шаревского – И.И.Иоффе¹⁴.

Собрания эти продолжались не долго, потому что вскоре после окончания следствия по делу «Ордена Света», 16.02.31 г. биолог И.И.Шаревский был арестован по обвинению в создании им в школе им. Нансена (быв. гимназия Флерова) анархо-ружка (свидетели В.А.Буханевич и Е.Л.Жирмунская) и выпуске рукописного журнала анархистского направления «Луч», за что 30.04.31 г. ОСО ОГПУ он был приговорен к высылке в Сибирь (с. Каргасок) на 3 года [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 229 (справка на арх.-след. дело № 575093)].

Как рассказывал В.В.Налимов, следствием прокатившихся арестов стало их сближение, с одной стороны, с М.А.Назаровым, мистиком, с которым они были знакомы по Музею Кропоткина и который взял над ними своего рода шефство после ареста Пахомовой и А.А.Солоновича, и с А.О.Солонович, которая продолжала дело анархо-мистиков в маленьком кружке, состоявшем теперь из Налимова, Назарова, и Проферансова¹⁵.

Досрочный перевод А.А.Солоновича в Каргасок за год до освобождения оттуда Шаревского, а затем встреча Волкова с Иоффе не только чтобы предупредить о скором возвращении двоюродного брата, но также с целью проверить сохранность анархической библиотеки и договориться об извещении его, Волкова, о появлении в Москве Шаревского, вряд ли можно посчитать случайным стечением обстоятельств. Как свидетельствуют документы, Г.Г.Волков был адресно засланным к анархо-мистикам секретным агентом ОГПУ, заданием которого было привести в действие идею А.А.Солоновича о «всероссийском альянсе анархистов». Как указано в обзорной справке на Г.Г.Волкова, составленной 20.02.57 г. по арх.-след. делу № 530 в УАГ УКГБ по Северо-Казахстанской области в связи с пересмотром дела на А.О.Солонович, Волков сотрудничал с органами НКВД с 1930 г. и был арестован 29.09.34 г. (т.е. уже после освобождения из Каргасока и встречи с Иоффе) в Ивановской области по обвинению в участии в «Альянсе анархистов-мистиков» и своей «расшифровке» перед бывшей женой, которой рассказал о своем сотрудничестве с органами НКВД, в результате чего решением ОСО от 22.12.34 г. был сослан в Казахстан на 3 года [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 188]. При передопросе Волков, что одно из заданий, полученных им от уполномоченного НКВД Полякова в июле 1934 г. в гор. Москве, состояло в том, что Волков должен был обехать анархколонию Ульяновска, Пензы, Семипалатинска и установить организационные связи между активным анархистом А.А.Солоновичем и анархколониями, однако задание это он не выполнил, потому как пьянствовал, потерял адреса, документы и деньги. В деле имеется собственноручное заявление Волкова, в котором он описывает по каким причинам не смог выполнить задание и в качестве связной называет А.О.Солонович, которая в 1933 г. ввела его в Нарыме в члены всесоюзного Альянса, так что по окончании срока ссылки он должен был выполнять обязанности эмиссара и восстанавливать связь с пери-

ферией. Однако ОСО НКВД 25.07.1935 г. постановило заключить Волкова в ИТЛ на 3 года [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 188, 190-191], отправив его в Ухтпечлаг.

Так, волею случая главное орудие интриги, каким был задуман Волков, оказалось выведено из игры несогласованными действиями органов того самого НКВД, которое и разрабатывало комбинацию с распространением «Альянса» на всю анархистскую ссылку. Впрочем, как оказалось, предусмотрен был и такой вариант.

И.И.Шаревский вернулся в Москву из Каргасока летом 1934 г. и пробыл в ней около месяца. За это время он успел встретиться со своими друзьями и коллегами из Музея биофака МГУ и Зоопарка, которые помогли ему найти место временно исполняющего должность директора Биостанции МГУ в Лопасне под Москвой, где он работал до 21.10.36 г., наезжая в Москву и встречаясь с друзьями у себя или в доме А.О.Солонович, где под ее руководством продолжались занятия анархо-мистицизмом. По словам И.И.Иоффе, при его передопросе 24.09.56 г. в связи с реабилитационным процессом репрессированных, «Шаревский вернулся из ссылки и решил создать группу для сохранения анархистских идей и литературы» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 290-а], что подтверждает показания свидетелей обвинения о получении им инструкций от А.А.Солоновича, а зная последнего, можно не сомневаться, что инструкций и напутствий при отъезде Шаревского из Каргасока было более, чем достаточно.

Все это объясняет, почему уже 26.10.34 г., т.е. спустя два-три месяца после возвращения Шаревского из ссылки, в органы ОГПУ был вызван его двоюродный брат И.И.Иоффе, который дал следующие показания.

ИОФФЕ Иосиф Исаевич

(1913 — после 1957)

Иоффе Иосиф Исаевич родился в 1913 г. в г. Самарканде, еврей, двоюродный брат И.И.Шаревского; среднее образование получил в 1928 г. в Москве; в 1931 г. поступил в МХТИ им. Менделеева (с 1933 г. на дневном отделении), который и закончил. В 1956-57 гг. — ст. научный сотрудник НИИ органических продуктов и красителей Минхимпрома СССР, член КПСС.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ИОФФЕ И.И. от 26.10.34 г.

Родился в 1913 г. в г. Самарканде. В 1917 г. я с родителями переехал в г. Харьков, где поступил в среднюю школу, где проучился до 1921 г. Затем переехал в Москву, где поступил в школу, которую окончил в 1928 г. Затем поступил на химкурсы, которые окончил в 1930 г. Затем работал в Мос[ковском] гос[ударственном] хим[ическом] заводе им. Войкова, в НИОПИК и в МХТИ в качестве лаборанта, на меховой фабрике (химиком) и на Дорогом[иловском] хим[ическом] заводе Анилтреста ст. лаборантом. В 1931 г. поступил в МТИ на вечернее отделение анилокрасочной специальности и в декабре 1933 г. на дневное отделение и бросил работу.

По своим убеждениям я являюсь анархистом, лиц, имевших связь со мной по линии анархической деятельности я называть отказываюсь, несмотря на то, что мне известно, что их деятельность направлена во вред существующему строю. За время нахождения ШАРЕВСКОГО в ссылке, я имел встречу с приехавшим из ссылки человеком, который просил меня уведомить его, когда придет ШАРЕВСКИЙ, и дал адрес, фамилии и адреса этого человека я не назову. От ШАРЕВСКОГО я получал книги анархического содержания, но изданные после Октябрьской революции, при Сов. власти.

По своим убеждениям я являюсь анархистом, известных мне анархистов я называть отказываюсь, хотя мне известно, что деятельность анархистов направлена во вред Советской власти. В настоящее время связь с ними, кроме моего двоюродного брата ШАРЕВСКОГО, я не поддерживаю.

Во время нахождения ШАРЕВСКОГО в ссылке ко мне явился человек, приехавший также из ссылки и просивший меня уведомить его о приезде ШАРЕВСКОГО по указанному им адресу. Этого я не сделал.. Фамилию и адрес этого человека, равно как и другие фамилии анархистов и связанные с ними обстоятельства, время и место называть отказываюсь.*

Первое мое знакомство с анархизмом началось в 1927 г. через ФИШЛЕВА-РАЕВСКОГО, проживающего в нашем доме по Ст[аро]-Конюшенному пер., вокруг которого группировались ШАРЕВСКИЙ, НАЛИМОВ Василий Васильевич (в Тимирязевской академии), ГЕНДЕЛЬМАН Елена Михайловна (в ссылке, ранее проживала под Москвой) и я. От него мы получали литературу по вопросам анархизма. Через него я познакомился с музеем им. Кропоткина, где происходили лекции по вопросам анархизма. По музею я познакомился с Ольгой Степановной ПАХОМОВОЙ, у которой перепечатывались лекции и рукописи СОЛОНОВИЧА. ПАХОМОВА руководила ячейкой, в которую входили указанные четыре человека. Потом присоединился ТАРЛЕ Игорь Александрович (ныне умер).

Из кружка ШАРЕВСКОГО, который тот создал в школе им. (Флерова) Нансена, я знаю БУХАНЕВИЧА Вадима, ЖИРМУНСКУЮ Елену, ВАССЕРБЕРГА Виктора (учится), ШВАРЦМАНА Льва. Кружок выпускал журнал антикомсомольского направления, но кроме ШАРЕВСКОГО никто себя анархистом не считает. В 1928 году мы посещали СОЛОНОВИЧЕЙ Алексей Александровича и Агнию Онисимовну, где велись беседы. Сергея СОЛОНОВИЧА встречал, но хорошо его знает ШАРЕВСКИЙ, работавший вместе с ним в ОТПЭ, а я с ним не знаком. От ШАРЕВСКОГО я слышал с Борисе МЕДНИКОВЕ, биологе, но узнал о его принадлежности к анархизму лишь после его ареста. По музею знаю БОРОВОГО, БЕМА, НИКИТИНА. Организация, руководимая СОЛОНОВИЧЕМ, строилась по принципу сети отдельных ячеек, объединенных через центр. Каждая ячейка должна была воспитывать кадры и подбирать людей. Мною лично был вовлечен ТАРЛЕ.

После ареста СОЛОНОВИЧА, ПАХОМОВОЙ и ШАРЕВСКОГО встречались некоторое время я, НАЛИМОВ, ТАРЛЕ, Юра ПРОФЕРАНСОВ, в настоящее время в ДВК. Настроены ПРОФЕРАНСОВ и НАЛИМОВ антисоветски.

После прошедших арестов руководства НАЛИМОВ и я ходили к Михаилу Алексеевичу [НАЗАРОВУ], прож. в Глазовском переулке, в котором познакомились через СОЛОНОВИЧА и который не был арестован. Из связей Михаила Алексеевича я никого не знаю, кроме его племянника лет 22-24-х. В июне 1934 г. ко мне прибыл из ссылки ВОЛКОВ с запиской от ШАРЕВСКОГО «карат в счет кипячения чайника» («карат» от слова «акрат», т.е. анархист, «кипячение чайника» — разговор на анархические темы), который просил у меня литературу, принадлежащую ШАРЕВСКОМУ. Я ему ее не дал, т.к. она спрятана у ЧЕРЕВКОВА Михаила Степановича, художника, и вероятно пропала.

Также он просил сообщить ему адрес и прибытие ШАРЕВСКОГО по адресу Ярославль, до востребования.

По приезде ШАРЕВСКИЙ сообщил, что СОЛОНОВИЧ дал установку не распадаться, работать над собой, читать литературу, подбирать людей, работать самостоятельно и, что, когда будет необходимо, будут даны соответствующие указания через специальных людей.

Приехав, ШАРЕВСКИЙ виделся со мной, НАЛИМОВЫМ, Сергеем СОЛОНОВИЧЕМ и с биологами в музее биофака МГУ и Зоопарка, фамилий коих не знаю. Пробыв в Москве около месяца, он выехал в Лопасню, куда его устроил завмаг Зоопарка, и несколько раз приезжал в Москву, и мы несколько раз собирались втроем для бесед — я, НАЛИМОВ, ШАРЕВСКИЙ. По прибытии Агнии СОЛОНОВИЧ мы предполагали связаться с ней.

1. В 1927 г. я, будучи на даче в д. Воскресенка Чубаревского р-на Днепропетровской обл. познакомился с гр[аждани]ном БРЕШКОВЫМ Игорем, 1912 г. рожд., учащимся, который интересовался вопросами анархизма. В 1929 г. (м.б. в 1930 г.) он мне прислал письмо из г. Запорожье политического содержания, после чего я пое-

хал к нему, привез ему анархолитературу в издании «Голоса Труда», он предполагал повести работу в Запорожье. Второй раз в 1930 г. я был у него, привез литературу и рукописную статью БАТРАКА по деревенскому вопросу, полученную от ПАХОМО-ВОЙ. В конце 1930 г. до ареста ШАРЕВСКОГО, м.б., проездом в г. Надежинск, он посетил меня в Москве, где познакомился с ШАРЕВСКИМ, ТАРЛЕ, и заходил в музей. Второй раз в 1932 г. он приехал из Надежинска, встретился со мной и вернулся в Запорожье. С тех пор он прислал мне одно письмо из района под Запорожьем и с тех пор связь с ним порвалась (лето 1932 г.).

2. В 1930 г. Игорь ТАРЛЕ привлек к анархоработе 2-х студентов землеустроительного техникума КУКУЛЕВИЧА Анатолия Михайловича, 1912 г. рожд., и СКУДРА Екатерину. Они ставили задачей выпуск и размножение нелегальных анархо-материалов и сделали гектограф, на котором отпечатали статьи ТАРЛЕ анархического содержания. Было отпечатано около 40 экземпляров. По неосторожности КУКУЛЕВИЧА, у него во время землемерной съемки увидели листовку и отправили [его] в ГПУ, однако забыли захватить ее [листовку. — А.Н.] с собой и СКУДРА успела ее уничтожить. КУКУЛЕВИЧ же был отпущен. Т.к. [они] боялись ареста, то листовки и гектограф были уничтожены. В настоящее время КУКУЛЕВИЧ и СКУДРА в Ленинграде. Сведений о их активной работе в настоящее время у меня нет.

3. В кружок ШАРЕВСКОГО в школе им. Нансена входит еще БЕЛОБЖЕВСКИЙ (брат Антона — имя не помню), живет в Москве.

Записано верно с моих слов, что подписью подтверждаю Иоффе
[Р-11994, л. 629-631; копия; подлинник в арх.-след. деле № 243745 на Иоффе И.И.]

* Этот повтор текста с разночтениями присутствует в оригинале.

Отсюда можно заключить, что И.И.Иоффе был отнюдь не «Сальери», испытывавший комплекс неполноценности по отношению к своему двоюродному брату, И.И.Шаревскому, как то предположил в своей книге В.В.Налимов¹⁶. Нажиму следователей он сопротивлялся, насколько хватило у него сил, и сдался так же, как сдавались и ломались более зрелые и опытные люди. В результате, И.И.Иоффе стал «секретным сотрудником», обреченным доносить на друзей и знакомых по первому требованию органов НКВД-МГБ, что он и подтвердил на допросе 1956 г.: «Осенью 1934 г. меня вызвали в ОГПУ и предложили сообщать об этой группе и связанных с нею лицах более старшего поколения <...> и с того времени [я] систематически информировал органы» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 291 и 298].

Круг «лиц более старшего поколения», действия которых также должен был «освещать» Иоффе, состоял из А.О.Солонович, ее сестры — А.О.Болотовой, жившей с нею вместе, и М.А.Назарова, а также всех, кто мог попасть в поле его зрения в домах Назарова и Солонович.

Безусловно, первым, основным и самым важным для органов ОГПУ в разработке этого дела лицом являлась Агния Онисимовна Солонович¹⁷, жена А.А.Солоновича. Начиная с 1919 г., сначала в составе секретариата, а после всех арестов и запрещений — единолично, она возглавляла «Черный Крест помощи заключенным и нуждающимся анархистам» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 12], собирая на это средства как в России, так и поддерживая для этой цели контакты с анархистами Парижа, пересылавшими деньги на Музей Кропоткина, и с русскими анархистами в США (Детройт и Чикаго), где Р.З.Эрманд-Долинин издавал газету «Рассвет» и журнал «Пробуждение», служившие центром для всей русской анархической диаспоры за рубежом. В этих же целях А.О.Солонович по возможности поддерживала связь с отдельными ссыльными анархистами, выполняя роль посредницы между ними и Пешковой, а начиная с 1932 г. ежегодно совершала поездку сначала в Петропавловск (Казахстан), где в ссылке находился ее сын С.А.Солонович¹⁸ со своей женой, а затем и в Каргасок к мужу, останавливаясь в Томске [ЦА ФСБ РФ, Р-33031 (преж. 251739, Н-10849), л. 36об]. Вполне естественно, что во время этой поездки она встречалась с огромным количеством ссыльных, в том числе и с москвичами, проходившими по делу «Ордена Света», мно-

гие из которых, как В.И.Сно, М.М.Пальмов и др., уже были секретными осведомителями¹⁹, собирала обширную информацию об условиях жизни, настроениях и нуждах каждого, передавала адреса, поэтому органы ОГПУ проявляли крайнюю заинтересованность в многостороннем освещении ее деятельности, полагая, что она выполняет поручения своего мужа по объединению анархистов ссылки.

Но дело было не только в ссылке. Как следует из показаний Ю.Н.Проферансова²⁰, и И.С.Брешкова²¹, подтверждающих показания И.И.Иоффе, а также В.В.Налимова, подтверждающего в своей книге всю фактическую основу этих и тогдашних своих показаний, А.О.Солонович в плане работы с молодежью действительно выполняла указания своего мужа, доведя ее в 1935 г. до посвящения Ю.Н.Проферансова и В.В.Налимова в первую орденскую степень. Одновременно на протяжении всех этих лет после разгрома Ордена она продолжала вести орденский кружок, состоявший из ее сестры, А.О.Болотовой, М.А.Назарова и его сестры, Е.А.Назаровой, подтвердившей фактическую сторону своих показаний на допросах 1937 г. двадцать лет спустя, при передопросе 13.03.57 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 137-138]. Более того, начиная с 1934 г., несмотря на безусловную недопустимость подобных действий в условиях многостороннего над ней контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД, А.О.Солонович (вероятно, под давлением А.А.Солоновича) предприняла шаги по расширению состава своего кружка, введя в него сначала инженера ЦАГИ Б.В.Коростелева, а затем Д.С.Недовича, блестящего филолога, искусствоведа, в прошлом заведующего Античным отделом Музея изящных искусств и сотрудника ГАХН, который в 30-х гг. работал вузовским преподавателем иностранных языков и литературным переводчиком античных и средневековых авторов. Недович еще в 1933 г. дал свое согласие на секретное сотрудничество с органами ОГПУ-НКВД по освещению мистических кружков и деятельности тамплиеров [ЦА ФСБ РФ, Р-20632 (преж. 7445, 36253-44, 0389800), л. 70об], а уже в начале 1935 г. над Назаровой и Недовичем был совершен А.О.Солонович обряд орденского посвящения, от которого Коростелев отказался, не желая связывать себя столь радикальным шагом.

Впрочем, в осведомителях, следивших буквально за каждым шагом А.О.Солонович в Москве, недостатка не было. Такими были некая Е.А.Алексеева, зав. секретариатом МАИ, в прошлом – соклассница А.О.Болотовой по карачевской гимназии, которая подтверждала в 1957 г., что «о своих посещениях СОЛОНОВИЧ Агния я сообщала в органы НКВД» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 304], и О.К.Иванова-Нечаянная²², сообщавшая, что «в конце января 1934 г. у себя на квартире А.О.СОЛОНОВИЧ говорила, что «XVII съезд ВКП(б) – это сборище мерзавцев и негодяев», <...> а в конце июня... высказывалась: «Большевики притесняют не только беспартийных, но и друг с другом живут, как кошка с собакой, – чуть левой, чуть правой генеральной линии – пожалуйте в застенки на Лубянке, где заплатились своею жизнью многие умные люди. ГПУ временно задушило анархизм, но не анархист тот, кто поет и преждевременно складывает оружие; сейчас безумие устраивать многолюдные анархические собрания, но тесное общение маленьких групп необходимо». Однако наиболее любопытно ее сообщение «об одном собрании мистиков, состоявшемся 7 мая 1934 г. в Сокольниках (в сафее), которое возглавляли анархисты братья ПОЛЯКОВЫ – Григорий и Лазарь, на котором была и СОЛОНОВИЧ Агния. Григорий ПОЛЯКОВ, выбранный на этом собрании «рулевым», обратился к присутствующим с речью приблизительно следующего содержания: «власть забрали воинствующие еврей-марксисты, превратившие страну в застенки; сейчас идет «грызня» за власть, что означает слабость внутри партии; отсюда задача – везде, где только можно, разваливать советский аппарат, лезть в ударники, делать карьеру и вредить незаметно, подпольно». Позже я встретила Григория ПОЛЯКОВА одетым в военную форму с красными петлицами и ромбом» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 92об].

22.04.35 г., т.е. сразу же после принятия орденского посвящения, был арестован М.А.Назаров, однако через четыре месяца, 26.08.35 г., отпущен и взят под усиленный надзор. Наконец, в постоянном контакте с А.О.Солонович и с А.М.Назаровым, как по музейной, так и по орденской работе были Е.В. и Г.В.Гориневские, причем послед-

ний по своим связям с Музеем Кропоткина, А.А.Солоновичем и анархо-мистиками уже подвергался аресту в 1930 г., но по какой-то причине был вскоре выпущен, не оставив никаких следов своих показаний в сохранившемся следственном деле²³.

Развязка наступила осенью 1936, вскоре после того, как А.О.Солонович вернулась в Москву из очередной поездки в Каргасок, где ее ожидал жестокое моральное потрясение: приехавшая к Д.А.Бему в гости Н.С.Болотова, пианистка из Новосибирска, поведение которой можно объяснить только выполнением ею конкретных указаний органов ОГПУ, настолько увлеклась А.А.Солоновичем, что осталась с ним жить в Каргасоке на правах жены, в результате чего приехавшей летом 1936 г. и ни о чем не подозревавшей А.О.Солонович пришлось остановиться на квартире у Д.А.Бема. Возможно, на последствия такого потрясения и рассчитывали органы ОГПУ-НКВД, начавшие в октябре 1936 г. аресты по делу «Всероссийского альянса» 1936–1937 гг.

Его основанием стало заявление (т.е. донос), затребованный Лубянкой от И.И.Иоффе.

В НКВД СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до сведения органов Государственной Безопасности, что в Москве существует нелегальная анархистская группа, в которую входят: ШАРЕВСКИЙ Иосиф Исаакович, НАЛИМОВ Василий Васильевич, ПРОФЕРАНСОВ Юрий Николаевич, БРЕШКОВ Игорь. Указанная группа в течение ряда лет проводила нелегальные собрания, на которых разбирались вопросы международной и внутренней политики и подвергались критике мероприятия Советского правительства; разрабатывались философские, экономические и религиозные вопросы с точки зрения анархизма и анархо-мистицизма, обсуждались организационные вопросы о привлечении новых членов в группу и расширении анархического движения. Группа находилась под идейным руководством Алексея Александровича СОЛОНОВИЧА и находилась с ним в организационной связи, сперва через ПАХОМОВУ Ольгу Степановну, затем после ее ареста, через НАЗАРОВА Михаила Алексеевича и наконец последние годы непосредственно была связана с Агнией Анисимовной СОЛОНОВИЧ. Через указанных лиц группа получала отпечатанные на машинке произведения Алекс[ея] Ал[ександровича] СОЛОНОВИЧА и анархистские книги издательства «Голос Труда».

В мае с.г. членами группы в районе ст. Румянцеве Бел[орусской] ж.д. была закована партия анархистской литературы, содержащей собрания сочинений Бакунина, Кропоткина, книга Карелина и ряд других брошюр издательства «Голос Труда». Все книги были получены от Агнии СОЛОНОВИЧ и заковка была произведена о ее одобрения. Находясь под непосредственным руководством Агнии СОЛОНОВИЧ, группа перевела ей материальные средства предназначенные для «Черного Креста», т.е. для развертывания анархистской работы, а также для помощи лично Алексею Александровичу СОЛОНОВИЧУ.

20.VII.36 г.

И.Иоффе

Москва, Арбат, Малый Николо-Песковский д. 14, кв. 1.

[Р-11994, л. 302]

Следующим шагом к развертыванию дела «Всероссийского альянса анархистов» явилась составленная во 2-м отделении СПО ГУТБ соответствующая справка на арест А.О.Солонович.

СПРАВКА

СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, 1888 г.р., ур[оженка] г. Карачева, машинистка музея им. Кропоткина, со сред. образованием, анархистка с 1916 г., не репрессировалась. Проживает: Полуэктов пер. д. 3 кв. 4.

Активная участница анархо-мистической организации, ближайшая помощница руководителя анархо-мистического подполья СОЛОНОВИЧА А.А. В 1924-30 гг. входила в руководство к/р организации «Орден Света». При ликвидации организации привлечена к ответственности не была.

С 1924 г. по настоящее время является уполномоченным «Черного Креста (нелегальная организация помощи ссыльным и заключенным анархистам), собирает членские взносы, поддерживает связь с заграницей (Париж, Детройт), откуда получает денежные переводы.

После ликвидации в 1930 г. «Ордена Света» СОЛОНОВИЧ А.О. является лицом, вокруг которого консолидируются анархисты-мистики гор. Москвы, а также выполняет функции связистки между руководителем и инициатором создания к/р анархической организации «Альянс» — СОЛОНОВИЧЕМ А.А. и московскими анархо-мистиками.

СОЛОНОВИЧ А. О. неоднократно выезжала в с. Каргосок к мужу А.А.СОЛОНОВИЧУ для получения инструкций, осуществляет идеологическое руководство к/р анархистской группой ШАРЕВСКОГО. Лично завербовала в к/р организацию НЕДОВИЧА Д.С. и НАЗАРОВУ Е.А., и провела у себя на квартире обряд их посвящения в мистическую «степень».

«Агния СОЛОНОВИЧ сообщила, что очередное собрание «отряда» состоится 24.3.1935 г., что пока они будут встречаться в прежнем составе, но в дальнейшем удастся встретиться со старыми членами «ордена» (из сообщения от 29.03.1935 г.).

«В конце она (СОЛОНОВИЧ) заявила, что пора молодежи взять на себя дело анархизма, т.к. старики сходят со сцены... Относительно хранения литературы (анархистской) СОЛОНОВИЧ заявила, что вполне надежной мерой является покупка недалеко от Москвы владения с участком, где можно сделать подземное хранение... Касаясь общих вопросов, СОЛОНОВИЧ высказала мысль, что в мире правит группа мистиков, олицетворяющих «темные силы», что фашизм и большевизм — это две стороны одного и того же» (из сообщения от 21.9.1936 г.).

Подлежит аресту.

Пом[ощник] Нач[альника] 2 отделения СПО ГУГБ
14 октября 1936 г.

Градов

[ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 1-2.]

В ночь на 22.10.36 г. в Москве были арестованы А.О.Солонович, В.В.Налимов²⁴, И.И.Шаревский, затем 24.10.36 г. — Ю.Н.Проферансов, находившийся в Минске; 27.10.36 г. были арестованы (вторично) старший сын Солоновичей — С.А.Солонович и его шурин, В.К.Покровский²⁵, проходивший с ним в качестве члена «анархического кружка». Третий член «кружка», жена С.А.Солоновича, избежала нового ареста по причине рождения второго ребенка. Но поскольку ни С.А.Солонович, ни В.К.Покровский не были связаны напрямую с делом «Альянса», можно полагать, что эти аресты и последующие приговоры были всего только превентивной мерой в отношении представителей одиозной семьи. Чуть позднее, 31.10.36 г., был арестован третий член «группы Шаревского» — И.С.Брешков, арестованный впервые 05.12.32 г. и приговоренный Тройкой ОГПУ УССР 30.04.33 г. на 3 года ИТЛ, откуда он вышел в конце 1935 или в начале 1936 г с поражением в правах на такой же срок. И.И.Июффе остался на свободе и проходил по данному делу только свидетелем.

Судя по всему, основными материалами следствия Шаржны были стать показания Шаревского с товарищами и А.О.Солонович, однако Шаревский вообще отказался отвечать на вопросы следствия, а А.О.Солонович, отвечая на вопросы, связанные с деятельностью «Черного Креста» и работы в Музее Кропоткина, последовательно отказывалась от всех знакомств, очных ставок и признательных показаний других обвиняемых. Чтобы усилить позицию обвинения, в ночь на 15.11.36 г. была арестована сестра А.О.Солонович — А.О.Болотова²⁶, а 27.11.36 г. — М.А.Назаров. По-видимому, к этому времени с помощью И.И.Июффе были получены признательные показания Ю.Н.Проферансова и И.С.Брешкова, однако в целом следствие развивалось

вяло, несмотря на уже имевшиеся в его распоряжении, кроме перечисленных выше, содержательные показания от 03.11.36 г. О.К.Ивановой-Нечаянной [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 91-96], от 02.12.36 г. — Н.Н.Назаровой, жены М.А.Назарова [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 44-47], от 03.12.36 г. — его сестры, Е.А.Назаровой, и от 05.01.37 г. — Д.С.Недовича, причем все они напрямую были связаны с А.О.Солонович.

НАЗАРОВА Екатерина Алексеевна
(1891 — после 1957)

Назарова Екатерина Алексеевна родилась в 1891 г. (по протоколу 1936 г. — в 1894 г.) в г. Переславле Владимирской губ., дочь купца; машинистка Юридического института; прож.: Глазовский пер. 5/9 кв. 15; сестра — Назарова Александра Алексеевна, иждивенка, инвалид; брат — Назаров Михаил Алексеевич, 1889 г. рожд.; сестра — Зюзина Мария Алексеевна, урожд. Назарова, иждивенка; сестра — Ушакова Лидия Алексеевна, урожд. Назарова (1888—1965), бухгалтер; сестра — Глинская Ольга Алексеевна, урожд. Назарова, иждивенка, прож. в г. Краматорске.

ПОКАЗАНИЯ НАЗАРОВОЙ Е.А. 03.12.36 г.

ВОПРОС: Вы знаете анархистку Агнию СОЛОНОВИЧ?

ОТВЕТ: Да, я ее знаю около четырех лет. Меня с ней познакомил мой брат НАЗАРОВ Михаил Алексеевич, анархист по убеждениям.

ВОПРОС: Расскажите, что Вы знаете о к.-р. деятельности СОЛОНОВИЧ А.О. и НАЗАРОВА М.А.

ОТВЕТ: В течение моего знакомства с Агнией СОЛОНОВИЧ, я знала ее как лицо, вокруг которого группировались люди, близкие ей по своим анархистским убеждениям. Из них я знаю НАЗАРОВА М.А., НЕДОВИЧА Д.С. и КОРОСТЕЛЕВА Б.В. Сказать точно, что последний, КОРОСТЕЛЕВ, анархист — я затрудняюсь. Во всяком случае, он присутствовал раза три при наших встречах (в моем присутствии). Собрания происходили или на квартире НАЗАРОВА М.А., или на квартире Агнии СОЛОНОВИЧ, куда я ходила вместе с братом. Разговоры в моем присутствии велись, главным образом, мистическо-философского порядка. СОЛОНОВИЧ читала и толковала мистические легенды, читались произведения

А.А.СОЛОНОВИЧА. Здесь же я узнала, что мой брат НАЗАРОВ М.А., СОЛОНОВИЧ А. и НЕДОВИЧ являются по убеждениям анархистами. Это я заключила по тому, что они восторженно отзывались об анархизме, вели разговоры на анархистские темы. КОРОСТЕЛЕВ против анархистских высказываний не возражал. Сказать точно, что говорилось на анархистские темы, я не могу, т.к. не совсем в этом разбиралась. Далее при встречах я узнала, что Агния СОЛОНОВИЧ является рыцарем «Ордена тамплиеров». Кажется, в начале 1935 года Агния СОЛОНОВИЧ в присутствии НАЗАРОВА М. произвела обряд посвящения меня и НЕДОВИЧА в низшую ступень Ордена. Перед посвящением СОЛОНОВИЧ обратилась к нам с речью, в которой указывала, что целью Ордена является борьба со злом внутри себя, т.е. самоусовершенствование, и вне себя, т.е. борьба со всяким насилием, от кого бы оно ни исходило. Далее она говорила, что Орден тайный, поэтому необходимо молчать об его существовании даже перед своими близкими. Ввиду того, что НАЗАРОВ присутствовал при посвящении, я заключила, что он также является рыцарем и осведомлен о делах Ордена. После ареста брата в 1935 году, посетив А.СОЛОНОВИЧ один раз, я совсем порвала с ней связь.

ВОПРОС: С кем еще из анархистов поддерживал связь НАЗАРОВ?

ОТВЕТ: Я знаю его знакомого, некоего ГОРИНЕВСКОГО Георгия Валентиновича, который бывал у НАЗАРОВА очень редко, разбирался в мистике. Насколько он анархист, я не знаю.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

Е.Назарова

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 48-49об]

ПОКАЗАНИЯ НЕДОВИЧА Д.С. 05.01.37 г.

ВОПРОС: Вы знакомы с НАЗАРОВЫМ Михаилом Алексеевичем?

ОТВЕТ: С НАЗАРОВЫМ Михаилом Алексеевичем познакомился в конце 1933 г., до последнего времени был с ним в хороших взаимоотношениях, часто посещая его квартиру, я познакомился с сестрой НАЗАРОВА Екатериной Алексеевной.

ВОПРОС: Расскажите о политических убеждениях НАЗАРОВА М.А.

ОТВЕТ: Из бесед с НАЗАРОВЫМ мне известно, что он по своим политическим убеждениям является анархистом. Он всегда говорил о том, что всякое государство есть зло и поэтому с ним следует вести борьбу. НАЗАРОВ идеализировал анархизм и во время сборищ, происходивших у него на квартире, всегда произносил тосты за анархию.

ВОПРОС: Кто из анархистов был связан с НАЗАРОВЫМ М.А.?

ОТВЕТ: Мне известно, что НАЗАРОВ до последнего времени был связан с анархистами СОЛОНОВИЧ Агнией Онисимовной, ГОРИНЕВСКИМ и НИКИТИНЫМ. Характер связи НАЗАРОВА с указанными анархистами был политический, их всех объединяла общность к.-р. анархистских мировоззрений. Кроме этих лиц из числа знакомых НАЗАРОВА могу назвать художника ЕРШОВА, инженера КОРОСТЕЛЕВА, последний также знаком с анархисткой СОЛОНОВИЧ Агнией.

ВОПРОС: Дайте показания о к.-р. деятельности НАЗАРОВА М.А.

ОТВЕТ: Как я показал выше, НАЗАРОВ до последнего времени был тесно связан с анархисткой СОЛОНОВИЧ и совместно с ней входил в состав в существующей в Москве к.-р. анархистской организации, так называемого «Ордена тамплиеров», в которой вел активную деятельность. Из числа участников организации мне известна сестра НАЗАРОВА Екатерина Алексеевна, которую завербовали СОЛОНОВИЧ совместно с НАЗАРОВЫМ.

ВОПРОС: Откуда Вам известно, что НАЗАРОВ М.А., СОЛОНОВИЧ А.О. и НАЗАРОВА Е.А. являются участниками к.-р. анархо-мистической организации?

ОТВЕТ: С первых дней моего знакомства с НАЗАРОВЫМ он усиленно обрабатывал меня в духе анархо-мистицизма. В дальнейшем он познакомил меня с анархисткой СОЛОНОВИЧ, совместно с которой в декабре месяце 1934 года привлекли меня в указанную организацию, совершив так называемый «обряд посвящения» в рыцарскую степень. В один день со мной в организацию была вовлечена и НАЗАРОВА Екатерина Алексеевна.

ВОПРОС: Какие цели и задачи ставила организация, в которую Вы были вовлечены НАЗАРОВЫМ?

ОТВЕТ: Уже после того, как я вошел в состав организации, НАЗАРОВ в беседе со мной о ее задачах сказал: «Наша организация базируется на строжайшей конспирации. Каждый участник завоевывает свои познания и свою ступень без внешних признаков посвящения. Каждый работает над познанием себя и действительности, параллельно стараясь перевоспитать окружающих. Придет может быть время, когда мы выступим и с бомбами, но пока еще этот момент не наступил.»

СОЛОНОВИЧ перед тем, как произвести посвящение меня и НАЗАРОВОЙ Е.А. в рыцарскую степень, обратилась к нам с речью, заявив о соблюдении самой строгой конспирации и о том, что основная цель организации — это самосовершенствование, борьба со всяким насилием, от кого бы оно ни исходило.

ВОПРОС: В чем выражалась практическая деятельность организации?

ОТВЕТ: Практическая деятельность анархо-мистической организации выражалась в устройстве собраний, происходивших на квартирах СОЛОНОВИЧ и НАЗАРОВА. На собраниях читались произведения анархиста СОЛОНОВИЧА А.А., мистические легенды, а также проводились беседы по мистическим вопросам в духе анархизма. На этих сборищах велись беседы о вреде государства и необходимости бороться за идеи анархизма.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Д.Недович

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 52-54об]

Несмотря на столь исчерпывающие показания свидетелей, следствию требовалось признание главных обвиняемых. Поскольку же А.О.Солонович, И.И.Шаревский и М.А.Назаров продолжали молчать, решено было начать с другого конца — с Каргасока. Следствие в отношении А.А.Солоновича и его анархо-мистической деятельности исподволь велось уже и там с осени 1936 г., свидетельством чего служит протокол допроса ссыльного старообрядческого священника В.Ф.Фролова от 13.10.37 г., текст которого приведен в книге В.В.Налимова²⁷. Судя по всему, поначалу предполагалось, что основные изобличающие анархистов показания по «Альянсу» будут получены в Москве, а затем репрессии охватят всю ссылку. Но те безусловные факты, которые оказались в руках московских следователей, были столь ничтожны, что ни о каком «масштабном» деле говорить не приходилось. Поэтому к середине января было решено изменить тактику и вскрыть «всеобщий заговор анархистов» на основании показаний их идейного «вождя», каким себя считал А.А.Солонович, и двух его ближайших помощников, завербованных НКВД, которые были посвящены во все его планы — Д.А.Бема и М.С.Мокринского. Для подкрепления их показаний из Ухтпечлага был вытребован Г.Г.Волков, показавший на допросе от 09.02.37 г. о создаваемом А.А.Солоновичем «Всероссийском альянсе» с провинциальными отделениями, которые должны руководить организованными группами на местах, чтобы в случае войны выступить против соввласти и возглавить «4-ю революцию» для установления анархического строя в России²⁸.

Началом действий против А.А.Солоновича в Каргасоке стало постановление на его арест от 25.01.37 г., которое приводит Налимов²⁹. Вместе с ним были арестованы Д.А.Бем, М.С.Мокринский, С.М.Зильберг/Зильбер, П.А.Фисун³⁰, Н.А.Болотова³¹, В.Ф.Фролов³², О.Х.Прокопенко³³ и ряд других лиц из ссыльных. Понимая, что это конец, А.А.Солонович отказался не только подписывать протоколы, но и разговаривать со следователями, провоцируя их своим поведением настолько, что после тяжелых избиений был доставлен 23.02.37 г. в больницу ОМЗ НКВД в Новосибирске на двенадцатый день голодания, где и скончался 04.03.37 г. «при нарастающей слабости сердечной деятельности»³⁴.

О смерти А.А.Солоновича было сообщено, по-видимому, Бему, и Мокринскому, поначалу, вероятно, не слишком склонным к тому, чтобы разделять с умершим ответственность за все те мероприятия, направленные против соввласти, признания которых требовали органы НКВД. Теперь ситуация кардинальным образом изменилась и, как часто бывает, оставшихся поделщиков удалось уговорить описать в соответствующем антураже фантазии, как мне представляется, к тому времени не совсем уже психически здорового человека, каким был А.А.Солонович. Эти показания, размноженные в Москве и использованные против всех лиц, которые в них названы, стали главным орудием обвинения, сдвинувшим следствие с мертвой точки.

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. 5-7 марта 1937 г.

ВОПРОС: Вы арестованы как участник к[онтр]-р[еволюционной] анархистской организации, созданной и руководимой ссыльным анархистом СОЛОНОВИЧЕМ. Расскажите, что Вам известно о названной организации.

ОТВЕТ: Мне известно, что анархист СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, отбывая ссылку в с. Каргасок Нарымского Округа вел работу по созданию анархо-мистической организации в Советском Союзе. Организация ставила своей целью свержение Советской власти и установление анархистского строя.

ВОПРОС: Когда и от кого Вам стало известно об этом?

ОТВЕТ: О работе СОЛОНОВИЧА по созданию анархистской организации я узнал от члена организации анархиста ВОЛКОВА, имя и отчества не знаю, в феврале месяце 1934 года.

В это время я отбывал ссылку в Новосибирске. Кажется в январе м-це 1934 г. я получил от СОЛОНОВИЧА письмо, в котором он сообщил мне, что из Каргасока выедет освобожденный из ссылки анархист ВОЛКОВ и пойдет ко мне. В письме СО-

ЛОНОВИЧ просил меня приютить ВОЛКОВА у себя на квартире, пока он устроится с билетом.

В феврале м-це 1934 г. ВОЛКОВ зашел ко мне на квартиру. Жил он у меня несколько дней. За это время ВОЛКОВ рассказал, что СОЛОНОВИЧ ведет интенсивную работу по созданию анархистской организации в СССР, готовит кадры, способные вести организационную работу. Из сообщений ВОЛКОВА было видно, что СОЛОНОВИЧ в с. Каргасок из числа актива ссыльных анархистов организовал нелегальный кружок в составе: СОЛОНОВИЧ, он – ВОЛКОВ, ШАРЕВСКИЙ Ион, ДАРЮШИН (имя и отчество не знаю) и СЕРКИНА, жена ДАРЮШИНА; что в этом кружке читаются лекции по анархистской теории, лекции, как практически организовать партизанскую войну в момент поднятия вооруженного восстания против Советской власти. По словам ВОЛКОВА, лекции по анархо-мистицизму вел СОЛОНОВИЧ, а он, ВОЛКОВ, лекции на тему: «Армия регулярная, вольно-повстанческая и партизанская, их роль в будущей гражданской войне». ДАРЮШИН читал лекции на тему «Переходный момент и переходники». Рассказывая об этом, ВОЛКОВ заявил, что «работа кружка затруднена в смысле соблюдения необходимой конспирации. Отсутствие помещений вынуждает собираться глубокой ночью с тем, чтобы сохранить себя от провала.»

Наряду с этим, ВОЛКОВ рассказал мне, что СОЛОНОВИЧ вместе с организацией анархистов в Каргасоке ведет большую работу по налаживанию организационных связей с анархистами других колоний ссылки, а также проживающих в других городах СССР.

По заявлению ВОЛКОВА, СОЛОНОВИЧ установил организационные связи с анархистом БЛЮМИНЫМ, отбывающим ссылку где-то в бывшей Самарской губернии. Этот БЛЮМИН от группы анархистов обратился к СОЛОНОВИЧУ с просьбой изложить им основы анархо-мистицизма, что СОЛОНОВИЧ и сделал, дав исчерпывающее изложение в своих письмах к БЛЮМИНУ. СОЛОНОВИЧ, кроме того, переписывался и с анархистом КРУГЛОВЫМ, отбывающим ссылку около Семипалатинска, которому также излагал основы анархо-мистицизма.

ВОПРОС: Что еще Вам сообщил ВОЛКОВ о к.-р. работе СОЛОНОВИЧА по созданию организации?

ОТВЕТ: ВОЛКОВ мне больше о работе СОЛОНОВИЧА ничего не сообщил.

ВОПРОС: Через ВОЛКОВА СОЛОНОВИЧ Вам никаких поручений не передавал?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: О работе СОЛОНОВИЧА по созданию организации Вам известно только от ВОЛКОВА, другие лица Вам не сообщали об этом?

ОТВЕТ: Не только. О работе по созданию организации мне рассказывал и сам СОЛОНОВИЧ.

ВОПРОС: Когда и что Вам рассказывал СОЛОНОВИЧ о своей работе по созданию анархистской организации?

ОТВЕТ: В августе месяце 1934 г. из Новосибирска я был направлен в ссылку в Каргасок, где и встретился с СОЛОНОВИЧЕМ.

С последним меня связывало двадцатилетнее знакомство еще в Москве. Живя в Москве, я вместе с СОЛОНОВИЧЕМ принимал участие в Карелинских анархистских кружках и в 1930 г. был арестован с ним по одному делу. Находясь вместе в ссылке в течении двух с половиной лет, СОЛОНОВИЧ не скрывал от меня своей контрреволюционной работы. Больше того, СОЛОНОВИЧ неоднократно обсуждал со мной вопросы этой работы и рассказывал мне о своих планах создания анархистской организации и ее структуре. Припоминаю следующий факт. В феврале или же январе м-це 1935 г., у себя на квартире, СОЛОНОВИЧ рассказал мне, что он занят собиранием сил, способных вести организационную работу по созданию анархистской организации в Советском Союзе, причем подробно изложил структуру организации. По словам СОЛОНОВИЧА, организация должна строиться по принципу «цепочки», путем создания мелких групп, «троек» и «пятерок», независимых друг

от друга и руководимых доверенными людьми. По мнению СОЛОНОВИЧА, эти широко разветвленные группы должны будут вести работу среди масс по подготовке вооруженного восстания, но вместе с тем конспирировать собой основное руководящее ядро (центр).

СОЛОНОВИЧ говорил мне, что он стремился создать массовое движение против Советской власти с вовлечением в него всех недовольных Советской властью элементов. В ноябре м-це 1935 г. в квартире СОЛОНОВИЧА, между СОЛОНОВИЧЕМ, МОКРИНСКИМ и мною произошел следующий разговор: МОКРИНСКИЙ перед СОЛОНОВИЧЕМ поставил вопрос, как нужно дальше разворачивать работу и есть ли смысл вести анархистскую работу в массах. СОЛОНОВИЧ ответил МОКРИНСКОМУ: «Работа безусловно необходима. Массы недовольны Советской властью. Нам нужно работу строить так, чтобы недовольство этих масс выросло в гигантскую силу, могущую свергнуть иго большевизма. Я не сторонник мелких ударов. Если уж наносить удар — может быть один, но сокрушительный. Для подготовки этого удара необходимо привлечь на свою сторону все недовольные Советской властью элементы, в том числе и религиозные, вырвать их из поповских рук, направив в нужное нам русло.»

ВОПРОС: Как практически СОЛОНОВИЧЕМ осуществлена задача создания контрреволюционной анархистской организации?

ОТВЕТ: Выше я указывал, что СОЛОНОВИЧ, как он сам об этом говорил, в первую очередь готовить кадры, которые можно было бы использовать в работе по созданию анархистской организации. В целях подготовки кадров СОЛОНОВИЧ в ссылке из числа анархистов подготовил группу, с которой вел работу.

ВОПРОС: Кто входил в состав названной группы?

ОТВЕТ: Я уже указывал, что по рассказам ВОЛКОВА, впоследствии подтвержденным СОЛОНОВИЧ, в состав созданной СОЛОНОВИЧЕМ группы входили анархисты ВОЛКОВ, ШАРЕВСКИЙ Ион, ДАРЮШИН и СЕРКИНА, жена ДАРЮШИНА. Названные участники группы еще до моего прибытия в Каргасок, вследствие окончания срока ссылки, выехали в разные места. Позднее от самого СОЛОНОВИЧА мне стало известно, что все они выехали с определенными поручениями СОЛОНОВИЧ по разворачиванию к.р. анархистской работы.

СОЛОНОВИЧ мне сообщил, что им лично были обработаны и привлечены к анархистской контрреволюционной работе следующие лица:

1) БОЛОТОВА Нина Сергеевна, пианистка Новосибирской радиостудии. БОЛОТОВА, будучи знакома со мной по Томску и Новосибирску, в октябре 1934 г. приехала в Каргасок ко мне в гости, где и познакомилась с СОЛОНОВИЧЕМ. СОЛОНОВИЧ провел с ней ряд бесед по анархо-мистицизму, в результате БОЛОТОВА была привлечена в организацию.

2) БАГРЯНОВ Михаил Иванович, анархист, ссыльный, с отбытием срока ссылки из Каргасока выбыл сначала в Томск, затем, кажется, уехал в г. Краснодар.

3) СЕРГЕЕВ Виктор, отчества не знаю, анархист, ссыльный, из Каргасока за окончанием срока ссылки также выехал, как будто, в г. Калинин.

4) МОКРИНСКИЙ Матвей Степанович, ссыльный анархист.

5) ЗИЛЬБЕР Семен Михайлович, анархист, ссыльный.

6) ФРОЛОВ Василий Федорович, адм[инистративно]-ссыльный, старообрядец.

7) КОНДРАТЬЕВ Василий Иванович, административно ссыльный, сектант.

8) СЫСОЕВ Сергей Александрович, административно ссыльный, за окончанием срока ссылки из Каргасока выбыл. СЫСОЕВ мне лично в начале 1936 г. рассказывал, что СОЛОНОВИЧ предлагал ему вступить в какой-то орден, но он якобы отказался.

9) ПРОКОПЕНКО Оксана Христофоровна, ссыльная троцкистка.

Из числа привлеченных к к.р. работе СОЛОНОВИЧЕМ в 1934 г. была оформлена группа, в состав которой вошел и я — БЕМ.

С участниками группы МОКРИНСКИМ, ФРОЛОВЫМ и мною — БЕМ, СОЛОНОВИЧ организовал изучение анархо-мистицизма, в частности проработку собственных произведений по этому вопросу.

ВОПРОС: Дайте показания о практической контрреволюционной деятельности участников вашей контрреволюционной организации.

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ каждому привлеченному в организацию давал задание находить подходящих лиц, обрабатывать их в контрреволюционном, анархо-мистическом направлении.

СОЛОНОВИЧ говорил, что в 1935 г. по его поручению в Москву по делам организации к анархисту ФИОЛЕТОВУ и КОМАРЕВСКОМУ ездила БОЛОТОВА [Нина Сергеевна. — А.Н.]. В чем конкретно состояло это поручение, СОЛОНОВИЧ не сказал.

Летом 1936 г. приехавшая в Каргасок жена СОЛОНОВИЧА, СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, высказала мне опасение, что СОЛОНОВИЧ поступил опрометчиво, доверив БОЛОТОВОЙ адреса ФИОЛЕТОВА, КОМАРЕВСКОГО и КОРОЛЬКОВА. Это мне дает право говорить, что БОЛОТОВА ездила в Москву с заданием СОЛОНОВИЧА по установлению организационных связей с анархистами в Москве.

В марте м-це 1936 г. СОЛОНОВИЧ в своей квартире в моем присутствии участнику организации МОКРИНСКОМУ поручил заняться обработкой в контрреволюционном духе работавшего с МОКРИНСКИМ местного жителя ПЕРМЯКОВА Григория. Позднее я бывал у СОЛОНОВИЧА, застал там ПЕРМЯКОВА, с которым СОЛОНОВИЧ и МОКРИНСКИЙ вели контрреволюционные клеветнические суждения по вопросам политики Партии и Соввласти.

Привлеченным в каргасокскую группу анархистам-ссылным КОНДРАТЬЕВУ и ФРОЛОВУ, СОЛОНОВИЧ поручил развернуть работу среди баптистов, используя баптистские собрания, вести обработку участников собраний в контрреволюционном духе. Об этом мне говорил лично ФРОЛОВ в августе м-це 1936 г. Впоследствии ФРОЛОВ и КОНДРАТЬЕВ были арестованы.

ВОПРОС: Обрабатывая ПРОКОПЕНКО, СОЛОНОВИЧ знал, что она троцкистка?

ОТВЕТ: Безусловно, знал, да это и не было ни для кого секретом. Она сослана как троцкистка и об этом знала вся ссылка.

ВОПРОС: Чем тогда руководствовался СОЛОНОВИЧ, привлекая к анархистской деятельности троцкистку?

ОТВЕТ: Я уже говорил, что СОЛОНОВИЧ, ведя работу по подготовке контрреволюционных кадров для борьбы с Соввластью, ставил ставку на использование всех без исключения контрреволюционных сил и течений, в том числе и троцкистов, причем СОЛОНОВИЧ в разговорах со мной говорил: «Троцкисты, став на путь борьбы с коммунистической партией путем террора, являются одним из передовых отрядов в деле свержения Соввласти. Именно эту активность троцкистов необходимо нам, анархистам, использовать. Надо положить конец междусобным политическим распрям и направить все недовольные элементы на свержение Соввласти, а затем уже можно будет разбираться о характере политического строя».

ВОПРОС: С кем еще из троцкистов, кроме ПРОКОПЕНКО, СОЛОНОВИЧ поддерживал связь?

ОТВЕТ: Помимо ПРОКОПЕНКО, СОЛОНОВИЧ имел связи с троцкистом ВАНТРОБА, отбывавшем ссылку в Каргасоке. С ВАНТРОБА СОЛОНОВИЧ жил в одном доме и был в близких отношениях с ним. Вел ли СОЛОНОВИЧ с ВАНТРОБА переговоры относительно участия последнего в анархистской организации, мне неизвестно. В октябре м-це 1936 г. ВАНТРОБА был арестован.

ВОПРОС: Следствие располагает данными, что СОЛОНОВИЧ террор, как средство борьбы, пропагандировал и через имеющуюся у него по этому вопросу литературу. Что Вам известно об этом?

ОТВЕТ: Контрреволюционную анархистскую литературу СОЛОНОВИЧ имел, правда, в небольшом количестве. Просматривая его библиотеку, я случайно обнаружил книжку под заглавием «Хлеб и воля». В этой книжке, насколько я помню, отстаивалась теория необходимости применения террора, как одного из средств борьбы с властью.

ВОПРОС: Вам предъявляется книга под заглавием «Хлеб и воля» издания «Вольное братство», обнаруженная при обыске у ЗИЛЬБЕР Семена Михайловича. Не ее ли Вы просматривали у СОЛОНОВИЧА?

ОТВЕТ: Предъявленная мне книга под заглавием «Хлеб и воля», действительно, та самая, которую я видел и просматривал у СОЛОНОВИЧА.

ВОПРОС: Почему она оказалась у ЗИЛЬБЕР?

ОТВЕТ: Эту книгу СОЛОНОВИЧ передал ЗИЛЬБЕР, как я помню, в ноябре м-це 1935 г.

ВОПРОС: С какой целью СОЛОНОВИЧ передал данную книгу ЗИЛЬБЕР?

ОТВЕТ: Передача книги происходила в моем присутствии. Хочу заметить, что перед этим СОЛОНОВИЧ доказывал ЗИЛЬБЕР необходимость встать на путь активной и решительной борьбы с Соввластью, и в первую очередь путем применения террора над руководителями власти и коммунистической партии. Передавая эту книгу, СОЛОНОВИЧ настаивал, чтобы ЗИЛЬБЕР ее прочитал и сделал для себя вывод. СОЛОНОВИЧ при этом заметил, что в данной обстановке, как и раньше, ничего не остается делать, как встать на путь более острых форм борьбы с Соввластью и применение террора в этом случае является неизбежным и необходимым.

ВОПРОС: Из Ваших показаний усматривается, что СОЛОНОВИЧ разделял точку зрения троцкистов о необходимости применения террора как одного из средств борьбы с Соввластью. Были ли предприняты СОЛОНОВИЧ шаги к практическому осуществлению этой точки зрения?

ОТВЕТ: О практической деятельности СОЛОНОВИЧА по подготовке террора над руководством Партии и Правительства мне ничего не известно, т.к. СОЛОНОВИЧ такими подробностями со мной не делился. Могу сказать только одно, что террор как средство борьбы с Соввластью СОЛОНОВИЧ разделял целиком и полностью, и в разговорах со мной, МОКРИНСКИМ и ЗИЛЬБЕР, неоднократно подчеркивал это. СОЛОНОВИЧ говорил, что «хорошо подготовленные террористические акты могут нанести сокрушительный удар и явиться толчком к тому, что толпа (так он расценивал массы) может ринуться на Советскую власть, и тогда она не оставит камня на камне.»

В декабре м-це 1935 г. СОЛОНОВИЧ в своей квартире, беседуя со мной и с ссыльным анархистом МОКРИНСКИМ Матвеем Степановичем, выдвигал террор как необходимое средство в деле борьбы с Советской властью. СОЛОНОВИЧ, возмущаясь нерешительностью зиновьевцев и троцкистов и неумением сохранить себя от провалов, говорил: «Террор должен быть массовым и одновременным. Нам нужно подготовить его так, чтобы одновременно уничтожить верхушку Кремля, тогда только можно достигнуть желаемых результатов».

После процесса над террористическим троцкистско-зиновьевским Центром, в конце августа или начале сентября 1936 г., СОЛОНОВИЧ в присутствии МОКРИНСКОГО и ФРОЛОВА, говоря о процессе над террористическо-зиновьевским центром, одобрял террор, но возмущался тем, что «троцкисты и зиновьевцы оказались шляпами, не умели конспирироваться и провалились, не достигнув цели. Нам нужно взяться за это дело, нам нужно находить и готовить решительных людей, способных пожертвовать собой. Эту работу мы, анархисты, наряду с подготовкой толпы к массовому движению против Совласти, должны вести повседневно».

ВОПРОС: Вы укрываете практическую деятельность СОЛОНОВИЧА по организации террористических актов. Следствие требует от Вас откровенных показаний.

ОТВЕТ: Признаю, что я скрыл о практической работе СОЛОНОВИЧА и укрыл тот факт, что СОЛОНОВИЧ готовил ЗИЛЬБЕРА к практической террористической деятельности, о чем СОЛОНОВИЧ перед ЗИЛЬБЕРОМ ставил вопрос прямо. СОЛОНОВИЧ говорил ЗИЛЬБЕРУ: «Вас скоро освободят из ссылки, Вы получите возможность пробраться к центру и Вам придется заняться организацией решительных ударов по верхушке власти, и к этому Вы должны быть готовы».

ВОПРОС: Расскажите об этом более подробно.

ОТВЕТ: После моего возвращения из Новосибирска обратно в ссылку в Карга-сок в ноябре м-це 1935 г., я был в квартире СОЛОНОВИЧА, туда же пришел ссыльный анархист ЗИЛЬБЕР Семен Михайлович. Между нами произошел разговор о перспективе работы анархистов. ЗИЛЬБЕР, будучи настроен упаднически, говорил: «Все анархистские силы разгромлены и раздроблены по ссылкам и изоляторам. В данной сложившейся конкретной обстановке я не вижу для себя никакой перспективы дальнейшей работы». СОЛОНОВИЧ упрекал ЗИЛЬБЕРА за упадничество и высказал сожаление, что благодаря такой неустойчивости, часть ссылки подвержена разложению, скатыванию к обывательщине и отходу от политической борьбы. Развивая свою мысль, СОЛОНОВИЧ заявил: «Какой бы участи анархисты ни подвергались, они должны стоять на высоте своего положения и вести борьбу, как бы она трудна ни была, до полного осуществления своих идеалов. Современное положение рабочих и крестьян несколько не отличается от прежних царских времен. Сейчас крестьяне и рабочие так угнетены, как никогда не угнетались. Советская власть держится только кучкой коммунистов, которые залили страну кровью. Массы недовольны властью, но они настолько запуганы, что не могут оказать скольконибудь серьезного сопротивления власти. Именно при данной конкретной обстановке нужен ошутительный и решительный удар по верхушке власти с тем, чтобы этим ударом всколыхнуть массы».

Именно в этой обстановке, как я уже указывал выше, СОЛОНОВИЧ, передавая книжку «Хлеб и воля», поставил перед ЗИЛЬБЕР вопрос о необходимости подготовить себя к выполнению задач по организации террористических актов после освобождения из ссылки. ЗИЛЬБЕР с этим согласился и заявил, что он к моменту освобождения из ссылки будет готов ко всему.

Я хочу заметить, что после этого СОЛОНОВИЧ стал встречаться с ЗИЛЬБЕР редко, а в 1936 г., когда наступил срок освобождения из ссылки ЗИЛЬБЕР, СОЛОНОВИЧ прекратил с ним встречи и облекал это в форму якобы неприязненных отношений к нему. Фактически же это делалось умышленно, с целью конспирации.

ВОПРОС: Кроме ЗИЛЬБЕР, никто еще не был подготовлен СОЛОНОВИЧЕМ к террористической работе?

ОТВЕТ: В феврале м-це 1934 г. СОЛОНОВИЧ освобожденному из ссылки анархисту ШАРЕВСКОМУ Иону (отчества не знаю) поручил организацию террористических групп в центре.

ВОПРОС: От кого Вам стало известно об этом?

ОТВЕТ: Об этом мне лично рассказал СОЛОНОВИЧ.

ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах. Расскажите подробно, что сообщил Вам об этом СОЛОНОВИЧ.

ОТВЕТ: Вскоре после того, как СОЛОНОВИЧ дал задание ЗИЛЬБЕР готовить себя к террористической деятельности, я как-то в декабре м-це 1935 г., будучи у СОЛОНОВИЧА на квартире, разговорился с ним о происшедшем у него разговоре с ЗИЛЬБЕР.

СОЛОНОВИЧ заявил мне: «Я никогда от террора не отказывался и не откажусь. Больше того, в этом направлении я уже кое-что сделал и не думаю, чтобы это было безрезультатно».

И дальше СОЛОНОВИЧ сообщил мне, что в феврале м-це 1934 г. он освобожденному из ссылки анархисту ШАРЕВСКОМУ поручил пробраться в центр и приступить к организации и подготовке терактов. Причем СОЛОНОВИЧ заявил, что для связи с ШАРЕВСКИМ он разработал условный порядок переписки с ним. Выполнил ли это указание ШАРЕВСКИЙ, СОЛОНОВИЧ не сказал. В этот же раз СОЛОНОВИЧ сообщил мне, что в этих же целях он подготавливает живущего у него на квартире анархиста МОКРИНСКОГО Матвея Степановича, который, как говорил СОЛОНОВИЧ, «в прошлом был партизаном, имеет неплохие связи среди людей, прошедших боевую школу, и среди них он может найти неплохих помощников, к тому же он должен скоро освободиться из ссылки». О МОКРИНСКОМ СОЛОНОВИЧ отзывался как о смелом и решительном человеке.

ВОПРОС: МОКРИНСКИЙ дал согласие заняться организацией террора?

ОТВЕТ: Да, МОКРИНСКИЙ, как мне после стало известно, согласился после освобождения из ссылки заняться подготовкой террора. В сентябре м-це 1936 г. у СОЛОНОВИЧА в квартире в моем присутствии был МОКРИНСКИЙ. Разговор шел об освобождении МОКРИНСКОГО из ссылки, ибо срок ссылки последнему уже истек. Говоря о предстоящем отъезде МОКРИНСКОГО, СОЛОНОВИЧ предложил ему в Сибири увязаться со знакомыми партизанами и подыскать среди них людей, способных на решительные действия, с помощью которых подготовить теракты над руководителями Сибири, а может быть и отправить в центр, смотря как позволит обстановка. МОКРИНСКИЙ заявил, что он сделает все, что только будет в его силах. СОЛОНОВИЧ пообещал поговорить с ним более подробно. Состоялся ли у них разговор на эту тему, я не знаю.

ВОПРОС: Устанавливая связи с троцкисткой ПРОКОПЕНКО, СОЛОНОВИЧ также имел цель использовать ее в террористическом направлении?

ОТВЕТ: С ПРОКОПЕНКО СОЛОНОВИЧ никогда в моем присутствии не беседовал, но лично мне СОЛОНОВИЧ в сентябре м-це 1936 г. говорил, что ПРОКОПЕНКО очень подходящая фигура в том смысле, что она имеет связи среди военных, что через нее в эти связи можно проникнуть, использовать их, а главное можно достать оружие.

ВОПРОС: Расскажите подробнее, что Вам рассказывал СОЛОНОВИЧ о ПРОКОПЕНКО, в частности, известно ли Вам, что СОЛОНОВИЧ привлек ПРОКОПЕНКО для контрреволюционной работы?

ОТВЕТ: Я же говорю, что в разговоре со мной в сентябре м-це 1936 г. СОЛОНОВИЧ прямо мне сообщил, что ПРОКОПЕНКО является подходящей фигурой, и что через нее можно установить связи с военными. В связи с этим СОЛОНОВИЧ сообщил мне, что он привлек ПРОКОПЕНКО к контрреволюционной работе с целью расширить через нее связи с троцкистами и, главным образом, с военными.

ВОПРОС: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности анархистки СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны?

ОТВЕТ: Агния СОЛОНОВИЧ является секретарем анархистского «Черного Креста». Она на всем протяжении непосредственно имела связи с СОЛОНОВИЧЕМ, была в курсе всей работы нашей контрреволюционной организации и являлась членом этой организации, выполняла поручения по установлению организационных связей СОЛОНОВИЧА А.А. с анархистами, проживающими в разных городах и находящихся в других колониях ссылки. Ежегодно летом СОЛОНОВИЧ Агния приезжала к СОЛОНОВИЧУ А.А., информировала его о месте нахождения анархистов, о состоянии анархистской работы, доставляла анархистскую литературу.

Летом 1934 г. Агния СОЛОНОВИЧ, следуя в Каргасок, предварительно заехала в Петропавловскую колонию ссыльных и затем в Томск. Прибыв в Каргасок, Агния в моем присутствии информировала СОЛОНОВИЧА, что в Петропавловске она встретилась с анархистами ХАРХАРДИНЫМ и СНО, и в Томске с ШАРЕВСКИМ Ионом.

Летом 1935 г. Агния СОЛОНОВИЧ по пути в Каргасок снова заезжала в Петропавловск, где встречалась с анархистами ХАРХАРДИНЫМ, СНО и ЛАНГ [Ланг Н.Р. — А.Н.] В это же время Агния СОЛОНОВИЧ привозила для СОЛОНОВИЧА несколько экземпляров анархистских книг, которые по использованию СОЛОНОВИЧЕМ тогда же увезла обратно.

Летом 1936 г. Агния СОЛОНОВИЧ снова приезжала в Каргасок и так как в то время СОЛОНОВИЧ сожительствовал с БОЛОТОВОЙ, она вынуждена была остановиться у меня на квартире. В разговоре со мной Агния СОЛОНОВИЧ сообщила, что в Москве существует контрреволюционная анархо-мистическая группа, в которую входят анархисты-мистики: ПОСПЕЛОВА Вера Васильевна, ГУБЕР муж и жена, КРАСНОКУТСКИЙ Василий Александрович, профессор-педагог, АРЕНСКИЙ Павел Антонович, артист, НАЗАРОВ Михаил Александрович, КОМАРЕВСКИЙ, профессор-педагог, и ЛЯШУК Сергей Романович, преподаватель. Все они ранее принимали участие вместе с СОЛОНОВИЧЕМ в карелинских анархистских кружках. Кро-

ме этого, как сообщила мне Агния, в Москве вне связи с названной контрреволюционной группой существует другая, глубоко законспирированная анархо-мистическая организация, в которую, по словам Агнии, входят видные общественные деятели.

По заявлению Агнии СОЛОНОВИЧ, эта организация застрахована от всякого провала, однако назвать участников организации отказалась.

В этот же период Агния СОЛОНОВИЧ сообщила мне, что в Кропоткинском музее был обыск, но что, однако, анархистскую литературу она сумела так спрятать, что ее не нашли.

ВОПРОС: Что Вам известно о заграничных связях СОЛОНОВИЧ Алексея и СОЛОНОВИЧ Агнии?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ Алексей и СОЛОНОВИЧ Агния мне не говорили, что они имеют нелегальные связи с анархистскими организациями за границей.

Однако следующие факты дают мне право предполагать о наличии таких связей. Летом 1934 и 1935 гг. в приезд СОЛОНОВИЧ Агнии в Каргасок в беседе со мной о делах анархистского «Черного Креста» она сообщила, что часть денег для «Черного Креста» она получает из Америки от некоего ЭРМАНД-ДОЛИНИНА.

Кроме этого, еще до ареста, проживая в Москве, я знал участников анархистских кружков ЭРМАНДА-ДОЛИНИНА и БРЕНДСТЕД Михаила Михайловича, по национальности датчане. БРЕНДСТЕД в 1930 г. выехал в Данию, а затем приехал в Париж, где и должен жить до настоящего времени. В 1935 г., будучи в Каргасоке, Агния СОЛОНОВИЧ сообщила мне, что нелегально получила письмо от БРЕНДСТЕД.

ВОПРОС: Кто такой ЭРМАНД-ДОЛИНИН?

ОТВЕТ: ЭРМАНД-ДОЛИНИН анархист-мистик, имел тесные связи с КАРЕЛИНЫМ и СОЛОНОВИЧЕМ. В 1924 г. ЭРМАНД-ДОЛИНИН из СССР уехал в Америку, где он издает анархистскую газету.

Летом 1936 г. Агния СОЛОНОВИЧ, также будучи в Каргасоке, в разговоре со мной высказывала опасение тем, как бы СОЛОНОВИЧ Алексей не рассказал БОЛОВОЙ Нине Сергеевне о своих связях с Западом, которые ему передавал, как говорила мне Агния, КАРЕЛИН.

В этот же раз СОЛОНОВИЧ Алексей в моем присутствии просил Агнию СОЛОНОВИЧ вывезти из Нарыма ряд его рукописей по анархо-мистицизму с целью переправить их за границу для издания. СОЛОНОВИЧ Агния категорически от этого отказалась, заявив «что она не так глупа брать такие вещи с собой».

Кроме этого тогда же Агния СОЛОНОВИЧ мне рассказала, что в 1936 г. в Москву приезжал неизвестный ей иностранец с Запада, который приходил в Кропоткинский музей и спрашивал ее и СОЛОНОВИЧА, но узнав, что СОЛОНОВИЧ арестован и находится в ссылке, быстро ушел, а администрация музея из предосторожности не сообщила иностранцу ее адрес.

ВОПРОС: Какую рукопись СОЛОНОВИЧ просил вывезти за границу?

ОТВЕТ: За время пребывания в ссылке в Каргасоке СОЛОНОВИЧ написал ряд теоретических произведений по анархо-мистицизму. Им написана «История русской литературы», «Развитие познания» и «О душе».

Все эти работы написаны в идеалистическом направлении, содержат в себе резкие выпады против марксизма, материализма и существующего строя. Во всех работах особенно подчеркивается необходимость борьбы с существующим строем.

ВОПРОС: Из каких источников ваша контрреволюционная организация получала денежные средства?

ОТВЕТ: Эти средства мы получали от «Черного Креста». Я уже говорил, что основная цель «Черного Креста» состоит в том, чтобы помогать анархистам, но мне известно, что «Черный Крест» дает деньги и на организационную работу против Советской власти. В марте м-це 1936 г. мы ликвидировали свое анархистское хозяйство, не хватало 200 рублей расплатиться за ранее приобретенную лошадь. Зная, что у СОЛОНОВИЧА имеются деньги, мы, то есть я, МОКРИНСКИЙ и СМИРНОВ, предложили СОЛОНОВИЧУ дать двести рублей на уплату за лошадь. СОЛОНОВИЧ, отказывая в деньгах, заявил, что «имеющиеся у него деньги принадлежат

«Черному Кресту» и предназначены на организацию антисоветской работы, и если он их истратит, то Агния СОЛОНОВИЧ не сможет отчитаться». СОЛОНОВИЧ снабжал деньгами анархо-участников организации, выезжавших из Нарыма с его поручениями. Так он снабдил деньгами анархиста-террориста ШАРЕВСКОГО.

ВОПРОС: Какие лично Вам давал задания СОЛОНОВИЧ по контрреволюционной работе?

ОТВЕТ: В январе м-це 1936 г. СОЛОНОВИЧ у себя на квартире дал мне задание разработать программу теоретических занятий с участниками организации ФРОЛОВЫМ и МОКРИНСКИМ, с таким расчетом, чтобы закрепить у них анархо-мистические идеи. СОЛОНОВИЧ мне говорил, чтобы я разработал программу как можно проще с таким расчетом, чтобы было учтено развитие обоих их.

В октябре м-це 1936 г. СОЛОНОВИЧ предложил мне прощупать административно-ссылных ВЕБЕР Георгия, МИНДЕЛЬ Раисы и КУНЬЕВОЙ Елены с целью привлечения их в анархо-мистический нелегальный кружок. Со всеми ими я говорил, однако обработать их помешал наш арест.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов правильно.

Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 74-94; машинописная копия]

ПОКАЗАНИЯ БЕМА Д.А. (б/д)

ВОПРОС: На допросе 5-7 марта 1937 года Вы показали, что по рассказам СОЛОНОВИЧА участникам созданной им группы ВОЛКОВУ, ШАРЕВСКОМУ Иону, ДАРИЮШИНУ, СЕРКИНОЙ (жена ДАРИЮШИНА) при освобождении из ссылки он сделал определенное поручение по развертыванию контрреволюционной работы. Уточните, в чем конкретно эти поручения состояли?

ОТВЕТ: Дело в том, что ни с одним из указанных лиц мне лично говорить не пришлось. О них я знаю, с одной стороны, по рассказам заезжавшего ко мне в Новосибирск анархиста ВОЛКОВА, который сообщил, что названные лица входят в состав создаваемой СОЛОНОВИЧЕМ анархо-мистической контрреволюционной организации, и с другой – по рассказам самого СОЛОНОВИЧА, который и рассказал мне, что он при освобождении их из ссылки поручил им вести контрреволюционную анархистскую работу.

Не помню точно, но кажется, что в начале 1935 г. я интересовался подробностями сделанных поручений СОЛОНОВИЧЕМ названным лицам. СОЛОНОВИЧ мне заметил: «Ты слишком любопытен, Дмитрий Александрович. Сам знаешь, что в такой работе нельзя доверять и самым близким.» Сделанное замечание СОЛОНОВИЧА меня обидело и эту обиду я высказал ему. Он постарался исправить свое отношение ко мне и рассказал в общих чертах, что его задания освобожденным лицам в основном сводилось к следующему:

1) Освобожденному из ссылки ВОЛКОВУ, который должен был поехать в Ярославль, он поручил вести работу по созданию анархо-мистических ячеек главным образом среди рабочих. Причем по заданию СОЛОНОВИЧ Волкову он дал указание, чтобы в практической работе по созданию анархо-мистических ячеек он установил связь с анархо-мистической организацией в Москве и в частности с СОЛОНОВИЧ Агнией.

Приезжавшая в 1935 г. в с. Каргасок Агния СОЛОНОВИЧ, в беседе со мной мельком упомянула, что с ВОЛКОВЫМ она виделась в Москве – он заходил к ней на квартиру. Я полагаю, что эта встреча была связана с работой ВОЛКОВА по созданию организации.

2) В прежних своих показаниях я указывал, что СОЛОНОВИЧ освобожденному из ссылки анархисту ШАРЕВСКОМУ Иону поручил кроме работы по созданию анархо-мистических ячеек вести работу по организации террористических групп и подготовки террористических актов против руководства ВКП(б) и Советского правительства. Говоря об этом, СОЛОНОВИЧ мне сказал, что ШАРЕВСКИЙ наиболее подходящая фигура в этом отношении, умеет разбираться в людях, вообще такой че-

человек, на которого вполне можно положиться. По заявлению СОЛОНОВИЧА, такое задание ШАРЕВСКОМУ обуславливалось еще и тем, что после освобождения обязан был выехать в центр. Позднее я узнал, что выполняя поручение СОЛОНОВИЧА, ШАРЕВСКИЙ обосновался где-то под Москвой, в какой-то биологической станции в качестве биолога.

ШАРЕВСКИЙ имел указания СОЛОНОВИЧА точно так же всю работу как по созданию анархо-мистических ячеек, так и по организации террористических групп, контактировать с московской анархо-мистической организацией, связавшись в этих целях с последней через Агнию СОЛОНОВИЧ.

3) Что же касается заданий ДАРЮШИНУ и СЕРКИНОЙ, то по рассказам СОЛОНОВИЧА, они должны были вести работу только в направлении создания организации. Кроме того, должны были готовить кадры для организации восстания против Соввласти.

Вот все то, что я могу сообщить на поставленный мне вопрос. Более конкретно о заданиях СОЛОНОВИЧ мне не рассказывал, я же не считал удобным спрашивать его об этом. Хочу заметить, что и на поставленный мне вопрос СОЛОНОВИЧ – на какие прослойки населения посланные им лица должны будут опираться в своей практической работе, он ответил, что «прослойки и их классовый признак не играют никакой роли. Все недовольное Соввластью должно быть объединено и брошено на борьбу с ненавистной населению диктатурой большевиков. При умении работать, кадры найдутся во всех прослойках населения, да и такие кадры, которые нам не прочь жертвовать даже собой.»

ВОПРОС: Вы называли в качестве участника анархо-мистической организации анархиста СЕРГЕЕВА Виктора. Сообщите о роли его в организации более подробно.

ОТВЕТ: СЕРГЕЕВ, как анархист, активная фигура. Правда, он не мистик. Встречаясь с ним и с ШЛИХТЕР (также анархист, отбывал ссылку в Каргасоке, имя и отчество его не помню) у СОЛОНОВИЧ, у меня сложилось впечатление, что оба они способны вести крупную работу в подполье. Свое впечатление я высказал в конце 1934 г. СОЛОНОВИЧУ и заявил ему, что он напрасно не привлекает обоих в организацию. СОЛОНОВИЧ ответил, что как СЕРГЕЕВ, так и ШЛИХТЕР, уже являются участниками организации, что они будут весьма полезными людьми в работе по созданию ее.

Весною 1935 г., незадолго до освобождения СЕРГЕЕВА и ШЛИХТЕРА из ссылки, я имел возможность убедиться в правдивости заявления СОЛОНОВИЧА. В марте месяце 1935 г. СЕРГЕЕВ пришел ко мне на квартиру. В беседе с ним я осторожно спросил его, известно ли ему о работе СОЛОНОВИЧА по созданию организации. СЕРГЕЕВ ответил, что не только известно, но что он лично является участником этой организации, что при освобождении его из ссылки он должен будет проделать большую работу по созданию организации в соответствии с указаниями СОЛОНОВИЧА Алексея. Более подробно об этом мы не говорили.

Со ШЛИХТЕР по этому вопросу мне не пришлось разговаривать. По заявлению СОЛОНОВИЧА ШЛИХТЕР также является участником анархо-мистической организации.

СЕРГЕЕВ и ШЛИХТЕР весной 1935 г. из ссылки освобождены и, насколько мне известно, первый выбыл в Калинин, а второй в Днепропетровск. В 1936 г., не помню точно от кого, я узнал, что ШЛИХТЕР в Днепропетровск не пустили и он как будто бы выехал на жительство также в Калинин.

ВОПРОС: При освобождении из ссылки СОЛОНОВИЧ какие-либо поручения ШЛИХТЕР и СЕРГЕЕВУ дал?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ поручил им вести работу по созданию организации.

ВОПРОС: Откуда Вам все это известно?

ОТВЕТ: Вскоре после освобождения из ссылки ШЛИХТЕР и СЕРГЕЕВА СОЛОНОВИЧ мне рассказал об этом сам, причем подробностей о поручениях он не рассказывал, а как-то в беседе заметил: «Организация опять приобрела двух практиче-

ких работников.» На мой вопрос — каких работников, какая организация? — СОЛОНОВИЧ рассмеялся и заявил: «Какой ты наивный, Дмитрий Александрович! Я имею в виду освободившихся из ссылки СЕРГЕЕВА и ШЛИХТЕР, которым я сделал кое-какие поручения по организации». На этом разговор был закончен, в последующем к нему также не возвращались.

ВОПРОС: В протоколе допроса от 5-7 марта 1937 г. Вы показали, что СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна была в курсе всей работы по созданию организации и являлась членом этой организации. Сообщите следствию, знала ли Агния СОЛОНОВИЧ о террористической деятельности организации?

ОТВЕТ: Несомненно знала. Я уже показывал раньше, что СОЛОНОВИЧ Агния была не только в курсе деятельности анархо-мистической организации, но и выполняла поручения по установлению организационных связей в организации. Правда, во всех подробностях деятельность СОЛОНОВИЧ Агнии мне не известна, т.к. ни она, ни СОЛОНОВИЧ Алексей об этом мне не рассказывали, но ряд фактов, о которых я сообщил раньше и в настоящем протоколе, прямо указывают на то, что Агния СОЛОНОВИЧ была в курсе террористической деятельности организации.

Выше я указывал, что СОЛОНОВИЧ Алексей, рассказывая мне о сделанных им ШАРЕВСКОМУ поручениях по организации террористических групп для выполнения террористических актов над руководителями Партии и Правительства, сообщил, что он обязал ШАРЕВСКОГО в практической работе установить связь через СОЛОНОВИЧ Агнию с анархистской организацией в Москве и контактировать эту работу с последней.

Кроме того, в последний приезд Агнии СОЛОНОВИЧ в июле 1936 г., проживая со мной вместе на квартире, она в ряде бесед возмущалась связью СОЛОНОВИЧА с БОЛОТОВОЙ и высказывала опасения, что с этой связью СОЛОНОВИЧ губит дело организации.

По заявлению СОЛОНОВИЧ Агнии, ряд начинаний весьма серьезного характера, сделанных по поручению самого СОЛОНОВИЧА Алексея, требует разрешения ряда сложных вопросов, но что она боится говорить об этом с ним, ибо не уверена, что он не сообщит БОЛОТОВОЙ [т.е. Нине Сергеевне. — А.Н.] и что последняя где-либо не проболтается об этом, и тогда эти начинания, которые, по ее выражению, должны явиться сигналом к массовому движению против Соввласти, погибнут.

В одной из таких бесед я указал Агнии на решительность СОЛОНОВИЧА Алексея в смысле дачи поручений даже такого серьезного характера, как подготовка к террору против руководителей Партии и Правительства. СОЛОНОВИЧ Агния мне ответила: «Вы напрасно удивляетесь, Дмитрий Александрович, решительность в нашем деле необходима. Потом я не думаю, чтобы Алексей мог просчитаться, изучать людей он умеет. Думаю, что здесь он никакой ошибки не сделал.» Вот эти факты указывают на то, что СОЛОНОВИЧ Агния была в курсе и террористической деятельности организации. Прямого разговора о терроре у меня с ней не было.

ВОПРОС: Что Вам еще известно из деятельности СОЛОНОВИЧ Агнии в организации и вообще о деятельности организации?

ОТВЕТ: Я сообщил следствию все, мне известно по организации и больше показать ничего не могу.

Я хочу обратить внимание следствия на следующие обстоятельства. Я имел возможность глубоко проанализировать все известное мне об организации и деятельности СОЛОНОВИЧА Алексея и пришел к убеждению, что анархистский мистицизм СОЛОНОВИЧА Алексея является ничем иным, как только прикрытием его контрреволюционной террористической деятельности и в целом создаваемой им организации. Дело в том, что сам мистицизм не предусматривает активных форм борьбы в виде восстаний и террора. Если бы СОЛОНОВИЧ придерживался мистицизма, он не пошел бы на активную борьбу с Соввластью. Применение острых форм борьбы с Соввластью говорит о простом маскировании СОЛОНОВИЧЕМ его контрреволюционной работы.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов верно.

Бем

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 95-101; машинописная копия без даты]

МОКРИНСКИЙ Матвей Степанович
(1882 – 1937)

Мокринский Матвей Степанович родился в 1882 г. в с. Нуриково (по др. данным — д. Чурюково) Старо-Юрьевской волости, Воронежской обл. (быв. Тамбовской губ.), служащий, анархист с 1905 г.; в 1917 г. в Иркутске вступил в Иркутскую федерацию, с 1918 по 1920 г. воевал в партизанских отрядах против Колчака. В 1921-1924 гг. получал из Москвы анархистскую литературу и распространял ее среди крестьян с. Староюрьевское Красноярского края (? — А.Н.). Арестован 21.07. 33 г. Красноярским отделом ГПУ по обвинению в организации повстанческого движения; 27.11.33 г. Коллегией ОГПУ приговорен по ст. 58/2 к ВМН с заменой на 10 годам концлагерей. Решением ОСО от 03.03.34 г. заключение в концлагерь заменено ссылкой в Нарым на 3 года [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 120-124]; ссылку отбывал в с. Каргасок Нарымского Округа, работал лаборантом по зерновым культурам (арх.-след. дело № 599027). Снова арестован 25.01.37 г. по ст. 17-58/2, 8, 11 УК. Осужден выездной сессией ВК ВС СССР 29.10.37 г. к ВМН, приговор приведен в исполнение в тот же день (арх.-след. дело № 956279/особ. КГБ СССР).

ПОКАЗАНИЯ МОКРИНСКОГО М.С. 30.03.37 г.

ВОПРОС: На предыдущих допросах Вы отрицали свое участие в контрреволюционной анархистской организации. Следствие предлагает Вам давать правдивые показания по существу предъявленного обвинения.

ОТВЕТ: Признаю, что я действительно скрывал от следствия контрреволюционную деятельность СОЛОНОВИЧА Алексея, чем сознательно пытался ввести следствие в заблуждение. Сейчас, продумав бесплодность дальнейшего запирательства, я решил рассказать о своей контрреволюционной деятельности, которую я проводил под руководством анархиста СОЛОНОВИЧА.

ВОПРОС: К какому периоду относится начало Вашей анарходеятельности?

ОТВЕТ: Будучи на действительной военной службе в 1905 году, я познакомился с анархистским учением. С тех пор, формально не примыкая ни к какой анархистской организации вплоть до 1917 года, являюсь анархистом. В 1917 г. в гор. Иркутске оформил свою примышленность к анархистам, вступив в Иркутскую Федерацию анархистов-коммунистов, состоя в которой вел организационную работу по созданию анархистских групп. С 1918 по 1920 год находился в партизанских отрядах против Колчака.

Демобилизовавшись в 1920 г. уехал в деревню. В 1921-24 гг., получая из Москвы анархистскую литературу, распространял ее среди крестьян с. Старо-Юрьево Дзержинского района, сейчас Красноярского края, но организационной работы не вел и никаких связей с анархистами не поддерживал вплоть до 1933 г. 8 июня 1933 г. в с. Юрьево за участие в повстанческой организации был арестован и приговорен к расстрелу с заменой заключением в концлагеря на 10 лет.

В марте 1935 г. я прибыл в ссылку в с. Каргасок Нарымского Округа, где связался с активным анархистом СОЛОНОВИЧЕМ А.А.

До осени 1935 г. встречался с СОЛОНОВИЧЕМ случайно, изредка по его приглашению заходил к нему.

В октябре 1935 г. я перешел к СОЛОНОВИЧУ на квартиру.

СОЛОНОВИЧ в октябре 1935 г. рассказал мне подробно о себе. Из его рассказа было видно, что до ареста он жил в Москве, был связан с «Черным Крестом», активно вел контрреволюционную анархистскую работу, судим, отбывал наказание в политизоляторе, затем был выслан в Нарым.

В последующем СОЛОНОВИЧ в систематических беседах излагал мне сущность анархо-мистического течения. В беседах подвергал резкой контрреволюционной критике политику партии и соввласти. С целью подготовить меня теоретически, подбирая цикл анархо-мистической литературы, вел по прочитанной литературе разъяснения, в которых подчеркивал жизненность анархо-мистических идей и не-

обходимость активной борьбы с соввластью.

Эту работу со мной СОЛОНОВИЧ вел в течение пяти месяцев, а в марте м-це 1936 г. посвятил меня в сущность его контрреволюционной деятельности.

ВОПРОС: Что он Вам рассказал?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ сообщил мне, что он подготавливает свержение советской власти, что для этого ведет работу по сколачиванию анархо-мистических кадров, обрабатывая в анархо-мистическом направлении лиц.

На мой вопрос, где брать таких лиц, СОЛОНОВИЧ ответил: «Вот ты работаешь с одним крестьянином, попробуй, поговори с ним на эту тему и убедишься в результате этого разговора».

В заключении он указал, что ведя такую обработку, можно сравнительно легко подготовить любого для борьбы с существующим строем.

ВОПРОС: СОЛОНОВИЧ назвал Вам тогда обработанных им лиц?

ОТВЕТ: Конкретных фамилий он не называл.

ВОПРОС: Кого в с. Каргасок СОЛОНОВИЧ подвергал обработке в целях увлечения в контрреволюционную работу?

ОТВЕТ: Из бесед с СОЛОНОВИЧ мне известно, что он имеет целью сплотить анархо-мистические кадры в ссылке, обрабатывал в анархо-мистическом направлении административно-ссыльного попа ЕРШОВА Василия Федоровича*, приехавшую в Каргасок пианистку БОЛОТОВУ Нину Сергеевну, местного крестьянина ЧИЧИГОШИНА Анания, бравшего у СОЛОНОВИЧА уроки по общеобразовательным предметам, ссыльного анархиста БЕМ Дмитрия Александровича, административно-ссыльных: ПИОРО (имя и отчество не знаю), по профессии защитника, его соквартирантку, троцкистку ПРОКОПЕНКО Ассанну [так! — А.Н.] Христофоровну, ссыльного ВЕБЕР Георгия Карловича. СОЛОНОВИЧ говорил мне, что с указанными лицами он проводит индивидуальные беседы по анархо-мистическим вопросам.

ВОПРОС: Только ли со слов СОЛОНОВИЧ Вам известно об этом?

ОТВЕТ: Я скрыл от следствия неизвестные мне лично факты деятельности СОЛОНОВИЧ по сколачиванию контрреволюционных кадров. Я хочу откровенно сообщить об этих фактах следствию.

Кроме индивидуальной обработки в контрреволюционном анархо-мистическом направлении ряда лиц, о которых я уже сообщал выше, СОЛОНОВИЧ с целью подготовки кадров для борьбы с советской властью организовал коллектив для проработки контрреволюционных анархо-мистических произведений. В марте и апреле месяце 1936 г. в квартире СОЛОНОВИЧ шел разбор его анархо-мистических произведений «О душе», «Введение в историю русской литературы». В разборе этих произведений участвовали СОЛОНОВИЧ, я — МОКРИНСКИЙ, анархист БЕМ и ссыльный ФРОЛОВ. По прочитанному СОЛОНОВИЧ давал пояснения, которые фактически ориентировали присутствующих на борьбу с советской властью.

В октябре 1936 г., беседуя со мной и анархистом СМИРНОВЫМ Михаилом Алексеевичем, СОЛОНОВИЧ говорил: «Международное внутреннее положение напряженно. Спать и сидеть, сложа руки по-обывательски — большое преступление. Нам нужно эту напряженную обстановку использовать, организовать массы на борьбу с большевизмом, но для этого надо быть готовыми самим, чтобы не оказаться в хвосте событий. Вам лично надо усиленно работать над собой, не обходить, а изучать диалектику, чтобы ею же бить коммунистов»

ВОПРОС: Вы разделяли точку зрения СОЛОНОВИЧА о необходимости организации борьбы с соввластью?

ОТВЕТ: Прежде чем ответить на поставленный мне вопрос, я должен указать, что СОЛОНОВИЧ, наряду с пропагандированием анархо-мистических идей, постоянно подчеркивал необходимость активной борьбы с соввластью.

Я — МОКРИНСКИЙ, и БЕМ не разделяли мистических взглядов СОЛОНОВИЧА, а полностью стояли на позициях активной борьбы с соввластью. Именно на этой почве мы, фактически, и примкнули к контрреволюционной деятельности СОЛОНОВИЧА.

Адмссыйный ФРОЛОВ также не разделял мистических воззрений СОЛОНОВИЧ, но стоял на позициях необходимости борьбы с соввластью, был в свою очередь привлечен к контрреволюционной деятельности. ФРОЛОВ среди баптистов по поручению СОЛОНОВИЧ вел контрреволюционную работу, за что в конце 1936 г. был арестован и привлечен к ответственности.

Результаты обработки ссыльных ПИОРО и ПРОКОПЕНКО Асанны мне неизвестны, но по тому, что с ПРОКОПЕНКО у СОЛОНОВИЧ до последнего времени сохранились хорошие отношения, я предполагаю, что результат был положительный.

Обработка административно ссыльного ВЕБЕРА не дала положительных результатов. В неоднократных со мной беседах СОЛОНОВИЧ подчеркивал, что успех борьбы с соввластью возможен только при наличии объединения воедино всех контрреволюционных элементов, как он выражался, «недовольных элементов», не считаясь с их политической окраской; что только при наличии такого объединения возможна организация восстания и свержение соввласти.

ВОПРОС: Как предполагалось осуществить задачу объединения контрреволюционных элементов для борьбы с соввластью?

ОТВЕТ: Создать организацию, которая бы и подготавливала свержение соввласти.

ВОПРОС: Что практически было сделано в этом направлении?

ОТВЕТ: Я уже показывал, что СОЛОНОВИЧ поставив перед собой задачу организации вооруженного восстания против советской власти, готовил для этой цели кадры, обрабатывал в контрреволюционном направлении лиц, о которых я показал выше, и из числа их — БЕМ Дмитрия Александровича, ЗИЛЬБЕР Семена Михайловича, БОЛОТОВОЙ Нины Сергеевны, ФРОЛОВА Василия Ивановича — создал контрреволюционную группу. В задачу этой группы входило подготовить кадры и направить их на организацию восстания против советской власти.

Лично я, как анархист, отрицаю всякую власть, к существующему строю относился также враждебно. С проводимой политикой партии и совласти я не был согласен. Я считал, что советская власть не обеспечивает обещанной демократии, что она построена исключительно на насилии, что политика партии ведет страну к гибели, что коллективизация строилась только на принуждении, и что этими мерами соввласть разоряет крестьянские хозяйства. Выселение кулачества меня глубоко возмущало. При такой оценке я видел единственный для себя путь — это борьба с соввластью до конца ее уничтожения. Именно поэтому в состав созданной СОЛОНОВИЧ группы вошел и я — МОКРИНСКИЙ.

ВОПРОС: В чем выражалась Ваша практическая контрреволюционная деятельность в организации?

ОТВЕТ: Моя практическая контрреволюционная деятельность в анархо-мистической организации состояла в том, что я вместе с СОЛОНОВИЧЕМ обсуждал вопросы контрреволюционной работы.

Вместе с этим я готовил себя для активной деятельности в организации, прочел ряд анархо-мистических книг, как участник группы посещал проводимые СОЛОНОВИЧ собрания, на которых изучались его контрреволюционные анархо-мистические произведения. Правда, СОЛОНОВИЧ передо мной ставил задачу подбирать и обрабатывать в контрреволюционном анархо-мистическом направлении нужных нам лиц, однако этого осуществить мне не удалось. Во-первых, потому что я не находил подходящих лиц, среди которых можно было бы вести обработку, и, во-вторых, я не имел достаточно времени для этого. СОЛОНОВИЧ неоднократно упрекал меня в пассивности и требовал от меня более активной работы, но я, повторяю, его установок выполнить не мог.

ВОПРОС: Только ли в этом выразилось Ваше практическое участие в анархо-мистической организации?

ОТВЕТ: Да, именно только в этом.

ВОПРОС: Ограничивался ли СОЛОНОВИЧ, Вы лично и другие участники организации подготовкой восстания против совласти?

ОТВЕТ: В основном, СОЛОНОВИЧ, я и другие участники организации считали необходимым подготовку масс к свержению соввласти путем восстания. Однако СОЛОНОВИЧ в неоднократных беседах со мной высказывал террористические настроения по отношению руководителей ВКП(б) и советского правительства.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Следствие располагает данными, что СОЛОНОВИЧ не только высказывал террористические настроения по отношению к руководству ВКП(б) и правительства, но и предполагал применять террор в борьбе с соввластью, как одну из острых форм этой борьбы.

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ, говоря о необходимости свержения соввласти, считал применение террора, как наиболее эффективной меры в деле достижения основной цели — свержения соввласти. По мнению СОЛОНОВИЧ, хорошо подготовленные массовые террористические акты могут нанести сокрушительный удар по соввласти. Однако в условиях ссылки он считал невозможным практическое осуществление террористических актов. Говоря о применении террора, СОЛОНОВИЧ исходил из того мнения, что историю творят только отдельные личности, и что масса только послушное орудие. Он говорил: «Достаточно сокрушить правящую верхушку Кремля, как толпа ринется на соввласть и не оставит камня на камне».

Я уже показывал, что о целесообразности террора СОЛОНОВИЧ с нами беседовал неоднократно. Помню, что в декабре месяце 1935 г. в присутствии БЕМ произошел разговор по поводу убийства т. Кирова. СОЛОНОВИЧ, одобряя террор, как средство борьбы, обвинил зиновьевцев в нерешительности, осудил индивидуальные убийства, которые, по его мнению, ни к чему хорошему не приведут, а ведут только к разгрому собственных сил. СОЛОНОВИЧ заявил: «Террористические акты нужно готовить уметь. Убийство в одиночку — бесплодная и ненужная вещь, приводящая только к разгрому собственных сил. Террор должен быть массовым и одновременным. Только в этом случае он дает положительные результаты».

Осенью 1936 г. в квартире СОЛОНОВИЧ между мной — МОКРИНСКИМ, БЕМ Дмитрием, ФРОЛОВЫМ Василием возникла беседа по поводу процесса над троцкистско-зиновьевским центром. В беседе СОЛОНОВИЧ одобрял действия Зиновьева и Каменева, но возмущался тем, что они не умели строить конспирацию и провалились. СОЛОНОВИЧ при этом говорил: «Советская власть держится только кучкой верхушки коммунистов, которые, обеспечивая себе господство, залили кровью страну и держатся только террором масс».

Массы трудящихся недовольны этой властью, но однако эти массы не способны на решительные действия. Массы можно пробудить к действию только тогда, когда смелые и сильные волей люди покажут пример своей борьбой. Террор именно является тем средством, которое может возбудить массы к действиям. Уничтожение правящей верхушки коммунистов вызовет к действию массу и она всей своей силой обрушится на советскую власть и уничтожит ее. Однако для этого нужны сильные, решительные и способные люди, готовые жертвовать собой с пользой. Именно наша задача и состоит в том, чтобы таких людей подготовить».

Подобные разговоры СОЛОНОВИЧ вел неоднократно со мной лично, а также и с упомянутыми мною лицами.

ВОПРОС: Вы были согласны с установками СОЛОНОВИЧА о необходимости применения террора в борьбе с соввластью?

ОТВЕТ: Я в этом вопросе с СОЛОНОВИЧ Алексеем согласен не был, так как я считал, что террор в данных условиях положительных результатов не даст. Лично я допускал возможность применения террора только в момент восстания против соввласти.

ВОПРОС: Что практически было предпринято СОЛОНОВИЧ в подготовке террористических актов над руководителями ВКП(б) и правительства?

ОТВЕТ: Я уже говорил, что СОЛОНОВИЧ считал осуществление террора в условиях ссылки невозможным, он только ставил перед собой задачу подыскивать и обрабатывать людей, могущих быть использованными в этих целях.

ВОПРОС: Кого он подготовил для совершения террора над руководством ВКП(б) и совправительства?

ОТВЕТ: Кого персонально СОЛОНОВИЧ обрабатывал и подготовил для осуществления террора над руководителями партии и правительства, я не знаю, так как он об этом мне не говорил.

ВОПРОС: Вы скрываете от следствия практическую работу СОЛОНОВИЧ по подготовке террористических актов над руководством ВКП(б) и свое личное участие в этом. Обвиняемый БЕМ показывает: «СОЛОНОВИЧ готовил к террору живущего у него на квартире анархиста МОКРИНСКОГО... МОКРИНСКИЙ согласился после освобождения из ссылки заняться подготовкой террора».

Требуя дать откровенные показания по этому вопросу.

ОТВЕТ: Я действительно скрыл от следствия не только практическую работу СОЛОНОВИЧ по подготовке террористических актов, но и свое личное участие в этом. Взгляды СОЛОНОВИЧ о применении террора, как одного из средств борьбы с соввластью, я полностью разделял, и когда СОЛОНОВИЧ сделал мне предложение после ссылки заняться подготовкой террористических актов над руководителями партии и правительства, я согласился с его предложением и заявил ему, что сделаю все зависящее от меня. Это разговор происходил в присутствии БЕМ.

ВОПРОС: Расскажите об этом подробно.

ОТВЕТ: Я уже показывал, что в неоднократных беседах, не только со мной, но и с БЕМ и с другими лицами, СОЛОНОВИЧ высказывался за применение террора в борьбе с соввластью как одного из острых форм борьбы, дающих положительные результаты, что лично я взгляды СОЛОНОВИЧА о применении террористических актов разделял целиком.

В декабре месяце 1936 г. в квартире СОЛОНОВИЧА, где присутствовал также и ссыльный анархист БЕМ, зашел разговор о предстоящем моем освобождении из ссылки.

В процессе беседы по этому поводу СОЛОНОВИЧ заявил: «Это хорошо, что ты скоро освободишься. Тебе следует после освобождения приступить к подготовке людей и организации из них групп для совершения террористических актов над руководителями партии и правительства, как в Сибири, так и, возможно, в центре.» Зная, что в прошлом я являлся партизаном, СОЛОНОВИЧ мне рекомендовал в этой работе увязаться с партизанами, найти из числа их наиболее решительных и боевых товарищей, привлечь их в качестве своих помощников и направить их на выполнение террористических актов в Сибири, а в зависимости от конкретной обстановки и в центре. При этом он мне сказал, что практических советов он не даст, что я должен буду руководствоваться конкретной обстановкой в каждом конкретном случае, и что перед моим отъездом он об этом поговорит со мной подробно. На предложение СОЛОНОВИЧА я ответил согласием и заявил: «Все, что будет возможно, я сделаю». Подробнее по этому вопросу мне не удалось переговорить с СОЛОНОВИЧ, так как в январе месяце 1937 г. мы были арестованы.

ВОПРОС: Кого еще готовил к террористической деятельности СОЛОНОВИЧ?

ОТВЕТ: Не знаю, СОЛОНОВИЧ мне об этом ничего не говорил.

ВОПРОС: Чем обуславливалась обработка СОЛОНОВИЧ троцкистки ПРОКОПЕНКО?

ОТВЕТ: Выше я показывал, что СОЛОНОВИЧ для достижения своей цели — свержения существующего строя, объединял всех недовольных соввластью. Что же касается троцкистов, то он считал их исключительно активными людьми, стойкими и способными на любые действия в борьбе с руководством партии. Применяемый троцкистами в борьбе с партией террор, СОЛОНОВИЧ целиком и полностью разделял. Обработка ПРОКОПЕНКО имела своей целью установление блока в контрреволюционной деятельности с троцкистами.

ВОПРОС: ПРОКОПЕНКО также готовилась для организации и осуществления террористических актов?

ОТВЕТ: Этого я не знаю.

ВОПРОС: Какие еще задания Вы получили от СОЛОНОВИЧ?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ, зная, что я работаю вместе с ПЕРМЯКОВЫМ Григорием, местным крестьянином, предлагал мне заняться его обработкой в контрреволюционном, анархо-мистическом направлении, но я, зная ПЕРМЯКОВА как человека неграмотного, от этого отказался и заявил СОЛОНОВИЧУ, что ПЕРМЯКОВЫМ заниматься не следует, потому что он ничего не поймет.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Показаниями БЕМ установлено, что ПЕРМЯКОВА Вы обрабатывали в контрреволюционном духе. Вместе с СОЛОНОВИЧЕМ Вы вели с ПЕРМЯКОВЫМ контрреволюционные разговоры. Следствие предлагает Вам дать правдивые показания.

ОТВЕТ: Я повторяю, что ПЕРМЯКОВА ни я, ни СОЛОНОВИЧ, обработке не подвергали. Помню, что как-то в конце февраля 1936 г. я вместе с ПЕРМЯКОВЫМ работал у СОЛОНОВИЧА на распиловке дров. С нами же вместе работал и БЕМ. Однако в то время разговоров на контрреволюционные темы с ПЕРМЯКОВЫМ никто из нас не вел.

ВОПРОС: Что Вам известно о связи контрреволюционной организации с «Черным Крестом» в Москве и об использовании средств его на контрреволюционную работу?

ОТВЕТ: Всех подробностей о связи с представителями «Черного Креста» в Москве и размеров получаемых денег я не знаю. Знаю одно, что СОЛОНОВИЧ с «Черным Крестом» был связан. В ноябре м-це 1935 г. у меня с СОЛОНОВИЧ возник разговор о средствах его существования, так как он нигде не работал. СОЛОНОВИЧ мне рассказал, что в Москве существует «Черный Крест», секретарем которого является его жена, Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ, и что от «Черного Креста» он регулярно получал и получает деньги. В какой сумме это выражается, он мне не сказал. В связи с этим я стал упрекать СОЛОНОВИЧА, что он совершенно неправильно использует получаемые им деньги «Черного Креста», что он эти деньги просто прожирает, тогда как они предназначены на организационные цели. СОЛОНОВИЧ заверил меня, что деньги он использует на себя вполне правильно, так как он, СОЛОНОВИЧ, нигде не работает только потому, что он занят работой над разработкой анархо-мистических теорий и что эти его теоретические работы нужны для анархо-мистических формирований.

Позднее СОЛОНОВИЧ мне говорил, что полученные им деньги от «Черного Креста» используются им также на организационную контрреволюционную работу. В марте или апреле м-це 1936 г. мы ликвидировали наше артельное хозяйство, у нас не хватало 200 рублей для расчета за приобретенную ранее лошадь. Я и БЕМ, зная, что СОЛОНОВИЧ имеет деньги, оставленные ему его женой Агнией, предложили ему дать 200 рублей на оплату за лошадь. СОЛОНОВИЧ отказался и заявил, что из этих денег он заплатить не может, так как они принадлежат «Черному Кресту» и предназначены на организационную работу и что в случае растраты их Агния СОЛОНОВИЧ не сможет в них отчитаться.

ВОПРОС: Расскажите более подробно о террористических работах СОЛОНОВИЧА.

ОТВЕТ: Я знаю, что СОЛОНОВИЧ, во время пребывания его в ссылке, был занят разработкой анархо-мистических теорий и по этому вопросу он написал ряд произведений, но какие именно я не знаю, так как их не читал. Два своих произведения — «О душе» и «Введение в историю литературы» — СОЛОНОВИЧ с нами прорабатывал, о чем я уже показал в предыдущих своих показаниях. Оба прорабатываемые мною произведения СОЛОНОВИЧ, которых я, кстати сказать, не усвоил, являются чисто идеалистическими, анархо-мистического направления с резкими нападками на марксизм и материализм. Свои произведения СОЛОНОВИЧ относил к теоретическим работам по анархо-мистицизму.

СОЛОНОВИЧ мне рассказывал, что он намерен написать труд более простой, понятный для низовой массы и, как говорил он, чисто практического порядка, с указанием как и что надо делать и как конспирироваться в борьбе с совластью.

ВОПРОС: Что еще Вам известно о контрреволюционной деятельности СОЛОНОВИЧА и о работе созданной им организации?

ОТВЕТ: Все, что я знал о контрреволюционной работе СОЛОНОВИЧА, что известно мне о работе созданной им контрреволюционной организации, я сообщил следствию полностью, ничего не скрывая.

Протокол мною прочитан и записан с моих слов правильно. Мокринский
[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 102-116; копия на стеклографе]

* По-видимому, речь идет о Фролове Василии Федоровиче, и эта путаница лишней раз ставит под сомнение принадлежность М.С.Мокринскому тех сведений, которые изложены в протоколе, или — о его собственной осведомленности в происходившем. Не случайно на суде Мокринский полностью отказался от своих прежних показаний, «данных им в состоянии сильного душевного расстройства» [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 219 (Обзорная справка по арх-делу № 956279/особ.)].

Показания Д.А.Бема, дополненные М.С.Мокринским, позволили не просто активизировать следствие, ведущееся в Москве, но и привлечь по нему новых «фигурантов». Именно тогда был востребован «резерв 1930 г.», заново изучено дело «Ордена Света» и, кроме Г.В.Гориневского, арестованного 19.03.37 г. «в связке» с Назаровым и А.О.Солонович, произведены аресты сначала, 15.04.37 г., С.Р.Ляшука, затем, 21.04.37 г., еще карелинского посвящения тамплиерки В.В.Губерт-Поспеловой³⁵, давно потерявшей связи с членами Ордена, и, наконец, 05.05.37 г. тоже давно отошедшего от орденских дел П.А.Аренского³⁶.

Показания В.В.Губерт-Поспеловой 25.04.37 г. не могли принести ничего нового следствию, поскольку она посещала карелинский кружок только в 1921–1923 гг. (Карелин, оба Солоновичи, М.И.Сизов, Н.П.Киселев, Л.В.Кафка), но даже эти знакомства в прошлом обусловили ей 09.07.37 г. приговор ОСО НКВД за КРД ПЯТЬ лет ИТЛ. В этом плане гораздо больше информации содержали показания Г.В.Гориневского, расширявшего (впрочем, уже известные по агентурным данным) сведения о влиянии Ордена в научных кругах Ленинграда, и С.Р.Ляшука, не отрицавшего своих связей ни с А.А.Солоновичем, ни с А.О.Солонович по линии «Черного Креста».

ГОРИНЕВСКИЙ Георгий Валентинович (1892–1966)

Гориневский Георгий-Леонтий Валентинович родился 22.10.1893 г. (по метрике — в 1892 г.) в Петербурге. Отец — Валентин-Болеслав Владиславович Гориневский, род. 22.09.1857 г., дворянин Архангельской губ., профессор-медик, умер 13.02.37 г. Г.В.Гориневский 01.09.1900 г. поступил, а в мае 1910 г. закончил Тенишевское училище в Петербурге и тогда же поступил на физико-математический ф-т Петербургского ун-та; в 1912 г. перешел в Академию Художеств на архитектурный факультет, который закончил в январе 1923 г. Художник-архитектор 2-й Архитектурно-проектной мастерской Моссовета, б/п. Адрес: 1-й Щипковский пер. д. 13/15, кв. 40. Семейное положение: жена — Елена Васильевна Гориневская-Черкаева, архитектор; мать — Анна Яковлевна Гориневская; сестры: Валентина Валентиновна Гориневская (1882–1953), профессор-хирург, заведующая травматологическим отделением Ин-та им. Склифосовского в Москве; Вероника Валентиновна Гориневская (1887–1957), профессор-медик; сыновья: Дмитрий Георгиевич Гориневский (1915–1945), студент, Владимир Георгиевич Гориневский — студент, Всеволод Георгиевич Гориневский — школьник; теща — Инна Сергеевна Черкаева.

Арестован 19.03.37 г.; протоколы допросов от 21.03.37, 02.04.37, 05.04.37, 15.04.37, 25.05.37 г. Приговорен ОСО НКВД 09.07.37 г. к 5 годам Ухтпечлага НКВД; освобожден 18.07.1942 и оставлен архитектором на работе в Интинстрое МВД

СССР по вольному найму без права выезда к прежнему месту жительства. После болезни и лечения направлен в систему Волголага МВД (г. Щербаков, ныне Рыбинск), где после 1946 г. работал в должности начальника бюро проектного отдела «Волгостроя». Адрес: г. Щербаков, Переборы, ул. Инженерная 20, кв. 11. Повторно арестован 24.04.51 г. Постановлением ОСО МГБ от 28.07.1951 г. сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ. Реабилитирован Постановлением Президиума Московского Городского Суда от 09.05.60 г.

ПОКАЗАНИЯ ГОРИНЕВСКОГО Г.В. 21.03.37 г.

ВОПРОС: Следствие располагает материалами, указывающими на Ваше принадлежность к организации, построенной по орденскому принципу. Признаете Вы это?

ОТВЕТ: Да, я признаю, что с 1929 года (не точно) являюсь участником организации «Орден тамплиеров».

ВОПРОС: Через кого персонально Вы были вовлечены в эту организацию?

ОТВЕТ: В организацию «Орден тамплиеров» я был вовлечен анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, с которым я познакомился на его лекциях, читаемых в Кропоткинском музее. О моей принадлежности к организации «Орден тамплиеров» было известно СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовне, которая также является участницей этой организации. После ареста СОЛОНОВИЧА Алексея в 1930 году моя непосредственная с ним связь прервалась, и я о его положении узнал от СОЛОНОВИЧ Агнии, у которой изредка бывал на квартире, а также встречал в Кропоткинском комитете, членом которого состоял до дня своего ареста.

ВОПРОС: Следствию известно, что анархист НАЗАРОВ М.А. был связан с Вами и с СОЛОНОВИЧ Агнией, как участник организации «Орден тамплиеров». Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, я подтверждаю, что анархист НАЗАРОВ М.А. также входил в состав организации «Орден тамплиеров», и он был связан со мной и с СОЛОНОВИЧ Агнией, как участник организации.

ВОПРОС: Кто, кроме СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны, НАЗАРОВА Михаила Алексеевича и Вас, ГОРИНЕВСКОГО, входил в состав организации «Орден тамплиеров»?

ОТВЕТ: Назвать фамилии лиц, разделяющих мое анархо-мистическое мировоззрение и входивших в «Орден тамплиеров», отказываюсь по морально-этическим соображениям.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. Гориневский
[Налимов, с. 401]

ПОКАЗАНИЯ ГОРИНЕВСКОГО Г.В. 05.04.37 г.

ВОПРОС: Вы ЛЯШУКА Сергея Романовича знаете?

ОТВЕТ: Свое знакомство с ЛЯШУКОМ я подтверждаю. С ним я познакомился у СОЛОНОВИЧ Агнии, примерно в 1931 году. Он по своим политическим убеждениям является близким к анархистам. При мне ЛЯШУК своих политических взглядов не высказывал.

ВОПРОС: Следствие располагает данными, что ЛЯШУК входит в состав к/р анархо-мистической организации «Орден тамплиеров». И Вам это хорошо известно. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что ЛЯШУК Сергей Романович является участником анархо-мистической организации «Орден тамплиеров». С ЛЯШУКОМ в последние годы (1933-1935) я встречался на квартире у СОЛОНОВИЧ Агнии, но очень редко. С ЛЯШУКОМ также знаком анархист НАЗАРОВ, входивший в состав «Ордена тамплиеров».

ВОПРОС: Где происходили собрания анархо-мистической организации «Орден тамплиеров»?

ОТВЕТ: Мне известно только о собраниях, проходивших на квартире у СОЛОНОВИЧ Агнии. На этих собраниях я встречал НАЗАРОВА и ЛЯШУКА, других лиц там не было.

ВОПРОС: Назовите лиц, входивших в ленинградскую группу «Ордена тамплиеров».

ОТВЕТ: Из участников анархо-мистической организации в Ленинграде мне известны НИКОЛАЕВА Римма Николаевна, художница, проживающая по улице Декабристов, дом номер не помню. С ней я впервые познакомился на даче под Москвой в 1929 году, где она жила у своих знакомых.

В беседах с НИКОЛАЕВОЙ я выяснил, что она, также как и я, интересуется мистикой и входит в состав той же организации, участником которой был и я. С тех пор я установил с НИКОЛАЕВОЙ связь, которую поддерживал до последнего времени.

Во время своих поездок в Ленинград я два раза встречался с НИКОЛАЕВОЙ. При встречах она интересовалась деятельностью мистиков в Москве. Я в последний приезд в Ленинград в 1936 году передал НИКОЛАЕВОЙ несколько (1-2) мистических легенд.

ВОПРОС: Перечислите лиц, входивших в ленинградскую группу анархо-мистиков, возглавляемых НИКОЛАЕВОЙ.

ОТВЕТ: Состав группы, возглавляемой НИКОЛАЕВОЙ, так же как и существование [такой] группы, мне не известен.

Однако считаю необходимым указать на то, что проживающие в одной квартире с НИКОЛАЕВОЙ некто ШУМСКИЕ или ШУЦКИЕ (муж и жена) находятся под идеологическим влиянием НИКОЛАЕВОЙ и являются людьми, близкими ей по мировоззрениям.

Кроме того, в [мой] последний приезд в Ленинград НИКОЛАЕВА хотела меня познакомиться с очень интересным человеком, по профессии врачом, проживающим вне Ленинграда, фамилию которого я сейчас не помню. От знакомства с этим человеком я отказался, потому что не хотел расширять свои знакомства.

ВОПРОС: С кем из участников организации в Москве, кроме Вас, НИКОЛАЕВА была связана ?

ОТВЕТ: Об этом мне не известно, так как мы о своих связях друг другу не говорили.

ВОПРОС: Вам известно о связи НИКОЛАЕВОЙ с анархистом РОСТОПЧИНЫМ ?

ОТВЕТ: Точно мне об этом не известно.

ВОПРОС: Кем осуществлялось руководство к/р анархо-мистической организацией, участником которой Вы были?

ОТВЕТ: Лично я к определенной группе не примыкал и непосредственно был связан в Москве с СОЛОНОВИЧ Агнией Онисимовной, с которой были в контакте также НАЗАРОВ и ЛЯШУК.

Кто руководил организацией мне не известно, так как никто, в том числе и СОЛОНОВИЧ Агния, мне об этом не говорили.

ВОПРОС: Какие вопросы обсуждались на нелегальных собраниях организации, на которых Вы присутствовали?

ОТВЕТ: На собраниях участников организации до 1930 года ставились на обсуждение определенные вопросы политического характера в историческом разрезе, не касаясь текущей политики. После 1930 года на собраниях в моем присутствии обсуждались мистические легенды, по которым происходил обмен мнений.

ВОПРОС: Вы напрасно пытаетесь скрыть действительный характер нелегальных собраний к/р анархо-мистической организации. Следствие располагает данными, что на собраниях организации, наряду с четкой мистических материалов, обсуждались и вопросы практической к/р анархистской деятельности и намечались пути и методы борьбы с Советской властью. Я предлагаю Вам дать искренние показания по этому вопросу.

ОТВЕТ: Конкретные методы борьбы с Советской властью на собраниях при мне не обсуждались.

Записано правильно, мною прочитано, в чем расписываюсь. Г.Гориневский

[Налимов, с. 401-403]

ПОКАЗАНИЯ ГОРИНЕВСКОГО Г.В. 15.04.37 г.

ВОПРОС: В результате предыдущих допросов Вы, очевидно, убеждены в том, что полностью изобличаетесь в принадлежности к к/р анархистской организации. Следствие предлагает Вам дать правдивые и исчерпывающие показания.

ОТВЕТ: За время своего пребывания под арестом я продумал всю серьезность своего положения и поэтому решил дать исчерпывающие показания об известной мне деятельности анархистской организации, участником которой я был с 1929 года.

ВОПРОС: Какие конкретно цели и задачи ставила перед собой организация, участником которой вы были?

ОТВЕТ: Перед тем, как дать показания о задачах, стоявших перед организацией, я хочу отметить один существенный момент, а именно: «Орден тамплиеров» есть чисто философски-религиозное течение, которое политических задач перед собой не ставило. Что же касается организации, созданной анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, куда входили и последователи «Ордена тамплиеров», как, например, я, ГОРИНЕВСКИЙ, НАЗАРОВ М.А., ЛЯШУК С.Р., СОЛОНОВИЧ А.О., то эта организация, состоявшая из а/с элементов, основной своей целью ставила борьбу с диктатурой пролетариата, за создание анархистского строя. В первую очередь наша организация видела необходимость подбора соответствующих кадров, воспитание их в духе анархистских мировоззрений, а также внедрение в массы анархистской идеологии.

ВОПРОС: Какие методы и формы борьбы с советской властью применяла организация в процессе своей практической к/р деятельности?

ОТВЕТ: В период 1930 г. и ранее, организация основной формой своей антигосударственной деятельности применяла пропаганду анархистских идей открыто путем лекций, читаемых анархистами СОЛОНОВИЧЕМ, ЛАНГОМ и др., а также на нелегальных собраниях кружков, участия в которых я не принимал, но о которых мне известно от СОЛОНОВИЧА и, возможно, от кого-нибудь другого.

ВОПРОС: Ваши показания не соответствуют действительности. Следствие располагает данными, что к/р анархистская организация в своей практической деятельности не ограничивалась пропагандой анархистских идей, а стремилась прямыми путями к свержению советской власти. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Из моих бесед с участником организации НАЗАРОВЫМ мне ясно, что организация стояла на пути активных методов борьбы с соввластью. Так, например, НАЗАРОВ выражая свое озлобление в резкой форме, критиковал соввласть и коммунистическую партию, указывал на отсутствие всякой демократии, на зажим человеческой мысли и наличие репрессий. Высказывая свое враждебное отношение к соввласти, НАЗАРОВ говорил, что условия жизни в бывшей царской России были гораздо лучше, чем при соввласти. В этом свете НАЗАРОВ говорил, что с соввластью нужно вести самую активную борьбу, используя для этого имеющееся, якобы, недовольство населения, которое нужно всколыхнуть каким-то решительным действием.

ВОПРОС: Что имел в виду НАЗАРОВ под решительным действием?

ОТВЕТ: Под решительными активными действиями НАЗАРОВ мог подразумевать террористические методы борьбы, т.к. политическая ситуация того времени не давала возможности применения других способов к/р деятельности.

ВОПРОС: Как Вы относитесь к террористической установке, высказанной НАЗАРОВЫМ?

ОТВЕТ: Во-первых, я по своей политической близорукости высказываниям НАЗАРОВА не придавал должного значения, тем более, что эта установка была преподнесена в завуалированной форме. А во-вторых, террористическую установку НАЗА-

РОВА я не рассматривал как установку всей организации, участником которой я был. Лично я, будучи мистиком, к террору как к средству политической борьбы отношусь отрицательно, исходя из тех соображений, что мистическое учение признает только открытые формы борьбы, в то время как террор есть удар из-за угла.

ВОПРОС: В чем выражалась к/р террористическая деятельность организации, участником которой Вы были?

ОТВЕТ: О практической к/р террористической деятельности организации мне ничего не известно.

ВОПРОС: На предыдущих допросах Вы назвали не всех известных Вам участников организации. Предлагаю по этому вопросу дать исчерпывающие показания.

ОТВЕТ: Кроме перечисленных ранее мною участников организации, мне со слов СОЛОНОВИЧ Агнии (не точно) известно, что к «Ордену тамплиеров» принадлежал некто СИЗОВ, с которым я лично не знаком.

ВОПРОС: Вы передавали СОЛОНОВИЧ Агнии материальные средства на нужды «Черного Креста»?

ОТВЕТ: До 1930 г. я действительно передавал СОЛОНОВИЧ Агнии деньги на нужды «Черного Креста». После 1930 г. я денег не передавал. Считаю необходимым заявить, что осенью 1936 г. я от СОЛОНОВИЧ Агнии в музее им. Кропоткина получил 10 лотерейных билетов, которые она просила меня распространить среди близких мне людей. По словам СОЛОНОВИЧ, полученные средства от реализации билетов предназначались в пользу музея Кропоткина, хотя, как мне известно, такого решения Кропоткинский Комитет не принимал и, следовательно, эта лотерея была организована по личной инициативе СОЛОНОВИЧ Агнии. Деньги за полученные билеты от СОЛОНОВИЧ уже после ее ареста я внес в музей им. Кропоткина в виде пожертвования.

ВОПРОС: По имеющимся у следствия данным вы хранили у себя анархо-мистическую литературу. Где сейчас эта литература?

ОТВЕТ: После возвращения из Ленинграда осенью 1936 г. я, опасаясь ареста, всю имеющуюся у меня мистическую литературу сжег.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. Гориневский

[Р-11994 (преж. 1842, 260273, т. 3, П-381307), 1951 г; машинописная копия, л. 17-18]

ПОКАЗАНИЯ ГОРИНЕВСКОГО 25.05.37 г.

ВОПРОС: На предыдущих допросах вы назвали не всех известных вам участников контрреволюционной анархо-мистической организации?

ОТВЕТ: За все время следствия я по морально-этическим соображениям старался скрыть известных мне участников анархо-мистической организации, выдавая лишь тех, который были в той или иной степени известны следственным органам. Теперь я, видя бесполезность скрывать своих единомышленников, твердо решил рассказать о них, а также внести ряд поправок в предыдущие свои показания.

ВОПРОС: Кто же входил в состав анархо-мистической организации кроме тех, которых вы называли ранее?

ОТВЕТ: В состав а/м организации входит СИНЯГИН Алексей Аркадьевич, работающий в данное время в гор. Томске. С СИНЯГИНЫМ познакомился в 1921 г. в Ленинграде совершенно случайно в столовой. Вначале мое знакомство с СИНЯГИНЫМ было на почве общего интереса к астрономии и я долгое время не знал о его принадлежности к а/м организации. Впоследствии примерно в 1934 г. я встретил СИНЯГИНА в Л[енингра]де, из беседы с ним понял, что он тоже входит в а/м организацию, в которую был завербован анархистом ПРОФЕРАНСОВЫМ (не точно). Узнав, таким образом, принадлежность СИНЯГИНА к организации, я связал его с участником организации НИКОЛАЕВОЙ. Свои поездки в Л[енингра]д я использовал для связи с СИНЯГИНЫМ и НИКОЛАЕВОЙ и передачи им мистической литературы. Кроме того, как участники а/м организации, мне известны КОМАРЕВСКИЙ и некто Елизавета Петровна, фамилию которой сейчас не помню*. С Елизавете-

той Петровной я встречался на нелегальных собраниях, происходивших у СОЛОНОВИЧ. До 1935 г. с КОМАРЕВСКИМ я связан не был. Познакомился с ним через НИКОЛАЕВУ Римму, порекомендовавшую мне КОМАРЕВСКОГО, как своего единомышленника и участника организации.

Перед тем, как я установил связь с КОМАРЕВСКИМ, у него на квартире была НИКОЛАЕВА, предупредившая КОМАРЕВСКОГО, что я к нему приду.

После этого я непосредственно связался с КОМАРЕВСКИМ, у которого был на квартире два раза в 1935-36 гг. При встречах с КОМАРЕВСКИМ мы беседовали на мистические темы и читали легенды. Из этих бесед для меня было ясно, что КОМАРЕВСКИЙ хорошо осведомлен в вопросах мистики и является участником организации, в которую входил и я. Считаю необходимым отметить, что КОМАРЕВСКИЙ не сочувствовал моим анархистским мировоззрениям.

ВОПРОС: Дайте подробные показания об участнике организации Елизавете Петровне.

ОТВЕТ: Как я уже показал выше, фамилию Елизаветы Петровны сейчас не помню. Подробно о ее деятельности мне неизвестно, т.к. непосредственной связи у меня с ней не было, и я встречал ее только на квартире у СОЛОНОВИЧ.

ВОПРОС: Вам известна связь СИНЯГИНА с анархистом РОСТОПЧИНЫМ?

ОТВЕТ: Мне СИНЯГИН рассказывал о своем знакомстве с РОСТОПЧИНЫМ, который, по его словам, отбывает где-то ссылку. Знал ли СИНЯГИН РОСТОПЧИНА как участника анархистской организации, мне неизвестно, т.к. подробно с СИНЯГИНЫМ на эту тему не говорил.

ВОПРОС: Продолжайте показания об известных Вам участниках организации.

ОТВЕТ: Одним из участников а/м организации является ЯВЕЙН Нина Эрнестовна, проживающая в одной квартире с участником организации ЛЯШУКОМ. Впервые я с ЯВЕЙН познакомился на квартире у анархиста ПАХОМОВОЙ Ольги (точно не помню) в 1930 г. До последнего времени я с ЯВЕЙН поддерживал связь и бывал у нее на квартире.

Кем была привлечена ЯВЕЙН в организацию — я не знаю. С ЯВЕЙН был связан и участник организации ЛЯШУК. Присутствуя на собраниях организации, где были только лица, входившие в ее состав, я встречал сестру СОЛОНОВИЧ Алексея — Надежду Александровну, которая являлась участником а/н организации. Насколько СОЛОНОВИЧ Надежда была активна, я не знаю, т.к. лично с ней я не беседовал и выступлений ее на собраниях не слышал. Мне известно, что СОЛОНОВИЧ Надежда была связана с участником организации НАЗАРОВЫМ Михаилом Алексеевичем.

ВОПРОС: Какие поправки вы хотели внести в свои предыдущие показания?

ОТВЕТ: В показаниях, данных мною ранее, я не точно осветил свое знакомство с НИКОЛАЕВОЙ. С ней я в действительности познакомился не случайно на даче. Наше знакомство произошло через некую Нину Алексеевну, являвшуюся участником организации, и с которой я встречался на нелегальных собраниях у СОЛОНОВИЧ. Фамилию Нины Алексеевны не помню. Знаю только, что она, связав меня с НИКОЛАЕВОЙ, вскоре уехала на Кавказ. С тех пор я с ней не встречался. От НИКОЛАЕВОЙ слышал, что Нина Алексеевна от работы в организации якобы отошла. Кроме того, считаю необходимым внести поправку в показания о моей жене ЧЕРКАЕВОЙ, которая не только разделяла мои а/м убеждения, но также, как и я, была участником а/м организации и знала о моей анархистской деятельности и связях.

ВОПРОС: Вы с профессором РОЗЕНТАЛЬ** знакомы?

ОТВЕТ: Проф. РОЗЕНТАЛЬ являлся моим личным другом. Он никакого отношения к анархистской организации не имел. До 1935 г. РОЗЕНТАЛЬ жил в Л[енингра]де и после убийства Кирова его выслали. В 1936 г. РОЗЕНТАЛЬ проездом в Одессу заходил ко мне на квартиру и передал рукопись ссыльного ТИГРАНОВА для вручения их ГОРЬКОМУ. Лично с ТИГРАНОВЫМ я не знаком.

ВОПРОС: Вы входили в состав Кропоткинского Комитета?

ОТВЕТ: Да, я с 1929 г. входил в состав Кропоткинского Комитета.

ВОПРОС: Какая к/р анархистская работа проводилась в музее им. Кропоткина?

ОТВЕТ: До 1930 г. музей им. Кропоткина был местом, вокруг которого происходила консолидация анархистских кадров и где проводилась нелегальная деятельность. В данное время, как и в продолжение всего предшествующего периода, руководство музея всячески старается избежать какого-либо влияния со стороны органов Советской власти. В практике работы сотрудников музея облик Кропоткина как одного из идеологов анархизма и сущность этого политическое течения в условиях диктатуры пролетариата обходились молчаливо.

ВОПРОС: Вы уклоняетесь от прямого и правдивого ответа по существу поставленного вопроса. Следствие располагает данными, что работники музея, в том числе и вы — ГОРИНЕВСКИЙ, использовали это учреждение как легальную возможность для пропаганды анархистских идей. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Об использовании музея для пропаганды анархистских идей я не знаю. Записано правильно, мною лично прочитано, в чем и расписываюсь.

Гориневский

[Р-11994 (преж. 1842, 260273, т. 3, П-381307, л. 19-20)]

* Елизавета Петровна Губерт.

** Розенталь Николай Николаевич, род. 22.09.1892 г. в Петербурге, специалист по истории феодализма Западной Европы, преподаватель ЛГИЛИ, ЛГПИ им. Герцена и ЛВИ им. Енукидзе; жил в Ленинграде на ул. Красных Зорь 73/75, кв. 17.

ЛЯШУК Сергей Романович
(1887 — 1969)

Ляшук Сергей Романович родился 26.01.1887 г. в г. Варшаве, в семье инспектора и учителя русского языка, истории и географии Петроковской мужской гимназии, статского советника Романа Онуфриевича Ляшука, род. в 1852 г., и его жены, Юлии Васильевны Ляшук, урожд. Проневской, дочери священника. Обучался до 1901 г. в Петроковской варшавской гимназии, с августа 1901 г. — в 3-й московской гимназии, которую закончил в 1905 г., поступив в том же году на физико-математической ф-т МГУ и завершив полный курс в 1911 г. Доцент по кафедре теоретической механики МВТУ им. Баумана в Москве, преподавал в Инженерно-строительном институте им. Куйбышева и Кожевенном институте им. Кагановича; б/п; жена Татьяна Павловна Ляшук, урожд. Боброва; сестра — Анна Романовна Ляшук, род. 17.02.1883 г., тетка — Мария Степановна Огиевич; адрес: ул. Володарского, д.12, кв. 16.

Арестован 15.04.37 г.; приговорен ОСО НКВД 09.07.37 г. за КРД к 5 годам ИТЛ. Освобожден 15.11.45 г. из Ухтпечлага (по справке в деле ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 249— из Ухтижельлага); повторно арестован в 1950 г. и 28.02.51 г. (по справке в деле Р-7776 — 28.11.51 г.) приговорен ОСО МГБ на поселение в Коми АССР. Освобожден на основании Указа от 27.03.53 г. Реабилитирован Постановлением Президиума Московского Городского Суда по делу № 5пс-205/60 от 09.05.1960 г. После возвращения в Москву работал в МВТУ им. Баумана. Умер в 1969 г. в Москве.

ПОКАЗАНИЯ ЛЯШУКА С.Р. 19.04.37 г.

ВОПРОС: Вы знаете анархиста СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича?

ОТВЕТ: Да, анархиста СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича я знаю.

ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах Вы с ним познакомились?

ОТВЕТ: С СОЛОНОВИЧЕМ А.А. я познакомился по службе в МВТУ в 1921 году, где мы были преподавателями. Приблизительно с этого же времени я узнал, что СОЛОНОВИЧ является анархистом. Позже, будучи тесно связан с СОЛОНОВИЧЕМ по службе, я завязал с ним более близкое знакомство и стал посещать его квартиру. Поскольку я часто сталкивался с СОЛОНОВИЧЕМ, я стал интересоваться идеями анархизма. На эту тему мы иногда беседовали с СОЛОНОВИЧЕМ; кроме того, он

часто давал мне для чтения анархистскую литературу и приглашал на свои лекции в Кропоткинском музее. Конкретно содержания этих лекций я сейчас не помню, знаю только, что они были теоретического, философского характера и были проникнуты идеалистическим мировоззрением (дуализм).

После ареста СОЛОНОВИЧА в 1930 году встречи с ним естественно прекратились, о его местопребывании я знал от его жены Агнии СОЛОНОВИЧ, которая бывала у него в Каргасоке и передавала мне от него привет. Переписки у меня с СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем нет.

ВОПРОС: Кого еще из анархистов Вы знаете?

ОТВЕТ: Знаю анархистку СОЛОНОВИЧ Агнию Онисимовну — с ней знаком с 1923 года, После ареста ее мужа Алексея несколько раз посещал ее; видя ее тяжелое материальное положение, несколько раз помогал ей деньгами (давал ей около 10 раз по 25 рублей в каждом случае). В последний раз я посетил Агнию Онисимовну незадолго до ее ареста, приблизительно в середине сентября 1936 года.

Знаком с анархистом НАЗАРОВЫМ Михаилом Алексеевичем, бывал у него на квартире, встречал его несколько раз в 1929-1931 гг. у СОЛОНОВИЧЕЙ, иногда он приходил ко мне вместе с женой. В последний раз НАЗАРОВ был у меня (вместе с женой) в апреле-мае 1936 года. НАЗАРОВ стоит на анархистских позициях, настроен против всякой власти государства.

Знаю как анархиста БЕМА Дмитрия Александровича, находящегося сейчас в ссылке. С ним я знаком еще с университета; как анархиста знаю его с 1928 года, встретив его в то время на лекции СОЛОНОВИЧА в Кропоткинском музее. Получил от него в 1933 и 1934 годах два письма относительно высылки ему документов по его службе. На первое письмо мною было отвечено.

ВОПРОС: А анархиста ГОРИНЕВСКОГО Вы знаете?

ОТВЕТ: Да, анархиста ГОРИНЕВСКОГО я знаю. Где с ним познакомился, не помню; встречал его несколько раз на квартире у Агнии СОЛОНОВИЧ.

ВОПРОС: Что Вас связывало со всеми указанными Вами анархистами?

ОТВЕТ: По убеждениям я являюсь анархистом и с анархистами СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем, СОЛОНОВИЧ Агнией, БЕМОМ, ГОРИНЕВСКИМ и НАЗАРОВЫМ меня связывала общность нашего политического мировоззрения.

ВОПРОС: Вы уклоняетесь от прямого ответа по существу вопроса, так как следствие располагает точными данными, что с указанными анархистами, т.е. СОЛОНОВИЧ Алексеем, СОЛОНОВИЧ Агнией, БЕМОМ, ГОРИНЕВСКИМ и НАЗАРОВЫМ вы были связаны как участники к/р анархистской организации. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Я подтверждаю, что являюсь участником анархистской группы, куда, кроме меня, входили анархисты СОЛОНОВИЧ Агния, НАЗАРОВ и ГОРИНЕВСКИЙ.

Участница группы Агния СОЛОНОВИЧ путем поездок в Каргасок была непосредственно связана с анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем.

ВОПРОС: Назовите всех известных Вам анархистов, связанных с СОЛОНОВИЧ Агнией и с Вами.

ОТВЕТ: Кроме перечисленных, я никого не знаю.

Протокол записан с моих слов правильно и мной прочитан.

Ляшук

[Налимов, с. 408-410]

ПОКАЗАНИЯ ЛЯШУКА С.Р. 21.04.37 г.

ВОПРОС: На предыдущем допросе Вы не дали правдивых и честных показаний. Намерены ли Вы дать их сейчас?

ОТВЕТ: Сейчас я основательно все продумал и в результате твердо решил дать откровенные показания о существовавшей анархистской организации, участником которой я был.

ВОПРОС: Перечислите известных Вам лиц, входивших в состав к.-р. анархистской организации.

ОТВЕТ: Из лиц, входивших в состав анархистской организации, участником которой я был, мне известны следующие: СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, БЕМ Дмитрий Александрович, ГОРИНЕВСКИЙ Георгий Валентинович, НАЗАРОВ Михаил Алексеевич.

ВОПРОС: Когда, при каких обстоятельствах Вы были вовлечены в состав анархистской организации?

ОТВЕТ: Участником анархистской организации я являюсь, примерно, с 1926 г. Завербован я был анархистом СОЛОНОВИЧЕМ А.А., с которым я был знаком еще с 1921 г., когда вместе с ним работал в МВТУ. Мое анархистское мировоззрение оформилось в результате общения с СОЛОНОВИЧЕМ, а также путем чтения анархистской литературы. СОЛОНОВИЧ, зная меня как анархиста, сделал предложение вступить в существовавший тогда нелегальный кружок, на что я ему и дал свое согласие. Войдя в состав кружка, я познакомился там, вернее, встретился с анархистами НАЗАРОВЫМ, ГОРИНЕВСКИМ и СОЛОНОВИЧ Агнией. Собрания кружка происходили, главным образом, на квартире у СОЛОНОВИЧА, как до его ареста в 1930 г., а также и после.

ВОПРОС: Какие вопросы обсуждались на нелегальных собраниях кружка?

ОТВЕТ: На собраниях кружка разбирались различные произведения идеологов анархизма, как, например, «Земля и воля» Кропоткина, «Поля, фабрики и мастерские», и прочее, а также произведения СОЛОНОВИЧА. Все эти произведения мы прорабатывали и устраивали обмен мнений в плоскости применения изложенных в них идей и в современных условиях. Все мы являлись убежденными анархистами, рассматривали государство как зло. Кроме того, на собраниях мы обсуждали и вопросы политики советской власти, делая им оценку в свете наших анархистских уставов.

Так, например: в коллективизации сельского хозяйства мы усматривали голое администрирование, исходившее от государственного аппарата, выразившееся в поспешности, которое кроме озлобления крестьянства реальных результатов не дало, хотя в отдельных случаях, в результате правильного подхода, крестьянство шло в колхозы охотно. Собрания происходили, главным образом, под руководством СОЛОНОВИЧА А.А.

ВОПРОС: Каким образом и через кого осуществляла Ваша группа связь с руководителем организации СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем Александровичем после его ареста в 1930 г.?

ОТВЕТ: После ареста СОЛОНОВИЧА А.А. из участников нашей группы с ним непосредственно была связана его жена, ездившая в Каргасок. В один из приездов из Каргасока СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна сообщила мне о тяжелом положении Алексея Александровича и о том, что его там местная колония анархистов бойкотирует, в связи с чем у него там имеется всего несколько человек близких ему. В числе приближенных к СОЛОНОВИЧУ анархистов упоминался МОКРИНСКИЙ и ЗИЛЬБЕР. Безусловно, СОЛОНОВИЧ Агния, бывая в Каргасоке, информировала своего мужа о том, что несмотря на его арест, наша группа продолжает существовать.

ВОПРОС: Передавала ли Вам лично СОЛОНОВИЧ Агния какие-либо директивные указания о целях и задачах, стоящих перед организацией в целом и перед вашей группой в частности?

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ Агния каких-либо директивных указаний мне лично не передавала, тем более, что мне, как старому участнику группы, основная целеустремленность была известна.

ВОПРОС: Изложите цели и задачи, стоявшие перед к.-р. анархистской организацией, участником которой Вы были.

ОТВЕТ: Наша анархистская группа, состоявшая из антигосударственных элементов, основной своей целью ставила подбор и подготовку анархистских кадров, внедрение в массы анархистской идеологии для того, чтобы воспитать соответствующих людей, как противников государства, в том числе и диктатуры пролетариата.

Подбор и воспитание анархистских кадров должен был происходить с тем расчетом, чтобы в нужный момент направить эти кадры на борьбу с государством за создание анархистского общества. Следовательно, исходя из этой установки, каждый участник группы должен подбирать и вербовать единомышленников из интеллигентских слоев населения.

ВОПРОС: Следствие располагает данными, что цели и задачи не ограничивались тем, что Вы показали выше. К.-р. анархистская организация, участником которой Вы были, в своей практической работе стремилась прямыми путями к свержению советской власти. Я от Вас требую прямого и четкого ответа по этому вопросу.

ОТВЕТ: Совершенно верно. В действительности анархистская организация, участником которой я был, свою практическую деятельность направляла к свержению советской власти. Из числа участников нашей группы с такого рода установками выступал НАЗАРОВ, который был наиболее враждебно настроен к советской власти.

НАЗАРОВ очень резко, в озлобленных тонах, отзывался о политике советской власти, указывая, что такая политика ведет страну к гибели. Кроме того, НАЗАРОВ с ненавистью говорил о руководителях ВКП(б), рассматривая их как основное зло. В процессе своих к.-р. высказываний НАЗАРОВ давал понять, что только путем активных форм и острых методов борьбы с советской властью возможно достигнуть тех идеалов, к которым стремятся анархисты и, в частности, наша организация. Эти установки НАЗАРОВЫМ передавались в завуалированной форме и каких-либо практических мероприятий не намечалось.

ВОПРОС: Следствию известно, что к.-р. анархистская организация стояла за необходимость применения террора как основного метода борьбы с советской властью, и НАЗАРОВ, как один из активных участников организации, под острыми формами борьбы имел в виду также террор. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Мне, несмотря на то, что я входил в организацию, установка на применение террора над руководителями ВКП(б) и советского правительства была не известна.

Что же касается установок, высказанных НАЗАРОВЫМ, то я не могу сказать, была ли эта установка получена от СОЛОНОВИЧА Алексея, или же она исходила непосредственно от самого НАЗАРОВА.

ВОПРОС: Выше Вы показали, что перед каждым участником организации стояла задача подбора и вербовки единомышленников. Назовите лиц, которых Вы лично обработали и завербовали?

ОТВЕТ: Лично мною в организацию завербован никто не был.

ВОПРОС: Вы назвали не всех известных Вам участников организации. По имеющимся у следствия данным, Вам известен как участник организации НИКИТИН и ЛАНГ, с которыми Вы встречались в 1936 г. Вы это подтверждаете?

ОТВЕТ: Я действительно с ЛАНГ и НИКИТИНЫМ встречался несколько раз летом 1936 г. на даче вблизи Каширы, где НИКИТИН живет постоянно, а ЛАНГ был проездом из Сибири после окончания ссылки. Входят ли сейчас НИКИТИН и ЛАНГ в организацию, я не знаю. По словам НИКИТИНА, ЛАНГ очень скверно относится к СОЛОНОВИЧУ, считая его основным виновником целого ряда арестов.

Записано правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. Ляшук

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 121-126, машинописная копия]

(Оригинал хранился в архивно-следственном деле № 260273 в отделе «А» МГБ СССР.)

Весьма любопытной фигурой, указанной Д.А.Бемом и привлеченной следствием в качестве лишь свидетеля по делу А.О.Солонович, был М.В.Губерт, ранее бывший тамплиером, а затем входивший в группу Ордена московских розенкрейцеров, во главе которого стоял В.В.Белюстин, что, как можно заметить, никоим образом не повлияло на его жизнь и, как видно, уже сложившиеся отношения с органами ОГПУ-НКВД, поскольку он никогда не подвергался даже аресту и благополучно, как следует из справки, скончался 13.09.55 г. на своей прежней квартире, указанной и в протоколе допроса 1937 г.

ГУБЕРТ Михаил Владимирович
(1888 – 1955)

Губерт Михаил Владимирович, род. в 1888 в г. Ереване, сын судебного чиновника. С 1908 по 1915 г. учился в Московском университете; в 1916 г., будучи призван в армию, поступил в Михайловское артиллерийское училище; с 1916 г. – в царской армии прапорщиком; с 1918 г. по 1922 г. – в Красной Армии, адъютант Московской кавалерийской школы; с 1922 по 1927 г. в Музее изобразительных искусств; с 1927 по 1930 г. в издательстве «Современник»; с 1932 по 1934 г. в РККА – зав. делопроизводством Управления нач. артиллерии МВО; с 1934 г. – помощник начальника отделения по личному составу Военно-Химической Академии РККА (техник-интендант 1-го ранга). Адрес – Москва, Новая Божедомка (ныне – ул. Достоевского) 25, кв. 14. Жена – Губерт Елизавета Петровна, член ВКП(б), библиотекарь; двое детей.

Несмотря на важность своих показаний, по делу «Альянса» В.М.Губерт был привлечен только в качестве свидетеля, как и Д.С.Недович.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГУБЕРТ М.В. 10.05.37 г.

[Жена была знакома с КАРЕЛИНЫМ, познакомился с ним в 1925 г., был у него 2-3 раза.] В первый раз он со мной и КАФКОЙ Л.В. беседовал о подлинности евангелий и некоторых противоречиях в евангельском тексте. Второй раз я присутствовал на собрании у КАРЕЛИНА, где он рассказал мистическую легенду. На этом собрании присутствовало около 20 человек.

ВОПРОС: Вы состоите в организации «Орден тамплиеров»?

ОТВЕТ: Я состоял в ней около 3-х лет (1925-27 гг.). В Орден я был посвящен СИЗОВЫМ Михаилом Ивановичем и имел 3-ю «рыцарскую» степень В 1927 году я перестал посещать собрания орденского кружка и так сказать механически выбыл.

ВОПРОС: Назовите известных Вам участников организации «Орден тамплиеров.

ОТВЕТ: Из участников организации «Орден тамплиеров» знал: КАРЕЛИНА А.А., СОЛОНОВИЧА А.А., СОЛОНОВИЧ А.О., СИЗОВА М.И., КАФКУ Л.В., АНОСОВА Г., ПОСПЕЛОВУ В.В., ДОРОГОВУ М.В., ГУБЕРТ Е.П. Кроме того на собрании у КАРЕЛИНА я видел режиссера МХАТа СМЫШЛЯЕВА и некого НИКИТИНА – художника. Являлись ли они членами Ордена, я не знаю. Собрания мистического кружка бывали на квартирах КАФКИ (Садово-Кудринская), у ДОРОГОВОЙ (Новая Божедомка 27). Легенды рассказывали КАФКА и ДОРОГОВА. <...> Со слов В.В.ПОСПЕЛОВОЙ (ГУБЕРТ) мне известно, что она совместно с СОЛОНОВИЧ Агнией и АНДРЕЕВЫМ занимались вопросами помощи ссыльным анархистам. <...> В 1931 г. я указал В.В.Поспеловой на необходимость прекращения ее связи с СОЛОНОВИЧ. <...>

[ЦА ФСБ РФ, Р-11994, л. 347-349]

АРЕНСКИЙ Павел Антонович
(1887–1941)

Аренский Павел Антонович родился 29.06.1887 г. в г. Ливны Орловской губ., сын композитора А.С.Аренского; образование – 3 года естественного факультета МГУ; востоковед, поэт, прозаик, переводчик; место работы – Оперный театр Станиславского и Грушкова изд-ва «Молодая Гвардия», член СП СССР. Адрес: ул. Огарева д. 1/12, кв. 30. В 1924-30 гг. являлся участником к/р организации «Орден Света». Принадлежность Аренского к террористической организации подтвердил БЕМ. Ордер на арест и обыск от 03.05.1937 г. Арестован на основании Постановления Крымского НКВД от 05.05.37 г. в дер. Коккозы Куйбышевского р-на Крыма. Анкета арестованного заполнена 18.05.1937 г. Допрошен 03.06.37 г. Объявление об окончании следствия – 10.06.37. Постановление ОСО НКВД от 09.07.37 г. – с первым отходящим этапом в гор. Бухта Ногаево в СЕВВОСТЛАГ НКВД – на ПЯТЬ лет ИТЛ.

[Р-11994, л. 416] Умер 25.12.41 г. в Севвостлаге. Определением Верховного Суда СССР от 28.12.55 г. дело прекращено.

СПРАВКА

Аренский Павел Антонович, 1887 г. рожд., ур. г. Ливны, б. Орловской губ., литератор-журналист, анархист. Проживает: ул. Огарева, 1/12, кв. 30.

В 1924-30 гг. являлся участником к.-р. анархической организации «Орден Света», был непосредственно связан с анархистом-террористом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем и по его заданию руководил анархистским кружком в составе анархистов: ПОЛЬ А.С., ПОЛЬ Е.А., ЗЕЛИКОВИЧ Э.С., УЙТТЕНХОВЕН и др.

Оставаясь до последнего времени на анархистских позициях, вошел в созданную в 1933 г. СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем к.-р анархическую террористическую организацию и, будучи связан с анархо-террористкой Агнией СОЛОНОВИЧ, принимал активное участие в к.-р. работе Московской группы анархистов.

Арестованный УНКВД ЗСК анархо-террорист БЕМ подтвердил на допросах принадлежность АРЕНСКОГО к организации.

«В разговоре со мной Агния СОЛОНОВИЧ сообщила, что в Москве существует анархо-мистическая группа, в которую входят ПОСПЕЛОВА В.В., НАЗАРОВ М.А., АРЕНСКИЙ П.А.» (Из показаний БЕМА от 07.03.37 г.).

Полагал бы АРЕНСКОГО арестовать.

Нач[альник] 4-го Отделения 4 Отд. ГУГБ Капитан ГБ
«...» апреля 1937 г.

Григорьев

[Налимов, с. 396-397]

ПОКАЗАНИЯ АРЕНСКОГО П.А. 03.06.37 г.

ВОПРОС: Вы обвиняетесь в том, что являетесь участником к/р анархо-мистической организации. Признаете себя в этом виновным?

ОТВЕТ: Да, признаю себя виновным, что с 1923 г. и до 1929 г. я состоял членом к/р организации анархо-мистиков, а также состоял рыцарем «Ордена Света», возглавляемым тогда КАРЕЛИНЫМ, а после его смерти – СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем Александровичем.

ВОПРОС: Вы говорите неправду. Участником к/р организации анархо-мистиков вы состояли и поддерживали связь с членами организации не только до 1929 г., но и после – до момента Вашего ареста.

ОТВЕТ: Нет, я это категорически отрицаю.

ВОПРОС: Назовите, кого из участников к/р организации анархо-мистиков Вы знаете.

ОТВЕТ: Из лиц, которые принимали участие в к/р организации анархо-мистиков, мне известны следующие: СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович – это один из руководителей организации, СМЫШЛЯЕВ Валентин Сергеевич, умер года 1,5 тому назад, НИКИТИН Леонид Александрович художник, проживает где-то под Москвой, жена его ЛАНГ Вера Робертовна, СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, ПОЛЬ Александр Сергеевич, бывшая жена его Елена Аполлинариевна, БЕРНЕР Софья Яковлевна, ЗБРУЕВА Нина Павловна, ШИШКО – пианист, КАФКА, ЗЕЛИКОВИЧ и БРЕНДСТЕД.

ВОПРОС: С кем из названных Вами участников к/р анархо-мистической организации Вы встречались и поддерживали связь последнее время?

ОТВЕТ: Регулярных встреч и систематических связей у меня ни с кем из названных лиц мною лиц не было. Но до смерти, т.е. до 1936 г. я встречался со СМЫШЛЯЕВЫМ, затем ко мне в 1934-35 гг. после ссылки заходил ПОЛЬ Александр Сергеевич, один раз также был у меня НИКИТИН Леонид Александрович, в 1936 г. тоже заходила и не один раз бывшая жена ПОЛЯ Елена Аполлинариевна, в этом же году один

раз был у меня быв[ший] член моего кружка ЗЕЛИКОВИЧ, а затем, кажется, я видел его в здании редакции «Следопыт», но наша встреча тогда была мимолетна, только поздоровались и ни о чем не говорили.

ВОПРОС: Почему после ссылки эти анархо-мистики заходили именно к Вам, и что их связывало с Вами?

ОТВЕТ: С этими лицами я был связан в прошлом и идейно, и организационно. Например, ПОЛЬ А.С. мною был лично завербован в организацию анархо-мистиков, состоял в моем кружке, которым я руководил. То же самое и ЗЕЛИКОВИЧ. С НИКИТИНЫМ мы встречались как рыцари одного Ордена, а раньше были связаны долготелней дружбой и, видимо, зная меня как анархо-мистика в прошлом, они и зашли ко мне на квартиру.

ВОПРОС: Расскажите о тех разговорах, которые были у Вас с этими лицами.

ОТВЕТ: С ПОЛЕМ у меня был разговор о моей литературной работе, он меня расспрашивал над чем я работаю и рассказывал в свою очередь мне, что собирается написать какую-то историческую работу на основе тех материалов, которые он обнаружил в каком-то музее. Делился также ПОЛЬ впечатлениями о своей ссылке, как ее провел, говорил, что работает в органах НКВД, при этом на меня он произвел такое впечатление, что он окончательно выздоровел от анархо-мистицизма.

НИКИТИН мне при встрече говорил о своей театральной и режиссерской работе на Медвежьей Горе, где он отбывал ссылку*.

С ЗЕЛИКОВИЧЕМ у нас была беседа о его материальном положении, а также он мне рассказывал о книге, которую написал и предполагает издать или уже издал. Это была сокращенная книга по астрономии для юношества Джемса Джинса, содержание и вывод из этой книги, которые мы и обсуждали с ЗЕЛИКОВИЧЕМ. Вспомнить подробно весь разговор очень трудно, но обсуждал я с ЗЕЛИКОВИЧЕМ философские вопросы, затрагиваемые в этой книге, в частности тему о строении вселенной, и разговор, конечно, носил мистический характер.

ВОПРОС: Вы заявляете, что ПОЛЬ отказался от своих анархо-мистических взглядов. Откуда это Вам известно, если вы об этом, как заявляете, не говорили?

ОТВЕТ: Это впечатление осталось у меня от разговора с ним, так как, касаясь нашего общего прошлого, мы быстро установили единый взгляд на прежнюю анархо-мистическую работу. Из его рассказов о советском строительстве я видел, что он стоит на новых позициях. Поэтому никакого разговора об анархо-мистицизме я с ним не вел.

ВОПРОС: Значит, Вы не порвали своих связей и имели встречи с анархо-мистиками, вели разговоры анархо-мистического содержания и после 1930 г.?

ОТВЕТ: Да, действительно, у меня сохранились связи с некоторыми анархо-мистиками. Я встречался, как уже сказал, с ПОЛЕМ, НИКИТИНЫМ, ЗЕЛИКОВИЧЕМ, бывшей женой ПОЛЯ Еленой Аполлинариевной в 1934-35-36 гг., а также разговаривал с ними на анархо-мистические темы.

ВОПРОС: Расскажите, какие практические задачи ставили перед собой участники этой к/р организации.

ОТВЕТ: Основной своей задачей, которую ставила эта организация, в которую я входил, было проведение среди интеллигенции и широких масс населения враждебной и чуждой пролетариату идеологии, и на основе этого — подготовка лиц, входящих в организацию, для борьбы с Советской властью.

С этой целью мы задумали один раз в театре Второго МХАТа поставить пьесу Гофмана, сделанную мной из рассказа «Золотой горшок». СМЫШЛЯЕВ ее должен был поставить, а НИКИТИН декорировать, но пьесу, в связи с тем, что она была явно мистического содержания, — не разрешили.

Участники организации собирались на квартире у КАРЕЛИНА, СОЛОНОВИЧА, несколько раз были собрания у меня. На этих собраниях читались доклады, разбирались легенды, содержания их я сейчас не помню, но все они по смыслу были направлены к тому, чтобы дать идеалистическую базу участникам в их работе и для борьбы, как я уже сказал, с Советской властью.

ВОПРОС: Расскажите о Вашей практической деятельности как участника к/р организации.

ОТВЕТ: В организацию анархо-мистиков я был вовлечен в 1923 г. СОЛОНОВИЧЕМ А.А., с которым тогда познакомился на квартире у СМЫШЛЯЕВА, началось это с религиозно-философских бесед, а затем он мне рассказал, что есть Орден, в котором хранится древне-мистическая мудрость.

В этот Орден мы и были вовлечены со СМЫШЛЯЕВЫМ и моей бывшей женой Верой Александровной ЗАВАДСКОЙ, а затем уже к нам примкнул и НИКИТИН.

Сам я лично привлек в организацию ПОЛЯ А.С., его жену Елену Аполлинариевну, БЕРНЕР Софью Яковлевну, иногда бывал и ее муж, ЗБРУЕВУ Нину Павловну, ЗЕЛИКОВИЧА и ШИШКО. Все эти лица мною были посвящены в рыцари «Ордена Света», и с ними я вел работу по воспитанию их в рыцарском духе.

На этих собраниях я рассказывал легенды и через них стремился к тому, чтобы дать присутствующим идеалистическую базу для будущей их работы в искусстве и литературе и проведения через искусство и литературу враждебной идеологии в широкие массы населения. [Далее текст воспроизводится по книге В.В.Налимова, с. 400. — А.Н.]

ВОПРОС: Какая практическая работа проводилась Вами в последние годы, и как Вы проводили эту враждебную идеологию в искусстве и литературе?

ОТВЕТ: Как мы это пытались делать до 1929 г. я уже сказал раньше. Что же касается после 1929 г., то никакой практической работы я не вел. Наступление, которое повела партия в области идеологии, искусства, литературы затрудняло нашу работу. Так, в 1931 году я послал рассказ под заглавием «Мамамата» из жизни черепах в один из журналов, но мне его вернули и заявили, что в нем имеется налет мистицизма.

В связи с арестами, которые произошли, когда арестовали моих единомышленников, я начал постепенно пересматривать свои взгляды на ряд вещей и переходить на позицию художественного реализма в литературе, которую можно проследить в моих последних работах.

ВОПРОС: Расскажите, какую практическую работу проводил каждый из участников этой к/р группы.

ОТВЕТ: СОЛОНОВИЧ читал лекции по истории искусства, в которых проводил свои анархо-мистические взгляды, Были они у него на квартире. НИКИТИН, как член организации, выступал по вопросам живописи, особенно останавливался на определениях Врубеля. О СМЫШЛЯЕВЕ я уже сказал. Об остальных, кто у меня занимался в кружке, мне ничего не известно об их организационной работе.

ВОПРОС: Вы скрываете деятельность известных Вам членов к/р организации. Предлагаем Вам рассказать все, что известно об их деятельности.

ОТВЕТ: Прошу верить, что все, что я знал, я уже сказал, и больше мне ничего не известно о деятельности членов этой к/р организации.

ВОПРОС: Следствие считает, что Вы скрываете от следствия свою принадлежность и практическую деятельность — свою и известных Вам лиц. Будете говорить об этой деятельности?

ОТВЕТ: Все, что мне известно, какую я проводил работу, с кем встречался и что говорил, я уже сказал и больше показать ничего не могу.

Протокол записан с моих слов правильно, мной прочитан.

П.Аренский

[ЦА ФСБ РФ, Р-11994, т. 1, л. 220-224]

* На Медвежьей Горе в управлении Беломорстроя отбывал свой срок А.С.Поль, тогда как Л.А.Никитин — на «Свирьстрое».

Несмотря на столь единодушные показания свидетелей и подельников, А.О.Солонович, как и Шаревский, категорически отказывалась давать какие-либо «признавательные» показания следователям. Она соглашалась, что в декабре 1933 г. вела переписку с русскими анархистами в Америке — Шевчуком и Эрмандом³⁷, что последнее письмо от М.М.Брендстеда получила в январе того же 1933 г., но не ответила ему

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 22-31об], что в Петропавловске (Казахстан) останавливалась у своего сына, С.А.Солоновича, находившегося там в ссылке, а в Томске — у Л.В.Кафка [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 36 об], но далее этого ее признания не шли. Между тем, чтобы следствие получило своих жертв, кроме показаний Бема и Мокринского требовалось полномасштабное признание еще одной из них, все равно — И.И.Шаревского, А.О.Солонович или М.А.Назарова. Зная его психическое состояние, ставка была сделана на последнего. И, наконец, после ознакомления со всеми показаниями против него, после всех очных ставок, Назаров был сломлен.

НАЗАРОВ Михаил Алексеевич
(1889—1937)

Назаров Михаил Алексеевич родился 16.06.1889 г. в г. Переславле-Залесском Владимирской губ.; отец — купец 2-й гильдии, умер в 1912 г.; окончил Экономическое отделение Московского Коммерческого института, по специальности — бухгалтер-экономист со стажем 14 лет; последнее место работы — трест Консервстрой, уволен по сокращению должности с 27.11.36 г.; с военного учета снят по болезни (удост. № 42 от 26.04.23 г.); прож.: Москва, Глазовский пер. д. 5/9, кв. 15. Жена — Надежда Никаноровна Назарова, 1894 г. рожд. Русская, преподаватель музыки в 1-м Музтехникуме; из дворян, отец инженер-артиллерист в чине подполковника умер в 1905 г.; сын от первого брака — Алексей, учащийся, 15 лет; дочь от второго брака — Елена, 6 лет. Сестры: Екатерина Алексеевна Назарова, 1894 г. рожд., урожд. г. Переславль-Залесский, машинистка Юридического института; Александра Алексеевна Назарова, иждивенка, инвалид; Мария Алексеевна Зюзина, иждивенка; сестра Лидия Алексеевна Ушакова, бухгалтер; Ольга Алексеевна Глинская, иждивенка, прож. в г. Краматорске. Сестра жены — Ольга Никаноровна Сурменова, учительница музыки в Консерватории.

Впервые арестован 22.04.35 г. по обвинению в КРД и за отсутствием доказательств постановлением следователя от 26.08.35 г. дело прекращено. Повторно арестован 27.11.36 г. При обыске взято: записные книжки и блокнот — 3 шт., тетрадь с записями на иностранных языках — 1 шт, писем — 16 шт, переписка на 66 лл., фотокарточек 11 шт. Книги: Кропоткин, Мюллер и А.Белый — 3 шт. Приговорен ВК ВС СССР 29.07.37 г. по ст. 58/8 и 11 к ВМН, приговор приведен в исполнение немедленно. [О М.А.Назарове см. воспоминания В.В.Налимова (в кн. «Канатоходец») и Г.В.Гориневского (*Гориневский Г.В.* Воспоминания. // Путь, 3/1933, с. 217-219)].

В Н.К.В.Д.
от Назарова М.А.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Признаю, что находясь в заключении в течение шести месяцев на следствии давал ложные показания о своей контрреволюционной деятельности.

Признаю, что вплоть до ареста я являлся участником к.-р. анархо-мистической организации и будучи враждебно настроен против Советской власти и принимал участие в вербовке новых лиц в организацию.

О своей активной к.-р. деятельности в организации, в которую я был завербован в 1929 году Алексеем СОЛОНОВИЧЕМ и о ее задачах я дам показания в следующий раз.

08.06.37 г.*

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 27]

* Следует отметить, что почерк документа вызывает сомнение в его аутентичности почерку Назарова, поскольку начертания букв отличаются от заявления на л. 26 настоящего дела, безусловно написанного Назаровым. С другой стороны, учитывая показания Е.А.Назаровой 13.03.57 г. и 20.04.57 г. о тяжелом психическом заболевании М.А.Назарова (см. Приложе-

ние 1), вполне возможно, что данное заявление и последующие показания даны им в период искусственно вызванного следствием обострения.

ПОКАЗАНИЯ НАЗАРОВА М.А. 26.06.37 г.

ВОПРОС: В ноябре 1936 г. Вы были арестованы как участник к.-р. организации анархистов-мистиков и все это время на следствии не давали показаний. Сейчас Вы заявляете, что решили дать откровенные показания о всей контрреволюционной работе, которую проводили. Что можете показать по этому вопросу?

ОТВЕТ: Я признаю себя виновным в том, что действительно вплоть до своего ареста являлся участником контрреволюционной анархо-мистической организации, рыцарем «Ордена тамплиеров», возглавляемым известным анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем.

ВОПРОС: Когда Вы вступили в эту антисоветскую анархистскую организацию?

ОТВЕТ: В организацию анархо-мистиков и «Орден тамплиеров» я вступил в 1929 г. Вовлек меня в нее Алексей СОЛОНОВИЧ, с которым меня познакомил анархист БЕМ Д.А.

СОЛОНОВИЧ зная, что я интересуюсь вопросами мистики, очень часто после нашего знакомства беседовал со мной по этому вопросу и в беседах всегда подчеркивал, что нельзя мои взгляды и мистические мировоззрения отрывать от реальных вопросов жизни, т.к. истина может быть познана в процессе борьбы с насилием, в том числе и с советским строем.

Под влиянием этой агитации я все больше и больше воспринимал идеи анархизма и таким образом стал в ряды анархомистической организации.

ВОПРОС: Расскажите о Вашей конкретной работе как члена этой организации.

ОТВЕТ: Прежде чем рассказывать о своей работе, я должен рассказать, что вообще делала организация. Наша к.-р. анархо-мистическая организация стремилась к свержению существующего строя. В связи со все более и более укреплением внешнего и внутреннего положения СССР, мы понимали, что выступить открыто в борьбу с Советской властью в условиях мирного времени — невозможно, да это и нерационально, поэтому осуществление своих задач по свержению Советской власти мы связали с наступлением военного периода и возможным поражением СССР в войне с капиталистическими странами. До этого момента наша задача практически заключается в том, чтобы готовить усиленно кадры, собирать и сохранять старые кадры, вести индивидуальную обработку новых лиц из числа недовольных Советской властью элементов.

Моя практическая работа как члена организации выражалась в том, что я занимался вербовкой новых членов в «Орден тамплиеров» и организацию анархо-мистиков. Мною совместно с СОЛОНОВИЧ Агнией были привлечены к участию в работе НЕДОВИЧ, моя сестра, которые СОЛОНОВИЧ были посвящены в рыцари «Ордена тамплиеров». Было сделано предложение и Б.В.КОРОСТЕЛЕВУ, но последний, являясь участником нашей анархо-мистической организации, принимая участие на наших собраниях, он от вступления в «Орден тамплиеров» отказался.

На квартире у меня также происходили собрания членов организации, где мной и Агнией СОЛОНОВИЧ читались и комментировались в соответствующем анархистском духе мистические легенды и читались произведения Алексея СОЛОНОВИЧА.

Во время этих собраний, проводившихся под видом вечеринок, я произносил в присутствии СОЛОНОВИЧ, НЕДОВИЧ, КОРОСТЕЛЕВА и моей сестры тосты за анархистский строй, а также велись разговоры, критиковались мероприятия партии и Советской власти с контрреволюционных позиций, на которых мы стояли. Конкретных разговоров я сейчас уже не помню.

ВОПРОС: Вы рассказали не все и скрываете от следствия проводимую Вами к.-р. работу.

ОТВЕТ: Да, действительно, я забыл сообщить, что кроме той работы, о которой я уже сказал, я был связан с анархистской группой молодежи, в состав которой во-

дили ШАРЕВСКИЙ Ион, ИОФФЕ и НАЛИМОВ. Непосредственное руководство этой группой осуществлялось СОЛОНОВИЧ.

Мне приходилось неоднократно встречаться с ИОФФЕ и НАЛИМОВЫМ, с которыми я знаком с 1930 года через СОЛОНОВИЧА, давать им советы, как углубленно изучать анархизм, указывать им на необходимость рассмотрения связей и усиления работы среди интеллигенции. На этом мои связи с участниками к.-р. организации не ограничивались. Я был также связан с ГОРИНЕВСКИМ, ЛЯШУКОМ, с которыми встречался и знал об их антисоветской деятельности.

ВОПРОС: Вы упорно не желаете рассказать всю правду. Следствию известно, что Вы стояли на позиции применения террора как средства борьбы.

ОТВЕТ: Я действительно пытался скрыть от следствия занимаемую мною позицию в отношении форм и методов борьбы с Советской властью. Я на собраниях и в беседах с отдельными участниками организации выступал как сторонник решительных активных форм борьбы с Советской властью. Политическая обстановка в стране не благоприятствовала контрреволюционной анархистской деятельности. Опасность войны хотя и приближалась, но еще неизвестно, кто оказался бы побежденным — капиталистические страны или Советский Союз.

В связи с этим я считал необходимым переход к более решительным методам борьбы и в беседе с участником организации НЕДОВИЧЕМ я излагал ему задачи, стоявшие перед организацией, и заявил, что мы (участники организации) бороться с Соввластью будем с бомбами в руках. Этим я дал понять НЕДОВИЧУ, что я стою за необходимость применения террористических методов борьбы.

ВОПРОС: Вы заявили, что состоя в контрреволюционной организации анархистиков в то же время были рыцарем «Ордена тамплиеров». Расскажите, что из себя представляет и какие практические задачи перед собой ставит эта организация?

ОТВЕТ: Собственно, по существу, никакой разницы между анархистской организацией, руководимой СОЛОНОВИЧ, и «Орденом тамплиеров» нет, поскольку большинство членов Ордена — анархисты, и поскольку основная цель Ордена была той же, что и анархистской организации. Но в Ордене более тщательно маскировались от вновь вступающих в него и скрывалось к.-р. политическое содержание целей и задач Ордена.

Внешне получалось так, что ничего особенного предосудительного ни в мистических идеях, ни в мистических легендах не замечалось. В легендах говорилось о необходимости самоусовершенствования, о развитии моральных качеств, о борьбе со злом и так далее, и никаких поводов считать эти легенды контрреволюционными и организацию политической — не было. На самом деле указания на необходимость борьбы с насилием, которое особенно всегда подчеркивалось, и что надо быть всегда готовым к самопожертвованию ради идеи, все это имело одну цель — это подготовить из числа «Ордена тамплиеров» анархистов, будущих врагов диктатуры пролетариата.

ВОПРОС: Назовите известных Вам участников контрреволюционной организации.

ОТВЕТ: Как участники организации мне известны следующие лица: руководителем был сам СОЛОНОВИЧ Алексей, но так как он был арестован, то это руководство осуществлялось через Агнию СОЛОНОВИЧ. Последняя мне известна как старая анархистка, резко враждебно настроенная против Советской власти. Она имела связи со всеми анархистами-мистиками, посвящала в рыцари «Ордена тамплиеров». При мне ею лично были посвящены НЕДОВИЧ, НАЗАРОВА Екатерина. Кроме того, СОЛОНОВИЧ вела переговоры в моем присутствии с КОРОСТЕЛЕВЫМ, но последний от посвящения в Орден отказался.

Я уже указал, что СОЛОНОВИЧ была связана и руководила молодежной группой, причем об этой группе знал только СОЛОНОВИЧ Алексей.

Как участники к.-р. анархистической организации, мне известны ГОРИНЕВСКИЙ Г.В., ЛЯШУК С.Р., БЕМ Д.А., НАЛИМОВ В.В., ИОФФЕ, ШАРЕВСКИЙ, НЕДОВИЧ, НИКИТИН, КОРОСТЕЛЕВ и НАЗАРОВА Е. Кроме того, мне известен

ПРОФЕРАНСОВ, но с ним лично я не знаком. С ШАРЕВСКИМ лично я также не знаком.

ВОПРОС: Вы не все рассказали о Вашей работе и не назвали всех известных Вам участников к.-р. организации анархистов-мистиков.

ОТВЕТ: Все, что я знал о работе — рассказал, и больше никто мне из анархистов-мистиков не известен.

Протокол записан правильно, мною лично прочитан, в чем и расписываюсь.

М.Назаров

[ЦА ФСБ РФ, Р- 7767, л. 28-35; автограф?]

Как были составлены такие показания М.А.Назарова, можно понять, ознакомившись с параллельно развивающимся в это время следствием по делу Ф.Б.Ростопчина, арестованного 11.02.37 г. в Бухаре [ЦА ФСБ РФ, Р-40084 (преж. 12180, Н-11193)], и А.А.Синягина, арестованного в октябре того же года в Томске, отнюдь не случайно всплывших в показаниях Г.В.Гориневского, который был привлечен — вроде бы — только по делу «Всероссийского альянса» из-за М.А.Назарова и А.О.Солонович.

РОСТОПЧИН Федор Борисович

(1904 — 1937)

Ростопчин Федор Борисович, русский, б/п, востоковед-иранист, одинокий; родился 22.07.1904 г. в г. Москве, из титулованных дворян; отец — Ростопчин Борис Викторович, 63 лет, быв. граф, быв. чиновник, где работает — не известно; мать — Ростопчина Мария Васильевна, 61 года, проживает вместе с мужем в Москве, Новинский бульвар д. № 4, кв. 5. После революции с 1918 по 1921 г. — красноармеец РККА, доброволец; в 1925 г. окончил Московский институт Востоковедения им. Нариманова; с 10.06.27 г. по 23.06.27 г. по неизвестной причине был арестован в Москве ГПУ; с 15.03.35 г. по 17.03.35 г. содержался под арестом Ленинградским НКВД. 27.03.35 г. выслан в г. Челкар Казахской АССР «как дворянин, сын бывшего графа и царского чиновника» сроком на 5 лет, где пробыл до 25.12.35 г., после чего с согласия НКВД переехал в г. Бухару (Узбекистан); вместо паспорта — удостоверение от НКВД № 51; научный работник Бухарского государственного музея; проживает — г. Бухара, Госмузей. Арестован 11.02.37 г. в Бухаре, 12.05.37 г. был затребован ГУГБ НКВД в Москву, куда и прибыл 11 или 12.06.37. Приговором ВК ВС СССР 29.07.37 г. приговорен к расстрелу немедленно.

Реабилитирован 06.05.91 г. на основании Указа Президента СССР от 13.08.1990 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

г. Бухара, 1937 г. февраля 23 дня. Я, Нач[альник] 4 отдела УГБ Бухарского сектора НКВД, Лейтенант Государственной Безопасности — Васильев, ознакомившись с материалами следственного дела № 2149 и принимая во внимание, что в означенных материалах имеются указания на то, что отбывающий в Бухаре адмссылку бывший граф РОСТОПЧИН Федор Борисович ведет контрреволюционную агитацию троцкистско-фашистского характера, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 66 ч. 1 УК УзССР, поэтому руководствуясь ст.ст. 40,41 и 49 УПК УзССР, ПОСТАНОВИЛ:

гр-на РОСТОПЧИНА Федора Борисовича привлечь к ответственности в качестве обвиняемого по следственному делу № 2149 и предъявить ему обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 66 ч. 1 УК УзССР.

Избранную в отношении обвиняемого меру пресечения — содержание под стражей в Бухарской тюрьме оставить в силе.

Копии настоящего постановления об изложенном поставить в известность прокурору Бухарского сектора НКВД.

Начальник 4 Отд[ела] УГБС НКВД
Лейтенант Госбезопасности

Васильев

Постановление мне объявлено 24 февраля 1937 года.

Указанное выше клеветническое обвинение прочел.

Ф.Ростопчин

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 3]

Характер работы, условия жизни, круг научных интересов Ф.Б.Ростопчина как ученого-востоковеда, достаточно раскрываются из протокола его допроса 21.02.37 г. и могут иметь значение как для его научной биографии, так и в отношении людей, чьи имена здесь упомянуты и по которым органами НКВД тоже могло быть возбуждено следствие.

ПОКАЗАНИЯ РОСТОПЧИНА Ф.Б. 21.02.37 г.

ВОПРОС. При обыске у Вас изъяты целый ряд адресов. Следствие требует объяснить происхождение каждого адреса и характер Вашего знакомства с адресатами.

ОТВЕТ: Объясняю происхождение каждого предъявленного мне адреса и характер моего знакомства с адресатами:

1) Адрес: Ташкент, ул. Кирова, УзТАГ ЦУКЕРВАНИК. Гражданку ЦУКЕРВАНИК Рахиль Платоновну я знаю по моей работе в Прессбюро в Ленинграде. В 1932-33 гг. я работал представителем Прессбюро (Бюллетень «Пресса Среднего Востока») в Ленинграде. (Бюллетень издавался в Ташкенте, а я был ленинградским представителем его.). Секретарем редакции этого Бюллетеня была Р.П.ЦУКЕРВАНИК, с нею я познакомился в ее приезде в Ленинград по делам Бюллетеня; до личного знакомства я с нею был знаком только письменно. Характер знакомства был исключительно служебный. Когда я в 1936 г. приехал в Бухару и занялся научной работой, обо мне в одном из майских номеров в 1936 г. «Правда Востока» была помещена заметка, из чего ЦУКЕРВАНИК узнала о моем пребывании в Бухаре и я получил от нее письмо. Я ей писал два раза, она мне тоже прислала два письма. Характер переписки был чисто официальный.

2) Адрес: Ташкент, Самаркандская 66 и Ташкент, ул. Абдуллы Тукаева, № 1, Комитет Наук Узкомстарис. Это адрес квартиры и места службы Василия Афанасьевича ШИШКИНА, который раньше работал в Бухаре, в Бухаркомстарисе. С ШИШКИНЫМ я впервые познакомился весной 1934 г. в Ленинграде во время его приезда с докладом в Госакматкультуры. В 1934 г. после этого я был в командировке в Бухаре по национальным делам. Здесь я опять встретился с ШИШКИНЫМ. После этого, уже будучи в ссылке, когда я приехал в Бухару, то узнал, что ШИШКИН в Бухарском Комстарисе уже не работал. В тот момент он сдавал дела и выехал в Ташкент работать в Узкомстарис. Связь письменную я с ним поддерживал до последнего времени, переписка была ведомственно-научного характера. Близких отношений у меня с ним не было.

3) Адрес на обрывке письма: Н. бульвар, д. 4, кв. 5, Лидии Сергеевне КАЧКАЧЕВОЙ. Это адрес моей матери, Марии Васильевны РОСТОПЧИНОЙ. Она раньше проживала под Москвой в местности Тарасовка, примерно летом или осенью прошлого года она переехала временно жить по указанному адресу в Москву: Новинский бульвар, д. 4, кв. 5 к какой-то Л.С.КАЧКАЧЕВОЙ, которую я совершенно не знаю.

4) Адрес: Ташкент, Татарская слободка, 8 тупик, д. 4, АМИТИН-ШАПИРО. Это адрес ташкентский профессора Залмана Львовича АМИТИНА-ШАПИРО, который работает в Бухарском Госпединституте и с которым я познакомился в Бухаре после моего приезда сюда. Свой ташкентский адрес он мне дал при следующих обстоятельствах: в прошлом году он уезжал на летние каникулы, я ему готовил материалы по евреям в Бухаре, к его отъезду приготовить эти материалы не успел, поэтому, уезжая в

Ташкент, он оставил мне свой ташкентский адрес с тем, чтобы я отправил ему материалы по почте, что я и сделал. Взаимоотношения у нас с ним научно-деловые.

5) Адрес: Ташкент, Полиграфическая, Дом «Правды Востока», ИРАСЬ. Это работник «Правды Востока», он приезжал в Бухару и брал у меня некоторые данные (научные) для опубликования в газете. Между прочим, по его заметке в «Правде Востока» ЦУКЕРВАНИК узнала, что я в Бухаре. ИРАСЬ дал мне свой адрес для того, чтобы я прислал ему материалы своей научной работы для опубликования в газете. Встречался с ним я только один раз во время его пребывания в Бухаре. Больше с ним не встречался и не переписывался.

6) Адрес: Москва 19, ул. Коминтерна д. 7, кв. 33, Вера Филипповна ЗАХАРИНА и Москва 18, Научно-исследовательский институт национальностей при ЦИК СССР. Это служебный и домашний адреса работницы упомянутого научно-исследовательского института В.Ф.ЗАХАРИНОЙ. Она приезжала летом 1936 г. в научную командировку в Бухару, я по предложению директора Музея т. КАМАЛОВА должен был приготовить для нее материалы по разрабатываемым мною архивам КУШ-БЕЧИЯ. Так как материалы еще не были готовы к передаче Институту, то она уехала, оставив свой адрес, по которому впоследствии были посланы материалы. С нею я познакомился только в Бухаре, раньше ее не знал. Переписки с нею не веду.

7) Ленинград, М.Подъяческая 14, кв. 22, Людмила Филипповна ВЕКСЛЕР. Это секретарь Иранского кабинета Института Востоковедения АН СССР. Знаю ее с 1935 г. по совместной службе в Институте Востоковедения. Переписку с нею имею — переписка научного характера, получаю письма от нее.

8) Ленинград, Столярный переулок, д.10/12, кв. 7, Юрий Павлович ВЕРХОВСКИЙ. Это научный сотрудник Иранского кабинета Института Востоковедения АН СССР. С ним познакомился в 1932 г. Работал с ним вместе до момента моей высылки из Ленинграда, т.е. до 1935 г., переписки с ним не имею.

9) Ленинград, ул. Воинова 44-а, кв. 16, Исаак Натанович ВИННИКОВ. Это профессор бывшего Института антропологии и этнографии АН СССР. Лично с ним по Ленинграду знаком не был, но он приезжал осенью 1936 г. в Бухару с научной экспедицией по арабам. Здесь я с ним познакомился, был у него переводчиком при разработке им материалов в Бухаре. Я должен был послать ему список рукописей и книг на арабском языке, имеющихся в Бухаре, поэтому он оставил мне свой адрес. Требуемый список я ему послал, но ответа от него не получил и больше ему не писал.

10) Ленинград, В.О., 3-я линия д. 54, кв. 1, ГЕНКО Анатолий Нестерович. Это зав. Кавказским кабинетом Института Востоковедения АН СССР. С ним познакомился с момента моего поступления на службу в Институт Востоковедения АН СССР, т.е. в 1932 г. Характер знакомства с ним — служебно-научный. Будучи в ссылке в Челкаре я получил от него только одно письмо научного содержания. Больше я писем не получал ни разу. Сам я ему послал только одно письмо из Челкара в 1935 г., больше с ним переписки не имел, письмо было делового (служебного) характера.

11) Баку, ул. Мясникова д.10, кв. 18, Виктор Аркадьевич МАЙ. Это сотрудник НКВД в Баку. Я с ним вместе учился в 1924 г. в Московском Институте востоковедения им. Н.Н.Нариманова. В 1927 г. (возможно, в 1928) я встречался с ним по службе в КУТВ в Москве. В 1932-33 гг. летом я встречал его в Москве, он был в военной форме. Уехал из Москвы в Баку, дал мне свой бакинский адрес. Больше его никогда не встречал, переписку с ним вел до последнего времени. Характер переписки деловой на востоковедные темы.

12) Тифлис, ул. Энгельса 44, кв. 7, Софья Михайловна МАРР. Это вдова умершего профессора-языковеда Юрия Николаевича МАРРА, сына покойного академика Н.Я.МАРРА.

13) Ташкент, Ленинградская 21, кв. 7, ПРОТОПОПОВ Дмитрий Николаевич. С ним я учился вместе в Институте востоковедения им. Нариманова. По окончании учебы он уехал в Афганистан; после Института я встречался с ним два-три в деловой обстановке на заседаниях. Он был членом комсомола. Партпринадлежность его в настоящее время я не знаю. Из той же заметки в «Правде Востока» он узнал,

что я нахожусь в Бухаре, и прислал мне письмо. Я ему ответил, на этом переписка прекратилась. В письме он спрашивал, почему я здесь. Думаю, что узнав о моем положении (ссылный), он не стал мне писать.

14) Алма-Ата, ул. Красина 49, кв. 3, профессор РОЗЕНТАЛЬ Николай Николаевич. Это известный профессор по феодализму на Западе. Был выслан из Ленинграда в Алма-Ата, за что не знаю. Я вел с ним переписку, получил от него два письма и столько же написал ему. Познакомились мы с ним в Челкаре в ссылке, раньше знакомы не были. Переписка с ним была личного, бытового характера. В последнем письме, полученным мною в ноябре прошлого года он сообщал мне, что ему разрешена научная командировка в Ленинград, из чего я заключил, что он из ссылки освобожден. Больше я о нем ничего не слышал, где он сейчас находится — не знаю.

15) Одесса, ул. Островидова 64, Ксения Владимировна. Это — жена профессора РОЗЕНТАЛЯ. Припоминаю, что последнее письмо от РОЗЕНТАЛЯ (в котором он сообщал, что ему разрешена научная командировка в Ленинград) я получил из Одессы с указанным адресом на имя жены РОЗЕНТАЛЯ. Жену РОЗЕНТАЛЯ я знаю также по Челкару, где она была вместе с мужем (из Ленинграда была выслана вся их семья).

16) Москва 40, Ленинградское шоссе 25, кв. 40, РЫКОВСКАЯ Ольга Карловна. С нею я работал вместе в КУТВе в 1927 г., знакомство чисто служебное. Она библиограф-переводчик. В Бухаре я получил от нее одно письмо. Спрашивала меня, как я живу, что делаю, не нужно ли мне что-нибудь прислать из Москвы. Я послал ей одно письмо. Уточняю: я получил от нее не одно, а два письма, написал ей также два. Она беспартийная.

17) Ташкент, 2-я Курганская д. 10, СЕМЕНОВ Александр Александрович. Это известный профессор-востоковед. Лично с ним не знаком, но много о нем слышал как о видном ученом-востоковеде. Каким образом я узнал его домашний адрес — не знаю. Уточняю: его адрес мне дал работник «Комсомолец Узбекистана» ЦАРЕВИЧ, так как я предполагал написать СЕМЕНОВУ письмо с просьбой дать мне указания по работе в Бухаре, т.к. я знал его научный авторитет в этой области. Письмо такое я СЕМЕНОВУ написал, но послал его не почтой, а через того же ЦАРЕВИЧА, который, будучи в Бухаре, задержался здесь, поэтому свое первоначальное намерение послать письмо почтой по полученному от ЦАРЕВИЧА адресу, я изменил и передал письмо ЦАРЕВИЧУ. Почтой писем СЕМЕНОВУ не посылал. От него также писем не получал.

18) Ташкент, Уездная ул. д. 2, кв. 3, ЦАРЕВИЧ Сергей Александрович. О нем я показал выше, это работник газеты «Комсомолец Узбекистана». Познакомился с ним в начале 1936 г. во время его приезда в Бухару в служебную командировку по линии газеты. Попутно он интересовался бухарскими памятниками старины, на этой почве я познакомился с ним. Партийность его мне не известна. После этого он приезжал в Бухару еще два раза, каждый раз бывал у меня, в частности, передавал мне, что СЕМЕНОВ хотел написать мне письмо, но был очень занят и не успел сделать это. От ЦАРЕВИЧА я получил письма два, столько же писал ему. Характер переписки научно-публицистический (он пишет книгу «Поход Бековича-Черкасского на Хиву» и просил меня собрать некоторые материалы для этой книги).

19) Москва 19, ул. Маркса-Энгельса д. 1, кв. 38, Владимир Геннадиевич ТАРДОВ. Это известный знаток Ирана, профессор, старый журналист, бывший советский консул в Южном Иране. С ним я познакомился, примерно, в 1927 г. в КУТВе после его приезда из Ирана. Взаимоотношения мои с ним дружеского и научного характера, считаю его своим учителем, веду с ним переписку.

20) Ташкент, Сталинский район, ул. Гулистан д. 116, ФИТТРАТ АБДУРАУФ. Это известный бывший джадит и назир просвещения БНСР. С ним я познакомился в 1932 г., когда он приезжал в научную командировку в Ленинград. По поручению покойного академика С.Ф.ОЛЬДЕНБУРГА я тогда работал над переводом статьи ФИТТРАТА с таджикского языка на русский. После этого я был назначен Академией Наук работать по переводу одного большого труда ФИТТРАТА, в связи с чем приезжал в 1934 г. в служебную командировку в Бухару и Ташкент к ФИТТРАТУ. Проработал с ним около ме-

сяца, уехал в Ленинград и больше ФИТТРАТА никогда не встречал. Из Бухары в 1936 г. писал ФИТТРАТУ два раза по поводу опубликования его работы, которую я переводил, получил от него одно письмо с сообщением, что о своей работе от Академии Наук никаких сведений не имеет, больше с ним переписки не имел никакой.

21) Самарканд, Старый город, П. Бачи-Майдан, д. 40, ХАШИМОВ Рахим. С ним познакомился в Ленинграде в 1933-34 гг., когда он был аспирантом Академии Наук. Он, кажется, таджик, переводчик романа С.Айни «Дохунда». Я ему из Челкара послал одно письмо, он ответил мне, больше не переписывались. Я спрашивал его, можно ли мне в Самарканде подыскать для меня какую-нибудь работу. Он сообщил, что в УзГИЗе, где он работал, работу можно найти только случайного характера, но нет квартир. Поэтому я из Челкара выбрал Бухару. После Ленинграда я с ХАШИМОВЫМ не встречался ни разу и кроме указанного случая не переписывался.

22) Тифлис, ул. Камо 69, ЦЕРЕТЕЛЛИ Георгий Васильевич. Это профессор Тифлисского университета по кафедре арабского языка. Лично с ним познакомился в начале 1936 г. Он приезжал сюда в командировку по арабам. Он просил меня быть переводчиком у него во время его работы здесь. Уезжая в Тифлис, он просил дослать ему некоторые рукописи, которые он не успел взять с собой, оставил для этой цели свой тифлисский адрес. Рукописи я ему выслал. После этого посылал ему еще одну открытку, спрашивая о судьбе посланных мною ему материалов, но ответа от него не получил. После этого он приезжал в Бухару еще раз в научную экспедицию вместе с профессором ВИННИКОВЫМ. Я с ним встречался один раз, больше с ним ни разу не встречался и не переписывался.

23) Ленинград 1, Демидовский переулок д. 1, кв. 31, ЯКУБОВСКИЙ Александр Юльевич. Это крупнейший специалист по истории Средней Азии, доктор истории Средней Азии, мой бывший начальник по Восточному сектору Эрмитажа в Ленинграде, где я работал по совместительству. Познакомился с ним в 1932 г. с начала моей работы в Институте Востоковедения АН. Характер моих взаимоотношений с ним чисто научный. Я ему из Бухары писал письмо с просьбой написать предисловие к подготавливаемой мною работе о рабстве в Бухаре. Он прислал мне ответ с согласием написать предисловие и просил поставить об этом в известность дирекцию Бухарского музея (поскольку моя работа должна была выйти от музея). После моего выезда из Ленинграда я с профессором ЯКУБОВСКИМ личных встреч не имел и кроме описанного случая переписки — не переписывался.

24) Ташкент, Чичерина 31, А.К.ПИСАРЧИК. Летом прошлого года в Бухару из Ташкента приезжала научная экспедиция в составе профессора АНДРЕЕВА Михаила Степановича и научного сотрудника ПИСАРЧИК Антонины Константиновны. Они пробыли в Бухаре месяца два, жили в Музее. С обоими ими я тогда и познакомился. В день моего ареста я получил от нее письмо служебно-научного характера. В этом письме она сообщала указанный адрес для посылки ей некоторых материалов. Ответить ей я не успел. Больше от нее писем не получал, а ей вообще не писал ни одного письма. Знаю ее только как научного сотрудника Музея искусств УзССР, больше о ней ничего не знаю.

Протокол мною прочитан. Мои показания с моих слов записаны правильно.

Ф.Ростопчин

[ЦА ФСБ РФ, Р-400084, л. 11-17; машинописная копия]

Из протокола последующего допроса Ростопчина от 25.03.37 г. выясняется, что ему инкриминируется высказывание троцкистских к.-р. взглядов, восхваление Троцкого, Зиновьева, Муссолини и Гитлера, рассказы о том, что после убийства Кирова из Ленинграда была выслана масса людей без предъявления какого-либо обвинения, совершенно безвинных, о «специальном поезде», в котором ежедневно отправляли из Ленинграда таких ссыльных [ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 18]. Отказываясь на следующем допросе 11.04.37 г. признавать себя троцкистом, Ростопчин признавал, что «считает Троцкого, так же как и Гитлера и Муссолини, очень умными людьми с сильным характером и твердой волей», и эту свою точку зрения ни перед кем не скрывал, точно

так же как не считал свои рассказы об обстоятельствах своей высылки из Ленинграда — антисоветскими, однако в обоих этих случаях признавал себя виновным [ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 20].

Судя по всему, сам Ростопчин считал свой арест недоразумением, порожденным, с одной стороны его излишней откровенностью с сослуживцами, свидетельствованными о его «антисоветских высказываниях», с другой стороны — близкими отношениями с ссыльным художником Г.Ф.Зражевским, истериком, алкоголиком и, возможно, провокатором. На том же допросе 11.04.37 г. Ростопчин дал показания о своих родителях и своих политических убеждениях в прошлом, достаточно четко определяющих его отношение к анархистам и анархо-мистикам.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ РОСТОПЧИНА Ф.Б. 11.04.37 г.

ВОПРОС: Имеются ли у Вас родственники за границей?

ОТВЕТ: Известных мне родственников за границей нет. В дореволюционное время за границей проживали две моих тетки: одна в Париже, другая где-то в Италии. Еще до войны они там умерли. У меня еще был старший брат Георгий (Юрий) Борисович РОСТОПЧИН. Он старше меня на восемь лет. По образованию он был юристом, во время войны был мобилизован в старую армию (Временным правительством) в 1917 г. и был на фронте прапорщиком-артиллеристом. Вернувшись с фронта он вступил в Красную Армию, был отправлен на фронт, приезжал один раз домой в Москву, (был в командировке) в 1919 г. (не точно), затем уехал обратно в часть и больше не возвращался. С этого времени я его ни разу не видел и не слышал о нем. Спустя некоторое время в Москве были арестованы мои родители в качестве заложников и посажены в концлагерь по неизвестной причине. Впоследствии выяснилось, что они были посажены потому, что мой брат перешел к белым. Через год они были освобождены с официальной справкой, что они освобождаются ввиду того, что переход к белым их сына (моего брата) не доказан. Больше я ничего не знаю о своем брате, где он находится и жив ли — ничего мне не известно.

ВОПРОС: Ваши политические убеждения в прошлом?

ОТВЕТ: С 1919 по 1921 год я состоял в комсомоле. В 1921 г. я вышел из комсомола, увлекшись анархистскими взглядами бакунинского толка. Анархизмом я увлекся чисто теоретически, организационно я с анархистами связан не был, хотя встречался с анархистами ГОРДИНЫМ, АЛЕКСЕЕВЫМ и другими, бывал на анархистских докладах и лекциях в Москве. Увлечение анархизмом продолжалось до 1928 г. Встречался в 1925 г. с руководителем Федерации анархистов КАРЕЛИНЫМ, видел других видных анархистов — БОРОВОГО и других. В 1928 г. я в анархизме разочаровался и порвал с ним. С этого времени я ни с кем из анархистов не встречался и вообще никакой связи не имел и не имею.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов правильно.

Ф.Ростопчин

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 22]

Между тем, результатом столь неосторожных признательных показаний оказалось составленное и в тот же день подписанное начальником 4 отдела УГБ ПС НКВД лейтенантом гос. безопасности Васильевым, который вел допросы Ростопчина и Зражевского, следующее обвинительное заключение:

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следделу 2149 по обвинению гр.гр. ЗРАЖЕВСКОГО Г.Ф. и РОСТОПЧИНА Ф.Б.
в прест[уплениях] пред[усмотренных] ст. 66 ч.1 УК УзССР

Настоящее следственное дело возникло в 4 отделении Бухарского сектора НКВД на основании поступивших материалов о том, что работники Бухарского Гос-

музея ЗРАЖЕВСКИЙ Григорий Филиппович и РОСТОПЧИН Федор Борисович ведут среди сотрудников музея систематическую контрреволюционную троцкистскую агитацию.

Следствием по делу установлено следующее:

В начале 1936 г. в Бухару приехал для отбытия ссылки высланный из Ленинграда после убийства т. Кирова — бывший граф РОСТОПЧИН Ф.Б., который устроился на работу (по договору) в Бухарский Госмузей в качестве нештатного научного сотрудника. Гр-н РОСТОПЧИН в прошлом с 1919 по 1921 г. состоял в комсомоле, в 1921 г. из комсомола вышел, примкнув к анархизму, увлекшись анархо-синдикализмом. Примыкал к анархистам, по его словам, с 1921 по 1928 год, в этот период поддерживал связь с руководителями анархо-движения и видными анархистами в Москве — КАРЕЛИНЫМ, БОРОВЫМ и другими.

Вскоре после приезда в Бухару РОСТОПЧИНА сюда же приехал из Самарканда художник ЗРАЖЕВСКИЙ Г.Ф., устроившийся на работу также в музей.

Оба они — РОСТОПЧИН и ЗРАЖЕВСКИЙ, будучи антисоветски настроены, быстро сошлись во взглядах и тесно сблизились. На протяжении всего 1936 г. и начала 1937 г. они вели систематическую к.-р. агитацию среди сотрудников музея.

Гр. ЗРАЖЕВСКИЙ выдумал и распространял вымышленную версию о том, что он якобы происходит из бывшей графской семьи, что его отец якобы расстрелян во время гражданской войны красными, что Советской властью у них на Украине отобраны сахарные заводы, имения и тому подобное, что сам он, якобы, за вредительство на строительстве Киевского вокзала был арестован и выслан. Этот вымысел ЗРАЖЕВСКИМ был распространен с той целью, чтобы обосновать свои антисоветские взгляды и враждебное отношение к Советской власти.

Попутно ЗРАЖЕВСКИЙ играл роль «неудачника», обвиняя в этом Советскую власть, заявляя, что при существующем положении он никак не может полностью проявить свои способности и что «если бы не было Советской власти, то ему жить бы лучше».

Подведя, таким образом, «фундамент» под свои к.-р. убеждения, ЗРАЖЕВСКИЙ систематически проводил среди сотрудников музея к.-р. агитацию троцкистско-фашистского характера, открыто выражал свои симпатии испанским фашистам, демонстративно заявляя: «Я — фашист». На общем собрании сотрудников музея при обсуждении вопроса об оказании помощи женщинам и детям Испанской Республики, ЗРАЖЕВСКИЙ демонстративно заявил: «Жертвую рубль испанским фашистам».

Во время судебных процессов врагов народа Каменева, Зиновьева и других, Пятакова, Радека и других, ЗРАЖЕВСКИЙ неоднократно высказывал одобрение к.-р. деятельности подсудимых и распространял к.-р. клеветнические измышления по адресу вождя партии, заявляя, что все, что пишут в газетах об этом процессе — ложь.

После расстрела участников названных террористических организаций, ЗРАЖЕВСКИЙ в присутствии ряда лиц заявил: «Пусть их расстреляли, но остался Троцкий. Пью за Троцкого!»

Кроме того, ЗРАЖЕВСКИЙ неоднократно высказывал свои антисоветские взгляды по поводу Сталинской Конституции, вообще о положении в Советском Союзе, распространял провокационные слухи о голоде.

Своими к.-р. взглядами ЗРАЖЕВСКИЙ делился с РОСТОПЧИНЫМ.

Обвиняемый РОСТОПЧИН Ф.Б. в разговорах с разными лицами по поводу своей ссылки из Ленинграда рассказывал, что он выслан «в связи с Кировским делом», что одновременно с ним из Ленинграда выслана масса народа, что вообще «из-за одного убитого человека пострадало очень много ценных людей, совершенно невинных», и что все это произошло в результате незаконных действий Соввласти.

РОСТОПЧИН также вел к.-р. троцкистскую агитацию, неоднократно в разговорах с разными лицами восхвалял врага народа Троцкого как «гениального человека», «ведущего правильную политическую линию», а также выражал одобрение к.-р. деятельности Каменева и Зиновьева.

Изложенное полностью подтверждается показаниями свидетелей гр.гр. СТРУЩЕНКО, ТОЛЬ, ПРОКОПИШИНА, АМИТИНА-ШАПИРО, УСМАНОВА, ФЕДО-РЕНКО, АБДУРАХМАНОВА, ШМИДТ, очными ставками между обвиняемыми РОСТОПЧИНЫМ и рядом свидетелей, а также показаниями самих обвиняемых.

Обвиняемые РОСТОПЧИН Ф.Б. и ЗРАЖЕВСКИЙ Г.Ф. в предьявленных им обвинениях в совершении прест[уплений], пред[усмотренных] ст. 66 ч. 1 УК УзССР полностью себя признали виновными.

На основании изложенного обвиняются гр.гр.:

1) ЗРАЖЕВСКИЙ Григорий Филипович, 1908 г. рождения, украинец, урож. г. Умани, по соцпроисхождению – из служащих, беспартийный, женат, по профессии – художник, имеет незаконченное среднее образование, трижды судившийся (за хулиганство и за несвоевременную явку на военный учет) – оправдан. В Красной Армии не служил, гражданин СССР, последнее время работал художником Бухарского музея, проживал в доме музея,

в том, что на протяжении 1936 и начала 1937 года вел среди сотрудников Бухарского музея контрреволюционную троцкистскую фашистскую и антисоветскую агитацию, то есть прест[уплений], предсм[отренных] ст. 66 ч. 1 УК УзССР.

2) РОСТОПЧИН Федор Борисович, 1904 г. рождения, русский, по происхождению бывший граф, урож. г. Москвы, не женат, беспартийный, имеет высшее образование, по профессии научный работник-иранист, в марте 1935 г. постановлением Особого Сопещения при НКВД СССР выслан из Ленинграда сроком на 5 лет, ссылку отбывал в Бухаре, в Красной Армии служил с 1919 по 1921 год, гражданин СССР, в момент ареста по настоящему делу работал в Бухарском музее в качестве нештатного научного сотрудника, проживал в доме музея, -

в том, что систематически вел среди сотрудников Бухарского музея антисоветскую к.р. троцкистскую агитацию, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 66 ч. 1 УК УзССР.

Настоящее следдело подлежит направлению через 8-й Отдел УГБ НКВД УзССР Прокурору по спецделам УзССР для дальнейшего направления по подсудности.

Начальник 4 Отд[ела] УГБ ПС НКВД

Лейтенант Государственной Безопасности

Васильев

11 апреля 1937 г. гор. Бухара

»Обвинительное заключение утверждаю. ЗРАЖЕВСКОГО и РОСТОПЧИНА предать суду по ст. 66 ч. 1 УК. Дело направить в Спецсектор прокуратуры УзССР для передачи по подсудности.»

И[сполняющий] о[бязанности] Прокурора ПС НКВД

[подпись]

14.04.37 г.

»УТВЕРЖДАЮ» Начальник Бухарского Сектора НКВД

Лейтенант Государственной Безопасности

Высокинский

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 65-67]

Неизвестно, что могло ожидать Ф.Б.Ростопчина при рассмотрении его дела в Бухаре, если бы 12.05.37 г. из Москвы не поступило телеграфное распоряжение Заместителя начальника 4 Отдела ГУГБ НКВД СССР, ст. майора госбезопасности Гиндина за № 10550 о выделении из следственного дела материалов на обвиняемого Ростопчина Ф.Б. и направлении «под усиленным конвоем в отдельном купе арестантского вагона» в распоряжении 4 Отдела ГУГБ НКВД СССР [ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 1]. Судя по дате заполнения «Анкеты арестованного» (12.06.37 г.), в Москву Ростопчин был доставлен 10 или 11 июня и поступил в руки того самого оперуполномоченного 4 Отдела ГУГБ лейтенанта госбезопасности Макарова, который вел допросы остальных арестованных по делу «Альянса» и уже успел объявить им 10.06.37 г. об окончании следствия.

Трудно сказать, сколько и какого содержания было допросов Ростопчина на протяжении последующих четырех недель, поскольку в деле нет никаких документов за этот период, точно так же как нет никаких показаний свидетелей, против которых

он категорически возражает, но 09.07.37 г., т.е. в тот самый день, когда его предшественникам были вынесены постановления ОСО НКВД, Ф.Б.Ростопчин написал заявление, которое, как он полагал, снимет наконец все неясности в отношении его прошлого и настоящего.

СЛЕДОВАТЕЛЮ ГУТБ, ЛЕЙТЕНАНТУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ Н.И.МАКАРОВУ

от РОСТОПЧИНА Федора Борисовича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пришел к убеждению, что никаких «третьих» позиций занимать сейчас нельзя. Что занимая половинчатую позицию, становишься трусом, и что надо раз и навсегда стать на одну или на другую сторону баррикады, т.е. либо быть до конца и последовательно фашистом, врагом человеческой культуры, бесклассового общества, поработителем человека человеком, или же стать по другую сторону баррикады, на сторону СССР. Поэтому чистосердечно рассказываю о себе и о своей контрреволюционной деятельности без всяких утаек и недоговорок, выкладывая все, что есть на сердце.

Начинаю с того события, которое определило всю мою жизнь, как это может ни показаться странным на первый взгляд. Я жил в 1909-11 гг. в бывшем Петербурге на Шпалерной улице около тюрьмы в казенном доме. Гуляя с учительницей своей И.И.АУДЭР, я увидел въезжавшую во двор тюрьмы карету с двумя конными жандармами по бокам. Из кареты, из окна ее, на минуту выглянуло лицо с седой бородой. Я спросил: кто это и почему его так везут? И.И.АУДЭР мне все разъяснила (ее брат был революционер, бежавший за границу от царской петли). С тех пор я возненавидел тюрьму и тюремщиков, а также несправедливость, которую видел вокруг себя, и решил в себе всю жизнь с этим бороться.

Учился я дома, потом год в кадетском корпусе (всю жизнь я хотел быть военным), затем после революции пошел в Красную Армию. От своих родителей я всю свою сознательную жизнь скрывал все решительно, а поэтому и скрыл свое участие в боевых отрядах, собиравшихся сражаться с немцами, шедшими на Питер, и вообще всю свою тягу к фронту. (Это я поясняю, чтобы была ясна моя «политика» в отношении родителей в дальнейшем.) В армию я пришел мальчишкой 13 лет, разбирался в политике плохо, но мне твердо верилось, что там, где дерутся солдаты — там правда, а там, где генералы и офицеры, хотя и близкие мне по соцсреде и между которыми были очень честные и хорошие люди — там гнилое и пропащее дело. Будучи в Москве, прикомандировался к Коминтерну в качестве самокатчика, к ВЧК и к Нач[альнику] Всероглавштаба Н.И.РАТТЕЛЮ и в этих местах немного пообтерся и стал понимать немного в политике. Вступил в комсомол, соцпроисхождение не скрывал, и обсуждали мою кандидатуру часа два из-за этого. Приняли. В комсомольской ячейке было у нас очень скучно. Организаторы, как я сейчас вижу, были просто никуда как скучны и нудны.

Меня всегда тянуло к войне, а в строю, в боях мне побывать не удалось, даже контузило то меня не в бою. Было мне скучно и я стремился к другому — к чему-то живому. (Да, забыл сказать, что родители мои тогда относились к комсомолу отрицательно, в особенности опасалась его моя мать. Я, конечно, как всегда скрыл от них и комсомол.) Живое это представилось мне в виде АЛЕКСЕЕВА, моего военного друга, который был здорово начитан (я же ни черта не читал путного, а кончал тогда только школу для красноармейцев при МВО — математика, там, русский и т.п.). Этот вот АЛЕКСЕЕВ (забыл уже как его звали) стал меня образовывать. Я прочел Ницше и совершенно обалдел, вообразив себя сверхчеловеком. Все эти книги типа Ницше отдаляли меня от действительности.

Наконец, АЛЕКСЕЕВ притащил книгу анархиста Борового и тогда уже мы стали увлекаться идеями анархизма-индивидуализма (Штирнер). Это вскоре привело к то-

му, что мы вышли с ним из ячейки и даже создали параллельно свою анархоячейку, куда притащили одного весьма развитого красноармейца-крестьянина ПУЛЬКИНА. Потом я как-то встречал его, он был в партии. Наконец произошла на диспуте между двумя ячейками потасовка, и комсомольцы выпалили в нас из дробовика, чуть нас не угробив.

Демобилизовавшись, я поступил в 75-ю советскую школу и закончил ее, кажется, в 1922 г. В школе была организована при непосредственном моем участии скаутская организация, занимавшаяся спортом и т.д. Однако, рассказываю об этом потому, что из нее выросло несколько людей, которые под моим влиянием стали на путь контрреволюции и за которых я несу полную ответственность. Эти лица ИЛЬИН Юрий, УСОВ Виктор, которые позднее вошли в анархическую группу А.А.СОЛОНОВИЧА и после расформирования скаутов перешли на нелегальную скаутскую работу, воспитывая ее в контрреволюционном духе анархизма. Эту работу впоследствии направлял я. К этому времени я поступил в Восточный институт и все свободное время от занятий (а его было очень мало) занимался чтением научной литературы, отойдя от скаутской организации, с руководителями которой вступил в связь в 1924 г. перед самым их арестом и высылкой.

К этому времени я начал интересоваться мистикой и женившись на Н.Г. БЕРНАЦКОЙ в 1925 г. и ее втянул в эти интересы. Считаю нужным сказать, что она никогда анархисткой не была и отошла от всякой мистики и влечению к ней сразу же после ухода от меня в 1926 г. в результате своего вторичного выхода замуж. Это то, что я о ней знаю. Уход ее от меня подействовал на меня в смысле активизации моих жаждущих на что-то излиться сил. До этого же я познакомился с Н.И.ПРОФЕРАНСОВЫМ, который проповедовал гандистскую теорию «сопротивления злу ненасилием», т.е. пассивным сопротивлением. Я честно перевел для Н.И.ПРОФЕРАНСОВА несколько статей Ганди (на этой почве я познакомился с А.А.СИНЯГИНЫМ, с которым мы сбирались вместе идти «противляться» злу в лице советской диктатуры на улице), но в конце концов мне этот Ганди так осточертел, что я все это бросил. Тут то я познакомился с А.А.СОЛОНОВИЧЕМ, о котором мне трубили ИЛЬИН и УСОВ. Познакомившись же с ним, я сразу почувствовал себя в своей стихии. Он меня познакомил с идеями анархо-мистического учения и я всецело проникся контрреволюционными стремлениями сбросить с себя советскую диктатуру, казавшуюся мне тогда «диктатурой над пролетариатом», возглавляемой кучкой оторвавшихся от народных масс рабочих и крестьян тиранов и палачей этих народных масс – советским правительством, властью и государством со всеми его органами. От А.А.СОЛОНОВИЧА я получил совет побольше читать и я проштудировал и даже написал кое-что для себя по крестьянским войнам в Германии 1525 г., «чомпи», вальденсам, таборитам, альбигойцам и т.д. К чему это служило – дальше.

Затем стал помимо вопросов теории анархизма заниматься историей революционного и рабочего движения. Неизбежно столкнулся с вопросами террора и беседовал об этом неоднократно с А.А.СОЛОНОВИЧЕМ, который считал, что этот метод необходим в борьбе с властью, как мера устрашающая власть и вождей ее и как известное «бродило» для народного гнева против тиранов, мобилизующее народное самосознание. Я держался иных точек зрения и считал, что это невыгодно, т.к.: 1) народятся новые вожди, 2) убитые тираны окружатся незаслуженным ореолом мучеников за правду, 3) будут репрессии и пострадают не только ни в чем не повинные массы народа, но будут уничтожены главным образом наши кадры. Я замыслил другое, но не говоря об этом с А.А.СОЛОНОВИЧЕМ, внешне с ним соглашался. Не говорил же я ему потому, что считал его не совсем надежным в смысле «ляпанья» где-нибудь в «неподобающем» месте какой-нибудь фразы. Кроме того, у меня иногда закрадывалось сомнение: а не провокатор ли он? Мои замыслы заключались в другом: наполненный с детства ненавистью к органам диктатуры, какая бы она ни была, я весь проникся стремлением к одному контрреволюционному замыслу: взорвать самую крепость диктатуры – ГПУ, к которому я питал самую бешеную ненависть. При виде работника ГПУ меня всегда передергивало от омерзения и гадливой ненавис-

ти к нему. Однако такой грандиозный план требовал каких-то грандиозных средств, которых у меня не было, и я ничего сделать не смог. Кроме того, отвратило меня от этого плана в смысле его практического осуществления еще одно очень важное обстоятельство: я жаждал полной конспирации в таком деле и, если так можно выразиться, «непараллелизма» в контрреволюционной работе. То есть я не хотел ничего, никакого соприкосновения с тем, что могло при неудачной его постановке погубить мой замысел.

А произошло следующее: придя к Д.А.БЕМУ, члену Кропоткинскому Комитета, я услышал от него такой же проект, причем предлагался фантастический способ взрыва ГПУ какой-то «взрывчатой бумагой». Я понял, что все это ерунда, но не доверяясь языку БЕМА, который мог где-нибудь «сболтнуть», я наружно с ним согласился, пообещал придти еще раз поговорить, но сам отбросил свой проект и к нему, БЕМУ, не пошел больше. Теперь я стал обдумывать другое – вопрос о вооруженном восстании, создании партизанских отрядов и боевых дружин для свержения Советской власти. Об этом я говорил, правда, весьма осторожно, с А.А.СОЛОНОВИЧЕМ, так как и здесь имел свой план контрреволюционной работы, который не хотел ни перед кем раскрывать на риск. Прощупывая окружающих меня анархистов, я не находил нужного для себя «материала»: все казались мне слишком «хлебными», даже не годилась такая, на мой взгляд весьма не хлебная женщина, как И.Н.УЙТТЕНХОВЕН, ибо она казалась мне слишком экспансивной, экзальтированной, и, главное, заявляла мне, что «пошла бы на баррикады, но не стала бы стрелять, а умирала бы». Естественно, что я искал людей, которые бы не умирали, а побеждали, а таких не было.

У И.Н.УЙТТЕНХОВЕН собирался созданный нами кружок, прозванный в шутку «Академия» по изучению экономической стороны анархизма. Кроме нас обоих – [я и] М.М.БРЕНДСТЕД, там был еще М.А.НАЗАРОВ, который мне показался пригодным для таких целей. Я был у него дома несколько раз и мы беседовали по этим вопросам, но никаких конкретных мероприятий я ему не предлагал, т.к. хотел действовать медленно, но наверняка. Однако мы пришли с ним к одному общему выводу: в случае войны против СССР немедленно же занять позицию защиты СССР и с оружием в руках бороться против посягателей, т.к. мы считали, что хотя мы имеем власть, но все же она «лучшая из зол», (т.е. из всех зол властей самое меньшее зло), однако при первой же возможности мы думали через партизанские анархические отряды начать вооруженную борьбу на два фронта и бить обе воюющие стороны, сразу уничтожив таким образом две диктатуры одним ударом, разумеется при условии народного взрыва против этих диктатур в обеих странах. Сам же я со своей стороны и не говоря никому об этом, готовил в своей голове план контрреволюционного восстания пограничных племен, например, курдов, шахсевенов, белуджей и прочее. Впоследствии эти занятия вылились даже в несколько научную работу, при этом я изучал тактику конного и пешего боя кочевников, чтобы в любой момент быть готовым выступить. Совершенствовался и в языке (иранский), чтобы мочь сразу же и в этом отношении занять определенное место в восстании.

В 1927-28 г. я по предложению А.А.СОЛОНОВИЧА вступил в Кропоткинский Комитет, но там я был просто пешкой, и Комитет мне лично нужен был лишь в качестве ширмы, официальной наклейки, не более. Между тем, я занимался другими вещами, а именно: в 1927 г. создал анархо-мистический кружок из зеленой молодежи, бывших скаутов, лично мне известных, в составе: ГАНЕШИНЫХ В. и М., БУРМАН и ФЕДУЛОВОЙ Е. Эту молодежь я очень оберегал, не давая им никуда впутаться и ни с кем их не знакомил. С моим отходом от анархо-мистицизма этот кружок распался в 1928 г. сам собой и члены его перестали, как мне доподлинно известно, интересоваться чем-либо в этой области, учась и работая. Поэтому убедительнейше прошу судебные органы не ломать им жизнь и учение, возложив всю вину полностью только на меня одного, так как здесь являюсь виновным только и только я один.

В 1928 г. я вследствие личных причин совершенно порвал организационно с анархо-мистицизмом и через анархо-синдикализм стал отходить от него, т.е. от

анархизма вообще. Я убедился, что анархизм в корне несостоятелен, что основой всего является диктатура пролетариата, и без государства и переходного периода социализм восторжествовать не может. Все разговоры против этого — пустая брехня. Разумеется, все это произошло не сразу, а весьма и весьма медленно и не без колебаний и рецидивов. Какие-либо возникшие дополнения или замечания я сообщу в протоколе допроса. Ф.Ростопчин

09.07.37 г. Москва

[Продолжаю.] Чтобы следствию сделалась понятной моя позиция до конца, я желаю до конца раскрыть себя. Продолжаю: придя к указанным выводам, я стал присматриваться к окружающей жизни и страшно медленно и, как я говорю, с рецидивами, жизнь начала меня изменять. Изменяли меня и окружающие люди, отдельные представители которых опровергали наглядно сложившееся у меня в уме представление о «тиранах», «палачах народа» и т.д. Я стал считать, что не все тираны и палачи одинаковы и есть среди них и хорошие. Я стал воздавать должное отдельным мероприятиям Соввласти, а не отрицать их все огульно, как раньше. Затем явились мучительные вопросы о том, что же мне делать в случае войны против СССР. Это мучило меня больше всего и безжалостнее всего, т.к. здесь надо было ставить вопрос ребром «за» или «против», т.к. половинчатые позиции о борьбе на два фронта со временем отпали окончательно. Я понимал вполне, что это было бы «ножом в спину» СССР. Наконец, я окончательно утвердился на том, что я буду защищать не «Соввласть», а «родину», «народ родины». Этот термин «родина» я ввел у себя в употребление задолго до того, как он был узаконен в газетах и в разговорах. Когда этот термин был произнесен Сталиным, то я почувствовал, как по мне прокатилась огромная радость. Кстати, об И.В.Сталине. Раньше я просто считал его «ишаком», порою остро ненавидел, а затем, порою, признавал правильность и мудрость его действий, а некоторые факты громадного значения, как понятие «родины», национальная политика, подход к казачеству и, наконец, Конституция, формулировка о борьбе против фашизма и некоторые отдельные высказывания разделялись мною безоговорочно целиком и являлись моими как будто мыслями и реализацией тех мистических идеалов, которыми я живу и внутренне дышу. В конечном итоге я отношусь к нему с симпатией и уважением, отдавая должное.

Возвращаясь к сути. Никаких связей с анархизмом и анархистами я с разрыва и отхода в 1928 г. не поддерживал, за исключением одной встречи проездом в 1933 г. в Ташкенте с человеком, которого я очень глубоко люблю и уважаю — И.Н.УЙТГЕНХОВЕН. Я понял из ее слов и дальнейшей беседы, для которой мы на следующий день пошли в парк, что она морально живет как бы в тине, клетке, паутине и ничего оттуда не видит. Клеткой этой явился анархизм в виде узкого круга высланных анархистов и пережевывания того же Кропоткина. Это пережевывание является, по моему мнению, своеобразным онанизмом. Раньше же в Москве я ей говорил не раз, что у ней громадный темперамент и вышучивая уверял, что ей необходимо выйти замуж за здорового человека и тогда все пойдет хорошо. Она же всерьез страшно обижалась. Но на этот раз я это не сказал, а принес ей с шутливой надписью, кажется, брошюру Ленина «Детская болезнь «левизны»...» Я ей высказал свое отношение к анархизму и отход от него, говорил, что у анархизма нет почвы под ногами, и главное нет никаких перспектив и никакого будущего, т.к. нет кадров. Она утверждала, что кадры растут в недрах народа, что они живы, и т.д., в том же духе. Я же утверждал, что это не так, и доказывал всю утопичность анархизма. Не помню подробности, но суть заключается в том, что у меня сложилось впечатление, что анархизм, судя по И.Н.УЙТГЕНХОВЕН, заки и выхода его никакого нет. Эта беседа произвела свое действие во мне не сразу, а постепенно, и я все последующее время был под ее тягостным впечатлением. Во мне же оставались глубоко живы корни анархизма и я все еще цеплялся, как утопающий за соломинку, за термины.

В душе я верю в прежние идеалы, в душе я верю в самые высокие идеалы анархизма, но время шло, приходилось давать себе отчет в том, что такое самые высшие

идеалы. Я внутри себя метался как заяц, травимый волком, мною же, и наконец мне пришлось сказать себе, что я не анархист. Все последующие события: процессы троцкистов, зиновьевцев и прочее, измена Родине лиц бывшего военного командования — убедило меня в том, что для меня путь один — полный отход из анархизма и полное выкорчевывание из себя его последних остатков. В Бухаре, где я был сослан, я был арестован и обвинен в фашистско-троцкистской пропаганде. Все это вздор: я ненавижу фашизм, троцкизм и все, с ними связанное. Готов — не готов, а жажду, горю огнем сражаться с ним до последней искры жизни во мне. Либо это возврат к капитализму, к рабству, к угнетению человека человеком, к насилию, к власти, к тюрьмам, к жандармам, полиции, — т.е. ко всему тому, что я ненавижу всем своим нутром, всем лучшим, что во мне есть, ибо возврат к капитализму и есть это.

Те успехи, которых достигла наша Родина — все это для меня факт, это думают все, за исключением каких-нибудь вырожденков. Даже такой матерый человек, как бывший колчаковский чуть ли не товарищ министра, осужденный на 10 лет тюрьмы, при мне спасенный из самоубийства, но собиравшийся его возобновить, И.И.АНОСОВ, говорил мне в беседе с ним на пересылке, что он видит, что советская система имеет все преимущества перед капитализмом. То, что есть — факт и я не имею права трусить идти в своих выводах до конца, переходя отсюда на конкретные факты, на рецидивы, которыми я заканчиваю свою первую часть заявления. Эти рецидивы, несмотря на постоянный контроль над собой, все-таки невольно пёрли из меня. Обвинение меня В.П.ТОЛЕМ — гнусная ложь, основанная на его денежных делах с Бухарским музеем. Но восхваление личности Троцкого как оратора и агитатора масс, его ума — рецидив моих анархических настроений: восхваление человека, как такового, идущего до конца к своей цели, как восхваление именно совершенно оторванное от его деятельности.

Таков же случай с прочтенными мне показаниями о НИКОЛАЕВЕ. Чье оно — я не знаю, но это мои слова. Значит, из меня прёт подсознательно. Все эти рецидивы представления собой террора у меня следствие анархизма и его представлений о власти вообще, об органах диктатуры вообще, и т.д. Все эти рецидивы контролировались мною, но пёрли бессознательно, и понял я их источник в себе и осознал его лишь в Бухаре на следствии, осознав, что нельзя хвалить абстрактно и без связи с конкретной гнусной действительностью самого факта. Характерно то, что обратное положение, когда моя мысль вырастала передо мной в устах другого лица, то я на него яростно насккивал. Всякое ругательство по адресу всех работников НКВД как «палачи» и прочее, которые мне пришлось слушать в тюрьме от одного уголовного в тюрьме, вызвало во мне целый ряд новых мыслей в защиту положения, что НКВД и жандармерия — это два несоизмеримые факта и противоположны друг другу в корне.

Ф.Ростопчин

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 33-41об; автограф]

На основании такого документа, характерного для людей той эпохи и того типа, каким был Ф.Б.Ростопчин, искренне желавшего покончить с противоречиями в себе и найти возможность применения своих сил в сфере научных интересов, не противоречащих коммунистическому тоталитаризму, т.е. написанному с предельной искренностью, насколько это было возможно в обстановке Бутырской тюрьмы или на Лубянке, через четыре дня, т.е. 13.07.37 г., следователем Макаровым был составлен, а с помощью «сотрудника резерва» Немлихера — и подписан Ростопчиным машинописный текст «протокола допроса», который завершил следствие.

ПОКАЗАНИЯ РОСТОПЧИНА Ф.Б. 13.07.37 г.

ВОПРОС: Вы арестованы как активный участник к.-р. анархистской организации. Дайте подробные показания о проводимой Вами к.-р. деятельности.

ОТВЕТ: Я признаю себя виновным в том, что действительно являлся участником к.-р. анархистской организации, кроме того входил в состав «Ордена тамплиеров».

Начало моей к.-р. деятельности относится примерно к 1922 году, когда я еще учился в школе в г. Москве. Я к этому времени по своим политическим взглядам был убежденным анархистом. При моем участии в школе была организована молодежная скаутская организация из числа участников которой несколько человек, как например, ИЛЬИН Юрий и УСОВ Виктор встали на путь контрреволюционной деятельности и после расформирования скаутской организации вошли в состав анархистской организации, возглавляемой анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем Александровичем.

В 1926 г. я через ИЛЬИНА и УСОВА познакомился с СОЛОНОВИЧЕМ А.А., которым и был завербован в организацию. От СОЛОНОВИЧА я воспринял анархо-мистическое учение и всецело проникся стремлением активной борьбы с диктатурой пролетариата, рассматриваемой мною как «диктатурой над пролетариатом», возглавляемой кучкой оторвавшейся от народных масс тиранов и палачей — советским правительством. Таким образом, я встал на путь активной антисоветской работы.

ВОПРОС: Какие цели и задачи ставила перед собой анархистская организация, участником которой Вы были?

ОТВЕТ: Наша контрреволюционная анархо-мистическая организация стремилась к свержению Советской власти. Практическая работа организации заключалась в том, чтобы создать кадры смелых и решительных людей, готовых в любой момент на борьбу с Советской властью, а также вести обработку новых лиц из числа недовольных Советской властью элементов. Мы рассчитывали на возможность открытой борьбы с Советской властью и для этого намерены были использовать будущую войну СССР с капиталистическими странами, во время которой легче всего организовать вооруженное восстание для свержения Советской власти.

ВОПРОС: Вы упомянули о том, что состоя в контрреволюционной анархо-мистической организации, в то же время были «рыцарем» «Ордена тамплиеров». Расскажите, что из себя представляет и какие практические задачи ставит организация «Орден тамплиеров».

ОТВЕТ: Собственно говоря, «Орден тамплиеров» есть филиал анархической организации, возглавляемой СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем. В составе «Ордена тамплиеров» большинство было анархистов и, по существу, основная цель Ордена была той же, что и анархистской организации. При этом необходимо отметить, что в Ордене тамплиеров более тщательно маскировались от вновь вступивших в его состав лиц к.-р. политическое содержание целей и задач Ордена.

Внешне получалось так, что эта организация будто бы политической не является, что ничего предосудительного ни в мистических целях, ни в мистических легендах не замечалось.

В действительности, если обратить внимание на то, что в легендах особенно подчеркивалось необходимость борьбы с насилием и на готовность к самопожертвованию ради достижения цели, — все это имело одну цель, а именно: подготовить из членов Ордена тамплиеров врагов Советской власти, которых организация могла бы использовать на любом участке проводимой ею к.-р. работы вплоть до выполнения террористических актов против представителей Советского правительства.

Если говорить конкретно, то мистицизм и его последователи являлись вуалью, прикрывающей к.-р. террористическую работу СОЛОНОВИЧА Алексея и возглавляемой им организации.

ВОПРОС: Вы заявили, что организация, участником которой Вы были, стремилась к свержению Советской власти. Какие методы и формы борьбы с Соввластью к.-р. анархо-мистическая организация намерена была применить?

ОТВЕТ: Из неоднократных бесед в 1926-27 гг. с СОЛОНОВИЧЕМ, а также анархистом БЕМ мне было ясно, что наша организация считала необходимым применять индивидуальный террор, как один из методов к.-р. деятельности. СОЛОНОВИЧ Алексей в беседах со мной по вопросу о террористических методах борьбы говорил, что этот метод необходим в борьбе с Советской властью, как мера, устрашающая власть и ее вождей, и как известное «бродило» для народного гнева против тиранов и как мера, мобилизующая сознание масс на борьбу с Советской властью.

Анархист БЕМ, участник нашей к.-р. организации, также как и СОЛОНОВИЧ, был сторонником применения террора против руководителей Советского правительства.

ВОПРОС: Вы соглашались с террористическими установками СОЛОНОВИЧА и БЕМА?

ОТВЕТ: Я не только соглашался с террористическими установками СОЛОНОВИЧА и БЕМА, но я был убежденным сторонником самых решительных и острых форм борьбы с ненавистной мне диктатурой пролетариата. Но я, в противоположность СОЛОНОВИЧУ, говорившему о том, что террор нужно применять к отдельным представителям власти, держался другой точки зрения, а именно: наполненный с детства ненавистью к органам диктатуры, я весь проникся стремлением к одному контрреволюционному замыслу — взорвать самую крепость диктатуры — ГПУ, к которому питал самую бешеную ненависть.

Когда на улице встречал работника ГПУ, то меня всегда передергивало от ненависти к нему.

Практически осуществить взрыв здания ГПУ я не смог потому, что, во-первых, этот грандиозный план требовал больших материальных средств, которых у меня не было, а во-вторых я придерживался полнейшей конспирации в таком деле и остерегался соприкосновения с тем, что при неудачной его постановке могло погубить мой замысел.

После того, как мне стало ясно, что выполнить взрыв здания ГПУ почти невозможно, я стал обдумывать возможность вооруженного восстания, создания партизанских отрядов и боевых дружин для свержения Советской власти. Об этом, правда очень осторожно, я говорил с СОЛОНОВИЧ А.А.

Прощупывая окружающих меня анархистов, я не находил подходящих для себя людей. Все казались мне слишком «хлипкими», даже не годилась такая анархистка, как ИЛОВАЙСКАЯ-УЙТТЕНХОВЕН, которая заявляла, что «пошла бы на баррикады, но не стала бы стрелять, а умирала бы». Естественно, что я искал людей, которые бы не «умирали», а побеждали. У ИЛОВАЙСКОЙ я встречал анархиста НАЗАРОВА М.А., который мне казался пригодным для намеченной цели.

Я был у НАЗАРОВА на квартире несколько раз и мы беседовали по этим вопросам, хотя ему конкретных мероприятий не предлагал, т.к. хотел действовать медленно и наверняка. В результате мы пришли к единодушному выводу, что в случае войны против СССР использовать этот момент для свержения диктатуры пролетариата через партизанские анархистские отряды.

ВОПРОС: Расскажите о Вашей конкретной практической контрреволюционной деятельности в организации.

ОТВЕТ: После того, как я был вовлечен в организацию СОЛОНОВИЧЕМ, то во исполнение стоявших задач перед каждым из ее участников, я лично создал из бывших скаутов группу в составе ГАНЕШИНЫХ В. и М., БУРМАНА П. и ФЕДУЛОВОЙ Е. Эту молодежь я всячески оберегал от возможного провала и ни с кем из известных мне участников организации не знакомил.

В 1928 г. эта группа организационно распалась и с тех пор я с указанными лицами почти не встречался. Все они окончательно порвали с анархизмом и перестали им интересоваться. Кроме того, как я показал выше, моя практическая к.-р. работа выражалась в разработке планов взрыва здания ГПУ и подготовки вооруженного восстания.

Являясь рыцарем Ордена тамплиеров, в который был посвящен ДОРОГОВОЙ, я вел работу по вербовке новых лиц в эту организацию. Так, например, незадолго до моего ареста в 1935 г. в Ленинграде я завербовал в Орден тамплиеров ЩУЦКОГО Юлиана Константиновича, научного работника. Кроме того, в Ленинграде я был связан с участниками анархо-мистической организации СИНЯГИНЫМ Алексеем Аркадьевичем и НИКОЛАЕВОЙ Риммой. С ними я встречался вплоть до своего ареста в 1935 г.

С СИНЯГИНЫМ я познакомился давно в Москве на квартире анархиста ПРОФЕРАНСОВА, с которым у меня были разногласия по вопросу о методах борьбы.

ПРОФЕРАНСОВ был сторонником так называемого «пассивного сопротивления диктатуре», а я наоборот сторонник террора и других решительных форм к.-р. деятельности.

С НИКОЛАЕВОЙ я познакомился через СИНЯГИНА в 1935 г., подробностей о ней не знаю, т.к. вскоре был выслан из Ленинграда и моя связь с ней порвалась.

ВОПРОС: В своем заявлении Вы указали, что с 1928 г. постепенно стали отходить от анархизма. Это не соответствует действительности и следствие располагает материалами о том, что Вы в Ленинграде в 1934 г. высказывались как сторонник террористической к.-р. деятельности.

ОТВЕТ: Разумеется, что мои колебания не дают основания говорить о том, что я окончательно изжил свои террористические настроения. Эти настроения, возможно, я и высказывал в Ленинграде лицам, с которыми мне приходилось общаться.

ВОПРОС: Назовите лиц, кому Вы высказывали свои террористические настроения.

ОТВЕТ: На этот вопрос я ответить затрудняюсь. Не исключена возможность, что после убийства КИРОВА я в беседе со своим знакомым ВАЛЬЧЕВСКИМ Олегом оправдывал этот террористический акт и проявил себя как сторонник террористических форм борьбы. Подробностей этого разговора я не помню и потому не могу сообщить об отношении ВИЛЬЧЕВСКОГО к этому вопросу.

В 1933 г. проездом через Ташкент, я дважды встречался с ИЛОВАЙСКОЙ. Последняя осталась на своих прежних анархистских позициях. Беседовал я с ней по вопросам ее личной жизни и своих террористических настроений ей не высказывал.

Лично с СОЛОНОВИЧЕМ не встречался с 1929 г., т.е. со времени, когда я по личным мотивам начал от него отходить.

ВОПРОС: Перечислите лично известных Вам участников в к.-р. организации.

ОТВЕТ: Как участники анархистской организации мне известны следующие лица: СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, БЕМ Дмитрий Александрович, НАЗАРОВ Михаил Алексеевич, ИЛОВАЙСКАЯ Ирина, ЛЯШУК Сергей Романович, сестра СОЛОНОВИЧА Алексея – Надежда.

Как участников Ордена тамплиеров в Москве я знаю ДОРОГОВУ, СИЗОВА Михаила, УЙТТЕНХОВЕН Александр Владимирович, АРЕНСКИЙ Павел Антонович; в Ленинграде: СИНЯГИНА, НИКОЛАЕВУ Римму и ЩУЦКОГО. Со всеми этими лицами я был связан как участник к.-р. анархистской организации.

ВОПРОС: Вы знакомы с МАЙ Виктором Аркадьевичем?

ОТВЕТ: Да, знаком. Я познакомился с ним в 1922 г. по совместной учебе в московском Институте востоковедения. С МАЙ я поддерживал связь до высылки меня из Ленинграда в 1935 г. Насколько мне известно, МАЙ работает сейчас в НКВД в г. Баку.

ВОПРОС: Было ли известно МАЮ о Вашей к.-р. анархистской деятельности?

ОТВЕТ: МАЮ не было известно о моей к.-р. деятельности, я скрывал от него даже свои политические убеждения и он не знал, что я был анархистом.

ВОПРОС: Вы не все рассказали о своей к.-р. деятельности и не всех назвали известных Вам участников организации.

ОТВЕТ: Все, что я знал, сообщил следствию и больше добавить не могу.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Ф.Ростопчин

Допросили: Оперуполномоч[енный] 4 Отдела ГУТБ

Лейтенант Госуд[арственной] Безопасности

Сотрудник Резерва

Макаров

Немлихер

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 24-32, машинопись]

В обвинительном заключении, составленном еще через два дня и 20.07.37 г. утвержденном Прокурором СССР Вышинским, все «точки над і» были расставлены и получили соответствующее освещение:

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следделу № 12180 по обв.
РОСТОПЧИНА Федора Борисовича
в пр.пр. ст. 19-58/8 и 58/11, 58/10 УК РСФСР

4-м Отделом ГУТБ НКВД СССР вскрыта и ликвидирована к.-р. анархистская и террористическая организация, возглавлявшаяся известным анархистом СОЛОНОВИЧЕМ Алексеем Александровичем, отбывавшим ссылку в селе Каргасок ЗапСибКрая.

Свою преступную к.-р. работу анархистская организация, руководимая СОЛОНОВИЧЕМ, проводила в следующих направлениях:

а) По созданию групп для совершения террористических актов над руководителями партии и Советской власти.

б) По подготовке вооруженного восстания и созданию боевых отрядов.

в) По вербовке новых кадров для развертывания массового анархистского движения, направленного к свержению Советской власти.

Одним из активных участников этой организации был анархист РОСТОПЧИН Федор Борисович, отбывавший ссылку в гор. Бухаре. На основании имевшихся материалов РОСТОПЧИН был арестован.

Предварительным следствием по делу установлено, что

1) РОСТОПЧИН в 1926 г. был завербован анархистом СОЛОНОВИЧЕМ в к.-р. анархистскую организацию. В 1927 г. вступил в состав к.-р. масонской организации «Орден тамплиеров», возглавляемый руководителями упомянутой выше анархистской организации.

2) Был сторонником террористических методов борьбы с Советской властью, считая, что только убийством руководителей ВКП(б) и Совправительства можно всколыхнуть массы к вооруженному восстанию.

3) Вел активную анархистскую работу по вербовке новых членов в анархо-мистическую организацию.

4) Будучи в ссылке, вел к.-р. пропаганду и восхвалял Троцкого.

Обвиняемый РОСТОПЧИН в инкриминируемом ему преступлении полностью признался.

На основании изложенного обвиняется: РОСТОПЧИН Федор Борисович, 1904 г. рождения, урож. г. Москвы, сын дворянина — графа, гражданин СССР, образование высшее, в 1935 г. выслан из Ленинграда на 5 лет как соц[иально]-чуждый элемент, анархист с 1922 г. — в том, что являлся активным участником к.-р. анархистской организации, ставившей своей задачей террористическую борьбу с Советской властью и лично сам стоявший за применение террора против Советского Правительства, то есть в пр[еступлениях] пр[едусмотренных] ст. 58/8, 58/11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного, РОСТОПЧИН Федор Борисович подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года.

Оперуполном[оченный] 4 Отдела ГУТБ

Лейтенант Государственной Безопасности

«СОГЛАСЕН» Нач[альник] 4 Отдела [ГУТБ]

Старший Лейтенант Госбезопасности

[ЦА ФСБ РФ, Р-40084, л. 91-93]

Макаров

Аронсон

Последующие действия следственных органов — обвинительные заключения, передача дел в Военную Коллегию Верховного Суда СССР или на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР, для истории тамплиерского движения уже не представляют особого интереса, поскольку все они разворачивались в плане политического обвинения, т.е. в подготовке вооруженного восстания, терактов и антисоветской агитации. Основные из этих документов, также как и документы реабилитационного процесса, в достаточно полном объеме представлены в книге В.В.Налимо-

ва³⁸. Поэтому здесь я только кратко подведу итоги процесса для каждого из названных выше арестованных.

Постановлением ОСО НКВД 09.07.37 г. были приговорены: Гориневский Г.В. и Ляшук С.Р. — к 5 годам ИТЛ в системе Ухтпечлага; Аренский П.А., Брешков И.С., Губерт-Поспелова В.В., Коростелев Б.В., Налимов В.В., Проферансов Ю.Н. — с первым отходящим этапом в гор. Бухта Ногаево [Магадан. — А.Н.] в Севвостлаг НКВД — на 5 лет ИТЛ; Болотову А.О. — выслать на 5 лет в г. Алма-Ата. 28.07.37 г. Е.М.Васильевой (мать Ю.Н.Проферансова) было подписано обязательство в течение пяти дней покинуть Москву, выехав на жительство в Малоярославец сроком на 3 года. Наконец, 29.07.37 г. Военная Коллегия ВС СССР, руководствуясь Постановлением ЦИК СССР от 01.12.1934 г. приговорила к высшей мере наказания (расстрелу с немедленным исполнением приговора) Назарова М.А., Солонович А.О.³⁹, Шаревского И.И. и Ростопчина Ф.Б.

Из них на Колыме (в Севвостлаге) умерли Проферансов Ю.Н. (21.03.38 г.), Аренский П.А. и Коростелев Б.В. (оба 25.12.41 г.⁴⁰). Судьба остальных складывалась следующим образом: Брешков И.С. был освобожден 11.04.42 г. и, скорее всего, был оставлен вольнонаемным на месте прежней работы; Гориневский Г.В. по освобождении продолжал работу вольнонаемным до перевода в г. Щербаков (Рыбинск), где был повторно арестован 24.04.51 г., а 28.07.51 г. решением ОСО МГБ выслан в Красноярский край; Губерт-Поспелова В.В. освобождена не ранее 1945 г., т.к. прибыла на жительство в Малоярославец в октябре 1946 г., где работала преподавателем музыкальной школы, пока не была вновь арестована 24.04.50 г. и решением ОСО МГБ 26.08.50 г. отправлена на поселение в Красноярский край; Ляшук С.Р. 15.11.45 г. освобожден из Ухтпечлага, оставлен работать вольнонаемным на прежнем месте, повторно арестован в 1951 г. и решением ОСО МГБ от 28.02.51 г. сослан на поселение в Коми АССР.

Реабилитированы: Аренский П.А. и Болотова А.О. — 28.12.55 г. определением ВС СССР; Васильева Е.М., Гориневский Г.В., Губерт-Поспелова В.В., Ляшук С.Р., Налимов В.В., Проферансов Г.Н. — постановлением Президиума Московского городского суда по делу № 5пс-205/60 от 09.05.60 г.

Примерно так же сложились судьбы и карасокских фигурантов по делу «Альянса», о которых сообщает Обзорная справка по архивно-следственному делу № 956279/особ., хранившемуся в 1957 г. в Архиве УКГБ по Ставропольскому краю. Показания Д.А.Бема, М.С.Мокринского, С.М.Зильберга/Зильбера и П.А.Фисуна по делу А.А.Солоновича, давшие возможность довести до конца дело «Альянса» в Москве, несмотря на смерть самого Солоновича (а, возможно, именно вследствие этой смерти), содержали весь необходимый материал для развернутого процесса над авторами этих показаний, полностью изобличившими себя в причастности к антисоветскому контрреволюционному заговору. И хотя все они в судебном заседании осенью 1937 г. виновными себя не признали, заявив, что их показания были получены под нажимом следствия, Выездной сессией ВК ВС СССР 29.10.37 г. Мокринский М.С., Зильберг С.М. и Фисун П.А. были осуждены к ВМН и расстреляны в тот же день, тогда как Болотова Н.С. и Прокопенко О.Х., точно также не признавшие себя ни в чем виновным, 29.10.37 г. были осуждены на 10 лет ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет. На следующий год Выездной сессией ВК ВС СССР 04.06.38 г. к ВМН был приговорен и Бем Д.А. Как обычно, приговор был приведен в исполнение в тот же день [ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 215-223].

Приложения

1. ПОКАЗАНИЯ НАЗАРОВОЙ Е.А. 13.03.57 г.

НАЗАРОВ Михаил Алексеевич — это мой брат. В 1936 году он был арестован и судьба его с тех пор мне неизвестна. За что он был арестован — мне совершенно не-

известно. В связи с его арестом меня вызывали в 1936 г. на допрос. НАЗАРОВ М.А. никогда никакой антисоветской деятельностью не занимался, антисоветской агитации не проводил. Я знаю, что у него были знакомые СОЛОНОВИЧ Агния и НЕДОВИЧ Дмитрий Саввич, которые иногда приходили к НАЗАРОВУ М.А. Были случаи, когда НАЗАРОВ ходил на квартиру к Агнии СОЛОНОВИЧ. Я проживала в то время (это примерно 1934-36 гг.) вместе с братом, поэтому я присутствовала иногда при разговорах его с Агнией СОЛОНОВИЧ и НЕДОВИЧЕМ. Также мне вместе с братом приходилось раза два бывать на квартире Агнии СОЛОНОВИЧ. Брат мой, НАЗАРОВ М.А., увлекался религиозными книгами, мистикой, и при встречах с Агнией СОЛОНОВИЧ и НЕДОВИЧЕМ среди них происходили разговоры религиозно-мистического содержания. Ввиду давности времени я сейчас подробности этих разговоров не могу вспомнить, но припоминаю, что там читались мистические легенды. Эти легенды читала Агния СОЛОНОВИЧ у себя на квартире. Затем происходили разговоры по поводу этих легенд. Я молчала и в разговор не вступала на эти темы, т.к. в мистике не разбиралась. Сущность разговора сводилась к тому, что необходимо сделать человека честным, порядочным, сделать человека нравственно идеальным, и тогда никакая власть не нужна будет. В религиозном плане они в своих разговорах ссылались на Христа, были против всякого насилия по принципу: если бьют тебя по одной щеке, следует подставлять другую и не сопротивляться. Брат и другие перечисленные лица считали Христа анархистом, а поэтому они и себя причисляли к анархистам-мистикам. Были ли А.СОЛОНОВИЧ, НЕДОВИЧ и мой брат НАЗАРОВ в какой-либо организации религиозного или другого направления, для меня неизвестно. Я утверждаю, что при мне брат и указанные выше лица никогда никаких антисоветских разговоров не вели и никаких антисоветских действий не допускали.

ВОПРОС: Вам зачитываются Ваши показания от 03.12.36 г. Подтверждаете ли Вы их?

ОТВЕТ: Зачитанные мне мои показания в основном правильные, за исключением, там написано, что брат и другие по моему предположению были анархисты, а они были просто анархистами-мистиками. КОРОСТЕЛЕВ у нас бывал как гость и никакого отношения к мистике не имел. В моем протоколе правильно записано, что меня и НЕДОВИЧА СОЛОНОВИЧ Агния зачислила в Орден тамплиеров. Обряд этот состоял в том, что мне и НЕДОВИЧУ дали в руки цветы, при этом СОЛОНОВИЧ произнесла какую-то речь. Содержание этой речи я забыла, только помню, что она говорила об этом никому не рассказывать. Состоял ли брат в Ордене тамплиеров, или нет, для меня неизвестно.

ВОПРОС: Вы подавали жалобу по поводу осуждения НАЗАРОВА М.А. Если подавали, то что Вы можете добавить по этому вопросу?

ОТВЕТ: Вскоре после осуждения брата я подавала жалобу по его делу. К жалобе я прилагала две справки: профессора ТАРАСЕВИЧА* и справку доктора ПОСТОВСКОГО о том, что брат страдает психической болезнью, и просила о пересмотре его дела. Справка доктора ПОСТОВСКОГО и справка профессора ТАРАСЕВИЧА были взяты мною в личных документах брата, которые оставались после его ареста, а справка ТАРАСЕВИЧА, написанная фиолетовыми чернилами, мною была получена лично у ТАРАСЕВИЧА. Мне известно из газет, что профессор ТАРАСЕВИЧ умер, когда — не помню. Доктора ПОСТОВСКОГО я вообще не знала. По поводу болезни НАЗАРОВА М.А. могу показать следующее. Из моих родных родственников страдал психической болезнью брат отца, Сергей Михайлович НАЗАРОВ. Название болезни его я не знаю. Я лично его никогда не видела и отчего он умер мне не известно. О том, что он был болен, мне говорила старшая сестра. Наша сестра, НАЗАРОВА Александра Алексеевна, больна с детства шизофренией. Она уже пять лет как хронически больная, находится в психической больнице Теплый Стан, больница Тропарево, отделение больницы Кашенко. Сам НАЗАРОВ М.А. также был психически больной. Об этом мне известно из личных наблюдений и справок врачей, которые я приложила к жалобе. Пример-

но в 1915 г. после учебы НАЗАРОВ М.А. стал прятаться под кровать и говорить разные угрозы по моему адресу. После этого он лечился в какой-то частной лечебнице в пос. Тестово.

От службы в армии в связи с этим он был освобожден. С работы его, ввиду болезни и странностей, часто увольняли под каким-либо предлогом. В подтверждение этого прошу приобщить к его делу удостоверение военкома Хамовнического района от 02.11.1918 г. и копию его Трудового списка. Сейчас не помню, в каком году, но помню, что примерно в 1918-1923 гг. НАЗАРОВ М.А. находился на стационарном обследовании в больнице им. Кащенко (Канатчикова Дача).

По характеру НАЗАРОВ М.А. был раздражительный. Если какая мысль войдет ему в голову, то он думает только об этом и больше ничем не интересуется. В частности, мистика была у него всегда на первом плане.

ВОПРОС: Что Вам известно о жене НАЗАРОВА М.А. – НАЗАРОВОЙ Н.Н.?

ОТВЕТ: НАЗАРОВА Н.Н. была преподавательницей музыки. Никакой мистикой она не занималась, антисоветских настроений у нее не было, вообще была честная советская труженица. Для меня неизвестно, знала ли НАЗАРОВА Н.Н. о взглядах мужа и подробности о его встречах с СОЛОНОВИЧ А., НЕДОВИЧ и другими. Она вечерами давала уроки музыки, а днем работала, поэтому у нее не было времени заниматься мистикой или чем-либо другим, кроме работы.

Протокол допроса с моих слов записан верно и мне прочитан вслух. Хочу добавить, что НАЗАРОВА Н.Н. умерла в 1942 году. Е.Назарова

[ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 137об – 140]

* Тарасевич Иван Юлианович (Юльевич), род. в 1871 г. в Брянске, ст. ассистент и приват-доцент клиники нервных болезней клинической больницы I МГУ; в Москве жил в Долгом пер. 23, кв. 1; умер в 1941 г. в Москве.

2. ДОКУМЕНТЫ О ПРИМЕНЕНИИ ВМН К А.О.СОЛОНОВИЧ

Секретно

СПРАВКА

Приговор о расстреле СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны приведен в исполнение 29.VI.1937 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го Спецотдела НКВД СССР, том № 2, лист № 146.

Нач[альник] 12 Отд[еления] 1 Спецотдела НКВД СССР

Лейтенант Госбезопасности

Шевелев

[ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 169]

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

1 июня 1955 г.

№ Нр-0014/55 /014950

Форма № 38

Секретно

Экз. № 2

Нач. Гл. Упр. Милиции МВД Союза ССР

Нач. 1 Спецотдела МВД Союз. ССР

Главному Военному Прокурору

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданину СОЛОНОВИЧУ Сергею Алексеевичу свидетельство о смерти его матери СОЛОНОВИЧ Агнии Онисимовны.

Сообщаю, что СОЛОНОВИЧ Агния Онисимовна, 1888 года рождения, ур. г. Карачева Орловской губ. была осуждена Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 29 июля 1937 г. и отбывая наказание, умерла 29 сентября 1938 г.

Гр. СОЛОНОВИЧ С. А. проживает по адресу: ст. Перловка, Яр. ж.д., ул. Красноармейская д.16.

25 июня 1955 г.

Председатель Воен[ной] Кол[легии] Верх[овного] Суда Союза ССР

Ген[ерал]-лейтенант юстиции

А.Чепцов

[ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 170]

Приговор ВК ВС СССР от 29.06.1937 г. в отношении А.О.Солонович «как незаконный», был отменен «*определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 1958 года и дело о ней прекращено за недоказанностью обвинения*» [Справка Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 23.07.1992 г. № 13/3-3372-92].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гориневский Георгий Валентинович (1892–1966), род. в Санкт-Петербурге; в 1910 г. окончил Тенишевское училище и поступил на физико-математический ф-т Петербургского университета; в 1912 г. поступил в Академию художеств, которую закончил (с перерывом в 1918–1921 гг.) в 1923 г. Перед арестом – художник-архитектор 2-й архитектурно-проектной мастерской Моссовета. Арестован 19.03.37 г. в качестве «активного анархиста». Постановлением ОСО НКВД от 09.07.37 г. приговорен к 5 годам ИТЛ в Ухтпечлаге НКВД; после освобождения в марте 1946 г. остался работать в системе Волголага (г. Щербаков, ныне Рыбинск) в должности начальника бюро проектного отдела Волгостроя, где работал до нового ареста 24.04.51 г. по прежнему обвинению. Постановлением ОСО МГБ от 28.07.51 г. сослан на поселение в Красноярский край. После возвращения и реабилитации жил в Крыму.

² Смирнов (Смирнов-Русецкий) Борис Алексеевич (1905–1993), доцент кафедры металловедения Механико-машиностроительного института им. Баумана, художник, мистик, последователь Н.К.Рериха, член группы «Амаравелла». В 1921 г. окончил школу 2-й ступени, в 1926 г. – Московский промышленно-экономический институт, а также 4 курса ВХУТЕИНА. Семейное положение на момент ареста: фактическая жена – Татьяна Владимировна Дадонова; мать, Екатерина Анатольевна Смирнова, род. в 1875 г., сестра Татьяна Алексеевна Денисова, род. в 1903 г.; отец – Алексей Алексеевич Смирнов в 1938 г. осужден ОСО на 10 лет «без права переписки» (т.е. к ВМН). Б.А.Смирнов арестован 24.06.41 г., из Москвы отправлен в Саратовскую тюрьму; Постановлением ОСО НКГБ СССР от 08.12.41 г. за антисоветскую агитацию осужден на 10 лет ИТЛ; перед окончанием срока 16.05.51 г. вызван из лагеря как свидетель, после чего решением ОСО МГБ от 10.11.51 г. «за принадлежность к антисоветской группе» был сослан на поселение в Акмолинскую область Казахской ССР. [ЦА ФСБ РФ, Р-19568 (преж. 2962, 051645) в 2-х тт., 1941 и 1951 гг.] Вернулся по реабилитации в Москву в октябре 1956 г. В 1957–1965 гг. работал мл. научным сотрудником в Институте металлургии им. А.А.Байкова, с 1965 по 1973 г. – в Институте ВНИИМонтажспецстрой заведующим лабораторией сварки специальных сталей и цветных металлов. Участник многочисленных групповых и персональных выставок.

³ Фамилия этого человека в материалах «Альянса» фигурирует в двух вариантах – «Зильбер» и «Зильберг», причем в последнем написании употребляется в обзорных справках и документах реабилитационного дела, что представляется мне более достоверным: Зильберг Семен Михайлович, 1897 г. рожд., урож. г. Коваль (Польша), еврей, из служащих, анархист с 1915 г., образование среднее; арестовывался дважды – в 1924 г. Коллегией ОГПУ, второй – ОСО НКВД в 1934 г. осужден на 3 года ссылки в Нарым за анарходейтельность.

⁴ Мокринский Матвей Степанович (1882–1937), род. в д. Чюрюково Тамбовской губ., анархист с 1905 г., в 1917 г. вступил в Иркутскую федерацию анархистов; в 1921–1924 гг. получал из Москвы анархистскую литературу и распространял среди крестьян с. Староюрьевского Красноярского края. Арестован 21.07.33 г. по обвинению в организации крестьянского повстанческого движения; 27.11.33 г. приговорен к ВМН, приговор заменен на 10 лет ИТЛ; постановлением ОСО от 03.03.34 г. сослан в Западную Сибирь. В марте 1935 г. Мокринский прибыл в ссылку в с. Каргасок, где познакомился с А.А.Солоновичем. Арестован снова

25.01.37 г. по обвинению в подготовке вооруженного восстания. 29.10.37 г. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР осужден к ВМН. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

⁵ Напр., дело Назарова М.А. (ЦА ФСБ РФ, Р-7767, преж. 12197, 268587 ЦА МГБ, М-6335) пополнило копиями показаний Д.А.Бема, Г.В.Гориневского, С.Р.Ляшука и М.С.Мокринского; дело А.О.Солонович (ЦА ФСБ РФ, Р-7776, преж. 12197, 268600, М-6346) — копиями показаний С.Р.Ляшука, Г.В.Гориневского, Д.А.Бема, М.С.Мокринского; групповое дело А.О.Болотовой (Р-11994, преж. 260273, П-387270) в 5 томах — копиями показаний Д.А.Бема, М.С.Мокринского и др.

⁶ Коростелев Борис Васильевич, род. 14.08.1889 г. в д. Тарасовка Московской, обл.; сын полицейского чиновника, выславшегося ОГПУ в 1929 г.; мать — Ольга Платоновна Коростелева, живет с ним. Образование высшее — МВТУ им. Баумана, инженер ЦАГИ. Проживал по адресу: Старый Толмачевский пер., д. 5, кв. 20 вместе с женой, Коростелевой Анной Алексеевной, сыном Николаем, братьями — Серафимом Васильевичем Коростелевым (1904-1957), Сергеем, Евгением Коростелевыми и сестрами — Елизаветой и Анной. Согласно его показаниям 27.05.37 г., «Агния Онисимовна СОЛОНОВИЧ приблизительно в начале 1935 г. у себя на квартире в присутствии НАЗАРОВА Михаила Алексеевича предложила мне вступить в организацию «Орден Тамплиеров». Одновременно она рассказала мне краткую историю Ордена и сообщила, что этот Орден существует в настоящее время во всем мире и что члены его есть и в нашей стране. Здесь же она предупредила меня, что вступая в Орден я иду на известный риск, так как будучи в этом Ордене со мной могут случиться неприятности...», после чего он оказался от предложения (ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 159). Арестован 03.05.37 г.; постановлением ОСО НКВД от 09.07.37 г. приговорен к 5 годам ИТЛ в Севвостлаге (Колыма). Умер 25.12.41 г. в Севвостлаге. Когда реабилитирован — неизвестно. Его сын, Н.Б.Коростелев, в 1956 г. еще жил в квартире родителей.

⁷ См. *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994, с. 412-415.

⁸ Следует отметить, что в книге В.В.Налимова по непонятной причине на с. 259 вместо фотографии А.А.Солоновича помещена фотография неизвестного, ничего общего не имеющего с ним человека в шапке-ушанке (на обороте подлинника этой фотографии сделана надпись чернилами «1933 г.»), а на с. 260, вместо фотографии А.О.Солонович — фотография матери А.А.Солоновича.

⁹ *Налимов В.В.* Канатоходец..., с. 397.

¹⁰ Шаревский Ион (Иосиф) Исаакович (1911-1937), урож. г. Самарканда, с конца 20-х гг. в Москве, студент-биолог; арестован 16.02.31 г. за создание литературного кружка в школе; 30.04.31 г. приговорен ОСО ОГПУ к высылке в Сибирь на 3 года (дело № 575093). По возвращении работал под Москвой заведующим биостанцией. Вторично арестован 22.10.36 г. по обвинению в организации нелегальных анархо-кружков молодежи. 29.07.37 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН с немедленным исполнением приговора (дело М-6342).

¹¹ Волков Геннадий Григорьевич, 1901 г. рожд., урож. г. Ярославля, до ареста — инструктор спорта. Арестован 25.04.25 г. по обвинению в создании анархо-организации в Ярославле; решением ОСО ОГПУ от 26.06.25 г. заключен в политизолятор на 3 года. После освобождения работал наборщиком в типографии в Ярославле. 15.09.30 г. арестован повторно по тому же обвинению, решением ОСО ОГПУ от 23.11.30 г. выслан в Западную Сибирь на 3 года, дав согласие сотрудничать с органами ОГПУ-НКВД.

¹² *Никитин А.Л.* Анархисты и мистики Кропоткинского Музея. // *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 1998, с. 35-82; М., 2000, с. 37-84.

¹³ Запись беседы с В.В.Налимовым 07.02.93 г. в архиве автора.

¹⁴ Протокол допроса Иоффе И.И. 24.09.56 г. (ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 290-а).

¹⁵ Запись беседы с В.В.Налимовым 07.02.93 г.

¹⁶ *Налимов В.В.* Канатоходец..., с. 176.

¹⁷ Солонович Агния Онисимовна, род. 08.01.1888 г. в г. Карачеве Брянской губ.; отец — мещанин по происхождению, художник; образование незаконченное высшее — математический факультет Московских Высших женских курсов (МГУ-2); машинистка в Музее Кропоткина в Москве; убежденная анархистка-коммунистка с 1907 г.; с 1919 г. — секретарь «Всероссийского Черного Креста».

¹⁸ Вся история злключения С.А.Солоновича, его жены и шурина, В.К.Покровского, формально ничем не связанных с Орденом или анархо-мистиками, содержится в документах двух архивно-следственных дел ЦА ФСБ РФ: Р-33032 (преж. 103515, 574740, Н-6718) 1930 г. и Р-33031 (преж. 251739, Н-10849) 1936 г., в последнем из которых находятся все прошения С.А.Солоновича о реабилитации, в том числе и письмо к Генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко с описанием злключения автора по обстоятельствам его «третьей посадки» в 1949 г.

¹⁹ АУФСБ РФ по Карагандинской обл., дело на Хархардина И.В. и др., 1718 ф-4 (преж. 6352, 243122, 3947), л. 78-78об.

²⁰ Проферансов Юрий (Георгий) Николаевич, род. 02.07.1911 г. в Москве; образование высшее – Московский Геолого-разведочный ин-т, инженер-гидрогеолог Института «Водгео», технорук экспедиции; адрес – Минск, Ново-Свердловский пер. 9, кв. 3. Отец – Проферансов Николай Иванович, научный работник, умер в ссылке в 1934 г. в г. Фрунзе; мать – Васильева Ефросиния Михайловна, прож. по адресу: Москва, Усачевка д. 29, кв. 170; сестры: Стейнгис (она же по другому документу – Спрингас) Елена Николаевна – геолог Дальстроя; Авраменко Ирина Николаевна – Ленинград, Мойка 110, кв. 34. Арестован 28.10.36 г., решением ОСО НКВД 09.07.37 г. за КРД приговорен к 5 годам ИТЛ. Умер 21.03.30 г. в Севвостолаге (Кольма). Реабилитирован Постановлением Президиума Мосгорсуда от 09.05.60 г. по делу № 5пс-205/60.

²¹ Брешков Игорь Сергеевич, род. 01.02.1913 г. в с. Воскресенка Чударовского р-на Днепропетровской обл.; техник-металлург. Впервые арестован 05.12.32 г. по ст. 54-11 УК УССР, 30.04.33 г. Тройкой ГПУ УССР приговорен на 3 года ИТЛ. По отбытии срока поселился в с. Незнаново Кораблинского р-на Московской обл., где работал учителем неполной средней школы и счетоводом; слушатель курсов по переквалификации преподавателей в г. Покрове Московской обл.; жена – Белякова Лидия Петровна, там же, учительница. Повторно арестован 31.10.36 г. по делу И.И.Шаревского; 09.07.37 г. ОСО НКВД приговорен за КРД на 5 лет в ИТЛ Севвостолага. Освобожден 11.04.42 г. из Севвостолага. Дальнейшая судьба не известна.

²² Иванова-Нечаянная Ольга Константиновна, род. в 1893 г. в г. Моршанске быв. Тамбовской губ.; педагог 319 школы Желдоррайона; прож. – Москва, Чистопрудный бульвар, д. 15, кв. 22.

²³ Гориневский Г.В. Воспоминания. // Путь, 3/1993, М., с. 225-227.

²⁴ Налимов Василий Васильевич, родился в 1910 г. в Москве; отец – Налимов Василий Петрович, коми-зырянин, профессор МГУ; мачеха – Логачева Ольга Федоровна; сестры – Надежда и Ирина; физик, исп. Обязанности ст. научного сотрудника в ЦНИЛ КИП НКПП. Арестован 21.10.36 г., постановлением ОСО ОГПУ от 09.07.37 г. приговорен к 5 годам ИТЛ; освобожден из Севвостолага 30.08.43 г.; повторно арестован в 1943 г. и решением ОСО 20.04.49 г. отправлен на поселение в Караганду.

²⁵ Покровский Владимир Константинович, род. 06.09.1908 г. в Москве; образование незаконченное – Высшие литературные курсы (1927–1928 гг.), лектор-экскурсовод. Отец – Покровский Константин Васильевич, 1872 г. рожд., служил в Архиве МИД, в 1930 г. заведовал библиотекой Древлехранилища Госархива; сестра – Покровская Нина Константиновна, 1907 г. рожд., замужем за С.А.Солоновичем. Арестован 11.09.30 г., Постановлением ОСО ОГПУ 23.11.30 г. выслан на 3 года в Среднюю Азию; повторно арестован 27.10.36 г., приговорен ОСО НКВД 23.12.36 г. за КРД к 5 годам тюремного заключения.

²⁶ Болотова Антонина Онисимовна, род. 17.02.1895, в г. Карачеве Орловской губ., дочь художника из мешан; муж умер в 1918 г.; бухгалтер в Центр, секции жилкооперации ж.д. транспорта, работала также в Музее Кропоткина; арестована вместе с семьей сестры, А.О.Солонович, по адресу – Москва, Полуэктов пер. 3 кв. 4. Арестована 15.11.36 г. Постановлением ОСО НКВД от 09.07.37 г. приговорена к ссылке в Казахстан (Алма-Ата) сроком на 5 лет. Реабилитирована Определением ВС СССР от 28.12.55 г.

²⁷ Налимов В.В. Канатоходец..., с. 423-426.

²⁸ ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 97-99об. Как следует из справки по архивно-следственному делу № 271918 на Волкова Г.Г., после дачи нужных показаний по решению ОСО НКВД от 15.08.37 г. он был досрочно освобожден 17.08.37 г., однако уже другим решением ОСО НКВД от 27.12.37 г. «за антисоветскую агитацию Волков был сослан в отдаленные местности на

ПЯТЬ лет» (ЦА ФСБ РФ, Р-7776, л. 192 со ссылкой на арх.-след. дело Г.Г.Волкова № 271918), причем, судя по всему, арест произошел не позднее 27.08.37 г. Как и почему провокатор НКВД вдруг оказался «антисоветским», можно понять из текста выписки заявления Волкова на имя начальника 4 отделения УГБ НКВД СССР от 27.08.37 г., когда он снова оказался в заключении. Вот этот любопытный документ:

«18-го августа в 9 часов вечера 1937 г. я был освобожден из Бутырской тюрьмы и до утра прогулял по улицам Москвы (я не имел адресов), в 12 часов у меня была явка с уполномоченным, где я получил 80 руб. денег и снова должен был придти на явку 21.8.37 г. в 11 часов дня. Связан я был с Борисом Дмитриевичем и Ананием Семеновичем. Задание было — увязаться и вообще установить, кто имеется из анархистов в Москве, и 21.08.37 г. дать свои соображения о дальнейшей работе. Ранее я был связан с секретарями Всероссийской Федерации Анархистов СОЛОНОВИЧЕМ А. А., БАРМАШОМ и ХУДОЛЕЕМ В. и с Северной Федерацией через БОГДАНОВА П., ФЕДОРОВА, БАДИНА, и с Южной Федерацией, с набатовцами, с ФИСУНОМ, ПЛИНЕРОМ-СОКОЛОВЫМ и др., наряду с этим был связан с отдельными группами г. Вологды, Белоруссии, Украины и Сев[ерного] и Юж[ного] Кавказа. В настоящий момент, чтобы найти концы, надо было бы достать хотя бы один адрес находящегося на свободе анархиста, но на это надо было время.

Мой принцип работать был таков — «быть тем, кем я был до работы сотрудником». Иначе продуктивности работы не могло быть. В интересующей меня среде я являлся и говорил только как анархист, иначе я не был бы принят. Сначала я находил объект, потом завоевывал его расположение к себе, а потом только изучал его. Работая сотрудником с марта 1933 г., я никогда ни от кого не получал консультаций, а потому работал так, как позволяла обстановка...» [Подлинник заявления находится в арх.-след. деле № 271918 на Волкова Г.Г.]

Другими словами, пытаясь войти в анархистскую среду, Г.Г.Волков, выдавая себя за непримиримого анархиста, очень скоро наткнулся на такого же, как и он, агента-провокатора, коим и был сдан по принадлежности.

²⁹ *Налимов В.В.* Канатоходец..., с. 419-420.

³⁰ Фисун Петр Артемьевич, 1902 г. рожд., урож. г. Луцка, украинец, из служащих, образование незаконченное высшее. В 1924, 1925, 1933 и 1933 гг. судим различными органами за антисоветскую деятельность. В последний раз — в г. Курске по ст. 58/10, 11 УК РСФСР сослан в Запсибкрай, работал экономистом на заводе им. Рухимовича в г. Томске. Выездной сессией ВК ВС СССР 29.10.37 г. приговорен к ВМН, приговор приведен в исполнение в тот же день.

³¹ Болотова Нина Сергеевна, 1907 г. рожд., урож. г. Томска, русская, из служащих, высшее музыкальное образование; в Каргасоке без определенных занятий. Выездной сессией ВК ВС СССР 29.10.37 г. осуждена на 10 лет ИТЛ.

³² Фролов Василий Федорович, священник-старообрядец, административно-ссылный.

³³ Прокопенко Осанна/Оксана Христофоровна, 1897 г. рожд., урож. г. Кисловодска, армянка, из служащих, б/п, с высшим образованием; решением ОСО НКВД 14.04.35 г. как жена изменника Родины выслана в Западную Сибирь на 5 лет, работала в Каргасоке учительницей; повторно арестована УНКВД по ЗСК в Каргасоке 28.05.37 г. Выездной сессией ВК ВС СССР 29.10.37 г. осуждена на 10 лет ИТЛ; 20.07.56 г. по ее личной жалобе Определением ВК ВС СССР за № 4п-08329/56 оба указанных приговора вместе с постановлением ОСО МГБ от 13.08.49 г. о высылке на поселение были отменены.

³⁴ История болезни № 154. // *Налимов В.В.* Канатоходец..., с.421-422.

³⁵ Губерт-Поспелова Вера Васильевна, род. 30.06.1891 (в паспорте, по ее словам, ошибочно — 1896 г.) в Москве, дочь врача, родители умерли; образование — 2-я московская гимназия и Московская консерватория; на момент ареста — технический редактор издательства «Советская энциклопедия»; адрес — Померанцев пер. 7, кв. 2. Арестована 21.04.37 г. по обвинению в принадлежности к Ордену тамплиеров и как участник «Черного Креста помощи заключенным и нуждающимся анархистам». Во время следствия на очных ставках не была и с материалами дела не ознакомлена [ЦА ФСБ РФ, Р-11994 (преж. 260273, 1950 г. на В.В.Губерт-Поспелову), л. 15об]. Постановлением ОСО НКВД 09.07.37 г. приговорена к 5 годам ИТЛ в Севвостлаге (Кольма). После окончания срока в 1942 г. была задержана до окончания войны, фактически освобождена 29.08.46 г. В октябре 1946 г. приехала в Малоярославец Калужской обл.: с декабря 1947 по август 1948 г. работала сотрудницей районной библиотеки, после увольне-

ния — в музыкальной школе г. Малоярославец. Повторно арестована 28.04.50 г. УМБ Калужской обл.; решением ОСО МГБ 26.08.50 г. этапирована на поселение в Красноярский край. Реабилитирована Постановлением Президиума Мосгорсуда 09.05.60 г. по делу № 5пс-205/60. Умерла после 1960 г.

³⁶ Аренский Павел Антонович (1887-1941), сын композитора А.С.Аренского, писатель, поэт, переводчик, востоковед. Арестован 09.05.37 г. в Крыму, приговорен ОСО НКВД 09.07.37 г. к 5 годам ИТЛ, погиб на Колыме от флегмоны перед самым окончанием срока (25.12.1941 г.). Его письма из заключения к жене, актрисе В.Г.Орловой-Аренской, опубликованы: *Аренский П.А.* Музыкальный словарь для ссыльных. Письма. СПб., «Северный олень», 1999, с. 77-97.

³⁷ Эрманд (Эрманд-Долинин) Роберт З[ахарович? иновьевич?] — сподвижник А.А.Карелина по анархистской и орденовской работе. В 1922 (или 1923) гг. уехал в США, чтобы возродить некогда основанную Карелиным русскоязычную анархистскую газету, получившую теперь название «Рассвет», а в последующем и журнал «Пробуждение» анархо-мистического направления. Оба эти издания печатали корреспонденции из России, статьи анархо-мистиков и были источником средств для поддержания Музея Кропоткина в Москве и деятельности «Черного Креста».

³⁸ *Налимов В.В.* Канатоходец..., с. 426-449.

³⁹ О сознании постыдности совершенных действий свидетельствуют, с одной стороны, расхожая формула «десять лет без права переписки», обозначающая расстрел, а с другой — документы серийного производства советской системы для родственников, которые я привожу в Приложении.

⁴⁰ Такое совпадение возможно, однако всегда наводит на мысль о неестественности причины смерти.

ДЕЛО Ю.К.ЩУЦКОГО И А.А.СИНЯГИНА

После того, как к августу 1937 г. в общих чертах было завершено дело московской группы «Всероссийского альянса», расходящиеся от него волны в виде копий протоколов допросов и указаний, исходивших от органов ГУГБ НКВД СССР с Лубянки, превратились в жесточайший шторм, бросавший в камеры следственных изоляторов страны людей, имена которых оказались названы на следствии. Одной из первых таких жертв, имевших неосторожность в свое время познакомиться с анархо-мистиками и тамплиерами, был известный синолог Ю.К.Щуцкий (1897–1938), упоминавшийся вскользь в протоколах допросов Г.В.Гориневского. Поскольку судьбе Щуцкого, его жизни и его работам посвящена обширная литература, в данном случае я ограничусь только приведением обзорной справки по его архивно-следственному делу, составленной еще в декабре 1955 г., поскольку она проясняет ситуацию и показывает степень его причастности к Ордену тамплиеров, а также копией протокола его допроса от 03.09.37 г., представленного в деле А.А.Синягина. Этот протокол, вместе с копиями протоколов допросов Гориневского от 05.04.37 г. и 25.05.37 г. и Ф.Б.Ростопчина от 13.07.37 г., судя по всему, и стали основанием для последующего ареста Алексея Аркадьевича Синягина, крупного метеоролога, отложившись в его архивно-следственном деле П-7503 (преж. 32248, 266226, П-404105, П-24649) 1937 г., хранящемся в Архиве УФСБ РФ по Томской обл.

ОБЗОРНАЯ СПРАВКА

по архследделу П-404162 на Щуцкого Ю.К.

ЩУЦКИЙ Юлиан Константинович, 1897 г. рождения, урож. гор. Свердловска (Екатеринбурга. — *А.Н.*), [поляк], до ареста работал преподавателем Ленинградского Восточного института и старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. Арестован 2 августа 1937 г. УНКВД ЛО по подозрению в проведении антисоветской деятельности.

На допросе 3 августа 1937 г. ЩУЦКИЙ показал, что до 1927 г. он участвовал в существовавшем в гор. Ленинграде нелегальном кружке по изучению антропософии, в состав которого кроме него входили ВАСИЛЬЕВ Всеволод Николаевич, ЛЕБЕДЕВ А.Д., ВЛАДИМИРОВА Л.П., ВАСИЛЬЕВА Е.И., ДЕПП М.Н. и ДОМОГАЦКАЯ С.Н.

ЩУЦКИЙ показал, что на собраниях кружка ими изучались работы Рудольфа Штейнера. В дальнейшем, в связи с арестом и высылкой руководителя кружка ВАСИЛЬЕВОЙ Е.И. и арестом ВЛАДИМИРОВОЙ Л.П., которая впоследствии была освобождена, указанный кружок распался.

Тогда же ЩУЦКИЙ заявил, что этот кружок организационного оформления не имел, но после 1927 г. оставшиеся участники кружка — он, ЩУЦКИЙ, ЛЕБЕДЕВ А.Д., ВАСИЛЬЕВ В.Н. и ВЛАДИМИРОВА Л.П. поддерживали между собой близкую связь, основанную на общности их антропософских убеждений.

Из числа лиц, проживающих в Москве и занимающихся антропософией, ЩУЦКИЙ назвал ВАСИЛЬЕВУ Клавдию Николаевну и МИХИНА, а в Ленинграде — РАПГОФА Б.Е., БЕРТЕЛЬСА Евгений Эдуардович, БОГОСЛОВСКОГО В.А. и ЮДИНА.

Затем ЩУЦКИЙ дополнил, что БЕРТЕЛЬС, РАПГОФ, БОГОСЛОВСКИЙ и ЮДИН от антропософии отошли.

На допросе 3 сентября 1937 г. ЩУЦКИЙ показал, что он является участником контрреволюционной анархо-мистической организации, именующей себя «Орден тамплиеров», в которую был завербован в 1935 г. РОСТОПЧИНЫМ Федором Борисовичем, со слов которого он узнал о принадлежности к этой организации и НИКОЛАЕВОЙ Риммы Николаевны.

Далее ЩУЦКИЙ указал, что после высылки из Ленинграда РОСТОПЧИНА, он установил с НИКОЛАЕВОЙ Р.Н. непосредственную связь и узнал от нее, что в состав организации входят, кроме нее, КОМАРЕВСКИЙ Василий Михайлович, ГОРИНЕВСКИЙ Георгий Валентинович, УСПЕНСКИЙ и СИНЯГИН Алексей Аркадьевич. В 1936 г. НИКОЛАЕВА связала ЩУЦКОГО с СИНЯГИНЫМ и ГОРИНЕВСКИМ, как с участниками организации, которые заявили ЩУЦКОМУ, что они являются анархистами.

Практическая деятельность участников названной организации заключалась, как заявил ЩУЦКИЙ, в осуществлении систематических нелегальных сборищ, на которых изучалась анархо-мистическая литература и проводилась вербовка новых участников. Нелегальные совещания устраивались на квартире у него, ЩУЦКОГО, и НИКОЛАЕВОЙ и в них принимали участие приезжавшие иногда в Ленинград ГОРИНЕВСКИЙ и СИНЯГИН. Однако, кто именно был завербован в указанную организацию, ЩУЦКИЙ на допросе не показал.

ЩУЦКИЙ пояснил, что организация, используя мистицизм, обрабатывала своих членов в антисоветском направлении и, как ему стало известно из бесед с РОСТОПЧИНЫМ и НИКОЛАЕВОЙ, признавала террор, в проведении которого никаких практических шагов не делалось.

На допросе 13 сентября 1937 г. ЩУЦКИЙ заявил, что у него на квартире спрятана мистическая литература и «тамплиеровские» легенды, полученные им от НИКОЛАЕВОЙ и РОСТОПЧИНА в 1935 г. Тогда же ЩУЦКИЙ указал, что со слов СИНЯГИНА ему известно о том, что организация имеет мистическую литературу, которая спрятана в различных местах.

Далее ЩУЦКИЙ рассказал об антисоветской деятельности ДЕМЕЗЕРА*, о которой ему стало известно со слов НИКОЛАЕВОЙ.

Из протокола обыска от 13 сентября 1937 г., приобщенного к делу, видно, что на квартире ЩУЦКОГО были обнаружены и изъяты пакет мистических рукописей и стенографические записи.

26 октября 1937 г. ЩУЦКИЙ на допросе назвал участников другой известной ему антропософо-мистической организации: ВАСИЛЬЕВА Всеволода Николаевича, СПАРИОНАПТЕ Андрея Константиновича, СПАССКУЮ-КАПЛУН С.Г. и ЛЕБЕДЕВА А.Д. ЩУЦКИЙ также указал, что НИКОЛАЕВА намеревалась завербовать ВАСИЛЬЕВА и СПАРИОНАПТЕ в анархо-мистическую организацию, но осуществила ли она свое намерение — ему не известно.

Тогда же ЩУЦКИЙ заявил, что его жена, ЩУЦКАЯ И.Д., участвовала в чтении тамплиеровских материалов.

К делу приобщены копии протоколов допросов обвиняемых по другим делам — СИНЯГИНА, 09.10.37 г., СПАРИОНАПТЕ А.К.04.11.37 г., ГОРИНЕВСКОГО Г.В. 05.04.37 г. и 25.05.37 г. и РОСТОПЧИНА Ф.Б. 13.07.37 г., которые имеются в архивно-следственном деле по обвинению СИНЯГИНА.

Из имеющегося в деле протокола очной ставки между ЩУЦКИМ и НИКОЛАЕВОЙ от 16.9.37 г. видно, что ЩУЦКИЙ изобличал НИКОЛАЕВУ в передаче ему мистической литературы, но НИКОЛАЕВА его показания не подтвердила и протокол очной ставки подписать отказалась.

В копии постановления, составленного в сентябре 1937 г. указано, что материалы на НИКОЛАЕВУ, имеющиеся в следственном деле по обвинению ЩУЦКОГО, выделены в самостоятельное следственное производство.

18 февраля 1938 г. в судебном заседании, длившемся 20 минут, ЩУЦКИЙ свои показания, данные им на предварительном следствии подтвердил, и на основании

приговора выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР был расстрелян в тот же день.

Следствие по делу вели бывшие сотрудники УНКВД ЛО – ДРОЗДЕЦКИЙ и МА-НЕЙСКО.

Обзорная справка составлена для приобщения к архследделу № П-404105 по обвинению СИНЯГИНА. Архследдело № П-401162 по обвинению ЩУЦКОГО Ю.К. хранится у Учетно-архивном отделе КГБ при СМ СССР.

2 декабря 1955 г.

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 83-85]

* Демезер Павел Сизизмундович, 1893 г. рожд., урож. Одессы, арестован 17.04.35 г.; 20.06.35 г. ОСО НКВД СССР приговорен к 3 годам ИТЛ.

ПОКАЗАНИЯ ЩУЦКОГО Ю.К. 03.09.37 г.

ВОПРОС: Вы арестованы как участник контрреволюционной анархо-мистической организации. дайте показания об антисоветской деятельности, которую Вы проводили в Ленинграде за последние годы.

ОТВЕТ: Это отрицаю, так как антисоветской деятельностью я не занимался. Однако я не отрицаю, что у меня имеются отдельные разногласия по отдельным вопросам политики ВКП(б) и Советской власти.

ВОПРОС: Что это за «отдельные разногласия», разъясните.

ОТВЕТ: Ну, я, например, не согласен с карательной политикой Советской власти, и что в политике последней преобладают элементы насилия над личностью. Но это ни в какой степени еще не характеризует меня как антисоветского человека.

ВОПРОС: У Вас при обыске обнаружена и изъята мистическая литература. Кому эта литература принадлежит?

ОТВЕТ: Изъятая у меня при обыске мистическая литература принадлежит лично мне.

ВОПРОС: Где Вы эту литературу приобрели?

ОТВЕТ: Мистическую литературу я получил от НИКОЛАЕВОЙ Риммы, о которой я уже показал на предыдущем допросе, что имел с ней связь чисто личного порядка.

ВОПРОС: Для чего НИКОЛАЕВА дала Вам эту литературу?

ОТВЕТ: Для ознакомления.

ВОПРОС: Значит, Вы и НИКОЛАЕВА интересовались мистической литературой?

ОТВЕТ: Да, я интересуюсь мистическим течением тамплиерского направления. Этим же течением интересуется и НИКОЛАЕВА Римма.

ВОПРОС: А что это за тамплиерское мистическое течение?

ОТВЕТ: Тамплиерское учение – это обычный мистицизм и никакой политической ориентации нет имеет.

ВОПРОС: Вы совсем запутались. Нам хорошо известно, что тамплиерское учение или «Орден тамплиеров», как себя именуют сторонники этого учения, является типичной разновидностью анархизма, типичным представителем которого Вы являетесь. Говорите правду.

ОТВЕТ: Я хочу следствию сделать заявление.

ВОПРОС: О чем?

ОТВЕТ: Я хочу заявить, что на предыдущих допросах, отрицая факты своей принадлежности к антисоветской организации, я сознательно пытался ввести следствие в заблуждение с целью избежать ответственности за ту антисоветскую работу, которую я проводил в Ленинграде.

ВОПРОС: К какой именно антисоветской организации Вы принадлежали?

ОТВЕТ: Я являюсь участником к.-р. анархо-мистической организации, именуемой себя «Орден тамплиеров». В эту организацию я был завербован в 1935 г. – РОС-ТОПЧИНЫМ Федором Борисовичем, с которым я в том же году вместе работал в Институте востоковедения в гор. Ленинграде.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах Вы были РОСТОПЧИНЫМ завербованы в анархо-мистическую организацию?

ОТВЕТ: В марте 1935 г. я шел из Института востоковедения вместе с РОСТОПЧИНЫМ. По дороге, разговорившись со мной, РОСТОПЧИН мне рассказал, что существуют древне-мистические традиции, с которыми он, при моем согласии, может меня ознакомить, и одновременно заметил, что ему известны мои интересы к мистическим системам.

В разговоре он не упоминал, какое мистическое учение он имел ввиду, но заметил, что точно ознакомит меня с ним в случае, если я дам согласие примкнуть к этому течению. Я счел необходимым предварительно ознакомиться со всем тем, что мне говорил РОСТОПЧИН, и поэтому, не дав ему положительного ответа, предложил зайти ко мне для разговора по поводу окончательно принятого мною решения. Вскоре, как и было условлено, РОСТОПЧИН зашел ко мне на квартиру по адресу ул. Декабристов 9, кв. 2.

В эту вторичную встречу РОСТОПЧИН мне прямо заявил, что ему известны мои антисоветские настроения и предложил мне принять участие в анархо-мистической организации, на что я дал согласие. Тогда же он мне сказал, что организация носит название «Орден тамплиеров» и информировал меня о том, что она насчитывает в своих рядах много сторонников и назвал одну из них – НИКОЛАЕВУ Римму Николаевну, с которой он поручил мне установить связь. НИКОЛАЕВОЙ были хорошо известны мои антисоветские настроения и, по-видимому, по ее рекомендации я и был завербован РОСТОПЧИНЫМ, который так смело и подошел к вербовке меня в организацию.

ВОПРОС: Что же было дальше?

ОТВЕТ: Вскоре РОСТОПЧИН был выслан из Ленинграда как «бывший» и связь моя с ним временно прекратилась. Спустя некоторое время я установил связь с НИКОЛАЕВОЙ, которой я прямо заявил, что мне РОСТОПЧИНЫМ поручено связаться с ней. НИКОЛАЕВА мне подтвердила, что она является участницей названной организации, и в свою очередь информировала меня о том, что организация является анархо-мистической и что идеологами этого течения являются: известный анархист КАРЕЛИН Аполлон (умерший) и, как будто, СОЛОНОВИЧ. Она же мне рассказала, что у КАРЕЛИНА было много сторонников, но после его смерти начались расколы и образовалось три течения, а именно: чисто мистическое, магическое и анархистское. О себе НИКОЛАЕВА мне сообщила, что она является сторонницей последнего течения, то есть анархистского, к которому примыкают и другие.

ВОПРОС: Кто эти другие, назовите их по фамилиям?

ОТВЕТ: К числу этих лиц НИКОЛАЕВА относила: КОМАРЕВСКОГО Василия Михайловича, которого я знал в 1927 г. еще по Ташкенту, но связи с ним не имел, ГОРИНЕВСКОГО и УСПЕНСКОГО, профессора Ташкентского университета, и Алексея Аркадьевича СИНЯГИНА, проживающего в Томске. Всех этих лиц НИКОЛАЕВА назвала как участников анархо-мистической организации.

В 1936 г. НИКОЛАЕВА связала меня с СИНЯГИНЫМ и ГОРИНЕВСКИМ как с участниками организации. Оба они приезжали тогда в Ленинград. В разговоре с СИНЯГИНЫМ и ГОРИНЕВСКИМ они тогда же заявили, что являются анархистами. Помню, что мы тогда имели беседу по вопросам, связанным с дальнейшей антисоветской деятельностью, но содержание этой беседы я сейчас не помню. Вспомню — скажу.

ВОПРОС: Дайте показания о практической деятельности вашей анархо-мистической организации.

ОТВЕТ: Практическая деятельность моя и других участников нашей организации заключалась, главным образом, в организации систематических нелегальных совещаний, на которых мы прорабатывали имевшуюся у нас анархо-мистическую литературу. Такие нелегальные совещания устраивались, главным образом, на квартире у меня и у НИКОЛАЕВОЙ Риммы по ул. Декабристов д. 9 кв. 2. На этих совещаниях присутствовали я – ЩУЦКИЙ, НИКОЛАЕВА и приезжавшие иногда в Ленинград ГОРИНЕВСКИЙ и СИНЯГИН.

Основная же практическая деятельность нашей организации шла по линии вербовки новых участников и привлечения их к антисоветской работе. В этой связи я хочу еще вкратце отметить, что из себя представляет «Орден тамплиеров», так как я в начале допроса дал следствию совершенно ложное понятие о нем, когда утверждал, что тамплиерство ничего общего с политикой не имеет.

Мистическое учение, именуемое «Орденом тамплиеров» — это, по существу, маскировка нашей анархистской организации, используемая при вербовке новых участников в организацию. На самом же деле, это глубоко законспирированная организация анархистского направления. Участников своих организация воспитывает вражды к Советской власти, прививает им волевые качества и обрабатывает их на самопожертвование с таким расчетом, чтобы выковать из рядового участника организации вполне способного в любой момент выступить для борьбы с Советской властью и ее представителями любыми активными средствами вплоть до террора.

В этих-то целях организация широко и использует мистицизм, вырабатывая из ее членов фанатиков, способных на любые дела самопожертвования в интересах организации.

ВОПРОС: Значит, к.р. организация, участником которой Вы являетесь, стояла на террористических позициях, так?

ОТВЕТ: Да, мне было из бесед с РОСТОПЧИНЫМ и НИКОЛАЕВОЙ известно, что как одной из наиболее активных форм борьбы с Советской властью — террор, организация признавала, но было ли что-либо практически предпринято в этом направлении, мне не известно.

ВОПРОС: С кем из участников организации Вы обсуждали вопросы террора?

ОТВЕТ: Я еще раз заявляю, что практически вопросы террора со мною не обсуждались.

ВОПРОС: Следствию известно, что Вы не только обсуждали вопросы террора с названными лицами, но принимали участие в террористической деятельности организации. Дайте правдивые показания.

ОТВЕТ: Я сказал правду, и все, что забыл, постараюсь вспомнить и дополнить свои показания на следующем допросе.

Записано с моих слов верно и мною лично прочитано.

Щуцкий

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 24-30; машинописная копия]

ПОКАЗАНИЯ ЩУЦКОГО Ю.К. 13.09.37 г.

ВОПРОС: Вы заявили следствию, что Вы хотите дать дополнительные показания о своей антисоветской деятельности. Что Вы хотите дополнительно показать следствию?

ОТВЕТ: Я хочу дополнить к своим показаниям следующее: на предыдущих допросах я скрыл от следствия, что на квартире у меня хранятся запрятанные мною контрреволюционные мистические материалы, которые мне были переданы на хранение НИКОЛАЕВОЙ Риммой, участницей нашей контрреволюционной организации. Этим материалы мною были получены от НИКОЛАЕВОЙ на другой день после ареста ДЕМЕЗЕРА В 1935 г. Передавая мне эти материалы, НИКОЛАЕВА мне сказала, что это мистические легенды, и предупредила, чтобы я их спрятал в надежном месте. Я так и сделал и запрятал эти документы внутри фишгармонии у себя на квартире, где они и сейчас находятся. Кроме того, на квартире у меня еще имеются «тамплиерские» легенды, которые мною получены от РОСТОПЧИНА также в 1935 г. Эти легенды записаны мною по конспиративным соображениям стенографическим письмом по системе Лапекина. Запись сделана в коричневой тетради, которая хранится в книжном шкафу, стоящем в моей комнате направо от окна.

Мне известно, что у организации имелось много таких контрреволюционных документов.

ВОПРОС: От кого Вам известно о том, что организация имела много контрреволюционных документов?

ОТВЕТ: Об этом мне известно от участника нашей контрреволюционной организации РОСТОПЧИНА*.

В частности, он говорил, что у организации существуют копии тамплиеровских легенд, которые зарыты в землю. Один экземпляр где-то около Москвы, и другой около Петергофа.

ВОПРОС: Разве РОСТОПЧИН** не называл Вам точное место хранения этих документов?

ОТВЕТ: Нет, не называл.

ВОПРОС: Но Вы его об этом спрашивали?

ОТВЕТ: Нет, не спрашивал, так как считал, что это будет немного не тактично.

ВОПРОС: Что Вам известно о ДЕМЕЗЕРЕ?

ОТВЕТ: ДЕМЕЗЕРА Павла Сигизмундовича я знаю только на основании полученных о нем сведений от НИКОЛАЕВОЙ. Он является также участником нашей контрреволюционной анархо-мистической организации, о чем я также скрывал на следствии.

ВОПРОС: От кого Вам известно, что ДЕМЕЗЕР являлся участником контрреволюционной анархо-мистической организации?

ОТВЕТ: С ДЕМЕЗЕРОМ лично не был связан, а о том, что он являлся участником организации, мне было известно от НИКОЛАЕВОЙ в 1935 г. уже после ареста ДЕМЕЗЕРА, который был лично связан с НИКОЛАЕВОЙ.

ВОПРОС: Что именно НИКОЛАЕВА рассказывала о контрреволюционной деятельности ДЕМЕЗЕРА?

ОТВЕТ: Она говорила, что ДЕМЕЗЕР вел анархистско-мистическую работу совместно со своим знакомым химиком, фамилию которого она мне не называла. Этот химик, по словам НИКОЛАЕВОЙ, будто бы в 1936 г. умер.

ВОПРОС: Что НИКОЛАЕВА Вам рассказывала о причинах ареста ДЕМЕЗЕРА?

ОТВЕТ: Она мне говорила, что ДЕМЕЗЕР был арестован за связь с людьми, антисоветски настроенными.

ВОПРОС: С кем именно?

ОТВЕТ: Фамилии этих лиц она мне не называла.

Имея желание наиболее полно осветить всю контрреволюционную деятельность свою и других участников нашей контрреволюционной анархистско-мистической организации, я хочу рассказать следствию еще об одном факте, на основе которого следствие могло бы объективно оценить причины моего отрицания на предыдущих допросах своей и других участников контрреволюционной деятельности.

Мне было известно, что наша организация практиковала месть. Участники ее ни при каких обстоятельствах и особенно на следствии не должны были выдавать организацию.

В частности, мне было известно, что такое преследование было организовано со стороны участников организации за УСПЕНСКИМ, который, по словам НИКОЛАЕВОЙ, также являлся участником нашей организации и в свое время каким-то образом выдал ряд участников организации, как будто рассказав об этом в НКВД при допросах. Ему причиняли всякие неприятности по службе и в личной жизни.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан. [подписи нет]

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 31-34; машинописная копия]

* Зачеркнуто и поверху вписано чернилами «СИНЯГИНА».

** Зачеркнуто и поверху вписано чернилами «СИНЯГИН».

С этих показаний – Г.В.Гориневского, Ф.Б.Ростопчина и Ю.К.Щуцкого – началось «Дело А.А.Синягина, 1937 г.», повлекшее за собой новые аресты и расстрелы.

СИНЯГИН Алексей Аркадьевич
(1905 – 1938)

Синягин Алексей Аркадьевич, род. 01.06.1905 г., в Петербурге. Его отец – Аркадий Алексеевич Синягин, 1878 г. рожд., урож. г. Сычевска, потомственный почетный гражданин (с 1870 г.), до революции проживал в Петербурге по адресу: Калашниковский пер., д. 2, кв. 27; член Учетного коммерческого Гос. банка, председатель Правления «Товарищества бр. Синягиных» и «Товарищества А.И.Галунова», староста церкви св.св. Бориса и Глеба, Уполномоченный Министерства земледелия по Петрограду, председатель Совета Русско-голландского банка. В 1930 г. выслан на Волгострой, г. Рыбинск (д. Кишкино). Мать – Зинаида Андреевна Синягина, 1882 г. рожд., владелица домов в Петербурге – Дегтярная ул. д. 1, Калашниковская наб., Перекупный пер., д. 17. В 1930 г. выслана из Ленинграда вместе с мужем в г. Рыбинск. Брат – Кирилл Аркадьевич Синягин, 1909 г. рожд., в 1930 г. осужден ОСО ОГПУ за КРД на 5 лет ИТЛ Беломорканала, в 1937 г. находился на Волгострое в г. Рыбинске.

В 1924 г. А.А.Синягин окончил физико-математическое отделение Петроградского университета и аспирантуру, после чего на протяжении следующих 13 лет работал: в Институте теоретической метеорологии, Главной геофизической обсерватории, Северо-Западном Бюро погоды, ЛОУ ЕГС; преподавал в Институте гражданского воздушного флота, Путейском институте, Военно-морской академии им. Ворошилова и ЛГУ, участвовал в составе Карской арктической экспедиции в 1930 г. и работа его была отмечена присуждением Серебряной медали Географического общества; в 1934 г. избран Действительным членом Главной геофизической обсерватории; имел около 20 печатных трудов, часть которых издана за рубежом. Кроме этого, как известно из материалов «Нижегородского дела» 1930 г., Синягин курировал тамошних анархо-мистиков и живо интересовался вопросами русской истории и русского язычества.

В марте 1935 г. на основании того, что Синягин проходит по показаниям осужденных в 1934 г. Мацейно и Васильева как член к/р организации в системе Гидрометеослужбы, решением ОСО НКВД СССР А.А.Синягин вместе со своей женой, Булинской Натальей Александровной, 1907 г. рожд., были высланы из Ленинграда в г. Оренбург сроком на 5 лет. И хотя Постановлением ОСО при НКВД от 02.04.36 г., благодаря ходатайствам видных специалистов, характеризующих А.А.Синягина «одним из наиболее сведущих и талантливых научных работников в Союзе в области теоретической и синоптической метеорологии», «чрезвычайно ценным и сведущим специалистом в области арктической синоптики по работе своей в Ленинградском Бюро погоды»¹, ссылка была отменена, а сами они переведены в Томск, другим решением ОСО от 14.09.36. во изменение прежнего постановления оба ученых были лишены права проживания в Москве, Ленинграде и Киеве на оставшийся срок «отмененной» ссылки².

В результате, осенью 1936 г. А.А.Синягин занял место доцента гидромеханики и метеорологии, а его жена – просто доцента в Томском университете, поселившись по адресу: г. Томск, Красноармейская 57, кв. 1.

13.08.37 г. Синягин был арестован томскими органами НКВД и препровожден по этапу в Ленинград, но лишь 07.10.37 г. сотрудник Лентюрьмы ст. лейтенант ГБ Егоров обратился в несколько адресов с запросом: кем затребован прибывший из Томска Синягиным, поскольку сопровождавшие его документы оказались потеряны [АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 1].

В арх.-след. деле А.А.Синягина 1937 г. сохранилось только два протокола его допросов – от 09.10.37 г., когда была расстреляна Р.Н.Николаева³, одна из главных фигур, связующих Г.В.Гориневского, Ф.Б.Ростопчина, А.А.Синягина и Ю.К.Щуцкого, и от 22.10.37. г. Все это оставляет впечатление, что от Синягина ожидали не каких-то новых сведений, а лишь подтверждения фактов, изложенных другими подследственными в представленных копиях протоколов. А поскольку лейтенант ГБ Манейско, к которому попал Синягин, вел одновременно три «следствия» – по делу Синягина, по делу Щуцкого и по делу Спаринапте А.К., расстрелянного уже

19.11.37 г.⁴, то Ю.К.Щуцкий и А.А.Синягин были расстреляны друг за другом в один день, 18.02.38 г., по приговору приговору выездной сессии ВК ВС СССР.

Реабилитация Синягина была оформлена решением ВК ВС СССР от 27.07.57 г. за № 4н-026924/56 в результате настойчивых обращений его матери, З.А.Синягиной, жившей на поселении в с. Берлик Джамбульской обл. Киргизской ССР⁵, однако так и не дождавшейся этого события (ум. 26.06.56 г.). К этому времени никого из родственников А.А.Синягина уже не было в живых.

¹ Подробные отзывы ведущих специалистов в этой области науки — Н.Кочина, В.И.Смирнова и Б.Извекова начала 1935 г., содержащие чрезвычайно высокие оценки результатов различных направлений работ А.А.Синягина, находятся в материалах следственного дела Синягина (АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 61-63).

² Там же, л. 78, со ссылкой на арх.-след. дело № 11/29758 в УАО УКГБ ЛО.

³ Обзорную справку по делу Р.Н.Николаевой см. Приложение 1.

⁴ Обзорную справку по делу А.К.Спаринапте см. Приложение 2.

⁵ См. Приложение 3.

ПОКАЗАНИЯ СИНЯГИНА А.А. 09.10.37 г.

ВОПРОС: Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Дайте правдивые показания об антисоветской деятельности, которую Вы проводили в последние годы.

ОТВЕТ: Я категорически заявляю, что никакой антисоветской деятельностью не занимался.

ВОПРОС: Вы напрасно упорствуете. Арестованные нами участники Вашей контрреволюционной организации в своих показаниях достаточно изобличили Вас, как активного врага Советской власти. Прежде чем приступить к изобличению Вас на очных ставках с ними, мы еще раз предлагаем Вам дать правдивые показания.

ОТВЕТ: Я даю правдивые показания и прошу следствие мне верить.

ВОПРОС: Не верно. Зачитываю Вам показания одного из участников Вашей организации — ГОРИНЕВСКОГО: «В состав анархо-мистической организации входил СИНЯГИН Алексей Аркадьевич, работающий в данное время в гор. Томске». Будете ли Вы и теперь отрицать это?

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Но Вы ГОРИНЕВСКОГО знаете?

ОТВЕТ: Да, ГОРИНЕВСКОГО Георгия Валентиновича я хорошо знаю. С ним я встречался до 1936 г. Однако о его контрреволюционной деятельности мне ничего не известно.

ВОПРОС: А РОСТОПЧИНА Вы знаете?

ОТВЕТ: Нет, РОСТОПЧИНА я не знаю.

ВОПРОС: Нет, Вы говорите неправду. Арестованный нами по Вашему делу РОСТОПЧИН показал, что вы между собой хорошо знакомы и оба были связаны совместной контрреволюционной деятельностью как участники анархо-мистической организации. Приводим Вам показания самого РОСТОПЧИНА по этому вопросу: «Кроме того, в Ленинграде я был связан с участниками анархо-мистической организации СИНЯГИНЫМ Алексеем Аркадьевичем и НИКОЛАЕВОЙ Риммой. С ними я встречался вплоть до своего ареста в 1935 г.» Как же Вы смаете утверждать, что Вы с РОСТОПЧИНЫМ не знакомы?

ОТВЕТ: Я еще раз заявляю, что фамилию РОСТОПЧИНА я впервые слышу.

ВОПРОС: А НИКОЛАЕВУ Вы знаете?

ОТВЕТ: Да, НИКОЛАЕВУ Римму Николаевну я знаю.

ВОПРОС: А ЩУЦКОГО?

ОТВЕТ: ЩУЦКОГО Юлиана Константиновича я также знаю. Познакомился я с ним в 1936 г. у НИКОЛАЕВОЙ.

ВОПРОС: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности НИКОЛАЕВОЙ и ЩУЦКОГО?

ОТВЕТ: О контрреволюционной деятельности НИКОЛАЕВОЙ и ЩУЦКОГО мне ничего не известно. Что касается ЩУЦКОГО, то должен сказать, что с ним у меня знакомство было поверхностное.

ВОПРОС: Вы напрасно сопротивляетесь. НИКОЛАЕВА и ЩУЦКИЙ тоже нами арестованы. На следствии они изобличают Вас как участника контрреволюционной организации. Зачитываем Вам показания ЩУЦКОГО по этому вопросу: «В 1936 г. НИКОЛАЕВА связала меня с СИНЯГИНЫМ и ГОРИНЕВСКИМ, как участниками организации. Оба они приезжали тогда в Ленинград. В разговоре СИНЯГИН и ГОРИНЕВСКИЙ мне тогда же заявили, что они являются анархистами». Будете ли Вы, наконец, давать правдивые показания или мы Вас будем и впредь изобличать показаниями Ваших соучастников?

ОТВЕТ: Я прошу следствие дать мне бумагу и предоставить возможность дать показания собственноручно.

ВОПРОС: Мы Вам эту возможность предоставим. А пока все же скажите: признаете ли Вы себя участником контрреволюционной организации?

ОТВЕТ: Да, я признаю, что я являюсь участником контрреволюционной анархистической организации, в которую я был завербован в 1927 г. ПРОФЕРАНСОВЫМ Николаем Ивановичем в г. Москве.

ВОПРОС: Кто такой ПРОФЕРАНСОВ?

ОТВЕТ: ПРОФЕРАНСОВ мне известен как один из руководителей нашей организации и о нем я ниже продолжу несколько подробнее свои показания.

ВОПРОС: Что же было дальше?

ОТВЕТ: Тогда же в Москве я был познакомлен с ГОРИНЕВСКИМ Георгием Валентиновичем, РОСТОПЧИНЫМ Федором Борисовичем и НОТГАФТ, имя не помню, с которыми ПРОФЕРАНСОВ связал меня как с участниками названной организации.

ВОПРОС: А разве с ГОРИНЕВСКИМ Вы раньше знакомы не были?

ОТВЕТ: Нет, раньше я его не знал.

ВОПРОС: Кто еще, кроме перечисленных Вами лиц входил в анархистско-мистическую организацию?

ОТВЕТ: Прежде чем ответить на этот вопрос, я хочу сказать, что контрреволюционная анархистическая организация, участником которой я являлся, состояла из двух известных мне групп, существовавших в Москве и в Ленинграде. Руководящим центром организации являлась московская группа, в частности, как мне известно, ПРОФЕРАНСОВ. В ленинградскую группу, являвшуюся филиалом организации, входили — я, СИНЯГИН, НИКОЛАЕВА Римма Николаевна, ДЕМЕЗЕР Павел Сигизмундович и ЩУЦКИЙ Юлиан Константинович.

Связь с московской группой осуществлялась до 1930 г. путем моих эпизодических поездок в Москву через ПРОФЕРАНСОВА, а позднее (до 1936 г.) через ГОРИНЕВСКОГО. Всех участников организации, находящихся в Москве, я не знал и был связан только с ГОРИНЕВСКИМ, НОТГАФТ и ПРОФЕРАНСОВЫМ, наиболее тесная связь с которым у меня возникла на почве общности враждебных отношений к марксизму, ВКП(б) и ко всей советской государственной системе.

В беседах моих с ПРОФЕРАНСОВЫМ мы, в конечном итоге, сходились на том, что исторический материализм не является правильным учением и нуждается в коренной переработке.

В этой связи мы культивировали идеалистические мировоззрения и теории такого исторического процесса, которые можно было бы противопоставить марксизму. Обсуждая дальнейшие пути практической деятельности организации мы — я, СИНЯГИН, и ПРОФЕРАНСОВ предпринимали практические шаги к выработке такой программы, которая бы отвечала задачам агитации и пропаганды идей не только антимарксистских, но и антисоветских.

ВОПРОС: Где и в какой обстановке велись эти разговоры?

ОТВЕТ: Разговоры на эти темы велись главным образом в Москве на нелегальных совещаниях, происходивших на квартире у ПРОФЕРАНСОВА и иногда у ГОРИНЕВСКОГО. На этих совещаниях обычно присутствовали: я — СИНЯГИН, ПРОФЕРАНСОВ, ГОРИНЕВСКИЙ, раза два НОТГАФТ, которая впоследствии куда-то исчезла и я о ней больше ничего никогда не слышал.

ВОПРОС: Какую позицию в этих разговорах занимали остальные участники организации?

ОТВЕТ: Я сейчас не помню высказываний каждого в отдельности из них по этим вопросам, но, во всяком случае, могу безошибочно сказать, что они целиком, в основном, разделяли точку зрения мою и ПРОФЕРАНСОВА.

ВОПРОС: Какие конкретные решения принимались на этих совещаниях?

ОТВЕТ: Никаких конкретных решений на этих совещаниях мы не принимали.

ВОПРОС: Но ведь вы же поставили перед собой задачу разработки программы, «которая отвечала бы задачам агитации и пропаганды идей не только антимарксистских, но и антисоветских»?

ОТВЕТ: Эту задачу взяли на себя ПРОФЕРАНСОВ и я, СИНЯГИН, однако практически нам ничего сделать так и не удалось, так как в 1930 г. ПРОФЕРАНСОВ был арестован и заключен в концлагерь.

ВОПРОС: Какая практическая контрреволюционная деятельность Вами и другими участниками организации проводилась после 1930 г. в Ленинграде?

ОТВЕТ: Получая от ПРОФЕРАНСОВА еще в 1927 и 1930 гг. материалы мистического характера, я получал от него задания о вербовке новых участников в организацию. Выполняя это задание ПРОФЕРАНСОВА в Ленинграде, я начал активизировать контрреволюционную деятельность. Это нашло практическое выражение в том, что в 1927 г. я завербовал в организацию ДЕМЕЗЕРА, о котором я уже показал выше. Деятельность моя и ДЕМЕЗЕРА до 1933-1934 г. сводилась к совместной проработке полученных мною от ПРОФЕРАНСОВА мистических материалов, часть которых мною после ареста ПРОФЕРАНСОВА в 1932 г. [так! — А.Н.] во избежание провала была увезена на ст. Сергиево, около Мартышкино, и спрятана, а часть осталась у меня до 1935 г.

ВОПРОС: Мы Вас перебежим. Где именно находятся эти, спрятанные Вами мистические документы?

ОТВЕТ: Они мною закопаны в Сергиевском парке, точно место их сейчас я определить затрудняюсь, но хорошо помню, что около пруда внутри парка.

ВОПРОС: Продолжайте Ваши показания.

ОТВЕТ: В 1933-1934 гг. в Ленинграде появилась Р.Н.НИКОЛАЕВА, знакомая ДЕМЕЗЕРА. Последний НИКОЛАЕВУ мне представил как участницу организации и она также включилась в активную деятельность, которая продолжалась до 1935 г. В 1935 г. был выслан из Ленинграда за должностное преступление мой отец, а в 1935 г., как сын ссыльного, был выслан и я. Уезжая из Ленинграда, я передал на хранение НИКОЛАЕВОЙ оставшиеся у меня мистические материалы и с того момента связь осуществлял только с НИКОЛАЕВОЙ путем письменной переписки, от которой я узнал, что вскоре после меня из Ленинграда был выслан и ДЕМЕЗЕР, как «бывший» (он дворянин).

В 1936 г. Прокуратурой Союза ссылка мне была отменена и я поехал в отпуск в Москву. В Москве в 1936 г. я вновь восстановил связь с ГОРИНЕВСКИМ. Летом в 1936 г. во время моей и ГОРИНЕВСКОГО поездки в Ленинград, мы посетили НИКОЛАЕВУ Римму, от которой узнали, что организация продолжает существовать. Тогда же она нас связала с участником организации ЩУЦКИМ, которого я раньше не знал. Тогда же мы все четверо обсуждали вопросы, связанные с дальнейшей антисоветской деятельностью организации, но ни к какому решению не пришли, и я уехал обратно в гор. Томск, после чего ни с кем из участников организации не встретился и продолжал поддерживать связь с НИКОЛАЕВОЙ до 1936 г. [так! — А.Н.]

ВОПРОС: Разве вербовочная деятельность Ваша и ограничилась тем, что Вы завербовали в организацию ДЕМЕЗЕРА?

ОТВЕТ: Кроме ДЕМЕЗЕРА я больше никого не завербовал.

ВОПРОС: Почему? Ведь Вы же имели от ПРОФЕРАНСОВА прямые задания развернуть в Ленинграде вербовочную деятельность?

ОТВЕТ: Да, я получил от ПРОФЕРАНСОВА прямые задания развернуть в Ленинграде вербовочную деятельность, но тем не менее я в этом отношении сделал очень мало, а проводили ли какую-либо деятельность в этом направлении другие участники организации, мне не известно.

ВОПРОС: В чем конкретно выражалась Ваша контрреволюционная деятельность до последнего времени?

ОТВЕТ: Она выражалась в том, что мы:

а) будучи организационно связаны между собой, собирались на квартирах друг у друга и обсуждали вопросы, связанные с дальнейшей контрреволюционной анархо-мистической деятельностью;

б) проводили вербовочную деятельность по вовлечению в организацию новых участников для привлечения их к антисоветской деятельности;

в) распространяли и прорабатывали на нелегальных совещаниях контрреволюционные мистические материалы и обсуждали политику ВКП(б) и Соввласти с контрреволюционных позиций, этим, в основном, им исчерпывалась деятельность нашей контрреволюционной организации.

ВОПРОС: Это не верно. Нам известно, что деятельность к.-р. организации, участником которой Вы являлись, далеко не исчерпывалась изложенными в Ваших показаниях фактами и что организация проводила террористическую деятельность. Дайте исчерпывающие показания по этому вопросу.

ОТВЕТ: Это мне не известно, так как вопросы террора со мной никто никогда не обсуждал.

ВОПРОС: Следствием установлено, что контрреволюционная анархо-мистическая организация, участником которой Вы являлись, не только обсуждала вопросы террора, но и принимала участие в террористической деятельности организации. Предлагаем Вам дать исчерпывающие правдивые показания по данному вопросу.

ОТВЕТ: Я сказал все. Что забыл, постараюсь вспомнить и дополнить свои показания на следующем допросе. Однако, еще раз заявляю, что террористических разговоров со мною не было.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

А.Синягин

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 5-12; машинопись с правкой А.А.Синягина]

ПОКАЗАНИЯ СИНЯГИНА А.А. 22.10.37 г.

ВОПРОС: На предыдущем допросе Вы от следствия скрыли свое социальное происхождение. Дайте правдивые показания, кто были Ваши родители.

ОТВЕТ: Мой отец является бывшим почетным потомственным гражданином, происходит из семьи крупного собственника, домовладельца и предпринимателя гор. Петрограда. Мать моя является бывшей собственницей дома, что находится на углу Дегтярной № 1. Мой отец являлся членом Учетной комиссии Госбанка, состоял председателем и казначеем Убежища при Борисоглебской церкви, был членом и председателем Правления торгового товарищества Галунова, являлся товарищем председателя мукомольного отдела Российской экспортной палаты. В 1920-1921 гг. отец арестовывался и в 1930 г. отбывал наказание (ссылку) за к.-р. деятельность по ст. 59-12 УК. В 1930 г. был арестован и осужден мой брат, Кирилл Аркадьевич, к 5 годам концлагеря за к.-р. деятельность и отбывал наказание на Беломорстрое.

ВОПРОС: Почему Вы скрыли это все от следствия?

ОТВЕТ: Потому что меня об этом не спрашивали.

ВОПРОС: Нам известно, что Ваша мать была совладелицей нескольких домов. В частности, нам известно, что у нее были дома по ул. Рождественской и Перекупно-му переулку.

ОТВЕТ: То, что у матери на Перекупном переулке был дом, мне не известно, а дом на улице Рождественской является тем же самым домом, который я указал выше. Второй дом, принадлежавший родителям матери, находился на улице Бакунина, дом № 17. Кроме того, хочу еще добавить, что кроме всего вышеуказанного отец занимал в разное время еще ряд крупных должностей.

Протокол прочитан с моих слов мной, мною прочитано.

А.Синягин

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 13-а — 13-б; подлинник]

СПАРИОНАПТЕ Андрей Константинович
(1893-1937)

Спарionaпте Андрей Константинович, 1893 г. рожд., урож. г. Херсона, ст. мастер по игрушкам «Ленкультторга», прож.: Ленинград, Красноармейская ул., д.27, кв. 8. Арестован УНКВД ЛО 29.10.37 г.; расстрелян 19.11.37 г. по приговору Особой Тройки УНКВД.

ПОКАЗАНИЯ СПАРИОНАПТЕ А.К. 04.11.37 г.

ВОПРОС: Вы заявили следствию, что хотите дать дополнительные показания о своей контрреволюционной деятельности. Что Вы хотите сообщить следствию в дополнение к своим предыдущим показаниям?

ОТВЕТ: Я хочу заявить, что на предыдущих допросах, отрицая факты своей контрреволюционной деятельности, я сознательно пытался ввести следствие в заблуждение и на допросе от 26 октября с.г. показал неправду, когда утверждал, что в 1931 г. я от контрреволюционной организации отошел и последние годы антисоветской деятельностью не занимался.

ВОПРОС: К какой именно антисоветской организации Вы принадлежали?

ОТВЕТ: Я являлся до момента своего ареста участником антисоветской мистической организации антропософического направления. В названную организацию я был завербован в 1928-1929 гг. антропософом ВАСИЛЬЕВЫМ Всеволодом Николаевичем и НИКОЛАЕВОЙ Риммой Николаевной в гор. Ташкенте. В 1930-1931 гг., после провала организации, часть участников ее была арестована, а часть оставшихся на свободе в разное время разъехались по другим городам, к числу которых относятся: НИКОЛАЕВА Римма Николаевна, ЩУЦКИЙ Юлиан Константинович, ВАСИЛЬЕВ Всеволод Николаевич, БАККАРА и ВЕЛИКАНОВА Александра Анатольевна. В 1931 г., боясь быть арестованным, приехал в Ленинград и я, СПАРИОНАПТЕ. Оставаясь убежденным мистиком-антропософом, в Ленинграде вскоре я восстановил организационно-политическую связь со всеми названными, за исключением НИКОЛАЕВОЙ Р.Н., лицами, из разговоров с которыми я узнал, что они продолжают оставаться на прежних антисоветских антропософских позициях.

ВОПРОС: Что же было дальше?

ОТВЕТ: В 1933 г. (или позднее) в Ленинграде появилась и Римма НИКОЛАЕВА, приехавшая в Ленинград из Батума. Связь моя с НИКОЛАЕВОЙ тотчас же была восстановлена. До приезда НИКОЛАЕВОЙ я эпизодически встречался со своими единомышленниками — ВАСИЛЬЕВЫМ, ВЕЛИКАНОВОЙ и ЩУЦКИМ. При встречах, хотя мы и вели беседы на антропософские темы, однако от активной антисоветской деятельности воздерживались, и только с появлением в Ленинграде НИКОЛАЕВОЙ я ею, НИКОЛАЕВОЙ, был привлечен к организации и возобновил антисоветскую деятельность, которую я продолжал до момента ареста.

ВОПРОС: К вопросу о Вашей практической контрреволюционной деятельности мы еще вернемся. А пока назовите всех участников Вашей антисоветской организации.

ОТВЕТ: Из участников нашей антисоветской мистической организации я знал только тех, с которыми я был непосредственно связан по совместной контрреволю-

ционной деятельности еще в гор. Ташкенте. Кроме перечисленных лиц, в ташкентскую организацию еще входили: ВАСИЛЬЕВА, жена Всеволода ВАСИЛЬЕВА, о котором я показал выше, БОГАТЫРЕВ и ЛЮБАРСКИЙ. ВАСИЛЬЕВА примерно в 1930 г. была арестована и выслана и впоследствии умерла в ссылке. ЛЮБАРСКИЙ также был арестован, и где находится в настоящее время — мне неизвестно.

ВОПРОС: Еще кого Вы не назвали?

ОТВЕТ: Теперь назвал я всех известных участников нашей организации, остальных фамилии забыл, вспомню — скажу.

ВОПРОС: Кто такой БОГАТЫРЕВ и где он в настоящее время находится?

ОТВЕТ: БОГАТЫРЕВ Виктор Васильевич — в настоящее время находится в Ленинграде; в Ташкенте он был активен, но о контрреволюционной деятельности его в последние годы — мне ничего не известно. В последние годы я с БОГАТЫРЕВЫМ встречался как с личным знакомым. Знаю, что он осуществлял связь с НИКОЛАЕВОЙ и ЩУЦКИМ до последнего времени, но о характере этой связи я ничего сказать не могу.

ВОПРОС: А разве НИКОЛАЕВА и ЩУЦКИЙ о БОГАТЫРЕВЕ Вам ничего не говорили?

ОТВЕТ: О БОГАТЫРЕВЕ они мне ничего не говорили.

ВОПРОС: Какую практическую контрреволюционную деятельность проводили Вы и другие участники вашей организации в гор. Ташкенте?

ОТВЕТ: Контрреволюционная деятельность моя и других моих соучастников в гор. Ташкенте заключалась, главным образом, в организации систематических нелегальных совещаний, на которых мы обсуждали политику партии и Советской власти с контрреволюционных позиций и прорабатывали и распространяли имевшуюся у нас контрреволюционную мистическую литературу. Основная же деятельность заключалась в вербовке новых участников организации и обработке их в антисоветском направлении.

ВОПРОС: В чем выражалась Ваша антисоветская деятельность, которую Вы проводили в Ленинграде в последние годы?

ОТВЕТ: Антисоветская деятельность, которую я проводил в последние годы в Ленинграде, выражалась в том, что мы — я, СПАРИОНАПТЕ, ЩУЦКИЙ, НИКОЛАЕВА, ВАСИЛЬЕВ и ВЕЛИКАНОВА:

а) продолжая оставаться на прежних антисоветских антропософо-мистических позициях, собирались на квартирах, главным образом, у НИКОЛАЕВОЙ и ЩУЦКОГО; обсуждали вопросы, связанные с дальнейшей антисоветской мистической деятельностью;

б) завязывали связи со старыми кадровыми мистиками, известными нам по прошлой совместной антисоветской деятельности, с целью привлечения их вновь к активной контрреволюционной работе.

Собираясь на квартирах у НИКОЛАЕВОЙ и ЩУЦКОГО, мы таким же образом, как и в Ташкенте, обсуждали политику ВКП(б) и Советской власти с контрреволюционных позиций и культивировали ненависть против руководителей партии и правительства. Обсуждая политику Советской власти и ВКП(б), все мы сходились на том, что в Советском Союзе отсутствуют демократические свободы, справедливость, существуют элементы жесточайшей эксплуатации и выражали резкое недовольство карательной политикой Советской власти, заявляя о том, что в Советском Союзе плохо живется.

Обсуждая идеи сумбурных мистических и магических представлений, мы приходили к выводу, что мистицизм имеет право на существование, и противопоставляя мистицизм марксизму, считали, что он способен дать человечеству что-то действительно совершенно новое, соответствующее интересам интеллигенции, а не разочарование, которое мы видели в марксизме. Нужно ли особо подчеркивать, что во всем этом не было ничего советского, что со всем этим я полностью соглашался, и что в ЩУЦКОМ, НИКОЛАЕВОЙ, ВАСИЛЬЕВЕ и ВЕЛИКАНОВОЙ я чувствовал таких же врагов Советской власти, каким являлся и я сам, СПАРИОНАПТЕ.

Не скрою, что в этой связи мы, естественно, считали, что с политикой Советской власти и ВКП(б) нужно вести решительную борьбу, однако должен заявить, что ни я, ни ЩУЦКИЙ, ни НИКОЛАЕВА никаких практических шагов к активным формам борьбы с Советской властью не предпринимали.

ВОПРОС: Следствию известно, что ваша контрреволюционная деятельность в Ленинграде как раз и завершилась тем, что Вы, ЩУЦКИЙ и НИКОЛАЕВА перешли к практическому обсуждению вопросов, связанных с активными формами борьбы с Советской властью путем террора. Вы это признаете?

ОТВЕТ: Я это отрицаю, так как между мною, ЩУЦКИМ и НИКОЛАЕВОЙ разговоров о терроре никогда не было.

ВОПРОС: Следствию известно, что Вы не только обсуждали вопросы террора с названными лицами, но принимали участие в террористической деятельности организации. Дайте правдивые показания.

ОТВЕТ: Я еще раз заявляю, что практически вопросы террора со мной никто не обсуждал. Однако признаю, что все наши (мои, ЩУЦКОГО и НИКОЛАЕВОЙ) разговоры о руководителях партии и правительства, особенно когда мы касались личности Сталина, носили, конечно, террористический характер. В беседах нами культивировалась не только «идеологическое» оправдание ненависти к руководителям советского правительства, но и делались попытки к принципиальному оправданию физических средств борьбы, направленных против существующего руководства ВКП(б) во главе со СТАЛИНЫМ. Однако я еще раз заявляю, что в этом направлении никаких практических шагов я не предпринимал, а было ли проделано что-либо в этом плане остальными участниками организации, мне не известно и я прошу следствие мне верить.

ВОПРОС: Далее, нам известно, что контрреволюционная организация, участником которой Вы являлись, была на самом деле анархистской организацией, и что участники ее, и Вы в том числе, использовали мистицизм как маскировку при вербовке новых участников в нее, из которых впоследствии организация вырабатывала анархистов-террористов. Это Вы признаете?

ОТВЕТ: Выше я показал, что я являюсь убежденным мистиком-антропософом, и принадлежал к мистической организации. О том, что организация была анархистской — я не знал. Однако не отрицаю, что иногда в процессе бесед НИКОЛАЕВА и ЩУЦКИЙ высказывали анархистские взгляды, хотя мне прямо и не говорили, что они являются анархистами. Повторяю, что я с ними был связан как с участниками мистической организации.

Протокол записан с моих слов правильно и мною лично прочитан.

[подписи нет]

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 35-40; машинописная копия]

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
выездная сессия

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе: Председателящего Корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ

членов: Диввоенюриста МАЗЮК и бригаденюриста ЖДАН

при секретаре военном юристе 1-го ранга КОСТЮШКО

в закрытом судебном заседании в гор. Ленинграде 18 февраля 1938 г. рассмотрела дело по обвинению: СИНЯГИНА Алексея Аркадьевича, 1905 г. рождения, быв. доцент Томского университета (физматфак) в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Предварительным и судебным следствием установлено, что:

СИНЯГИН явился активным участником антисоветской анархо-мистической террористической организации, действовавшей в гор. Москве. В 1934 г., прибыв в гор. Ленинград, СИНЯГИН установил организационную связь с участниками руко-

водящего ядра анархической террористической организации ЩУЦКИМ, ДЕМЕЗЕРОМ и НИКОЛАЕВОЙ и до дня ареста проводил активную контрреволюционную работу, вербуя новых участников в террористическую организацию. СИНЯГИН был полностью осведомлен о террористической деятельности организации. Таким образом доказана виновность СИНЯГИНА в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза СССР

ПРИГОВОРИЛА:

СИНЯГИНА Александра (так!-А.Н.) Аркадьевича к высшей мере уголовного наказания – РАССТРЕЛУ с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий
Члены

И.Матулевич
Мазюк
Ждан

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 48-48 об]

Приложения

1. ОБЗОРНАЯ СПРАВКА по архследделу № 165596

по обв[инению] НИКОЛАЕВОЙ Риммы Николаевны
1893 г. рожд., урож. г. Горького,
до ареста работавшей скульптором горкома ИЗОРАБИСа.

НИКОЛАЕВА Римма Николаевна арестована УНКВД ЛО 8 мая 1937 г. по подозрению в принадлежности к антисоветской анархистской организации. На допросах 08.05.37 г., 13.07.37 г. и 14.09.37 г. НИКОЛАЕВА показала, что в 1920 г. в Ташкенте она была завербована в подпольно-мистическую организацию БАККАРА Эспером Эсперовичем, руководителем которой являлся ЛЮБАРСКИЙ и назвала ряд участников указанной организации. По указанию ЛЮБАРСКОГО, как заявила НИКОЛАЕВА, она занималась распространением нелегальной мистической литературы и вербовочной работой, однако конкретных фактов своей антисоветской деятельности НИКОЛАЕВА на допросах не указала.

Тогда же НИКОЛАЕВА, отвечая на вопрос следователя, заявила, что с СИНЯГИНЫМ Алексеем Аркадьевичем она познакомилась в 1934 г. на квартире ДЕМЕЗЕРА, а затем, после отъезда из Ленинграда СИНЯГИНА, переписывалась с ним и указала, что СИНЯГИН, ДЕМЕЗЕР и МАРЦИНОВСКАЯ* относятся к ее ленинградским анархистским связям.

Показания об антисоветской деятельности СИНЯГИНА НИКОЛАЕВА не дала и следователем по этому вопросу не допрашивалась.

На допросе в июле 1937 г. НИКОЛАЕВА факт своей вербовки в указанную организацию в 1920 г. подтвердила и заявила, что вышла из ее состава в 1922 г.

Из протокола обыска, приобретенного к делу, видно, что на квартире у НИКОЛАЕВОЙ была изъята мистическая литература.

На допросе 13.07.37 г. НИКОЛАЕВА, давая объяснения по этому факту, показала, что часть литературы принадлежала ей лично, а часть она взяла на хранение на квартире ДЕМЕЗЕРА после его ареста в 1934 г.

К делу приобщены копии протоколов допросов обвиняемых по другим делам – ЩУЦКОГО от 03.08.37 г. и от 03.09.37 г., РОСТОПЧИНА от 13.07.37 г. и ГОРИНЕВСКОГО от 05.04.37 г., которые своими показаниями изобличали НИКОЛАЕВУ в антисоветской деятельности.

На допросе 14.09.37 г. НИКОЛАЕВА категорически отрицала показания ЩУЦ-

КОГО, РОСТОПЧИНА и ГОРИНЕВСКОГО, и заявила, что РОСТОПЧИНА она совершенно не знает.

Из приобщенной к делу копии протокола очной ставки от 16.09.37 г. между обвиняемым ЩУЦКИМ и НИКОЛАЕВОЙ видно, что ЩУЦКИЙ избличал ее в антисоветской деятельности, но НИКОЛАЕВА его показания отрицала и отказалась давать показания.

После окончания следствия НИКОЛАЕВА с материалами дела ознакомлена не была.

5 октября 1937 г. Особой Тройкой УНКВД ЛО НИКОЛАЕВА была приговорена к расстрелу.

К делу приобщен акт от 09.10.37 г. из которого видно, что 9 октября 1937 г. на основании приговора Особой Тройки УНКВД ЛО НИКОЛАЕВА была расстреляна.

Следствие по делу вели бывшие сотрудники УНКВД ЛО – МАНЕЙСКО и КИВЕЛЕВ.

Архследдело по обвинению НИКОЛАЕВОЙ Р.Н. хранится в Учетно-архивном отделе УКГБ Ленинградской области.

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 86-87]

* Марциновская Янина Ивановна, 1887 г. рожд., урожд. Ленинграда, арест. 17.04.35 г., 20.06.35 г. ОСО НКВД СССР приговорена к 3 годам ИТЛ.

2. ОБЗОРНАЯ СПРАВКА по архследделу № 154160

по обв. СПАРИОНАПТЕ Андрея Константиновича,
1893 г. рожд., урож. гор.Херсона,
до ареста работавшего ст. мастером по игрушкам Ленкультторга.

СПАРИОНАПТЕ Андрей Константинович был арестован УНКВД ЛО 29 октября 1937 г. по подозрению в принадлежности к антисоветской анархо-мистической организации.

До ареста на допросе 26.10.37 г. СПАРИОНАПТЕ, признавая себя виновным, показал, что примерно в 1928-1929 гг. он был завербован в контрреволюционную мистическую организацию в гор. Ташкенте ВАСИЛЬЕВЫМ Всеволодом Николаевичем и НИКОЛАЕВОЙ Риммы, но затем в 1931 г., в связи с арестами некоторых участников организации в Ташкенте, разочаровался в мистических идеях и от организации отошел. Далее СПАРИОНАПТЕ назвал известных ему участников указанной организации – ВЕЛИКАНОВУ Александру Анатольевну и БАККАРА.

4 ноября 1937 г. на допросе СПАРИОНАПТЕ подтвердил факт своей вербовки в антисоветскую анархо-мистическую организацию и, изменяя свои показания, указал, что он является убежденным мистиком-антропософом, и в 1931 г., выехав в гор. Ленинград, восстановил связи с участниками организации ЩУЦКИМ, ВАСИЛЬЕВЫМ, БАККАРА и ВЕЛИКАНОВОЙ, а в 1933 г. был вновь вовлечен в указанную организацию НИКОЛАЕВОЙ.

Тогда же СПАРИОНАПТЕ рассказал, что он, ЩУЦКИЙ, НИКОЛАЕВА, ВАСИЛЬЕВ и ВЕЛИКАНОВА систематически собирались на квартирах ЩУЦКОГО и НИКОЛАЕВОЙ, на этих сборищах с антисоветских позиций обсуждали политику ВКП(б) и советского государства, клеветали на демократический строй и положение трудящихся в СССР, противопоставляли мистицизм марксизму, но никаких практических мер к активным формам борьбы с советской властью не предпринимали.

В числе других, известных ему участников антисоветской мистической организации в гор. Ташкенте СПАРИОНАПТЕ на этом же допросе назвал ВАСИЛЬЕВУ, БОГАТЫРЕВА и ЛЮБАРСКУЮ.

К делу приобщены копии протоколов допросов ЩУЦКОГО от 3 сентября и 26 октября 1937 г., который своими показаниями избличает СПАРИОНАПТЕ в антисоветской деятельности.

19 ноября 1937 г. на основании приговора Особой Тройки УНКВД ЛО от 15 ноября 1937 г. СПАРИОНАПТЕ А.К. был расстрелян.

Следствие по делу вели бывшие сотрудники УНКВД ЛО МАНЕЙСКО и КУЗНЕЦОВ.

СИНЯГИН Алексей Аркадьевич по показаниям СПАРИОНАПТЕ не проходит.
02.03.56 г.

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 90-92]

3. Уважаемый тов. МАЛЕНКОВ!

Вынуждена беспокоить Вас моей просьбой, отняв у Вас время на прочтение этого письма. Умоляю Вас только распорядиться передать на рассмотрение тому гражданину, его канцелярии, Вы доверили разбирать и решать дела неповинных людей, арестованных в 1937 году, к которым я причисляю моего сына Алексея СИНЯГИНА. Мне 74 года и я заставляю себя жить только надеждой, что еще увижу живым моего сына. Умоляю Вас внять моей просьбе.

27.09.54 г.

Зинаида Синягина

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 54]

4. ЗАЯВЛЕНИЕ

Зинаиды СИНЯГИНОЙ,
жительствующей Казахстанская ССР,
Джамбульская область, Коктерекский район, с. Берлик

Мой сын СИНЯГИН Алексей Аркадьевич, 1907 г. рождения, окончивший Ленинградский университет и будучи доцентом Томского университета по физматематической кафедре, был арестован в Томске 13 августа 1937 г. и переслан в Ленинград. 13 февраля 1938 г. приняли единственную передачу и мне объявили, что сын осужден на 10 лет без права переписки и сослан в лагерь особого назначения. Начиная с 1947 г. я ежегодно запрашивала МВД в Москве о судьбе сына и получала вплоть до 1953 г. тот же ответ: арестован на 10 лет без права переписки. Прочитанный местным НКВД, где я проживаю с 1942 г., хотя 10 лет и прошло, в июне 1953 г. я получила следующий ответ: за давностью ареста (17 лет) местонахождение СИНЯГИНА не может быть установлено. На этот ответ я снова написала, что не могу допустить, чтобы в таком учреждении, как Министерство внутренних дел, мог бесследно пропасть человек. В июне 1954 г. я получила снова на мой запрос ответ, что местонахождение моего сына не найдено, но розыски продолжаются.

Всего проще было сообщить, что он умер, но этого мне не сказали и у меня снова явилась надежда, что он еще жив.

Прошу Вас об одном: сделать распоряжение дать мне ответ о моем единственном оставшемся сыне. Второй сын погиб в 1942 г., а мои близкие погибли во время блокады в Ленинграде.

27.09.54 г.

Зинаида Синягина

Я приезжала в Москву, чтобы лично подать мою просьбу, но мне сказали, что совершенно достаточно написать и моя просьба будет передана. Я так и поступила, и надеюсь, что просьбу матери Вы рассмотрите.

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 55-56]

5.

Военная Прокуратура
23 сентября 1955 г.

Секретно
Экз. № 1

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛ.
Генерал-лейтенанту тов. БЕЛЬЧЕНКО С.С.
гор. Ленинград

В порядке ст.ст. 373-377 УПК РСФСР направляется для дополнительной проверки архивно-следственное дело № П-404105 по обвинению быв. доцента Томского Государственного университета СИНЯГИНА Алексея Аркадьевича, осужденного 18 февраля 1938 г. Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР по ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР к ВМН — расстрелу.

СИНЯГИН признан виновным в том, что он, являясь участником «антисоветской анархо-мистической террористической организации» вербовал в нее новых участников и был осведомлен о террористической деятельности организации (из приговора, л.д. 48).

В связи с тем, что СИНЯГИН осужден по недостаточно проверенным материалам, а гр-ка СИНЯГИНА Зинаида Андреевна просит в своем заявлении пересмотреть дело в отношении ее сына и реабилитировать его, по настоящему делу необходимо произвести дополнительное расследование, в процессе которого требуется выполнить следующее:

1. Изучить архивно-следственные дела по обвинению ГОРИНЕВСКОГО, РОСТОПЧИНА, НИКОЛАЕВОЙ, ЩУЦКОГО, НОТГАФТ, ПРОФЕРАНСОВА, ДЕМЕЗЕРА и СПАРИОНАПТЕ, которые, якобы, были непосредственно связаны с СИНЯГИНЫМ по антисоветской деятельности, составить по этим делам обзорные справки, в которых указать, когда и за что они были арестованы, признавали ли себя виновными на предварительном следствии и в суде, не изменяли ли свои показания, какие показания давали в отношении СИНЯГИНА и как окончательно разрешены их дела.

2. Проверить, привлекались ли к уголовной ответственности ЛЯШУК, КОМАРЕВСКИЙ, НАЗАРОВ, ЧЕРКАЕВА, СОЛОНОВИЧ Алексей и Агния, которые, как видно из материалов дела, состояли в одной антисоветской организации с СИНЯГИНЫМ. Если эти лица были осуждены, то изучить дела на них и выяснить, какие они давали показания в отношении СИНЯГИНА, признавали ли себя виновными на следствии и в суде, как разрешены их дела. Тех же, кто не был арестован, установить, где они находятся в настоящее время и допросить их с учетом настоящего дела.

3. Установить и допросить лиц, знавших СИНЯГИНА по совместной работе в институтах: Гражданского воздушного флота, путейском, Военной морской академии им. Ворошилова, Главной геофизической обсерватории и в Ленинградском государственном университете, которые могут объективно охарактеризовать его с деловой стороны и в политическом отношении.

4. Проверить, не располагают ли органы КГБ дополнительными материалами или компрометирующими данными в отношении СИНЯГИНА кроме тех, которые имеются в его архивно-следственном деле, и какие первичные материалы послужили основанием к аресту СИНЯГИНА. По возможности разыскать тюремное дело СИНЯГИНА и приобщить его к материалам проверки.

5. По делу необходимо также выяснить, когда и за что СИНЯГИН был выслан из Ленинграда в Томск, разыскать соответствующие материалы о высылке СИНЯГИНА и приобщить их к настоящему делу.

6. Проверить, какие были изданы печатные труды СИНЯГИНА за период его научной и преподавательской деятельности в указанных выше учебных заведениях. Были ли изъяты изданные труды СИНЯГИНА после его ареста, или же ими пользуются и в настоящее время.

7. Установить, где находится в настоящее время быв. пом. нач. 5 Отделения 4 Отдела УГБ УНКВД ЛО лейтенант ГБ МАНЕЙСКО, который вел следствие по настоящему делу, выяснить, не был ли он уволен из органов за нарушения соцзаконности при расследовании уголовных дел, в том числе по делу СИНЯГИНА. В случае, если будет установлено, что МАНЕЙСКО привлекался к судебной ответственности, то

изучить его дело и составить подробную обзорную справку. По возможности допросить его по обстоятельствам расследования дела СИНЯГИНА.

По окончании проверки дело с заявлениями гр-ки СИНЯГИНОЙ З.А. с отзывами на СИНЯГИНА и всеми дополнительно собранными материалами прошу выслать в Главную Военную прокуратуру.

Исполнение ожидается к 15 декабря 1955 года.

Приложение: архивно-следственное дело № П-404105 (в одном томе), в/н № 0120459, заявление от 3.7.40 г. (на четырех листах), заявление в/н № 0164650 (на трех листах), копии отзывов профессора РОЗЕ* (на одном листе), профессора КОЧИНА (на одном листе), члена-корреспондента Академии Наук СССР профессора СМИРНОВА (на одном листе) и ИЗВЕКОВА** (на двух листах) адресату.

Пом[ощник] Главного военного прокурора
полковник юстиции

Н.Зарубин

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 52-53]

* Розе Николай Владимирович, род. 21.07.1890 г. в Петербурге, геофизик, преподаватель ЛГУ, директор Бюро генеральной магнитосъемки СССР; жил в Ленинграде на Васильевском острове, 8 линия, д. 5, кв. 3.

** Извеков Борис Иванович, род. 22.07.1891 г. в Калуге, специалист по динамической метеорологии, доцент Ленинградского электротехнического института, действ. член Главной геофизической обсерватории; жил в Ленинграде на Васильевском острове, 11 линия, д. 44, кв. 14.

6. В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Сообщаем, что резолютивная часть определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР № 4н-026924/56 от 27 июля 1957 г. о реабилитации СИНЯГИНА Алексея Аркадьевича его родственникам не объявлена в связи с их неустановлением.

Зам[еститель] Нач[альника] Учетно-архивного отдела УКГБ ЛО, Майор

Наумов

Начальник 3 отделения Майор

Соколов

[АУФСБ РФ по Томской обл., П-7503, л. 149]

ДЕЛО Д.С.НЕДОВИЧА

Следственное дело Дмитрия Саввича Недовича, возникшее в октябре 1944 г. и хранящееся в ЦА ФСБ РФ за номером Р-20632 (преж. 7445, 36253-44, 038980) в определенной мере подводит итоги существования Ордена тамплиеров на протяжении 1920–1944 гг. в России и раскрывает всю ту фантазмагорическую ситуацию, которая сложилась к концу 30-х гг. в общественной жизни страны в результате непрекращающихся волн репрессий и происков органов ОГПУ-НКВД-НКГБ.

После завершения открытых и тайных политических процессов 1936–1938 гг., после всех расстрелов, ссылок и начала планомерного наполнения Колымы подневольными золотодобытчиками, с анархо-мистиками и тамплиерами как с движением было покончено. Немногие, кому посчастливилось вернуться из заключения или ссылки к концу 30-х гг., селились за пределами пресловутой стокилометровой зоны, окружавшей Москву, Ленинград, Киев, тотчас же попадая под бдительный надзор органов НКВД, которые к этому времени обзавелись бесчисленной армией как добровольных, так и вынужденных помощников — доносчиков и соглядатаев, спасавших свою собственную жизнь, свою семью, возможность работы и продвижения по службе. Причиной доносов становилась вынужденная подписка «о сотрудничестве», за которой следовали регулярные вызовы для отчета, страх опоздать донести об услышанном резком слове в адрес соввласти, чтобы не обвинили в укрывательстве, желание расширить жилплощадь в коммунальной квартире за счет соседа, склоки на службе, позволяющие расчистить себе путь вверх, обыкновенная человеческая зависть и, к сожалению, многое другое.

Среди такого всеобщего предательства и доносительства ужаснее всего выглядели тайные метаморфозы, происшедшие с прежними друзьями и единомышленниками, во время следствия дававшие обязательство и впредь оставаться «глазами и ушами» вездесущих органов политического сыска. Внешне эти люди не менялись, даже становились приветливее, радушнее, участливее в своем отношении к потерпевшим собратьям, однако именно этого участия и радушия следовало теперь более всего остерегаться. Но кто из них оказался перебежчиком и провокатором? Здесь не было никаких точных критериев, потому что такая «наседка», как называли их на тюремном жаргоне, могла разделять с порученным ей человеком камеру, лагерь и ссылку, как это было, например, с Д.А.Бемом, А.С.Полем, Г.Г.Волковым, Н.И.Ладыженским, не говоря уже о таких «свидетелях», как А.Ф.Евстратова, Н.В.Водовозов, Г.Е.Ивакинская, показания которых фиксировались протоколами, не входившими в материалы того или иного следственного дела. Будучи постоянно «на связи» с прикрепленными к ним сотрудниками органов, поставляя информацию о друзьях и знакомых, эти люди сохраняли в секрете свою деятельность даже от самых близких, будучи предупреждены, что за малейший намек или разглашение тайны разделят участь тех, против которых свидетельствуют. Этим достигалась не только вездесущность органов, но и безусловная — на взгляд обывателя — справедливость репрессивной машины, забиравшей отнюдь не «всех подряд», а внимательно отделявших злоумышлявших против государства «козлиц», которых следовало изолировать, от правопослушных «овец», лишь по недомыслию своему впавших в кое-какие заблуждения...

Именно в те годы в Москве и в других городах стали возникать «нехорошие квартиры», как их назвал М.А.Булгаков, куда входили и непонятным образом исчезали

люди. В большинстве своем хозяевами таких квартир, которые сами никуда не исчезали, были люди вполне респектабельные, пользовавшиеся известностью и уважением окружающих. Порою там собиралось изысканное общество, велись интересные и глубокие разговоры, обсуждались темы, давно запретные для открытой печати, шли непринужденные разговоры по вопросам религии, науки, философии и мистики, в которых человек часто забывал осторожность и распахивался перед собеседниками. Собственно говоря, раньше именно такими и были квартиры русской интеллигенции от Балтики до Тихого океана, и такими их пытались поддерживать те, кто остался в живых, на протяжении 20-х и даже начала 30-х годов.

А вот потом все повернулось иначе. И хотя каждый мог предполагать, какие опасности его могут ожидать, зайдя «на чаек», «на разговор», «повеселиться» в ту или иную квартиру, все предусмотреть было нельзя уже потому, что в отношении друзей и близких подобные подозрения казались совершенно невозможными.

За примерами ходить недалеко. Из показаний П.А.Аренского мы знаем, что вернувшись в Москву, А.С.Поль, его бывший ученик по Ордену, рассказывал своему наставнику, что для возвращения в Москву к педагогической работе ему пришлось после отбытия срока на Беломорканале в должности одного из экономистов Управления Беломорстроя на Медвежьей Горе, отработать около полутора лет начальником КВЧ в Балахнинских и Перервинских исправительно-трудовых лагерях НКВД, благодаря чему весь этот пятилетний срок – с арестом, заключением, работой в лагерях – чудесным образом исчез из его трудовой книжки, будучи заменен записью о работе в эти годы якобы сначала в Театральном училище Театра им. Мейерхольда, а затем в Московском гос. Камерном театре. Но вряд ли даже Аренскому А.С.Поль мог намекнуть, что это отнюдь не конец, а только начало долгого сотрудничества с органами сначала НКВД, затем НКГБ, МГБ и КГБ, которым он, блестящий преподаватель, оратор, эрудит, замечательных душевных качеств человек должен будет «сдавать» своих друзей, знакомых и даже учеников... И если в отдельных кругах москвичей на этот счет и ходили какие-то слухи, то достоверностью это стало только весной 1955 г., когда стали возвращаться те, в отношении кого тот же А.С.Поль с молчаливой готовностью писал заявления в КГБ и Прокуратуру о своем их «оболгании по предложению такого-то следователя»...

Об А.С.Поле я вспомнил не вовремя, забегая вперед, и лишь потому, что именно его квартира на протяжении всех 1940–1950-х годов и даже чуть позже оставалась своего рода «островком тамплиерства», занятия которым, все более сдвигая их в стороны теософии и оккультизма, вела М.В.Дорогова¹ – одна из старших тамплиеров, знакомая А.А.Карелина еще по Швейцарии кануна Первой мировой войны, а в дальнейшем – одна из активных оккультисток, входившая в Орден московских розенкрейцеров, возглавляемый В.В.Белостиным². К слову сказать, именно Дорогова в конце 20-х гг. приняла на от П.А.Аренского руководство кружком, где были А.С. и Е.А.Поль, пригласив для занятия каббалой с его членами известного искусствоведа (а также масона, тамплиера и розенкрейцера) А.А.Сидорова³.

По сравнению с А.С.Подем, А.А.Сидоров⁴ был гораздо более известен и уважаем в кругах московской интеллигенции, связанной с наукой, искусством, литературой и театром. Кроме того, что он был много старше, он еще был «своим» во многих домах, в том числе и в доме М.А.Волошина в Коктебеле, дружил чуть ли не со всеми представителями «серебряного века», писал стихи, коллекционировал графику живописи и был ученым секретарем ГАХН, собиравшей в своих стенах вплоть до разгрома в 1929 г. все лучшее, что могла тогда представить Москва и Россия в области искусства. Всем было известно, что Сидоров интересуется масонством, оккультизмом, религиоведением и тайноведением вообще, и что в его квартире находится самая лучшая и самая обширная библиотека по всем этим вопросам. Никакого секрета из всего этого он не делал, открыто встречался с Н.К.Рерихом во время его приезда в СССР в конце 20-х гг., а в последующие годы, когда всё, связанное с именем Рериха, подвергалось гонению и сам Рерих был назван «мракобесом» и даже «фашистом», продолжал поддерживать с ним переписку. Вполне естественно, что

последнее обстоятельство, подкрепленное прямой рекомендацией Н.К.Рериха, привело в 1939 г. к Сидорову молодого художника Б.А.Смирнова (Русецкого), одного из создателей рериховской группы «Амаравела», продолжавшей существовать полудегально после ареста части ее участников в 1930 г.⁵

Подобных интересных квартир со столь же интересными хозяевами в Москве во второй половине 30-х гг. оставалось немало, и к их числу безусловно можно причислить квартиру Д.С.Недовича, искусствоведа, высокообразованного филолога, знатока языков, поэта и переводчика, выступавшего с докладами в ГАХН, где, вполне естественно, завязывалось множество знакомств, получавших дальнейшее продолжение в совместных творческих разработках или просто в интеллектуальном общении. Стоит напомнить, что многие из них тоже были сотрудниками или постоянными участниками мероприятий ГАХН, а потому «все всех знали» и у каждого, кроме общих знакомых, оказывались свои круги и кружки, скрепленные дружескими связями и более или менее постоянным между собою общением. Так, среди ближайших многолетних друзей Недовича следует назвать художника-макетиста и писателя А.Н.Ершова⁶, в свою очередь знакомого Л.А.Никитина по работам в театре и знакомого М.А.Назарова по выставочным работам; далее следует назвать опять-таки общего с Никитиным знакомого Д.Д.Дебольского, служившего экономистом, однако работавшего в области изучения древнеиндийской философии. Соответственно, общим для Недовича в большей своей части был и круг знакомых А.А.Сидорова, в числе которых известное место занимала Е.В.Лемке⁷, машинистка, которая, как видно из справки, была связана с широким кругом московской интеллигенции, обслуживала весьма широкий круг творческих работников.

Такая беглая обрисовка ситуации второй половины 30-х гг. с указанием главных действующих лиц поможет понять довольно запутанные события, нашедшие свое отражение в деле Д.С.Недовича 1944 г., которое в известной мере можно посчитать «ключом» к цепи событий, начинающихся с лета 1934 г., когда из лагеря был освобожден театральный художник Л.А.Никитин. В качестве места жительства Москва была для него закрыта, однако в Москве оставались театры и друзья. Первым протянул ему руку помощи В.С.Смышляев, возглавлявший тогда Московский драматический театр, затем Э.Б.Краснянский, открывший Первый Рабочий театр. Из прежних друзей в Москве был П.А.Аренский, а из художников-макетчиков — Д.Л.Сулержицкий и А.Н.Ершов, с которыми он возобновил сотрудничество. Естественно, что ни о какой орденской работе не могло быть и речи, поэтому все старые орденские связи по договоренности с друзьями были оборваны, не говоря уже об анархо-мистиков, от которых рыцари и прежде старались держаться в отдалении, не разделяя их политических и политико-экономических воззрений.

Однако, как следует из показаний Недовича 05.01.37 г., с М.А.Назаровым он познакомился в конце 1933 г. через А.Н.Ершова [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 53], о уже 03.10.34 г. был у него с Никитиным [ЦА ФСБ РФ, Р-7767, л. 25], после чего Назаровым был представлен А.О.Солонович и вскоре получил от нее посвящение в первую степень Ордена. Такая настойчивость и скоропалительность находит свое объяснение в материалах следственного дела Д.С.Недовича 1944 г., из которого следует, что последний дал согласие сотрудничать с органами ОГПУ-НКГБ еще в 1933 г. и добивался орденского посвящения от А.О.Солонович исключительно по заданию органов НКВД [ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 38 об — 39, 70-70об], что нашло отражение в его показаниях на следствии 1937—1938 г. Поскольку роль Недовича в деле «Всероссийского альянса» осталась тайной для его ближайших друзей и знакомым, и, наоборот, хорошо было известно о принятии им орденского посвящения от А.О.Солонович, о чем он, по-видимому, довольно часто «проговаривался», ему были широко открыты двери многих домов, в том числе А.С.Поля, Л.А.Никитина и Д.Д.Дебольского, наиболее близкого друга Никитиных, наезжавшего к семье в Москву после отбытия ссылки. Сам Л.А.Никитин с 1936 до осени 1940 г. жил с семьей в деревне под Каширой, наезжая сначала в Москву для работы в театрах, а в январе 1941 г. переехал в Загорск (ныне Сергиев Посад), найдя работу в артели «Художественная игрушка». Все

это время для него было заполнено не только интенсивной работой в различных театрах, но и попытками литературной деятельности, о чем он показывал на допросе 18.08.41 г. в саратовской тюрьме НКВД № 1 следующее:

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НИКИТИНА Л.А. 18.08.41 г.

ВОПРОС: Где Вы проживали, возвратясь из лагерей?

ОТВЕТ: Лето 1934 г. и осень 1935 я проживал вместе с семьей в г. Калинин, осенью 1935 г. переехал на жительство под Каширу, ст. Белопесоцкая, в деревню Средняя, где и снимал пол-избы. В середине 1940 г. я переехал в Москву в связи с тем, что я переломил себе руку и мне надо было лечение. Так как в Москве у нас своей жилплощади не имелось и мы были временно прописаны*, в январе 1941 г. я с семьей переехал в Загорск. В Загорске в июне 1941 г. я был арестован.

ВОПРОС: Чем занимались Вы после возвращения из ссылки?

ОТВЕТ: После возвращения из ссылки я занимался художественной деятельностью, работал по договорам с московскими театрами театральным художником. Осуществлял художественное оформление спектаклей в театрах им. Баумана, в то время он назывался 1-м Московским Рабочим театром, театре Транспорта и в Московском государственном Драматическом театре. В этих театрах я работал в 1934, 1935 и 1936 году. С 1936 года по 1940 г. я работал также по договорам и осуществлял отдельное оформление театральных постановок в московских театрах, уже мною перечисленных, кроме того, эти работы я вел в колхозном и в 3-м Детском театре Москвы. В 1937 году я выезжал в г. Витебск во 2-й Государственный Белорусский театр; в этом же году и в 1938, 1939 и 1940 я выезжал в Донбасс, в г. Сталино, где я по договору работал в Шахтерском ансамбле песни и пляски художником-постановщиком. Кроме этого я занимался литературной деятельностью. В 1938 году мною была написана пьеса «Каждая женщина», которая из-за своих литературно-драматургических недостатков до театра не дошла и поставлена не была. В начале 1939 года я написал вторую одноактную пьесу «Листовки» на тему освобождения Западной Белоруссии и пьесу «Выигрыш» на бытовые темы. В 1938 году я написал антифашистский по своему замыслу роман «Институт доктора Периграта», который напечатан не был, потому что как раз в это время произошло заключение договора между СССР и Германией, кроме того, издательства признали, что в этом антифашистском романе недостаточно фундаментально обоснованы с точки зрения марксистской философии Мировая социальная революция, которой кончается роман, и социальный характер героев-революционеров. В конце 1939 г. мною был начат роман-фантасмагория «Молли», который я не закончил в связи с арестом.

[ЦА ФСБ РФ, Р-27830 (преж. 2828), л. 33-34]

* У его матери, М.В.Никитиной, жившей тогда в Москве по ул. Веснина, д. 21, кв. 12.

Литературная работа, попытки заняться историко-искусствоведческими исследованиями (Рембрандт, Врубель, И.Никитин) в значительной степени изменили и расширили круг знакомств художника, ставшего постоянным гостем сначала Д.С.Недовича — с 1938 г., а затем и А.А.Сидорова — с 1939 г., о чем он показывал на допросе 23.09.41 г.: «*Встречался я с НЕДОВИЧЕМ на квартире нашего общего знакомого, художника ЕРШОВА Алексея Никитовича. Иногда квартиру НЕДОВИЧА посещал я, или НЕДОВИЧ посещал мою квартиру. Знакомство с НЕДОВИЧЕМ у меня было на основе нашего общего интереса к искусству. В последнее время НЕДОВИЧ занялся переводом «Фауста» Гёте. Я этой работой также интересовался, отрывки из этого перевода «Фауста» читались у СИДОРОВА и у меня на квартире»* [ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 39].

Что же касается встреч с А.А.Сидоровым, то, по словам Никитина, «*на квартире СИДОРОВА по его желанию, в присутствии ЕВГЕНЬЕВА Бориса Сергеевича — литератора, ответственного секретаря издательства «Молодая гвардия», СОКОЛОВА (псевдоним Станислав Вольский) — автора исторических романов⁸, профессора НЕДОВИЧА и, кажется,*

экономиста-плановика БРЫЗГАЛОВА⁹, ИВАНЕНКОВОЙ¹⁰ и других знакомых СИДОРОВА, я читал свой роман «Институт доктора Перизрата» [ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 38]. Соответственно, эти литературные произведения Л.А.Никитина перепечатывали знакомые машинистки новых друзей, в том числе и Е.В.Лемке [ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 41]. На квартире Сидорова было возобновлено знакомство, перешедшее в довольно тесное общение, между Л.А.Никитиным и Б.А.Смирновым — художником-рерианцем, уже тогда глубоким мистиком.

Насколько мне известно, А.А.Сидоров не был в Загорске у Никитиных. Возможно, тому помешал слишком короткий период тамошней жизни художника до ареста; возможно — уже тогда ходившие «нехорошие» слухи об искусствоведе, не только владеющем огромной библиотекой по оккультизму и мистике, но и любившим заводить разговоры на тему о тайных обществах. Наоборот, Недович в Загорске бывал, причем не один раз и даже одновременно со Смирновым. К сожалению, не будучи тогда знаком с материалами следственного дела Недовича, я не успел спросить у Б.А.Смирнова, носили ли их встречи в Загорске орденский характер и происходил ли там хотя бы однажды обряд посвящения в рыцарскую степень, точно так же как не поинтересовался тогда расспросить его о Н.Ю.Сулле¹¹ и его орденских связях, о которых Смирнов узнал уже от него самого в одной из камер саратовской тюрьмы НКВД.

А узнать это было бы надо потому, что 24.06.41 г., на третий день после начала войны, НКГБ в числе прочих арестовало Л.А.Никитина, Б.А.Смирнова, А.Н.Ершова и Ю.Н.Суллу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Москва, 1941 года, месяца июня 22-го дня. Я, Опер. уполномоченный 4 отделения 3 отдела 3 Управления НКГБ — Лейтенант Гус. Безопасности — ФОМИН, рассмотрев имеющиеся в НКГБ СССР материалы по делу НИКИТИНА Леонида Александровича, 1896 года рождения, уроженца гор. Рязани, русского, беспартийного, гр-на СССР, сына домовладельца, служившего офицером в царской армии, художника-литератора,

НАШЕЛ:

НИКИТИН Л.А. после революции примкнул к анархо-мистическому движению, в 1920 году вошел в организованную видными анархистами-мистиками КАРЕЛИНЫМ и СОЛОНОВИЧЕМ А.А. анархо-мистическую организацию «Тамплиеров» и вел активную антисоветскую деятельность, как один из руководителей этой организации.

За участие в этой антисоветской организации НИКИТИН в 1930 году был арестован ОГПУ и осужден на 5 лет ИТЛ.

Отбыв срок наказания, НИКИТИН в 1934 году поселился в г. Загорске Московской области и стал восстанавливать свои связи среди «Тамплиеров».

В 1938 году в НКГБ СССР поступили сведения, что НИКИТИН вновь создает антисоветскую анархо-мистическую организацию «Тамплиеров» и вербует в нее новых участников.

Так, например, в июне месяце 1940 года НИКИТИН посвятил во 2-ю степень ордена «Тамплиеров» ряд своих московских знакомых, которых он до этого обрабатывал в религиозно-мистическом и антисоветском направлении.

Участники организации «Тамплиеров» систематически собираются на нелегальные собрания, на которых изучается оккультно-мистическая литература и рассказы-легенды «Тамплиеров» антисоветско-мистического содержания.

Вся эта работа проходит под предлогом подготовки «учеников» к более «высокой деятельности».

В 1940 году в Загорск к НИКИТИНУ приезжал из Архангельска «высокий гость».

В честь этого приезда НИКИТИН намеревался созвать нелегальное «рыцарское собрание рыцарей-тамплиеров». Однако собрание это не состоялось, так как «высокий

гость» неожиданно из Загорска уехал. В настоящее время НИКИТИН проявляет большой интерес к участникам других антисоветских религиозно-мистических формирований и восстанавливает с ними связь. Так, например, он восстановил связь с «Розенкрейцерами» и «Орионийцами» и пытался установить связь с антисоветской группой «Рериховцев».

В 1939 году НИКИТИН написал фантастический роман «Тайна профессора Периграта», в котором он распространяет клеветнические измышления о Советском государстве.

О своем романе НИКИТИН Л.А. говорил: *«Я задумал мой роман в 1927-28 гг. как очень определенный отклик на наше положение. Мои столкновения с окружающей действительностью привели меня к ненависти ко всему существующему строю нашего полицейского государства, где все унифицируется, все подгоняется под одну мерку, где вся индивидуальность зачеркивается. Мне пришла в голову блестящая мысль. Сатиру на нашу действительность прямо не напишешь, но стоит только перенести нашу ситуацию на Запад, то вся сатира представится обращенной на западные буржуазные государства и станет непонятной для нашей цензуры. Я так и поступил и написал небольшой роман, куда я добавил чисто авантюрные ситуации и фантастику.*

Мою рукопись я тайным путем, через одного моего знакомого, послал за границу, в Париж. Я ничего не знаю о судьбе моей первой рукописи».

В настоящее время НИКИТИН написал другой роман, под названием «Молли», которым он преследует те же антисоветские цели. НИКИТИН резко антисоветски настроен, систематически ведет антисоветскую агитацию и распространяет клеветнические измышления о руководителях партии и правительства и о положении в стране.

«Как не радоваться, все идет по плану, вы подумайте, сколько человек продались Советской власти. Остальные должны радоваться, что они еще непроданные».

Обсуждая вопрос о положении в Советском Союзе, НИКИТИН утверждал:

«Бытовые условия, политический гнет, а вместе с тем и моральное состояние людей в СССР будет продолжаться ухудшаться...»

«Все усиливающийся гнет у нас в СССР естественен и закономерен, т.к. в евангелии сказано – «Он же есть дух лжи». В СССР, как ни в одном государстве, все сверху донизу построено на лжи...»

«Сделать мы сейчас ничего не можем, но делать мы можем многое и должны делать...»

На основании изложенного и руководствуясь ст. 158 УПК, – ПОСТАНОВИЛ:

НИКИТИНА Леонида Александровича, проживающего в гор. Загорске Московской области, Корбушинская ул., 17, кв. 2, – подвергнуть обыску и аресту.

Оперуполномоченный 4 Отделения 3 Отдела 3 Управления НКГБ СССР

Лейтенант Государственной Безопасности

Фомин

[ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 1-4]

Такое Постановление обычно составлялось по оперативным сводкам и донесениям агентов, и в этом плане заслуживают внимания некоторые факты, явно расходящиеся с действительностью. Во-первых, приводимые высказывания ни по содержанию, ни по оборотам речи не соответствуют характеру художника, а «передача рукописи за границу» во всех отношениях оказывается совершенно беспардонным вымыслом. Во-вторых, в конце 1934 г. Никитин после Беломорканала (Свирьстрой) появился в Москве, но не в Загорске, о котором тогда никто не думал, в 1938 г. он не мог «восстанавливать связи среди тамплиеров», поскольку их просто не было; в июне 1940 г. Никитин не мог никого посвящать в «рыцари», так же как в это время к нему не мог приезжать из Архангельска «высокий гость», потому что он сам еще не переехал в Загорск. Что же касается установления контактов с розенкрейцерами «орионийцами» и «рериховцами», то здесь, как видно, подразумеваются его посещения дома А.А.Сидорова, который входил в Орден московских розенкрейцеров-«орионийцев» (также как и М.В.Дорогова, с которой он мог встречаться у А.С.Поля), и восстановление знакомства с Б.А.Смирновым – «рериховцем». Что же касается «вы-

сокого гостя из Архангельска», то по ряду признаков, о которых ниже, это мог быть А.В.Уйттенховен, о котором Никитина спрашивали на допросах в Саратове в 1941 г., однако, как он справедливо заметил, они с Уйттенховеном были слишком мало знакомы до ареста в 1930 г., самого Никитина в это время в Загорске не было и, могу добавить, по своему сомнительному положению в Ордене (он был в первую очередь антропософ) Уйттенховен для Никитина не мог быть «высоким гостем», ради которого следовало собирать какой-либо съезд. Другими словами, вся заключенная в Постановлении информация исходила от какого-то источника, плохо представлявшего структуру, взаимоотношения и личности в Ордене, однако имевшего возможность побывать в Загорске у Никитина и встретиться с человеком, каким-то образом связанным с Уйттенховеном. Попробуем его вычислить по этим признакам.

Начнем с того, что из списка подозреваемых в сотрудничестве с органами следует раз и навсегда исключить А.Н.Ершова, который, как сказано в Постановлении на его арест, *«будучи крайне враждебно настроенным к политике ВКП(б) и Советской власти, систематически среди своего окружения проводит к/р агитацию, дискредитирует руководителей Партии и Совправительства, восхваляет при этом врагов народа... пишет антисоветского содержания стихи, распространяет их среди окружающих его лиц»* [АУФСБ РФ по МО, П-54804 (преж. 502, 055572), л.1-2]. Как видно, эти обвинения соответствовали действительности в части резкой критики: на первом же допросе 24.06.41 г. Ершов полностью признал антисоветские разговоры и критику соввласти, за что был ОСО НКГБ приговорен 16.12.41 г. к 10 годам ИТЛ и умер 24.03.42 г. в одном из лагерей Омской области. Точно так же сомнительно, чтобы информатором в отношении орденских связей Никитина в Загорске могла выступать Е.В.Лемке, хотя она по характеру ее следственного дела [ЦА ФСБ РФ, Р-16756 (преж. 82073, 591417)], и работы безусловно являлась осведомителем; однако с Никитиным она встречалась только на квартире Недовича или у себя, когда перепечатывала его роман «Молли» [ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 41]. В Загорске она не бывала и обстоятельств жизни художника не знала. Из числа подозреваемых также следует исключить упоминавшегося выше Ю.Н.Суллу, не только потому, что тот был арестован одновременно с Никитиным и Смирновым, но и потому, что сам он находился в весьма сложных отношениях с органами власти, проживая в течении долгих лет по чужим документам.

Однако именно Николай Юрьевич Сулла или, в действительности — Сергей Иосифович Шумский, знакомство с которым у Л.А.Никитина произошло, похоже, значительно ранее января 1941 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-39213 (преж. 2788, 052977, Н-16278), л. 31], (наиболее ранние сохранившиеся эскизы игрушек для Загорска датированы еще 1939 г.,) оказывается в данной случае фигурой, позволяющей разобраться в ситуации.

Дело в том, что в своей жизни, полной опасностей и романтических приключений, Н.Ю.Сулла на протяжении всего 1922 г. работал инструктором по сельскохозяйственной кооперации в Загорском районе, где, как указано в Постановлении на его арест, *«установил тесные связи с монахами Гефсиманского скита, объединившимися в с/х артель, и проживал у них в течении нескольких месяцев. <...> Тогда же он установил связь с известным богословом-мракобесом Флоренским»* [ЦА ФСБ РФ, Р-39213 (преж. 2788, 052977, Н-16278), л. 2]. Между тем здесь налицо явная ошибка информатора, показывающая случайный и кратковременный характер его знакомства с Суллой не ранее 1941 г., так как уже 30.07.41 г. на допросе Суллы выяснилось, что речь идет не об ученом священнике П.А.Флоренском, а о бывшем сослуживце арестованного, Петре Яковлевиче Флоринском, чье письмо было найдено у него при обыске в 1932 г. И хотя упоминание о приезде в Загорск в 1940 г. «высокого гостя из Архангельска» и упоминание при этом на Уйттенховена может быть связано только с Суллой, поскольку при обыске 24.06.41 г. в доме И.К.Шумского, родного отца Суллы, проживавшего в Загорске по 2-му Бульварному переулку, д. 2/17, было обнаружено и изъято *«10 фотографий Александра Владимировича Уйттенховена, проживающего в г. Архангельске»* [ЦА ФСБ РФ, Р-39213 (преж. 2788, 052977, Н-16278), л. 11], Сулла никак не мог связывать его с Никитиным, прекрасно зная, что тот в Загорске еще не жил. Со своей сторо-

ны, никаких пояснений по поводу фотографий и своего знакомства с Уйттенховеном Ю.Н.Сулла-Шумский не дал, во всяком случае, они не отражены в протоколах допросов.

Так складывается впечатление об информаторе, как о человеке, составившего представление о Сулле со слов Никитина и имевшего с самим Суллой-Шумским лишь кратковременную встречу в период между январем и июнем 1941 г., откуда и идет такая путаница в показаниях. Но кто мог быть таким информатором из числа гостей, навещавших в этот краткий промежуток времени квартиру Никитиных в Загорске? Насколько я помню (и это отчасти подтверждается протоколами допросов Л.А.Никитина в его следственном деле), таких людей было немного: семья Д.Д.Дебольского, Б.А.Смирнов с женой, Д.С.Недович и А.С.Поль.

Несмотря на то, что роль А.С.Поля в событиях 1941 г. остается совершенно неясной, можно сказать с уверенностью, что ему не могла принадлежать информация о водворении Никитиных в Загорске ни в 1934, ни в 1940 гг., точно так же как и весь комплекс сведений о приезде из Архангельска Уйттенховена, с которым, как мне кажется, он если и был знаком, то лишь по камере Бутырской тюрьмы, хотя и это сомнительно. Ему могли принадлежать цитаты из рукописи романа, утверждение о «восстановлении прежних связей» в 1938 г., потому что именно этим летом в Москву и в деревню к Никитиным под Каширу впервые после лагеря и ссылки приехал Д.Д.Дебольский, в судьбе которого именно Поль сыграл решающую роль в 1949 г., однако я сомневаюсь, чтобы он имел сколько-нибудь серьезное отношение к аресту Л.А.Никитина в 1941 г.

Естественно, о Дебольских не может быть и речи, а что касается Смирновых, то первым человеком, кого встретил Л.А.Никитин 24.06.41 г. в камере Бутырской тюрьмы после своего ареста утром этого дня, был Б.А.Смирнов, чье Постановление на арест было написано и утверждено одновременно с Постановлением на арест Л.А.Никитина:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (на арест)

1941 года, июня месяца «[22]» дня, гор. Москва. Я, Опер. Уполномоченный 4-го Отделения 3 Отдела 3 Управления НКГБ СССР – Мл[адший] Лейтенант Госуд[арственной] Безопасности – БЕЛОКОНЬ, рассмотрев материалы по делу СМИРНОВА Бориса Алексеевича, 1905 г. рож., урож. г. Ленинграда, русского, б/п, гр. СССР, работающего доцентом кафедры металловедения Механико-машиностр[оительного] института им. Баумана, прож. в Ново-Гирееве по 7 проспекту, в доме № 40 – НАШЕЛ:

СМИРНОВ Б.А. в 1926 году вошел в а/с с мистической окраской группу «рериховцев», созданную в Москве в том же году художником-мистиком эмигрантом РЕРИХОМ Николаем Константиновичем (на короткое время приезжавшим в СССР).

Прикрываясь идеей всеобщего мира, братства, личного совершенствования, под руководством так наз. «Шамбалы» (тибетское название неких горы или местности), «рериховцы» ставят своей основной задачей – борьбу с Советским строем, с коммунизмом, с советской идеологией.

По предложению Н.К.РЕРИХА, СМИРНОВ Б.А. возглавил московскую группу «рериховцев», считаясь официальным представителем «рериховского общества» в СССР, имел от главы организации явки, приезжавших в СССР эмиссаров РЕРИХА, сносился с американцами, останавливавшимися в быв. Московской гостинице, пересылал РЕРИХУ Н.К. в Америку свои и своих друзей картины.

Об а/с деятельности этой группы ее руководитель СМИРНОВ Б. А. говорит следующее:

«В 1926 г. мы организовали в Москве коммуну, которая должна была бы работать под руководством идеи Рериха Н.К. Наша цель была составить в Москве, в самом центре СССР, от-

ряд, который мог бы стать исполнителем директив Рериха Н.К. Мы брали на себя задачей сообщать Рериху о всем, что делается в СССР, брали на себя распространение его идей о всемирном братстве. Жить мы должны были производя совместным путем что-либо полезное, напр., краски. Мы должны были зарегистрироваться как артель художников».

СМИРНОВ Б.А. сделался информатором Рериха. В течение ряда лет он посылал Рериху в Нью-Йорк сведения о духовной жизни и о настроениях нашей интеллигенции и «верующих масс народа», сообщал ему о «гонении на веру в СССР».

Сведения от РЕРИХА Н.К., посылки и письма от его организации СМИРНОВ Б.А. продолжал получать вплоть до 1939 г. Последняя «информация» гласила, что сам РЕРИХ в настоящее время находится в Индии, где проводит «большую работу и имеет в США свой особый журнал».

В а/с подпольную группу «рериховцев» в Москве, возглавляемую СМИРНОВЫМ Б. А., входили художники и люди без определенных профессий.

Группа эта просуществовала вплоть до 1930 г., затем из соображений конспирации была распущена. Но с членами группы СМИРНОВ Б.А. регулярно поддерживает связи, устраивает периодические встречи.

СМИРНОВ Б. А. располагает а/с мистическими сочинениями РЕРИХА Н.К. («Пути Благословения», «Агни-Йога» и др.), распространяет их среди своих единомышленников. Часть этой литературы СМИРНОВ получил от РЕРИХА нелегально.

СМИРНОВ Б. А. и его единомышленники стремятся завязать связи с Востоком, с Монголией. «Наша цель, — говорит СМИРНОВ, — завязать сношения с Индией, где сейчас живет РЕРИХ. РЕРИХ — подлинный наш учитель и мы, участники того круга, с которым РЕРИХ встречался, будучи в Москве в 1926 г., до сих пор ему верны».

Своей главной задачей в настоящее время СМИРНОВ Б. А. считает работу по созданию «новых коллективов, новых организаций единомышленников». Причем, СМИРНОВ Б.А. ставит теперь вопрос не о восстановлении старой группы, а о создании новой с той же ориентацией на РЕРИХА Н.К.

СМИРНОВ Б.А. наряду с другими участвует в а/с сборищах, организуемых литератором СОКОЛОВЫМ А.В., на которых обсуждаются методы и формы борьбы с советской властью.

В апреле м-це с.г. в присутствии СМИРНОВА и других своих единомышленников СОКОЛОВ А.В. по этому вопросу заявил следующее: «Что нам делать? Я вижу вообще три возможности. Первый путь — политического заговора для свержения Советской власти изнутри. Второй путь — создание союза, общества или церкви для объединения всех единомыслящих, создания силы, которая должна была быть готова взять на себя руководство жизнью государства в случае если представится возможность. Третий путь — чисто личной работы, морального воздействия со стороны каждого из нас на близких нам лиц, путь индивидуального воспитания «смены». Первый путь для нас лично невозможен, поскольку у нас нет трех необходимых условий: средств, в первую очередь, денежных; связей с Западом; с людьми — имеющими власть у нас и возможностей выявления работы подрывного характера, — нет учреждения, в котором мы могли бы создать базу.

Я все время работай только в этом личном, третьем направлении. Я воспитал целый ряд лиц, высоко морально стоящих и готовых так же работать над воспитанием других кадров, лично борющихся с материализмом. Но я сейчас стою на той точке зрения, что настало время перейти к организации второго типа».

На этих собраниях СМИРНОВ Б.А. принимает активное участие, высказывает пораженческие настроения, надеясь на победу фашизма в СССР.

Он говорит:

«Немцы наведут порядок и дисциплину у нас на производстве. Они не смогут сделать хуже, чем у нас есть. А рабочих они сумеют обуздать».

На основании изложенного и руководствуясь ст. 158 УПК, — ПОСТАНОВИЛ:

СМИРНОВА Б.А. арестовать и произвести обыск.

Опер[ативный] Упол[номоченный] 4 Отд[еления] 3 Отдела 3 Упр[авления] НКГБ СССР

Мл[адший] Лейтенант Гос[ударственной] Безопасности

Белоконь

[ЦА ФСБ РФ, Р—19568 (преж. 2962, 051645), л. 1-5]

Как вспоминал Б.А.Смирнов, с которым я впервые встретился в конце 1950-х гг. в Москве, он пробыл вместе с Л.А.Никитиным в Бутырской камере около двух недель и, сопоставив факты, оба они пришли к заключению, что были «сданы» органам А.А.Сидоровым. Припомнилось все: откровенные политические разговоры, на которые выводил их хозяин квартиры, обсуждение вопросов мистики, оккультизма, теософии, творчества и общественной деятельности Н.К.Рериха, положения интеллигенции в СССР, чтение и обсуждение романов и пьес, запрещенная философская (в том числе и западная) литература, которой охотно снабжал хозяин квартиры своих гостей, судьбы друзей и знакомых... Много, много было всего, что «тянуло» не только на пресловутую статью 58/10, но и на большее в условиях конца 30-х годов. Но так ли было на самом деле?

Что касается фактов, изложенных в Постановлении на арест Л.А.Никитина, то, как я показал выше, за исключением цитат и характеристики его литературного творчества, все они оказываются недоступными для А.А.Сидорова. Он мог располагать записями разговоров, обсуждением книг и рукописей, в том числе рукописи романа «Доктор Периграт», экземпляр которого так и остался в его библиотеке, тогда как все остальные машинописные копии всего литературно-художественного творчества Л.А.Никитина, вместе с его картинками и рисунками, были изъяты при обыске 09.09.41 г. на квартире М.В.Никитиной в Москве по ул. Веснина (ныне – Денежный пер.) д. 21, кв. 12 и, по-видимому, были уничтожены в печах Лубянки [ЦА ФСБ РФ, Р-27830, л. 11-17]. В этом плане гораздо более оснований связывать имя Сидорова с арестом Б.А.Смирновым, причем не только из-за столь широкой осведомленности о связях последнего с Н.К.Рерихом и действиях их группы (в которой было не менее двух осведомителей), но и по тем фактам, о которых незадолго до своей смерти рассказывал мне Б.А.Смирнов-Русецкий и которые нашли свое отражение в одном из протоколов его допроса 1951 г., где он повторил свои показания 1941 г.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СМИРНОВА Б.А. 1951 г.

В 1939 г. я через Соколова-Вольского познакомился с профессором искусствоведом СИДОРОВЫМ Алексеем Алексеевичем. <...> Из бесед с СИДОРОВЫМ я узнал, что он является масоном и как будто в ранге мастера ложи. По словам СИДОРОВА он имел связи и с другими оккультными кружками, существовавшими в Советском Союзе, по линии масонства он имел связи за границей. Мне он тоже предлагал стать его учеником по линии масонства. Зная, что СИДОРОВ настроен а/с, я часто в его присутствии совместно с СОКОЛОВЫМ-ВОЛЬСКИМ выражал а/с настроения и обсуждали возможность организации. Примерно в апреле или в мае 1941 г., во время нахождения в квартире СИДОРОВА, он мне сказал, что хорошо знает о моих а/с убеждениях, взглядах и настроениях. Далее СИДОРОВ заявил, что формы борьбы с Сов. властью, к которой прибегаю я и СОКОЛОВ-ВОЛЬСКИЙ, слишком слабы и неэффективны. Тут же он предложил мне заняться более серьезной борьбой с Сов. государством, или, как он выразился, «заниматься настоящей работой, серьезной». Я понял, что он предложил мне заниматься шпионажем. Считая это для себя неприемлемым, я отказался, и он после этого сразу же разговор перевел на другую тему.

ВОПРОС: Почему вы считаете, что СИДОРОВ предложил вам заниматься шпионажем?

ОТВЕТ: Говоря, что намерения СОКОЛОВА и мои создать а/с организацию слабы и неэффективны, СИДОРОВ спросил меня, готов ли я вести настоящую работу, т.к. он может мне предоставить заниматься серьезной работой, пользующейся поддержкой из-за границы. Я сейчас дословно разговор воспроизвести затрудняюсь, но смысл этой беседы сводился к тому, что СИДОРОВ хотел меня завербовать для работы на иностранную разведку. И когда я ему ответил, что признаю только идейную борьбу, то СИДОРОВ перевел разговор на другую тему, совершенно не возразив.

[ЦА ФСБ РФ, Р-19568, л. 328-329.]

Здесь замечательны два момента: полное равнодушие следователей к «вопиющим» показаниям, которые должны были бы их заинтересовать, и не менее яркие показания о Сидорове Д.С.Недовича, подтверждающем показания Б.А.Смирнова:

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НЕДОВИЧА Д.С. 27.12.44 г.

ВОПРОС: Кого еще Вы не называли из лиц, проводящих а/с работу?

ОТВЕТ: В 1939 г. мною интересовался искусствовед Алексей Алексеевич СИДОРОВ. Он приглашал меня к себе, угощал и настойчиво расспрашивал, не вхожу ли я в какую-либо группировку мистического характера. Говорил, что теперь очень мало осталось людей старой культуры, которым, говорил он, нужно, объединиться и привлекать новых любителей мистики. Тогда же СИДОРОВ мне предложил объединиться с ним и привлечь НИКИТИНА Леонида Александровича и АСИКРИТОВА Михаила Даниловича. На мой вопрос, что же это объединение должно из себя представлять, СИДОРОВ заявил мне, что он один из последних масонов, расформированных революцией. Раньше с ним работали еще двое — некий КИРИЧЕНКО-АСТРОМОВ-ВАТСОН (имени и отчества не назвал), проживающий где-то на Кавказе, и БЕЛЮСТИН Всеволод (отчества не упоминал), проживающий в Азии. Точного местонахождения этих лиц не указал.

ВОПРОС: Вы дали свое согласие на объединение?

ОТВЕТ: Я отказался, а, вернее, я от него сбежал, после того как он сделал мне ма-сонское рукопожатие...

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 72-72 об]

Столь откровенная настойчивость в разговорах, приглашение пользоваться библиотекой, состоящей из запрещенных книг по оккультизму и мистике, постоянное посещение вернисажей, устраиваемых в 30-х годах французским и польским посольствами, на которых непререкаемым визитером бывал А.А.Сидоров, а также необъяснимое равнодушие ко всем этим фактам со стороны «органов», заставляло знающих людей задумываться о роли, которую играл этот блестящий представитель российской научной интеллигенции, даже не зная, что он — масон высокого «градуса», тамплиер и розенкрейцер-«ориониец» высокого ранга, входящий в группу М.В.Дороговой и В.В.Белюстина, как докладывал об А.А.Сидорове в НКВД-НКГБ В.В.Белюстин, с 1933 г. секретный агент с безукоризненной характеристикой, знавший А.А.Сидорова еще с начала 20-х годов по розенкрейцерскому кружку известного В.А.Шмакова [Р-23618 (преж. 1177, 980568), л. 421]. Недаром А.Л.Ларионов¹², еще в 1937—1938 гг. называл Сидорова «наседкой» НКВД и говорил Недовичу о том, что тот «сдает людей» и его «следует остерегаться» [ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 78]. Такая оценка роли А.А.Сидорова в культурной и общественной жизни Москвы 30-х годов находит косвенное подтверждение и в отсутствии каких-либо возбужденных против него следственных дел в архивах бывшего ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ, как если бы речь шла не об обычном осведомителе, завербованном в процессе следствия, а о кадровом сотруднике органов идеологического и политического сыска, чьи документы и материалы откладываются только в его глубоко засекреченном личном деле данного учреждения. Другими словами, если для Б.А.Смирнова А.А.Сидоров и мог стать «злым гением», то для дела Л.А.Никитина следовало искать другую фигуру.

И в этом плане чрезвычайно любопытным оказалось дело Д.С.Недовича — как по мотивам его возникновения и излагаемым фактам, так и по раскрывающемуся в нем характеру самого героя.

НЕДОВИЧ Дмитрий Саввич
(1889—1947)

Недович Дмитрий Саввич, родился 25.05.1889 г. в гор. Вологде в семье горного инженера Саввы Ивановича Недовича (1848—1894) и его жены, Елизаветы Юльевны

Недович, урожд. Зубовой, дочери вологодского землевладельца. В 1908 г. по окончании Московской 7-й гимназии поступил на юридический ф-т МГУ, а в 1909 г. перешел на историко-филологический ф-т, который и закончил в 1912 г., будучи оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. В 1916 г. получил звание приват-доцента, избран членом-корреспондентом Московского Археологического общества и назначен младшим хранителем Музея изящных искусств; с 1918 г. состоял заведующим античного отдела этого же Музея; в 1921 г. назначен профессором искусствоведения факультета общественных наук и избран председателем Художественно-литературного отделения Университета; в том же году избран действительным членом НИИ истории, искусствоведения и археологии; в 1922 г. избран действительным членом Российской Академии художественных наук; после закрытия РАХН — преподаватель иностранных языков в вузах Москвы, переводчик античных авторов; во второй половине 30-х гг. — начальник кафедры иностранных языков Военно-Юридической Академии Красной Армии; с 1941 по 1943 гг. в эвакуации с Академией в Ташкенте, после чего вместе с ней возвратился в Москву; отец — Недович Савва Иванович, ум. в 1894 г.; мать, Недович Елизавета Юльевна, умерла в 1925 г.; жена умерла в 1942 г.; сыновья -Недович Леонид Дмитриевич, 25 лет, солист ансамбля пограничных войск, Москва, 1-й Казачий пер., д. 5 кв. 3; Недович Николай Дмитриевич, 19 л., в Красной Армии. До ареста жил по адресу — Москва, 1-й Казачий пер. д. 5 кв. 3; арестован 24.10.44 г., постановлением ОСО НКГБ от 24.03.45 г. «за разглашение сведений, не подлежащих оглашению», приговорен к 5 годам ИТЛ; срок отбывал в Бутырской тюрьме, в больнице которой умер в октябре 1947 г.

Дело прекращено Определением Верховного Суда СССР от 15.12.56 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

5 октября 1944 г. Я, пом[ощник] нач[альника] 3 отделения 5 отдела 2 управления НКГБ СССР, подполковник госбезопасности ВСЕВОЛОДСКИЙ, рассмотрев поступившие материалы в НКГБ СССР в отношении гр. НЕДОВИЧА Дмитрия Саввича, 1889 г. рождения, уроженца г. Вологды, происходящего из дворян, русского, гр-на СССР, беспартийного, работавшего в Военной Юридической Академии в должности руководителя кафедры иностранных языков, проживающего в г. Москве, 1-й Казачий пер., д. 5 кв. 3 —

НАШЕЛ:

что НЕДОВИЧ Д.С., являясь нашим секретным сотрудником, в мае м-це сего года расшифровался перед своими знакомыми, сообщив им о своей секретной связи с органами НКГБ и проведении им двурушнической, предательской деятельности.

НЕДОВИЧ говорил им, что ряд лиц, входящих в состав тех или иных мистических организаций, его друзей или просто тех, кого он считал достойными членами мистических организаций, ему удалось сохранить от ОГПУ-НКГБ путем неправильного освещения их деятельности и дачи на них несоответствующих действительности характеристик.

За последнее время НЕДОВИЧ систематически скрывает от наших органов о происходящих на его квартире сборищах участников антисоветской мистической группы, на которых читаются и обсуждаются вопросы на мистические темы и высказываются антисоветские настроения.

НЕДОВИЧ, являясь руководителем этой группы, неоднократно предупреждал участников ИВАНЕНКОВУ, АСИКРИТОВА, ДЕБОЛЬСКОГО и других быть осторожнее в своих высказываниях, поясняя, что ими интересуется НКГБ.

На указанных участников группы, чтобы прикрыть их, НЕДОВИЧ представлял положительные характеристики, как на лояльно относящихся к советской власти людей.

НЕДОВИЧ несколько раз заявлял, что свое положение, как секретного сотрудника, он использует исключительно в целях прикрытия от ареста его друзей, единомышленников по мистической антисоветской деятельности

Не так давно НЕДОВИЧ на происходившем на его квартире сборище присутствовавших там четырех человек тщательно инструктировал, как нужно вести себя на случай вызова кого-либо из них для допроса в НКГБ.

Для ведения активной мистической работы НЕДОВИЧ намерен организовать, по его выражению, новый «треугольник», имея под этим определением образование новой мистической группы.

НЕДОВИЧ резко антисоветски настроен. Он неоднократно среди своих близких знакомых вел контрреволюционные разговоры, направленные против советского правительства и его мероприятий.

На основании изложенного ПОСТАНОВИЛ:

НЕДОВИЧА дмитрия Саввича арестовать и произвести обыск.

Пом[ощник] нач[альника] 3 отд. 5 отдела 2 Управления НКГБ СССР

Подполковник госбезопасности

Всеволодский

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 1-1об]

Из материалов следственного дела Д.С.Недовича можно усмотреть, что он по меньшей мере дважды не удержался похвастать своим положением «секретного сотрудника» — в самом начале своей деятельности, т.е. в 1933 г., перед своей старой приятельницей, Л.Е.Иваненко, и в 1944 г. — перед Е.В.Лемке, которая, как я уже говорил, безусловно входила в число таких же секретных агентов. Что же касается до более широкого оповещения своих друзей и знакомых, как это инкриминировалось Недовичу постановлением на арест, то сплошь антисоветские характеристики, которые он дает именно этим своим друзьям и знакомым в своих показаниях, заставляют в последнем усомниться, особенно если вспомнить о его активном внедрении в окружение А.О.Солонович, а затем и в орденские структуры по заданию НКВД в 1934 г.

Использование именно Недовича для сбора информации о мистиках и мистических группах среди интеллигенции Москвы имело свои основания. Как он показывал на допросе 30.10.44 г., его интерес сначала к теософии, а затем к антропософии впервые пробудился в 1911—1913 гг., когда вместе со своей матерью, Е.Ю.Недович, он слушал лекции о путях развития человеческого духа, которые читал М.А.Эртель, сын писателя Эртеля, теософ, на квартире члена Теософского общества К.П.Христофоровой. После этого его мать заинтересовалась антропософией, в 1913 или 1914 г. ездила в Швейцарию к Штейнеру, и этот интерес передала сыну. По словам Недовича, ни в теософском, ни в антропософском обществах он формально не состоял, хотя знал многих их членов, а в 1914 г. поэт Л.Л.Кобылинский (Эллис) предлагал ему и Н.А.Брызгалову вступить в его собственный антропософский кружок, который, однако, так и не состоялся. Факт столь давнего знакомства Недовича с Брызгаловым, в 20-е годы входившим в различные оккультные группировки и тесно связанным с А.А.Сидоровым достаточно интересен, также как и указание Недовича на его близкое знакомство с антропософами М.И.Сизовым, Н.П.Киселевым и А.С.Петровским, работниками библиотеки им. В.И.Ленина в Москве, у которых, по его словам, он пытался узнать о современной деятельности антропософов [ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 30-34].

Между тем, как выяснилось на одном из следующих допросов, контакты Недовича с мистиками были значительно более глубокими и интересными, чем только знакомство с теософами и антропософами, что, к слову сказать, и объясняет проявленный к нему интерес Сидорова, отнюдь не однородный, как почему-то пытался это представить Недович, а поддерживаемый постоянной связью с Н.А.Брызгаловым, который, в свою очередь, являлся давним и близким приятелем Сидорова, доставая ему книги и рукописи мистического содержания.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НЕДОВИЧА Д.С. 27.12.44 г.

ВОПРОС: Какая связь существует между СИДОРОВЫМ и БРЫЗГАЛОВЫМ?

ОТВЕТ: Перед войной СИДОРОВ находился с БРЫЗГАЛОВЫМ в приятельских

отношениях. БРЫЗГАЛОВ часто бывал у СИДОРОВА и продавал ему мистическую литературу. В разговорах со мной БРЫЗГАЛОВ о СИДОРОВЕ всегда отзывался положительно, говорил, что он культурный человек, любит прошлое и что о нем интересно проводить время. Имели ли они между собой организованную а/с связь — мне неизвестно.

ВОПРОС: С БЕЛЮСТИНЫМ и КИРИЧЕНКО-АСТРОМОВЫМ-ВАТСОНОМ вы лично были знакомы?

ОТВЕТ: Нет, с этими лицами я не был знаком. О БЕЛЮСТИНЕ я слышал еще от Владимира Ивановича ЖДАНОВА, который в 1935-37 гг. входил в возглавлявшуюся БЕЛЮСТИНЫМ ложу масонов-«орионийцев» (от созвездия Ориона), откуда он, по его словам, ушел.

ВОПРОС: Что из себя представляет упомянутый вами ЖДАНОВ?

ОТВЕТ: Со ЖДАНОВЫМ я знаком с 1919 г. Встречался с ним первое время у инженера ШМАКОВА Владимира Алексеевича, сына известного антисемита который использовал библиотеку своего отца при изучении еврейской религиозно-магической философии каббалы и писал в то время каббалистическую книгу «Великие Арканы Таро». В этой книге ШМАКОВ придавал универсальное значение 22 символическим изображениям, воплощавшим эти арканы, т.е. тайны, и сосредоточившие в себе якобы всю мировую мудрость. Об этих арканах Таро ШМАКОВ читал на дому лекции. Лекции ШМАКОВА слушали я, НЕДОВИЧ, художник МАСЮТИН Василий Николаевич (эмигрировал в 1929-21 гг.), священник ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович, находится в ссылке, названный ранее мною ЛАРИОНОВ и АСИКРИТОВ, ЖДАНОВ Владимир Иванович. Со ЖДАНОВЫМ я встречался до начала Отечественной войны. В первые дни войны он был арестован. При встречах он занимался толкованием арканов. В 1935-37 гг. ЖДАНОВ усиленно занимался изучением философии Гегеля и нашел, как он говорил, родство гегелевской философии с каббалой. В 1940 г. ЖДАНОВ вел а/с, фашистскую агитацию, говорил, что нам, якобы, предстоит большая будущность от принятия фашистских идеалов, что Гитлер обеспечит нам счастливый союз и Германороссию.¹³

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 72об – 73.]

На вопрос о ближайших знакомых, собирающихся у него на квартире, Недович называл Е.В.Лемке, физика М.Д.Асикритова, сотрудника музея в Ясной Поляне А.И.Ларионова, переводчика Л.Е.Иваненко, Д.Д.Дебольского, А.С.Поля, врача-психиатра ВИЭМа Н.М.Костомарову¹⁴ и инженера-строителя Н.А.Брызгалова, работавшего в то время помощником главного архитектора-реставратора Троице-Сергиевой лавры в Загорске, однако в последующем выясняется, что Иваненко видела Дебольского вообще не более двух раз, Костомарова вообще никем и нигде не упоминается, с А.С.Подем Недович «*был лично знаком*», и только остальные оказываются членами «*мистической группы*», по заверению Недовича, ничего общего с анархистами не имеющей [ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 19, 38об, 40], на собраниях которой, как показывала Л.Е.Иваненко, они «*занимались чтением научных статей, разбирали вопросы мистики, о зарождении жизни и о геометрии пространства, влиянии косых и прямых линий в художественных образах, что представляет из себя ромб в смысле художественной фигуры*» [ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 83].

Более интересны для истории Ордена тамплиеров показания Д.С.Недовича о Д.Д.Дебольском, Л.А.Никитине и окружении последнего перед арестом 24.06.41 г. Конечно, следует учесть, что все ниже следующее говорилось не только спустя четыре года после описываемых событий, но и после смерти Никитина в лагере (15.10.42 г.), о чем Недович хорошо знал как от вдовы Никитина, с которой он продолжал поддерживать связь после возвращения из эвакуации, так и от Дебольского и Поля. Последнее означало, что на покойного можно было «вешать» всё, что придет в голову, даже фантастические «тамплиерские треугольники», с одной стороны, убеждающие в полном незнании Недовичем структурных подразделений Ордена, а с другой приводящие на память «треугольники» того времени, представленные в каждом советс-

ком учреждении его директором, секретарем парторганизации и председателем профкома. Нельзя, правда, исключить, что идея «мистических треугольников» Недовичу была знакома еще по воспоминаниям юношеских лет о среде бывших «аргонавтов», где подобные «треугольники» пыталась создавать А.Р.Минцлова¹⁵. Однако даже в этой ситуации совершенно непонятна вся та неприязнь и клевета Недовича на Дебольского, которая заставила следователя, ведущего дело Недовича, вызвать С.Н.Родионова¹⁶, чтобы допросить его не столько о Недовиче, сколько о Дебольском и, разумеется, не получить никаких на того сколько-нибудь компрометирующих материалов.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НЕДОВИЧА Д.С. 22.11.44 г.

ВОПРОС: Расскажите, что Вы знаете о ДЕБОЛЬСКОМ?

ОТВЕТ: ДЕБОЛЬСКИЙ Диодор Дмитриевич происходит из семьи крупного чиновника. Работает в настоящее время в качестве экономиста-плановика в какой-то артели инвалидов. По политическим убеждениям ДЕБОЛЬСКИЙ является анархистом. Настроен резко антисоветски. Систематически высказывает в кругу своих знакомых различные антисоветские измышления. Например, касаясь советской прессы, ДЕБОЛЬСКИЙ говорил, что она, якобы, занимается очковтирательством, скрывает истинное положение как на фронтах, так и внутри страны. По поводу вступления частей Красной Армии в Прибалтийские республики и Западную Украину ДЕБОЛЬСКИЙ говорил, что там будто бы нас ненавидят и готовы стрелять в спину, т.к. по его убеждениям, Советская власть несет туда зло, в частности, как он выразился, «колхозиаду», т.е. колхозную систему хозяйства. ДЕБОЛЬСКИЙ презирает все советское, ненавидит коммунистов и офицеров Красной Армии.

ВОПРОС: Что конкретно он говорил в отношении их?

ОТВЕТ: Высказывая ненависть к коммунистам, ДЕБОЛЬСКИЙ называл их попугаями, говорил, что большая часть из них не имеет своего собственного мышления и без какого-либо осознания механически повторяет лозунги, исходящие сверху. Офицеров и солдат Красной Армии считает некультурными и неинтеллигентными, говорил, что они, якобы, занимаются мародерством, высказывая недовольство тем, что сын его был призван на службу в Красную Армию. Характеризуя отрицательно офицеров Красной Армии, ДЕБОЛЬСКИЙ высказывал свои симпатии к офицерам немецкой армии, говорил, что они культурны, интеллигентны и благородны. Об этом он говорил вскоре после того, как через Москву были конвоированы офицеры и солдаты немецкой армии.

ВОПРОС: Давно ли вы знаете ДЕБОЛЬСКОГО как враждебно настроенного против Соввласти?

ОТВЕТ: С 1936-37 гг. Из разговоров с ДЕБОЛЬСКИМ мне известно, что он еще в 30-х гг. подвергался аресту и ссылке за участие в а/с группе анархистов, возглавлявшейся в то время неким художником НИКИТИНЫМ Леонидом Александровичем. НИКИТИН также подвергался репрессиям.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы познакомились с ДЕБОЛЬСКИМ?

ОТВЕТ: После отбытия наказания ДЕБОЛЬСКИЙ и НИКИТИН оставались на а/с позициях и продолжали вести а/с работу. И в 1936-37 гг. НИКИТИНЫМ был составлен тамплиерский (анархо-мистический) треугольник из меня, ДЕБОЛЬСКОГО и МАЙДЕЛЬ Елены Богдановны.

ВОПРОС: Что из себя представлял тамплиерский треугольник?

ОТВЕТ: Тамплиерский треугольник представлял из себя отдельное звено а/с организации анархо-мистиков. В целях избежания провала всей анархистской а/с организации тамплиерские треугольники были изолированы друг от друга и действовали отдельно под общим руководством НИКИТИНА.

ВОПРОС: Какие задачи ставила перед собой а/о организация анархо-мистиков?

ОТВЕТ: А/с организация анархо-мистиков ставила своей задачей устранение существующего советского строя, рассматривая его, как и всякую государственность,

насилием и злом, путем индивидуального перевоспитания людей в анархо-мистическом духе. НИКИТИН тогда мне говорил, что насаждаемые им тамплиерские треугольники имеют по своим действиям некоторое различие. Одни имеют практическое направление, другие мистическое и историческое. В конечном итоге действия всех этих направлений сводилось к устранению государственности и водворению анархизма.

ВОПРОС: Какую конкретно а/с работу проводили лица, входившие вместе с вами в тамплиерский треугольник?

ОТВЕТ: Работа членов тамплиерского треугольника выразилась в вербовке лиц в мистическую организацию путем перевоспитания в мистическом духе своих близких знакомых. ДЕБОЛЬСКИЙ на протяжении ряда лет обрабатывал в этом духе РОДИОНОВА Николая Сергеевича, работающего при Гослитиздате. Но из этого ничего не вышло, т.к. РОДИОНОВ толстовских вкусов и является редактором сочинений Л.Толстого. Что же касается МАЙДЕЛЬ, то она очень ограниченный человек и я не мог найти с ней общего языка. Она вместе со мной слушала легенды НИКИТИНА, а что она практически делала, я не знаю. Сам НИКИТИН усиленно проводил агитационную работу и вербовал людей. Мне известно, что перед началом Отечественной войны им был вовлечен в а/с организацию бывший послушник Троицко-Сергиевой лавры, проживающий в Загорске СУЛЛА Николай. Я видел его всего два раза – в 1940 г. на квартире у НИКИТИНА, и в том же году был с НИКИТИНЫМ у СУЛЛЫ. В начале войны оба они были арестованы.

ВОПРОС: Что еще вам известно о МАЙДЕЛЬ?

ОТВЕТ: Во время Отечественной войны с МАЙДЕЛЬ я не встречался и чем она занимается, не знаю. До войны политических высказываний я от нее не слышал. В прошлом она была баронессой. Проживает с братом или с отцом – точно не знаю. Давно ли она примкнула к анархистам, мне не известно. МАЙДЕЛЬ хорошо знает ДЕБОЛЬСКИЙ, который встречался с ней до последнего времени.

ВОПРОС: Назовите других известных вам анархо-мистиков.

ОТВЕТ: Из анархо-мистиков я знаю еще ПОЛЬ А.С., работающего в качестве лектора истории западно-европейского театра в Институте театрального искусства и Институте кинематографии. С ПОЛЬ я лично был знаком. Лично я не был знаком, но слышал, что анархо-мистиками являются УЙТЕНГОВЕН [*так!* – А.Н.], ДОРОГОВА Мария и АРЕНСКИЙ.

ВОПРОС: Кто они и от кого вам известно, что они являются анархо-мистиками?

ОТВЕТ: Кто такой УЙТЕНГОВЕН я не знаю. О том, что он является анархо-мистиком, мне говорил названный выше СУЛЛА. От него же я слышал, что УЙТЕНГОВЕН находится в ссылке. О ДОРОГОВОЙ Марии как анархо-мистике я слышал от ПОЛЯ осенью 1944 г. Кто она – не знаю. Об АРЕНСКОМ я слышал от НИКИТИНА. Известно, что АРЕНСКИЙ является сыном композитора, в настоящее время в ссылке. Вспоминаю еще известных мне анархо-мистиков – зятя НИКИТИНА – ЛАНГА Н.Р. (находится в ссылке) и ГОРИНЕВСКОГО (находится в ссылке). Жена ГОРИНЕВСКОГО проживает в Москве, работает инженером-архитектором. По политическим убеждениям принадлежит к анархо-мистикам. Имени и отчества ее я не знаю.

ВОПРОС: С женой ГОРИНЕВСКОГО вы лично были знакомы?

ОТВЕТ: Да, один раз я ее видел в начале войны после ареста НИКИТИНА. По просьбе жены НИКИТИНА я ездил к ГОРИНЕВСКОЙ на квартиру и передал просьбу НИКИТИНОЙ о том, что в связи с арестом ее мужа она также может быть арестована, и просила не оставлять ее сына и взять на свое попечение. ГОРИНЕВСКАЯ не возражала. При встрече ГОРИНЕВСКАЯ показала себя исключительно замкнутой женщиной. О ней я ничего больше сказать не могу.

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 52-54.]

В этом документе можно обнаружить практически все факты, использованные в постановлении на арест Л.А.Никитина, начиная с «тамплиерских треугольников», являющихся чистейшим вымыслом, но «привязанных» к делу об анархо-мистиках

1936–1937 г., в котором Недович сыграл весьма неблагоприятную роль, и кончая случайным и беглым знакомством с Н.Ю.Суллой-Шумским, которого он принял за «послушника» (связь с монахами!) и от которого узнал о существовании А.В.Уйттенховена в Архангельске. Более того, совпадает и ошибка в дате, когда Недович указывает свою встречу с Суллой «в 1940 г. на квартире у Никитина», тогда как это могло быть только весной 1941 г. Отсюда проистекает и «замкнутость» Е.В.Гориневской при встрече с Недовичем, которого она уже знала как провокатора по его показаниям против А.М.Назарова, А.О.Солонович и ее мужа... Эти показания Недовича по окончании следствия послужили основанием для выделения их «в особое производство», а в 1948 г., уже после смерти Недовича в Бутырской тюрьме, вместе с аналогичными показаниями А.С.Поля в «антисоветской пропаганде» и участии в «организации анархо-мистиков», сыграли роковую роль в судьбе Д.Д.Дебольского и Н.А.Брызгалова, о чем Дебольский писал по выходе из лагеря на имя Генерального прокурора СССР. В этом же деле Недовича находится документ, на первый взгляд заключающий в себе собственноручное признание Дебольского в принадлежности к анархо-мистикам, но при внимательном рассмотрении обнаруживающий совершенно непримиримые противоречия как между своими частями, так и с реальными фактами.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ДЕБОЛЬСКОГО Д.Д. 20.12.44 г.

Дебольский Диодор Дмитриевич, 1892 г. рожд., урож. г. Рыбинска, русский, из дворян, образование неоконченное высшее, б/п, служащий: начальник плановой группы артели «Трикотажник»; адрес — Москва, 7-й Ростовский пер., д.15, кв. 27; в 1934 г. арестовывался за а/с агитацию и был осужден к 2 годам лагеря. Наказание отбывал в течение полутора лет; жена — Дебольская¹⁷ Татьяна Алексеевна, 53 года, врач-невропатолог в Клинике медицинских наук; сын Дебольский Иван Диодорович, 1927 г. рожд., служит в действующей Красной Армии рядовым

ВОПРОС: Знаете ли вы НЕДОВИЧА?

ОТВЕТ: Знаю.

ВОПРОС: Давно ли?

ОТВЕТ: С НЕДОВИЧЕМ я знаком, примерно, с 1936 г.

ВОПРОС: Какие у вас с ним были взаимоотношения?

ОТВЕТ: Взаимоотношения между нами были хорошие. Взаимно посещали друг друга.

ВОПРОС: Как часто вы встречались с ним?

ОТВЕТ: Встречались мы с ним один-два раза в месяц.

ВОПРОС: Что вам известно о нем?

ОТВЕТ: Мне известно, что НЕДОВИЧ интересовался вопросами мистики и литературой.

ВОПРОС: Что вам известно о а/с деятельности НЕДОВИЧА?

ОТВЕТ: Об а/о деятельности НЕДОВИЧА мне ничего не известно.

ВОПРОС: С МАЙДЕЛЬ вы знакомы?

ОТВЕТ: Нет, в числе моих знакомых по фамилии МАЙДЕЛЬ не было. Ее не знаю.

ВОПРОС: Какое вы имеете отношение к анархо-мистикам?

ОТВЕТ: Никакого отношения к анархо-мистикам я не имел.

ВОПРОС: Известно, что вы являлись участником а/с организации. Признаете вы это?

ОТВЕТ: Признаю. Я действительно являлся участником а/с организации, возглавлявшейся НИКИТИНЫМ Л.А., который в начале ныне происходящей войны был арестован.

ВОПРОС: Кем вы были вовлечены в эту организацию?

ОТВЕТ: В а/с организацию я был вовлечен НИКИТИНЫМ в 1937 г.

ВОПРОС: Кто входил в состав организации?

ОТВЕТ: Из участников а/с организации, которую мы именовали тамплиерской (анархо-мистической) мне известны следующие: НЕДОВИЧ Д.С., о котором я упоминал выше, МАЙДЕЛЬ Елена Германовна, где работает — не знаю, проживает она в районе Ржевского вокзала, точного адреса не знаю, СУЛЛА, имени и отчества не помню, проживал до войны в Загорске, а где находится в настоящее время мне не известно. С начала 1941 г. я с ним не встречался. Выше названный мной НИКИТИН и я, ДЕБОЛЬСКИЙ. Кто еще входил в состав организации, я не знаю, т.к. НИКИТИН мне не говорил.

ВОПРОС: От кого вам известно, что НЕДОВИЧ, МАЙДЕЛЬ и СУЛЛА являлись участниками а/с анархо-мистической организации?

ОТВЕТ: НЕДОВИЧ, МАЙДЕЛЬ и СУЛЛУ я знаю как участников а/с анархо-мистической организаций из личного с ними общения. Я вместе с ними неоднократно встречался на квартире у руководителя организации НИКИТИНА.

ВОПРОС: Когда это было?

ОТВЕТ: Сборы наши у НИКИТИНА происходили в период с 1937 г. и до половины 1941 г., т.е. до его ареста.

ВОПРОС: Какие задачи ставила перед собой названная вами организация?

ОТВЕТ: Организация ставила своей задачей воспитание членов организации в мистико-религиозном духе.

ВОПРОС: И только?

ОТВЕТ: Да, других задач не было.

ВОПРОС: Скрываете вы. Скажите, какие еще задачи ставила перед собой ваша организация?

ОТВЕТ: Других задач не было.

(Допрос прерван)

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 86-88об]

Как я уже заметил, текст этого «допроса» вызывает большие сомнения в его идентичности, особенно во второй части. К сожалению, переписывая его, я не обратил внимание на эти внутренние противоречия и на то значение, которые они имеют для оценки показаний Недовича и всего его следственного дела, а потому не провел собственно экспертизу этих страниц. Между тем в глаза бросается как противоречия между первой половиной текста на л. 87 от вопроса «Знаете ли Вы Недовича?» до ответа «Никакого отношения к анархо-мистикам я не имел», не содержащего ни одной фактической неточности и занимающего **только одну сторону листа**, и всем последующим, **написанным на новом листе и его обороте**, и содержащим явный вымысел.

Начать, видимо, следует с того, что Елена Германовна Майдель (в своих показаниях Недович указывает ее отчество как «Богдановна») — лицо абсолютно неизвестное как семье Дебольских, так и семье Никитиных, а также — добавлю — и картеке МВД. Отсутствие каких либо сведений о ней («где работает — не знаю, проживает в районе Ржевского вокзала, точного адреса не знаю») только подтверждает примышленность данного лица к делу. Дебольский действительно никогда не входил ни в один анархо-мистический кружок, будучи человеком сугубо православным и «воцерковленным». Более того, он не мог появляться на квартире у Никитина «в период с 1937 г. и до половины 1941 г.» по тем причинам, что 1) будучи досрочно освобожден из лагеря на БАМе 02.08.35 г., Дебольский перешел на работу плановика на строительстве канала Москва-Волга, где проработал до 1938 г., а затем на строительстве набережной в г. Куйбышеве (по 1940 г. включительно), приезжая раз в году в кратковременный отпуск. Что же касается Никитиных, то с весны 1936 г. и до осени 1940 г. они безвыездно жили в деревне под Каширой и только в январе 1941 г. переселились в Загорск.

Таким образом, вся вторая часть этого документа являет собой явный подлог ст. следователя 2 отделения 11 Отдела 2 Управления НКГБ СССР майора госбезопас-

ности Полянского, который, как я уже говорил, должен был через три года сыграть трагическую роль в судьбе ничего не подозревавшего Д.Д.Дебольского.

На этом можно закончить рассмотрение материалов архивно-следственного дела Д.С.Недовича, в определенном смысле подводящего итог истории Ордена тамплиеров в советской России, поскольку все последующее, что связано с действиями его членов в 50-х и 60-х годах, можно рассматривать лишь как собирание сохранившихся материалов и попытки реанимации идей, некогда служивших для многих мощным стимулом к жизни, а теперь представлявшие разве что историографический интерес.

Что же касается самого Д.С.Недовича, то попытка этого талантливого, разностороннего и безусловно честолюбивого человека «служить двум богам», как то обычно бывает, низвела его из потенциальных рыцарей до положения агента-provokatora, который своими действиями доставил много горя ближайшим, безусловно доверявшим ему друзьям в общем то без особой на то нужды, а всего лишь пытаюсь спасти свое относительное благополучие и положение в обществе. Вот почему, я полагаю, самым тяжким ударом для этого человека, привыкшего блистать на кафедре Университета, в ГАХНЕ, в гостиних и в кругу друзей, стало даже не заключение в Бутырскую тюрьму, из которой он мог надеяться выйти через пять лет (всего пять лет по сравнению с 10 годами ИТЛ, иногда даже «без права переписки», на которые он обрекал своими показаниями знакомых ему людей), а постановление майора государственной безопасности Полянского, составленного еще до вынесения приговора и вне всякого сомнения представленного на ознакомление подследственному.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МАТЕРИАЛОВ ОБЫСКА

г. Москва, 1945 г., января 10 дня. Я, ст. следователь 2 отделения 11 отдела 2 управления НКГБ СССР майор госбезопасности ПОЛЯНСКИЙ, рассмотрев материалы следственного дела № 7445 по обвинению НЕДОВИЧА Д.С.,

НАШЕЛ:

при аресте у обвиняемого НЕДОВИЧА были изъяты следующие документы и материалы:

1) Удостоверения и справки на имя НЕДОВИЧА – 40 шт.; 2) Брошюры НЕДОВИЧА: «Поликлет» [М., 1939 г.] (2 экз.), «Эолийская капитель» [СПб., 1914 г.] (2 экз.), «Художественные проблемы эллинской пластики» [М., 1917 г.] (1 экз.), «Лисипп» [М., 1915 г.] (4 экз.) и «Апокалипсис Дюрера» [М., 1915 г.] (1 экз.); 3) Материалы «Основы архитектурной выразительности» НЕДОВИЧА, отпечатанные на машинке на 122 л.; 4) Материал «Изобразительный рельеф» НЕДОВИЧА, отпечатанный на машинке на 93 л.; 5) Фотокарточки разные – 55 шт.; 6) Книга – А.Древс «Миф о Христе» – 2 экз.; 7) Рукописный материал и стихотворения на 451 листе, из них десять стихотворений приобщено к делу НЕДОВИЧА, как вещественные доказательства; 8) Рукописи разные НЕДОВИЧА на 265 листах; 9) Письма на 599 листах; 10) Журналы иностранные – 4 шт.; 11) Сочинение НЕДОВИЧА «Звездная соната» на 100 листах; 12) Чистые бланки со штампом ср. школы № 528 – 8 шт.; 13) Записные книжки с разными записями – 9 шт.; 14) Издательские договора НЕДОВИЧА – 8 шт.; 15) Рукопись НЕДОВИЧА «К мистике» на 53 листах; 16) Материал «Бессмертие по традициям Розенкрейцеров» на 40 листах.

Принимая во внимание, что документы, книги и рукописи, указанные в пунктах с 1-го по 5-й включительно, могут понадобиться обвиняемому НЕДОВИЧУ Д.С., остальные же материалы никакой ценности для дела и арестованного НЕДОВИЧА не представляют, руководствуясь ст. 69 п. 3 УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Документы, фотографии, книги и рукописи, перечисленные в пп. с 1 по 5 включительно передать на хранение сыну арестованного НЕДОВИЧА Д.С. – НЕДОВИЧУ Леониду Дмитриевичу, прож. по 1-му Казачьему пер., д. 5, кв. 9 (так! – А.Н.)

2. Все остальные материалы, перечисленные в пунктах с 6-го по 15-й включительно — уничтожить путем сожжения.*

[ЦА ФСБ РФ, Р-20632, л. 120]

* Акт об уничтожении — на л. 121.

Где и при каких обстоятельствах был утерян перевод «Фауста» И.-В.Гёте, завершённый Д.С.Недовичем еще перед началом войны и, по воспоминаниям Д.Д.Дебольского, по своим художественным достоинствам и точности превосходивший перевод Б.Л.Пастернака, так и остается неизвестным...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дорогова Мария Вадимовна, урожд. Менгден (1889—1981), род. в г. Моршанске; образование незаконченное высшее (медицинский ф-т в 1907—1910 гг.), медсестра и научный работник. Арестована 14.04.33 г.; Постановлением ОСО ОГПУ от 21.06.33 г. из-под стражи освобождена. Вторично арестована 02.11.35 г. как член к.-р. анархо-организации; 15.01.36 г. решением ОСО НКВД за антисоветскую деятельность приговорена к ссылке в Кировский край на 3 года, однако уже 28.01.36 г. во изменение прежнего решения была снята с этапа и освобождена безо всяких ограничений и более никогда не арестовывалась. Будучи руководителем рыцарских кружков с 1922—1923 г., мистическую работу продолжала до 70-х гг. (о ней см.: Сидоров В. Знаки Христа. М., 1992; *он же*. Непадшее человечество. М., 2001).

² Белоустин Всеволод Вячеславович (1899—1943?), род. в Санкт-Петербурге, сын сенатора; в 1918 г. окончил Александровский лицей; в 20-х гг. работал в НКВД, затем преподавал английский язык. В 1922 г. организовал общество манихеев, явившееся ответвлением Ордена розенкрейцеров («орионийцы»), в котором возглавлял капитул и руководил оккультными занятиями. Арестован 22.04.33 г., но Постановлением ОСО ОГПУ от 21.06.33 г. освобожден вместе с большинством арестованных, поскольку согласился стать секретным сотрудником ОГПУ-НКВД. Вторично арестован (по недоразумению) 04.05.40 г. в г. Сталинабаде, где работал преподавателем иностранных языков в Таджикском пединституте. Приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР 22.04.41 г. к 10 годам ИТЛ. По словам его вдовы Н.Б.Салько, не подтверждаемым документами, он умер в заключении в 1943 г.

³ *Шиповская Е.А.* Исповедь Рыцаря Света. М., 1998, с. 50.

⁴ Сидоров Алексей Алексеевич (1891—1978), род. в с. Николаевка Курской губ., историк искусства, член-корр. АН СССР; масон высоких степеней, розенкрейцер, тамплиер, мистик.

⁵ Подробнее о группе «Амаравела» см.: *Смирнов-Русецкий Б.* Творческий путь. СПб., 1992.

⁶ О нем см.: Русские писатели (1800—1917). Биографический словарь, т. 2. М., 1992, с. 238.

⁷ По состоянию на 27.08.1929 г.: Лемке Елена Владимировна, род. 04.09.1899 г. в Нижнем Новгороде, делопроизводитель-машинистка с 1918 по 1928 г. в Большом театре, затем в Центральной театральной кассе при Главискусстве; разведена: бывший муж — Исаев Леонид Львович, работник Большого театра СССР. Мать — Лемке Варвара Васильевна, род. в 1865 г., пенсионер; сестры: Соколова Варвара Владимировна, жена врача; Прокофьева Гали Владимировна (1884—1954), жена профессора Петровско-Разумовской академии; Есакова Татьяна Владимировна (1885—1962), зубной врач; Никитина Татьяна Владимировна, жена врача; Казакова Александра Владимировна, жена артиста; Бахрушина Надежда Владимировна, жена профессора. Подвергалась аресту в 1929, 1930 и 1933 г., показания отсутствуют; 15.04.33 г. поступает приказ дело на Лемке Е.В. прекратить [ЦА ФСБ РФ, Р-16756 (преж. 82073, 591417)] и в последующем она вызывается на Лубянку лишь как свидетель. Умерла 13.02.1953 г. в Москве [ЦА ФСБ РФ, Р-20632 (преж. 7445, 36253-44, 038980), л. 126].

⁸ Соколов Андрей Владимирович (псевдоним — Станислав Вольский) (1880—1943), род. в г. Клин Московской губ. Активный деятель революционного движения, журналист, публицист, писатель, издатель. В 1917 г. выступал против политики коммунистов; в 1918 г. уехал за границу, где выпустил книгу, обличающую большевиков. В 1920 г. нелегально вернулся в Россию, был арестован, судим, оправдан, после чего полностью отошел от политики и занялся журналистикой и писательской работой (см.: Деятели революционного движения в России.

Биобиблиографический словарь, т. 5, вып. 2. М., 1933, стб. 971-976). Арестован в 1936 г., но вскоре освобожден; вторично арестован 11.06.41 г. у брата в г. Солнечногорске как участник троцкистско-зиновьевской организации. Допрошен в Москве, затем переведен в Саратовскую тюрьму УНКВД. 18.09.41 г. Военный Трибунал войск НКВД Саратовской области приговорил А.В.Соколова к лишению свободы на 7 лет в общих местах заключения с последующим поражением в правах на 3 года. Находился в Сосвинских лагерях до конца января 1943 г., когда в результате болезней и общего истощения был «сактирован» и отправлен на поселение. Умер по дороге в тюремной больнице г. Свердловска (Екатеринбург) 25.02.43 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-31720 (преж. 2622, 047895), л. 168, 171-171 об].

⁹ Брызгалов Николай Александрович, из дворян, род. в 1886 г. в Москве; инженер-строитель, прораб Мосстроя ГУШОСДОР НКВД СССР (до 1941 г.), затем реставратор, помощник главного архитектора по реставрации Троице-Сергиевой лавры (1944), поэт-мистик. Арестован в 1948 г. одновременно с Д.Д.Дебольским, приговорен к 10 годам ИТЛ, после чего сведения о нем отсутствуют.

¹⁰ Ошибка следователя Исайкина: настоящая фамилия – Иваненко Людмила Евгеньевна, род. в 1890 г. в СПб., из дворян, образование высшее; ст. научный сотрудник НИИ № 6; муж – Иваненко Александр Владимирович, 1887 г. рожд., инженер Главнаба при Совнарком СССР; жена сына – Иваненко Анастасия Ивановна, 1915 г. рожд., врач в ВИЭМ; внук 5 лет; адрес – Москва, Малая Никитская д. 20, кв. 54.

¹¹ Сулла Николай Юрьевич (настоящее имя – Шумский Сергей Иосифович), род. в 1898 г. в с. Календорovo Одесского уезда; последний раз арестован 24.06.41 г. по адресу: г. Загорск, 2-й Бульварный пер., д. 2/17, где проживал его отец, Шумский Иосиф Константинович; до ареста работал педагогом школы взрослых при артели им. 20 лет РККА и в артели инвалидов «Художественная игрушка». Постановлением ОСО НКВД от 04.07.42 г. за а/с агитацию приговорен к 5 годам ИТЛ; реабилитирован 23.08.89 г. [ЦА ФСБ РФ, Р-39213 (преж. 2788, 052977, Н-16278)].

¹² Ларионов Александр Иларионович (1889–1955), род. в Москве; инженер-химик, поэт-символист, заведующий Хореологической лабораторией ГАХН, тесно связанный в 20-х гг. с кругом московских мистиков (А.А.Карелин, А.А.Сидоров, В.В.Белюстин, Е.К.Тегер, В.К.Чеховский и др.). В конце 30-х гг. – начальник бюро рационализации треста Химпром; в конце войны и позднее – научный сотрудник Музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

¹³ Примечательно, что хотя именно эти обвинения вписаны следователем Образцовым, который оформлял протоколы допросов В.И.Жданова в декабре 1941 г. в саратовской тюрьме НКВД № 1, сам Жданов в просьбе о своей реабилитации утверждает, что эти мысли и слова принадлежат не ему, а Д.С.Недовичу, который высказывал их в кругу общих знакомых осенью 1941 г. (ЦА ФСБ РФ, Р-19769, л. 72).

¹⁴ О ней рассказывает в своей книге В.М.Сидоров (*Сидоров В. Знаки Христа*. М., 1992).

¹⁵ Об этом см.: *Богомолов Н.А. Anna-Rudolf. // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм*. М., 1999, с. 23-110 и др.

¹⁶ Родионов Николай Сергеевич (1889–1960), урож. Москвы, русский, б/п, образование высшее; ответственный секретарь и редактор академического издания сочинений Л.Н.Толстого; жена – Родионова Наталья Ульриховна, урожд. Авранек (1886–1952), персональный пенсионер; сыновья – Родионов Сергей Николаевич, 1922 г. рожд., служит в Красной Армии, Родионов Федор Николаевич, 1925 г. рожд., служит в Красной Армии. В 1921 г. был арестован в числе членов Комитета помощи голодающим за невыполнение распоряжения ВЦИК в заключении находился один месяц. В 1941 г. служил в ополчении с июля по октябрь; адрес – г. Москва, Пушкинская ул. д. 4, кв. 40.

¹⁷ На самом деле – Шутова, поскольку как врач она сохранила свою девическую фамилию, указанную в дипломе.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдурахманов** Мустафа Сатдыкович, сотрудник Бухарского музея – 286
Абрам, анархист из группы Жебелева – 66
Авдиев Всеволод Игоревич (1898–1978), востоковед, египтолог – 76
Авраменко Ирина Николаевна, урожд. Проферансова (1906 – после 1936), дочь Н.И.Проферансова – 117, 123, 301
Агнивцев Николай Яковлевич (1888–1932), поэт – 152
Адамова Елена Георгиевна (1898 – после 1960), актриса эстрады, педагог – 6, 10, [16-17], 19, 24, 51, 67-68, 77, 79, 92, 97, 100, 106, 110, 112-113, 130, 132, 159, 161-163, 166, 169-170, 172
Азанчевский Серафим Васильевич, артист Театра Революции – 105
Азельчевский (см. Азанчевский С.В.)
Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), эсер и секретный сотрудник Департамента полиции – 158
Аксенова Лидия Николаевна, сестра Е.В.Власенко по матери, анархистка – 24, 64, 204, 206-208, 210, 212-214, 217-218, 220-221, 223
Александр Невский (1220/1221 – 1263), князь новгородский и владимирский – 176
Александров Анатолий Николаевич (1888–1982), композитор – 160
Алексеев, анархист – 120
Алексеев, знакомый Ф.Б.Ростопчина, анархист – 284, 287
Алексеева Екатерина Александровна (1898 – ?), служащая – 240
Алексиев Михаил, из Сергиева Посада – 129
Алмазов, анархист – 34
Алферов Валентин Васильевич (1892–1961), математик – 44, [45]
Алферов В.Н. (см. Алферов В.В.)
Амитин-Шапиро Залман Львович, сотрудник Бухарского госпединститута – 280, 286
Ананий Семенович, сотрудник НКГБ по связи с агентурой – 302
Андин Сергей Иванович, ссыльный анархист – 211
Андреев Александр Васильевич (1884 – после 1930), бухгалтер – 6-7, [19-20], 21, 25, 34-35, 64-66, 153, 162, 170-172, 195, 199, 211? 272
Андреев Андрей, анархист – 25
Андреев Михаил Степанович (1873–1948), востоковед – 283
Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна (1885–1951), помощник начальника СО ОГПУ – 219
Аникст Юрий, анархист – 11, 14-15, 173
Анисимова Вера Оскаровна, урожд. Станевич (1890–1967), писательница, переводчик – 44
Анисимова-Вульф Ирина Сергеевна (1906–1972), актриса – 55
Аносов Александр Иванович, брат Г.И.Аносова – 22
Аносов Григорий Иванович (1888 – после 1935), анархо-мистик – 6-7, 16-18, 21, [22-24], 25, 34, 43, 61-62 64, 66, 71, 79, 83, 86, 151-153, 162-164, 166-167, 171-172, 195, 199, 201, 209, 211, 272
Аносов И.И., товарищ министра в правительстве А.В.Колчака – 291
Аносов Иван Иванович, отец Г.И.Аносова, крестьянин – 22
Аносов Семен Иванович, брат Г.И.Аносова – 22

* Указатель содержит все имена, упоминаемые в архивно-следственных делах и в предвещающих публикации статьях, включая имена авторов литературных и научных произведений, кроме имен физических лиц, присвоенных организациям, предприятиям и т.п. В квадратных скобках [...] указано местонахождения биографической справки.

- Аносов** Сергей Григорьевич (1916 – после 1930), сын Г.И.Аносова – 23
Аносов Яков Иванович, брат Г.И.Аносова – 22
Аносова Анна Ильинична, мать Г.И.Аносова, домохозяйка – 22
Аносова Елена Григорьевна (1921 – после 1930), дочь Г.И.Аносова – 23
Аносова Клавдия Ивановна, сестра Г.И.Аносова – 22
Аносова Ю.М. (см. Проферансова Ю.М.)
Аносова Юлия Григорьевна (1922 – после 1930), дочь Г.И.Аносова – 23
Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978), поэт – 52
Антонович Василий Митрофанович, анархист в Туле – 66
Арватов Борис Игнатьевич (1896–1940), критик, партийный работник, искусствовед – 88
Аренская О.Ф. (см. Жолтовская О.Ф.)
Аренский Антоний Степанович (1861–1906), композитор, пианист – 303
Аренский Павел Антонович (1887–1941), поэт, писатель, востоковед – 8-10, 12, 51, 54-57, 59, 87, 92, 97, 101, 106-107, 109, 111-112, 115-116, 158-159, 161-162, 166-167, 183-184, 187-188, 193, 198, 232, 251, 262, [272-273], 275, 294, 296, [303], 324-325, 338
Аркавина Вера Яковлевна, ссыльная меньшевичка – 215
Аронсон, начальник 4 Отдела ГУТБ – 295
Архангельский Михаил Ювеналиевич (1894 – после 1930), воспитатель детского дома – 62-63
Аршинов Петр Андреевич (1887–1937?), историк Махновского движения, редактор «Голоса Труда» – 11, 223
Асикритов Михаил Данилович (1887–1969), физик, химик, экономист – 333-334, 336
Аскарлов (Аскарлов-Якобсон) Герман Карлович (1882 – после 1935), анархист – 6-7, 20-21, [25-26], 27, 128, 163, 170-172
Астангов (наст. фамилия – Ружников) Михаил Федорович (1900–1965), актер – 10, 54
Астромов-Кириченко Борис Викторович (1883 – после 1940), юрист, врач, масон – 333, 336
Атабеян Александр Моисеевич (1869–1933), анархист, издатель – 30, 66, 166
Аудер И.И., воспитательница Ф.Б.Ростопчина – 287
Афанасьева Зинаида Леонидовна, актриса – 110

Багиров Ефрем Джанович, замнач Мособлдортранса – 206
Багрянов Михаил Иванович, ссыльный анархист в Каргасоке – 247
Бадин, ссыльный анархист – 302
Баккара Эспер Эсперович, мистик – 315? 318-319
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), теоретик и практик анархизма – 13, 21, 25, 29, 35-37, 39, 42-43, 62, 64, 73, 78-79, 85, 102, 112, 117, 126, 142, 144, 146-148, 167, 174-175, 191, 197, 241
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, переводчик – 97
Барановский Петр Дмитриевич (1892–1990), архитектор-реставратор – 226
Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844), поэт – 159
Барков Александр Сергеевич (1873–1953), географ, действительный член АПН РСФСР – 10, [15], 51, 53, 88, 92, 97, 100, 112-113, 115, 132, 160-161, 168
Бармаш Владимир Владимирович, анархист – 20, 111, 127, 302
Барон, ссыльный анархист в Ташкенте – 205, 210, 215, 217
Батрак Константин Кириллович (1905–1933), студент 2-го МГУ – 62-63, 155, 239
Батюшков Павел Николаевич (1864–1932), переводчик, научный работник, теософ – 150
Баумен, автор книги «Новый мир. Проблема политической географии» – 120
Баутин Николай, толстовец – 120
Бахрушина Надежда Владимировна, сестра Е.В.Лемке, жена профессора – 342
Башкиров Кирилл Васильевич (Владимирович, Викторович), фитопатолог – 124
Беклешова Екатерина Терентьевна, урожд. Теодорович (1898–1977), художница, тамплиер – 201
Беленький Захар Давыдович, ссыльный в Петропавловске – 215
Белобжевский, учащийся школы им. Нансена – 239
Белоконь, оперуполномоченный 4-го отделения 3 Отдела 3 Управления НКГБ – 330-331
Белый Андрей (наст. имя и фамилия – Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934), писатель, мемуарист – 40, 44, 56, 117, 126, 149-152, 273, 276
Бельшев, следователь – 32

- Бельченко** С.С., начальник УКГБ при СМ СССР по Ленинградской обл. – 321
- Белюстин** Всеволод Вячеславович (1899–1943?), преподаватель иностранных языков, переводчик – 191, 271, 324, 333, 336, [342], 343
- Белякова** Лидия Петровна, жена И.С.Брешкова, учительница в г. Покрове Московской обл. – 301
- Бем** Александр Петрович, отец Д.А.Бема – 27
- Бем** Дмитрий Александрович (1880–1938), преподаватель математики в вузах – 6-8, 13, [27-28], 29-31, 41-43, 46, 62, 64, 67, 74-75, 106, 124, 133, 142, 152, 163-164, 166-167, 171-172, 174, 195, 199, 233-235, 238, 241, 245, 247, 253, 255, 257-262, 269-271, 273, 276, 278, 289, 293-294, 296, 300, 323
- Бем** Ольга Александровна, сестра Д.А.Бема (?), поэтесса, редактор в Детгизе – 27
- Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), философ – 175-176
- Берегова** Эмилия Карловна (1870 – после 1935), мать Е.В.Власенко, домохозяйка – 210, 214
- Бернацкая** Н.Г., первая жена Ф.Б.Ростопчина – 288
- Бернер** Сергей Борисович (ум. 1932), переводчик, редактор в издательстве «ЗиФ» – 10, 109
- Бернер** Софья Яковлевна, переводчица, жена С.Б.Бернера – 54, 109, 116, 275
- Бертельс** Евгений Эдуардович (1890–1957), востоковед – 304-305
- Бирман** Серафима Германовна (1890–1976), актриса и режиссер – 53, 152
- Благой** Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), литературовед – 111
- Благонравов** Аркадий Иванович (1898–1975), актер – 10, 51-53, 68, 75, 103-105, 112-113, 115, 132, 158, 160-161, 168
- Блаkitный** (см. Блаkitный-Эллан)
- Блаkitный-Эллан** (наст. имя и фамилия – Василий Михайлович Елланский) (1894–1925), укр. писатель – 210
- Бланки** Луи Огюст (1805–1881), фр. коммунист-утопист – 148
- Блинов** Иван Яковлевич (1887–1970), знакомый А.С.Поля – 110
- Блок** Александр Александрович (1880–1921), поэт – 40, 113
- Блюмин**, ссыльный анархист – 246
- Богатырев** Виктор Васильевич, антрополог в Ташкенте – 316, 319
- Богданов** П., ссыльный анархист – 302
- Богомолов** Александр Константинович (1889 – после 1930), врач, брат Н.К.Богомолова – 31
- Богомолов** Герман Константинович (1895 – после 1930), врач, брат Н.К.Богомолова – 31
- Богомолов** Николай Алексеевич, литературовед, критик – 127, 343
- Богомолов** Николай Константинович (1887 – после 1930), бухгалтер, анархо-мистик – 6-8, 11, 13, 21, 24-25, [31-32], 34-41, 69-71, 74, 111, 118-119, 121, 124, 162-164, 166-167, 170-172, 195, 199, 201, 209
- Богомолова** Елизавета Ивановна (1859 – после 1930), мать Н.К.Богомолова – 31
- Богомолова** Татьяна Николаевна (1924 – после 1930), дочь Н.К.Богомолова – 31
- Богословский** В.А., антрополог – 304-305
- Бодлер** Шарль (1821–1867), фр. поэт – 156
- Бокий** Глеб Иванович (1879–1940), один из руководителей ЧК-ОГПУ-НКВД – 7, 172
- Болотова** Антонина Онисимовна (1895–1980), сестра А.О.Солонович, бухгалтер – 239-240, 242, 296, 300, [301]
- Болотова** Нина Сергеевна (1907 – после 1937), сожительница А.А.Солоновича, пианистка – 241, 245, 247-248, 251-252, 255, 257-258, 296, [302]
- Борис Дмитриевич**, сотрудник НКГБ по связи с агентурой – 302
- Борисов** Сергей, из Сергиева Посада – 129
- Борисов**, член кружка Б.М.Власенко, анархист – 201, 209
- Бормотов** Александр Васильевич (1903 – после 1930), чертежник-конструктор – 6, 13-14, 70, 119
- Боровой** Алексей Алексеевич (1875–1935), теоретик анархизма – 11-12, 29-30, 73, 75, 79, 111, 126-127, 139-140, 144, 147, 208-209, 235, 238, 284-285, 287
- Брагинская** Лидия Аполлинариевна, урожд. Вишневская, певица – 187
- Брагинский** Александр Маркович, муж Л.А.Вишневской, режиссер – 187
- Брендстед** Михаил Михайлович (1891 – 1970 или 1971), журналист, анархо-мистик – 35, 252, 273, 275, 289
- Бренев** Евгений Евгеньевич (1914 – после 1930), сын Е.К.Бренева – 42
- Бренев** Евгений Константинович (1883–1938), преподаватель математики в вузах – 6-7, [41-42], 45-46, 71, 83, 86, 106, 153, 163, 166, 169, 171-172
- Бренев** Константин Поликарпович, преподаватель в гимназии, отец Е.К.Бренева – 41

- Бренев** Юрий Евгеньевич (1916 – после 1930), сын Е.К.Бренева – 42
Бренева Елизавета Константиновна (1885–1947), сестра Е.К.Бренева – 42
Бренева Лидия Емельяновна, мать Е.К.Бренева – 41
Бренева Лидия Константиновна, сестра Е.К.Бренева – 42
Бренева М.В. (см. Коваленская М.В.)
Брентано Франц (1838–1917), нем. философ – 146
Брешков Игорь Сергеевич (1913 – после 1942), техник-металлург – 238, 240-242, 296, [301]
Бромберг Иосиф Лазаревич, ссыльный анархист в Ташкенте – 205-206, 210
Бромлей Егор (Георгий) Эдуардович, адвокат – 16
Бромлей Надежда Николаевна (1889–1966), актриса – 53, 152
Бронштейн Яков, гимназист в Ялте – 134-137
Брызгалов Николай Александрович (1886 – после 1949), инженер-строитель, поэт и мистик – 327, 335-336, 339, [343]
Буланов Павел Петрович (1895–1938), секретарь Коллегии ОГПУ – 7, 172
Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940), писатель – 323
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, теолог – 175
Булинская Наталья Александровна (1907 – после 1938), метеоролог, жена А.А.Синягина – 310
Бурман, участник анархо-мистического кружка Ф.Б.Ростопчина – 289, 293
Буханевич Вадим А., свидетель по делу И.И.Шаревского – 236, 238
- Ваганов** Сергей Васильевич (1852–1932), специалист по коневодству, отец Ю.С.Ваганова – 205
Ваганов Юрий Сергеевич (1894–1959), преподаватель, инженер-механик – [216]
Ваганова Анна Сергеевна, урожд. Игнатъева (1858–1939), мать Ю.С.Ваганова, домохозяйка – 216
Ваграмов Федор Аркадьевич (1899–1967), драматург – 56
Вальчевский О. (см. Вильчевский О.)
Ван Гог Винсент (1853–1890), голл. Художник – 133
Ван-Ромлинг Эд[уард?], автор – 226
Вантроба, ссыльный троцкист в Каргасоке – 248
Василенко, ученица Студии Ю.А.Завадского – 110, 116
Васильев Всеволод Николаевич, муж Е.И.Васильевой, антропософ – 304-305, 310 (?), 315-316, 319
Васильев, начальник 4 отдела УГБ Бухарского сектора НКВД – 279-280, 286
Васильев, ссыльный анархист в Ташкенте – 205, 210
Васильева Елизавета Ивановна, урожд. Дмитриева (псевдоним – Черубина де Габриак) (1887–1927), поэтесса – 304, 319
Васильева Ефросиния Михайловна (ум. после 1956), первая жена Н.И.Проферансова – 117, 123, 125, 296, 301
Васильева Клавдия Николаевна, урожд. Алексеева (с 1931 г. – Бугаева) (1886–1970), жена А.Белого – 151, 304
Васильевы, знакомые Покровских по Москве – 96
Вассерберг Виктор, учащийся школы им. Нансена – 238
Васьков, редактор стенной газеты – 36
Ватсон (см. Астромов-Кириченко Б.В.)
Вахтангов Евгений Богратионович (1883–1922), актер, режиссер – 55-56, 58, 160
Вебер Георгий Карлович, административно-ссыльный в Каргасоке – 253, 257-258
Вегер, ссыльный анархист в Ташкенте – 205, 210
Векслер Людмила Филипповна (1909–1965), иранист-филолог, сотрудник ИВ АН СССР – 281
Великанова Александра Анатольевна, антропософка, знакомая Г.В.Гориневского и А.А.Синягина – 315-316, 319
Величко Александр Федорович (ум. 1929), начальник секции планового управления НКПС – 166
Веревин Федор Петрович (1899 – после 1970), инженер, оккультист – 28
Вересаев (наст. фамилия – Смидович) Виктор Викторович (1867–1945), писатель – 221
Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, переводчик, историк литературы – 191
Верховский Юрий Павлович (1891–1962), иранист-филолог, сотрудник ИВ АН СССР – 281
Викторов Александр Антонович, брат Л.В.Кафка, убит в Германской войне – 194
Викторов Юрий Антонович, брат Л.В.Кафка – 194
Вильчевский Олег, знакомый Ф.Б.Ростопчина – 294

- Винников** Исаак Натанович (1897–1973), арабист, филолог, этнограф, профессор ЛГУ – 281, 283
- Виноградов** Николай Глебович, лектор университета в Пятигорске – 120, 123
- Виноградская** Олимпиада Афиногеновна, учредительница гимназии–91
- Винокурова** Мария Антоновна, урожд. Викторова (1902 – после 1937), сестра Л.В.Кафки, домохозяйка – 194
- Вишневская** Е.А. (см. Поль Е.А.)
- Вишневская** Елена Ивановна, урожд. Махарина (1872–1957), певица, аккомпаниатор – 111
- Вишневская** Л.А. (см. Брагинская Л.А.)
- Вишневский** Аполлинарий Иосифович (1871–1940), певец, педагог – 111
- Владимирова** Л.П., антропософ – 304
- Владимиров** Михаил Андреевич (1903 – после 1930), агроном – 124, 168
- Власенко** Анастасия Ивановна (1875 – после 1936), мать Б.М.Власенко, домохозяйка – 203, 205
- Власенко** Борис Михайлович (1896 – после 1967), экономист – 4, 8, 24, 117, 149, 155, [200-203], 204, [205], 206, 210, 212, 215, 216-220, 222, 224
- Власенко** Всеволод Михайлович (1904 – после 1925), брат Б.М.Власенко, студент МВТУ – 203, 205
- Власенко** Евгения Владимировна, урожд. Берегова (1900–1960), жена Б.М.Власенко, химик – 4, 24, 149, 152, 200, 202-205, 207-209, [210], 212, 214, 216-222, 224, 227, 229, 235
- Власенко** Евгения Михайловна (1902 – после 1925), сестра Б.М.Власенко, служащая – 203
- Власенко** Михаил Иванович (1861 – после 1925), работник домоуправления – 203
- Вовк**, ссыльный анархист в Ташкенте – 205
- Водовозов** Николай Васильевич (1902–1977), преподаватель литературы – 6-8, [47], 48, 68, 100, 112, 115, 163, 171-172, 323
- Водовозов** Сергей Васильевич (1898 – после 1930), брат Н.В.Водовозова – 47
- Водовозова** Лидия Алексеевна, мать Н.В.Водовозова – 47
- Волгин** Вячеслав Петрович (1879–1962), историк – 118
- Волков** Геннадий Григорьевич (1901 – после 1937), секретный сотрудник ОГПУ – 232, 235-237, 245-247, 253, [300], 301-302, 323
- Володькин** С., анархист – 165
- Волошин** (наст. фамилия – Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, художник – 205, 324
- Вольский** Станислав (см. Соколов А.В.)
- Вольфсон-Любицкая** Фаина Александровна (1905 – после 1930), жена Г.А.Любицкого – 161
- Воробей**, надзиратель в Бутырках–182
- Воррингер** Вильгельм (1881–1965), нем. искусствовед – 75, 77
- Ворьханов** Сергей Павлович, студент Ин-та востоковедения – 50
- Воскресенская** Мария Николаевна, урожд. Смирнова (1889–1977), сестра Е.Н.Смирнова – 130
- Воскресенский** Василий Дмитриевич, зав. отделом в универмаге – 131
- Воцилин**, помещик в Орловской губернии – 26
- Врубель** Михаил Александрович (1856–1910), художник – 43, 68, 75, 97, 326
- Всеволодский**, помощник начальника 3 отделения 5 отдела 2 управления НКГБ СССР – 334
- Вульф** И.С. (см. Анисимова-Вульф И.С.)
- Высокинский**, начальник Бухарского сектора НКВД – 286
- Гаак** Ольга Николаевна (1907 – после 1935), племянница В.В.Бармаша, жена Г.К.Аскарова – [20-21]
- Габричевский** Александр Георгиевич (1891–1968), переводчик, искусствовед – 338
- Галлер** Иосиф (1873 – после 1920), польский генерал – 202
- Ганди** Мохандас Карамчанд (1869–1948), государственный деятель Индии – 36, 288
- Ганешин** В., участник анархо-мистического кружка Ф.Б.Ростопчина – 289, 293
- Ганешин** М., участник анархо-мистического кружка Ф.Б.Ростопчина – 289, 293
- Гараевская** Ирина Алексеевна – 31
- Гастев** Александр Капитонович (1882–1938 или 1941), поэт, ученый, директор ЦИТ – 207
- Гегель** Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ – 150, 336
- Гедеванова** Надежда–24
- Гельфандейн** Петр Саулович (1897 – после 1931), зав. опытным пунктом Сочинской станции – 96-97

- Гендельман** Елена Михайловна, анархистка – 238
Гендлин, заведующий издательством Рабсоюза – 48
Генко Анатолий Нестерович (1896–1941), лингвист, кавказовед – 281
Герасимов, ссыльный анархист – 211
Герасимчук Павел Петрович, анархист – 204, 207, 211-214, 217-218, 223
Гермоген (ок. 1530-1612), русский патриарх – 176
Герье Владимир Иванович (1837–1919), историк, директор Высших женских курсов в Москве – 79
Герье Софья Владимировна (1878–1953), филолог, переводчик, теософ – 56, 150
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. писатель – 326, 342
Геци Франческо, анархист – 214
Гиршфельд Беатриса Германовна, мать Ф.Ф.Гиршфельда – 48
Гиршфельд Гарри Федорович, брат Ф.Ф.Гиршфельда, инженер – 48
Гиршфельд Федор Эмильевич (ум. 1916), отец Ф.Ф.Гиршфельда, коммивояжер – 48
Гиршфельд Феликс Федорович (1904–1938), экономист, журналист – 6-8, 14, [48-49], 50-52, 54, 75, 92, 97, 100, 104, 109, 113, 115, 132, 152, 160, 163, 166-172, 191
Гиршфельд (Гиршфельд-Ренард) Эмиль Федорович (Теодорович) (псевдоним – Кио) (1894–1965), брат Ф.Ф.Гиршфельда, иллюзионист – 48-49
Гитлер (наст. фамилия – Шикльгрюбер) Адольф (1889–1945), нем. политический деятель – 180, 283, 336
Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/1875 – 1956), композитор – 97
Глинская Ольга Алексеевна, урожд. Назарова, сестра М.А.Назарова, домохозяйка – 243, 276
Голубков Федос, ссыльный анархист – 211, 213
Горбунов Николай Петрович (1892–1938), управделами СНК РСФСР, ректор МВТУ – 141
Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864–1940), писатель, издатель – 159
Гордеев, уральский рабочий, один из секретарей ВФАК – 34
Гордин Александр Моисеевич, знакомый Е.В.Власенко по Ленинграду – 212
Гордин А.Л., анархист – 127, 284
Гориневская Анна Яковлевна, мать Г.В.Гориневского – 262
Гориневская Валентина Валентиновна (1882–1953), хирург, сестра Г.В.Гориневского – 262
Гориневская Вероника Валентиновна (1887–1957), врач, сестра Г.В.Гориневского – 262
Гориневская Елена Васильевна, урожд. Черкаева (1891–1962), архитектор – 262, 236, 240, 267, 338-339
Гориневский Валентин-Болеслав Владиславович (1857–1937), профессор-медик – 262
Гориневский Владимир Георгиевич, сын Г.В.Гориневского – 262
Гориневский В.Г. (см. Черкаев В.Г.)
Гориневский Георгий Валентинович (1892–1966), архитектор – 62-64, 225, 232-233, 236, 240, 243-244, [262-263], 265-266, 268-270, 276, 278-279, 296, [299], 300-301, 305, 307, 309-313, 318-319, 321
Гориневский Дмитрий Георгиевич (1919–1945), инженер, сын Г.В.Гориневского – 262
Горностаев Николай Васильевич (1897 – после 1946), санитарный врач, муж Н.А.Никитиной – 94
Горностаев, оперуполномоченный 1 отделения СПО ГУГБ – 204
Горький Максим (наст. имя – Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель – 267
Градов, помощник начальника 2 отделения СПО ГУГБ – 242
Григорий Петрович, профессор Московской Консерватории – 50
Григорков, спецпрокурор – 73
Григоров Борис Павлович (1883–1945), экономист, антропософ – 151
Григорьев Валентин Филатович (1902–1941), помощник начальника 1-го отделения СПО ГУГБ – 219, 273
Григорьев, антропософ (см. Григоров Б.П.)
Гривевич Надежда Михайловна, знакомая А.С.Поля – 108
Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), писатель, литературовед – 43
Губерт Елизавета Петровна, урожд. Ануфриева (1894 – после 1933), жена М.В.Губерта, библиотечный работник – 41, 44, 266-268, 272
Губерт Михаил Владимирович (1888–1955), военный специалист – 251, 271, [272]
Губерт-Поспелова Вера Васильевна, урожд. Помельцова (1891 – после 1960), технический редактор, музыкальный педагог – 8, 21, 232, 251, 262, 272-273, 296, [302]
Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт и писатель – 33, 113

- Гусев** Николай Николаевич (1882–1967), историк литературы – 75
Гусейн-Заде Г.Г., переводчик советского консульства в Афганистане – 28
- Дадонова** Татьяна Владимировна, первая жена Б.А.Смирнова-Русецкого – 299
Данилин Петр Михайлович, преподаватель землеустроительного техникума – 203, 217
Дарюшин, второй муж А.А.Серковой, ссыльный анархист – 246-247, 253-254
Дебольская Т.А. (см. Шутова Т.А.)
Дебольский Диодор Дмитриевич (1892–1964), экономист, философ – 92, [93], 94, 96-98, 108, 179-180, 189, 325, 330, 334, 336-343
Дебольский Иван Диодорович (1917–1996), инженер, сын Д.Д.Дебольского – 93, 339
Дейкун Лидия Ивановна (1889–1980), актриса, режиссер – 10, 51-53, 68, 75, 100, 104-105, 108, 112-113, 115, 132, 160-161, 168
Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), поэт – 191
Демезер Павел Сигизмундович (1893 – после 1935), анархист – 305-306, 308-309, 312-314, 318, 321
Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант – 54, 202
Денисова Татьяна Алексеевна, урожд. Смирнова (1907 – после 1940), сестра Б.А.Смирнова-Русецкого – 299
Дешп М.Н., антропософ – 304
Дешевая Надежда Захаровна (1882 – после 1931), врач – 117, 124-125
Дзержинский Леонид Иванович, артист театра им. Россовега – 25
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), политический деятель, основатель ЧК-ОГПУ – 217
Дзядуминский, знакомый В.И.Сно по Ялте – 135
Дикий Алексей Денисович (1889–1955), актер и режиссер – 44, 149, 152
Диккенс Чарлз (1812–1870), англ. писатель – 120
Дмитриев Федор Диомидович (1873–1953), директор реального училища, доктор технических наук – 27
Дмитрий Донской (1350–1389), великий князь московский – 176
Доброхотов Михаил Николаевич, председатель треста московских гостиниц – 34
Долинин Е. (Долинин-Териан?) – 144
Долинин-Териан, секретарь ВФАК – 34
Домогацкая С.Н., антропософ – 304
Донде Абрам Моисеевич (1871 – после 1930), ст. ассистент кафедры математики в МВТУ – 44, [45]
Доре Гюстав (1832–1883), фр. график – 178
Дорогова Мария Вадимовна (1889–1970), медицинский работник, мистик – 112, 184, 191, 216, 272, 293-294, 324, 328, 333, 338, [342]
Драницына Софья Ивановна, урожд. Леонтьева (1885 – после 1939), сестра К.И.Леонтьева – 72
Древс Артур (1865–1935), нем. философ, историк раннего христианства – 341
Дрейман Екатерина Ивановна (1903 – после 1930), кассир – 168
Дрогалина Жанна Александровна, вторая жена В.В.Налимова – 234
Дроздецкий Павел Гаврилович (1903 – после 1937), следователь УНКВД ЛО – 306
Дубов Александр Епифанович, сослуживец Б.М.Власенко – 206
Дугин Федор Амбросиевич, бывший анархист – 66
Дурасова Мария Александровна (1891–1974), актриса – 53, 152
Дюлю Екатерина Николаевна (1865–1917), начальница женской гимназии – 76
Дюрер Альбрехт (1471–1528), нем. художник – 341
- Евгеньев** Борис Сергеевич, литератор – 326
Евстратова Александра Федоровна, артистка – 7, 10, 109-110, 116, 166, 168, 323
Егоров, работник Лентюрьмы – 310
Екимецкая Вера Павловна, начальница гимназии в Рязани – 93
Еленский, анархист из группы Жебелева – 66
Енукидзе Абель Сафонович (1877–1937), партийный деятель – 11, 55, 58, 141
Ермолов Василий Ефимович, анархист – 66
Ершов Алексей Никитич (1885–1942), прозаик, поэт, художник-макетист – 232, 244, 325-326, 329

- Ершова** Инна Захаровна, техник-архитектор, руководитель теософской общины – 96-97
Есакова Татьяна Владимировна (1885–1962), сестра Е.В.Лемке, зубной врач – 342
Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт – 23, 47
- Ждан**, бригадный военюрист – 317-318
Жданов Владимир Иванович (1889 – после 1954), инженер, мостостроитель – 28, 336, 343
Жебелев, анархист в Екатеринбурге – 65-66
Жемчужников Николай Николаевич (ум. 1927), присяжный поверенный, отец М.Н.Жемчужниковой
Жемчужникова Мария Николаевна (1899–1987), переводчик, мемуаристка, антропософ – 149, 194, 201, [203], 206, 209, 211, 214, 217, 219-220
Жилинский Андрей Матвеевич (Олека-Жилинскас Андриус) (1893–1948), актер, режиссер – 161
Жирмунская Елена Л., свидетель по делу И.И.Шаревского – 236, 238
Житц Мария Ивановна, начальница гимназии в Москве – 27
Жолтовская Ольга Федоровна, урожд. Пушечникова (1893–1962), первым браком за П.А.Аренским, вторым за В.С.Смышляевым, третьим за И.В.Жолтовским – 9, 54, 158, 160, 194
Жолтовский Иван Владиславович (1867–1959), архитектор – 54
Жохова Анна Георгиевна, знакомая Б.М.Власенко по Варшаве–212
Жук, председатель Тройки по чистке – 127
- Завадская** Вера Александровна (1895–1930), сестра Ю.А.Завадского, первым браком за П.А.Аренским, вторым за В.С.Смышляевым, киноактриса – 8-10, 12, [55-56], 57, 59, 78, 104, 109, 158-160, 184, 193–194, 198, 275
Завадская Вера Иосифовна, мать Ю.А.Завадского–55
Завадский Александр Францевич, отец Ю.А.Завадского – 55
Завадский Юрий (Георгий) Александрович (1894–1977), актер и режиссер – 6, 8-9, 15, 39, 53, 55-60, 67, 74, 83, 87, 97, 100, 106, 109, 111-112, 116, 149, 152, 160-163, 166, 171-172, 184, 189–190
Загорский Константин Константинович, работник Энергоцентра в Ташкенте – 210
Зайцев Владимир Николаевич, первый муж И.В.Покровской – 80, 95
Зайцев Петр Алексеевич, помгавначштаба – 80
Зарин П.И., муж Л.М.Мознайм – 210
Зарубин Н., помощник главного военного прокурора – 322
Захарина Вера Филипповна, сотрудник НИИ национальностей при ЦИК СССР – 281
Збруева Нина Павловна (1900 – после 1963), театральный педагог – 10, 109, 273, 275
Зегежда Вера, преподаватель немецкого языка в МВТУ – 44
Зеленина, библиотекарь Теософского общества в Москве – 150
Зеликович Ирина Семеновна (1900–1981), сестра Э.С.Зеликовича, библиотечный работник – 191
Зеликович Лидия Львовна урожд. Аронова (1900 – после 1931), жена Э.С.Зеликовича, делопроизводитель – 191
Зеликович Семен Маркович (1868 – после 1931), зубной врач – 191
Зеликович Эммануил Семенович (1896 – после 1965), преподаватель иностранных языков, литератор – 10, 14, 53-54, 109, 152, [191-192], 193-194, 197-199, 273-275
Земсков Адриан, полицейский провокатор – 125
Зенков Леонид Евлампиевич, лицо неизвестное – 120
Зильберг (он же – Зильбер) Семен Михайлович (1897–1937), анархист – 28, 233, 245, 247, 249-250, 258, 270, 296, 299
Зиновьев (наст. фамилия – Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936), политический деятель – 259, 283, 285
Зражевский Григорий Филиппович (1908 – после 1937), художник, ссыльный – 284-285, 281
Зубакин Борис Михайлович (1894–1938), поэт, скульптор, мистик – 9
Зубкин, помощник начальника УСО ГУГБ НКВД–220
Зюзина Мария Алексеевна, урожд. Назарова, сестра М.А.Назарова, домохозяйка – 243, 276
- Ивакинская** (наст. фамилия – Баркова) Гали Евгеньевна, урожд. Кламмер (1897–1960), актриса – 7, 10, [15], 51, 53, 68, 75, 87, 92, 96-97, 100, 103-105, 108, 112-115, 130, 132, 160-161, 168-169, 323

- Иван IV** Васильевич (1530–1584), царь и великий князь – 102, 164
Иван, анархист из группы Жебелева – 66
Иваненко Александр Владимирович (1887–1961), муж Л.Е.Иваненко, инженер–343
Иваненко Анастасия Ивановна (1915 – после 1944), жена сына Л.Е.Иваненко, врач – 343
Иваненко Людмила Евгеньевна (1890–1957), научный работник – 343, 327, 334-335, [343]
Иванов Борис, знакомый В.И.Сно по Ялте – 134
Иванова Александра, жена А.В.Прейсфренда, теософ – 96
Иванова Валентина, из Сергиева Посада – 129
Иванова Ольга, из Сергиева Посада – 129
Иванова-Нечаянная Ольга Константиновна (1893 – после 1936), педагог – 240, 243, [301]
Иванов-Ивин Алексей Алексеевич (1885 – после 1935), научный работник – [20]
Игнатьева Зинаида Григорьевна, жительница Бахчисарая – 207, 211, 213, 215, 217-218, 223
Извеков Борис Иванович (1891 – после 1936), математик – 311, 322
Иловайская Анна Ивановна, мать И.Н.Уйттенховен-Иловайской, стенографистка – 154
Иловайская И.Н. (см. Уйттенховен-Иловайская И.Н.)
Иловайская-Чумак И.Н. (см. Уйттенховен-Иловайская И.Н.)
Иловайский Александр Иванович, приемный брат И.Н.Иловайской–154
Ильин В., заместитель оперуполномоченного 1-го отделения СПО ГУГБ – 204
Ильин Георгий (Юрий) Дмитриевич (1905 – после 1953), техник-инженер – 6-7, [60-61], 62, 64, 92, 162-163, 170-172, 182, 235, 288, 292
Ильин Дмитрий Александрович (1872 – после 1930), отец Г.Д.Ильина, инженер – 60-61
Ильин Юрий (см. Ильин Г.Д.)
Ильина Вера Михайловна (1874 – после 1930), мать Г.Д.Ильина, библиотекарь – 60
Ильина Елена Дмитриевна (1909–1987), сестра Г.Д.Ильина, биолог – 61
Ильина Нина Георгиевна, дочь Г.Д.Ильина – 61
Иоф Берта Григорьевна, урожд. Пухович (1902 – после 1930), сестра В.Г.Ланг – 180, 183
Иоффе Вера, актриса – 48
Иоффе Иосиф Исаевич (1913 – после 1957), научный сотрудник НИИОПК Минхимпрома – 232, 235-236, [237], 239-242, 278
Ирась, работник «Правды Востока»–281
Исаев Леонид Львович, бывший муж Е.В.Лемке, работник Большого театра СССР – 342
Исайкин, допрашивал свидетелей по делу Д.С.Недовича – 343
- Казакова** Александра Владимировна, сестра Е.В.Лемке, жена артиста – 342
Камалов, директор музея в Бухаре – 281
Каменев (наст. фамилия – Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), политический деятель – 259, 285
Калинин Михаил Иванович (1875–1946), политический деятель – 217
Кардао, ссыльный анархист – 64
Карелин Аполлон Андреевич (1863–1926), командор Восточного отряда тамплиеров в России – 3, 8-11, 14, 17, 19-21, 23-25, 28-31, 34-37, 39, 41-42, 55-60, 69-70, 79, 83-85, 92-93, 95, 101, 103, 110, 116-119, 141-144, 146-147, 149, 151-152, 155-157, 164, 167, 173-175, 180, 183-184, 188-189, 195–196, 199, 201, 205, 208-209, 211, 214, 216-217, 241, 252, 262, 272-274, 284-285, 303, 307, 324, 327, 343
Карелин Михаил Андреевич, брат А.А.Карелина – 25
Карелина Евгения Фортунатовна, урожд. Вериги (ум. 1926), жена А.А.Карелина – 93
Карпентер Уильям (1813–1885), англ. естествоиспытатель – 176
Карташев, уполномоченный 3-го отд. ОО ОГПУ – 8
Катанян Рубен Павлович (1881–1969), зав. подотделом надзора за органами следствия и дознания ОГПУ – 7, 141, 172
Кауль Александр Иосифович (1887–1958), член Коллегии ОГПУ – 7, 172
Кафка Борис Вячеславович (1884 – после 1933), брат Л.В.Кафка – 194
Кафка Людмила Вячеславовна (1885–1966), историк, педагог – 14, 191-192, [194], 195, 197-199, 262, 272-273
Кафтanova Мария Николаевна, урожд. Любимова, (1908 – после 1930), сестра В.Н.Любимовой, врач – 78
Качалов (наст. фамилия – Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), актер – 161
Качкачева Лидия Сергеевна (1897–1953), жительница Москвы – 280
Кивелев, следователь УНКВД ЛО – 319

- Кин** (наст. фамилия – Суровкин) Виктор Павлович (1903–1937), писатель – 56
- Киреев**, летчик в Бутырской тюрьме – 54
- Киров** (наст. фамилия – Костриков) Сергей Миронович (1886–1934), политический деятель – 4, 20, 259, 267, 283, 294
- Кирпичников** Александр Александрович, инженер, теософ – 96
- Кирпичников** Иван Андреевич (1893–1956), директор авторемонтного завода – 206, 212
- Кирпичникова** Юлия Александровна, сестра А.А.Кирпичникова, врач, теософ – 96
- Кирре** Э.Р., помощник начальника 1-го отделения СО ОГПУ – 6, 21, 23, 37, 47, 111-112, 147, 163, 171, 183, 185-187, 192, 195-196
- Киселев** Николай Петрович (1884–1965), секретарь редакции «Мусает», сотрудник РГБЛ – 262, 335
- Киселев**, знакомый В.И.Сно по Ялте – 135-137
- Кистяковский** Владимир Александрович (1865–1952), физхимик – 120
- Клименкова** Надежда Степановна (1894–1973), антропософ, знакомая М.Н.Жемчужниковой
- Кобылинский** Лев Львович (псевдоним – Эллис) (1879–1947), поэт, переводчик, критик – 335
- Коваленская** Мария Викторовна, жена Е.К.Бренева, литературный переводчик – 41, 153
- Коваль-Самборская** Евгения Михайловна (1897–1938), близкая подруга О.С.Пахомовой, медик – 64
- Кожухов** Владимир Васильевич, анархист – 30
- Козьмин** Петр Алексеевич (1871–1936), знакомый В.Ф.Шишко, профессор МВТУ – 159
- Колов** Дмитрий Павлович, анархист в Алексине – 65-66
- Колосков** Григорий Алексеевич, работник Госиздата – 34
- Колосов**, драматург – 56
- Колчак** Александр Васильевич (1973–1920), гидролог, адмирал, полярный исследователь – 256
- Комаревский** Василий Михайлович (ум. 1942), математик, тамплиер – 8, 222, 248, 251, 266-267, 305, 307, 321
- Комаров** Сергей, в Алушке – 140
- Комиссаров** Борис, из Сергиева Посада – 129
- Комиссаров** Сергей, из Сергиева Посада – 129
- Кондратьев** Василий Иванович, ссыльный сектант – 247-248
- Копенко**, заводчик – 19
- Корнилов** Александр Александрович (1862–1925), историк, общественный деятель – 73
- Корнилов** Аркадий Петрович, отец П.А.Корнилова – 64
- Корнилов** Николай Аркадьевич (1905 – после 1930), брат П.А.Корнилова – 66
- Корнилов** Петр Аркадьевич (1885 – после 1930), бухгалтер – 6-7, 22, [64], 67, 71 162, 169, 171-172
- Корольков** Александр Ефимович (1883 – после 1930), преподаватель математики – 67
- Корольков** Владимир Ефимович (1880 – после 1930), инженер-преподаватель – 67
- Корольков** Павел Ефимович (1897–1937), библиотечный работник – 6, 8, 10, 47-48, 51, 53, [67], 69, 754-76, 78-79, 88, 92, 97, 100, 107-108, 110, 112-116, 132, 140, 152, 161-166, 168, 171-172, 193, 197-198, 248
- Королькова** Мария Карловна (1870–1962), сводная сестра Г.К.Аскарова – 26
- Коростелев** Борис Васильевич (1889–1941), инженер – 233, 240, 243-244, 277, 296-297, [300]
- Коростелев** Евгений Васильевич, брат Б.В.Коростелева – 300
- Коростелев** Николай Борисович, сын Б.В.Коростелева – 300
- Коростелев** Серафим Васильевич (1904–1957), брат Б.В.Коростелева – 300
- Коростелев** Сергей Васильевич, брат Б.В.Коростелева – 300
- Коростелева** Анна Алексеевна, жена Б.В.Коростелева – 300
- Коростелева** Анна Васильевна, сестра Б.В.Коростелева – 300
- Коростелева** Елизавета Васильевна, сестра Б.В.Коростелева – 300
- Корсунский** Михаил Абрамович, писатель-документалист – 183
- Корш** Федор Адамович (1852–1923), театральный деятель – 151
- Косов** Василий Филиппович, ссыльный анархист – 211, 213, 221
- Костомарова** Надежда Михайловна, врач-психиатр ВИЭМ, мистик – 336
- Костюшко** А.Ф. (1900–1947), военюрист 1-го ранга – 317
- Кочин** Николай Евграфович (1901–1944), механик и математик, академик – 311, 322

- Кочукова** Нина Борисовна (1903–1988), химик – 88, 94, 110
Краснокутский Василий Александрович, юрист, профессор – 8, 209, 213-214, 228, 251
Краснянский Эммануил Борисович (1891–1982), режиссер – 325
Крестовников, быв. владелец дачи – 97
Кретищенко Сергей Александрович, школьный товарищ А.С.Поля, военный преподаватель – 192–193, 198
Кривцов Борис – 50
Кропоткин Николай Александрович, адвокат, родственник П.А.Кропоткина – 29
Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), геолог, теоретик анархизма – 26, 28-30, 36, 38, 62-64, 66, 85, 117-118, 120, 126, 128, 143, 146-147, 155, 175, 199, 207, 233, 241, 270, 276, 290
Кропоткина Софья Григорьевна (1856–1941), вдова П.А.Кропоткина – 29, 118, 121, 166
Крулгов, анархист – 246
Круссер Екатерина Георгиевна, музыкант-педагог – 179
Кудрявцев, преподаватель МВТУ – 44, 106
Кудрявцевы, знакомые С.Р.Ляшука – 30
Кузнецов А.Н., уполномоченный 1-го отделения СПО ОГПУ – 6, 197, 199, 203-204, 209, 216, 219, 223
Кузнецов, следователь УНКВД ЛО – 320
Кузьменко Людмила Васильевна, пианистка в Харькове, теософ – 96
Кузьмич Дмитрий Васильевич (расстрелян в 1938 г.), заместитель главного редактора газеты «Гудок» – [49]
Кукулевич Анатолий Михайлович (1912 – после 1925), студент землеустроительного техникума – 239
Кукушкина Александра Михайловна, вторая жена Г.К.Аскарова – 26
Кулова Лидия, анархистка – 24
Кулова Липа (Олимпиада?), анархистка – 24
Кулова Надежда Николаевна, анархистка – 24
Куловы, анархисты – 24
Куньева Елена, административно-ссыльная в Каргасоке – 253
Кустова Клавдия Федоровна, соседка Г.И.Аносова – 23, 167
Кустова Мария Васильевна, соседка Г.И.Аносова – 23
- Лаврентьев** Алексей Лаврентьевич (1876 – после 1930), геофизик, преподаватель МВТУ – 44, [45]
Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980), математик и механик, преподаватель МВТУ – 44, [45]
Лагерлёф Сельма (1858–1940), шведская писательница – 31
Ладыженский Николай Алексеевич (1884 – после 1960), специалист по лекарственным растениям – 6, 13-14, 31, 36-37, 41, [69], 71, 117-119, 124, 163, 167-169, 171-172, 323
Лазимир Павел Евгеньевич (1891–1920), член Реввоенсовета Южного фронта – 182-183
Ланг Александр Александрович (1872–1917), поэт, мистик – 91
Ланг Вера Васильевна, урожд. Быльева (1871–1944), мать В.Р.Никитиной – 91, 94, 183
Ланг Виктория Григорьевна, урожд. Пухович (1906–1979), жена Ю.Р.Ланга – 92, 101, 179, 183
Ланг Николай Робертович (1900–1962), востоковед, экономист – 30-31, 48-50, 52-54, 61-64, 68, 85, 92-97, 99, 105, 107, 140, 152, 159, 166, 170, 180, 182-183, 192, 234, 251, 265, 271, 338
Ланг Роберт Александрович (1877–1904 г.), служащий – 91
Ланг Юрий Робертович (1901–1947), инженер связи – 50, 92, 97, 101, 134-136, 138, 140, 178, 183
Ланшина Татьяна Николаевна (1899 – после 1937), биолог, анархистка – 211, [212], 217, 223
Лапекин, изобретатель особой системы стенографии – 308
Ларионов Александр Илларионович (1889–1954), поэт, инженер, работник Музея Л.Н.Толстого – 333, 336, [343]
Лебедев Александр Васильевич (1895 – после 1930), первый муж В.Д.Лебедевой-Лиорко – 130
Лебедев А.Д., антропософ – 304-305
Лебедев Н.А., оперуполномоченный 3 отделения 2 Отдела УББ НКВД – 118
Лебедев Николай Константинович (1879–1934), географ, сотрудник Музея П.А.Кропоткина – 29-30, 53, 62, 118

- Лебедева Екатерина – 24
Лебедева-Лиорко В.Д.(см. Пришвина В.Д.)
Лебедевы–25
Левашова, тетка Г.Д.Ильина – 60
Левин А., муж В.Я.Аркавиной, ссыльный в Петропавловске – 215
Левкиевский Евгений Петрович, работник окрплана в Ташкенте – 210
Легат Нина Сергеевна (1903–1982), балерина – 110
Лемке Варвара Васильевна (1865 – после 1944), мать Е.В.Лемке, пенсионерка – 342
Лемке Елена Владимировна (1899–1953), машинистка – 325, 327, 329, 335-336, [342]
Ленин (наст. фамилия – Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель – 34, 55, 82, 102, 146, 165, 176, 290
Лентулов Аристарх Васильевич (1882–1943), художник – 79
Леонович Василий Викторович (псевд. – Ангарский) (1875–1932), революционер, литератор – 30
Леонович-Ангарский (см. Леонович В.В.)
Леонтьев Иван Михайлович (1856 – после 1930), отец К.И.Леонтьева – 71
Леонтьев Константин Иванович (1889 – после 1960), экономист – 6, 8, 50-51, 53, 67, [71-73], 74-75, 77, 92, 97, 100, 104, 110, 112, 116, 152, 162-163, 166, 168-169, 171-172
Леонтьева Надежда Алексеевна, урожд. Шиманович (1898 – после 1965), жена К.И.Леонтьева, хореограф – 6, 8, 10, 71-73, 75, [76], 77, 92, 98, 110, 116, 160, 162-163, 166, 169, 171-172
Лесков Николай Семенович (1831-1895), писатель – 92
Лессман Людвиг Антонович, фотограф в Харькове, теософ – 96
Либакон Михаил Вадимович (1889–1953), актер, театральный художник – 152
Лимчер Ксения Федоровна, урожд. Пушечникова (1893–1973), жена Л.Ф.Лимчера – 159, 161, 184
Лимчер Леонид Федорович (1888–1952), врач, полярник – 108, 159, 161
Линцер, машинистка – 45
Лисецкая Е.Ф., тетка Т.Г.Фессинг – 140
Лобанов Андрей Михайлович (1900–1959), актер – 54
Лобода Наталья Митрофановна (1887 – после 1931), учительница – 6, 14, 120
Ловкий, заводчик–19
Логачева Ольга Федоровна, мачеха В.В.Налимова – 301
Лойола Игнатий (1491-1556), основатель ордена иезуитов – 165
Лондон Джек (наст. имя – Джон Гриффит) (1876–1916), америк. писатель – 79
Лопухин Борис Александрович, присяжный поверенный – 178, 183
Лопухин Юрий Александрович, товарищ прокурора Московского окружного суда – 178, 183
Лузин Николай Николаевич (1883–1950), математик – 29
Лукьянчиков Александр, ссыльный анархист в Ташкенте – 210, 213
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), общественный и партийный деятель – 203
Львова (наст. фамилия – Лезерсон) Вера Константиновна (1898–1985), актриса – 54, 194
Любарская, антропософ – 319
Любарский, антропософ в Ташкенте – 316, 318
Любимов Алексей Николаевич (1898 – после 1930), брат В.Н.Любимовой – 78
Любимов Валентин Николаевич (1908 – после 1930), брат В.Н.Любимовой, красноармеец – 78
Любимов Иван Николаевич (1894–1961), брат В.Н.Любимовой, служащий Торгфлота – 78
Любимов Николай Дмитриевич (1865 – после 1930), отец В.Н.Любимовой, пенсионер – 78
Любимов Сергей Николаевич (1905 – после 1930), брат В.Н.Любимовой – 78
Любимова Варвара Николаевна (1901 – после 1936), библиотечный работник, машинистка – 6-7, 13, 51, 54, 62, 68, [77-78], 79, 92, 107, 110-112, 116, 140, 161-164, 166, 169, 171-172, 192-198
Любимова Надежда Тимофеевна (1871 – после 1930), мать В.Н.Любимовой, домохозяйка – 78
Любимова Наталья Николаевна (1906 – после 1930), сестра В.Н.Любимовой, библиотекарь – 78
Любицкая Фаня (см. Вольфсон-Любицкая Ф.А.)
Любицкий Георгий Александрович (1894 – после 1930), химик-фотограф – 6, 51-52, 62, 68, 97-98, 100, 113, 115, 132, 134, 159, 160-161, 167, 169, 171

- Любовирская** Анна Константиновна, урожд. Богомолова (1901 – после 1930), сестра Н.К.Богомолова, работник киностудии – 31
- Любомудров** Марк Николаевич, театровед – 55
- Любченко** Панас Петрович, председатель СНК УССР – 210
- Лясс** (Лясс-Кудинова) Берта Альбертовна (1898–1959), артистка эстрады – 110, 161
- Ляшук** Анна Романовна (1883 – после 1937), сестра С.Р.Ляшука – 268
- Ляшук** Роман Онуфриевич (1852 – после 1920), педагог, отец С.Р.Ляшука – 268
- Ляшук** Сергей Романович (1887–1869), преподаватель теоретической механики в вузах – 30, 43-46, 83, 106-107, 231, 234-235, 251, 263-265, 267, [268], 269, 271, 278, 294, 296, 300, 321
- Ляшук** Татьяна Павловна, урожд. Боброва (1893–1972), жена С.Р.Ляшука – 268
- Ляшук** Юлия Васильевна, урожд. Проневская, мать С.Р.Ляшука – 268
- Магнушевский** Леопольд, знакомый В.И.Сно по Ялте – 137-138, 140
- Мадзини** Джузеппе (1805–1872), ит. политический деятель – 148
- Мазюк**, дивизионный военюрист – 318
- Май** Виктор Аркадьевич, сотрудник НКВД в Баку – 281, 294
- Майдель** Елена Богдановна (она же – Германовна) (1904–1971), знакомая Д.С.Недовича – 337-340
- Макаров** Н.И., оперуполномоченный 4 Отдела ГУГБ – 286-287, 291, 294-295
- Маккаи**, автор – 205
- Маклецов**, студент МВТУ – 42, 143
- Максим**, знакомый В.И.Сно по Ялте – 137
- Максимова** Надежда Ивановна, знакомая В.И.Сно по Ялте – 133, 135, 137
- Маленков** Георгий Максимилианович (1902–1988), государственный и политический деятель – 320
- Мальшев**, лектор Народного университета в Пятигорске – 120
- Мальшева** И.М. (см. Садовникова-Мальшева И.М.)
- Манейско** Александр Петрович (ум. 1939 г.), следователь УНКВД ЛО – 306, 310, 319-321
- Мардаровский**, уполномоченный СПО УГБ НКВД по СК – 226
- Марк**, анархист из группы Жебелева – 66
- Марков** Николай Васильевич, знакомый А.С.Поля – 110
- Маркс** Карл (1818–1883), экономист, основоположник марксизма – 49, 111, 146, 148, 174
- Марр** Николай Яковлевич, лингвист – 281
- Марр** Софья Михайловна, вдова профессора Ю.Н.Марра – 281
- Марр** Юрий Николаевич (1893–1935), иранист, сын академика Н.Я.Марра – 281
- Мартье** Ивонна (1900 – после 1030), первая жена Г.К.Аскарова – 26
- Марциновская** Янина Ивановна (1887 – после 1935), антропософ – 318-319
- Масперо** Гастон Камиль Шарль (1846–1916), фр. египтолог – 175
- Масютин** Василий Николаевич (1884–1955), художник, книжный график – 336
- Матвеев** Дмитрий, из Сергиева Посада – 129
- Матулевич** И., корпусной военюрист – 317-318
- Махно** Нестор Иванович (1888–1934), руководитель анархо-крестьянского движения – 145
- Мацейно**, свидетель по делу А.А.Синягина – 310
- Медников** Борис, биолог – 238
- Медынцев** Константин Николаевич, бакуинец – 27, 128
- Мекк** Николай Карлович фон (1863–1929), инженер, председатель О-ва Московско-Казанской ж.д. – 166
- Менжинский** Вячеслав Рудольфович (1874–1934), с 1919 по 1934 г. возглавлял органы ЧК-ОГПУ – 203
- Мессинг** Станислав Адамович (1890–1937), заместитель председателя Коллегии ОГПУ – 7, 172
- Метнер** Александр Карлович (1877–1961), композитор – 160
- Миндель** Раиса, административно-ссыльная в Каргасоке – 253
- Минцлова** Анна Рудольфовна (1865–1910), переводчик, мистик – 337
- Миртов**, неизвестный – 119
- Михайлов** В., анархист – 174
- Михин** Михаил Павлович, антропософ, знакомый А.Белого
- Мишустин**, помощник начальника 2 отделения УСО ГУГБ НКВД – 220
- Мознайм** Любовь Моисеевна, профуполномоченная в Бюро ВЦСПС – 210

- Мокринский** Матвей Степанович (1882–1937), ссыльный – 28, 142, 233-235, 245, 247-253, [256], 257-260, 262, 270, 276, 296, [299], 300
- Молокин** Александр Георгиевич, гражданский инженер в Харькове, теософ – 96
- Молокина** Вера Александровна, жена А.Г.Молокина, домохозяйка, теософ – 96
- Молчанов** Георгий Андреевич (1897–1937), начальник СПО ГУГБ – 219
- Моравский** Евгений З[ахарович? Зиновьевич?] – 144
- Моцарт** Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор, пианист – 157
- Муралов** Николай Иванович (1877–1937), военный деятель до 1925 г. – 118
- Муссолини** Бенито (1883–1945), итальянский диктатор – 283
- Мюллер**, автор – 276
- Надежда Николаевна** (см. Нотгафт Н.Н.)
- Надсон** Семен Яковлевич (1862–1887), поэт – 126
- Назаров** Михаил Алексеевич (1889–1937), бухгалтер-экономист – 232, 236, 238-245, 262-265, 267, 269-271, 273, [276], 279, 289, 293-294, 296-298, 300, 321, 325, 339
- Назаров** Сергей Михайлович, брат отца М.А.Назарова – 276, 297
- Назарова** Александра Алексеевна, сестра М.А.Назарова – 276, 243, 297
- Назарова** Екатерина Алексеевна (1891 – после 1957), сестра М.А.Назарова, машинистка – [276]
- Назарова** Надежда Никаноровна (1894 – после 1938), жена М.А.Назарова, преподаватель музыки – 276, 243, 298
- Налимов** Василий Васильевич (1910–1996), математик, химик – 234-236, 238-242, 245, 276, 278, 295-296, 300, [301], 302-303
- Налимов** Василий Петрович (1897–1939), отец В.В.Налимова, профессор МГУ – 301
- Налимова** Ирина Васильевна, сестра В.В.Налимова – 301
- Налимова** Надежда Васильевна, сестра В.В.Налимова – 301
- Наль** Анатолий Миронович (1905–1970), актер, режиссер – 152
- Нарбут** Владимир Иванович (?) (1888–1944), поэт, издательский работник – 30
- Наумов**, заместитель начальника Учетно-архивного отдела УКГБ ЛО – 322
- Недович** Дмитрий Саввич (1889–1947), филолог, искусствовед, переводчик – 4, 27, 88, 96-97, 101, 161, 232, 240, 242-244, 272, 277-278, 297-298, 323, 325-326, 329-330, [333-334], 335-337, 339-343
- Недович** Елизавета Юльевна, урожд. Зубова (1867–1929), мать Д.С.Недовича, теософ, антропософ – 334-335
- Недович** Леонид Дмитриевич (1916–1985), сын Д.С.Недовича, певец – 334, 341
- Недович** Николай Дмитриевич (род 1925), сын Д.С.Недовича, архитектор – 334
- Недович** Савва Иванович (1848–1894), горный инженер, отец Д.С.Недовича – 333
- Нейман** Борис, анархист из Сергиева Посада – 129
- Нейман** Наум, анархист из Сергиева Посада – 129
- Нейштадт** Владимир Ильич (1898–1959), поэт, переводчик, литературовед – 43
- Немлихер**, сотрудник резерва ГУГБ – 291, 294
- Нератов**, анархист – 134
- Никитин** Александр Петрович (1864–1915), отец Л.А.Никитина, городской судья – 79
- Никитин** Андрей Леонидович, историк – 15, 80 150, 220, 300
- Никитин** Дмитрий Васильевич, геолог в Ленинграде – 62
- Никитин** Иван Никитич (ок. 1690–1742), художник – 326
- Никитин** Леонид Александрович (1896–1942), театральный художник – 6-12, 16-18, 41, 43-44, 48, 50-54, 56-58, 60, 67, 71-72, 75-77, [79-80], 82-84, 86, 89, 91, 94, 96–97, 99, 101, 103-107, 109, 111-116, 132-133, 138, 140, 144, 152, 159-164, 166-169, 171-172, 177-184, 187-190, 196-198, 211, 232, 238, 244, 271-275, 278, 325-330, 332-333, 336-340
- Никитина** Вера Робертовна, урожд. Ланг (1897–1976), жена Л.А.Никитина, мемуаристка – 6-8, 14-15, 17, 48, 51, 61, 72, 76, 80, 82, [91], 92-93, 96-97, 99, 101, 104-105, 108, 133-134, 138, 140, 159, 163, 168, 170-172, 177, 182, 187–190, 196, 211, 273, 338
- Никитина** Мария Васильевна, урожд. Шиловская (1877–1944), мать Л.А.Никитина – 7, 79, 94, 97, 159, 161, 178, 180, 183, 326, 332
- Никитина** Нина Александровна (1894–1942), сестра Л.А.Никитина, стенографистка, медсестра – 6, 8, 51, 67, 76, 79, [93-94], 95, 97, 99, 105, 159, 161-163, 166, 170, 172, 178, 181-183, 196, 211
- Никитина** Софья Васильевна, первая жена Н.Н.Русова – 126

- Никитина** Татьяна Владимировна, сестра Е.В.Лемке, жена врача – 342
Никифорова Мария Григорьевна (1883 или 1885–1919), анархистка – 34
Николаев Леонид Васильевич (1904–1934), инструктор Ленобкома, убийца С.М.Кирова
Николаева Мария Гавриловна, гражданская жена А.В.Андреева – 20
Николаева Римма Николаевна (1893–1937), скульптор – 264, 266-267, 291, 293-294, 305-312, 315-319, 321
Николин Н. (см. Богомоллов Н.К.)
Ниледер Владимир Оттонович (1883–1965), искусствовед, переводчик – 41, 45, 72-74, 152
Нина Алексеевна, участница собраний у А.О.Солонович – 267
Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ – 153, 287
Новиков Василий Миронович, знакомый З.С.Поповой – 197
Новикова Александра, жена В.М.Новикова, знакомая З.С.Поповой – 197
Новикова Евгения Лазаревна, урожд. Позина (1902 – после 1931), сестра З.Л.Позиной, домохозяйка – 195, 209
Носке Густав (1868–1946), нем. министр, социалист – 165, 171
Нотгафт Надежда Николаевна, урожд. Авенариус (ум. в начале 50-х гг.), антропософ – 8, 24, 50, 152, 211, 219, 312-313, 321
- Оборин**, анархист – 217
Образцов, ст. следователь следчасти 3 Управления НКВД СССР, лейтенант ГБ – 343
Огиевич Мария Степановна, тетка С.Р.Ляшука – 268
Огильви, профессор в Пятигорске – 123
Огнев (наст. фамилия – Розанов) Михаил Григорьевич (1888–1938), писатель – 56
Озаровская Ольга Эрастовна (1874–1938), фольклорист – 16
Оливницкая Анна Афанасьевна, домохозяйка в Ялте – 134
Олонцкий, ссыльный анархист в Ташкенте – 205, 210
Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, академик – 282
Оримо А.Л., актер–152
Орлова Вера Георгиевна (1894–1977), третья жена П.А.Аренского – 13, 51, 92-93, 97, 106, 116, 183, 187, 303
Орлова Екатерина Антоновна, урожд. Викторова (1896 – после 1937), сестра Л.В.Кафка, домохозяйка – 194
Орлова Любовь Петровна (1902–1975), актриса – 183
Орочко Анна Алексеевна (1898–1965), актриса – 105
Орочко О.Л. (м.б., Орочко А.А.?)
Осадчий, допрашиватель – 69
Осмеркин Александр Александрович (1892–1953), художник – 79
Остров М.И., анархист – 111, 147
- Павел**, ум. ок. 65 г. н. э., апостол – 39
Павлов Александр Федорович, антропософ – 149
Павлов, ссыльный анархист в Ташкенте – 205
Павлов Н.И. (он же – Петров), быв. член Моссовета – 34, 38
Пальмов Михаил Михайлович (1907 – после 1936), поэт, библиотекарь – 134, 215-216, 240
Пальчинский Петр Акимович/Иоакимович (1875–1929), деятель в области техники – 13, 30, [31], 38, 147, 158, 166
Панафидин Георгий Андреевич (1901 – после 1928), работник пожарной охраны – 216
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, переводчик – 342
Пастухов Александр Сергеевич (1897 – после 1931), математик – 6, 62, 111, 144, 146, 174
Пасько Татьяна в Харькове, теософ – 96
Пахомова Ольга Степановна (1903–1986), бухгалтер, анархо-мистик – 6, 12, 61-64, 186–198, 235-236, 238-239, 241
Перетяткович Анна Ивановна, жена Б.Г.Перетятковича, теософ – 96
Перетяткович Богдан Грацианович, теософ – 96
Пермяков Григорий, крестьянин с. Каргосок – 248, 261
Перов Виктор Васильевич, из Сергиева Посада – 129
Петров Сергей Николаевич, знакомый А.В.Уйттенховена, старый большевик – 154
Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958), антропософ, переводчик, научный сотрудник ГБЛ – 151, 335

- Печенкин**, бывший кассир сахарного завода – 66
- Пешкова** Екатерина Павловна, урожд. Волжина (1876–1965), в 1918–1937 гг. возглавляла Московский Комитет помощи политическим заключенным – 183, 213, 221, 239
- Пикунов** Виктор Сергеевич (1900–1984), лесничий, тамплиер – 129, 170, 201, 209, 225
- Пикунов** Петр Павлович (ум. после 1941), двоюродный брат Вик. С.Пикунова – 62, 64
- Пильстрем** Максимилиан Густавович, пианист в Харькове, теософ – 96
- Пиоро**, административно-ссылный в Каргосоке – 257-258
- Писарчик** Антонина Константиновна (1907–1995), этнограф, востоковед – 283
- Плешакова** Антонина Васильевна, жена Ф.Ф.Гиршфельда – 49
- Плешакова** Вероника, падчерица Ф.Ф.Гиршфельда – 49
- Плиген** Наталья Оскаровна, переводчица – 45
- Плинер-Соколов**, анархист-набатовец – 302
- Подвойский** Николай Ильич (1880–1948), политический деятель – 80
- Позин** Лазарь Маркович (1866 – после 1931), отец З.Л.Позиной, инспектор коммунального хозяйства – 195
- Позина** Александра Соломоновна (1866 – после 1931), мать З.Л.Позиной, домохозяйка – 195
- Позина** Зинаида Лазаревна (1896 – после 1936), научный работник – 14, 191, 194, [195], 196-199, 209, 214-215
- Позина** Софья Лазаревна (1892 – после 1931), сестра З.Л.Позиной, фармацевт – 195
- Позина** Фаня Лазаревна (1893 – после 1931), сестра З.Л.Позиной, счетовод – 195
- Покровская** Анна Сергеевна (1886–1976), мать И.В.Покровской – 95
- Покровская** Екатерина Ивановна, урожд. Леонтьева (1884 – после 1941), сестра К.И.Леонтьева, учительница – 72
- Покровская** Елена Владимировна (1910–1983), студентка МВТУ им. Баумана, сестра И.В.Покровской – 95, 97
- Покровская** Ирина Владимировна (по второму мужу – Понтер) (1906–1995), пианистка-аккомпаниатор – 6-7, 67, 76, 92, 94, [95], 97-99, 112, 161, 163, 166, 168-172
- Покровская** Нина Константиновна (1907 – после 1949), первая жена С.А.Солоновича – 201, 215, 301
- Покровский** Владимир Александрович, архитектор, отец И.В.Покровской – 95
- Покровский** Владимир Константинович (1908 – после 1937), брат Н.К.Покровской – 143, 242, [301]
- Покровский** Константин Васильевич (1872 – после 1930), отец Н.К.Покровской, архивный работник – 301
- Поливанова** Надежда Дмитриевна, библиотекарь – 110, 116
- Полоз**, революционный деятель Украины – 210
- Поль** Александр Сергеевич (1897–1965), экономист, преподаватель западноевропейской литературы в вузах – 6-8, 10, 13, 16, 43-44, 47-48, 51-52, 54-55, 57, 68, 74-76, 79, 83, 86, 88, 89, 92, 94-95, [98], 99-101, 103-104, 106-108, 110-112, 130, 160-161, 163-164, 166-172, 181, 183-189, 191–193, 196–198, 223, 273-275, 323-324, 328, 330, 336, 338-339
- Поль** Елена Аполлинариевна, урожд. Вишневская (1901–1993), в первом браке за А.С.Подем, вторым за П.А.Шиповским, педагог вокала, мемуаристка (см. также Шиповская Е.А.) – 6, 8, 10, 55, 76, 89, 97-99, 106, [111-112], 113-116, 130, 132, 160-163, 166, 169, 171-172, 181, 187, 193, 198, 273-275, 324
- Поль** Инна Александровна, урожд. Хамина (1867–1936), мать А.С.Поля, библиотечный работник – 98
- Поль** Сергей Федорович, отец А.С.Поля, актер – 98
- Поляков** Григорий, анархист – 240
- Поляков** Лазарь, анархист – 240
- Поляков**, уполномоченный НКВД – 236
- Полянский**, старший следователь 2 отделения 11 Отдела 2 Управления НКГБ СССР – 341
- Попов** Борис Семенович (1899 – после 1931), брат З.С.Поповой, эмигрант – 196
- Попов** Виктор Семенович (1903 – после 1931), брат З.С.Поповой, горный инженер – 196
- Попов** Владимир Семенович (ум. 1921), брат З.С.Поповой – 196
- Попов** Леонид Семенович (ум. 1914), брат З.С.Поповой – 196
- Попов** Николай Семенович (1893–1983), брат З.С.Поповой, врач – 196
- Попов** Семен Иванович (1864 – после 1931), отец З.С.Поповой, священник – 196
- Попов** Павел Сергеевич (1892 – после 1930), сотрудник музея Л.Н.Толстого – 74-75

- Попова** Зинаида Семеновна (1898 – после 1931), машинистка – 14, 191–192, 194, [196], 197-199
- Попова** Марианна Васильевна (1868 – после 1931), мать З.С.Поповой, домохозяйка – 196
- Порошин** Виктор Арсеньевич, работник Гидрометеорологического управления при Наркомземе СССР – 205, 214
- Порошин** Сергей Николаевич, работник Узбгосплана – 205
- Порошина** Ольга Алексеевна, жена В.А.Порошина, экономист – 205, 214
- Поспелова** В.В. (см. Губерт-Поспелова В.В.)
- Постникова** Елена Васильевна (1903 – после 1930), статистик – 168
- Постовский**, психиатр – 297
- Почандо**, директор механического завода № 5 – 212
- Прейсфренд** Александр Владимирович, инженер в Харькове, теософ – 96
- Пришвина** Вера Дмитриевна, урожд. Вознесенская (по матери – Лиорко) (1889–1979), первым браком за А.В.Лебедевым, вторым за М.М.Пришвиным – 130
- Прокопенко** Осанна Христофоровна (1897 – после 1956), учительница – 245, 247-248, 251, 257-258, 260, 296, [302]
- Прокопишин** Андрей Матвеевич, бухгалтер Бухарского музея – 286
- Прокофьева** Гали Владимировна (1884–1954), сестра Е.В.Лемке, жена профессора Петровско-Разумовской академии – 342
- Проскуряков**, начальник 1-го отделения СПО УГБ НКВД по СК – 229-230
- Протопопов** Дмитрий Николаевич, востоковед – 281
- Проферансов** Георгий (Юрий) Николаевич (1911–1938), сын Н.И.Проферансова, геолог – 117, 236, 238, 240-242, 279, 296, [301]
- Проферансов** Николай Иванович (1885–1934), научный работник – 6, 8, 13-14, 16-18, 24, 31, 33, 39-40, 42-43, 70-71, 83, [117-118], 119-126, 151, 155, 163-164, 166-167, 171-172, 174, 176-177, 198, 201, 206, 209, 211, 217, 236, 266, 288, 293-294, 301, 312-314, 321
- Проферансова** Е.Н. (см. Спрингас Е.Н.)
- Проферансова** Е.М., урожд. Васильева (см. Васильева Е.М.)
- Проферансова** И.Н. (см. Авраменко И.Н.)
- Проферансова** Мария Георгиевна, мать Н.И.Проферансова – 117
- Проферансова** Юлия Митрофановна, урожд. Бутусова, первым браком за Г.И.Аносовым, вторым за Н.И.Проферансовым – 17-18, 23, 43, 117, 123
- Пулькин**, красноармеец – 288
- Пушечникова** О.Ф. (см. Жолтовская О.Ф.)
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, писатель – 159, 221
- Пшеничников** Николай Сергеевич (ум. 1955), военный врач – 130
- Пшеничникова** Лидия Николаевна, урожд. Смирнова (1893–1979), сестра Е.Н.Смирнова – 130
- Пятаков** Георгий Леонидович (1890–1937), политический и гос. деятель – 285
- Пятницкий**, участник вечеринки в Студии Ю.А.Завадского в 1926-27 гг. – 159
- Радек** (наст. фамилия – Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), политический деятель – 285
- Раева** Софья Николаевна (1902 – после 1930), член «Ордена Рыцарей Духа» – 124
- Раевский** (см. Раева С.Н.)
- Разумова** Вера Михайловна, знакомая А.С.Поля – 108
- Разумова** Ольга Николаевна, урожд. Русова, сестра Н.Н.Русова – 126
- Рапоф** Борис Евгеньевич, театровед – 304-305
- Рапопорт** Иосиф Матвеевич (1901–1970), актер – 10, 54
- Ратомский**, в Ялте – 136, 138
- Ратгэль** Н.И. (см. Ратгэль Н.И.)
- Ратгэль** Николай Иосифович (1875–1938), начальник Всероссийского Главштаба – 287
- Рахманинов** Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист – 97
- Рахманов** Николай Николаевич (1892–1964), композитор МХАТа 2-го – 159
- Рембрандт** Харменс ван Рейн (1606–1669), голл. художник – 326
- Ремизов** Алексей Михайлович (1877–1957), писатель – 10
- Ренчицкий** Петр Николаевич (1874–1941), пианист – 95
- Рерих** Николай Константинович (1874–1947), художник, писатель, путешественник – 299, 324-325, 330-332
- Римский-Корсаков** Игорь Владимирович (1900–1937), анархо-мистик – 206, 208, 211, 217

- Римский-Корсаков** Николай Андреевич (1844–1908), композитор–97
Рогдаев Николай Игнатьевич, анархист – 127, 174, 214
Родионов Николай Сергеевич (1889–1960), редактор сочинений Л.Н.Толстого – 337-338, [343]
Родионов Федор Николаевич (1925 – после 1944), сын Н.С.Родионова – 343
Родионова Наталья Ульриховна, урожд. Авранек (1886–1952), жена Н.С.Родионова – 343
Розе Николай Владимирович (1890 – после 1937), геофизик – 322
Розенберг Рудольф Карлович (1886 – после 1937), преподаватель немецкого языка и литературы – 110
Розенталя Ксения Владимировна, жена проф. Н.Н.Розенталя – 282
Розенталя Николай Николаевич (1892–1960), историк – 267, [268], 282
Романов Николай Николаевич (1856–1929), великий князь – 176
Ронский Сергей Михайлович, выпускник Государственного института слова – 47
Ростопчин Борис Викторович (1866 – после 1937), отец Ф.Б.Ростопчина – 279
Ростопчин Георгий (Юрий) Борисович (1896 – после 1937), брат Ф.Б.Ростопчина, юрист – 284
Ростопчин Федор Борисович (1904–1938), востоковед-иранист – 4-5, 232, 235, 264, 267, [279], 280, 283-287, 290-291, 294-296, 304-311, 318-319, 321
Ростопчина Мария Васильевна (1868 – после 1937), мать Ф.Б.Ростопчина – 282
Руденко Роман Андреевич (1907–1981), с 1953 г. генеральный прокурор СССР – 142, 233, 301
Румянцев Павел Иванович (1894–1962), оперный певец – 110
Русов Николай Николаевич (1884 – после 1942), литератор, анархист – 6, 49, [126-127], 163, 170-172
Русова Анна Николаевна, сестра Н.Н.Русова – 126
Русова Татьяна Николаевна (1916 – после 1930), дочь Н.Н.Русова – 126
Рутковский Анатолий Федорович (1894–1943), помощник начальника I отделения СПО ОГПУ – 23, 199
Рутковский Дмитрий Константинович, технорук авторемонтного завода – 212
Рыковская Ольга Карловна, библиограф и переводчик – 282
Рытавец Евгений Логинович, отец И.Е.Рытавцева – 128
Рытавец Илья Евгеньевич (1901–1974), преподаватель математики в школе – 6-7, 13, [128-129], 130, 132-133, 163, 170-172
Рытавец Николай (Арсений?)Евгеньевич, брат И.Е.Рытавцева–128
Рытавцева Анна Алексеевна, мать И.Е.Рытавцева – 126
Рытавцева Евгения Евгеньевна, сестра И.Е.Рытавцева–128
Рязанов Давид Борисович (наст. имя – Давид-Симхе Зельман Беров Гольдендах) (1870–1938), политический деятель, академик – 30, 148
Саблин Игорь Владимирович (1898–1979), редактор издательства «Недра» – 41, 45
Савранская Татьяна Леонидовна (ум. 1988), дочь певца Л.Ф.Савранского, художница – 92-93, 97, 101, 189
Садовников Виктор Иванович (1886–1964), певец – 10, 50, 105, 110, 161
Садовникова-Мальшева И.М., пианистка – 105, 159-160
Саенко Георгий Нестерович (1902 – после 1937), начальник СПО УГБ НКВД по Северному краю – 226, 229
Сажин Михаил Петрович (1845–1934), народник, сподвижник М.А.Бакунина, муж В.Н.Фигнер – 27, 61
Сазонов В.М., уполномоченный I-го отделения СО ОГПУ – 6, 20, 57, 127
Сайдходжаев, начальник Узбэнергоцентра – 205
Салмин Филипп Кириллович (1897 – после 1930), учитель, анархист – 64
Салько Наталья Борисовна (ум. после 1996), жена В.В.Белюстина, искусствовед – 342
Самарская В.Г. (см. Ланг В.Г.)
Самарская Елена Григорьевна, урожд. Пухович (1903–1942), служащая – 6, 12, 50-51, 53-54, 62, 92, 97, 101, 104-105, 112, 116, 134, 140, 152, 180, 194, 196-198
Сандомирский Герман Борисович, анархист – 34, 38, 166
Сахаров Николай Васильевич (1893–1966), преподаватель МВТУ – 43-46, 83
Сац Игорь Александрович (1903–1980), секретарь правления издательства «ЗИФ» – 153
Сбруева Н.П. (см. Збруева Н.П.)

- Сезанн** Поль (1839–1906), фр. художник – 68
- Семенов** Александр Александрович (1873–1958), востоковед, тюрколог – 282
- Семенов** Николай Иванович, студент – 133
- Семеновская** Александра Даниловна, знакомая К.И.Леонтьева – 77
- Семеновский**, старый большевик – 24
- Сент-Ив д’Альвейдр**, маркиз Жозеф-Александр (1842–1909), фр. оккультист – 175
- Сеня** Ф., бежавший из Германии во Францию, анархист – 213, 221
- Сергеев** Виктор, ссыльный анархист в Каргасоке – 247, 254-255
- Серкина** Анастасия Александровна (1899 – после 1936), вторым браком за Дарюшиным, агроном – 246-247, 253-254
- Сидоров** Алексей Алексеевич (1891–1978), историк искусства – 112, 184, 324-328, 332-333, 335-336, 342
- Сидоров** Валентин Митрофанович (1932–1999), поэт, очеркист – 342-343
- Сизов** Михаил Иванович (1883–1956), биофизик, переводчик, антропософ – 8, 12, 14, [15], 28, 56, 191, 194, 201, 206, 209, 211, 219, 262, 272, 294, 335
- Симонов** Рубен Николаевич (1899–1968), актер и режиссер – 54, 107, 189
- Синягин** Алексей Аркадьевич (1905–1938), метеоролог – 4, 232, 266-267, 279, 288, 293-294, 304-307, 309, [310-311], 312-315, 317-318, 320-322
- Синягин** Аркадий Алексеевич (1878 – после 1937), отец А.А.Синягина – 310
- Синягин** Кирилл Аркадьевич (1909 – после 1937), брат А.А.Синягина – 310, 314
- Синягина** Зинаида Андреевна (1882 – между 1954 и 1957), мать А.А.Синягина – 310-311, 320-322
- Скоропадский** Павел Петрович (1873–1945), политический и государственный деятель – 66
- Скудра** Екатерина, студентка землеустроительного техникума – 239
- Смирнов**, муж О.Н.Смирновой – 160
- Смирнов** Алексей Алексеевич (ум. 1938), отец Б.А.Смирнова-Русецкого – 299
- Смирнов** Б.А. (см. Смирнов-Русецкий Б.А.)
- Смирнов** Владимир Иванович (1887–1974), математик, академик – 311, 322
- Смирнов** Евгений Николаевич (1891–1937), преподаватель математики в вузах – 6, 8, 10, 47-48, 50-53, 57, 68, 74, 76, 86, 98-101, 103-194, 106, 108, 110, 112, 114, 116, [130-131], 132, 160-163, 166, 168-169, 172, 184
- Смирнов** Михаил Алексеевич, ссыльный анархист в Каргасоке – 252
- Смирнов-Русецкий** Борис Алексеевич (1905–1993), ученый металлург, художник – 232, [299], 325, 327-328, 330-333, 342
- Смирнова** Екатерина Анатольевна, урожд. Русецкая (1875 – после 1941), мать Б.А.Смирнова-Русецкого – 299
- Смирнова** Н.А., теософ в Москве – 150
- Смирнова** Ольга Николаевна, певица в кружке МОЗО – 160
- Смирнова** Татьяна Дмитриевна, урожд. Сумарокова, (1902–1959), первым браком за Е.Н.Смирновым, вторым – за А.С.Полем, библиотечный работник – 76, 98, 130, 184-186
- Смоленцева** Александра Ивановна (1905–1988), жена И.Е.Рыгавцева, художница – 6-7, 13, 128-129, [132], 133, 162-163, 169, 171-172, 181-182
- Смоленцева** Зинаида Арсентьевна, урожд. Щеглова (1887–1967), мать А.И.Смоленцевой – 132
- Смоленцева** Нина Ивановна (1907–1968), сестра А.И.Смоленцевой – 132
- Смышляев** Валентин Сергеевич (1891–1936), актер и режиссер – 8-10, 13, 15, 39, 41, 44, 51-54, 56-60, 68, 72, 83, 86-87, 92, 94, 100, 103-106, 109, 111, 132, 149, 152, 158-159, 160, 166-167, 184, 190, 193-194, 198, 206, 272-275, 325
- Смышляева** О.Ф. (см. Жолтовская О.Ф.)
- Смышляева-Аренская** (см. Жолтовская О.Ф.)
- Сно** Владимир Иванович (1901 – после 1936), фотограф – 6, 105, [133-134], 140, 163, 168, 171-172, 240, 251
- Сно** Е.П., мать В.И.Сно – 134
- Сно** Иван Ф., отец В.И.Сно, чиновник – 133-134
- Соколов**, глава «Свободной трудовой церкви» – 126
- Соколов** Андрей Владимирович (псевд. – Станислав Вольский) (1880–1943), писатель, переводчик – 326, 331-332, [342], 343
- Соколов** Петр Дмитриевич, ссыльный анархист – 64
- Соколов** Юрий Матвеевич (1889–1941), фольклорист – 16

- Соколов**, начальник 3-го отделения Учетно-Архивного отдела УКГБ ЛО – 322
- Соколова** Варвара Владимировна, сестра Е.В.Лемке, жена врача – 342
- Соколовский**–107
- Соловьев** Владимир Сергеевич (1853–1900), философ и поэт – 41, 76, 176
- Соловьев** Сергей Михайлович (1885–1942), поэт и переводчик – 41, 45, 76
- Солонович** Агния Онисимовна, урожд. Болотова (1888–1937), жена А.А.Солоновича, машинистка – 8, 21, 25, 29, 34-35, 39, 43, 61, 67, 141-142, 155, 206, 208-209, 211, 219, 233-235, 237-245, 248, 251-255, 261-267, 269-273, 275-279, 294, 296-299, [300], 301, 321, 325, 335, 339
- Солонович** Александр Николаевич, полковник-артиллерист, отец А.А.Солоновича–141
- Солонович** Александра Константиновна, мать А.А.Солоновича–141
- Солонович** Алексей Александрович (1887–1937), преподаватель математики в вузах – 6, 8, 10-11, 13-14, 17, 20-21, 24-27, 29-31, 34-39, 41-46, 50, 52-54, 56-57, 59-64, 66-72, 74-75, 78-79, 83, 86, 92-95, 97-98, 102, 106-108, 110-111, 113, 118-119, 121, 124, 126, 128, 138-139, [140-143], 144, 146-148, 150-151, 155, 159, 161-175, 188, 191–193, 195–199, 201, 209, 211, 216-217, 231-238, 240-242, 245-263, 265, 268-277, 288-289, 292-296, 299-300, 302, 307, 321, 327
- Солонович** Алексей Алексеевич (1918 – после 1941), сын А.А.Солоновича – 142
- Солонович** Екатерина Александровна (1894 – после 1949), сестра А.А.Солоновича, врач – 142
- Солонович** Надежда Александровна (1892 – после 1937), сестра А.А.Солоновича – 142, 267, 294
- Солонович** Сергей Алексеевич (1907–1975), сын А.А.Солоновича – 6, 142-143, 215, 238-239, 242, 276, 298-299
- Солонович** Татьяна Алексеевна (1923–1947), дочь А.А.Солоновича – 142
- Солопов** Михаил Георгиевич, из Сергиева Посада – 50, 129, 194, 197, 201, 209
- Сорокин** Федор Данилович, ссыльный эсер – 214-215
- Спаринапте** Андрей Константинович (1893–1937), мастер по игрушкам, антропософ – 305, 310-311, [315], 316, 319-321
- Спасская** Софья Гитмановна, урожд. Каплун (1901–1962), жена С.Д.Спасского, скульптор, антропософ – 305
- Спасская-Каплун** С.Г. (см. Спасская С.Г.)
- Спиваковский** Аркадий Леонидович (ум. 1938 г.), главный редактор газеты «Гудок» – [49]
- Спрингас** Елена Николаевна, урожд. Проферансова (1907 – после 1956), геолог, дочь Н.И.Проферансова – 117, 301
- Сталин** (наст. фамилия – Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), политический деятель – 145, 180, 290, 317
- Станевич** В.О. (см. Анисимова В.О.)
- Станиславский** (наст. фамилия – Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), актер, режиссер, театральный деятель – 54-56
- Станицын** (наст. фамилия – Гёзе) Виктор Яковлевич (1897–1976), актер и режиссер – 152
- Стейнгис** Е.Н.(см. Спрингас Е.Н.)
- Стеклов** (наст. фамилия – Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941), публицист, историк – 21
- Степаненко**, артист – 110
- Степанов** Сергей Иванович, (1892 – после 1933), экономист – 66, 216
- Столяров** Михаил Павлович (1888–1937), философ, литератор, антропософ – 44, 151
- Стоюнина**, начальница гимназии – 15
- Страхова** Д.Д., знакомая Д.А.Бема – 28
- Стрижкова** Клавдия Тихоновна, вторая жена Н.Н.Русова – 126
- Струщенко** Николай Афанасьевич, работник Бухарского музея – 286
- Судиловская**, сестра Г.К.Аскарова – 26
- Судиловская** Ангелина Михайловна (1903–1976), племянница Г.К.Аскарова – 26
- Судиловская** Евгения Михайловна (1908–1983), племянница Г.К.Аскарова – 26
- Судиловский** Лев Михайлович (1906 – после 1935), племянник Г.К.Аскарова, инженер – 26
- Сулержицкий** Дмитрий Леопольдович (1903–1969), художник-макетист – 325
- Сулла** Николай Юрьевич (наст. имя – Шумский Сергей Иосифович) (1898 – после 1941), педагог – 327, 329-330, 338-340, 342, [343]
- Сурменева** Ольга Никаноровна, сестра Н.Н.Назаровой, преподаватель музыки в Консерватории – 276

- Сухоручкина** Нина Васильевна, служащая в Харькове, теософ – 96
Сушкевич Борис Михайлович (1887–1946), актер и режиссер – 53, 152
Сысоев Сергей Александрович, административно-ссылный – 247
- Тавровский**, начальник 1-го отделения СПО УГБ НКВД по Крыму – 223
Тагор Рабиндранат (1861–1941), индийский писатель – 110
Тарабукин Николай Михайлович (1889–1956), искусствовед – 88, 92, 96-97, 166
Тарасевич Иван Юлианович/Юльевич (1871–1941), профессор-психиатр – 297
Тарасюк, ссыльный анархист в Ташкенте – 210
Таратута Александр Григорьевич (наст. имя – Овсей-Меер Гершкович) (1879–1937), анархист – 209, 215, 217
Таратута Ольга Ильинична (наст. имя – Элька Гольда Эльева), урожд. Рувинская (1876 – после 1938), анархистка – 215, 217
Тардов Владимир Геннадиевич (1879–1938), иранист, историк, экономист, журналист – 282
Тарле Игорь Александрович, племянник историка Е.В.Тарле – 236, 238-239
Татаринов Владимир Валерьянович, инженер в Батуми – 123
Тверымов Павел, анархист – 34
Тегер Евгений Карлович (1890 – после 1941), анархист, оккультист – [24-25], 30, 343
Тезиков Сергей В., анархист из Сергиева Посада – 129, 225
Терехин Роман, знакомый В.И.Сно – 135
Тигранов, ссыльный – 267
Тимм Борис Владимирович (ум. 1939), третий муж Е.Г.Самарской, антифашист – 183, 197
Тимохин Степан Алексеевич, дворник – 65, 67
Тихон (Беллавин Василий Иванович) (1865–1925), патриарх – 130
Толпыга Б.В., заместитель председателя СНК Туркменской ССР – 205, 210-211
Толстой Лев Николаевич (1829–1910), писатель – 35, 39, 74, 93, 126, 153, 159, 175, 343
Толь Владимир Петрович, художник Бухарского музея – 286, 291
Торквемада Томас (ок. 1420–1498), глава испанской инквизиции – 102, 165
Травникова Зинаида Дмитриевна (ум. 1929), начальница гимназии в Москве – 27, 33
Трофимов Владимир, большевик – 135
Трофимов Владислав – 135
Троцкий (наст. фамилия – Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940), политический деятель – 28, 283, 285
Тужилкин Сергей Сергеевич, муж Т.Н.Ланшиной, ссыльный – 212
Тупинг, свидетель на суде над К.И.Леонтьевым – 72-73
Тур, братья (наст. имена: Тубельский Леонид Давыдович [1905–1961] и Рыжей Петр Львович [1908–?]), писатели
Тюрин/Тюлин, один из секретарей ВФАК – 34
- Ужви** Евдокия Михайловна (1901 – после 1930), жена Н.К.Богомолова – 31
Уйттенховен Александр Владимирович (1897–1966), художник, поэт, писатель – 4, 6-7, 20, 25, 50, 60, 64, 67, 92, 129, [148-150], 152, 154-155, 162-163, 169, 172, 201, 208-209, 213-215, 217-218, 222, 224, [225], 226-230, 273, 294, 329-330, 338-339
Уйттенховен Антонина Карловна, мать А.В.Уйттенховена, учительница – 148, 225
Уйттенховен-Иловайская Ирина Николаевна, урожд. Иловайская (1904–1995), первым браком за А.В.Уйттенховеном, переводчик, поэт, мемуарист – 6-7, 13, 21-22, 25, 29-30, 35, 38, 43, 60, 111, 117, 120, 124, 145, 147-150, [154-156], 157-158, 162-164, 166, 168, 170-172, 213, 211, 289-290, 293-294
Уланова Галина Сергеевна (1909/1910 – 1998), балерина – 56
Усманов, сотрудник Бухарского музея – 286
Усов Виктор, член анархистского кружка А.А.Солоновича – 288, 292
Успенский Леонид Васильевич (1888 – после 1937), профессор юридического ф-та в Самарканде – 305, 307, 309
Устинов П.А., зампред УзбВСНХ – 205
Устинов, директор завода в Ташкенте – 210
Ушакова Лидия Алексеевна, урожд. Назарова (1888–1965), сестра М.А.Назарова, бухгалтер – 243, 276
Уэллс Герберт Джордж (1866–1946), англ. писатель – 52

- Фарер Клод** (наст. имя – Фредерик Шарль Эдуар Баргон) (1876–1957), фр. писатель – 43
Федоренко Александр Яковлевич, агроном – 286
Федоров, ссыльный анархист – 302
Федулова Е., участница анархо-мистического кружка Ф.Б.Росточина – 289, 293
Фессинг Татьяна Георгиевна (1892–1965), сотрудница МГУ – 139
Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), шлссельбуржанка, писательница – 27, 29, 144, 221
Филипп II (1527–1598), исп. Король – 164
Филиппов Владимир Александрович (1889–1965), историк театра, педагог – 16
Фиолетов, анархист в Москве – 248
Фисун Петр Артемьевич (1902 – после 1930), служащий, анархист-набатовец – 296, [302]
Фиттрат Абдурауф, джадит и назир просвещения Бухарской СНР – 282-283
Фишлев-Раевский, анархист в Москве – 238
Флоренский Павел Александрович (1882–1937), математик, священник, богослов – 149, 329, 336
Флоринский Петр Яковлевич, знакомый Н.Ю.Суллы-Шумского – 329
Фомин, оперуполномоченный 4 отделения 3 Отдела 3 Управления НКГБ – 327-328
Фомина Е., сослуживица В.И.Сно по МГУ – 140
Фон Мекк Н.К. (см. Мекк Н.К.)
Фролов Василий Федорович, священник из старообрядцев, ссыльный в Каргасоке – 245, 248-249, 257-259, 262, 302
Фролов, товарищ председателя Горного общества в Пятигорске – 123
- Хархардин Иван Васильевич**, анархист – 20-21, 24, 34, 121, 144, 166, 251, 301
Хаские, сестры – 50
Хашимов Рахим, аспирант АН СССР – 283
Хлебников Велимир (наст. имя – Виктор Владимирович) (1885–1922), поэт – 159
Холин, в Ялте – 136, 138
Христос (Иисус Христос) (ок 4 г. до н.э. – ок. 30 г. н. э.), основатель христианства – 12, 20, 31, 39-40, 74, 80, 174-175
Христофорова Клеопатра Петровна (ум. 1934), руководитель московского оккультного кружка – 335
Хруцкий, начальник Особого отдела в Пятигорске – 123
Худoley Владимир С., анархист – 15, 24, 34, 128, 144, 166, 302
- Царевич Сергей Александрович**, работник газеты «Комсомолец Узбекистана» – 282
Цвейг Арнольд (1887–1968), нем. писатель – 120
Церетелли Георгий Васильевич (1904–1973), востоковед, семитолог – 283
Цивцивадзе И.В., начальник Мособлдортранса – 206
Цукерваник Рахиль Платоновна, секретарь редакции Бюллетеня «Пресса Среднего Востока» – 280-281
- Чага Яков Трофимович** (1880 – после 1930), народный учитель – 6, 13-14, 117, 120-121, 123, 125, 167
Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор – 97
Чебан (наст. фамилия – Чебанов) Александр Иванович (1886–1954), актер, режиссер – 152
Чекин, анархист из Сергиева Посада – 25, 129, 201, 209
Чемасова Евгения, ссыльная анархистка – 211
Челпанов Георгий Иванович (1862–1936), психолог и логик – 50
Чепцов А., генерал-лейтенант юстиции – 299
Черевков Михаил Степанович, художник – 238
Черкаев Всеволод Георгиевич (1923–1990), химик, сын Г.В.Гориневского
Черкаева Е.В. (см. Гориневская Е.В.)
Черкаева Инна Сергеевна, мать Е.В.Гориневской – 262
Чернов Евгений Александрович, редактор художественного отдела издательства «ЗиФ» – 45
Черный Лев (наст. имя – Павел Дмитриевич Турчанинов) (1878–1921), анархист – 26
Чертков, анархист, знакомый Н.К.Богомолова – 34
Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936), сотрудник Музея Л.Н.Толстого, толстовец – 75
Чехов Михаил Александрович (1891–1955), актер, режиссер, педагог, мемуарист – 8-9, 55, 149, 152, 159-160

- Чичигошин** Ананий, крестьянин с. Каргасок – 257
Чуйкевич, жительница Ялты – 137
Чурилин Тихон Васильевич (1885–1946), писатель – 20
- Шаревский** Ион (Иосиф) Исаакович (1911–1937), биолог – 235-239, 241, 245-247, 250-251, 253-255, 275-276, 278-279, 296, [300], 301
Шварцман Лев, учащийся школы им. Нансена – 238
Шебалин Михаил Петрович (1857–1937), народоволец, заведующий Музеем П.А.Кропотника – 29
Шебелевский, корреспондент Н.В.Водовозова – 47
Шевелев, начальник 12 отделения 1 Спецотдела НКВД СССР – 298
Шевчук, анархист – 275
Шекспир Уильям (1564–1616), английский поэт и драматург – 153
Шеффер Мария Георгиевна (1896–1954), жена П.Е.Лазимира – 183
Шийрон Август Петрович (1891–1937), заместитель начальника УНКВД по СК – 226, 230
Шиловская Эмилия Леонидовна (1884–1952), двоюродная тетка Л.А.Никитина, драматическая актриса – 88, 92, 94, 96-97
Шиловский Игнатий Васильевич (1882–1960), брат М.В.Никитиной, инженер – 94
Шиманович Александр Алексеевич (1909 – после 1940), шурин К.И.Леонтьева – 72, 76
Шиманович Евгения Алексеевна, вторая жена К.И.Леонтьева – 72, 76
Шиманович Леонид Алексеевич (1895–1957), рабочий на заводе – 76
Шиманович Михаил Алексеевич, аккомпаниатор – 76
Шиманович Софья Александровна, мать Н.А.Леонтьевой – 76
Шиповская Елена Аполлинариевна, урожд. Вишневская (1901–1993), первым браком за А.С.Полем, вторым за П.А.Шиповским; педагог вокала (см. также Поль Е.А.) – 14-15, 98, 131, 342
Шиповский Павел Алексеевич (ум. 1960), виолончелист, второй муж Е.А.Шиповской – 112
Шишкин Василий Афанасьевич (1893–1966), археолог и востоковед – 280
Шишко Александра Федоровна (1853 – после 1930), мать В.Ф.Шишко – 158
Шишко Алексей Федорович, брат В.Ф.Шишко, электротехник – 158
Шишко Валентина Павловна (1901 – после 1930), жена В.Ф.Шишко, машинистка-стенографистка – 1, 333, 336-58
Шишко Владимир Федорович (1886 – 1940), преподаватель музыки – 6-8, 10, 51, 54-55, 58, 68, 92, 97, 104, 108, 110, 112-115, 132, 152, [158], 159-163, 166, 170-172, 273, 275
Шишко Мария Владимировна (1922 – после 1930), дочь В.Ф.Шишко – 158
Шишко Наталья Федоровна (1897 – после 1930), сестра В.Ф.Шишко – 158
Шишко Сергей Федорович, брат В.Ф.Шишко, врач – 158
Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947), генерал-лейтенант – 22
Шлихтер, ссыльный анархист в Каргасоке – 254-255
Шмаков Алексей Семенович (1852–1916), юрист, публицист – 155-156
Шмаков Владимир Алексеевич (ум. 1929), инженер путей сообщения, оккультист – 194
Шмидт Наталья Эдуардовна, сотрудник Бухарского музея – 286
Шнеерсон, директор гимназии – 191
Шнейдер Анна Владимировна (1889–1968), актриса – 110
Шопен Фридерик (1810–1849), польский композитор и пианист – 39, 180
Шрейбер Яков Колманович (1906 – после 1930), студент 2-го курса химического ф-та 2-го МГУ – 62
Штейнер Рудольф (1861–1925), основатель антропософского движения – 9, 70, 149-150, 153, 226, 304, 335
Штирнер Макс (наст. имя и фамилия – Каспар Шмидт) (1806–1856), нем. философ – 126, 287
Шторм Георгий Петрович (1898–1978), писатель – 10
Шулешов Ф., полномоченный СПО – 204
Шумский Иосиф Константинович (1863 – после 1941), отец Н.Ю.Суллы-Шумского, пенсионер – 329
Шурр, председатель Узбгосплана – 205-207
Шуссер Александр Г., пианист – 159, 161
Шуссер Алина Генриховна, урожд. Славинская, жена А.Г.Шуссера, аккомпаниатор – 159

Шутенский, заводчик – 19

Шутова Татьяна Алексеевна (1891 – после 1967), жена Д.Д.Дебольского, нейрохирург – 93

Щуцкая Ирина Дмитриевна (1909 – после 1938), жена Ю.К.Щуцкого, анархо-мистик – 305

Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1938), филолог-востоковед – 4, 232, 264, 293-294, 304-306, 308-312, 315-319, 321

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), режиссер театра и кино – 9, 15

Эйхова Мария Викторовна (1905–1980), двоюродная сестра Л.А.Никитина, бухгалтер – 76-77, 105-106

Эленбаум, уполномоченный СПО УГБ НКВД СССР по Крыму–223

Эллис (см. Кобылинский Л.Л.)

Эльцбахер Пауль (1868–1928), историк анархизма – 153, 339, 343

Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882), американский философ, поэт, эссеист – 176

Энгельс Фридрих (1820–1895), основоположник диалектического материализма – 146, 148

Эрманд Роберт З., секретарь ВФАК, затем издатель газеты «Рассвет»–175, 239, 252, 275, 303

Эрманд-Долинин (см. Эрманд Р.З.)

Эртель Михаил Александрович (ум. в начале 1920-х гг.), историк, теософ и антропософ – 335

Юдин, антропософ в Москве – 304-305

Юли, автор книги «Рыцари и короли Грааля» – 119

Явейн Нина Эрнестовна, приятельница О.С.Пахомовой – 194, 197, 267

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), с 1924 г. зам. пред. ОГПУ – 166, 181

Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953), востоковед, специалист по истории Средней Азии – 283

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПН	Академия педагогических наук
АУФСБ	Архив Управления Федеральной службой безопасности
АХР	Ассоциация художников революции
БДТ	Белорусский державный театр
ВИЭМ	Всесоюзный институт экспериментальной медицины
ВК ВС СССР	Военная Коллеги Верховного суда СССР
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	Высшая мера наказания (расстрел)
ВП ГВП	Военный прокурор Главной военной прокуратуры
ВС	Верховный суд
ВСНХ	Всероссийский Совет Народного Хозяйства
ВФ	Вопросы философии
ВФА	Всероссийская федерация анархистов
ВФАК	Всероссийская федерация анархистов-коммунистов
ВХУТЕИН	Высший художественно-технический институт
ВХУТЕМАС	Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
ГАХН	Государственная академия художественных наук
ГБЛ	Государственная библиотеки им. В.И.Ленина
ГИЗ	Государственной издательство
ГИС	Государственный Институт Слова
ГИТИС	Государственный институт театрального искусства
ГЛМ	Государственный литературный музей
ГУВУЗ	Главное управление высшими учебными заведениями
ГУБ	Главное управление государственной безопасности
ГЦТМ	Государственный центральный театральный музей (им. А.А Бахрушина)
ЗиФ	«Земля и фабрика» (издательство)
ЗСК	Западно-Сибирский край
ИЗОРАБИС	Профсоюз работников изобразительных искусств
ИТЛ	Исправительно-трудовые лагеря
КГБ	Комитет государственной безопасности
КОГПУ	Коллегия ОГПУ
КУТВ	Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛО	Литературное обозрение
МББ ж.д.	Московская Белорусско-Балтийская железная дорога
МВО	Московский военный округ
МВТУ	Московское Высшее техническое училище (им. Н.Э.Баумана)
МГБ	Министерство государственной безопасности
МГПИ	Московский городской педагогический институт
МГУ	Московский государственный университет
МИД	Министерство иностранных дел
МОНО	Московский отдел народного образования
Мопленбеж	Московское отделение по делам пленных и беженцев
МХАТ	Московский Художественный академический театр
МХТ	Московский Художественный театр

Список сокращений

МХТИ	Московский химико-технологический институт
МЧК	Московская Чрезвычайная Комиссия
НИИ	Научно-исследовательский институт
НиР	Наука и религия (журнал)
НКВД	Народный Комиссариат внутренних дел
НКГБ	Народный Комиссариат государственной безопасности
НКЗем	Народный комиссариат по делам земледелия и землеустройства
НКИД	Народный Комиссариат иностранных дел
НКПС	Народный комиссариат путей сообщения
НК РКИ	Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции
НКЮ	Народный Комиссариат юстиции
ОГПУ	Объединенное Главное политическое управление
ОО ОГПУ	Особый отдел ОГПУ
ОСО	Особое Сопровождение (при ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ)
ПП	Полномочное представительство (ОГПУ, НКВД) на местах
РАБИС	Профессиональный союз работников искусств
РАХН	Российская академия художественных наук
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	Российская государственная библиотека (быв. Румянцевская, быв. им. Ленина)
РКИ	Рабоче-Крестьянская инспекция
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛКСМ	Российский ленинский коммунистический союз молодежи
РО ГЛМ	Рукописный отдел Государственного литературного музея
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
СК	Северный Край
РФ	Российская федерация
СО ОГПУ	Секретный отдел ОГПУ
СПИ	Секция пространственных искусств (ГАХН)
СПО ГУГБ НКВД	Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД
СПО УГБ НКВД	Секретно-политический отдел Управления государственной безопасности СССР (по краю, области, городу)
УзТАГ	Узбекское телеграфное агентство
УК	Уголовный кодекс
УКО ВКП(Б)	Уездный Комитет ВКП(б)
УНКВД	Управление НКВД (областное)
УПК	Уголовно-процессуальный кодекс
УРО	Уголовный розыск
УСЛОН	Управление Соловецких лагерей особого назначения
ФСБ	Федеральная служба безопасности
ФСК РФ	Федеральная служба контрразведки Российской Федерации
ЦА	Центральный архив
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦИТ	Центральный институт изучения труда
ЦК	Центральный Комитет
ЧК/ВЧКА	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Штазап	Штаб Западного фронта
ЮКУ	Южное курортное управление

Аренский П.А., Завадская В.А., Завдский Ю.А., Клягина М.И.

Аренский П.А.

Барков А.С.

Благодравов А.И. и Дейкун Л.И.

Власенко Б.М.

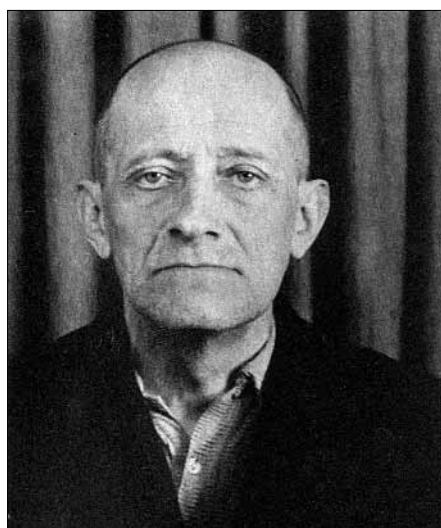
Власенко Е.В.

Завадская В.А.

Завадский Ю.А.

Гориневский Г.В.

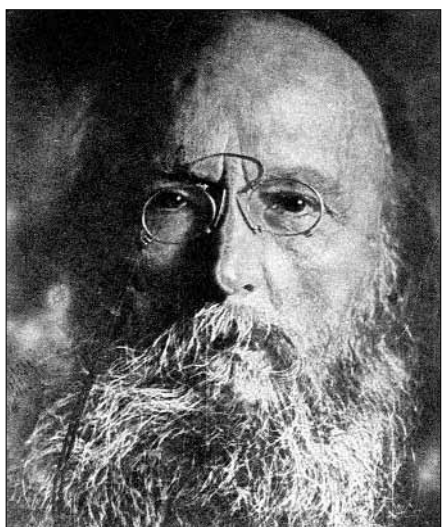
Зеликович Э.С.

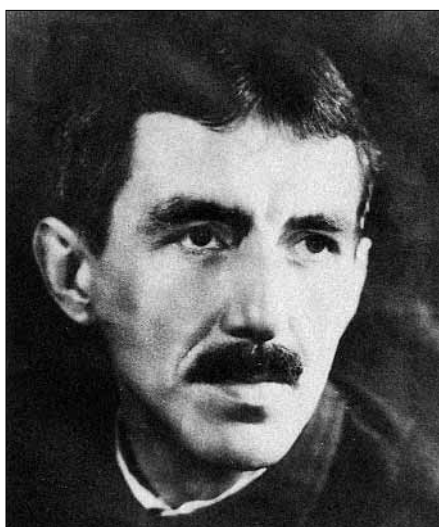
Ивакинская Г.Е.

Иловайская И.Н.

Карелин А.А.,

Кондратьев С.А.

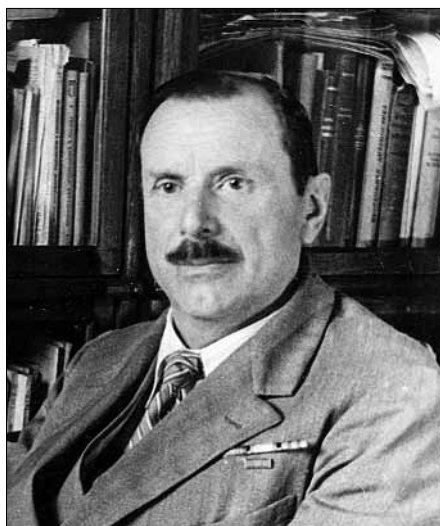
Леонтьев К.И.

Ляшук С.Р.

Лимчер Л.Ф.

Лимчер К.Ф.

Никитина В.Р.

Никитин Л.А.

Никитина Н.А.

Недович Д.С.

Поль Е.А.

Поль А.С.

Проферансова Е.М. и Проферансов Н.И.

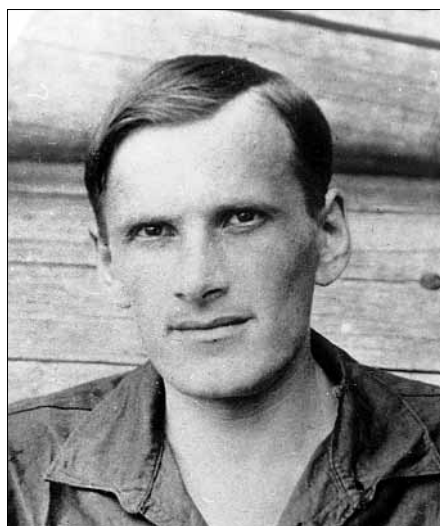
Покровская И.В.

Попова З.С.

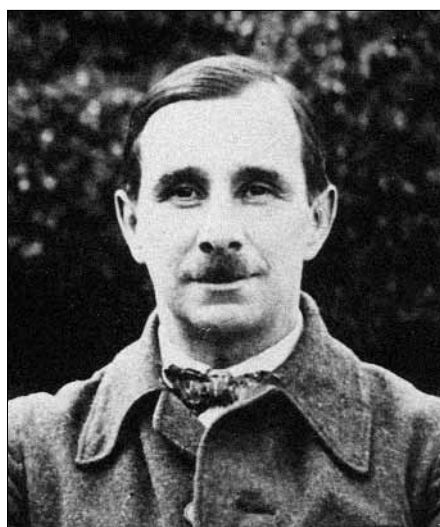
Ростопчин Ф.Б.

Рыгавцев И.Е.

Смирнова Т.Д.

Смирнов Е.Н.

Сидоров А.А.

Смышляев В.С.

Смоленцева А.И.

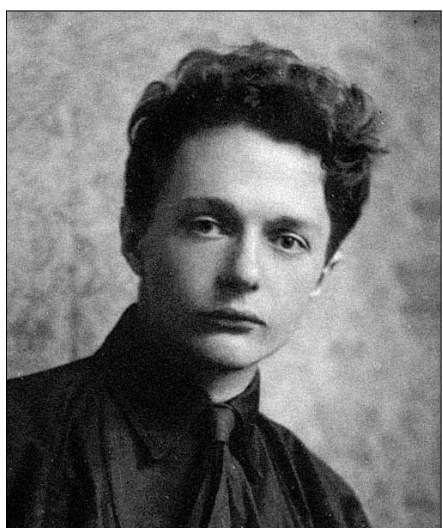
Солонович А.А.

Солонович С.А.

Сулла-Шумский Н.Ю.

Уйттенховен А.В.

Щуцкий Ю.К.

-видит рисунки и письма в этом не
кметическом, а детинском жаргоне от
меня и интересам. Взяв себе мысль
продвигать лабораторно экспериментальную
работу по театральным реализмом известным
художественным образом, связанным с рисун-
-ством вплоть до воссоздания внешних
форм рисунков почитаемых и др. творческих
-ных черт по некоторым изобразитель-
-ным принципам в литературе. Однако, де-
-лать своим искусством на этом плане с
людьми мне, я вынужден был сделать
всего этого, что отражает определенное нево-
-димость учета творческой активности
ряда элементов, связанных с рисунком. По
каждому рисунку почитаемых предвещая
получившему некое творческое стечение и
содержащий, без чего они не могут быть так
скажут оправдан психологически. Делая
длина для создания атмосферы вучебности
в художественный образ. И вот тогда, где го-
-стижению этой, совершенно конкретной тем
взяв себе необходимость с моей точки зрения
известной лабораторной работы над теми же
темными материалами и темами, получившим
способствовать подвигу ряда настроений. Дру-
-гими словами для нас каково целесообразно
применить уже применялись на театре в систе-
-ме Станиславского перед лабораторной введе-
-нием в художественный образ.

Л.А. Никитина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ДЕЛО «ОРДЕНА СВЕТА»	6
Адамова Елена Георгиевна.	16
Показания 15.09.1930 г.	17
Показания 23.12.1930 г.	17
Андреев Александр Васильевич.	19
Показания 10.10.1930 г.	21
Показания 24.10.1930 г.	21
Аносов Григорий Иванович.	22
Показания 14.09.1930 г.	24
Показания 28.12.1930 г.	25
Аскарлов Герман Карлович.	25
Показания 15.09.1930 г.	27
Бем Дмитрий Александрович.	27
Показания 15.09.1930 г.	28
Показания 29.09.1930 г.	29
Показания 21.11.1930 г.	29
Показания 03.01.1931 г.	30
Богомолов Николай Константинович.	31
Показания 14.09.1930 г.	32
Показания 15.09.1930 г.	36
Показания 26.09.1930 г.	37
Показания 14.12.1930 г.	38
Показания 23.12.1930 г.	39
Показания 25.12.1930 г.	40
Бренев Евгений Константинович.	41
Показания 13.09.1930 г.	42
Показания 13.10.1930 г.	42
Показания 21.11.1930 г.	45
Водовозов Николай Васильевич.	47
Показания (б/д)	47
Показания 15.10.1930 г.	48
Гиршфельд Феликс Федорович.	48
Показания 15.09.1930 г.	49
Показания 16.09.1930 г.	50
Показания 21.09.1930 г.	52
Показания 06.10.1930 г.	54
Показания (б/д)	54

Завадский Юрий Александрович.	55
Показания 14.09.1930 г.	56
Показания 23.09.1930 г.	57
Показания 25.09.1930 г.	58
Показания 01.10.1930 г.	58
Показания 05.10.1930 г.	59
Показания 06.10.1930 г.	59
Ильин Георгий Дмитриевич.	60
Показания (б/д)	61
Показания 22.11. 1930 г.	62
Корнилов Петр Аркадьевич.	64
Показания 12.10.1930 г.	65
Показания 12.10.1930 г. (продолжение)	66
Корольков Павел Ефимович.	67
Показания 22.09.1930 г.	67
Показания 24.10.1930 г.	68
Показания 03.01.1931 г.	68
Ладыженский Николай Алексеевич.	69
Показания 16.09.1930 г.	69
Показания 20.09.1930 г.	70
Показания 29.09.1930 г.	70
Показания 31.01.1931 г.	71
Леонтьев Константин Иванович.	71
Показания 14.09.1930 г.	73
Показания 19.09.1930 г.	74
Показания 15.11.1930 г.	75
Леонтьева Надежда Алексеевна.	76
Показания 06.10.1930 г.	76
Показания 28.12.1930 г.	77
Показания 03.01.1931 г.	77
Любимова Варвара Николаевна.	77
Показания 13.09.1930 г.	78
Показания 14.09.1930 г.	79
Показания 25.09.1930 г.	79
Никитин Леонид Александрович.	79
Показания 30.10.1930 г.	80
Показания 11.11.1930 г.	82
Показания 30.11.1930 г.	84
Показания 08.12.1930 г.	86
Показания 03.01.1931 г.	89
Показания 23.01.1931 г.	89
Никитина Вера Робертовна.	91
Показания 30.10.1930 г.	91
Показания 12.12.1930 г.	93
Никитина Нина Александровна.	93
Показания 16.09.1930 г.	94
Показания 23.12.1930 г.	95
Покровская Ирина Владимировна.	95
Показания 13.09.1930 г.	95
Показания 20.09.1930 г.	97
Поль Александр Сергеевич.	98
Показания 15.09.1930 г.	98
Показания 19.09.1930 г.	99
Показания 21.09.1930 г.	100
Показания 25.09.1930 г.	101

Показания 29.09.1930 г.	101
Показания 01.10.1930 г.	102
Показания 09.10.1930 г.	103
Показания 15.11.1930 г.	104
Показания 23.11.1930 г.	106
Показания 30.11.1930 г.	107
Показания 03.01.1930 г.	108
Показания 31.01.1930 г.	110
Поль Елена Аполлинариевна.	111
Показания 24.09.1930 г.	112
Показания 25.09.1930 г.	113
Показания 29.09.1930 г.	113
Показания 30.09.1930 г.	114
Показания 14.10.1930 г.	114
Показания 24.10.1930 г.	115
Показания 30.10.1930 г.	116
Показания 08.12.1930 г.	116
Показания 23.01.1931 г.	116
Показания 13.02.1931 г.	116
Проферансов Николай Иванович.	117
Показания 15.08.1930 г.	118
Показания 24.08.1930 г.	119
Показания 25.08.1930 г.	119
Показания 03.09.1930 г.	120
Показания 04.09.1930 г.	121
Показания 13.09.1930 г.	122
Показания 18.09.1930 г.	124
Показания 29.09.1930 г.	124
Показания (б/д)	124
Заявление 27.12.1930 г.	125
Русов Николай Николаевич.	126
Показания 15.09.1930 г.	127
Рытавцев Илья Евгеньевич.	128
Показания 12.09.1930 г.	129
Показания 05.10.1930 г.	129
Смирнов Евгений Николаевич.	130
Показания (б/д)	131
Показания 23.11.1930 г.	131
Смоленцева Александра Ивановна.	132
Показания 16.09.1930 г.	132
Показания 20.09.1930 г.	133
Показания 25.09.1930 г.	133
Сно Владимир Иванович.	133
<i>Сно В.И.</i> Подробная автобиография.	134
Солонович Алексей Александрович.	140
Показания 14.09.1930 г.	143
Показания 14.09.1930 г. (продолжение)	144
Показания 19.11.1930 г.	144
Показания 25.12.1930 г.	146
Показания 14.01.1931 г.	147
Уйттенховен Александр Владимирович.	148
Показания 04.10.1930 г.	150
Показания 14.10.1930 г.	153
Уйттенховен Ирина Николаевна.	154
Показания 13.09.1930 г.	156

Показания 14.09.1930 г.	156
Показания (б/д)	157
Показания 23.12.1930 г.	157
Шишко Владимир Федорович.	158
Показания 16.09.1930 г.	158
Показания 19.09.1930 г.	159
Показания 01.10.1930 г.	160
Показания 05.10.1930 г.	161
Показания 09.10.1930 г.	162
Обвинительное заключение	162
Выписка из протокола КОГПУ от 13.01.1931 г.	171
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. <i>Юр. Ан-т.</i> Трубадур мистического анархизма	173
2. <i>Н.И. Проферансов.</i> Заявление в Коллегию ОГПУ 27.09.31 г.	176
3. <i>В.Р.Никитина.</i> Дорога на Беломорканал	177
4. <i>Е.А.Шиповская (Поль).</i> Испытание	183
5. Протокол допроса С.А.Поля об «Ордене Света» 06.12.62 г.	188
6. Собственноручные показания Завадского Ю.А. 26.04.63 г.	190
ДЕЛО Л.В.КАФКА И Э.С.ЗЕЛИКОВИЧА	191
Зеликович Эммануил Семенович.	191
Показания 20.02.1931 г.	192
Показания 24.02.1931 г.	193
Показания 19.04.1931 г.	193
Показания 22.04.1931 г.	194
Кафка Людмила Вячеславовна.	194
Показания 21.02.1931 г.	195
Позина Зинаида Лазаревна.	195
Показания 20.02.1931 г.	195
Попова Зинаида Семеновна.	196
Показания 21.02.1931 г.	196
Показания 22.04.1931 г.	197
Обвинительное заключение	197
Заявление Л.В.Кафка в Прокуратуру г. Москвы	199
ДЕЛО Б.М. и Е.В.ВЛАСЕНКО	200
Справка (по делу Власенко)	203
Власенко Борис Михайлович.	205
Показания 17.12.1934 г.	205
Показания 15.01.1935 г.	207
Показания 23.01.1934 г.	209
Заявление от 23.01.1935 г.	210
Власенко Евгения Владимировна.	210
Показания 15.12.1934 г.	210
Показания 03.01.1935 г.	212
Показания 23.01.1935 г.	214
Обвинительное заключение	216
Выписки из Протокола ОСО 27.02.1935 г.	219
Служебная переписка	220
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. Письмо Л.Н.Аксеновой к Е.В. и Б.М. Власенко	220
2. Письмо В.Косова к Е.В.Власенко	221

3. Письмо А.В.Уйттенховена к Е.В. и Б.М. Власенко	.222
4. Выписка из протокола № 10083 от 13.11.34 г.	.223
ДЕЛО А.В.УЙТТЕНХОВЕНА (1935 г.)	.224
Уйттенховен Александр Владимирович.	.225
Справка (на арест)	.226
Опись вещей и документов, изъятых при обыске	.226
Показания 17.02.1935 г.	.226
Показания 20.02.1935 г.	.227
Показания 19.03.1935 г.	.228
Показания 21.03.1935 г.	.228
Обвинительное заключение и последующее делопроизводство	.229
ДЕЛО «ВСЕРОССИЙСКОГО АЛЬЯНСА» (1936–1937 гг.)	.231
Иоффе Иосиф Исаевич	.237
Протокол допроса Иоффе И.И. 26.10.1934 г.	.237
Заявление Иоффе И.И. в НКВД 20.07.1936 г.	.241
Справка на арест Солонович А.О. от 14.10.36 г.	.241
Назарова Екатерина Алексеевна	.243
Показания Назаровой Е.А.03.12.1936 г.	.243
Показания Недовича Д.С. 05.01.1937 г.	.244
Показания Бема Д.А. 05-07.03.37 г.	.245
Показания Бема Д.А. (б/д)	.253
Показания Мокринского М.С. 30.03.1937 г.	.256
Показания Гориневского Г.В. 21.03.1937 г.	.263
Показания Гориневского Г.В. 05.04.1937 г.	.263
Показания Гориневского Г.В. 15.04.1937 г.	.265
Показания Гориневского Г.В. 25.05.1937 г.	.266
Показания Ляшука С.Р. 19.04.1937 г.	.268
Показания Ляшука С.Р. 21.04.1937 г.	.269
Из показаний Губерта М.В. 10.05.1937 г.	.272
Справка (на арест) Аренского П.А.	.273
Показания Аренского П. А. 03.06.1937 г.	.273
Заявление Назарова М.А. от 08.06.1937 г.	.276
Показания Назарова М.А. 26.06.1937 г.	.277
Постановление о предъявлении обвинения Ростопчину Ф.Б.	.279
Показания Ростопчина Ф.Б. 21.02.1937 г.	.280
Из показаний Ростопчина Ф.Б. 11.04.1937 г.	.284
Обвинительное заключение по спецделу № 2149	.284
Заявление Ростопчина Ф.Б. от 09.07.1937 г.	.287
Показания Ростопчина Ф.Б. 13.07.1937 г.	.291
Обвинительное заключение по следделу № 12180	.295
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. Показания Назаровой Е.А. 13.03.57 г.	.296
2. Документы о применении ВМН к Солонович А.О.	.298
ДЕЛО Ю.К.ЩУЦКОГО И А.А.СИНЯГИНА	.304
Обзорная справка по архследделу П-404162	.304
Показания Щуцкого Ю.К. 03.09.1937 г.	.306
Показания Щуцкого Ю.К. 13.09.1937 г.	.308
Показания Синягина А.А. 09.10.1937 г.	.311
Показания Синягина А.А. 22.10.1937 г.	.314

Показания Спарionaпте А.К. 04.11.1937 г.	315
Приговор по делу Синягина А.А.	317
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. Обзорная справка по архследделу № 165596 Николаевой Р.Н.	318
2. Обзорная справка по архследделу № 154160 Спарionaпте А.К.	319
3. Документы проверки дела А.А. Синягина :	
Письмо З.Синягиной на имя Г.М.Маленкова от 27.09.1954 г.	320
Заявление З.Синягиной от 27.09.1954 г.	320
Распоряжение Военной Прокуратуры от 23.09.1955 г.	321
Сообщение о «неустановлении» родственников А.А.Синягина	322
ДЕЛО Д.С.НЕДОВИЧА	323
Из показаний Никитина Л.А. 18.08.41 г.	326
Постановление (на арест) Никитина Л.А. 22.06.41 г.	327
Постановление (на арест) Смирнова Б.А. 22.06.41 г.	330
Из показаний Смирнова Б.А. в 1951 г.	332
Из показаний Недовича Д.С. 27.12.1944 г.	333
Постановление (на арест) Недовича Д.С. 05.10.1944 г.	334
Из показаний Недовича Д.С. 27.12.1944 г.	335
Из показаний Недовича Д.С. 22.11.1944 г.	337
Протокол допроса Дебольского Д.Д. 20.12.44 г.	339
Постановление об определении материалов обыска у Недовича Д.С.	341
Указатель имен	344
Список сокращений	368

Научное издание

МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОРДЕН РОССИЙСКИХ ТАМПЛИЕРОВ

т. II

Документы 1930–1944 гг.

Публикация и составление А.Л. Никитин
Художественное оформление, верстка К.А. Зубченко
Корректор Л.Н. Слепнер
Технический редактор Г.А. Лебедева

Подписано в печать 10.06.2003.

Формат 70x108/16.

Бумага офсетная №1.

Печать офсетная.

Печ. л. 23,5+0,5 л. ил.

Заказ №

Тираж 1500 экз.

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001.

Издательство «МИНУВШЕЕ»: 117292, Москва,

Профсоюзная ул., 12

Тел. (095) 202-06-00, 278-31-79, 268-51-20

E-mail: trivek@mail.ru

Интернет: www.triv.narod.ru

Адрес для переписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 76

Отпечатано с готовых плёнок

в типографии ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область,

г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 5-902073-10-3

9 785902 073109